БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Мюррей ЛЕЙНСТЕР

ЧЕТВЕРТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

**Зарубежная
остросюжетная
фантастика**

МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР

ЧЕТВЕРТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

ТАЛЛИНН "БИБЛИОТЕКА "ЛООМИНГ" 1993

И /США/

ЭЛИТАРНАЯ СЕРИЯ. Издается с 1990 года.

ВНИМАНИЮ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ!

Сериал «Звездные войны» является интеллектуальной собственностью издательства Эстонии и охраняется Законом.

Перепечатка данного сериала с нарушением авторских прав ЗАПРЕЩЕНА!

Нарушители Закона будут преследоваться в судебном порядке в соответствии с межгосударственным соглашением между Эстонией и Россией, а также другими государствами.

МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР

"Четвертые звездные войны". перевод с англ. Составитель А. Саяпин. Таллинн: "Библиотека "Лооминг". 1993, 416 стр. ил. ("Библиотека кримин. и прикл. романа"). Выпуск 11.

Продолжаем издание сериала "Звездные войны". В 11-ом томе мы хотим предложить Вашему вниманию пять "крутых" суперновых космических боевиков, также впервые выходящих в свет на русском языке. Главное место среди них занимает роман М. Фостера "Воины Рассвета". Одна из окраинных планет солнечной системы подвергается загадочному нападению со стороны жестоких воинов, именующих себя Воинами Рассвета. Прекрасно обученные захватчики вооружены новым неизвестным оружием и представляют собой реальную угрозу для существования всей Галактики. Для получения информации о Воинах Рассвета в стан противника засылаются юноша по имени Хан и девушка-супербоец Лизендир Сирт...

В космическом триллере "Космический старатель" знаменитого Мюррея Лейнстера молодой старатель Данн и сестра его погибшего друга находят в космосе несметные богатства - кристаллы, служащие источником ракетного топлива. Но за этими сокровищами охотятся не только они...

Во втором романе этого же автора "Ловушка Проксима Центавра" самый большой из всех построенных землянами военных кораблей впервые рискнул отправиться за орбиту Плутона. За семь лет пребывания в космосе люди стали ненавидеть друг друга и экипаж оказывается на грани бунта. Недалеко от цели их полета - планеты Проксима Центавра корабль подвергается внезапному нападению...

В остросюжетном боевике Уильяма Нолона "Спейс работает по найму" частный детектив, этакий "рубаха-парень" живет по принципу "стреляй первым". В его приключениях по бескрайним просторам Вселенной его соблазняют, пытают, топят, расстреливают...

В супербоевике "Пятнадцать бесстрашных" Генри Престона действие разворачивается в далеком будущем. Четыре могущественные цивилизации владеют всей Вселенной. Но у них есть камень преткновения - небольшая окраинная планета, на которой растет невзрачная синяя трава, за обладание которой Повелители готовы на все. За право обладания этой планетой разворачивается кровопролитное военное единоборство, бойцов для которого можно было набирать на любой известной планете, материализуя их из любого времени. Спроектировав земную историю, один из участников единоборства останавливает свой выбор на 15-ти ее лучших бойцах, возглавить которых предстоит воину - ниндзя..

ТАКИМ ОБРАЗОМ, "ПЯТНАДЦАТЬ ОТВАЖНЫХ" И ДРУГИЕ...

Л $\frac{470310100-4}{904/15/93}$

ISBN 5-7979-0412-8

ISBN 5-7979-0478-0

© Библиотека «Лооминг», 1993г.

ВОИНЫ РАССВЕТА

Часть первая

ЧАЛСЕДОН

Глава 1

Когда начиналась колонизация планеты Сибрайт, земляне выстроили космоцентр с магазинами, складами и ремонтными мастерскими. Затем появились бордели, игорные дома, пивные бары, салуны, антре-пренеры и проститутки. Этот постоянно разрастающийся нарыв на теле планеты люди назвали Бумтаун — как по традиции называли все новые города, основанные на других планетах.

Бумтаун, как и все на свете, со временем изменялся. Он рос, ветшал, перестраивался, исчезал и вырастал заново, передвигался на несколько миль ближе к побережью, возвращался обратно, сгорал в пожарах, разрушался землетрясениями — и вырастал вновь. Теперь, думал Хан, наслаждаясь видом города в ярком утреннем свете, он стал прекрасен, как никогда прежде. Туристы плавали в чистой воде бухты, на берегу которой как бы обнимая ее, раскинулся город. Туристы мечтали найти старинные монеты или что-нибудь в том же духе.

Да, Бумтаун стал очень красивым городом, и сюда даже перебралась часть правительства. Однако жители города обладали чувством юмора, и, несмотря на свою респектабельность, город продолжал называться своим прежним именем — Бумтаун. Так он назывался уже несколько тысяч лет, и любая попытка изменить название кончалась провалом.

Привлеченные названием, сюда в поисках приключений стекались различного рода авантюристы — и не находили их. Бумтаун стал городом красивым, ленивым, роскошным — городом-сибаритом. Люди здесь просыпались поздно, и Хан адресовал этот упрек и себе тоже. Он поспешно допил свой кофе, расплатился с официантом и вышел из полупустого кафе, понимая, что опаздывает.

Направляясь к Мидленхиллу, в деловые кварталы, он думал над тем, что же ему известно. И пришел к выводу, что известно ему очень мало.

Хану было двадцать с небольшим лет. Он был умен, хорошо сложен, пользовался умеренным успехом у ленивых и капризных секретарш Бумтауна и уже почти закончил школу коммерсантов. Директор школы сказал, что если он хочет получить интересную работу, то должен в определенное время явиться в определенный офис на Мидленхилле, войти в комнату 900, и давить. Давить! Это было девизом гильдии коммерсантов. Давить, невзирая на экономические неурядицы, пожары и прочие опасности. В том случае, если ему дадут здесь работу и он справится с нею, он получит диплом коммерсанта, получит лицензию.

И вот теперь он опаздывает. Хан ускорил шаги и перехватил взгляд проходящей мимо прекрасно одетой девушки. Видимо, она спешила на работу. На ней было яркое платье, такое легкое и прозрачное, что давало возможность насладиться зрелищем прекрасной фигуры.

Хан краем глаза взглянул на свое отражение в витрине магазина. Из витрины на него смотрел темноволосый симпатичный парень. Правда, более критичный наблюдатель счел бы черты его лица чересчур резковатыми, но Хан не был настроен критически. Он видел себя стройным, элегантным, уверенным в себе и достаточно красивым. Хан вошел в нужное здание и возле двери с цифрой "900" остановился, чтобы придумать удовлетворительное объяснение для опоздания. Однако он был почти уверен, что оправдываться ему не придется. Все в Бумтауне опаздывали. Приходить раньше или вовремя считалось вульгарным.

Хан постучал и вошел в дверь, которая не скользила, как во всех новых зданиях, а открывалась по-старинному.

Комната была залита ярким утренним светом, проникающим через открытую дверь балкона. Другого освещения в комнате не было. Через дверь балкона был виден Океан, по которому бегали волны с белыми гребешками. Сама комната, не очень большая, была отделана натуральным камнем. Вместо мебели в ней стояли цветочные вазы, в некоторых из них росли миниатюрные деревья, по всей вероятности, очень старые. По отсутствию показной роскоши и вычурности каждый мог понять, что в этой комнате жили леры.

Здесь уже было девять человек, и они, очевидно, ждали его, так как сразу после его появления стали рассаживаться вокруг низкого столика на балконе. Четверо из ожидавших были землянами. Хан сразу узнал их по нетерпеливым жестам и яркой одежде. Остальные пятеро были леры. Они, в отличие от землян, вели себя сдержанно, а на их скромной одежде не было никаких украшений. Это говорило о том, что эти леры занимают высокое положение.

К Хану приблизился грузный мужчина и представился как Екеб Хетрус, региональный координатор. Тут же подошли и другие люди: Дариус Виллакампо, Нури Ормансоглу и Таддес Маребус. Они не называли своих титулов, что заставило Хана быть более внимательным: раз они не упомянули о титулах, значит, эти титулы либо очень высоки, либо

очень низки. Скорее первое, чем второе. Вероятно, они из Службы Безопасности — люди оттуда всегда отличались скрытностью.

Леры интересовали Хана гораздо сильнее, тем более, что они редко встречались в этой части галактики. Как ему и говорили, он не мог отличить леров-мужчин от леров-женщин. Во всяком случае, сначала. И те и другие были похожи на стройных детей, и только на их лицах уже начинали появляться первые слабые признаки зрелости. Все они были почти одинакового роста, примерно пяти футов.

Хан хорошо знал, что леры произошли от людей. Они были результатом проводившейся в раннюю атомную эру программы ускоренной эволюции человека. В результате манипуляции с ДНК осуществлен скачок на следующую стабильную ступень эволюции. Однако после этого проект подвергся критике как со стороны людей, так и со стороны леров, которые к тому времени уже образовали свое общество. В течение нескольких сот лет сосуществовали сотни миллионов людей и несколько тысяч леров. Леры, открыв способ передвижения со скоростью, превышающей скорость света, тайно построили космический корабль и улетели. Однако к этому времени в области разработки новых технологий земляне уже сильно зависели от леров. Поэтому сразу после отлета леров произошла переоценка ценностей. Вскоре леры и люди снова вступили в контакт, правда, не такой тесный, и даже совместно колонизировали несколько новых планет — но все же старались держаться подальше друг от друга.

Хан ощутил нечто вроде трепета, когда ему стали представляться леры. К этому времени люди исследовали более сорока новых миров и еще нигде не нашли разумной жизни. Кое-где попадались следы чужих цивилизаций, но они не поддавались расшифровке, так что леры были для людей чужой расой, иной формой разума.

Первым представился Дефтерхард Сирт. Хан еще со школы помнил бэйсик и поэтому знал, что Сирт — это не имя, а обозначение женщины, для которой пора деторождения осталась позади. Она была очень спокойна, как те огромные камни, которыми была облицована комната. Второй и третий леры были соответственно Вальваркой и Ленкуриан Хаорен. Они были неотличимы друг от друга, но Хан, приглядевшись внимательнее, решил, что это мужчина и женщина. Четвертый лер был спокойным, почти флегматичным, но его темные блестящие глаза светились весельем. Лер ничего не говорил и стоял неподвижно, спрятав руки в карманы.

Пятый, ближайший к нему, лер показался Хану очень молодой женщиной. Она была моложе всех остальных леров. Девушка назвала свое имя: Лизендир Сирт Карен. Так и есть — она молода, даже просто девочка. Примерно от шестнадцати до двадцати восьми — более точно Хан определить ее возраст не взялся бы. Он даже забыл о том, что она представительница чужой расы — он видел в ней просто молодую девушку. У нее было строгое, ничем не примечательное лицо, с маленьким точеным носом и широким чувственным ртом. По земным стандартам ее

нельзя было назвать красивой, но она была привлекательна своей чистотой. Самым замечательным в ее лице были глаза — большие, серые, внимательные. Зрачки были такими большими, что почти заполняли весь глаз. Хан не смог выдержать их взгляд. Он взглянул на Ленкуриан, другую молодую женщину-лера. Да, он не ошибся, Лизендир была гораздо привлекательнее. Волосы Лизендир светло-коричневого цвета, очень красивые по текстуре, были коротко обрезаны — до ушей. По ее манерам можно было сразу догадаться, что она здесь самая младшая.

Хетрус сказал несколько вступительных слов, затем предложил прослушать одну запись и сразу нажал кнопку. Это был разговор некоего коммерсанта Эдо Ефрема. Хан понял, что запись была сделана Службой Безопасности. Само имя ему ничего не говорило, и он предположил, что коммерсант работает не в системе Сибрайт, а в какой-то другой, более отдаленной.

Вот что он услышал:

— Говорите, коммерсант Ефрем.

— Хорошо. Как я уже говорил, я направился к Халседону, чтобы немного поторговать и посмотреть, есть ли там для нас перспективы. Редко кто забирается в такую даль, так что я был уверен, что смогу продать те мелочи, что захватил с собой.

Я прибыл ночью, когда трудно было что-либо разглядеть. Мы сели прямо возле базара и стали ждать утра. Но никто не пришел. Я послал капитана по окрестностям, чтобы он привел кого-нибудь. Спустя некоторое время он вернулся с несколькими людьми. К моему удивлению, здесь были и леры, и люди. Раньше я не летал на Халседон и не знал...

— Да. Мы знаем эту особенность Халседона. Продолжайте.

— Хорошо. Чтобы не говорить долго, сразу скажу, что они подверглись нападению. Мы слышали рассказы о таких нападениях и раньше, но впервые видели свежие следы ограбления. Я облетел всю планету и видел все. Везде разрушения и множество руин. Некоторые руины еще не остыли. Очевидно, захватчики прилетели, ограбили планету и захватили пленных. Они оставались здесь около месяца, а затем неожиданно улетели. На планете уничтожено почти все... Я оставил жителям все, что мог, и помчался обратно со всей возможной скоростью.

— Вам описывали грабителей?

— Да. И это тоже беспокоит меня. Это противоречит здравому смыслу. И леры, и люди заявили, что грабители — леры-варвары. Волосы у грабителей либо обриты наголо, либо связаны в пучки. Одеты они только в набедренные повязки, тела все в татуировке. И они определенно леры.

— Жители уверены в этом?

— Абсолютно.

— А что с пленными?

— Насколько нам удалось выяснить, захвачены в основном люди, и только несколько леров. Сначала местные считали, что пленные взяты с целью выкупа, но чем больше проходило времени, тем вероятнее ста-

новилось то, что пленные захвачены в рабство. Самое странное, что разбойники забирали только жителей определенного типа. Возможно, слово "тип" здесь не совсем правильно. Они применяли слово леров, которое переводится как "субраса", или "тот, кто принадлежит к племени". Они забирали пленников, не считаясь с привычными стандартами красоты или полезности. Именно это и беспокоит меня. Как вам нравится — грабители и рабовладельцы? А кроме того, насколько я знаю, никто не слышал, чтобы леры совершали такое. Они хорошо дерутся, когда приходится, но они никогда не были агрессивными.

— Вы не знаете, каким оружием пользовались грабители? Как выглядели их корабль?

— Нет. Ни того, ни другого. Никто не видел, как они приземлились. И никто не видел корабля. Некоторые, правда, слышали его ночью, но видели только огни. Мне непонятно, чем вызван этот налет. Ведь на Чалседоне всего лишь несколько ферм и шахт. Нет крепостей, нет огромных богатств.

— Известно, откуда они?

— Жители говорят, что они называли себя Воинами Рассвета. Но это ни о чем не говорит. На всех планетах бывают рассветы. Единственное, что я могу предположить,— они издалека.

— На каком языке они говорили?

— Леры Чалседона сказали, что это был весьма искаженный синглспич — единый язык леров. Его весьма трудно понять, а некоторые слова искажены так, что их понять вообще невозможно.

Хетрус выключил магнитофон. Помолчав, он заговорил:

— Эту запись мы воспроизвели специально для Хана и Лизендир. Остальные уже слышали ее раньше... Сейчас я сообщу еще кое-что специально для них, так как остальным все это тоже известно.

Вы уже знаете, что леры возникли в результате форсированной эволюции человека на Земле. После того, как леры сбежали с Земли, они основали мир, который назвали Кентен — Первый Дом. Много лет не было никаких контактов леров с людьми, частично по чисто техническим причинам, частично из-за взаимного недоверия. Когда же эти две расы вошли в контакт, начался долгий период мучительного сближения, который завершился Большим Компромиссом. После этого люди и леры разделили вселенную. Если на планете появлялась колония людей, то леры уже не претендовали на нее, и наоборот. Так длилось много лет.

Иногда возникали конфликты местного характера, которые быстро улаживались. Чем дальше проникали люди и леры во вселенную, тем труднее давалась колонизация. И вот было решено, что пора осуществлять совместное заселение, посмотреть, что получится, когда люди и леры будут жить вместе. И первая попытка увенчалась успехом — это был Чалседон.

Хетрус замолчал, и тут вступила Ленкуриан. Говорила она очень торопливо и очень тихо, почти шепотом. Тем не менее все в комнате прекрасно слышали ее.

— Когда мы прослушали эту пленку, мы, естественно, заинтересовались. Заметим, что бандиты были лерами, хотя откуда они, никто не мог сказать. И поведение леров было абсолютно ненормальным. Все это вызвало у нас беспокойство, и мы очень хотим провести дальнейшее расследование.

Снова заговорил Хетрус:

— Естественно, это расследование должно проводиться тайно. Мы почти ничего не знаем, и, вполне возможно, этот район галактики находится под наблюдением. Вот почему мы выбрали вас двоих. Хан ждет назначения. Лизендир тоже не занята в настоящее время, и каждый может предположить, что вы просто путешествуете.

Разумеется, мы выбрали вас не из-за выдающихся способностей. Может быть, другие были бы лучше, однако у вас больше преимуществ другого плана. У вас у обоих нет семьи, и между вами нет никаких отношений, кроме чисто деловых. Мы приготовили корабль, вооруженный катер... и кос-какой товар. Вы полетите на Чалседон, как бы для торговли, и там продолжите расследование. Ефрем торопился улететь оттуда. Вам торопиться некуда. Вы можете идти по следу, куда бы он ни завел. Вы будете прекрасно дополнять друг друга в работе.

Хан и Лизендир взглянули друг на друга. Она как будто прочитала вопрос у него в голове и спокойно ответила с легким оттенком пренебрежения:

— Я Лизендир, девушка Карен Брейд. Возраст по земному стандарту двадцать шесть лет.

Хану показалось, что, когда девушка заговорила, она сразу потеряла всю свою женственность, стала совсем другой, свирепой, дикой, агрессивной. Он подумал, чему же училась эта девушка. И может ли она так же легко включать свою женственность, как и выключать ее.

Хан сказал:

— Я Хан Киллинг. Могу я спросить, чему ты обучалась?

— Можешь. Я получила фиолетовую степень в Школе борьбы.

Хан вежливо кивнул. Он ощутил, как по его спине пробежала холодная дрожь. Подумайте сами: один с девушкой в долгом путешествии. Девушка-лер — и по земным стандартам в высшей степени сексуальна, что в обществе леров вполне нормально. Это, разумеется, приятно. Но она к тому же специально обученный убийца — тот, кого боятся даже в мире леров. Он снова взглянул на нее. Девушка выглядела вполне по-женски — мягкая, нежная, расслабленная. Кожа у нее была светлая и гладкая. Но Хан прекрасно знал, что она легко может расправиться со всеми, находящимися в этой комнате, изувечить их в мгновение ока... Она была по земным стандартам чем-то вроде человека, великолепно обученного приемам борьбы каратэ и кунг-фу. Кроме того, она пре-

красно владела всеми видами оружия, "не покидающего руки", как говорили леры.

Хан слышал рассказы об этой секте леров. И ему не хотелось проверять на себе их истинность. Он понимал, что не сможет взять верх над этой девушкой, даже имея лучевой пистолет: у нее слишком хорошая реакция. И он решил не общаться с ней совсем. Она, видимо, поняла его мысли по движению лицевых мускулов.

— Хорошо, Хан. Ты знаешь, кто я. Значит, у нас не будет проблем.

Одной из причин, почему леры и люди старались избегать друг друга, заключалась в сексуальной проблеме. Леры считали людей примитивными и не желали иметь с ними ничего общего, даже сексуальных отношений. Леры не могли иметь детей вплоть до окончания юношеского возраста, то есть до тридцати лет, но их сексуальное влечение начиналось с самого детства, с десятилетнего возраста. Они могли заниматься сексом совершенно свободно, так как потомства у них еще не могло быть. Поэтому были разрешены даже родственные связи. Позже, в зрелом возрасте, если и возникала связь между человеком и лером, потомства от этой связи не было. Это предусматривалось самой программой ускоренной эволюции.

Однако леры и люди отличались друг от друга не только физически. Для людей общество леров казалось слишком сельскохозяйственным, слишком статичным и чересчур перегруженным сексом. Леры же считали общество людей слишком механистичным и торопливым. Отношения леров друг с другом были прямыми и честными. Они не старались скрыть своих симпатий и антипатий, как люди. Если приходилось сражаться, то они не уклонялись от борьбы. Однако они не принимали оружия, которое действует на расстоянии, "покидая руку". Именно поэтому они разработали методы борьбы, с помощью которых могли справиться с любым врагом. И, наконец, деторождаемость у леров была чрезвычайно низкой, и поэтому каждый из них был обязан сделать все возможное в этой области. Люди же, напротив, использовали все формы контроля за рождаемостью — и тем не менее планеты, которые они колонизировали, быстро перенаселялись.

После того, как Хан вспомнил все это, он понял, что ему не придется вступать в любовные игры с этой девушкой. Отлично. Пусть она по специальности убийца. Зато он специалист в области торговли, техники, пилотирования корабля. Он злорадно подумал, что она вряд ли знакома со всем этим. Леры не старались давать своим детям широкое образование.

— Я тоже принимаю предложение,— сказал Хан.

Хетрус кивнул. Это же сделали и остальные.

— Хорошо, что вы согласились работать вместе. Вы можете вылететь, как только будете готовы, но мы бы хотели, чтобы это случилось как можно скорее. Корабль уже готов. Он подготовлен и людьми, и лерами. Его название "Палленбер", что в переводе с языка леров означает "Жемчужная волна". Когда будете готовы, сообщите на пункт управления.

Лизендир поднялась с места:

— Я готова лететь хоть сейчас. Быстрее начать дело — значит, быстрее его закончить.

Хан тоже встал. Он думал над названием корабля. Да, название поэтическое, вызывает в мозгу видения кораблей, плывущих по голубому морю под белыми парусами. Но совсем не нужно быть лингвистом, чтобы не понять, что это название вовсе не подходит военному кораблю, предназначенному для уничтожения и разрушения. Было бы лучше назвать корабль "Кость в зубах". Но он сказал:

— Мне еще нужно кое-что собрать, сделать кое-какие распоряжения.

Хетрус перебил его:

— Не нужно, мой мальчик, не нужно. Все, что тебе может понадобиться, уже на корабле. Директор школы коммерсантов позаботится об остальном — о твоих бумагах, о твоих делах. Я уверен, что ты поймешь...

— Другими словами, нечего откладывать,— прервал его Хан.

— Но мы не настаиваем, и оставляем решение за тобой.

— Хорошо. Раз дело обстоит так, я готов. Я тоже хочу закончить с этим побыстрее... — Он говорил это для Лизендир, но она либо пропустила его слова мимо ушей, либо сделала вид, что не слышала...

Группа леров поднялась и ушла без всяких церемоний. Хетрус и остальные люди — Ормансоглу, Маребус и Виллакампо — задержались на балконе, обсуждая какие-то свои дела, которые полностью поглотили их. Хан и Лизендир холодно и критически оглядели друг друга, затем пошли к двери. Лизендир вышла первой, за ней Хан. Догнав группу леров, Хан обратился к тому, который не назвал своего имени при знакомстве.

— Прошу прощения, сэр,— спокойно заговорил он, стараясь говорить так, чтобы их никто не слышал. — Что случилось с коммерсантом Ефремом? И как твое имя? Мне кажется, я не расслышал...

— Ефрем здесь, в Бумтаунс, Хан Киллинг.

По тембру его голоса Хан предположил, что это мужчина. Но по внешнему виду он отличался от остальных леров. Видимо, он прибыл сюда из какого-то весьма отдаленного мира. Лер продолжал:

— Ефрем боится смерти и решил удалиться на пенсию. Можешь поверить, что за свое сообщение он получил хорошую плату. Но мы имеем только то, что он продал. Так что ты можешь не утруждать себя и не ездить к нему. Незачем.

— Хорошо. Вероятно, я нарушил этикет, спросив твое имя?

— Нет, нет. Пантанкан Длан к твоим услугам. Может быть, я смогу помочь тебе в чем-нибудь.

Лер отвечал с легкой иронией, и это заставило Хана подумать, что тот играет с ним. В бесстрастном лице лера чувствовалось скрытое величие, которого совсем не было в лице Лизендир, хотя она всячески старалась показать его. Хан хотел бы поговорить с лером побольше, но

времени уже не было. Пантанкан уже направился к лестнице вслед за остальными, и останавливать его было бы неприлично.

Лизендир ждала Хана в лифте с выражением чрезвычайной скуки.

Хан вошел в лифт. Двери закрылись, и они остались одни. Они избегали смотреть друг на друга. Однако Хан чувствовал, что его спокойствие не может длиться вечно.

Вскоре они уже были на первом этаже и направились к выходу из здания. Лизендир пошла прямо к подземке, соединенной с космопортом.

Хан осмотрел утреннюю толпу, чтобы убедиться, что за ними никто не следит, затем замедлил шаги и подозвал к себе девушку. Она состроила гримасу нетерпения, но все же подошла.

Он сказал:

— Я думаю, что перед отлетом нам следует переговорить с Ефремом. У нас есть время, а эта беседа может дать нам кое-какие идеи, как нам действовать.

— Я не вижу в этом необходимости. Все, что нам нужно, мы знаем. А кроме того, где мы будем искать его?..

— Я не могу поверить, что все это дело так для тебя просто,— возбужденно заговорил Хан. — Но что бы ты ни думала, я иду к нему. Лер, который молчал во время беседы, сказал мне, что Ефрем здесь, в Бумтауне. Мне почему-то кажется, что ты не можешь взлететь без меня, поэтому я прошу тебя сопровождать меня. В противном случае можешь подождать меня на корабле.

— Да? Ты думаешь, что я не смогу заставить тебя повиноваться мне? Ты или слишком глуп, или безрассудно смел. Да, я не могу взлететь. И я не хочу учиться этому. Но я могу сделать так, что ты будешь счастлив повиноваться мне, достаточно мне сделать одно движение, которого даже не заметят эти варвары. — Она с презрением показала на толпы людей.

Хан беспомощно осмотрелся. Он вовсе не хотел злить ее. И он верил тому, что сказала она. Возможно, если бы его охраняли снайперы, укрывшиеся на крышах соседних домов, у него был бы шанс спастись... Но их не было, и ему ничего не оставалось, как воздействовать на нее логикой рассуждений.

— Как хочешь. Но есть еще кое-что, что меня беспокоит, и я хотел бы выяснить это до конца, прежде чем мы отправимся в путь. Ты позволишь мне это?

— Давай. Но не теряй времени.

— Все ваши имена что-нибудь означают, да? Ведь это не просто бессмысленные звуки? И ты знаешь значение каждого имени?

— Разумеется. Мы же не называем друг друга буквами или цифрами!

—А что означает "пантанкан"?

— Чепуха. Это не имя. Это не может быть именем. Это то, что вы называете алфавитом. Это три первые буквы нашего алфавита. Пан. Тан. Кан. ПТК.

— И что это означает?

— Насколько я знаю, такого имени не существует.

— Но этот лер сказал, что это его имя. Может, он пошутил?

— Нет... Имена не предмет для шуток.

— Он сказал, что Ефрем здесь, но мы ничего не сможем узнать от него.

— Он сказал это при всех?

— Нет, мне одному. Ты в это время ждала меня в лифте. Он называл свое имя, когда меня не было?

— Нет, не называл. Мы не спрашивали, раз он сам не хочет называть его. У нас имя — это нечто личное... Но... впрочем, ладно. Мы пойдем к Ефрему. Но командовать буду я. Я думаю, что здесь какая-то западня. — Последние слова она произнесла почти дружеским тоном.

— Значит, "Алфавит" заманивает нас туда.

— Нет. Это приманка для тебя. Я не должна была бы интересоваться этим, а ты не должен был бы говорить мне об этом, а если бы и сказал, то не смог бы убедить пойти. Нет, я уверена, что западня рассчитана на тебя. Молодец! Ты гораздо умнее, чем показался мне с первого взгляда!

К их удивлению, адрес Эдо Ефрема быстро нашелся в телескане-ре. И жил он совсем недалеко. Хан хотел сначала позвонить ему, но Лизендир настаивала на крайней осторожности. Он согласился, и они двинулись в путь.

По дороге Лизиндир делала беглые замечания о недостатках городов людей, отмечала те места, где, по ее мнению, следовало бы создать укрепления, необходимые во время уличных боев. Она была весьма сведуща в этом вопросе. Хану было не по себе, когда она хладнокровно рассуждала об этом.

Когда они подошли к дому, где жил Ефрем, она остановилась и задумалась. Затем спросила:

— Если ты собираешься нанести кому-нибудь визит, как ты это делаешь?

— Вхожу в дверь, сажусь в лифт, затем встаю перед дверью и говорю, кто я. Если получу разрешение, вхожу.

— Здесь есть лестница?

— Да.

— Тогда поднимайся по ней.

Когда они поднялись на нужный этаж, Лизендир предупредила Хана:

— Позвони. Только держись как можно дальше от двери. Я поддержу тебя.

Хан сделал так, как потребовала она: позвонил, затем резко рванулся назад. Она схватила его за руку. Хан удивился — у нее была мягкая холодная женская рука, и в ней совершенно не ощущалось сверхъестественной силы. Пальцы узкой ладони держали его за руку

без напряжения, но Хан понимал, что вырваться их этого захвата он не сможет.

Приятный голос сказал: "Пожалуйста",— и дверь бесшумно отворилась. Хан пошел было вперед, но Лизендир, не слишком ласково, потянула его обратно. Он посмотрел на нее. Девушка жестикулировала ему: она приложила палец к губам, показала на глаза, на лоб и повертела пальцем. Хан понял смысл сигнализации: молчи, слушай и смотри.

Лизендир подошла к двери, легла на пол и просочилась — невозможно было подобрать другого слова для ее движения — в дверь. Затем она приподнялась и сделала легкое движение рукой. Тотчас же в комнате что-то зашипело, и в стену коридора что-то ударилось с мягким звуком. Хан хотел было подойти к Лизендир, но она тихо сказала:

— Нет. Стой на месте!

Прошло несколько долгих минут. Лизендир лежала, распластавшись на полу. Снова послышалось шипение, и снова мягкий удар в стену. Девушка одним легким движением поднялась на ноги и метнулась в комнату. Вскоре Хан услышал ее голос:

— Теперь можешь войти.

Он осторожно вошел в комнату. Лизиндир стояла против двери с пистолетом, какого Хан никогда не видел. Он был отлит из одного куска темного, тяжелого металла. В корпусе пистолета слышалось шипение. Ствол был длинный и узкий, расширяющийся на конце наподобие башмака. Возле стены лежал труп.

— Это дьявольская штука,— сказала Лизендир. — Спусковой механизм пистолета был соединен с дверью. Кроме того, он приводился в действие таймером. Правда, я не смогла найти здесь ни радара, ни сонора. — Она показал на дуло. В нем было маленькое отверстие. — Я уже разрядила его. Пистолет стреляет с помощью сжатого газа маленькими ампулами, растворяющимися в теле. В ампулах содержится сильнодействующий яд. Это ужасное оружие, но, к счастью для нас обоих, оно пригодно для стрельбы только на небольших расстояниях.

Девушка открыла магазин пистолета, достала оттуда тонкую прозрачную иглу и положила ее на стол, чтобы Хан мог рассмотреть ее. Хан протянул к игле руку, но Лизендир остановила его:

— Не нужно. Это опасно. Она может сработать от прикосновения.

Хан кивнул и повернулся к трупу.

— Нет,— сказала она,— возможно, он тоже попал в ловушку. От него мы ничего не узнаем. Мы можем вызвать полицию прямо с корабля, хотя лучше было бы позвонить Хетрусу, во всяком случае, нам нужно поскорее убраться отсюда. Я чувствую опасность. Эта комната вся наполнена ловушками.

Они осторожно вышли.

— Может, взять пистолет с собой? Он мог бы нам пригодиться.

— Если хочешь, возьми. Но не проси, чтобы я прикоснулась к нему еще раз. Я потом тебе все объясню... Но не здесь. Нам нужно торопиться. Кто-то хотел заманить тебя в эту комнату. Может, для того, чтобы убить, а может, для того, чтобы обвинить в убийстве.

Хан согласился с ней. Он сунул пистолет в карман, и они быстро вышли из квартиры.

Глава 2

Лизендир была напряжена все время, пока они добирались до космопорта. Она не смогла полностью расслабиться, даже когда они поднялись на корабль и взлетели. Перед взлетом она тщательно осмотрела весь корабль, проверила все отсеки, трапы и прочее. Но только через несколько дней полета она сказала, что "Палленбер" чист. Хан согласился с ней, хотя в душе сомневался. В свете того, что произошло, это казалось маловероятным.

Однако он был занят все эти дни, проверяя запасы провизии, количество товаров для торговли и оценивая состояние оружия. Несколько раз он выходил на связь с Хетрусом, в результате чего они узнали, что в квартире оказался труп Ефрема. Что касается лера, то о нем ничего не удалось выяснить, как и о западне, устроенной в квартире. Хетрус был очень заинтересован и проделал большую работу. Однако он так ничего и не смог выяснить. Леры, которые присутствовали во время беседы, тоже ничего не знали.

Тем временем корабль вошел в субпространство. Хан установил курс, и потянулась рутинная работа. Было решено, что во время полета один из них всегда будет бодрствовать. Лизендир не была в восторге от того, что ей пришлось учиться управлению кораблем, но она перенесла это стоически. Она даже согласилась, поступившись своим высокомерием, разбудить Хана, если произойдет что-то необычное. Хан, разумеется, не ждал ничего, что потребовало бы его вмешательства, но осторожность никогда не помешает.

Интересно, подумал он, как она будет будить его, если возникнет необходимость? Может, она использует свое искусство, после чего он уже будет не в состоянии что-либо сделать? Да нет. Вряд ли она пойдет на это без особых причин. Она будет действовать в полном соответствии с общепринятыми правилами поведения.

Однако через несколько дней он выяснил то, что его волновало. Была его очередь спать, но он проснулся раньше и лежал в полусне в своей каюте. И вдруг он ощутил, что в каюте находится кто-то, и этот кто-то молча смотрит на него. Он лежал и ждал. Спустя некоторое время, которое показалось ему вечностью, Лизендир наклонилась над ним и

мягко, даже нежно, положила ему руку на плечо. Хан почувствовал слабый запах. Это был ее запах, а не запах ароматических веществ. От него кружилась голова. Он кивнул, стараясь сделать вид, что он спал, и она разбудила его. Хан надеялся, что она ничего не заметила.

— Уже пора?

— Нет. Я разбудила тебя раньше. Мне стало скучно и захотелось поболтать. Мы не приспособлены для одиночества. Понимаешь?

— Да-да, конечно. Я чувствую то же самое. Но я не хотел оскорблять тебя, предлагая то, чего ты не хочешь.

Это был намек на ее высокомерие. Если она и поняла его, то не показала виду.

— Хорошо. Я буду ждать тебя в рубке корабля.

Она повернулась и вышла так же бесшумно, как и вошла. Хан в очередной раз восхитился ее грацией. Сначала он не замечал ее совсем, но время шло, и легкость, бесшумность ее движений все чаще привлекали его внимание. Она двигалась без всяких видимых усилий, как течет ручей среди стволов деревьев... Но Хан понимал, что ее движения не были бы так отработаны, если бы многие поколения до нее не отрабатывали их.

Мысли Хана потекли дальше. Это была вовсе не такая девушка, с которыми он имел короткие и ни к чему не обязывающие связи. У Лизендир были женственные, соблазнительные формы тела, в чем он имел уже возможность убедиться. Хотя ее одежда была предназначена все скрывать, на самом деле она только открывала, вернее, намекала, возбуждала эротические желания. Он был уверен, что, с точки зрения леров она была хороша, молода, соблазнительна. И конечно, легко доступна — разумеется, при обоюдном желании сторон. Однако для него все обстояло совсем не так.

Тут Хан прервал себя. У него были сильные подозрения, что в этом плане ему с Лизендир ничего не светит. Он даже не знал, может ли что-нибудь быть между ними, эмоционально или физически. Сексуальность леров была хорошо известна людям, но о связях между ними говорили редко. А те немногие рассказы, которые он слышал, носили отпечаток детских выдумок. Ведь воображение детей, особенно в области сексуальных отношений, совершенно оторвано от реальности.

Хан оделся, причесал бороду и направился в рубку. Одна из стен комнаты, самая большая, была экраном преобразователя, на котором высвечивалось реальное пространство, когда корабль двигался в субпространстве. Преобразователь мог перестраиваться в широком диапазоне частот и сейчас был настроен на спектр зрения леров. Рубка освещалась только свечением экрана и других приборов. В экране была видна тьма космоса, усыпанная звездами, которые в углах экрана заметно перемещались. Лизендир сидела в кресле пилота и смотрела на открывающийся перед ней спектакль. Если она и заметила Хана, то не подала виду.

— Ты когда-нибудь летала раньше?— спросил он, чтобы начать разговор. Он прекрасно знал, что она летала, ведь как-то же она должна была добраться в систему Сибрайт.

— О, много раз. Но еще никогда я не видела таких чудес,— восторженно сказала она. После короткой паузы она продолжала:

— Эта бесконечность и притягивает меня и беспокоит. В ней заключено столько, сколько никто узнать не сможет. Сейчас я понимаю, насколько я ничтожна.

Хан согласился, но только частично. Он не мог понять, почему на нее так подействовала бесконечность пространства. Какая разница, где ты находишься, в глубинах бесконечного космоса или же на поверхности планеты, если ты все равно существо, живущее и работающее в ограниченном интервале времени. Но он ответил:

— Да, это потрясающее ощущение. И тем не менее мы должны делать то, что нам предназначено.

— У меня дома, на Кентене, наш иос, где живет наше племя, находится возле моря. Вокруг иоса громоздятся горы, дикие, непроходимые. Я часто смотрю на море из нашего сада. Волны, игра света, постоянно меняющийся ветер — все это создает ощущение безвременности. Море говорит мне: я здесь, меня ласкает ветер, меня любит свет. Я была здесь до того, как леры пришли на эту планету, и буду здесь после того, как они уйдут отсюда. Волны развлекают меня своей бесконечной игрой.

И она снова замолчала, поглощенная бескрайним мраком космоса и мириадами сверкающих звезд. Хан попытался представить ее родную планету, но не смог. Он знал о клановой структуре общества леров, но не мог вообразить себе это.

Клановая структура общества леров, так называемая "брейд", диктовалась низкой рождаемостью — примерно два ребенка на весь период способности женщины производить детей, длящийся десять лет. Но здесь играли важную роль и другие элементы: например, долгий период высокой сексуальной активности без рождения детей, который делал отдельного индивидуума независимым и одиноким по своей природе, или короткий период деторождения с длительным сроком беременности в восемнадцать месяцев. А кроме того, в построении структуры общества сыграли большую роль их первоначальная малая численность и бедный набор генов. Существующие на Земле модели общества не удовлетворяли леров, и они изобрели свою, которая позволяла расширить набор генов и как можно более полно использовать возможности деторождения. Эта модель была совсем не похожа на человеческие, основанные на наследственности, кровном родстве. Модель леров объединяла социальную структуру общества весьма сложным способом.

Клан начинался с пары — мужчины и женщины одного возраста в периоде деторождения. Они производили на свет ребенка — нера - старшего. В возрасте тридцати пяти лет мужчина и женщина находили себе

партнеров. Каждая пара производила ребенка — тура - среднего. После этого первоначальная пара соединялась и производила на свет последнего ребенка — теса - младшего. Все они жили вместе под одной крышей.

В период деторождения те дети, которые не были кровно связаны между собой, составляли ядро следующих поколений. Неры и тесы образовывали другие кланы. Таким образом, каждое поколение разделялось на три ветви. Этот процесс расширял набор генов и предотвращал вырождение.

Как только новое поколение вступало в период деторождения, первоначальная пара могла оставить все дела в клане в руки молодых и жить по своему усмотрению. Некоторые оставались в клане, некоторые уходили.

Вот так строилась структура общества леров, и лишь немногие из землян могли похвастаться, что понимают все сложные взаимоотношения между лерами. На некоторых планетах люди пытались воспроизводить модель общества леров, но это никогда долго не продолжалось. Слишком различными были эмоциональные, сексуальные и, в особенности, материальные отношения. Структура, изобретенная лерами, служила максимальному использованию деторождаемости. В случае людей эта структура действовала как бензин, подливаемый в огонь.

— Расскажи мне о своих друзьях, своей семье, своем клане. Что ты изучала в школе? Мне кажется, что ты обо мне знаешь намного больше, чем я о тебе.

Она отвернулась от него.

— Ты знаешь, что я — нер. Я закончила школу, но я еще не достигла возраста, когда могу начать новый клан. Я была главой дома — как у вас старшая сестра для младших детей. Но моя главенствующая роль постепенно сходит на нет. Мои младшие братья — Деллиран и Фоллиран — слушаются меня, но они прекрасно знают, что им нужно только ждать. У вас старшие руководят всеми. У нас младшие завладевают всем — домом, титулом. Даже родителям приходится уходить, когда дети вступают в период деторождения.

— Куда ты решила уйти? Почему они не дали тебе остаться?

Она рассмеялась — тихо, спокойно. Хан впервые слышал ее смех. Это доставило ему удовольствие.

— О, это зависит только от меня. Я свободна и могу делать, что хочу. Старшие тоже свободны. Некоторые собираются в маленькие общины, коммуны, хотя это не совсем то, что у землян. Другие занимают посты в правительстве или занимаются бизнесом. И лишь немногие становятся Мнатами — мудрецами. Эти живут поодиночке, реже парами, в лесах или горах.

Хан слушал все это с удивлением. Он всегда считал, что у леров существует понятие брака, совместного проживания. Оказалось, что все не так, что отношения между лерами регулируются более сложными и жесткими правилами. Однако он все еще не был удовлетворен.

— Все это хорошо,— сказал он,— но как насчет бедных и богатых? Или у вас их нет?

Она ответила, не задумываясь. Видимо, она или не замечала сарказма, или же вообще не воспринимала его.

— О, у нас есть и бедные, и богатые. Но это относится не к отдельным личностям, а к клану. Когда ты уходишь из клана, ты берешь только немногие личные вещи. Мы знаем, что собственность порабощает... Иногда некоторые леры приобретают очень много, но в конце концов все переходит в общую собственность.

Теперь относительно правительства. Ты знаешь, что каждый клан у нас выполняет определенную функцию? Одни пекут хлеб, другие строят дома, и так далее. Существует клан, члены которого занимают определенные ключевые посты в правительстве. Они специально готовятся к этому. А мы, Карены, выполняем функции, подобные тем, чем у вас занимаются полиция и суд. Законы у нас просты, так как мы, как и все, презираем нечестность. Поэтому я изучала законы и различные методы наказания. А кроме того, философию, так как только умный человек может взять на себя обязанность судить и наказывать.

— Значит, ты хорошо знаешь структуру общества леров?

— Конечно. А ты любишь, когда тебе читают?— неожиданно спросила она. — Я могу почитать тебе "Книгу Закона", "Путь мудрости", "Комментарии четырнадцати мудрецов". В ней собраны высказывания четырнадцати поколений моих предков. Я могу назвать тебе их имена.

Хан засмеялся:

— А что еще?

Лизендир задумалась на мгновение. Затем лицо ее прояснилось, и она сказала:

— Если наше путешествие будет долгим, я могу научить тебя нашему языку синглспич — обычному языку. Мультиспич тебе не постигнуть, но я могу рассказать тебе о нем, так как я специалист и в том, и в другом языке. Кроме того, я могу научить тебя скользящим цифрам, которые бывают очень полезны.

— Скользящие цифры.

— У нас нет фиксированной системы исчисления, как у вас десятичная и двоичная. Мы меняем систему в зависимости от необходимости. Мы не последователи Аристотеля, и поэтому мы уверены, что действительность не может быть характеризована конечным числом категорий. Теоретически мы можем использовать любую систему, но мы ограничиваем себя лишь несколькими: шестеричная, десятичная, четырнадцатиричная... Наиболее распространена система с основанием девяносто четыре.

— Но к чему это?

— На это есть две причины. Во-первых, чтобы распространить неаристотелизм на все, и во-вторых, чтобы дети не считали по пальцам. Мы

хотим, чтобы они с самого начала полностью абстрагировались, тогда потом им будет легче.

Она протянула свою руку, чтобы Хан смог рассмотреть ее. Это была красивая, сильная рука. Она была похожа на руку человека, только гораздо уже, и мизинец двигался, как большой палец. Лизендир не имела на пальцах никаких украшений. Розовые ногти были коротко и аккуратно подстрижены. У основания среднего пальца виднелась татуировка — чем-то похожая на древние китайские иероглифы Инь и Янь.

— Что это означает?— спросил Хан.

— Она означает степень, которой я достигла в своем ремесле.

— Знак очень похож на китайский иероглиф. Вы что-то взяли от них?

— Да. Кое-что мы заимствовали. Например, язык. Синглспич — это модель китайского языка, но мы, разумеется, не копировали их грамматику и фонетику. Каждый корень в синглспиче имеет три части: согласованная — гласная — согласная. И каждая такая комбинация имеет четыре значения. Но, в основном, мы базировались на английском, так как на нем говорит большинство людей. К тому же нам не нравится интонирование, без которого китайский язык невозможно понимать однозначно. Можно сказать, что мы использовали их идеи, но на другом материале. Говорят, что рассматривался даже русский язык, который одно время был распространен на Земле, но затем стал мертвым языком. Однако сам строй этого языка, его структура оказались слишком примитивными, как и народ, говоривший на этом языке.

Хан хотел возразить, но она не дала ему возможности, продолжая говорить:

— Мы взяли от китайцев очень много. Главное — веру в то, что все меняется, в то, что все, имеющее начало, должно иметь конец. Их на Земле считали отсталыми, но их общество существует гораздо дольше, чем любое из обществ, верящих в металл и камень, верящих в неизменность. Кто имеет надежды, тот будет жить вечно.

Хан поднялся, прошел на кухню, заложил программу в кухонный автомат и вернулся. Теперь они говорили о людях. Хан сразу ощутил некоторую неловкость из-за того, что он ничего не знал о своих предках. А Лизендир помнила о своих все. Странно: ведь общество леров считалось старомодным, консервативным, статичным, примитивным. И тем не менее они создали без всяких усилий такую технологию, уровня которой на Земле все еще не могли достичь. Но как общество они совершенно не менялись со временем. Их общество было на удивление однородным, леры с разных планет говорили на одном и том же языке и придерживались одинаковой социальной структуры. Люди же непрерывно менялись и мало походили друг на друга.

Своих предков Хан знал только до прадеда, который неизвестно откуда прибыл в Бумтаун и стал коммерсантом. Кажется, что он прибыл

с Терсинга. Но где его предки жили до этого, Хан не имел понятия. Впрочем, какая разница?

Хан смотрел на Лизендир и понимал, что, хорошо узнав девушку, он сможет предугадать поведение любого лера. Конечно, леры, как и люди, отличаются друг от друга, но в гораздо меньшей степени. Спектр характеров людей гораздо шире, чем у леров.

Еще одним барьером, препятствующим взаимоотношениям Хана и Лизендир, была религия. Он описал религиозные воззрения людей, надеясь узнать что-нибудь о религии леров. Правящий класс в человеческом обществе всегда более или менее терпимо относился к религии, которая в данный момент занимала умы людей. Религия была как бы константой в человеческих отношениях со времен Гильгамеша. Правда, религия, как и само человеческое общество, менялась со временем.

О религии леров — или ее отсутствии — люди почти ничего не знали. Правда, время от времени появлялись труды о предположительных верованиях леров, но более тщательное изучение их указывало, что представленные теории в большей степени характеризуют воззрения авторов, чем истинное положение вещей. Хан не смог ничего узнать и от Лизендир, которая искусно уклонялась от обсуждения этого вопроса. Единственное, что он выяснил, — это почти религиозное отвращение к оружию, действующему на расстоянии. Вроде пистолета, который они нашли в квартире Ефрема. Хан вспомнил, с каким нежеланием она держала его в руках, а когда Хан захотел взять его с собой, она только пожала плечами, явно не желая иметь с пистолетом ничего общего. Она сказала:

— Ни один лер не может касаться нечистой вещи. И особенно Карен.

При этом она сделала любопытный знак левой рукой — видимо, аналогичный тому, какой делали люди при упоминании дьявола. И это было все, что смог узнать Хан.

После этого разговор перешел на сексуальные темы. Хан вовсе не хотел касаться их, но это оказалось неизбежным. Напряжение между ними росло, и источник его был очевиден. Хан не был новичком в этом деле, и он вовсе не стыдился того, чем занимался, но говорить об этом... Однако девушка с большим оживлением обсуждала свою жизнь со всеми подробностями.

Сначала они просто обменивались невинными историями, но становилось все яснее и яснее, что они во многом отличаются друг от друга.

— Я удивляюсь тому, что вы, люди, ждете так долго. У нас все наоборот. Я расскажу тебе, как было со мной, но не для того, чтобы удовлетворить твое любопытство, а для того, чтобы кое-что прояснить для себя. Видишь ли, по нашим понятиям, я слишком задержалась в сексуальном развитии. Дети у нас совершенно свободны, они могут желать, чего хотят, и ни в чем не знают запрета. В хорошую погоду мы все ходим голые. И всегда можно увидеть голых юношей и девушек, игра-

ющих в любовь на песчаном пляже. И никого это не интересует. Но приходит время, и тебе самому хочется попробовать этого.

Она замолчала, как бы пробуя на вкус свои воспоминания, и слабо улыбнулась.

— Как я сказала, я несколько задержалась. Все мои друзья буквально упивались своими новыми ощущениями, которые они получали от своих подруг. Но я еще не могла понять их. Однажды мы купались в море. Было очень жарко. И один мальчик, Фитгвин, очень красивый, взял меня за руку и повел на пляж. Я чувствовала себя очень странно. Я видела, что он тоже был не таким, каким я видела его всегда. Но я только ждала.

Он сказал: "Лизенди, давай делать любовь вместе".

Впервые меня назвали любовным именем. Ведь до этого мы пользовались только первым слогом имени. Я сказала, что я не умею. Он ответил, что покажет. Мы поцеловались, и легли на теплый песок. Некоторые смотрели на нас, некоторые нет. В этом не было ничего интересного. Всего лишь двое, которые занимались любовью. Но для меня это было совершенно новым ощущением. Я не могла понять, как жила до этого, не зная столь сладостных ощущений. И я, конечно, любила Фитгвина.

Потом я хотела рассказать о своих ощущениях. Но кому? Мои друзья посмеются надо мной, ведь они давно знают это. Тогда мне было уже десять лет, а они начинали лет с девяти. Поэтому я рассказала матери. Та была счастлива. Ее очень беспокоило мое позднее развитие.

Но я быстро научилась. Сначала это была просто игра, забава. Затем ты влюбляешься, раз за разом. Это чудесно, это прекрасно, это как сон.

Вендьор был моим последним любовником. Мы долго жили вместе и надеялись, что сможем остаться вместе навсегда. Правда, и у меня, и у него были и другие любовные связи, и мы не скрывали их друг от друга. Ведь когда мы будем взрослыми, мы не должны ревновать — в иосе не может быть места ревности. Нужно научиться преодолевать ее в юности.

Школа была закончена, Вендьор уехал домой, где его ожидали. Я сначала ждала его, но время шло, и мои иллюзии кончились. Я больше никогда не смогла обнять его. — Она глубоко вздохнула.

Хан, в свою очередь, рассказал ей историю своего любовного приключения, когда он думал, что жизнь для него на земле кончилась. Правда, потом были и другие связи, но дальше было легче. Однако он признал, что начал гораздо позже ее, и не смог сравниться с ней количеством связей.

— Я понимаю, почему вы столь осторожны. Для нас это просто развлечение, ведь в этом возрасте мы не можем родить. Мы расплачиваемся за расставания лишь своим сердцем. У вас же совсем другое дело. Одна ошибка — и вся жизнь может оказаться мучением, да?

— Да,— единственно, что мог ответить Хан.

— Твое имя очень похоже на имена леров. И я могла бы назвать тебя Хан. Но твое односложное имя обычно носят у нас дети. Должна признать, что в тебе нет ничего детского.

— Я солгу тебе, если скажу, что не считаю тебя очень привлекательной, несмотря на все наши отличия,— нерешительно сказал Хан.

Лизендир откинулась в кресле, лицо ее стало лукавым, и она посмотрела на Хана таким взглядом, что он потерял контроль над собой. Она в одно мгновение стала прекрасной, в мягком свете звезд и экрана. Хан не мог преодолеть желания держать в своих объятиях это стройное гибкое тело, которое не могла скрыть свободная одежда.

Она заговорила мягким голосом, какого он никогда не слышал от нее и который удивительно сочетался с ее лицом, обещавшим таинства любви, с ее широким чувственным ртом:

— Да, я ощущаю то же, что и ты... Но это меня пугает, хоть мы физически и совместимы с тобой. У нас говорят, что не следует заниматься любовью с людьми, и это правильно, так как леры гораздо более сексуальны, чем люди, и им нужно гораздо больше любви. Но все же ты мужчина, и довольно привлекательный, несмотря на твою волосатость. — Она коротко рассмеялась, затем посерьезнела.

После долгой паузы она сказала:

— Тебе не следует касаться меня. Мы, леры, очень сексуальны, а я к тому же долго была без мужчины, и во мне очень сильное желание. Поэтому мы с тобой не должны делать этого, Хан. — Она встала и отвернулась. — Теперь твоя очередь дежурить. Я сделаю свои упражнения и лягу спать.

Когда она была уже у двери, Хан сказал:

— Но ты так и не сказала мне, что означает твое имя.

Она удивленно оглянулась:

— Ты сам не знаешь, о чем спрашиваешь. Но это не тайна. Оно означает "бархатная ночь". Лизендир — это мягкое ночное небо, чистое, как будто над планетой нет воздуха и на котором сквозь легкие и прозрачные облака просвечивают звезды. Обычно такое небо мы видим зимой.

Хан пожал плечами:

— Это некоторый прогресс. Теперь мы знаем друг друга немного лучше.

Лизендир смотрела на него с непроницаемым видом. Затем она сделала жест отрицания:

— Никакого прогресса. Только небольшое изменение. — И она исчезла за дверью.

Глава 3

Остаток их путешествия до Чалседона прошел в полном молчании. Но все же между ними оставалось что-то незаконченное, нерешенное, что при других обстоятельствах не составляло бы никакой проблемы.

Хан, несколько обескураженный своей реакцией на Лизендир, старался сдержать себя и, как ему казалось, облегчить положение Лизендир тем, что отпустил большую бороду. Бороды были редким украшением людей в эту эпоху, и только коммерсанты нередко ходили с бородой. Сначала борода росла медленно, а затем внезапно стала большой, шелковистой и более темной, чем его волосы на голове. Хану чрезвычайно нравилась борода, и он проводил много времени, ухаживая за ней.

Лизендир была разочарована, как он и ожидал. Ведь мужчины-леры не имели растительности на лице, как, впрочем, и на всем теле... Хана чрезвычайно волновала мысль об этом, так как он предполагал, что и Лизендир тоже не имела волос на теле. Вероятно, заниматься с ней любовью — все равно что иметь дело с ребенком. Но когда он видел ее умные, все понимающие глаза, ее мягкие женственные движения, он тут же отбрасывал эту мысль.

В свою очередь, Лизендир старалась говорить с ним только о деле, стараясь не касаться скользкой темы. Однако для нее это было состояние кролика, который притворяется, что не любит капусту. Она раньше никогда не подавляла своих желаний и теперь поняла, что это великолепное упражнение для самоконтроля.

Чтобы провести время, Хан обучал ее тому, как управлять кораблем. Он понимал необходимость этого, так как может возникнуть ситуация, когда один из них должен будет управлять кораблем, а другой работать с оружием, которого на борту корабля было много. И он понимал, что она не будет пользоваться этим оружием, по своим, ему непонятным, причинам. Согласно документам, их корабль считался вооруженным торговым кораблем. Хан знал, что, хотя это допускается законами, вооруженных торговых кораблей в этой части космоса давно не было.

Работая с Лизендир, Хан спросил ее, как ведут войны леры, если не пользоваться оружием, не покидающим руки.

— Леры ведут войны, хотя вам, людям, они могут не понравиться. "Испытай войны леров — и ты станешь пацифистом",— так гласит одна из наших пословиц. Разумеется, у нас есть разногласия — и если дело доходит до войны, мы от нее не уклоняемся, однако поводы для войны у нас совсем другие. Мы не воюем из-за территории, не воюем из-за религии и политики.

И когда нам приходится воевать, мы берем ножи, мечи, щиты, булавы и деремся с врагом. Когда битва кончается, сражающиеся расходятся, и победитель получает то, что хотел, а проигравшие — подчиняются.

Леры вовсе не пацифисты — и нельзя сказать, что они не агрессивны. Уличные драки нередки в обществе леров. Но при этом никогда не применяется оружие, не покидающее руку, каким бы жарким не был конфликт. А тот, кто осмелится на это, будет линчеван его же сторонниками... Это самая страшная кара в обществе леров.

Кроме того, мы вовсе не беззащитны в межпланетных войнах. Мы наказываем тех, кто осмеливается выступить против нас с оружием. Мы сами не применяем в войнах оружия, действующего на расстоянии, но создали систему, которая вызывает взрывы на солнце. Корабли противника разрываются на части. Если же какой-нибудь корабль оказывается на планете, врага встречает целая армия защитников, смелых, бесстрашных, не знающих пощады.

В обмен на уроки управления кораблем Лизендир продолжила Хану показать ему несколько боевых приемов. Хан усвоил уроки, но после этого у него несколько дней болели все кости и мышцы. Ему пришлось довольно трудно, так как у него не хватало реакции и координации, которые у Лизендир были, видимо, от рождения. Самое главное, что во время борьбы им пришлось тесно соприкасаться друг с другом, и этот контакт беспокоил их, хотя ни тот, ни другой не признавались в этом.

— Лизендир, в ваших школах мальчики и девочки тренируются вместе?

— Да, вместе. Мы почти не делаем исключений для пола и физического состояния ученика,— сказала она, немного возбужденная.

— Но разве физический контакт не стимулирует сексуальные ощущения?

— Конечно. Они первые шесть лет тренируются совершенно голые. Для изучения основ движений полезно видеть сокращения мышц. Чувствовать их. А если у кого-нибудь из них возникает желание, кто мешает им удалиться в кусты или за угол и удовлетворить его? Ваши школьники выходят из класса, если им нужно удовлетворить естественную потребность? То, о чем ты говоришь, тоже естественная потребность. В старших классах мы занимаемся самоконтролем, стараемся подавлять желания, если они возникают.

Обучив Хана нескольким элементарным приемам, Лизендир попыталась показать ему более сложные. Но Хан оказался совершенно неспособным учеником, и Лизендир, смеясь, сказала ему об этом.

Вскоре Хан провел необходимые расчеты и объявил, что конец путешествия близок. Скоро они окажутся на Халседоне и своими глазами увидят следы пребывания Воинов Рассвета.

Они устроили себе праздничный обед — последний, пока они еще находились в субпространстве. Лизендир элегантно сервировала стол в рубке управления. Даже звездное небо на огромном экране казалось им сейчас празднично необычным. Они сидели за столом, ели и молча на-

слаждались ощущением того, что утомительное путешествие подходит к концу. Но каждый из них в душе жалел об этом, хотя и скрывал от себя.

После обеда Лизендир попросила его показать солнце Чалседона.

— Конечно,— согласился Хан. — Корабль нацелен на эту звезду с самого начала. — Он нажал на кнопку, и на экране появились две палочки толщиной менее человеческого волоса. Казалось, что этот тонкий серебряный крест возник в самом космосе. В центре креста горела звезда, казавшаяся ближе остальных звезд, видимых на экране.

— Пока она еще далеко от нас, и мы не можем увидеть диск. Но тем не менее, ее мы уже видим.

— А сам Чалседон?

— Нет, его еще не рассмотреть, мы должны подлететь ближе и вернуться в нормальное пространство.

Лизендир молча смотрела на экран. Корабли леров при всей сложности систем управления были очень примитивны во всем, что касалось органов чувств пилота. В этой матрице субпространства, которую они использовали для полета, смотреть было нечего. А при переходе в нормальное пространство команда и пассажиры наблюдали вселенную через устаревший оптический экран, дающий плоское, а не стереоскопическое изображение.

Поэтому вид, открывшийся перед Лизендир, производил не нее сильное впечатление. Она проводила все время, когда не спала, в рубке управления, глядя на экран.

Однажды Хану почудилось на экране какое-то движение. Он присмотрелся повнимательнее, но не увидел ничего особенного. Звезды медленно перемещались — и больше ничего. Затем Хан отвел взгляд от экрана и снова боковым зрением заметил движение. Теперь он был в этом уверен, хотя, глядя на экран прямо, он ничего не видел.

— Лизендир, ты видишь движение на экране?

— Движение? Нет. Но изображение как-то колеблется, как будто я смотрю на экран через воду. Я думала, что это дефект аппаратуры, и ты знаешь об этом. Какие-то волны исходят из одной точки, но я не вижу, что возбуждает их.

— Хм-м-м,— пробормотал Хан, глядя на экран и включая компьютер в режим самопроверки. Через несколько минут экран включился снова, нисколько не изменившись. Хан спросил:

— Волны еще не пропали?

— Нет.

— А из какой точки они исходят?

— Из перекрестья. От звезды Чалседона.

Хан достал большой том, где содержались параметры звезд. Он долго листал его, затем заговорил:

— Солнце Чалседона — звезда Авила 1381, желтая звезда, среднего возраста, без каких-либо отклонений. Если эти волны реальность, а не дефект аппаратуры, то следует ожидать какие-то неожиданности с

гравитацией. Может быть, в систему вошла нейтронная звезда или погасшая звезда огромной массы. Правда, вероятность чересчур мала. Хотя давно известно, что вероятность, равная нулю, в действительности никогда не нуль. Но...

Лизендир прервала его:

— Это прекратилось!

— Совсем?

— Да. Внезапно, пока ты говорил. Волны докатились до края изображения, и теперь все спокойно.

Хан встал, посмотрел приборы, проконсультировался с компьютером. Затем поднял голову:

— Не знаю, что вызвало это явление, но только не звезда.

Они оба задумались. Все время путешествия они ощущали невольную вину за то, что их путешествие всего лишь экскурсия, поездка для сбора фактов. Теперь же они видели, что их может ожидать нечто другое, более серьезное. В той ленте, что прокрутил для нас Хетрус, ни слова не говорилось об этом эффекте. Правда, для этого могли быть вполне разумные объяснения — например, корабль Ефрема не был снабжен новейшей аппаратурой наблюдения. При обратном полете он не смотрел в экран заднего обхода. Таковы были суеверные представления коммерсантов: никогда не оглядываться на ту планету, где ему не повезло. Во всяком случае, теперь и Хан, и Лизендир убедились в существовании чего-то неизвестного им и, вполне возможно, угрожающего. Хан пока хранил все свои опасения при себе. В цивилизованном мире вселенная была давно обжита и приручена. А здесь...

Лизендир не была так спокойна, как он. Немного погодя, она сказала:

— Когда мы были в Бумтауне на этой встрече, еще до того, как пришел ты, я поговорила с Ленкуриан. И она мне сказала, что ей кажется, это не просто полет за добычей и за пленниками. Все это напоминает какую-то провокацию, которую устроил неизвестно кто. Над Чалседоном нависли тьма и зло. А Воины? Если наши подозрения справедливы...

— Тогда что?

— Мы ничего не знаем. Только подозреваем. И если хотя бы половина наших подозрений оправдается, я содрогаюсь при мысли об этих Воинах. Я расскажу тебе об этом. Когда первый корабль леров покинул старую Землю, он сделал много посадок на разных планетах. Леры подыскивали подходящее место. И наконец они нашли Кентен. После приземления общество леров разделилось на две фракции: Одни хотели остаться тут и устроить свою собственную культуру в новом мире. Тогда леры плохо знали себя, ведь сотни лет они были погружены в развитую цивилизацию людей. И поэтому они все еще мыслили в терминах человеческой цивилизации. Другие придерживались другого мнения. Их фракция, которой руководила женщина по имени Санзирмиль, желала лететь дальше и дальше...

Я много слышала о Санзирмиль. Насколько я знакома с вашей историей, ее можно было сравнить с Лукрецией Борджа, Лилит и Розой Люксембург. Она сочетала в себе все их качества.

Я видела голограммы с ее изображением. Она была красива, но красота ее была дикой, звериной. И вот в те времена леры разделились. Дело доходило почти до войны, и если бы все продолжалось так, то через несколько поколений на Кентене не осталось бы ни одного лера... Однако в конце концов Санзирмиль и ее клан Кларен украли корабль и улетели. Члены клана Кларен были пилотами и внутри поддерживалась строгая дисциплина. Санзирмиль была астронавигатором, но она была и... — Лизендир внезапно замолчала на полуслове.

Хан заинтересованно спросил:

— Кем, ты говоришь, она была?

— Никем,— угрюмо ответила Лизендир. — Я не могу тебе сказать этого. Ты не лер. Ты не поймешь. Ты должен забыть о том, что я говорила... — Она помолчала немного, чтобы убедиться, что Хан готов снова слушать ее и совсем забыл о ее оговорке. Хан молчал.

— На их корабле было ужасное оружие, страшное оружие. Мы без содрогания не можем вспоминать о нем. Об улетевших лерах мы больше ничего не слышали. Нам всем очень хотелось надеяться, что они разбились где-нибудь, или уже улетели в другую галактику, как намеревались. Мы бы с радостью восприняли такое известие. Но никто ничего не знает. О них сейчас ходят целые легенды.

— И эти Воины Рассвета похожи на леров...

— Они леры, в этом нет сомнения. И мы, и вы знаете, что с развитием разума отпадает необходимость в клыках, когтях, рогах. Но посмотри на себя и меня, Хан. Мы возникли на одной планете. И ты знаешь, что леры и люди находятся в очень близкой степени родства, даже в опасно близкой. Ты знаешь, что мы отправились с тобой в это путешествие потому, что имеем одинаковую группу крови, и в случае необходимости сможем помочь друг другу. Ты знаешь, что одна из ваших четырех групп крови и одна из наших двух абсолютно совместимы. Мы могли даже вступить с тобой в связь, если бы решились на такую глупость. Но из этого ничего бы не вышло, даже если бы я была способна к рождению. Да, леры и люди похожи между собой, но между ними есть различия. И свидетельство Ефрема неопровержимо доказывает, что на Чалседоне были именно леры.

— Но ведь то, что ты рассказала мне, произошло много лет назад. Те леры давно умерли...

— Да, тысячи лет назад.

— И даже если это правда, чему я не верю, это не более вероятно, чем... Впрочем, слишком много совпадений, точных деталей, да?

— Конечно. Ведь мы были созданы искусственно в первом поколении. Я даже не уверена, смогли бы мы возникнуть сами собой. Но, как говорит пословица: "Какая разница, откуда я появился. Я здесь для любви или

ненависти". Мы появились и не хотели жить под вашим контролем. Леры, руководимые Санзирмиль, хотели остаться на Земле и драться за свое освобождение. Когда же мы прибыли на Кентен и решили остаться там, они хотели лететь все дальше и дальше и завоевать всю галактику. Разумеется, никто не знает, являются ли воины потомками Санзирмиль. Но мне хочется надеяться, чтобы это было не так. У вас, людей, есть свои страхи, у нас, леров — свои. И "дети пилотов" — один из этих страхов.

— Мы приближаемся к Чалседону,— напомнил Хан. — Как живут там леры и люди? Вместе или же по отдельности?

— Я не могу себе даже представить этой жизни,— только и смогла ответить Лизендир. Да и говорить уже было некогда. До посадки оставалось несколько часов.

Хан ожидал, что их встретят на Чалседоне с подозрением, потребуют доказательств, что они не бандиты. Однако все оказалось не так. Они не вызвали никаких подозрений. Подлетая к планете, они не восприняли никаких радиозапросов, радары не ощупывали их. Никто не интересовался ими. Лизендир это не беспокоило. Она считала, что если вы пришли к кому-то в дом, и там не включен свет, то следует просто постучать в дверь. Они прилетели ночью и ничего не могли увидеть.

Хан все же хотел выяснить обстановку, прежде чем предпринимать какие-либо действия. Поэтому они решили облететь планету по определенной орбите. Полет мог дать кое-какую информацию, но это были не активные действия. Включив все приборы на максимальное усиление, они могли видеть и слышать звуки цивилизации, находящейся на ранней стадии развития: освещенные города, радиопереговоры и тому подобное.

После нескольких витков они поняли, что Чалседон действительно еще недостаточно развит технологически. Они решили приземлиться поблизости от столицы.

Они выбрали для посадки большое поле недалеко от города. Стали опускаться. Но и тут на них никто не обратил внимания, хотя видели их почти все. Вокруг было пусто. Они подождали немного, но так никто и не появился. После этого они пошли к городу, который легко угадывался по облаку пыли над деревьями.

Они шли по пыльной дороге, по которой, казалось, ходили довольно редко. Хан сказал:

— Очень странно. После того, как были ограблены их жилища, они ведут себя столь беспечно.

Лизендир, с трудом вытаскивая ноги из дорожной пыли, ответила:

— Меня сейчас радует, что под моими ногами снова твердая почва.

Она скинула обувь и пошла дальше босиком. Хан рассмотрел ее ноги. Они, как и руки, немного отличались от ног людей. Передняя часть ступни ее была более широкой, а пятка более узкой, чем у людей. И по отпечаткам ног можно было понять, что на пятки приходится меньшая часть ее веса.

Они шли долго, не встречая никого, хотя вокруг были признаки жизни: возделанные поля, случайные дома на горизонте, пасущиеся животные. Они почти подошли к городу, когда увидели двоих, идущих им навстречу. Когда те двое подошли ближе, можно было различить, что это лер и человек. Оба мужчины, и почти умирающие от изнеможения. Человек, высокий и тощий, представился как Ардемор Хилф, мавр Столицы. Он извинился, что для столицы у них не нашлось другого названия. Просто Столица. Лер казался очень старым. Его седые волосы были сплетены в косу. Он представился как Хатингар.

Хилф оставался с ними недолго. Он только выяснил, кто они и какова цель их прибытия. Затем он ушел, оставив с ними Хатингара. Лер дружелюбно похлопал Хилфа по плечу, прощаясь с ним. Затем повернулся к Хану и Лизендир.

— Сейчас я член правительства. А до этого был простым фермером на севере. — Он показал сильные мозолистые руки. — Когда произошло нападение, больше всего пострадала столица, и я пришел сюда посмотреть, не могу ли я что-нибудь сделать. Мы много работали, но того, что сделано, еще недостаточно. — Он показал на клубы пыли. — Совсем недостаточно.

Лизендир стояла молча. Видимо, ее поразили манеры Хатингара, в которых многое было от человека. Он же, в свою очередь, был потрясен ее красотой:

— О, если бы я был на тридцать лет младше! Молодая девушка-лер, зрелая, как вишня, и искушенная в любовных играх, как профессор эротических искусств! И она путешествует в обществе молодого человека,— он шутливо ткнул ее под ребра. Но тут же вернулся в свое прежнее состояние — состояние смертельно усталого человека, измученного работой.

— Эти шакалы, бритые обезьяны, по крайней мере, оставили там таверну. — И он пригласил их в грубую деревянную хату, которая, видимо, была здешней пивной. Пол в помещении был земляной, здесь пахло прелыми листьями и прокисшим пивом. Хатингар налил возле стойки три кружки пива, стараясь не разбудить женщину, которая спала у кассы, и повел их к единственному чистому столику. Лизендир шла, стараясь не наступать на пивные лужи. Они сели, пригубили пиво, и Хан заговорил:

— Мы коммерсанты, и нас финансирует общество на Кентене. Мы слышали о вашем несчастье от коммерсанта Ефрема. Ты помнишь его?

— О да, Ефрем. Настоящий шакал, грабитель, даже хуже грабителей. Он воспользовался тем, что случилось здесь, чтобы обобрать нас.

— Он так внезапно улетел отсюда. Почему?— спросил Хан.

— О, мы хорошо ему заплатили за все, что получили от него, — платина, торий, золото. Он улетел отсюда потому, что мы хотели заставить его работать. Сейчас он, наверное, уже купается в благах цивилизации.

— Нет. Он мертв. Кто-то убил его в день нашего отлета.

Хатингар поднял бровь:

— Мертв? Хм. Мне очень жаль слышать это. Конечно, он ограбил нас, но я не думаю, что за это следует казнить, даже по законам Кентена. — Он повернулся к Лизендир. — А ты, миледи, почему молчишь все время?

Она ответила с явным раздражением, но Хан слышал этот язык впервые и ничего не понял.

Хатингар развел руками в явном жесте отрицания.

— Нет-нет. Воины были леры, это несомненно.

Лизендир сказала:

— Я прилетела посмотреть. Я обучаюсь коммерции, и лучшей возможности у меня не могло быть. Мы подозреваем, что Ефрем был убит из-за денег, потому что при нем их не оказалось. Это наиболее вероятный мотив. Мы... — она показала на Хана, — мы временные партнеры. Я владею половиной и отвечаю за корабль.

Хан был удивлен. Она прекрасно лжет. Однако он не знал, почему. То ли не доверяет Хатингару, то ли просто осторожна.

Хатингар отпил еще глоток и протянул кружку Лизендир. Девушка подозрительно понюхала, но тоже выпила глоток. Она фыркнула, как кошка, и протянула кружку Хану. Хан очень хотел пить и жадно припал к кружке.

— Ну что же,— сказал Хатингар. — Что мы можем здесь, на самой границе цивилизации?— Затем он стал серьезным и спросил, чем он может быть полезен.

Они ответили, что им нужно место, где остановиться, пока они будут торговать. Они очень устали во время полета. Конечно, на Чалседоне после налета вряд ли можно рассчитывать на комфорт, но они согласны и на самое скромное жилье. После того, как они устроятся, можно будет начать торговать. Хатингар поднялся, сказав, что попробует что-нибудь сделать. Хан и Лизендир остались в пивной одни.

Одни, если не считать спящей за стойкой женщины. Правда, ее сопение не мешало их мыслям. Они оба думали, что же им делать дальше, как раскрыть завесу тайны, окружающую Воинов Рассвета.

Затем Хан нарушил тишину. Он спросил полушутя-полусерьезно:

— Почему ты не пьешь пиво? Леры вообще не пьют?

Она поморщилась:

— Мы боимся спиртного. Оно действует на нас гораздо сильнее, чем на вас. А эта гадость? Пиво ужасное! Это же прокисшая вода! Фу!— И она вернулась к своим мыслям. Хан больше не стал ее беспокоить.

Вскоре вернулся Хатингар, торжественно размахивая ключом. Было сомнительно, что этот ключ предназначен для запирания дверей, но ничего другого у них не было, и они пошли за Хатингаром без протестов.

Была уже вторая половина дня. Тени удлинились. Хан осматривался вокруг. Он знал, что основные разрушения находятся на севере, а в этой

части Чалседона было спокойно, уютно, красиво. Казалось, что на планете совсем не было гор. Вокруг расстилалась плоская равнина, на которой виднелись только низкие пологие холмы. Хан поделился своими впечатлениями с Лизендир, и та согласилась с ним. Хатингар услышал их разговор и тут же начал расписывать все прелести Чалседона.

Он рассказывал о зеленых равнинах, о высоких деревьях, об ароматных цветах. Хан присмотрелся и действительно увидел на равнине высокие деревья. Некоторые из них достигали в высоту трехсот футов и больше.

— Чалседон очень спокойная планета. Ни сильных ветров, ни ураганов, ни землетрясений. Тут нет смены времен года. Поэтому деревья достигают такой высоты. Правда, лично я считаю эту планету чересчур спокойной, чересчур упорядоченной. Борьба с природой — основа здоровья людей. Но я слишком заговорился. Мы пришли.

Под высоким деревом стояла деревянная хижина. Она выглядела брошенной, но все еще достаточно крепкой, хотя и грязной. Лизендир заметила, что дом ей не нравится. Однако выбирать не приходилось, и Хатингар подал ей ключ. Сам он сказал, что уходит и соберет торговцев.

Уже издалека он крикнул, что скоро вернется. Вскоре он исчез в клубах пыли на дороге.

В доме было очень грязно, и им пришлось заняться уборкой, чтобы здесь можно было жить. Казалось, что дом пустовал уже целые годы. Убирались они почти весь день. Лизендир поинтересовалась, сколько же сейчас времени, но оказалось, что Хан забыл поставить часы на местное время. "Однако,— добавил он,— длительность суток на Чалседоне примерно тридцать стандартных часов".

К вечеру они закончили с уборкой, и Лизендир пошла купить немного еды.

Вскоре она вернулась и разбудила Хана, который дремал на крыльце. Она принесла хлеб, овощи, сыр, копченое мясо и фрукты. Они оба страшно проголодались, и поэтому сразу принялись за еду. Когда был утолен первый голод, Лизендир тихо заговорила:

— Пока ты спал, я старалась разузнать что-нибудь... Поверь мне, я была крайне осторожна! Здесь происходит что-то, чего я не могу понять, и здешние леры очень странные — таких я никогда еще не видела. Это прекрасный и процветающий мир, но среди жителей ходят странные слухи.

Она помолчала, затем продолжила рассказ:

— Мне не удалось получить описания оружия, которым пользовались Воины. Никто ничего не знает. Все говорят одно — бомбардировка с воздуха. Но взрывы! Все знают, что при этом должны быть взрывы и воронки. А взрывов не было. Другие говорят об огненных молниях и огненных шарах в небе. Все это совсем непонятно мне.

Хан подумал немного.

— Я тоже не понимаю. Может быть, это источники когерентного излучения — лазеры или мазеры? Они могут работать на частоте, невидимой глазу. Но тогда откуда кратеры? В атмосфере следов радиоактивности нет. Я проверил при посадке. Может быть, полная конверсия на расстоянии? Но такая возможность пока что доказана чисто теоретически. Я отвергаю и атомное оружие, и ПКР. Здесь мы не видели ни следов пожарищ, ни обожженных людей. Я ничего не могу сказать. Однако воины полностью контролировали свое оружие.

— Да. Было убито совсем мало жителей. Они не подвергали уничтожению густонаселенные районы.

— Значит, они не старались уничтожить жителей и материальные ценности. Они хотели только напугать.

— Да, Хан. Но зачем?

— Чтобы взять пленников.

— Да. Ефрем говорил что они брали только некоторых людей и леров. Интересно, случайным ли был их выбор?

— Значит, мы так и не узнали ничего нового?

— Я слышала на рынке, что некоторые жители уверены, что Воины не улетели далеко. Они находятся поблизости, видимо, желая врасплох напасть на военный корабль.

— И этому есть доказательства?

— Нет. Но все испуганы.

Однако уже наступил вечер. Алива 1381 висела над горизонтом, окрасив небеса в цвет янтарного золота. Хатингар уже привел во двор нестройную толпу местных торговцев.

И весь вечер до поздней ночи они спорили и торговались, делали предложения и контрпредложения. Некоторые из них встречались радостным смехом, другие — презрительным фырканьем. Во время торга они разговаривали, выспрашивали. Хан использовал все приемы, которым обучился в Коммерческой Академии Бумтауна. Он молил, он угрожал, он взывал к теням усопших, он превзошел самого себя в этих торгах. Лизендир не вмешивалась во все это. Она только внимательно слушала, и Хан мог сказать, что он произвел на нее впечатление: время от времени она улыбалась.

И после того, как были выслушаны все рассказы торговцев и выделено главное из них, они кое-что выяснили. Народ Чалседона действительно был перепуган до смерти. Однако во время налета очень мало жителей было убито или ранено. И Хану стало ясно, что Воины забирали людей только определенного типа, а вовсе не случайно. Они хорошо знали свое дело, знали, что им нужно. Во время торговли Хан узнал, что Воины забрали из Столицы всех рыжих определенного возраста, а также смуглых людей со светлыми волосами. Из других групп населения они выбирали только отдельных людей.

— Да, да,— сказал один из торговцев. — Они выстроили людей в линию, и трое из них пошли вдоль нее, разглядывая людей. Они искали

людей определенного вида. Они не интересовались ни полом, ни красотой, ни физическими достоинствами, ни возрастом. Они хватали некрасивых людей также, как и красивых. Леры говорили, что Воины говорят на сильно искаженном синглспиче со множеством незнакомых слов. А мы, люди, вообще ничего не могли понять.

Другой торговец, низенький и толстый, сказал:

— Воины ходили по трое. Эти тройки были составлены из одних мужчин или из одних женщин. Но были тройки, где были и те, и другие. Местные леры, которых они хватали, тоже разбивались на тройки и уводились на корабль. После всего грабители сбросили несколько бомб и улетели.

Но никто из торговцев не мог сказать ничего конкретного об этих "бомбах". Та бомба, что обрушилась на столицу, прилетела внезапно. Яркая вспышка, и затем земля зазвенела, как колокол. Некоторые утверждали, что они видели облако в небе и слышали гром. Но никто не был сам уверен в своих наблюдениях и ощущениях. Во всяком случае, после взрыва все компасы в округе испортились. Наиболее сильный эффект наблюдался вблизи воронки. Магнитные бомбы для уничтожения компьютеров? Вряд ли. Такие бомбы слишком дороги, и не стоило использовать их здесь, где не было счетных машин сложнее абака. Чалседон был пограничной планетой, и здесь не было необходимости в сложных расчетах.

Хану и Лизендир больше ничего не удалось выяснить в эту ночь споров, торговли и осторожных расспросов. Наконец люди начали расходиться. Хан и Лизендир закрыли торговлю, завершили сделки, о которых уже договорились, и пообещали продолжить ее завтра. Все ушли. Хан и Лизендир рухнули на то, что показалось им постелями, и немедленно заснули.

Пришло утро, ясное и сырое, как стена, по которой сочится вода. После завтрака Хан и Лизендир направились к кораблю. Здесь уже собралась громадная толпа. Снова началась торговля, и им пришлось здорово потрудиться, вытаскивая из корабля товары и затаскивая туда то, что им удалось получить в обмен.

К полудню большая часть работы была сделана, и они остались среди мутного беспорядка. Вокруг них громоздились груды ящиков, мешков, корзин посреди поля, изрытого копытами, колесами и гусеницами. "Палленбер" был покрыт густым слоем пыли.

Вскоре прибыл Хатингар. Он был угрюм, но добр и любопытен.

— Ну что же, вы свое дело сделали, получили товары, и теперь покинете наш несчастный мир?— спросил он. — Но что это? Оружие?— добавил он, указывая на подозрительные выпуклости на борту корабля.

— Да, оружие,— ответил Хан. — Мы решили приготовиться к худшему. Вполне возможно, что нам пришлось бы столкнуться здесь с

Воинами или другими грабителями. Такие случаи бывают в наше время. Именно поэтому Ефрем улетел отсюда в такой спешке. Он боялся.

— Может быть,— ровно отвечал Хатингар. — Но это не спасло его, не так ли?

Лизендир ответила ему на своем языке: "Ситаси махарала альтензид". Затем она перевела эти слова для Хана: "Каждый находит свой конец". Хатингар на это ничего не ответил.

Все молчали, как будто не знали, о чем говорить. Нарушил тишину Хатингар:

— Теперь куда вы отправитесь, друзья?

Хан ответил:

— Мы намереваемся перелететь на западное побережье континента. На наших картах — они, несомненно, устарели — там отмечен большой город. Он наверняка тоже пострадал, и жители нуждаются в товарах.

— Да. Это Либревилль... Они нуждаются в помощи. Я слышал, что их очень сильно бомбили, и все жители покинули город. Я знаю и другие поселения, где нужна помощь. Я могу проводить вас, и тогда вы быстрее закончите свои дела и сможете отправиться в обратный путь.

Лизенидр уже вошла в корабль. Хан посмотрел на лера. Немного погодя он ответил: "Хорошо. Поехали",— и тут же пожалел о своем приглашении.

Хан стоял наверху лестницы и смотрел, не понадобится ли помощь Хатингару. Но помощь не понадобилась. Напротив. Он взлетел по лестнице с такой же легкостью, как и Хан. Юноша приписал эту ловкость прекрасному физическому состоянию лера и тут же забыл о ней. Оба они вошли в корабль.

На корабле и в рубке управления Хатингар рассматривал все, изумлялся, прищелкивал от восхищения языком.

— Это же настоящая жемчужина! Прекрасная работа! Это корабль леров или людей?

— Людей,— ответил Хан, усаживаясь в кресло пилота. Лизендир села с ним рядом. Они оба ощущали какое-то смутное беспокойство.

Они взлетели и убрали опоры. Хан знал, что лететь им недалеко, и не стал подниматься на орбиту, а полетел по более низкой траектории. Направив корабль по курсу, он повернулся к Хатингару:

— Куда, Хатингар?

Ответа не было. Старый лер исчез.

— Куда он девался?— спросил Хан у Лизендир.

И тут появился Хатингар. Но он не был одет в традиционную одежду леров. На нем не было ничего, кроме красочной набедренной повязки. Исчезли и его длинные седые волосы. Голова его была наголо обрита. На голой безволосой груди красовалась татуировка, изображающая битву каких-то жутких зверей, совершенно незнакомых Хану. Хатингар оказался вовсе не старым. И тут Хан ахнул: в руках у Хатингара был

пистолет — точно такой, какой они обнаружили в квартире Ефрема, в Бумтауне.

У Хана похолодело в груди. Он вспомнил, что его собственный пистолет находится в сейфе, за спиной Хатингара. Значит, сейчас он так же полезен для Хана, как если бы остался в комнате Ефрема. А этот лер! Он был силен, очень силен, мышцы вырисовывались под его кожей.

— Вот и все,— сказал Хатингар. (Лизендир поднялась с кресла.) — Теперь без споров и промедления бери курс на два газовых гиганта этой системы. Там вас ждет встреча с моими Воинами.

— Твоими Воинами?— Хан хотел выиграть время, хотя, откровенно говоря, он не понимал, зачем оно ему. Внизу медленно таял Чалседон. Края планеты уже слегка размывались в атмосфере.

— Да. Я вождь Орды. Двигайтесь помедленнее. Этот пистолет стреляет ампулами с самым неприятным веществом. Действует оно практически моментально. Я очень искусен в обращении с ним. Да и во многом другом. И не думайте, что вам удастся обезоружить меня.

Хан уголком глаза посмотрел на Лизендир. Ему показалось, что все мышцы ее тела напряжены, она как бы разогревала их, готовясь к действиям.

Когда Хатингар сделал шаг к ним, она вдруг крикнула: "Двигайся!" — и пригнулась, показав ему пример. Хан тоже упал на пол, так же, как и она. Без видимого усилия она вдруг взвилась в воздух, перевернулась, сбросив при этом движении одежду, и метнулась к Хатингару. Хан раскрыл рот от изумления, глядя на летящее обнаженное тело. Ведь она сумела проделать этот сложнейший акробатический трюк при удвоенной силе тяжести. Он все еще лежал на полу, когда раздался выстрел. Он ничего не почувствовал.

Хатингар выстрелил, но промахнулся, и теперь прыгнул вперед. Пистолет остался у него в руке.

Затем началась битва, которой Хан не мог рассмотреть, настолько все происходило молниеносно быстро. Тела сталкивались, наносили удары, отражали их. Никто не мог добиться перевеса. Лизендир, как привидение, металась по рубке, стараясь, чтобы Хатингар не смог прицелиться в нее из пистолета. Ей приходилось трудно, так как она должна была думать и о Хане, который тоже находился здесь и подвергался опасности. Но вот они сошлись снова, и тут Хатингар вылетел из рубки. Хан успел заметить, что у него ухо стало пурпурно-красным.

Лизендир заперла дверь и встала перед Ханом. Она тяжело дышала, обнаженное тело было покрыто потом.

— Эта лысая обезьяна сумела ускользнуть от меня! Будь он проклят! Но я успела немного потрепать его.

Первый раз Хан видел ее в гневе. И гнев она направила на саму себя.

Она спросила:

— Есть выход из корабля?

— Да. Спасательные гондолы. Их пять или шесть.

— Тогда бери одну и улетай.

— Лизендир, я...

— Нет! Делай, что я тебе говорю! Если я буду одна, то у меня будет шанс справиться с ним. К тому же, я уже научилась водить корабль. Ты мне ничем не сможешь помочь. Я не унижаю тебя, я стараюсь спасти. Я должна убить его. Он же использовал против нас оружие. Но я могу добиться успеха, только оставшись одна. Он чрезвычайно опасен. Ты даже не можешь представить себе этого.

— Но у него же пистолет, Лизендир.

— Чепуха. Я могу победить его. И если это случится, я приведу корабль обратно. Если же победит он, для нас обоих обратного пути не будет... Я спасаю тебя по своим личным мотивам. Я не хочу, чтобы он захватил тебя в плен. Теперь иди! У меня мало времени. Я привела себя в состояние высшей ярости. Оно придает мне силы и скорость. Но я не могу долго поддерживать это состояние. Оно быстро кончается. — Она на мгновение прижалась щекой к его щеке. Щека была обжигающе горячей.

Хан понимал, что она права. Но покинуть корабль? И тем не менее, это единственное, что остается сделать, хотя это ему совсем не нравилось.

Он открыл замок люка, прыгнул в гондолу и начал закрывать колпак гондолы. Лизендир протянула руку и нежно коснулась его щеки:

— Если я выиграю, жди меня в горах к северу от Столицы. Если проиграю, прощай и помни меня. Твое имя означает на нашем языке "последний".

Она заморгала и отпустила его.

Началось бешеное падение вниз, и вскоре гондола вышла из поля искусственной тяжести корабля и погрузилась в поле тяготения планеты. Хан видел корабль, удалявшийся от него. Гондола управлялась автоматически. Вскоре падение замедлилось, стало плавным. Хан видел, как Чалседон медленное приближается к нему. Но такое медленно движение было лишь иллюзией зрения. На самом деле скорость была достаточно велика. Хан смотрел на поверхность планеты, покрытую коричневыми и зелеными пятнами, кое-где закрытую пушистыми белыми облаками. Это было последнее, что видел Хан. Автоматика сработала и открылись клапаны, выпускающие усыпляющий газ. Конструкторы сделали эту систему, чтобы пассажир не мог видеть своего падения с орбиты. Это могло привести к смерти человека. Они были, конечно, правы. Но Хан ничего этого не знал.

Глава 4

Спасательные гондолы должны были быть на всех кораблях, хотя пользовались ими редко. Они были предназначены для спасения одного из членов экипажа. И вблизи, в поле тяготения планеты, они работали автоматически. В эру космических полетов люди сравнивали космос с бурным морем, и это сравнение было справедливо. Правда, таких опасных морей, как космос, никогда не было и не будет на Земле. И берега этого моря были гораздо более опасными, чем берега любого земного моря. И спасательные гондолы были предназначены, чтобы в целости перенести пассажира через прибрежный прибой и острые рифы, чтобы доставить его на землю. Гондолы были малокомфортабельны — но они выполняли свою функцию.

Хан проснулся, ничего не зная. Все тело его болело. Он попытался двинуться, но почувствовал, что не может. Мгновенная паника охватила его, но он тут же все вспомнил. Сквозь прозрачный экран он видел, что приземлился в лесу и что уже глубокий вечер, почти ночь. Свежий воздух проникал в гондолу. Хан снова уснул. Когда он проснулся, была уже ночь. В сплетениях ветвей виднелись звезды. Теперь он вспомнил, что нужно сделать, чтобы открыть гондолу, и через мгновение он уже выбрался из нее. Холодный воздух молчаливого леса окружал его.

Коммерсанты в своих школах обучались очень многому: как добывать деньги, как сохранять их в любых условиях. Но самым ценным было то, что коммерсанты были готовы ко всяким неожиданностям. И хотя Хан не был самым прилежным студентом, учился спустя рукава и уделял больше внимания девушкам, чем занятиям, он знал и умел многое.

"Учебник выживания". Если ты упадешь, даже в собственном доме, о с т а н о в и с ь ! н и ч е г о н е п р е д п р и н и м а й . Сначала вспомни, кто ты, как ты сюда попал. Не доверяй впечатлениям. Первый выживший был Адам, но тот Адам, который не знал, куда он упал — в рай или в ад.

Хан сел на поваленное дерево и начал вспоминать. Полет, корабль, Лизендир. И вот он где-то на Чалседоне. Прекрасно — значит, он хотя бы знает, на какой планете находится. Правда, без пищи, без денег... Нет, неправда. Кое-что есть в гондоле. Провод, пила, нож, вода для питья, кое-какие концентраты. Он встал и вытащил из гондолы мешок с НЗ. Что дальше?

Снова учебник: "Если возможно, иди ночью, когда огни видны издалека".

Хан не мог видеть на большее расстояние — слишком густ был лес. Он чувствовал, что находится на склоне холма. Поэтому он быстро взобрался на его вершину. Он видел звезды на небе, очертания отдаленных холмов, темные пятна долины. Но больше он ничего не видел: ни огней,

ни дыма. Как будто он был единственным человеком на Чалседоне. Он даже не знал сторон света. Но их можно определить. Правда, на это потребуется время. Но времени у него много.

Хан рассмотрел знакомые созвездия на небе, засек их местоположение и время. Затем стал ждать. Время на Чалседоне текло медленно. Прошло несколько стандартных часов, когда он снова стал искать эти созвездия. Одни из них спустились к горизонту, другие сияли высоко в небе. Однако теперь он мог сказать с уверенностью, что находится к северу от Столицы, находящейся в экваториальной области. Правда, он не знал, далеко ли они успели улететь.

Однако нужно было идти. Хан собрал мешок и осторожно пошел в темноту. Нож он держал наготове: ведь ему ничего не было известно о хищниках Чалседона. И ему не хотелось знакомиться с ними близко.

Он шел по пустынной земле и уже потерял счет дням. Чалседон нельзя было назвать абсолютно плоской планетой. Но гор на нем не было. Хану приходилось все время подниматься и спускаться с холмов, лишь изредка пересекая равнины. Несколько раз он переправлялся через реки. Вскоре он выработал определенный ритм движения: два перехода в день с отдыхом между ними. Однако ему так и не удалось приспособиться к длинным суткам Чалседона, которые составляли тридцать два стандартных часа. Хан шел, но никак не мог определить, какое расстояние он преодолел — на поверхности планеты не было ничего, по чему он мог бы ориентироваться. Все вершины холмов были похожи между собой.

Никаких зверей он не видел, хотя в ночной тиши изредка раздавались крики. Его, видимо, никто не преследовал, так как эти крики все время были разными. Птиц он тоже не видел. Неужели на этой планете нет птиц? Самым приятным для него обстоятельством было то, что на Чалседоне не было ядовитых растений, и поэтому он мог есть все фрукты, ничего не опасаясь. Фрукты помогали ему выдерживать пищевые концентраты, вкус которых был ужасен. Да и дисциплинированная вода ему порядком надоела. И он шел и шел, избегая мыслей о том, что может случиться с Лизендир, вступившей в поединок с Воином Рассвета Хатингаром.

Хан остановился на ночной отдых более усталый, чем обычно. Весь день ему пришлось взбираться на каменные террасы. Он выбрал место для лагеря в небольшой долине среди высоких деревьев. Поэтому он не заметил, что часть неба над горизонтом слабо светилась. И только потом, когда он обходил лес, как делал всегда из предосторожности, он заметил свечение. Но после стольких дней пути он устал и даже не ощутил радостного возбуждения. Кроме того, он подумал, что это свечение обусловлено какими-то атмосферными явлениями. Он взял свой мешок и осторожно поднялся на вершину холма.

Перед ним расстилалась широкая долина, настолько широкая, что он даже не мог видеть, где же она кончается. Однако в долине он увидел

огни — слабые, но огни. Как будто окна домов светились в темноте. Их было немного. Вероятно, это было небольшое поселение. Для Хана это было самым прекрасным зрелищем. Забыв об усталости, он стал спускаться вниз, по направлению к огням.

Однако идти ему пришлось очень долго. Вероятно, чистый ночной воздух искажал восприятие расстояния. Огни гасли один за другим, и вот уже осталась одна только группа огней. Хан подходил ближе и убеждался, что это скорее всего деревня леров: люди не жили в низких домах, имеющих форму эллипсоида.

Это было маленькое поселение. Возле домов Хан видел темные сараи, стойла для скота, дома. Вокруг виднелись возделанные поля. Однако эта деревня, по всей видимости, была изолирована от мира. Кроме тропинок вдоль полей, Хан не видел никаких дорог. Тропинки были протоптаны копытами и ногами леров. Отпечатки ног были видны даже в темноте.

Хан предположил, что в этот час все жители деревни спят. Леры любят поспать и укладываются сразу с наступлением темноты, даже в городах. А здесь, после трудной работы, они наверняка уже все спят... Все огни в домах были погашены. Освещен был только один дом. Хан уже подошел настолько, что мог слышать голоса в темноте. Голоса! Слабые и говорящие на незнакомом ему языке — синглспиче, но эти звуки наполнили его радостью. Он с трудом сдержался, чтобы не крикнуть, и пошел быстрее.

И вот он уже стоит перед освещенным домом. Хан знал, что леры предпочитают дома без углов, хотя он не понимал причин этого. Однако сараи и загоны для скота имели обычную прямоугольную форму. Хан никогда раньше не видел настоящих иос — так назывались дома леров. Они были именно такими, как их описывали: иос состоял из множества эллипсоидов, каждый из которых покоился на своей опоре, примерно на высоте один фут над землей. Хан подумал, как же ему объявить о своем приходе. Постучать в дверь? Но в иосе не было дверей. Их заменяли занавеси. Хан почувствовал, что он очень устал и что ему хочется быть снова среди людей.

Проблема разрешилась сама. Из иоса вышел старик с длинными седыми волосами. Он остановился, посмотрел на Хана и преувеличенно спокойно заговорил с ним. Хан не понял ни слова, ведь это был синглспич. Он покачал головой, надеясь, что лер — старик или старуха, так как по внешнему виду было невозможно определить пол лера — сообразит, что Хан ничего не понял. Хан даже начал говорить, но старик прервал его, сказав что-то и показав на землю. Это могло означать: "Сиди здесь". После этого он вошел в дом.

Вскоре вышла молодая женщина, качающая на руках ребенка. Она заговорила:

— Что ты делаешь здесь?

У Хана возникло ощущение нереальности происходящего. Женщина говорила мужским голосом. Хану показалось, что он сходит с ума. Но тут

он вспомнил высказывание древних: "Если тебе кажется, что ты сошел с ума, значит, ты еще в здравом рассудке". Он решил отвечать.

— Я Хан Киллинг. Коммерсант и космопилот. Произошла авария, и меня выбросило из корабля. Я приземлился к северу отсюда и иду уже много дней. Я даже не знаю, сколько. Я прошу вашей помощи и гостеприимства.

Это была самая большая его речь за много дней. Голос его звучал непривычно для него самого.

— Я Дарденглир. Ты должен простить нас за наше странное поведение. Но мы находимся очень далеко и редко видим людей. Почти никто из нас не знает общий язык. Это старая деревня, и многие живут здесь безвыездно. Но, конечно, мы поможем. Что тебе нужно?

— Пища. Несколько дней отдыха. И направление к Столице.

— Я поняла. Это просто. Ты согласен жить в нашем доме?— Она говорила, с трудом подбирая слова. — У нас в деревне родился ребенок, и мы все собрались здесь на праздник. Но в доме есть комната, в доме тепло, есть пища, люди. Мы найдем для тебя место.

— Я с благодарностью принимаю твое предложение, Дарденглир.

— Тогда входи. — Она не стала ждать, а повернулась и вошла в дом. Хан услышал, как она говорит с кем-то. Он поднялся на крыльцо, откинул занавес, который на Чалседоне с его мягким климатом вполне заменял дверь.

Внутри комната оказалась совершенно круглой. Вдоль всей стены шел шкаф, и только в дальней части комнаты, на возвышении, был сложен из камней очаг. В потолке над очагом виднелось отверстие, через которое выходил дым. Комната была освещена свечами и фонарями. В ней были люди. Они казались странными Хану — но все же это были разумные существа. Он смотрел на свет и моргал.

Пока кто-то готовил ему еду, Дарденглир представила ему собравшихся. Тут были двое детей, одна девочка, четыре подростка и четверо стариков. Настоящий клан — его прошлое, настоящее и будущее. И к тому же Дарденглир оказался мужчиной.

Это был праздник рождения. Роженица лежала на подушках, совершенно обнаженная. Лицо ее, несмотря на перенесенные муки, было счастливым. Все с любопытством рассматривали Хана, пока Дарденглир объяснял что-то на мультиспиче. Затем все рассмеялись и пригласили его к очагу.

— Ешь, пей. Будь счастлив с нами. Во дворе вода для мытья, а спать ты можешь здесь.

Хан кивнул, стараясь быть максимально вежливым, поел, затем вышел, умылся ледяной водой и, вернувшись, забрался в маленькую комнатку. Там он обнаружил что-то мягкое, видимо, одеяло, завернулся в него и уснул.

Он проснулся — один. В комнате — маленьком эллипсоиде — было светло. Свет проникал через круглые окна, в которые было вставлено мутное стекло. Хан потрогал стекло рукой и убедился, что это вовсе не стекло, а что-то другое. Вероятно, камень, отшлифованный до такой степени, что стал прозрачным. Окна давали очень мягкий рассеянный свет, но Хан не видел способа открыть их. Как же проветривается дом? Он осмотрелся и увидел в сводчатом потолке небольшое круглое отверстие. Комната, где он находился, была пуста, но чисто убрана. Хан прислушался, стараясь определить, есть ли кто-нибудь в доме. Однако он ничего не услышал, кроме голосов с улицы. Он колебался. Пощупал свою бороду, которая безобразно отросла за много дней пути. Интересно, какие чувства они питают к нему. Ведь Лизендир назвала его слишком угловатым, слишком волосатым. Впрочем, они были ласковы к нему... и щедры.

Он прошел к занавесу и откинул его в сторону. Иос был расположен на низком плоском холме. Невдалеке протекал чистый бурлящий ручей, наполняя все пространство шумом бегущей воды и чистым воздухом. Вода по деревянным трубам отводилась в поселок и собиралась в большой деревянный бассейн. Возле ручья играла маленькая голая девочка лет четырех по земным меркам. Она подняла глаза на Хана и смотрела на него без боязни, но с любопытством. Затем она рассмеялась и убежала прочь, крича что-то звонким детским голоском.

И сразу появился Дарденглир, лер, который встретил Хана, снова держа ребенка на руках. Да, Хан не ошибся: это действительно был мужчина. Теперь, когда он долго пробыл с Лизендир, он уже мог видеть разницу между мужчинами и женщинами леров.

Дарденглир сердечно приветствовал Хана:

— Солнце уже поднялось, мой друг, и ты встал. Это хорошо.

— Я не знаю, как благодарить вас...

— Пустое. У нас здесь мало посетителей. В честь последнего человека, которого мы принимали здесь, мы выстроили на холме дом.

Хан обернулся в указанном направлении. На холме ничего не было. Он улыбнулся, посмотрел на Дарденглира. Тот сказал:

— Вот видишь? Даже леры приходят сюда очень редко. Но мы любим гостей. Единственное, что мы просим взамен, это несколько рассказов да немного работы в поле.

— Поработать я могу. Но какие рассказы вам нужны?

— Что происходит в мире сейчас?

— О, об этом я смогу рассказать. Но ведь поймут меня немногие.

— Ничего. Я буду переводить. А если ты останешься подольше, я обучу тебя синглспичу, и ты сможешь рассказывать сам. Но пока только ты да я знаем общий язык. Я рад случаю попрактиковаться.

Хан сошел с крыльца.

— А где остальные?

— Здесь, здесь. Танзернан, женщина, которая только что родила, принимает гостей из своего прежнего клана. А ты знаешь что-нибудь о нас?

— Только самое основное. Я не знаком ни с одним лером, кроме... Впрочем, это ерунда.

— Ты пришел к нам в самый разгар праздника. И мы праздновали не только рождение, но и продолжение клана. Теперь у нас есть следующее поколение — девочка и мальчик. Та малышка, которой понравилась твоя борода — Химерлин.

— А что было бы, если бы дети оказались одного пола?

— Это маловероятно, так как продолжение рода заложено в генах. Но если бы вдруг и произошло, то клан кончился бы на них. Им пришлось бы идти в другие кланы или начинать новые кланы, под новыми именами. Но с нами так не случилось.

— Да, я понимаю.

— Это прекрасно. А теперь вернемся к тебе.

Хан ответил не сразу. Что говорить? Он не знал, что с кораблем, где Лизендир, что будет с его миссией. Дрожь прошла по его телу.

— О, у меня долгий рассказ. Я больше буду спрашивать, чем отвечать.

— Ага!— воскликнул Дарденглир. — Я вижу, ты ученик мудреца-лера.

— Нет, нет. Почему ты так решил?

— Потому что мудрецы всегда спрашивают и никогда не отвечают. Разве не потому их считают мудрецами?— Он рассмеялся.

Хан почувствовал себя идиотом. Он — член высокоразвитой человеческой цивилизации, которая простиралась в галактике на огромное пространство, которая завоевала двадцать пять миров. И тем не менее этот фермер с ребенком на руках смог в одно мгновение поставить его в тупик. Теперь он понял, почему люди неохотно вступают в контакт с лерами, хотя они были довольно миролюбивы. С лерами никогда не будешь чувствовать себя спокойно. Так бы чувствовал себя неандерталец, внезапно попавший в пещеры кроманьонцев.

— Нет, я не мудрец. Более того, во многом я ощущаю себя дураком. Впрочем, я расскажу вам все, когда вы соберетесь все вместе. Я расскажу, что я могу делать, чтобы оказать вам помощь, и чему могу быстро научиться.

— Прекрасно! Ты ответишь на наши вопросы. А работа? Ее здесь очень много!

И утром следующего дня Хан вышел на сельскохозяйственные работы — самые простейшие. Петмириан показала ему, что делать, и он стал собирать бобы и грузить их на тележки. Конечно, он не мог сравниться в работе с Петмириан, пальцы которой летали в воздухе, как маленькие птички, но он учился.

К вечеру пошел ленивый дождь, больше похожий на теплый душ, но Хан и Петмириан забрались в сарай, где уже укрылся Бразингиль, и начали очищать бобы, которые они успели собрать. К ним забрел Дарденглир, который немного поговорил, а затем ушел. Вскоре наступил вечер, дождь кончился, и все леры пошли к ручью. Они полностью разделись и мыли тело и одежду. Хан присоединился к ним. Он не был стыдлив, однако ощущал смущение при виде голых женщин. И разница между людьми и лерами теперь была более заметна.

Дарденглир руководил приготовлением пищи. Это тоже смутило Хана, но он вспомнил, что в обществе леров принято полное равенство полов, и это достигало у них крайних пределов.

Когда ужин был готов и все поели, началась беседа. Дарденглир рассказал Хану несколько анекдотов леров. Вступали в разговор и другие леры. Хан уже начал присматриваться к ним. Он заметил, что между отдельными лерами существуют различия, хотя общество в целом было довольно однородным. Одни из леров обладали чувством юмора, реагировали на шутки других и сами охотно шутили. Другие совершенно не имели чувства юмора. Например, Петмириан. Она была небольшая, смуглая и почти все время молчала. Однако глаза ее были внимательными и вдумчивыми.

Дарденглир был скользким, как теплое масло, хитрым, как змея, всевидящим и всеслышащим. Если бы он жил в человеческом обществе, он, несомненно, стал бы дипломатом. Танзернан оказалась довольно легкомысленной, смешливой девушкой, постоянно поддразнивающей других.

Хан рассказал им свою историю, не скрыв ничего, даже странных отношений с Лизендир. Они выслушали его и стали задавать вопрос за вопросом, любопытные, как дети. Когда все было спрошено, они умолкли, глядя в огонь глазами с огромными зрачками. Теперь стал спрашивать Хан. О налете, о Воинах, о том, как быстрее пройти к горам севернее Столицы, где будет ждать его Лизендир.

Они не сказали ничего нового. В той местности, где они жили, грабители не появлялись. Но они слышали рассказы, видели огни в небе, видели много метеоритов. И это было все, что они знали.

Они знали те горы, о которых упомянул Хан. Это была самая высокая точка планеты. По их расчетам, до них было две недели ходьбы, что означало двадцать восемь земных дней. Хан объяснил, почему ему нужно идти туда. Все леры выразили недоумение, и Дарденглир объяснил, почему.

— Там же нет ни городов, ни деревень. Там никто не живет, это абсолютно необитаемая местность. Там тебе даже нечего будет поесть. А если эта девушка, Лизендир, победит, она будет искать тебя там. После того, как она тебя не обнаружит, она начнет разыскивать тебя по всей планете и неминуемо придет сюда. Так что тебе лучше остаться и дожидаться ее здесь. Кроме того, наверное, для тебя опасно возвращаться в Столицу.

Хану не хотелось допускать даже и мысли о том, что Лизендир может проиграть, но тем не менее он спросил:

— А что, если она погибнет?

Ему ответил Бразингиль, очень серьезно и без тени шутки:

— Тогда ты будешь просто колонистом, как все мы. На Чалседон прилетают корабли, но крайне редко. Найди силы посмотреть правде в лицо. Если ты согласен, то мы сходим в ближайшую деревню к людям и подберем для тебя девушку. Здесь места хватает всем! Живи и расти детей!

Хан не ответил ему. Он не хотел даже думать о таком будущем.

Уже наступил вечер. Один за другим леры расходились, собираясь лечь спать. Хан пошел спал с маленькой девочкой Химерлин, которой чрезвычайно понравилась мягкая и теплая борода Хана. Но она лягалась во сне и мешала спать Хану.

Итак, Хан начал жизнь среди изолированных от цивилизации леров. Погруженные в состояние, которое они называли мудростью незнания, они учили Хана, терпеливо и непрерывно. Сначала дни протекали медленно, в трудной работе, но постепенно Хан втягивался в этот неторопливый ритм. Хан сначала ждал появления Лизендир, но с каждым днем надежды его таяли, как озеро высыхает под жаркими лучами солнца.

Особое внимание леры уделили обучению Хана синглспичу. Сначала этот язык показался землянину очень сложным, но постепенно понимание стало приходить к нему. Это был странный язык, абсолютно правильный, без каких-либо идиом и эмоциональных выражений. Но это можно было понять: это язык был искусственным.

Он узнал, что Лизендир на этом языке означает "огонь", а "Хан" — последний, причем это определение как-то связано с водой. С тех пор его стали называть "Санхан" — "Последняя вода". Каждое слово в синглспиче имело четыре значения, в зависимости от контекста. И только четыре слова: "Пан" — огонь, "Тан" — земля, "Кан" — воздух, "Сан" — вода — имели только одно, четко определенное значение. Однако Хан не стал выяснять причину этого.

В той деревне не было необходимости что-либо писать. Однако Дарденглир принес Хану несколько книг, чтобы тот мог познакомиться с письменностью леров. Хану показалось, что каждое слово обозначается одним знаком. Примерно то же самое, насколько он мог припомнить, было и в древней китайской письменности.

Хан учился и работал, делая все, что требовалось делать на ферме. И если бы не мысли о Лизендир, эта жизнь была бы ему вполне по душе: спокойная, размеренная, полная смысла. Правда, он прекрасно понимал, что он здесь чужой и не может оставаться вечно среди леров. И ему хотелось оказаться среди своих. Ему хотелось любви и секса. А ежеве-

черние купания среди голых девушек вовсе не помогали ему усмирять требования плоти.

Он потерял счет времени, но был уверен, что прошло много дней. Хан уже настолько овладел языком, что мог общаться с лерами без помощи Дарденглира. Однако Лизендир все не появлялась. Поэтому он сказал Дарденглиру, что ему пора уходить, хотя ему совсем не хочется этого. Было решено, что он с Дарденглиром и Бразингилем пойдут на местный рынок, а затем он вернется в свое время и в свой мир. Леры были честны с ним, и хотя они раньше уговаривали его остаться, и даже обещали подыскать ему девушку, они согласились, что Хан принял мудрое решение. Они предложили ему часть вырученных на рынке денег, так как он много сделал для них. Сначала Хан отказывался, но затем согласился. Началась подготовка к отправлению.

Через несколько дней, на рассвете, Хан, Дарденглир и Бразингиль нагрузили повозку и, распрощавшись со всеми, покинули деревню. Повозку тащили четверо животных, похожих на огромных волов. Ехали они по извилистой тропе, огибающей холмы. Это была единственная дорога из деревни.

Спали они по очереди. Причем, пока один спал, другой правил повозкой, а третий следил за окрестностями. Хан поинтересовался, зачем это, что грозит им? И Бразингиль рассказал, что ходят слухи о злобных привидениях, жестоких бандитах, страшных хищниках. Однако за все время пути они не встретили ничего подобного. Только были слышны шорохи в ночном лесу да отдаленные крики. Ничего больше, страна казалась пустыней. Да, на Чалседоне действительно было много места. Его хватило бы на всех.

На пятый день пути они прибыли в город, где устраивался рынок. Город назывался Ховзар, но Дарденглир рассказал, что это старый город людей, и раньше он назывался Базар Хобба. Теперь здесь живут леры, и назвали они город по-своему.

Базар Хобба служил центром торговли этого района, здесь происходил обмен продуктами. Дарденглир очень возбудился при подъезде к городу. Он даже выкрикнул: "Назад, к цивилизации!" — и начал барабанить по крыше повозки. Бразингиль явно недолюбливал этот город, потому что он бормотал что-то сквозь зубы. Хану удалось расслышать только "скопище воров и шакалов". Бразингиль исподлобья смотрел на улицы, по которым они проезжали.

Хану город показался чрезвычайно старым. Он состоял из деревянных угловатых домов с острыми крышами, которые служили, видимо, просто для украшения, так как здесь не бывало сезонов сильных дождей.

Улицы были вымощены булыжниками, выкрашенными в яркий цвет.

Неизвестно, были ли здесь воры или нет, но торговали леры весьма выгодно. И большую помощь оказывал им Хан, который уже недурно говорил на синглспиче, хотя и с сильным акцентом. Навыки коммерсанта оказались не лишними в торговле с местными перекупщиками, постоян-

но имевшими дело только с фермерами, которых легко было обдурить. К вечеру они распродали все свои товары и нагрузили повозку тем, что им было нужно.

После подсчета выручки леры предложили Хану половину. Хан начал отказываться, говоря, что с него достаточно и пятой доли. Однако Дарденглир заявил, что клан считается как одно лицо, и его долю разделить нельзя. В конце концов Хан был вынужден согласиться, и после дележа они пошли в ресторан, из дверей которого валил дым и пахло чем-то жареным. Хан уже забыл, когда в последний раз ел жареное мясо. Леры ели мало мяса. Но не потому, что они были вегетарианцами, а потому, что животный белок усваивался гораздо хуже, чем растительный. Да, Хану казалось, что он живет среди леров уже много лет, хотя на самом деле прошло не больше стандартного полугода.

В ресторане они заказали еду, взяли три кружки пива и уселись за столик. На планету спускался вечер, и они сидели и ели, изредка наполняя свои кружки. От мяса осталось уже совсем немного, когда Хан заметил в углу чью-то фигуру. Он посмотрел сквозь пыль и сгущавшуюся темноту. Это была Лизендир.

Он вскочил, торопливо извинился и бросился к ней. Она была совсем не в себе и не видела Хана, пока тот не подошел совсем близко. Хан видел, что она измучена, истощена, и руки свои держала она как-то странно, как будто в ладонях у нее были горячие угли или сверхнежные цветы. Не обращая внимания ни на кого, Хан тронул ее за плечо и раскрыл объятия. Она упала в руки Хана, спрятала голову на его груди и прижималась к нему, как дитя. Наконец она отпустила его и выпрямилась. Глаза ее были красными, но слез в них не было. Разговаривать сейчас они не стали.

Хан повел ее к столу, где для девушки немедленно приготовили место и блюдо с жареным мясом. Пока она ела, Хан представил ее. Ела Лизендир очень медленно и осторожно, но к концу вечера перед ней стояли три пустых тарелки из-под мяса, две из-под овощей и три пустые кружки пива. Она почти не говорила, лишь изредка кивая в ответ на отдельные замечания. Она удивленно поднимала брови, слыша, как Хан бегло говорит на синглспиче.

Наконец с пищей было покончено. Все четверо немного поговорили, а затем Дарденглир и Бразингиль отправились спать, сказав, что им нужно завтра рано отправляться в дорогу. Хан и Лизендир остались одни. Она сидела тихо, глядя в никуда, погруженная в свои мысли. Глаза ее затуманились и затем закрылись. Она откинулась на спинку грубого кресла. Хан оплатил счет, поднял ее и понес в комнату. Девушка была легка, как перышко.

Она проспала три дня. Спала она очень глубоко, и только по ее дыханию можно было сказать, что она еще жива. Пока она спала, Хан промыл и смазал ее раны и царапины. Помогал ему в этом аптекарь, живший в соседнем доме. Постепенно краска вернулась на ее кожу, а мышцы стали более упругими. К вечеру третьего дня она проснулась.

Долго она ничего не говорила и лишь смотрела в окно, выходящее на площадь, где располагался базар и где торговали люди и леры. Она видела перед собой сцену, которой по меньшей мере десять тысяч лет. Наконец она заговорила.

— Ты, наверное, сам понял, что я проиграла, и это стоило нам корабля.

— Сказать по правде, меня больше беспокоило твое состояние, а не корабль.

— Ты очень добр. Но, увы, корабля у нас нет. Но он вернется сюда. Нас могут взять в плен, а если не найдут, то мы навсегда останемся здесь. Кроме того, я теперь калека.

Она вытянула руки вперед. Кисти ее распухли, и Хан ощутил, как в нем шевельнулась острая жалость — обе кисти ее были сломаны.

— Да. Вот так.

После этого она снова надолго замолчала. Но постепенно она начала говорить, и Хан узнал, что же произошло.

После того, как Хан улетел, она начала охотиться за Хатингаром, стараясь поймать его в ловушку. И это ей удалось. Она даже обезоружила его, но не воспользовалась пистолетом. А затем Хатингар застал ее врасплох и сломал ей кисти. Нечеловеческим усилием ей удалось вырваться от него, но она знала, что теперь ей пришел конец. Она не сможет убить его. Поэтому при первой же возможности она покинула корабль с помощью спасательной гондолы. Хатингар не воспрепятствовал ей. Он понимал, что Лизендир не выживет.

Однако она выжила. Она приземлилась где-то на западе, в необитаемой дикой степи. Пищевые концентраты оказались для нее неподходящими. Или в пище было что-то лишнее, или чего-то не хватало. И она начала охотиться, хотя для нее, с ее сломанными кистями, это было трудным делом. Черви, корни, листья, плоды, мелкие животные — вот что было ее пищей. И, наконец, она добралась до одинокой деревушки, где услышала рассказ о потерпевшем крушение космопилоте, который некоторое время жил здесь. Она не стала ждать, а сразу отправилась в путь, идя напрямик, чтобы сократить расстояние. К тому времени, как она добралась до города, на уже полностью выдохлась. Ведь ей пришлось пройти по бездорожью почти полторы тысячи миль. Однако она прошла их и выдержала, несмотря на плохую пищу.

Под конец она сказала:

— Больше я ничего не узнала. У Хатингара мне ничего не удалось выяснить. Я даже думаю, что это не настоящее его имя. Но мы проиграли. И нам нужно улетать с планеты, как только появится возможность. Люди знают, что мы оба живы, и когда Хатингар вернется сюда, он не оставит нас в покое. — Впервые Хан услышал от нее признание в поражении и страх.

Она приподняла простыни и посмотрела на свое обнаженное тело. Оно было чистым. Раны промыты и смазаны, некоторые уже совсем затянулись, и остались только небольшие шрамы.

— Это ты сделал?

— Да. Тебе пришлось много перенести. Я думал, что лучше я позабочусь о тебе, чем кто-нибудь из посторонних. Я и сейчас плохо знаю твой народ, но все же гораздо лучше, чем тогда, когда мы встретились с тобой впервые.

Он говорил на ее языке и, запинаясь и спотыкаясь, рассказал ей все, что произошло с ним за время их разлуки. Наконец он закончил.

Она внимательно слушала и затем сказала:

— Да, ты многое узнал, многое понял. Хотя у тебя ужасный акцент, мне приятно слушать тебя.

Она протянула к нему руки, крепко обняла его. Хан был смущен таким внезапным всплеском эмоций у Лизендир. Это было нетипично для нее. Видимо, долгие лишения вконец ослабили ее волю и умение владеть собой.

Она поняла, о чем думает Хан.

— Я была одна, абсолютно одна. Никогда раньше я не была так одинока. У меня перед глазами всплывали воспоминания. Старые друзья, старые любимые. Ты. И вот я нашла тебя. И теперь ты не просто человек, ты говоришь на моем языке, ты лечишь меня, моешь мое тело. Теперь нам осталось только вместе лечь в постель, и тогда ты станешь самым близким для меня, и я даже смогу назвать тебе свое имя, которое знают только мои самые близкие друзья.

Он позволил ей выговориться, и она постепенно снова погрузилась в размышления. Хан поднялся, покопался в гардеробе и нашел одежду, которую купил для Лизендир. Одежда была украшена вышитыми цветами и листьями.

— Я знаю, что это не твой стиль, Лизендир, но я решил, что эта одежда не привлечет ничьего внимания, когда мы отправимся в путь. Может быть, тебя примут за местную. Впрочем, такая пара, как мы с тобой, не может не привлечь к себе внимания.

Она откинула голову, расхохоталась. Затем резко замолчала. Она снова стала сама собой, приобрела уверенность.

— Так что мы будем делать?

— Я знаю, что вероятность появления корабля здесь чрезвычайно мала. Вряд ли мы сможем покинуть Чалседон в обозримом будущем. Наш "Палленбер" был первым кораблем, прилетевшим сюда после Ефрема. Чалседон слишком далек от грузовых линий. Но нам все равно не остается ничего другого, как дожидаться корабля.

— Где?

— Я думаю, что лучше всего в горах, где мы договаривались встретиться.

— Да. Мы не можем ждать корабля в Столице, но в горах нам пока ничего не грозит. У нас нет другого выхода, пока я в таком состоянии. Нам нужно выиграть время.

— А если мы не дождемся корабля, Лизендир?..

Он не закончил. Он хорошо знал, что будет тогда. Им придется идти каждому своим путем, путем своего народа. Что-то неопределенное сформировалось в их отношениях.

— Я знаю. — Это было все, что она ответила ему.

Глава 5

Хан и Лизендир оставались в гостинице несколько дней, чтобы Лизендир смогла восстановить силы для путешествия. В пути ее руки зажили, хотя и не полностью восстановили свои функции. Видимо, такими они и останутся до конца жизни. Лизендир больше не создавала ситуаций, могущих привести к интимным отношениям, да Хан и сам старался избегать их.

Они отправились в путь, погрузив продовольствие, купленное Ханом, на вьючное животное. Это животное, меньшего размера, чем те, что тащили повозку с товарами на рынок, обладало весьма своенравным характером.

Ни Лизендир, ни Хан не имели опыта в обращении с животными, но постепенно им удалось заставить упрямца делать то, что они хотят. Однако поначалу он доставил им немало хлопот. Лизендир в ярости даже сказала Хану: "От него, по крайней мере, будет польза. Когда у нас кончатся запасы, мы сможем съесть его!"— и вол по тону замечания понял, что ничего хорошего его не ждет. Он поднял голову, опустил уши и с тех пор стал вести себя более или менее прилично.

Они ехали в горы, туда, где у них была назначена встреча. Странно, но Лизендир вовсе не хотелось покидать город, однако она не возражала, понимая необходимость этого. Ведь они привлекали слишком много внимания, возбуждали слишком много любопытства. Леры и люди жили в мире на Чалседоне, но все же совместного проживания еще не получалось.

Хан и Лизендир не были в интимных отношениях между собой, однако юноша заметил, что с тех пор, как вернулась Лизендир, между ними возникла новая, духовная близость. Теперь Лизендир была более мягкой, менее требовательной, менее уверенной в себе. Иногда своими неожиданными капризами, неожиданными поворотами в разговоре она напоминала ребенка. Но Хан заметил, что изменилась не только она, он ощущал перемены в себе.

Дорога, по которой они двигались, была пустынной. Изредка им встречались на дороге повозки и путники, и эти случайные встречные с изумлением смотрели на столь странную пару.

Пока они шли, Хан разрабатывал свой план:

— Мы не можем жить в Столице. Совершенно очевидно, что там есть шпионы. И тем не менее, мы должны жить где-то поблизости, чтобы не прозевать корабль. Мы могли бы заниматься сельским хозяйством, но ни ты, ни я не обладаем достаточными познаниями для этого. Я полагаю, что было бы лучше заниматься добычей золота в горах. Здесь оно мало ценится, но прокормиться этим можно. Пищу можно покупать на окраинах города.

— А что если корабль так и не появится?— спросила она, с тревогой глядя на Хана.

Он долго не отвечал, хотя ответ был ему известен. Наконец он заговорил:

— Если так случится, то через несколько лет ты станешь чьей-то женой. Войдешь в клан...

Они оба замолчали и долго не говорили после этого.

Вскоре дорога пошла в гору. Еще несколько дней пути — и они увидели две вершины, к которым направлялись. В последний раз они их видели, когда были еще в городе. Это было, казалось, несколько лет назад. В этом мире долгих суток и отсутствия времен года время искажалось.

Они свернули с дороги и поехали через рощу, отыскивая место, пригодное для стоянки. К своему удивлению, они скоро наткнулись на заброшенную хижину. Она была небольшая, но довольно крепкая и не лишенная некоторого комфорта. Вблизи, по песчаному руслу, протекал ручеек. В песке поблескивали крупинки золота. По всему было видно, что тот, кто построил эту хижину, давно покинул эти места.

Хан предположил, что здесь был один из первых поселенцев, который решил добывать золото. Но этот промысел на Чалседоне не был прибыльным — ведь золота здесь было много, и ценилось оно только в порту, да и то лишь тогда, когда прибывали торговые корабли. Так что обогатиться этим здесь было невозможно.

Вероятно, одинокий золотоискатель заболел и, не имея помощи, умер. Лизендир согласилась с этой версией, но добавила:

— Я не боюсь, что он вернется. Совершенно ясно, что здесь давно никто не живет. Он ушел — или умер — много лет назад. К тому же мы не знаем, сколько лет назад заселен Чалседон. Я думала, что совсем недавно, но кажется, что это не так.

— Да. Даже в той деревушке леров, где я жил, никто не знает общий язык. Это не значит, что они забыли его — память у леров очень хорошая,— нет, они его просто не изучали.

— Ты говоришь такое, о чем я не решаюсь даже подумать.

— О, посуди сама. Нас послали сюда, ничего не объяснив. Дальше: Хетрус был главой людей на той встрече. А кто был главным у леров? Разумеется, не ты — ты слишком молода. И не Вальваркой, и не Линкуриан. И не тот, кого мы считаем шпионом и который стремился уничтожить нас. Кто же остается? Дефтерхард Сирт. Кто она, и что она знает?

— Дефтерхард Сирт — старая и мудрая женщина. Но кроме этого, я ничего о ней не знаю. Скоро ее возведут в ранг мудреца, и она будет пятнадцатым из них. Сейчас их четырнадцать.

— Значит, мы просто открыли дверь на эту планету, но куда идти дальше, мы не знаем.

Следующие несколько дней они старались сделать хижину, пригодной для обитания. В часы отдыха они исследовали окрестности. В одну из этих экспедиций, вблизи истока ручья, Лизендир нашла скелет. Она внимательно исследовала его и объявила, что это человек, а не лер. У леров отсутствуют зубы мудрости. Хан не был суеверен, но ему все же было не по себе. Лизендир же, напротив, сочла это добрым предзнаменованием. Настроение ее заметно улучшилось. Хан был удивлен этим.

— Это хороший знак,— сказала она. — Я потом объясню.

Хан приготовился слушать, думая, что это будет долгий разговор. Он начал подозревать, что общество леров потому так статично, что леры тратят всю энергию на производство следующего поколения и сохранение его для будущего.

Лизендир продолжала:

— Ты знаешь, что после того, как у лера появились дети и он вырастил их, он становится свободен и может делать все, что хочет. Многие выбирают одиночество. И когда такой лер чувствует, что конец близок, он делает над собой цанзираф. Иногда он выживает — и это означает, что время его еще не пришло. Иногда лер умираст, и так избавляется от всех проблем. При этом он остается лежать там, где упал. Мы не хороним своих мертвых — они распоряжаются собой сами. Такова наша высшая религия. Тело возвращается земле. Найти скелет — это хороший знак, так как это значит, что кто-то успешно завершил свой жизненный путь.

— Но это же скелет человека, а не лера. И он не был удовлетворен жизнью. Скорее всего, он спятил тут.

Она отмахнулась от его возражения:

— Ну и что? Подумай сам, разве может человек, живущий в мире с самим собой, путешествовать в космосе, а затем уйти в необитаемую пустыню? Я знаю, что такое страсть к золоту. Но даже и она не может изменить природу человека. Ты можешь жить один? Нет, скажешь ты и приведешь тысячу причин: ты молод, ты хочешь жить в обществе, иметь подруг, друзей... Я знаю, потому что чувствую то же самое. Я не могла бы жить одна. — Она замолчала, задумалась. Затем продолжала: — Может быть, он был жаден и неудовлетворен. Но раз он остался здесь,

значит, он сумел заглянуть в себя: люди иногда тоже умеют это делать, хотя и не так часто, как мы. В противном случае он не остался бы здесь, он вернулся бы в город, чтобы умереть там.

Хан был вынужден признать, вне зависимости от того, хороший это знак, или нет, что место, где они решили обосноваться, очень красиво. Хижина была расположена невдалеке от гребня, на котором возвышались две вершины, видимые из Столицы. Вокруг росли деревья, кусты, весело журчал ручей, прокладывая себе путь в ложбине. Солнечные лучи играли среди вершин гор, в долинах между ними; медленно плыли облака, легкий ветер едва шевелил ветви деревьев. Вид на вершины был великолепен. Да, это было необитаемое место, но оно располагало к раздумьям, к умиротворению, к полному внутреннему покою.

Через несколько дней совместного проживания и работы они оба поняли, что перед ними встала общая проблема: они были слишком близки друг к другу, как физически, что обусловлено теснотой хижины, где они спали, так и эмоционально — их общей судьбой. Они оба ощущали тягу друг к другу. Однажды вечером после ужина, когда они приготовились ко сну, они решили поговорить об этом.

Разговор начал Хан, который заявил, что их близость сейчас действует на него гораздо сильнее, чем тогда, когда они были на корабле. Лизендир только рассмеялась:

— Ну так что? Ты жил несколько месяцев среди леров — женщин-леров. И они ведь не попытались изнасиловать тебя во сне?

— Но ты же знаешь, что у нас с тобой совсем не так.

— Конечно. — После этого она погрузилась в долгое молчание, но Хан хотел говорить серьезно. Он понимал, что Лизендир чем-то глубоко встревожена, но она не могла — или не хотела — рассказать ему о своих тревогах. Поэтому он попытался раскрыть ее, расспрашивая о ее народе, о ней самой. Хан многое понял за время, когда жил среди леров, но многого он еще не понимал и не мог понять без ее помощи. И она раскрылась так, как никогда раньше.

— Я всегда думал о лерах, как о совсем чужой расе, настолько чужой, что с ними не смогли сродниться люди,— начал он. — И только это разделяет нас.

— Нет, совсем нет. Между нами гораздо более глубокие различия, чем ты думаешь. И основа этих различий в том, что твой народ позабыл, как он произошел, а мой народ — нет. И никогда не забудет.

Люди не знают, как они появились, и в этом их огромное преимущество — они просто следуют по пути эволюции, и стараются заполнить ту часть своей истории, о которой ни ничего не знают, различными мифами, в которые, по существу, никто не верит. И тем не менее, эти мифы существуют. Однако вы возникли из первобытного хаоса.

Мы не можем сказать то же самое. Мы сделаны искусственно. Обычный продукт цивилизации. Ваши ученые, создавая нас, так же бездумно

играли с законами вселенной, как ребенок играет со спусковым крючком нейтронного пистолета. Прагматизм! Эксперименты! И полное пренебрежение законами развития живой материи. — Она была вне себя от ярости. — Хан, они хотели узнать, смогут ли они вывести супермена искусственно. И они играли со структурой ДНК, перестраивали ее. Они вырастили в своих лабораториях целое поколение, не имеющее вековых традиций. Эволюция бесконечно разнообразна, Хан, и никто не знает ее законов, ни люди, ни леры. Поэтому когда людям удалось создать новую форму жизни, они были бесконечно удивлены. Да, это оказалось чудом, магией. Они, сами по себе, смогли достичь следующей резонансной частоты. Как в музыке. Следующего полутона. Хотя совершенно не имели понятия о законе построения музыкальной гаммы в целом. Вернее — следующего аккорда. Или, как в физике, следующего стабильного состояния элемента. Магия, магия. Я содрогаюсь от страха, думая об их игре, опасной игре при полном незнании того, к чему это может привести. Но они были счастливы, когда им удалось сделать это. У людей была за спиной тысячелетняя культура, мы же одним скачком из ничего оказались во втором веке атомной эры. Из ничего.

Затем люди обнаружили, что не могут иметь от нас потомства. Это был удар. Они смогли сделать супермена, но ничего хорошего извлечь из этого не смогли. Суперирония! Он сделали невозможное, но никакой пользы для себя от этого не получили. Они стали как бы родственниками леров, но находящимися в далеком прошлом. Леры оказались не такими, как люди. Может быть, не лучше и не хуже... просто не такими. Шесть тысяч леров с низким уровнем рождаемости, таким низким, что нам пришлось разрабатывать систему браков и семейных отношений, чтобы понемногу увеличивать свое число. Шесть тысяч на планете, которую населяют пятнадцать миллиардов человек. Поэтому леры бежали с Земли.

Действительно, мы обладаем некоторыми способностями, которых не имеете вы. Например, память. Мы тоже можем забывать неприятное, но если для вас это только сдвиг в далекие области мозга, то для нас это полное стирание. Поэтому нам приходится быть крайне осторожными — ведь при неосторожности можно потерять и полезные сведения. Правда, это исключает саму возможность пыток — ведь каждый может при необходимости забыть все, что пожелает. У нас более широкий спектр видения — у нас существуют еще два цвета помимо семи.

Однако мы не можем видеть в темноте, и наш день кончается с наступлением сумерек. И низкая рождаемость... Но утверждают, что это закон эволюции — чем выше форма жизни, тем сложнее условия ее воспроизводства. Да и еще много отличий, вплоть до внешнего вида. Вы очень завидуете тому, что мы долго выглядим молодыми. Но зато мы меньше времени проводим в зрелости. И секс в юности. Он дан нам вовсе не для удовольствия, а для того, чтобы в зрелости, которая у нас длится сравнительно недолго, мы не отвлекались на секс в ущерб полезной

деятельности. Да, в юности мы испытываем двадцать лет интенсивной телесной любви, но бесплодной, совершенно бесплодной. А потом приходится связывать жизнь с тем, кого тебе назовет совет клана, а не с тем, кого хочешь ты.

— А если любовь, Лизендир? Что тогда?

Она коротко рассмеялась, но в смехе этом не было веселья. Она чуть не плакала.

— Тогда жизнь наша становится мукой. Ведь мы наделены памятью, и мы помним все до мельчайших подробностей. Наша память — наше проклятье. Вот почему я не хочу ничего иметь с тобой. Я просто хорошо помню остальных. Ты видишь во мне просто секс. Развлечение. Безответственность. Но как мне придется потом расплачиваться за это!.. Подумай — у тебя есть любимая, и ты наслаждаешься с нею. Затем приходит зрелость, и вас разлучают, а когда вы снова свободны друг для друга, вы уже стары, и вам остается только вспоминать, как все было.

— А почему бы вам не соединяться просто по любви?

— Это невозможно. Весь вопрос в генах. Они могут быть нестабильными, а нам нельзя рисковать — это может привести к появлению мутантов, субрас. Ведь у искусственно выведенной расы большая вероятность мутаций, и следовательно, нужно тщательно выбирать производителей потомства.

Она погрузилась в молчание. На улице стало совсем темно, и Хан видел только бледное пятно ее лица. Сейчас Хан видел ее лучше, чем она его, хотя, конечно, она могла с большой точностью определить его местонахождение по звукам и запахам. Где-то вдали слышались крики незнакомых животных. Лизендир вздохнула.

— А теперь поговорим о нас с тобой. У тебя ко мне не просто плотское желание, а нечто более глубокое. Я тоже молода и жажду любви. Для меня ты слишком примитивен, хотя и не лишен приятности. Я к тебе ощущаю более глубокие чувства, чем когда-либо, и мне будет нелегко забыть тебя. Но между нами не может быть ничего. У нас не будет будущего. Разве ты сам не видишь этого?

Хан ответил не сразу. Он и сам ощущал нечто подобное. Он знал, что теперь любовь для него перестала быть развлечением, игрой. Теперь это стало для него очень серьезным делом. Но возможна ли любовь между ними?

Он спросил:

— Правда ли, что ваш любовный акт длится дольше, чем наш?

— Конечно. И дольше, и чаще. Так что любовь между нами будет мукой для нас обоих. Что может получиться из нее кроме того, что ты сожжешь мое сердце и измучишь себя?

Он и сам думал о том же. Ответа на поставленный ею вопрос он не знал. В тесной хижине нарастало напряжение, и, чтобы разрядить его, он встал и начал убирать посуду после ужина. Лизендир вышла из хижины, и вскоре Хан услышал, как она плещется в ручье.

К тому времени, как он закончил уборку, пришла и Лизендир, одетая в чистое платье. Старое она повесила сушиться. После нее пошел мыться Хан. Ледяная вода не смогла погасить его пыл, не смогла залить огонь, который бушевал в нем.

Ночь была необычно холодной. Хан взобрался на ближайший холм и посмотрел на юг. Где-то вдали зародилась гроза, она уже приближалась к Столице, заволакивая ее огни черными тучами. При слабом движении ветра в атмосфере Чалседона гроза могла часами висеть на одном месте. Изредка вспыхивали молнии, но гроза была слишком далеко, и раскаты грома не доносились сюда. Хан вздохнул и вернулся в хижину.

Его встретил возбуждающий запах женщины. Хан не стал подавлять свои чувства.

— Лизендир?.. — Он подождал ответа, затем позвал снова: — Лизен... — Имя это странно звучало в темноте хижины.

В углу что-то зашевелилось, и он разглядел светлое пятно ее обнаженного тела.

— Я ждала, что ты позовешь меня,— мягко сказала она. В голосе ее было столько нежности, сколько он никогда раньше не слышал от нее.

— Лизен, не будем отказываться от счастья, которое мы можем иметь.

Он коснулся ее гладкой белой кожи. Она была холодная, как ночной воздух, но под ней бушевал огонь. Лизендир произнесла что-то еле слышно. Он опустился возле нее на колени и коснулся ее бедра. Он понял, что она сказала, хотя и не знал языка: это был зов, страстный и нежный.

Хан почувствовал, как желание овладело им и разорвало тиски реальности. Лицо Лизендир светилось в темноте бледным пятном, притягивающим его. Почему она всегда казалась ему неженственной? Нет, это была настоящая женщина. И прежде, чем он совсем потерял голову, он задал один глупый, идиотский вопрос:

— Ты целуешься?

Она ответила быстрым внезапным движением. Хан не мог уже больше сказать ни слова. Все исчезло для него, кроме одного — темноты вокруг и огня внутри.

С этой ночи между ними возникли совсем другие отношения. В этих отношениях они руководствовались только эмоциями, они стремились только удовлетворить свою ненасытную жажду друг к другу. Время для них исчезло. Хан видел, как поднимается и садится солнце Чалседона, но это для него ничего не означало. Они ели. Они спали. Они занимались любовью. Лизендир была ненасытна. Хан не мог сравниться с нею в этом. Он старался, как мог, но в конце концов выдохся полностью.

Он не знал, сколько времени он проспал, но когда он проснулся, было уже утро. Но, может быть, и вечер. Он не мог с уверенностью определить этого. Он попытался вспомнить, в какой стороне встает солнце, ни не мог.

Прошло время, тени заметно удлинились. В своих руках Хан почувствовал что-то теплое. Это была Лизендир, которая спала, глубоко дыша.

Ощутив его движение, она тоже проснулась. Глаза у нее были чистые и ясные. Она потянулась, улыбнулась. Хан заметил движение ее мышц под кожей. Они не говорили между собой. Разве можно высказать то, что произошло?

И так текло время, которому, казалось, не будет конца. Они мало разговаривали, не рассказывали друг другу ничего, ничего не выясняли. Они потеряли счет дням. Они не замечали их: для них существовало только настоящее. Для них исчезло прошлое, для них не было будущего. Они остались одни во всей вселенной...

Они испытывали высочайшее наслаждение, делая самые обыкновенные маленькие дела — готовя пищу, убирая посуду и тому подобное. Погода была хорошая, и Лизендир все время ходила полностью обнаженная. Хан восхищался ее крепко сбитым, грациозным телом. Все ее движения были мягки, экономны, пластичны. Она походила на женщин восточных рас, только лицо и волосы были другими. Кожа у нее была цвета слоновой кости, слегка оттененная розовым.

Она не была требовательной. Ведь и Хан, и она сама знали, что Хан не в силах удовлетворить ее, и Лизендир щадила его.

Вскоре им пришлось позаботиться о пище. Хан добыл немного золотого песка и сходил в окрестности Столицы. Там он продал его и закупил провизию. Однако ему не удалось выяснить ничего нового о Воинах.

Снова их жизнь потекла по прежнему руслу. Постепенно они снова стали разговаривать. Сначала это были просто короткие смешные случаи из прошлого, а потом уже серьезные обсуждения тех проблем, которые стояли сейчас перед ними.

Был теплый вечер. Легкий туман, окутавший планету, позволил сохранить дневное тепло дольше, чем обычно. Они сидели возле ручья, прижавшись друг к другу, и разговаривали.

— Теперь мы с тобой любовники. Ты можешь называть меня ласкательно — Лизен, или Изеди. Это доставляет мне удовольствие. Это было для меня самым приятным в жизни. Однако скорее всего корабль не придет, и все кончится так, как мы и предполагали.

— Я хочу забыть об этом, Изеди. — Хан старался пользоваться этим именем, которое напоминало, что они тесно связаны друг с другом.

— Я тоже, милый. Но мое тело не может забыть. Я уже сейчас чувствую, что изменения начались. Пока маленькие, но изменения. Сколько еще времени осталось нам?

— Я ничего не знаю, кроме того, что мне хотелось бы жить с тобой вечно.

Она, поколебавшись, заговорила:

— Чем ближе будет мой период способности деторождения, тем меньше я буду хотеть тебя. Ты не способен заполнить во мне пустоту, ты же сам это знаешь. Но мы можем дать друг другу обещание, что после того, как я выполню свое предназначение, я вернусь к тебе, и ты примешь

меня. Что такое наша жизнь, если не постоянное ожидание счастья? Только идиот может думать, что жизнь — это выполнение долга. — Она глубоко вздохнула, посмотрела на Хана. — Ты еще многое не знаешь, и я постепенно расскажу тебе все. Но пока еще рано. Сейчас я скажу тебе, что для каждого из нас есть символ. Мой символ — огонь. Он ассоциируется с волей. И я всегда поступаю так, как хочу сама.

Хан долго размышлял. Одно дело поклясться в любви сейчас, и совсем другое — обещать любовь через сорок лет. Кто может знать, каково его будущее? А сейчас перед глазами Хана была стройная обнаженная фигура женщины, которую он любил.

— Хорошо. Для меня все это очень необычно, но я обещаю ждать тебя.

— Тогда я вернусь к тебе. Ты будешь летать среди звезд, торговать, но я буду знать, что, когда придет время, ты будешь со мной.

Они замолчали, глядя на бурлящий ручей.

Немного погодя Хан поднялся и пошел на вершину холма, чтобы посмотреть вокруг и подумать, что их ждет, когда они постареют. Взобравшись наверх, он посмотрел на юг и почувствовал холодок на сердце. Над городом были огни, медленно двигающиеся огни. Хан знал, что это может означать только одно.

Он долго стоял, глядя на корабль, истинных размеров которого он не мог определить. Лизендир, заметив его долгое отсутствие, тоже поднялась на вершину. Однако он даже не заметил ее, пока не ощутил теплое прикосновение ее руки. Она не произнесла ни слова, и только смотрела на эти огни, как и он.

Наконец, она горько произнесла:

— Это наш корабль.

— Ты думаешь, они прилетели за нами?

— Я знаю это так же точно, как и то, что нам не скрыться от них. И даже если бы у меня были здоровые руки, и ты бы был вооружен до зубов, мы ничего не смогли бы сделать — их слишком много.

Как бы в ответ на ее слова корабль начал медленно набирать высоту, направляясь к северу, к ним. Хан заметил это и начал лихорадочно собираться. Лизендир положила руку на его плечо.

— Не сейчас. Они не смогут заметить нас с корабля.

Темная масса корабля и огни двигались к северу среди облаков. Вскоре они исчезли в темном небе.

Лизендир повернулась к Хану:

— Идем в хижину. У нас с тобой есть еще одна ночь.

Хан думал, что ему уже не проснуться. Они оба знали, что это их последняя ночь вместе, и взяли он нее все, что могли. Под конец он уже лежал рядом с ней совсем без сил, ощущая тепло ее нежного тела. Наконец он встал, вышел из хижины и пошел к ручью. И тут он почувствовал, что что-то не так. Он взглянул. Хатингар. И еще много других. На склоне

стоял "Палленбер", сверкая металлической поверхностью в лучах солнца. Хан оглянулся на хижину. Лизендир стояла на пороге, глядя на него.

Первым нарушил тишину Хатингар:

— Браво, браво! Вы понимаете тщетность сопротивления. Вам не удастся ни бежать, ни сражаться. У вас нет никаких шансов. Вы, наверное, хотели бы знать, как я нашел вас здесь? Очень просто. Никакой магии, никакой техники. Просто хорошие уши. Я слышал, как вы договаривались встретиться здесь. И вот тоже пришел сюда. Я согласен с вами — мне тоже нравится это место.

— Что вы хотите от нас?— спросил Хан.

— О, бояться вам нечего. Конечно, мне хотелось бы отомстить за тот урон, что она нанесла мне. И при других обстоятельствах я не преминул бы сделать это. Однако она искусный воин, и в данном случае я готов забыть свои личные счеты. Такие, как она, весьма ценное приобретение для Воинов Рассвета.

— Я не собираюсь помогать вам,— ровным голосом сказала Лизендир. — Я постараюсь забыть все, чему была обучена, и вы ничего не сможете со мной сделать.

Это была действенная угроза, ведь она могла спокойно стереть все из своей памяти. Тело останется, но Лизендир в нем не будет.

Хатингар заговорил:

— Я думаю, что ты ничего с собой не сделаешь. Ты же не захочешь, чтобы мы обошлись с ним грубо? Сама ты можешь избежать мук, но он не может. Ведь если дело дойдет до этого, ему никто не позавидует. Но давай не будем опускаться до этого. Кроме того, я же не желаю ничего подобного. Ты, Лизендир, будешь рожать и обучать Воинов. Все равно Воины скоро завоюют всю вселенную.

— А как насчет меня, Хатингар?— спросил Хан.

— Ты не представляешь большой ценности. Может быть, ты сведущ в технике, но меня это мало интересует. Я продам тебя на Рассвете. Но, может быть, если вы будете хорошо себя вести, я продам тебя ей,— он показал на Лизендир. — Если, конечно, ей подойдет моя цена. Ты, Хан, коммерсант. Я тоже.

Хан краешком глаза заметил, что корабль Воинов возвращается с севера. Корабль был громаден. Он намного превосходил размерами все известные ему корабли. Огромный конус, вокруг которого вращались метеориты. Один из них был диаметром в полмили.

— Вас поражает наш корабль и его окружение?— спросил Хатингар. — Это хорошо. Это наше оружие. Для него не нужно взрывчатки, запалов и так далее. Просто старое доброе железо, настоящее оружие воинов. Когда нам нужно, мы исключаем метеорит из гравитационного поля корабля, и он вонзается в планету, оставляя прекрасные кратеры, чистые, ровные, диаметром в несколько сотен миль и глубиной в несколько миль. От такого оружия нельзя ни укрыться, ни спрятаться, ни защититься.

Скоро мы совершим нападение на цивилизацию людей и леров. Нам нужны корабли, хотя мы вполне могли бы обойтись и одним.

— Леры никогда не пойдут за вами,— спокойно сказала Лизендир.

— Тогда мы уничтожим их. Мы не боимся вашего нового оружия, которым вы можете взрывать звезды. Ведь вы не знаете, где мы живем.

От тела корабля Воинов отделился маленький корабль. Но он был маленьким по сравнению с кораблем. На самом деле он был не меньше, чем "Палленбер", корабль, который привез сюда Хана и Лизендир.

Без дальнейших разговоров Хатингар погнал их на этот корабль, как только тот приземлился. В каюте, куда их загнали, не было окон, и они ничего не могли видеть. Какое-то время они летели — они определили это только по шуму двигателей,— затем шум двигателей стих. Хана повели по одному из коридоров, Лизендир, тщательно охраняемую,— по другому.

Вскоре Хан очутился в маленькой каюте, скорее камере, но не лишенной удобств. Дверь за ним закрылась, и тут же его бросило на пол сильнейшим толчком, когда корабль начал набирать скорость. Затем все более или менее установилось, и Хан понял, что корабль вышел на курс.

Часть вторая

РАССВЕТ

Глава 1

В течение долгого времени Хан находился в полном неведении. Пища, хотя и невкусная, через определенные интервалы времени подавалась ему через отверстие в стене. Никаких неприятных или болезненных ощущений у него не было. Правда, ему показалось, что еды ему дают больше, чем требуется. Вероятно, эта пища была предназначена для тех, у кого потребности в калориях были выше, чем у людей. Может быть, для леров. Действительно, он уже убедился, что Лизендир ест гораздо больше, чем он, и он вспомнил обжигающий жар ее тела... Хан не мог съесть то, что ему давали, но он прятал остатки на будущее. Кто знает, может, его перестанут кормить.

Шли дни. А может, недели. У Хана не было возможности отсчитывать время, и ему казалось, что оно тянется невыносимо долго. Свет в его камере горел все время. Он знал, что это опасно для его разума, но он был уверен, что леры не хотят довести его до безумия. Время от времени на него приходили смотреть Воины. Они обычно появлялись по трое, и, как у всех леров, пол их был выражен очень нечетко. Однако Ефрем был несомненно прав в одном — они действительно выглядели как варвары. И мужчины и женщины были в татуировке, а их волосы были украшены перьями, лентами и прочей дребеденью. Никто из них не говорил с Ханом.

Хан начал заниматься собой, чтобы не сойти с ума. Он старался представить себе корабль по тем звукам, которые доносились до него. И тут к нему внезапно пришла мысль, которая полностью захватила его: этот корабль, огромная крепость, вокруг которой вращаются метеориты, и которая способна уничтожить целую планету, на самом деле очень стара и непрерывно разрушается. Только умелый уход за кораблем еще позволяет ему держаться. Сколько же лет этому кораблю? Он не имел понятия. Сотни, а может, и тысячи. Хан вспомнил рассказ Лизендир о Санзирмиль. Да. Он прислушался.

Корабль стонал и сотрясался, изредка угрожающе поскрипывая. Хан пощупал переборку. Кажется, его камера сделана совсем недавно. Впрочем, все корабли время от времени подвергаются переделкам. Однако поверхность стен была обработана очень грубо.

Скрип и треск не прекращались. Хан уже обратил внимание, что система снабжения воздухом временами прекращает работать. Ему было трудно дышать, к тому же в камере чем-то пахло. Все говорило, о том, что должно произойти что-то плохое. Скрипы становились все громче. И вдруг — тишина.

Прошло немного времени, и, к удивлению Хана, на пороге его камеры появилась Лизендир. За плечами у нее был мешок, набитый, видимо, пищевыми концентратами, арбалет и колчан со стрелами. Она протянула арбалет Хану. Арбалет? В космосе? Однако он принял его без возражений. Первое, что он сделал — это приготовил его, вложив стрелу с грубым, но острым металлическим наконечником. Лизендир выглядела как обычно. Вероятно, за это время с ней не произошло ничего плохого.

— Идем. Молчи пока. Ты не поверишь, но мне кажется, что мы можем сбежать отсюда. Мы на Рассвете.

В коридоре появился охранник. Увидев их, он замер от неожиданности. Хан без колебаний выстрелил в него. Украшенный перьями Воин рухнул на пол, издав лишь легкий стон. Лизендир взглянула на Хана, но он не смог понять, одобряет ли она его действия. Однако ведь она сама дала ему оружие, и значит, имела в виду, что им придется пользоваться.

Он перезарядил арбалет, пожалев, что тот однозарядный, и поспешил за Лизендир. Они долго шли по длинным коридорам, и в конце концов очутились в рубке корабля.

— Ты можешь полететь на нем?— спросила Лизендир.

— Не знаю. Черт возьми, здесь все написано на языке леров.

— Это старое письмо. Мы такое давно не используем. Но я смогу прочесть. Посмотрим...

Она переводила надписи органов управления. Затем она нажала кнопку, и перед ним открылся люк, ведущий наружу. Корабль — а это оказался маленький спасательный корабль — медленно начал двигаться. Хан попытался управлять кораблем. Это оказалось сложным делом: корабль слишком чутко отзывался на его движения...

И вот они уже летят над долиной, плоской, как стол, в пронзительных лучах света. Хан смотрел вниз. Ему показалось, что он видит деревья, хотя он не мог сказать этого с уверенностью — расстояние было слишком велико. Свет был очень яркий, голубой, какого он никогда не видел раньше. Ослепительное солнце сияло на безоблачном ярко-фиолетовом небе. Все предметы отбрасывали такие резкие и острые тени, что Хану показалось, что о них можно порезаться. Невозможно было сказать, какое сейчас время суток — утро, день или вечер. Далеко внизу виднелась громада корабля. Метеоры лежали вокруг него на земле.

— Он приземлился здесь для ремонта,— сказала Лизендир. — Корабль совсем разваливался, и им даже не удалось дотянуть до своей страны, которая находится за тысячи миль отсюда, на другой стороне планеты. Здесь на корабль напали какие-то племена, вооруженные пушками и химическими ракетами. Они нанесли лишь небольшие повреждения, но Воины пришли в ярость. Они бросились в бой, как орда маньяков. Вероятно, они очень дорожат этим кораблем-монстром. Смотри!

Хан взглянул вниз, на долину, где шла битва. Он не мог видеть подробностей с такой высоты, но зрелище было впечатляющим. В битве участвовали даже отряды всадников, хотя Хан не мог разглядеть, на каких животных сидят воины.

Когда они удалились от поля битвы, Хан сказал:

— Значит, мы на Рассвете?

— Да. Я думаю, что на этой стороне планеты живут те, кто не хочет подчиняться Воинам. Не знаю, может, Воины не могут подчинить эти земли, а может, просто не считают это нужным. И вообще-то здесь живут люди, а не леры. Это они напали на корабль. У воинов есть даже термин для них — "клеш",— то есть одомашненные звери.

Хан снова посмотрел назад. Там взметнулось вверх облако черного дыма. Немного погодя донесся звук взрыва, и тут же вокруг корабля показались языки зеленого пламени.

— Это сигнал вызова,— воскликнула Лизендир.

Отряды Воинов стали собираться возле небольших кораблей, прибывших с огромного корабля, вокруг которого уже стали вращаться метеориты. Затем один за другим мелкие метеориты стали обрушиваться на долину.

— Они еще не знают, что мы сбежали,— сказала Лизендир. — Они оставили меня в рубке управления с тремя охранниками. Это была их ошибка. Теперь их на три Воина стало меньше. — Она усмехнулась, показав зубы в злобном оскале. — Один лер не может управлять этим монстром. Тут нужна команда. Поэтому я не смогла украсть этот корабль и обрушить на них их собственное оружие.

— Я думал, что твои руки уже не могут напрягаться, что ты уже не сможешь пользоваться оружием.

— Сначала я дралась локтями, коленями, ногами. Однако это животное, Хатингар, использовал против меня оружие, и я думаю, что теперь тоже могу пользоваться им. — Она улыбнулась так, что Хану стало не по себе.

Скорость их движения увеличилась. Хан постепенно стал спускаться пониже. Лизендир наблюдала за кораблем в заднем экране. Хан спросил ее:

— На этом корабле есть какой-нибудь источник энергии?

— Нет. Во всяком случае, я не нашла его. Ты думаешь, что энергия поступает с большого корабля?

— Я полагаю, что энергия подается с помощью микроволнового излучения. Если это так, то скоро мы выйдем из зоны подачи энергии.

— Да, ты прав. Корабль набирает высоту и летит на ту сторону планеты.

Скорость полета все время падала. Корабль перестал слушаться рулей. Хан выжимал из него все, что возможно, стремясь приблизиться к земле. Впереди вырастала горная гряда.

— Я хочу приземлиться здесь, перед горами. Думаю, мы будем здесь в безопасности. Однако будь готова. Подача энергии может прекратиться в любое мгновение, и тогда мы рухнем.

На заднем экране корабля уже почти не было видно, он превратился в черную точку. И вот наступил момент, когда он скрылся за горизонтом. Огни на панели управления мгновенно погасли, и их корабль начал падать. Сильный удар о землю потряс их, но они оба остались целы и невредимы.

Лизендир, лежа на полу, спросила:

— Ну как? Ты можешь двигаться?

— Сейчас нам нужно как можно скорее покинуть корабль.

Помогая друг другу, они выбрались наружу и побежали. Затем бросились на землю, стараясь буквально вжаться в нее. Долго ждать им не пришлось. Яркая вспышка на небе, и немного погодя — ужасающий грохот. Земля затряслась вокруг них, покрылась трещинами. В воздухе повисла пыль.

Хан посмотрел наверх.

— Сейчас начнут сыпаться обломки. Закрой глаза.

Лизендир встала, глядя в небо.

— Это ужасно.

— Да. Они используют против нас оружие.

— Это смертный грех, это зло.

Хан поднялся и пошел к вершине холма.

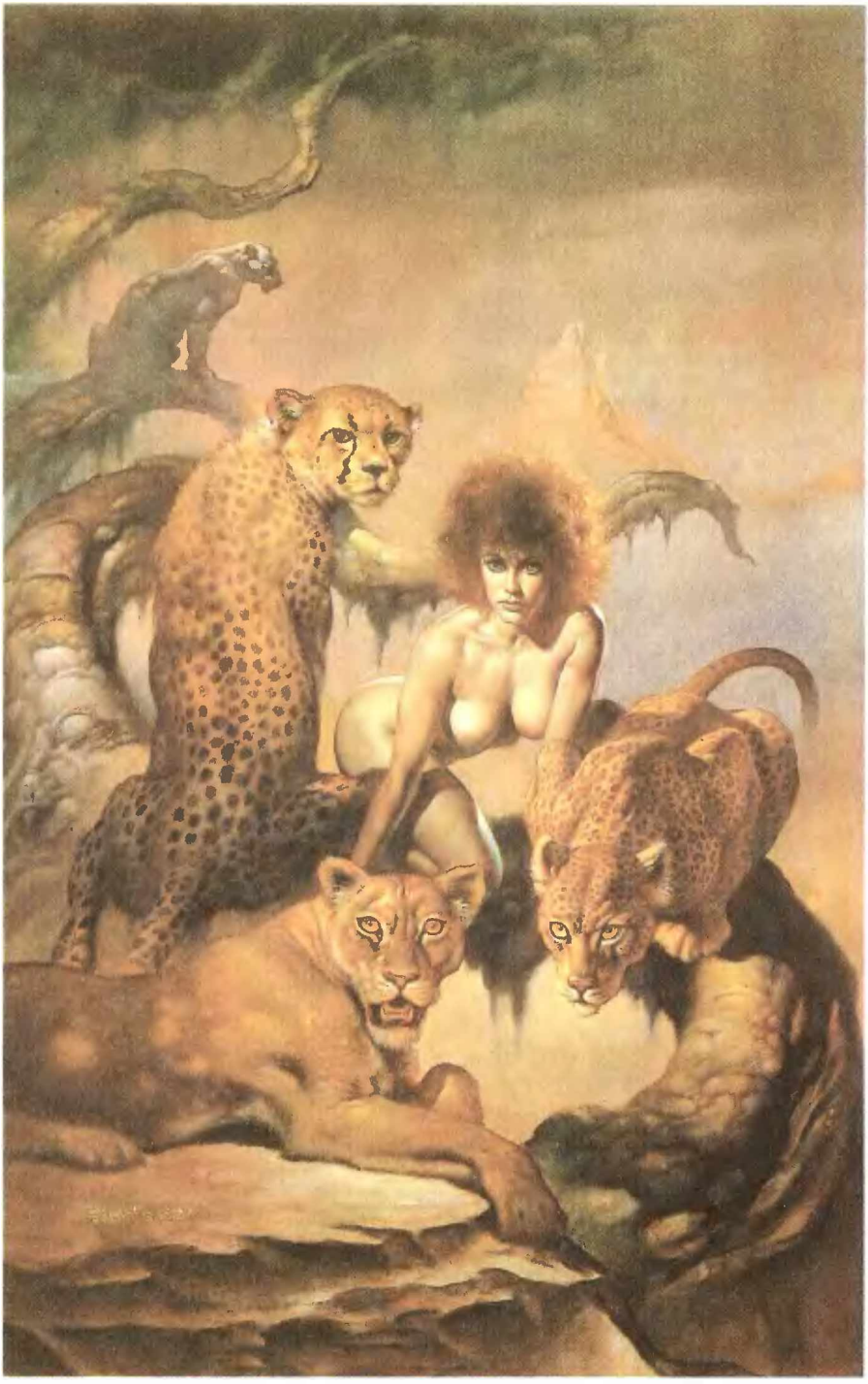
— Идем. Я хочу посмотреть, что там произошло.

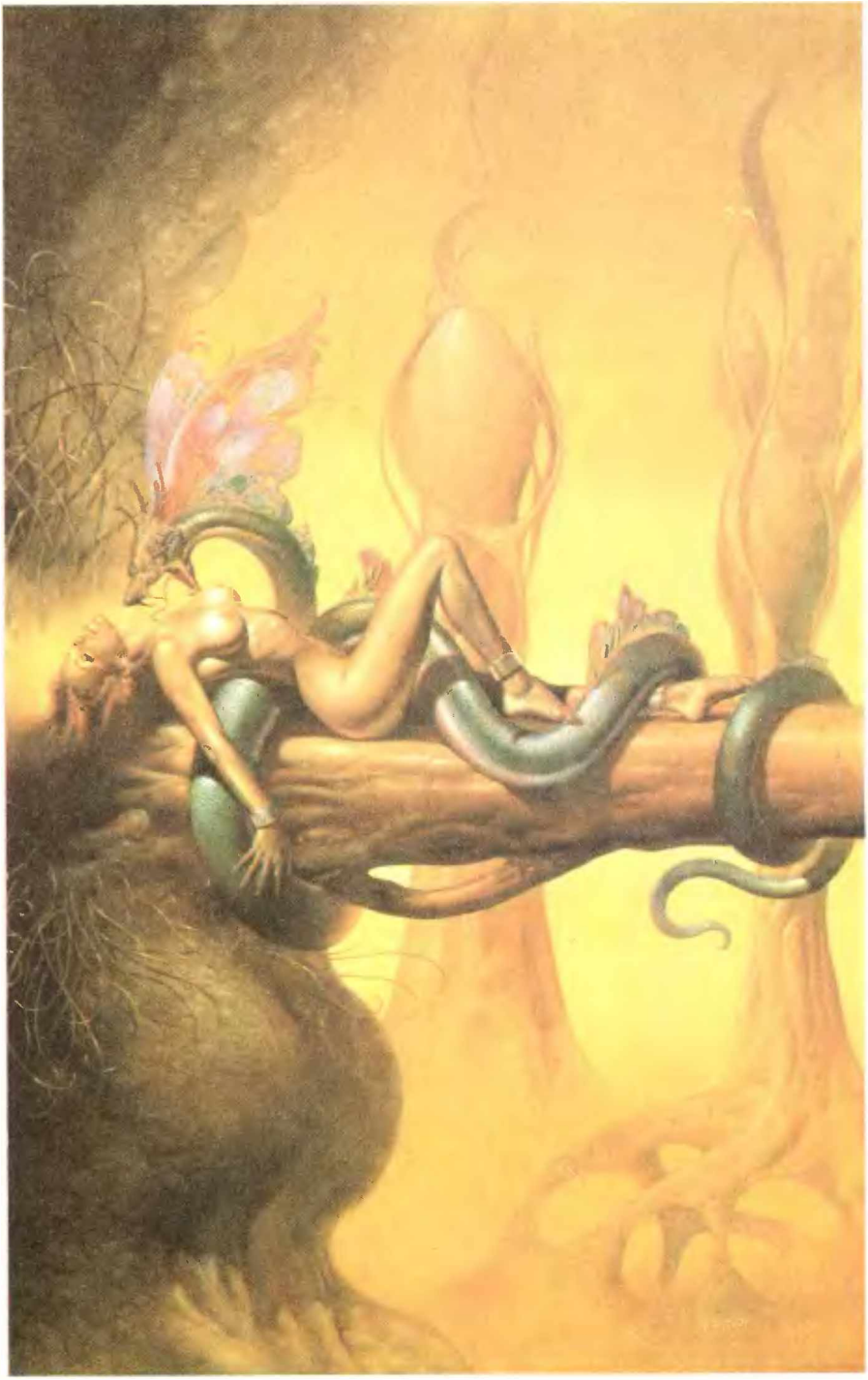
Она отвернулась.

— Нет. Я не пойду, я подожду.

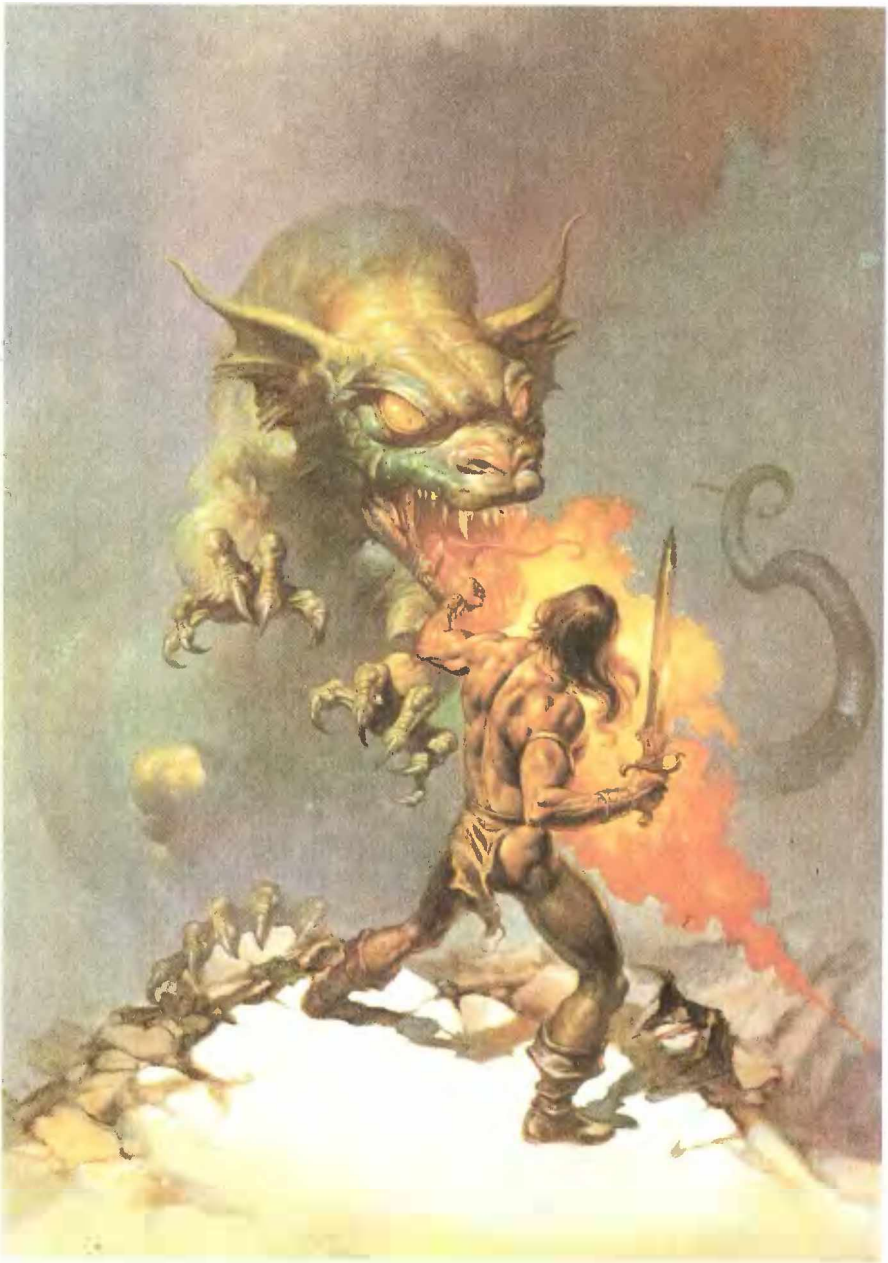
Хан поднялся на холм, который послужил им укрытием. Путешествие заняло довольно много времени, и Хан совсем выдохся. Он стоял, едва переводя дыхание, глядя на сцену опустошения. У него закружилась голова. Видимо, воздух здесь был сильно разреженный. Он сел, тяжело дыша.

Внизу в долине он увидел кратер. Огромный кратер. Над ним клубилось облако пыли. От кратера расходились трещины длиной в несколько миль. В некоторых местах долины горела трава. В чистом разреженном воздухе Хан не мог определить истинное расстояние. Может быть, миль пятьдесят — таков радиус поражения Воинов. Да, ему и Лизендир повезло. Вероятно, сюда обрушился метеорит объемом с

кубическую милю. И скорость его была огромна. В долине все было мертво.

Он вернулся к Лизендир, которая ожидала его. На ее лице было и любопытство, и страх, и боль. Пока он ходил, Лизендир достала из корабля мешок с провизией, арбалет и какие-то одеяла. Теперь на первое время у них будут и кров, и пища.

Когда он подошел, Лизендир заговорила шепотом:

— Хан, какие у нас теперь шансы? Что там? Куда мы теперь пойдем?

— Я не знаю. — Затем он осмотрелся. С одной стороны была огромная долина, с другой громоздились горы, которые спасли их. А за ними вдали возвышались другие горы, более высокие и окутанные голубым туманом. Хану казалось, что до них миль десять, хотя он понимал, что на самом деле это расстояние гораздо больше.

— Мне трудно оценить без инструментов, насколько эта планета подходит нам. Во всяком случае, я уверен, что сила тяжести чуть больше стандартной. Но воздух слишком разрежен.

— Да. Я заметила, что здесь трудно дышать.

— Вероятно, мы на высокогорном плато. Высота тринадцать-пятнадцать тысяч футов. Здесь будет очень холодно по ночам. Кроме того, нас ожидает горная болезнь, головные боли, может быть, рвота и кровотечение. Нам нужно выбираться отсюда. Я не вижу никакого другого пути, кроме как двигаться к горам. Там могут быть ущелья, каньоны. Через горы нам, конечно, не перейти. Они слишком высоки, и вершины их покрыты снегом. Так что наш единственный шанс — найти ущелье. Скорее всего, за этими горами — море. — Хан хотел бы сказать и больше, но не мог — у него не хватило дыхания.

Лизендир долго смотрела на горы. Затем она прикрыла глаза.

— Да. Ты прав. Горы очень далеко от нас. Но я согласна. Идти к ним — самое разумное для нас. Ни за что на свете я не хочу идти туда, куда ударил метеорит. Но ты заметил, как быстро здесь движется солнце? Вероятно, дни на планете очень короткие.

— Не смотри на солнце. Оно излучает слишком много ультрафиолета. Ты можешь ослепнуть.

Они прикрылись, чем могли, и, собрав груз, отправились в путь.

— Не торопись, Лизендир. Дыши глубже. Мы можем не спешить.

Она улыбнулась: "А кто торопится?". Улыбка ее была ласковой, но было видно, что это стоило ей больших усилий. Хан начал беспокоиться, что путь будет слишком труден для нее. Он не имел понятия, как она переносит высоту. Скорее всего, для нее это окажется суровым испытанием, ведь леры никогда не жили в горах.

Ночь опустилась на планету внезапно. Они даже не успели отойти подальше от того места, где приземлились. У Лизендир ужасно разболелась голова. Вскоре они устроились на ночлег возле каменной гряды.

Неподалеку он них журчал источник. Хан понюхал воду, осторожно попробовал ее и решил, что пить можно.

Они молча и без всякого энтузиазма поели пищевых концентратов, затем нашли небольшое углубление в земле и улеглись туда, крепко прижавшись друг к другу и согревая друг друга. Лизендир дышала с трудом. Хан и сам чувствовал себя очень усталым, однако ему было не так плохо, как он ожидал. Все-таки содержание кислорода в воздухе достаточно высокое.

В небе сияли звезды — необычно большие и яркие. Они казались странными, даже враждебными после мягкого ласкового света звезд Чалседона. И ночь была очень холодной. Хан оказался прав — температура здесь падала очень быстро.

Они спали плохо — да этого и следовало ожидать на такой высоте. Хан обрадовался, когда увидел, что небо на востоке стало светлеть. Здесь ночь была на удивление короткой. Небо очень быстро приобретало цвет жемчуга, затем цвет огня, и вот снова появилось ослепительно яркое солнце. Теперь Хан понял, почему эта планета называется Рассвет. Рассвет был прекрасен, но как-то по-своему. Он был красив, как отблеск огня на голубом клинке. Температура воздуха стала быстро подниматься, хотя подножия гор еще лежали во тьме.

Лизендир проснулась. Она выглядела совсем больной, и предложила Хану поспать еще немного — разреженная атмосфера была для нее настоящей пыткой. Однако они все же собрали своей нехитрый скарб и пустились в дорогу — на запад, прямо к горам.

Несколько раз в течение дня они ощущали подземные толчки. Не сильные, но достаточные, чтобы заметить их. Лизендир никак не прокомментировала этого, но Хан сказал:

— Строения гор, плато, землетрясения... по всему видно, что мы приближаемся к континентальному срезу. В горах мы найдем ущелья или каньоны, а на другой стороне высота будет снижаться. Там мы опустимся до уровня моря. А может быть, там мы и увидим море. Геология одинакова на всех планетах. Вся разница только в скорости, с которой дрейфуют материки.

Она кивнула. Она все слышала и поняла. Они снова двинулись в путь.

Они шли, но горы не становились ниже. По крайней мере, так казалось Хану. Они остановились рано, будучи не в силах продолжать путь. Воды здесь поблизости не было. Они быстро поели и улеглись спать, тесно прижавшись друг к другу, чтобы спастись от ночного холода. Хан бросил последний взгляд на окружающую местность. Солнце быстро опускалось за горы.

Короткая ночь быстро миновала. За ней минул день, точно такой же, как предыдущий. И следующий. И еще один. Сначала для них казалось важным, есть ли вода там, где он останавливались на ночлег. Затем они

перестали обращать на это внимание. Они перестали разговаривать. Они вообще перестали отличать один день от другого.

Однако дни отличались друг от друга, хотя тянулись монотонно и однообразно. Горы заметно приблизились к ним. Им стали попадаться холмы. Подниматься на их пологие склоны было сплошным мучением, но зато спускаться с противоположного склона доставляло удовольствие, которое не могли омрачить даже холмы, которые уже дожидались их впереди. Они очень экономно расходовали безвкусные пищевые концентраты, и уже были на грани истощения. Особенно это было заметно по Лизендир. Она очень много потеряла в весе, и Хану казалось, что сейчас она выглядит хуже, чем в тот день, когда он встретил ее на базаре. Казалось, что та встреча произошла годы назад, в далеком прошлом.

Один за другим шли дни, лишенные для них всякого смысла. Единственное, что объединяло их с реальностью — это число пакетов с пищевыми концентратами, которое непрерывно уменьшалось, да расстояние до гор, которое тоже сокращалось, но очень незаметно. Каждый вечер их фиолетовые тени становились немного ближе к ним. Землетрясения становились чаще и сильнее. Горы уже занимали большую часть горизонта, вздымаясь в небо острыми клыками вершин.

И вот к вечеру одного дня они подошли к краю пропасти. Они не замечали ее, пока не оказались совсем рядом. Противоположный край пропасти терялся в голубом тумане. Дна пропасти они тоже не могли рассмотреть из-за тумана, хотя им показалось, что в его просветах они видят серебристое русло реки. Они долго стояли на краю обрыва, глядя вниз. Если там есть река, то она течет на юг, к горам, хотя в них не было видно никакого просвета.

Лизендир смотрела вниз блестящими глазами.

— Воздух, вот что мне нужно. Если бы я снова могла дышать полной грудью! Я тогда спустилась бы вниз и умерла спокойно. — Голос ее походил на хрип.

— Я тоже,— заметил Хан. — Если бы нам удалось спуститься здесь.

Они начали спускаться, не теряя времени и не желая проводить еще одну ночь на этом мутном плоскогорье. Спуск был нелегок. Сначала склон был пологим, а затем становился все круче. Звезды высыпали на потемневшее небо, когда они решили остановиться.

После ночи в ожидании они упорно продолжали спускаться. Каждый день воздух становился плотнее и теплее. Дышать стало легче. Тени удлинялись. Теперь у них всегда была вода: в камнях они находили множество источников. С водой они могли продержаться на пищевых концентратах дольше. Но все тяготы этого путешествия сказывались на них, особенно на Лизендир. Это беспокоило Хана, хотя он и сам походил на скелет. Лизендир же дошла до такой стадии, что стала говорить с собой. У нее появились галлюцинации.

Наконец они доели остатки концентрата. Его еще можно было растянуть на пару дней, но они решили съесть его и идти, пока хватит сил.

В этот последний ужин они впервые ощутили радость. И даже Лизендир стала сама собой.

— Ну вот, Хан, мы доели все. Далеко ли мы сможем продвинуться?

— Если бы мы были в хорошей форме, то могли бы идти три дня, но сейчас, мне кажется, мы сможем обходиться без пищи не более двух дней.

Она осмотрелась:

— Так значит, здесь нас ожидает конец. Но я не боюсь. Посмотри вокруг.

Хан посмотрел. На ущелье опускался вечер. Вокруг громоздились горы, и Хан был рад, что не видит обнаженных остроконечных вершин.

Ни один человек, ни одно разумное существо не полезло бы по доброй воле туда, куда забрались они. Горы были очень высоки, там, вероятно, совсем не было воздуха. Хан еще никогда не видел таких высоких гор.

Лизендир снова заговорила, не дожидаясь его ответа:

— Ты не можешь рассмотреть эти горы, как я — я ведь могу видеть в ультрафиолетовой области спектра. Эти камни, эта река... Здесь все полно дикой, безжалостной, жестокой красоты... — Она была захвачена этим зрелищем, как ребенок. Она знала, что ее смерть совсем близка, но говорила: — Как здесь красиво, посмотри...

Хан же видел только спускающуюся с гор тьму. Он предчувствовал холодную мучительную ночь, может быть, последнюю в его жизни.

Настала ночь, и они уснули. Утром они собрали то, что у них оставалось — одеяла и арбалет,— и стали спускаться снова. Им не попадалось ничего, что вселяло бы в них надежду. Растения, которые они видели, были довольно подозрительного вида и не вызывали желания есть их. К тому же Хан ошибся относительно двухдневного пути. Он вскоре понял, что на следующее утро они уже не смогут идти. Когда спустилась темнота, Лизендир шла впереди из последних сил. Хан с трудом различал в сумерках ее лицо, светившееся радостью. Радостью? Может, это просто страх и истерия, подумал он. Плюс голод и истощение. Может, она и права — лучше встретить смерть так, чем скорчившись на земле.

Она дожидалась его возле большого камня. Она была поистине счастлива. Хан даже опасался подойти к ней, боясь ее безумия. Но она только бросилась к нему и потащила за собой к камню. Не для любви — они давно уже не имели сил для этого,— но чтобы показать, в каком укромном месте им можно провести ночь, укрыться от холода. Она прижималась к нему, как маленький ребенок, а когда, наконец, уснула, то стала говорить во сне. Это был мультиспич. Она говорила очень долго. Хан смотрел в ее изможденное счастливое лицо. Он понимал ее счастье. Видимо, Лизендир не рассчитывала проснуться утром. Хан тоже. Он долго гладил ее волосы, пока не провалился в забытье.

Однако оба они проснулись с первыми лучами солнца. Они поднялись молча, почти отрешенно. Этот день будет последним для них. Снова они собрали свои пожитки, хотя сейчас это был скорее ритуал, чем необходимость, и автоматически пошли вниз, огибая камень.

Перед ними был не спуск, а просторная терраса, тянущаяся параллельно реке, которая виднелась внизу. И шагах в пятидесяти от них был дом. Грубый каменный дом. И голубой дымок, извиваясь, тянулся к небу. В окнах дома светился огонек, который казался желтым в голубом и фиолетовом свете рассвета планеты. Воздух был очень холодным.

Хан взглянул на Лизендир. Слезы текли по ее высохшим щекам. Она медленно опустилась на землю. Хан поднял ее, легкую, ничего не весящую — одни кости, обтянутые кожей. Он знал, что они спасутся. Держа ее на руках, Хан пошел к дому. Но смог дойти только до ворот. Он тоже опустился на землю.

Хозяин дома был несказанно удивлен, найдя их у своих ворот.

Фермер оказался человеком. У него были жена и две дочери — здоровенные деревенские девки. Но Хан сейчас ничего не замечал. Он ел. Он спал. И снова ел и спал. Он слышал голоса. Говорили на синглспиче. Но для него сейчас любые разговоры были лишены всякого смысла. Он был далеко отсюда. Он ел и спал.

Наконец он проснулся, почти здоровый и бодрый. Возле его постели сидела Лизендир, похудевшая, но вполне здоровая. Он не знал, сколько времени он спал. Но зато он знал, что полностью оправился, набрался сил. Хан посмотрел на Лизендир, ожидавшую его пробуждения.

— Как ты себя чувствуешь? Я уже пришла в себя.

Он кивнул. Лизендир была осунувшейся, похудевшей, но те испытания, через которые они оба прошли, наградили ее новой красотой, более суровой, задумчивой. Теперь в ней появилось больше женственности, глубокие глаза отражали голубой электрический свет неба.

— Я думаю, что первое время тебе будет трудно общаться с ними. Они говорят на синглспиче, но очень исковерканном. Даже я сначала с трудом понимала их. Ну люди! Они изумляют меня. Они не могут пользоваться правильным языком. Обязательно испортят его.

— Они хорошо относятся к нам?

— Да, более или менее. Но они держатся очень замкнуто... Я сказала им, что мы бежали от Воинов — с поля битвы, которая разыгралась на плато. Лучше это, чем правда. Конечно, они не совсем доверяют мне, ведь я лер. Но они уверены, что я не из Воинов. Они очень удивлены, что мы смогли пройти такое расстояние.

— Ты прекрасна.

Лизендир отвернулась на мгновение, как будто эти слова доставили ей боль, но затем продолжала:

— Мы можем спуститься к реке. Она совсем близко. А если мы останемся и поможем им, то они подвезут нас, когда поедут на рынок. Знаешь, где рынок? На другой стороне гор! Ущелье пронизывает горы насквозь.

Она снова оглянулась, как бы припоминая что-то важное.

— Эта планета очень странная,— наконец сказала она. — Эти люди говорят на очень искаженном языке, и если я их правильно понимаю, то здесь восемь времен года. По две зимы в год. Я еще никогда не слышала такого. Как это может быть? Может, в этом виноваты горы?

Хан резко сел. Именно этого ему не хватало, чтобы разрешить его недоумения. Он все время удивлялся необычайно быстрому перемещению солнца по небосводу.

— А какое время года сейчас?

— Короткая осень, которая предшествует короткой зиме.

— Что происходит в короткую зиму?

— Наступает тьма. Но они очень боятся долгой зимы.

— Теперь я все понял. Я подозревал это, еще когда мы шли по плато. Я слышал о таких планетах, но все они находятся вне сферы обитания людей. Такие планеты называются ураноиды. Помнишь Чалседон? Там совсем не было смены времен года, так как он вращается по правильной орбите, и его ось не наклонена. Здесь же ось наклонена так, что плоскость вращения планеты перпендикулярна плоскости ее орбиты. Так что полярные области здесь перекрываются с тропиками. И поэтому здесь очень любопытный климат. Полагаю, что жизнь здесь возможна только потому, что высокие горы мешают циркуляции воздушных масс.

— Сейчас дни стали намного короче, чем тогда, когда мы шли по плато. А солнце совсем склонилось к северу.

— Да. Значит, у них здесь восемь времен года: четыре, когда солнце на севере, и еще четыре, когда оно переместится на юг. А что творится на полюсах! Там летом так жарко, что плавится свинец, а зимой такой холод, что из воздуха вымораживаются газы.

— Да, они так и говорят. Они утверждают, что на полюсе замерзает воздух и падает на землю. Я думала, что неправильно понимаю их.

Хан задумался и спросил:

— А далеко до океана?

— Хозяин ответил, что он даже не знает такого слова. И ничего подобного поблизости нет. Правда, где-то на юге есть соленое озеро... Они добывают там соль. Но летом там все кипит от жары. А об океане он не слышал никогда.

— Любопытно.

— Но за горами есть и люди, и леры. Правда, леры живут там, как и люди — парами. Кроме Воинов, конечно, которых он панически боится. Во всяком случае, слово "клан" даже не существует на этой планете.

Хан задумался. Он поднялся с постели и вышел на улицу. Бросив взгляд на себя, он увидел, что очень исхудал. И он был чистый. Он посмотрел на Лизендир. Та улыбнулась.

— Я плачу свои долги,— сказала она, и больше ничего не добавила.

Фермер и его семья действительно дружески относились к Хану и Лизендир, хотя у них и были какие-то подозрения, которые, впрочем, уравновешивались восхищением тем трудным переходом, который те

совершили по высокогорной долине. Фермер слышал, что люди даже живут там, но не мог себе этого представить, ведь воздух там слишком разрежен. Кроме того, фермер был уверен, что высокогорное плато населено духами и привидениями. Правда, Хан не был уверен, что правильно понял его слова. Язык фермера был слишком непонятен для Хана.

Зато все его предположения относительно движения солнца по небу планеты подтвердились: действительно, солнце склонялось к самому полюсу. И фермер подтвердил, что зимой на полюсе чрезвычайно холодно, а летом чересчур жарко. Он был вблизи полюса зимой и сам видел сухой падающий снег. Он с ужасом говорил об этом, и Хан не мог осуждать его — при таких температурах больше всего подходил бы космический скафандр.

В этом ущелье жили лишь разбросанные фермерские семьи. Они жили, невзирая на опасности, исходящие от кочевых племен, от холодной зимы, от неизвестности высокогорной долины... По другую сторону гор плотность населения была много выше. Там были даже города. Например, Лелиас, который фермер считал центром разврата и коррупции. Лелиас был столицей для людей. Правящая верхушка леров жила в замках, расположенных выше по течению реки.

Хан был крайне разочарован. Он понял, что на планете царит феодализм. К тому же жуткий климат планеты заставлял население жить в изоляции друг от друга. На планете не было ни морей, ни океанов — только озера. Вся поверхность была покрыта высокими горами, разделенными ущельями и долинами. Здесь довольно часто случались землетрясения, и Хан скоро привык к ним.

И еще над планетой постоянно висела зловещая тень Воинов.

Бывало, многие годы проходили без всяких инцидентов, и о Воинах забывали. Но они появлялись снова, сея ужас среди мирных жителей. Они всегда захватывали пленных. И, естественно, захваченных никто и никогда больше не видел.

Жители планеты не имели понятия о ее размерах. Они считали, что мир плоский. Хан не стал подробно расспрашивать об этом фермера, не желая быть втянутым в религиозный диспут. Плоский мир! Интересно, как объясняют теологи планеты космические полеты, межзвездные путешествия, или хотя бы движение солнца по небу.

Хан и Лизендир согласились остаться и помочь в полевых работах, а затем и в торговле на рынке в Лелиасе. Хан признался, что он коммерсант, и может быть полезным фермеру на рынке. Фермер, в свою очередь, согласился подвезти их по реке на ту сторону гор.

Фермер добавил, что к тому времени, как они вернутся из Лелиаса, наступит первая половина зимы. Первой зимы. Однако она не такая страшная, как вторая зима, которая будет длиться полгода. Во всяком случае, у них еще будет время подготовиться к ужасам второй зимы. Исходя из этих данных, Хан решил, что сейчас они находятся примерно

на тридцатой широте. Однако эта информация была бесполезна для них. Ведь они все равно не знали, куда им двигаться дальше.

Глава 2

Плот, сделанный из бревен и досок, плыл вниз по реке. Он был доверху нагружен мешками, тюками, коробками с товаром. Впереди и позади них виднелись другие плоты, тоже груженые. Некоторые люди на плотах приветствовали фермера, другие проплывали мимо молча.

Нарман Даскин, фермер, стоял на передней части плота, направляя путь. Его две дочери, Узар Разинтира и Пелки Разинтира, гребли веслами в задней части плота, а по центру работали веслами Хан и Лизендир. Путь был на удивление легким: ни камней, ни отмелей, ни бурных перекатов.

Пелки объяснила, почему это так. Бурные вешние воды расчищают от камней русло реки, и все камни собираются на соляных отмелях ниже Лелиаса. Пелки была младшей дочерью. Она была общительна и довольно миловидна, в отличие от старшей дочери, Узар, которая была угрюма, молчалива, с грубыми чертами лица. Пелки совершенно явно флиртовала с Ханом.

Лизендир заметила это и сообщила об этом Хану, вогнав его в краску. Дочери фермера нисколько не привлекали его.

Хана приводили в смятение нынешние отношения с Лизендир. Их нежные чувства друг к другу, казалось, уснули, отступили на второй план. Может, они снова расцветут, а может, и нет. Сама Лизендир стала гораздо ближе к Хану, более доверительна. Та величественная, недоверчивая Лизендир, которую он встретил в Бумтауне, исчезла, но новая Лизендир тоже была непонятна ему. Может, даже больше, чем раньше. Она слишком ушла в себя, и это беспокоило Хана.

Лизендир сказала на общем языке:

— Если у нас ничего не выйдет, ты, по крайней мере, сможешь жениться на Пелки.

Хан ответил на этом же языке:

— Не могу себе представить, что мне захочется взять ее в жены. Нельзя сказать, что она самая соблазнительная женщина на планете. И кроме того, она глупа.

Лизендир рассмеялась:

— Мне тоже так кажется, Хан, я просто дразню тебя. — Она сменила тему разговора. — Среди людей на этой планете странный обычай. Они дают детям двойное имя, причем второе имя — это имя отца для мальчиков и матери — для девочек.

Хан не поддался на это и продолжал разговор о Пелки.

— Почему ты решила, что я женюсь на ней? Если у меня и будет только такой выбор, то я лучше останусь без жены.

— Напрасно. Тебе лучше взять жену, так как если я пробуду здесь долго, то останусь без мужчины.

— Оставайся, в чем же дело,— полураздраженно сказал Хан.

— Это не так просто,— ответила она. — Если у меня не будет мужчины, то у меня отомрет система воспроизводства.

— Значит, ты будешь бесплодной?

— Да. Мы устроены так, что либо нужно пользоваться этой системой, либо потерять ее.

— Но тебе пока не стоит думать об этом. Ведь ты в таком возрасте, что этот момент наступит еще через годы. Я надеюсь, что мы либо покинем эту планету, либо ты подыщешь себе партнера лера.

— При нормальных обстоятельствах так оно и было бы. Но здесь слишком короткий дневной цикл, и вероятно, это ускорит во мне все процессы. Все произойдет гораздо быстрее.

Хан смотрел в темную воду. Он не мог дать ответа на ее немой вопрос.

Они гребли и спали, спали и гребли. Нарман Даскин поторапливал их:

— Смотрите на солнце. Оно уже совсем на севере. Дни стали короче. Скоро наступят холода. Наверху река замерзнет, внизу высохнет. Она будет непроходимой. Тогда придется остаться здесь на год.

Все согласились, что это будет гораздо страшнее, чем просто не добраться до Лелиаса. Узкое ущелье, где протекала река, изобиловало бандитами. Они боялись реки, и, пока путешественники плыли на плоту, они были в безопасности. Но если застрять здесь и остаться на берегу, то это значило потерять все: имущество, и жизнь.

Хан подозрительно осмотрелся. Река с легким шепотом терлась о каменистые бока утесов.

Пелки услужливо сказала:

— Они живут высоко над утесами. Они спускаются вниз на веревках, когда видят, что добыча близка.

— Но почему они не нападают на вас, когда вы возвращаетесь по суше?

— Никто не знает, почему, но все знают, что они исчезают с последним плотом.

— Куда же они уходят?

— Кто знает? Может, они демоны, которые боятся наступающей темноты, а может, у них табу.

Вдруг плот зацепился за камни, покачался на волнах, отцепился и поплыл дальше. У Пелки вырвался крик ужаса. Она показала вперед. Так, наверху, в самом горле каменного ущелья, в паутине веревок качалась человеческая фигура. Хан не мог на таком расстоянии сказать, человек это или лер. Он взял арбалет, прицелился и выстрелил. Стрела

пролетела мимо. Человек стал выкрикивать угрозы стоящим на плоту и приказы своим товарищам, которые высовывались из-за камней. Хан выстрелил еще раз. Стрела вонзилась в спину, человек выпустил веревку и упал в воду. Раздались вопли разочарования. Эхо металось в узком ущелье, многократно отражаясь от стен.

Больше они никого не видели. Даже того, кто упал в воду. Видимо, он сразу утонул.

Остаток путешествия прошел без приключений. Хан и Лизендир с интересом следили за берегами, проплывающими мимо них. Правда, смотреть было не на что: все было закрыто высокими горами. Они увидели только разноцветные камни да бледно-голубое небо, по которому неслись облака. Чем ниже они спускались по реке, тем воздух становился влажнее и теплее. Иногда на солнце было даже жарко. Так проходили дни.

Вскоре река стала расширяться. Вода стала серебряной, все говорило о том, что они приближаются к озеру, на берегу которого стоит Лелиас.

Озеро было мелким и заросшим тиной. Они гребли и гребли, с трудом продвигаясь вперед.

На четвертый день справа по курсу они увидели замысловатое сооружение. А за холмами на берегу поднимались столбы дыма. Хан спросил Нармана, не Лелиас ли это.

— Да, но Лелиаса отсюда не видно. Он дальше на берегу. Это дым из городских труб. А то, что ты видишь на воде, это пристань. Тут и происходит торговля. Переноска в город обходится слишком дорого, а сам город не может приблизиться к озеру, потому что во время половодья его заливало бы водой.

С удвоенной энергией они стали грести, приближаясь к пристани. Хан наблюдал за Лизендир, которая налегала на тяжёлое весло, вкладывая в это все силы. Он наблюдал и за дочерьми фермера Узар и Пелки. Все три были женщины, но в Лизендир было нечто, чем не обладали две другие. Сначала он не понял, что именно. А затем внезапно осознал. Все дело было в том, что Лизендир была как бы завершенной, в отличие от других. Хан постарался взглянуть на двух девушек глазами простого человека. Да. Так оно и есть. Узар просто толстуха, а Пелки, если хорошенько поработает над собой, будет миловидной деревенской девушкой. Да, им многого не достает, чтобы сравняться с Лизендир.

Он смотрел на Лизендир и видел, что она уже немного отрастила волосы, что означало ее отход от юношества. Хан подозревал это и боялся этого. Лизендир перетянула волосы шнурком на затылке, и они спускались по спине шелковистой прядью. Она заметила его взгляд и повернулась к нему.

— Ты так задумчив сегодня, что я хочу задать тебе один вопрос. Ты готов ответить? Я хочу знать, как такая речушка сумела пробить себе путь через такие высокие горы?

Хан рассмеялся.

— И ты, философ, спрашиваешь меня? Разве река не собирает в себя всю воду вокруг во время весеннего паводка? Ведь тогда она становится сильной и могучей.

— О, Дарденглир был прав относительно тебя. Жаль, что ты не лер. Ты мог бы стать мудрецом. Ведь ты запросто открываешь тайны. Как тебе удается это?

Он снова рассмеялся:

— О, я уединяюсь в пещере и там обдумываю тайны земли и воды, черного и белого, мужчины и женщины. И я должен сообщать эти тайны всем, иначе я буду страдать от переедания. Кстати, о переедании. Как бы мне хотелось сейчас съесть хороший кусок мяса. Я так соскучился по нему в этом обществе вегетарианцев. А эта река скорее всего старше гор, она пробивала себе путь, размывая каждый год то, что вырастало на ее пути. Всю грязь река относила в это озеро, и вот оно стало таким топким и илистым.

Нарман внимательно следил за их разговором, и хотя он плохо знал язык, ему удалось кое-что понять. Он с энтузиазмом кивнул:

— Да. Эта река послана в наказание горам. Они осмелились вырасти и вонзиться в небо. За это река постоянно мучает их.

Хан и Лизендир почтительно кивнули. Спор с этим ортодоксальным догматиком ни к чему бы не привел.

Сейчас они уже были значительно ближе к пристани, и могли грести медленнее. Хан почувствовал, что ему не терпится увидеть город, каким бы он ни был. Ведь он с самого отбытия из Бумтауна не видел города. Базар Хобба не в счет. По рассказам Нармана, Лелиас был настоящим пупом этого мира, средоточием коммерции и культуры. В этом смысле он был сравним с древними городами Земли. Хан стремился в этот город. Лизендир же с подозрением смотрела на голубоватый туман над городом, на видневшиеся трубы, крыши... Она качала головой. Она была настроена скептически, и несколько ее коротких замечаний выдавали ее отношение к Лелиасу.

Вот их плот ткнулся в дощатый настил, и мгновенно на нем появилась банда крикливых нахальных торговцев. На взгляд Хана, это были настоящие разбойники, головорезы. Торговля началась сразу же, без всяких подготовок и формальностей... Закончилась она поздно вечером, и снова началась утром, как только посветлело небо на востоке. К концу второго дня все было продано, кое-что украдено, и у них в руках была куча денег. Впрочем, вряд ли их можно было назвать деньгами. Они имели хождение только в Лелиасе.

Они взяли с собой несколько оставшихся животных, погрузили на них одежду и направились к городу. Возле стен города они распрощались, и это не заняло много времени, так как Нарман торопился. Он заметил несколько фермеров из ущелья, которые уже собрались в обратный путь. Долгий путь. Нарман очень хотел идти с ними: ведь видятся они всего

лишь раз в год. Хан и Лизендир взяли свою долю, посмотрели на фермеров и пошли в город.

По меркам этой планеты Лелиас был большим городом — ведь на этой планете для него не было соперников. Вероятно, он был даже центром планеты. Но в глазах Хана это был провинциальный городишко, какие на Земле были еще до эпохи космических полетов. Пока они шли по узким пыльным улицам, Хан не видел никакого оружия, кроме арбалетов. Система канализации отсутствовала напрочь. Ее заменяли зловонные сточные канавы, сносившие отбросы в озеро. Через канавы кое-где были переброшены мостки из полусгнивших досок, проходя по которым, каждый мог провалиться в грязную жижу. В воздухе стояла густая смесь запахов.

Улицы города не были ни прямыми, ни длинными. Видимо, город строился без всякого плана. Дома, таверны, лавки, виллы, заборы — в композиции города не чувствовалось единой мысли. Этот город был центром обширной торговли, однако, как бы ни был он богат, он не был центром культуры, не был метрополией. Хан решил, что население города не превышает тридцати тысяч человек.

Лизендир смотрела на город с молчаливой печалью. Они видели на улицах и в лавках несколько леров, но не стали вступать с ними в контакт. Хан видел, что Лизендир не хочет этого. Даже он мог видеть разницу между местными лерами и Лизендир, хотя он и не мог сказать, в чем именно она заключалась. Для Лизендир эти леры были людьми совсем другого мира, незнакомцами — и это очень беспокоило ее.

После долгих скитаний по городу они наконец обосновались в какой-то таверне, которая оказалась неожиданно уютной внутри, хотя снаружи своими грязными потрескавшимися стенами и толстыми ржавыми решетками на окнах она напоминала скорее тюрьму.

— Для защиты от грабителей,— объяснил владелец.

Это оказалась не таверна, а целая гостиница, и состояла она из множества пристроенных к основному зданию каморок. Хан с Лизендир выбрали две комнаты с окнами в красивый садик, с балконом, за который пришлось доплачивать, и с ванной, за которую тоже нужно было платить, так как в доме не было воды. Комнаты были чистые; не украшенные ничем стены были свежевымытыми.

Лизендир была очень рада ванне, и тут же послала слугу за водой и дровами. Когда она разводила огонь, Хан сказал, что мыться здесь он не будет, а пойдет в общественную баню. Потом они пойдут на улицу, чтобы посмотреть, что можно купить здесь из еды.

Когда он вернулся, Лизендир уже крепко спала. На ней было чистое платье, лицо было розовым, свежим. Комнату освещала одна свеча, стоящая на подоконнике. Все было тихо, Лелиас, несмотря на свою репутацию, рано ложился спать. Лизендир проснулась внезапно, как только вошел Хан.

— Ты насладилась ванной, пока меня не было?

— О, тебе не понять. Мне казалось, что я не мылась несколько лет! После ванны я уснула сразу. Но сейчас я уже готова ко всему, что может предложить нам планета. Значит, это и есть великий Лелиас? Лелиас, жемчужина Рассвета? Что делать дальше?

Она облокотилась на подушку, и мышцы четко выделялись на ее шее, отбрасывая резкие тени, которые легли на нежную розовую кожу.

— Я прошелся по городу, стараясь понять, что мы можем узнать здесь. Немного. Самое большее, что мы можем сделать, это расспросить о планете. А затем нам следует проникнуть в селения леров в северных ущельях. Но я не знаю, что мы найдем там. Может быть, и ничего.

— Согласна. Может, ничего. Но это лучше, чем сидеть здесь, в Лелиасе. Леры, которых я здесь видела, мне совсем не понравились. Может быть, и там не лучше. Но в городе нам делать нечего. Это город двадцатого столетия.

— Да, город старый. И он не собирается меняться. Во всяком случае, я не заметил, что они собираются строить космодром.

Лизендир покачала головой.

— Скажи мне, Хан, чего хочешь ты? Не мы, а ты?

Он сел на край постели и долго молча смотрел на свечу. Наконец он сказал:

— Я хочу вернуться, конечно. Но если это не удастся, я хочу жить здесь нормальной жизнью, как жил бы в любом другом месте. Я хотел бы вернуться в свой мир, к своему народу. Я хотел бы выкрасть свой корабль у Воинов. Но они далеко, и пока мы доберемся туда, мы можем уже и не найти их там.

— Что ты узнал о планете?

— Совсем немного. Я бродил и расспрашивал. Но не узнал ничего нового. Нам придется затратить много времени на расспросы, прежде чем мы что-нибудь узнаем.

— Начнем завтра. Денег у нас немного, так что медлить нельзя.

Она поднялась с постели, легко прошлась по комнате и подошла к окну. Хан подошел к ней и задул свечу.

— Есть еще одно, Лизендир... — сказал он нерешительно.

Лизендир шевельнула плечами, и легкое платье соскользнуло на пол. Глаза ее сияли.

— Я думала, что ты никогда больше не придешь ко мне,— мягко сказала она. — Скажи мне, любовь моя, чего ты желаешь?

Хан мгновенно выскользнул из одежды.

— Я хочу в эту ночь насладиться тобой, хочу, чтобы губы мои ощутили всю сладость твоего тела.

Она радостно улыбнулась ему, и все тело ее задрожало от предвкушения страсти.

Хан прижал к себе девушку, вдыхая запах ее волос, ее свежего тела, ощущая руками мягкую нежность ее кожи. Они, не сговариваясь, вернулись к постели и легли в нее вместе. Все чувства их были открыты друг

другу. Руки Хана ласкали маленькие упругие груди девушки. Соски под его пальцами набухли, и он припал к ним губами. Лизендир вся дрожала. Она обхватила голову Хана руками, гладила его волосы. Не в силах сдерживаться, она широко раскинула ноги, согнула их в коленях и приняла в себя Хана.

Они долго не спали, и даже не выходили поужинать. Ужин мог подождать. А это ждать не могло.

На следующий день они встали поздно, и сразу после завтрака вышли на улицу. Им необходимо было получить информацию о планете. А где ее можно было получить, кроме Лелиаса?

Как они быстро обнаружили, здесь совсем не было ни книг, ни газет. Либо книгопечатание еще не было изобретено, либо уже забыто. Здесь не было и школ, куда они могли бы зайти и задать дурацкий вопрос — какова география планеты?

Здесь не было и карт планеты. Так что им пришлось довольствоваться общением с астрологами, теологами. Сведения, получаемые от них, были туманными и противоречивыми, выделить из них истину — весьма затруднительно.

Когда вечером они вернулись в гостиницу и стали обсуждать имеющуюся информацию, оказалось, что они не выяснили ничего существенного.

Хан возмущался.

— Хотелось бы мне знать, как эти люди, не имея ни школ, ни книг, передают свои знания?!

— Такое бывает. Люди всегда сохраняют только те знания, что им необходимы. Хан, ты вырос в обществе, где для классификации и передачи знаний используют школы. В школах передаются общие знания всем без исключения. Они нивелируют людей, хотя все люди отличаются друг от друга.

— Но как же люди могут обучаться без руководства? Да и в ваших кланах тоже действуют школы.

— Вспомни, как дети учатся родному языку. Для этого им не нужны школы. Они учатся, общаясь со старшими. Обучение в школе делает детей нечестными, так как они вынуждены говорить и делать только то, что приказывает им учитель. Вспомни свою планету Сибрайт. Почти вся ее поверхность занята морями и океанами. Поэтому каждый житель умеет плавать с детства. Плавать и передвигаться на парусных судах. А какая разница между современными парусными судами и судами древних жителей? Никакой, хотя они строили их, не зная физики газов и жидкостей, законов плавучести, законов трения. Но они поняли, что гладкие тела движутся легче, чем плохо обработанные, а продолговатые легче, чем квадратные. И вот они построили корабли и поставили на них паруса, чтобы ловить ветер...

Хан горячо возразил:

— Да, но они тысячелетиями жили в невежестве и суевериях!

— В каждом веке есть свои суеверия. И в нашем тоже. — Она говорила терпеливо, как с ребенком. — Знание никогда не бывает абсолютным. Чем больше ты узнаешь, тем больше понимаешь, что много ты никогда не узнаешь.

Но они узнали очень мало об этом странном примитивном мире. Лелиасцы были уверены, что их планета плоская, что солнце движется по небу, что землетрясения происходят от того, что чудовище, на спине которого находится планета, поворачивается или чешется. Полюса — это ад для грешников, а в средних широтах существует две зимы в год, посланные в наказание за грехи. К западу от Лелиаса начинается бесконечная пустыня. Горы простираются с юга на север, и единственный путь через них — это ущелье, пробитое большой рекой.

География была против них. Страна Воинов находилась где-то на другой стороне планеты, на расстоянии двенадцати тысяч миль отсюда. И чтобы добраться до нее, следовало пересечь высокие горы, пережить жестокие зимы, выжить в бескрайних пустынях, где горячее солнце заставляет кипеть воду.

Они не могли присоединиться ни к торговому каравану, ни к пилигримам. На планете не было путешественников. Правда, ходили слухи, что где-то есть еще города, деревни, поселки. Например, все знали о стране Воинов, но никто не ходил туда. Только Воины прилетали оттуда на своих кораблях. Люди на планете жили сами по себе, не зная, что происходит вокруг.

Насколько могли установить Хан и Лизендир, жизнь на Рассвете находилась на ранней стадии эволюции. Здесь не было сложного животного мира. Эволюция дошла еще только до какой-то помеси рептилий и амфибий. С растительным миром было не лучше. Все культурные растения были завезены сюда извне.

Это был молодой мир, расцвет которого был еще впереди. Если, конечно, не произойдет чего-то ужасного.

На всей планете было всего два космических корабля. И оба они были у Воинов. Хана и Лизендир отделяли от них тысячи миль. Они мало что могли сделать в такой ситуации.

Прежде, чем уснуть, они снова пришли в объятия друг к другу, и снова занимались любовью. И затем уснули, не осмеливаясь надеяться ни на что.

Утром они купили вьючное животное, похожее на мула, и нагрузили его продовольствием, на которое истратили почти все свои деньги. Они покинули гостиницу с печалью: ведь здесь было уютное и теплое жилье и хорошая пища. А теперь их снова ждут неизвестность и опасные путешествия.

На остатки денег Хан купил короткий меч для себя и нож для Лизендир. Выехали они из Лелиаса через северные ворота. Когда они

ехали по пологому подъему, они оглянулись и посмотрели в последний раз на великий город Лелиас. Стены вокруг города были высокими, но плохо укрепленными. Во многих местах зияли бреши, пробитые временем и суровым климатом. Судя по теперешнему состоянию стены, она уже давно была не нужна городу.

За стенами теснился город, заросший мхом и лишайниками — родной растительностью планеты.

Затем они повернули и поехали дальше на север. Справа от них возвышались горы. Кое-где они были покрыты снегом, а там, где не было снега, громоздились голые камни. Слева от них тоже были горы, правда, более низкие, и, судя по виду, вулканического происхождения. Тут и там виднелись дымки из жерл дремлющих вулканов. Хотя горы слева были ниже, их тоже невозможно было пересечь. Сейчас вокруг них расстилалась каменистая долина, дикая освещенная, свирепым солнцем.

В Лелиасе был сравнительно мягкий климат, ведь город лежал вблизи реки и большого озера. Здесь же было заметно холоднее. По всему чувствовалось приближение осени. Они шли все дальше на север, и с каждым днем солнце быстрее заканчивало свой дневной путь. Дни становились все короче, ночи — все холоднее.

К тому времени, как они достигли страны леров, погода совсем испортилась. Дожди, слякоть, холод... Дома леров здесь были не эллипсоидными, а обычными каменными, двухэтажными. На дороге теперь встречалось совсем немного путников. Да и дорога становилась все уже. Хан и Лизендир начали чувствовать себя дураками. Те немногие леры, что попадались на пути, были еще более бесполезны, чем жители Лелиаса. Они вообще ничего не знали о планете. Лизендир сказала, что это какие-то вырождающиеся леры.

В ночь дикой бури с мокрым снегом они добрались до вершины перевала, но даже не заметили этого, занятые поисками убежища. В темноте они набрели на заброшенный сарай и забились туда. Сарай защищал только от ветра, но не от холода. Они свернулись клубочками, обложившись одеялами, и лежали молча и не двигаясь. Да, они проиграли. Почти вся еда кончилась, и им ничего не оставалось делать, как идти обратно в Лелиас.

Утром Хан вышел из сарая, чтобы посмотреть, сколько у них осталось еды. В сарае было холодно, но когда он вышел на улицу, лицо его сразу прихватил мороз. Видимо, всю ночь шел снег, так как возле сарая намело целую гору. Хан взглянул на светлое небо северной осени. Кое-где на небе сияли звезды. С востока и с запада громоздились неприступные горы, на юге стоял темный туман. Зрелище поразило его жуткой нечеловеческой красотой. Они сейчас находились в самой верхней точке перевала, и вокруг не было ничего. Абсолютно ничего.

И вдруг на западе он заметил какое-то движение. Он всмотрелся, но не смог определить, что это. Он прикрыл глаза, затем снова открыл их.

Это был дом, сделанный из серого вулканического камня. А то, что двигалось, был дым. Тонкая струйка дыма, быстро исчезающая в морозном воздухе. Значит, здесь, в этой горной долине, кто-то живет!

Хан бросился в хижину и сказал об увиденном Лизендир. Пока он собирал вещи, она вышла посмотреть. Вернувшись, она дрожала, но согласилась с Ханом, что им следует идти туда.

Расстояние оказалось больше, чем они предполагали. Ни Хан, ни Лизендир так и не научились правильно определять расстояния. К тому же снег, выпавший за ночь, сильно замедлял их движение. Через несколько часов пути они, наконец, смогли рассмотреть дом более подробно. Вероятно, это был замок или крепость из угрюмого черного камня. Солнце вышло из-за гор и осветило здание. Теперь они хорошо видели его, хотя здание было в нескольких милях от них.

Замок, на башнях которого развевались флаги. Но что бы это ни было, это был дом, и здесь кто-то жил.

Почти весь день они пробирались к нему через снега. И только к закату солнца Хан и Лизендир встали перед воротами. Ворота были закрыты. Казалось, что их не открывали долгое время. Еще один тупик. На верхушке стены росли маленькие чахлые деревца. Видимо, ветер занес туда землю. Хан подошел к воротам и постучал эфесом меча. Лизендир смотрела на него, а затем громко крикнула. Они не ждали ответа, но через некоторое время послышались голоса, и над стеной появились лица. К этому времени стало почти совсем темно, и только на востоке небо дрожало жемчужным светом. Хану и Лизендир велели обойти замок и войти в маленькую боковую дверь, которую трудно было заметить даже при дневном свете. Они завели во дворец мула, а затем им показали комнату, где они могли провести ночь.

Внутри замка все было так, как и предполагал Хан. Он читал много средневековых романов. Это был настоящий замок дворянина, но без той роскоши, о которой он читал. Стены были украшены старыми грязными коврами и гобеленами. Неряшливые слуги шныряли взад-вперед, наводя порядок. В замке было грязно, холодно и сыро.

— Я не могу поверить, что в этом замке живут леры. Но если они все же живут здесь, то не в такой конюшне, как эта,— сказал Хан Лизендир, когда один из слуг, человек, привел их в предназначенную для них комнату.

— Я тоже не могу поверить этому, хотя после того, что я видела на этой планете, я ничему не удивлюсь. Бр-р-р. — Она вздрогнула. — Но почему крепость? Люди строят крепость, когда ждут нападения. Кого они боятся? Эта крепость не может спасти их от Воинов. К тому же здесь может укрыться совсем немного народа, потому что крепость мала.

Хан не смог ответить на этот вопрос.

После умывания они совсем закоченели. Хан пошарил по шкафам в комнате и нашел несколько грубых одеял. Они улеглись вместе на маленькое жесткое ложе, которое угрожающе заскрипело под их тяжестью.

Лизендир крепко прижалась к Хану, чтобы было теплее. Вскоре усталость взяла свое, и они уснули.

Они не знали, сколько времени они проспали. Разбудил их мажордом, который открыл дверь и провозгласил, что лорд Эвинг Холд будет счастлив отобедать с ними. Мажордом говорил так, что дрожь пробежала по телу Хана.

Не говоря ни слова, они поднялись, оделись и пошли за мажордомом, который вежливо ждал их в коридоре.

Он повел их через анфилады комнат, холлов, коридоров, где слышались голоса людей. В других местах было пустынно, как будто замок был давно покинут. Через распахнутые двери были видны темные комнаты. В отблесках факела, который нес перед ними слуга, Хан увидел пыль, грязь, груды обломков. Хану казалось, что это самое опасное место из всех, где они были во время этого путешествия. Может, Лизендир чувствовала то же самое, но она ничем не показывала этого, не произносила ни слова. Она была полностью поглощена зрелищем замка.

После бесконечного пути они, наконец, пришли в огромный холл. Он был разукрашен и освещен так, как будто здесь проходило грандиозное празднество, хотя нищета, царившая повсюду в замке, была видна и здесь. Хан надеялся, что, может, пища будет получше. Лизендир улыбнулась ему еле заметно и кивнула.

Их усадили за большой восьмиугольный стол перед возвышением. Свечи и лампы освещали холл, в углу горел в камине огонь... Возвышение представляло собой сцену для музыкантов или актеров. Слуги суетились вокруг, расставляя стулья, столы, подметая пол. И тут появилась группа музыкантов с инструментами, совершенно незнакомыми Хану. Это были струнные инструменты, но снабженные механическими устройствами, приводящими струны в движение. Музыканты уселись на сцене и начали играть без вступления. Дирижера не было, но мелодия лилась совершенно свободно и без запинок. Моторы, вмонтированные в инструменты, слегка жужжали, и их шум органично вплетался в мелодию, совершенно не нарушая ее.

Хан с изумлением смотрел на музыкантов. Хотя они ничем не отличались от людей, но до странности были похожи друг на друга, как близнецы. Он внимательно посмотрел на музыкантов. Нет, это не близнецы... Они были похожи один на другого, как две капли воды, но выражения их лиц и их манеры были разными. Поэтому они вовсе не казались членами одной семьи.

Инструменты музыкантов были самыми разнообразными. Они отличались и по форме, и по размерам, и по материалам, и по звукам, которые они производили. Барабанов в этом оркестре не было. Ритмическая картина как бы подразумевалась, а не создавалась. Лизендир внимательно слушала музыку, а потом заметила, что по своему происхождению это музыка леров, хотя и чересчур декадентская.

Хан рассмеялся и сказал:

— Я многое узнал о тебе с момента нашего вылета из Бумтауна, но не подозревал, что ты искусствовед.

Она с удивлением взглянула на него и тоже рассмеялась:

— Ты этого не мог знать, но я действительно разбираюсь в искусстве. В цикл моего обучения было включено и искусство, как одна из основных частей. Я хорошо знаю музыку, поэзию, танцы, живопись и многое другое, чего нет у вас, людей. Сама я умею немного: пишу стихи, немного рисую, играю на инструменте, похожем на вашу флейту. Я даже выступала на публике, хотя и не завоевала большой известности. Я и теперь иногда играю одна или с небольшим оркестром.

Хан онемел. Он не мог себе представить Лизендир с флейтой.

Она смотрела на его лицо, определяя его реакцию.

— Ты удивлен, но тем не менее, это так. Я действительно поэт и музыкант.

Хану показалось очень странным, что они, пережившие столько приключений и опасностей, сидят сейчас в этом холле и понятия не имеют о том, что ждет их впереди. Сидят и рассуждают о музыке. Однако им пришлось прерваться. Музыка смолкла, и сразу же наступила тишина. Ее нарушало только жужжание нескольких моторов. Видимо, кто-то из музыкантов забыл или не успел выключить их. Но вот и это жужжание прекратилось.

Мажордом, который привел сюда Хана и Лизендир, вышел на середину комнаты и торжественно провозгласил:

— Лорд Эвинг Холд и его уважаемые гости!

Затем он удалился. Хан и Лизендир встали.

Две фигуры вышли из-за занавеса и направились к столу, улыбаясь, видимо, очень довольные друг другом.

Оба они были леры, хотя все слуги были людьми. Хан и Лизендир знали и того, и другого. Коротенький и лысый был Хатингар. Высокий лер был тот самый, что сказал Хану в Бумтауне, что его имя в переводе с языка леров означает "азбука". Он был одет в черную мантию, украшенную серебром.

Первым заговорил Хатингар, а старый лер почтительно ждал. Вероятно, он, хотя и именовался "лордом Эвинг Холд", полностью подчинялся Хатингару.

Хану и Лизендир, после того, как они узнали своих хозяев, ничего не оставалось делать, как ошарашенно смотреть друг на друга.

Глава 3

— О, мы уже встречаемся в третий раз!— сердечно воскликнул Хатингар. — Садитесь, садитесь, ешьте, наслаждайтесь отдыхом. Повара Эвинга лучшие на этой стороне планеты, так мне говорили все. Давайте, давайте. Тут нет никакого обмана. — Он уселся и начал есть с видимым наслаждением. Эвинг дал знак музыкантам, и те сразу возобновили игру.

Хан и Лизендир опустились в свои кресла. Хан посмотрел на девушку. Она сидела неподвижно, как парализованная, глядя на двух врагов, сидящих напротив. Хан наклонился к девушке и сказал:

— Ешь, Лизен. Мы достаточно настрадались из-за этого дерьма, которое на их корабле называется пищевыми концентратами. Из-за них мы совсем отощали, так что давай, ешь.

Лизендир посмотрела в тарелку, как будто видела ее впервые в жизни, затем моргнула и стала есть.

— Прекрасный совет. К чему встречать будущее, каким бы оно ни было, голодными? Нам нужно хорошо поесть, а кроме того, нам есть о чем поговорить, а лучше всего дружески побеседовать. За хорошим столом. — Хатингар с удовольствием изображал радушного, веселого хозяина.

Лизендир сверкнула на него глазами.

— Не представляю, о чем мы можем говорить.

— Да?— Его изумление было вполне искренним. — А мне кажется, есть о чем. Но я должен выполнить свои обязанности хозяина. Позвольте мне представить своего друга Эвинга. А меня зовут, если отбросить всякие титулы, просто Хата. — Хан краем глаза заметил, что Лизендир вздрогнула при упоминании имени Эвинг. Хан понял, в чем дело. В языке леров не было слов с окончанием на двойную согласную. Их язык не допускал исключений, и поэтому такое несоответствие резало ухо.

Хата-Хатингар продолжал. Он ничего не заметил.

— ... Эвинг следит за порядком на этой территории. И когда он обнаружил здесь вас, он немедленно сообщил мне. Я прибыл сюда из страны Воинов на вашем корабле. Могу вас поздравить — великолепный корабль. Он такой же пылкий и порывистый, как молодая девушка. Я не знаю, зачем вы пришли сюда, но теперь, когда мы здесь...

Хан старался ничем не выдать себя при упоминании о молодой девушке, но не смог. Хатингар и рассчитывал на это.

— О да. Я понимаю. Вы вступили в связь во время полета. Откуда я знаю? О, я понимаю язык тел, и вам от меня ничего не скрыть.

Лизендир ответила Хатингару спокойно и холодно:

— Я сама решу свои проблемы, а когда наступит мой срок, я поступлю согласно закону.

— Фу. Мы уже давно наплевали на древние законы леров. Так что, Лизендир, если тебе нужны игрушки для тела, бери их. Это твое право, и никто не будет осуждать тебя.

Хан прервал его:

— Сейчас не время обсуждать игрушки. Мне кажется, что ты все еще живешь под воздействием неверной концепции. Хата, уже давно доказано, что леры вовсе не супермены, а просто другие, не похожие на людей, гуманоиды.

— Это мы увидим потом.

— А какие у тебя планы относительно нас?— спросила Лизендир.

— Хороший вопрос — хороший ответ. Во-первых, никто не собирается наказывать вас. Тебе, Лизендир, обеспечено хорошее место в нашей Орде. И тебе тоже, Хан. Ты будешь учить нас управлять кораблями. Вы оба поняли, что наш корабль, который называется "Молот в руке", уже совсем старый. У нас с ним очень много проблем. Я знаю, что ты не техник, но можешь здорово помочь нам. Вы оба незаурядные личности. Дважды вам удалось бежать от меня, вы сумели добраться до замка Эвинга, куда не осмеливается пройти ни один из живущих на планете. И вы не просто выжили, вы находитесь в прекрасной форме. Так что вы нужны нам.

Эвинг добавил:

— И разумеется, вы оба получите вознаграждение в соответствии с той службой, которую вы будете нести для нас. Вы оба сможете выбрать для себя пару. Для тебя, девушка, проблем в этом не будет. У нас много Воинов, и ты сможешь взять столько, сколько захочешь. Тебя, Хан, тоже ждут сюрпризы. Дело в том, что мы приручаем людей, культивируем их, выводим разные виды в зависимости от возможностей каждой индивидуальности. И достигли в этом больших успехов. Мы выводим слуг, сельскохозяйственных рабочих, техников, а также людей, служащих для развлечения. Я знаю, что люди держат домашних животных. Леры никогда не занимались этим, и теперь мы восполнили этот пробел.

— Это новая идея, или старая?— спросил Хан.

— Старая, как мир.

— Я удивляюсь, что вы решились идти по этому пути,— сказала Лизендир. — Вы отказались от мудрых принципов, на которых зиждется эволюция. В вас течет кровь Санзирмиль?

— Мы действительно потомки этой великой праматери. С людьми мы столкнулись позже. И совершенно случайно. Одних мы стали сразу приручать, других поселили на планете, чтобы они жили в диком состоянии. Это было давно, очень давно.

— А что будет с нами, если мы откажемся от твоего предложения?— спросил Хан.

— Я дам вам мешок зерна и отпущу вас. Делайте, что хотите. Да, что хотите. Я хочу проучить вас, а не уничтожить. Уничтожение — это простое дело, но не самое умное. Разве не так, коммерсант? Так что

отказывайтесь и идите своим путем. Но учтите — вам не покинуть планету. Здесь всего два корабля. Вам не поднять восстание местных жителей — ни людей, ни леров. Они убьют вас, как еретиков, если вы начнете рассказывать им свои басни. Ведь они выживают здесь только благодаря нашей помощи. Без нас они давно бы питались корнями и жили в пещерах. Теперь о вас. Ты прекрасно знаешь, что скоро произойдет с Лизендир. Сейчас вы любовники, но когда настанет ее время, она либо уйдет от тебя, либо возненавидит тебя. Так что вы затратите свои жизни впустую. Можете уходить. Я щедрый. Я даже дам вам мешок зерна на дорогу. Идите в Лелиас и живите там, как животные.

Хан ощутил холодок отчаяния. Хата нарисовал удивительно точную картину. У них формально был выбор, но на самом деле никакого выбора не было.

— Все это звучит прекрасно,— сказала Лизендир. — Жестоко, но вполне приемлемо. Однако у меня есть несколько вопросов.

— Ты получишь ответы.

Хан почувствовал торжество в голосе Хаты. Он ожидал его. Но Лизендир!.. Что надеется узнать она у этого монстра? И тем не менее он отчетливо слышал интерес, любопытство в ее голосе. Он внимательно посмотрел на нее. Но не смог ничего прочесть на ее лице. Он ощутил, как холодок пробежал по его телу. Не собирается ли она предать его? Все, что связывало их в прошлом — их задача, их отношения — все вдруг перестало иметь значение. Он снова взглянул на нее. Лицо, которое он так хорошо знал, стало чужим. В нем уже не было нежности, не было участия, не было обещания... Оно стало лицом статуи, пустым лицом, хотя оно и было живым, хотя оно имело выражение. Хан не увидел в нем любви. Это было лицо женщины чужой расы, понять поступки которой он был не в силах.

Разговор продолжался, и Хан все время смотрел на Лизендир, стараясь угадать, что кроется за этими чужими чертами. Но лицо ничего не открывало ему. Оно было каменным, далеким, абстрактным. Она смотрела на стол, на музыкантов, на слуг, на Хату и Эвинга. Эти двое сейчас вкрадчиво, но упорно убеждали ее в необходимости перейти на их сторону. Хотя Эвинг совершенно определенно знал свою подчиненность Хате, здесь он играл более важную роль, чем тот. Видимо, он был более компетентен в некоторых вопросах. Хан не мог следить за беседой, так как она велась на древнем языке и касалась вопросов теологии. Хан плохо знал язык, а в теологии леров он вообще не разбирался. Лизендир же, казалось, этот вопрос совершенно не интересовал.

Аргументы Хаты и Эвинга кончились, но результат их был для Хана неясен. Хата махнул рукой музыкантам, и тут же некоторые из них поднялись, отключили свои инструменты и ушли. Остальные продолжали играть, как бы не заметив ухода товарищей. Их боковых дверей появились другие музыканты, с новыми, еще более странными инстру-

ментами. На сей раз это были духовые инструменты самого разнообразного вида. Вновь прибывшие музыканты тоже были похожи на тех, что еще остались играть, однако вполне определенно отличались от них. Они сели на освободившиеся места и без всякого усилия включились в игру. Хан прислушался к музыке, но у него тут же заболела голова от тщетных попыток понять мелодию чужой музыки. Хан бросил эти попытки, поняв их бесполезность.

Эвинг заметил, что Хан прислушивается к музыке.

— Это очень специальная музыка,— сказал он, наклонившись к Хану. — Она не основывается на мелодии, и поэтому совершенно не подходит для восприятия человека. Странно, но даже сами музыканты не могут ее запомнить. Им приходится играть по нотам.

Хан вежливо кивнул. Хата снова потребовал к себе внимания. Он говорил с большой доверительностью:

— Я не имею в виду, что у нас вы будете иметь неограниченную свободу действий. Это у нас имеют лишь немногие, самые высокопоставленные. Чем ниже слой общества, тем меньше свобода выбора. Ты, Хан, вообще не принадлежишь ни к какому классу нашего общества, и следовательно, у тебя вообще не будет выбора. Так что тебе остается только присоединиться к нам, или возвращаться в Лелиас. У Лизендир выбор есть, но только номинально. На самом деле ее выбор тоже ограничен.

Хан отвернулся от Хаты, размышляя. И тут он заметил, что Эвинг внимательно слушает музыку, как бы прослеживая одну мелодическую линию за другой. Хан посмотрел на музыкантов. Те были полностью поглощены игрой. Он снова вернулся к своей проблеме: идти с Хатой или возвращаться в Лелиас. Он тщательно обдумал оба варианта. Лелиас был, конечно, предпочтительнее: ведь там не было Воинов, там была свобода, по крайней мере, внешняя. Но бессмысленная свобода. Ведь он мог остаться там навсегда. Идти к Воинам страшновато, но зато там он будет поблизости от корабля. И кто знает...

— Я решил, Хата,— сказал он. — Я иду с тобой, хотя это и не доставляет мне особой радости.

Лизендир проговорила без всякого выражения: "И я тоже". В ее голосе Хан не уловил ни тени надежды.

Музыка продолжала звучать. Звуки были полны гармонии, обертонов. Они как-то странно тревожили, возбуждали Хана, будили в нем неясные подозрения.

Лизендир спросила:

— Интересно, почему ты пытался захватить нас на Чалседоне один? Почему ты не прислал отряд?

— Во-первых, там был я один. Там требовался шпион высокого класса, как я. Я там был наблюдателем, и если нужно, должен был направлять общественное мнение в нужную сторону. Помнишь Ефрема? Мы захватили его, дали ему мешок денег и отправили, чтобы он распространял слухи о нас по всей вселенной.

— Но вы же убили Ефрема. Он так и не смог рассказать правду!— воскликнул Хан.

Хата задумчиво ответил:

— Мы тут ни при чем. Ты удивил меня этой новостью, если это действительно правда.

— Это правда. Я сам видел труп... — Тут Хан ощутил пинок под столом. Это Лизендир приказывала ему молчать. Хан замолчал. Он намеревался сообщить, что в это же время на Сибрайт был и Эвинг. Но Лизендир по каким-то причинам не желала этого. Эвинг ничего не заметил. Он слушал музыку.

Хата обратил внимание на паузу, но не понял ее смысла. Он продолжал:

— Я был один. Вы очень удивили меня. Я решил, что вы либо совершенно глупы, либо очень хитры. И я решил захватить вас, так как подумал, что вы шпионы высшего класса, ключевые фигуры. Но дальнейшие события убедили меня в противном. Вы всего лишь пешки в руках какого-то могущественного игрока, пославшего вас. Силы этого игрока я пока не знаю, и поэтому должен предпринять дальнейшие исследования. После наблюдения за вами мне кажется, что я приблизился к решению проблемы. Пожалуй, я могу получить от вас ответы.

— Но этих ответов мы и сами не знаем,— заметила Лизендир. — Однако, раз уж мы решили присоединиться к вам, то, если что-нибудь узнаем, обязательно поделимся своим знанием с вами. Но сейчас скажи, чем вы заменили обычную клановую систему леров? Этот вопрос волнует меня с тех пор, как мы сели на эту ужасную планету.

— Это интересный вопрос, Лизендир, и я отвечу тебе на него. У нас несколько систем. Обычная клановая система с четырьмя основными членами не удовлетворяла нас. Она была слишком реакционна, антипрогрессивна. Новые поколения не проявляли энтузиазма к идеям и мечтам Санзирмиль. Поэтому мы разработали новую систему. Но сначала попробовали парную систему, принятую среди людей.

— Но вы должны знать, что это приведет к субрасовым ветвям.

— Да. И мы обнаружили это быстро. Гораздо быстрее, чем ожидали. Этот факт до сих пор еще не получил объяснения. После этого мы разработали систему триад, а те леры, что живут парами, считаются лерами низшего класса. Они не Воины, и живут так, как живут люди, которые находятся в самом низу общественной лестницы. Леры высшего класса распределяются по трое, и более или менее случайным образом.

— Понятно,— сказала Лизендир. — Хмад!

Это слово прозвучало как оскорбление, но ни Эвинг, ни Хата не отреагировали на него. А для Хана это слово вообще не имело никакого смысла.

Хата добавил:

— Такие триады существуют, пока их члены не погибают. Вот я сейчас остался один, так как члены моей триады убиты.

— Ну хватит. Я должна привыкнуть к этому новому порядку, раз уж мне придется жить в этом мире.

— Хорошо. Завтра вы увидите больше.

— Почему завтра?— обеспокоенно спросил Хан.

— Ничего таинственного. Просто уже поздно. Я летел сюда весь день, и устал. Мне нужно восстановить силы. Лизендир, как вы желаете провести ночь, вместе или по отдельности?

— Вместе. — Снова быстро, решительно, без колебаний.

— Пусть так. — Эвинг сделал знак музыкантам.

Те остановились мгновенно. Вперед вышел мажордом и стал почтительно ждать. Эвинг и Хата поднялись с кресел и ушли. Хан и Лизендир молча последовали за мажордомом через длинные коридоры, обширные холлы, темные лестницы. Снова они оказались в комнате, где отдыхали до ужина. Только теперь здесь было тепло и уютно. За ними с глухим щелчком захлопнулась дверь. Они оказались взаперти.

Когда Хан акклиматизировался в теплой комнате, он понял, как он устал. Он начал раздеваться. Лизендир погасила лампы и стала растирать себя ароматным маслом. Через высокое зарешеченное окно к ним в комнату смотрела одинокая звезда. Хотя глаза Хана быстро привыкли к темноте, он не заметил, как Лизендир скользнула к нему в постель и прижалась своим телом к нему.

Он наполовину отвернулся от нее и спросил:

— Ты действительно думаешь, что мы поступили правильно? Или ты просто хочешь вернуться к своим? Но я никогда не смогу считать их своими!

Она не ответила ему ничего, но обняла его, прижавшись к нему всем телом. О, он хорошо помнил эти вкрадчивые воздушные движения ее тела. Было невыносимо чувствовать ее тело так близко, ощущать его аромат, аромат кожи, волос... Она прижалась лицом к уху Хана и стала шептать что-то ласковое, нежное, зовущее. Хан прислушался.

— Слушай меня внимательно. Теперь нам не поговорить с тобой иначе, чем так. Так что слушай. Я уверена, что мы с тобой все время будем под наблюдением. — Ритм, музыка этих обволакивающих слов пробуждали необузданные желания в Хане, но смысл их пронизывал его, как ледяные иглы. Мягкий нежный голос продолжал произносить жестокие слова, как любовные признания, и Хан был вынужден слушать их, хотя они приносили смятение в его душу.

— Не подозревай меня в расовой привязанности. Я люблю тебя больше, чем любую из этих обезьян, хотя они одной со мной крови. Однако выхода у нас нет. Нам нужно идти к ним. Ты поступил правильно. Лелиас — это всего лишь призрачная свобода, грязь, суеверия... Теперь я скажу о нас с тобой, чтобы ты все понял. Считай, что все отношения между мной и тобой складываются только в двух словах: любовь и секс. Но знай, что я отдала тебе свое тело не из чувства слабости или похоти. Чушь! Я достаточно тренирована, так что вполне могла сдержать себя...

— Голос ее был нежным, но смысл слов... Хан ощущал себя так, как будто эти слова жгли его, кололи кинжалами. Он застонал.

— Я понимаю тебя. Мое тело влечет тебя неудержимо. Ты не можешь совладать с собой. Звук моего голоса околдовывает тебя. Но ты должен выдержать и выслушать. Я подозреваю этого Хату с самого начала. Но колебалась — и в этом была моя ошибка. Мне нужно было действовать. Ты понимаешь, почему мы придерживаемся клановой системы в обществе. Отказаться от нее — это значит открыть дверь непредсказуемому хаосу. Хаосу мутаций. Помни, что мы были созданы искусственно. Это животное Хата одержим мыслью покончить и с людьми, и с лерами. Мы обязаны остановить его. Для этого нам нужно сблизиться с ним и с Воинами.

Дальше. Хата не знает, что Эвинг покидал эту планету. Держи это при себе. Хата пока доверяет Эвингу, а мы оба прекрасно знаем, что Эвинг не лер. Он просто похож на лера. Может, это косметика. Ты видел, как он слушал музыку? А это имя? Ни одно наше имя не кончается на "инг".

Я могу только предполагать, что ждет нас в стране Воинов. Но я должна просить тебя: если мы когда-нибудь вернемся в цивилизованный мир, ты должен помочь мне войти в клан. Хорошо?— Он кивнул. — И я помогу тебе вернуться к людям. Ну, а сейчас для нас наступает трудное и опасное время. Мы должны делать все, чтобы выжить. Ты должен теперь действовать так, как будто меня нет. Тем более, что скоро наступит время, когда я буду способна к деторождению. Ты должен прямо сегодня отвергнуть меня. Ты должен!

Хан буквально онемел. Сколько же времени она запутывала его в сеть своих слов? Хан взглянул в окно. Там светилась все та же звезда. Значит, не более нескольких минут. Но он запомнил все ее указания. Сопротивляться ей было трудно, но постепенно он овладел своими эмоциями, отбросил прочь плотские желания. Он оттолкнул Лизендир.

— Нет!

— Но эта ночь последняя для нас.

— Нет. Я не буду игрушкой для тебя, когда люди находятся в рабстве.

Лизендир отодвинулась от него, но в слабом свете, льющемся из окна, он заметил, что она подмигивает ему. В полумраке он явно различал ее нежное плечо. Она толкнула его на край постели.

— Хорошо. Но я буду спать здесь. Мне холодно. Подвинься.

Хан долго не мог уснуть, хотя скоро дыхание Лизендир стало ровным и глубоким. С самого отбытия с Чалседона у него не было времени поразмыслить. Время требовало действий, и он действовал. Время требовало реакций, и он принимал решения — самые оптимальные при соответствующих обстоятельствах. И вот теперь решение приняла Лизендир. Спать было невозможно. Его взбудораженный мозг обдумывал все, что может ожидать их впереди.

Они были разбужены утром все тем же мажордомом. Он проводил их в большой холл, где они обедали накануне. Там их встретил довольный Хата. Он говорил с ними весьма дружески, особенно с Лизендир, которой даже предложил место за столом. Хан пристально наблюдал за ним, и постепенно пришел к выводу, что в эту ночь за ними следили. Прекрасно, значит, им удалось обмануть Хату. Но вдруг у него мелькнула мысль, что, может, это Лизендир дурачит его. Да нет, невозможно. Лизендир не способна на коварство. Если бы она хотела разделаться с ним, она могла бы сделать это тысячу раз тысячью способов. Теперь, если им и дальше удастся дурачить Хату, если ему и Лизендир удастся приблизиться к кораблю... Если... если...

Хан старался не вступать в застольную беседу. Он решил выглядеть хмурым, злым. Хата мало обращал на него внимания. Видимо, он полностью поверил в разрыв между Ханом и Лизендир, и это его вполне устраивало. Хата разговаривал с Лизендир и искусно старался вытянуть у нее сведения о Союзе, о лерах, об их оружии, средствах обороны и нападения. Однако она не менее искусно избегала таких тем, как рыба избегает сети, проскальзывая сквозь ячейки. Хан слушал их разговор и в который уже раз после их первого знакомства восхищался девушкой, видя ее в новом для себя свете. Она успешно противостояла в хитрости самому Хате, главе экспедиционного корпуса Воинов, умному, осторожному, опытному.

Когда с завтраком покончили, Хата нетерпеливо махнул рукой. Тут же появились девять воинов. Все они были моложе и Хана, и Лизендир. Хан сразу понял, что это фанатики, готовые выполнить любой приказ Хаты. Они были вооружены разнообразным оружием. Некоторые типы оружия Хан узнал, другие были ему неизвестны.

— Естественно,— заговорил Хата,— что для разумных существ очевидное не нуждается в объяснении. Это все равно, что объяснять хороший анекдот. От этого он только теряет в прелести. Я вовсе не желаю испытывать неприятности от того, что кому-нибудь из вас захочется проявить ненужную храбрость. Итак, ты, Хан, поможешь управлять кораблем. Я уже немного умею делать это, так что смогу контролировать тебя. Я уверен, что ты смог бы устроить аварию, но хотя бы один из нас десятерых останется жив, и прикончит тебя и Лизендир.

— Мне все ясно. Я сделаю все, что ты желаешь.

Они покинули холл и пошли по извилистым коридорам к тому месту, где стоял корабль. После темноты замка яркий дневной свет подействовал на Хана, как удар. Было раннее утро северной осени. Солнце висело низко над зазубренными вершинами гор. Воздух был прозрачен, как вода источника, и богат голубыми и фиолетовыми оттенками. Небо было затянуто облаками, которые на севере казались серо-стальными, угрожающими, а на юге — бледно-голубыми и легкомысленными. Хан осмотрелся. Перед ним раскрылся ландшафт ошеломляющей красоты: горы с покрытыми снегом вершинами, яркое пронзительное солнце, медленно

плывущие по небу облака. А вот и корабль. Стоит возле каменной гряды. Он тоже красив. Когда они направились к кораблю, мерзлая земля заскрипела под их ногами. Перед тем, как подняться на "Палленбер", Хан задержался на трапе и бросил последний взгляд на горы.

Хата заметил это.

— О, ты оценил их красоту. Эти идиоты из Лелиаса не понимают ее. Они боятся этих прекрасных гор. Они думают, что в горах живут демоны.

Хан мог поверить в это. Кто еще мог жить среди обнаженных вершин, кроме демонов и злых духов? Планета была поистине красива, но это была злая красота, красота, пробуждающая скорее страх, чем восхищение.

Хата продолжал:

— Мы называем эти горы "Стена вокруг мира". Конечно, это преувеличение. Они не охватывают всю планету. Но такой горный массив существует только здесь, и больше ни на какой другой планете. Горы так высоки, что препятствуют циркуляции воздуха. Именно поэтому здесь можно жить. Если бы ветры здесь могли гулять беспрепятственно, на поверхности планеты ничего не осталось бы. Говорят, что эти горы еще растут в высоту.

Когда они вошли на корабль и очутились в рубке управления, Хан почувствовал себя увереннее. Воины, окружавшие его, внимательно следили за каждым его движением. Нет, сейчас не время что-либо предпринимать. Лучше выждать. Может, возникнет ситуация, при которой у него будет хоть небольшой шанс на успех.

Хан запустил одну за другой все системы корабля. Затем он повернулся к Хате и сказал:

— Все готово.

— Хорошо. Лети. Направляй корабль прямо.

Он повернулся к воинам, стоящим в рубке управления, и сказал им что-то. Хан не понял слов, но смысл ему был понятен и так: убейте его при малейшем подозрении. Хан повернулся к панели управления, затем снова взглянул на Хату.

— Подожди. Можно лететь на ручном управлении, а можно и с помощью автопилота. Это требует меньших затрат энергии, и пилот отдыхает во время полета. Но я не могу включить автопилот, так как у меня нет данных о планете: размера, массы и многих других...

— У меня нет такой информации. Мы не пользуемся автопилотами. Когда мы летим куда-нибудь, мы просто поднимаемся повыше, чтобы ясно видеть препятствия. — Впервые Хата выглядел смущенным.

— Я могу взлететь вертикально, откалибровать высоту и определить массу и размеры, измерив силу тяжести и угловой диаметр. Затем ты мне скажешь, в каком направлении лететь, и я включу автопилот.

— Ты поднимись вверх и лети на такой высоте, чтобы горы остались внизу. Между этой страной и страной Воинов других гор нет. — Теперь,

казалось, он был не просто смущен, но находился в полном замешательстве. Почему?

— Хорошо.

Хан включил двигатель, и корабль взлетел вертикально вверх. Планета осталась далеко внизу. Она почти вся была в тени. Южная ее часть была затянута плотным туманом. Небо северной части — рваными облаками. Хан остановил полет и начал проделывать цикл измерений. Планета оказалась громадной по размерам, даже больше, чем Чалседон. Закончив измерения, он сказал Хате, что готов включить автопилот, настроив его на тот курс, который укажет Хата. Вскоре все было сделано, корабль лег на курс, и Хан с облегчением откинулся в кресле. Хата наблюдал за ним с изумлением. Видимо, он и понятия не имел, что корабль может лететь сам, без всякого вмешательства со стороны пилота. И все же они летают в космосе, эти идиоты! Какой же энергией они пользуются? Однако он не стал думать об этом, так как внизу проплывали горы — Стена вокруг мира. Обнаженные скалистые вершины были совсем рядом. Казалось, что до них можно дотронуться. Хотя на самом деле до них было несколько миль. За горами виднелось солнце, а небо над ними казалось совсем черным, за исключением пепельно-жемчужной полосы на северной стороне.

Корабль теперь летел над высокими долинами. Хан смотрел на безрадостные пустынные скалы. Ему казалось, что именно здесь он и Лизендир шли несколько месяцев назад. Правда, он не мог заметить ничего такого, что могло подтвердить это предположение. Хан взглянул на высотомер. Несколько миль над уровнем океана. И они шли здесь! А вот и кратер справа. И полоса кустов, которую они видели с корабля Воинов. Но больше ничего нельзя было разглядеть.

— Хата, когда ты заметил, что мы сбежали с твоего корабля?

— Очень быстро. Я сразу заподозрил это, когда увидел, что молодая леди исчезла, а вся ее охрана лежит без сознания. Я должен был оставить побольше охраны. Сейчас она настроена миролюбиво, но все же мне иногда кажется, что следовало бы сделать что-нибудь, чтобы она стала совсем безопасна. Но даже и тогда нельзя быть ни в чем уверенным.— Он вежливо кивнул Лизендир. — Верно, дорогая?

Она улыбнулась одним движением губ. Эту гримасу нельзя было даже назвать улыбкой.

Хан снова повернулся к главному экрану. Впереди лежала незнакомая страна. Она была покрыта туманом, но сквозь редкие клочья можно было кое-что увидеть. Хан решил, что когда-то здесь были горы, но теперь вся поверхность покрыта болотами и озерами. Сверху эти озера казались гигантскими медузами, которые распростерлись на земле, обнимая ее своими щупальцами и высасывая из нее жизненные соки.

Вскоре Хану стало ясно, что они уже находятся на другой стороне планеты. Путешествие длилось всего час, а они уже ощущали приближение полярной ночи. Хан вгляделся в землю и увидел вдали

какую-то громаду на поверхности. Это был корабль Воинов, такой огромный, что его можно было разглядеть даже с высоты орбитального полета. Хан повернулся к Хате.

— Как вам удается посадить этого монстра, и почему он не разваливается на куски в гравитационном поле?

— Очень просто. Мы никогда не выключаем двигатели.

— Никогда?

— Никогда. По крайней мере, пока корабль не нуждается в ремонте и переоснащении.

Лизендир все время пути молчала. Но сейчас, когда они приблизились к кораблю, она вдруг заговорила:

— Неужели это тот самый корабль леров, на котором они покинули Землю и улетели к звездам?

— Да, тот самый. Хотя он в значительной степени переоборудован и обновлен. Нам пришлось много потрудиться, чтобы корабль мог удерживать возле себя метеориты и управлять их движением на большом расстоянии. Внешняя оболочка тоже другая. Нам пришлось значительно увеличить размеры корабля. Правда, при этом возникла проблема, о которой сказал Хан. Его размеры и масса таковы, что, если мы выключим двигатели, корабль развалится под собственным весом. К тому же в корабле много утечек. Нам приходится постоянно создавать давление внутри него.

— Хата, скоро мы будем в зоне обнаружения ваших станций. Ваши операторы не знают о нашем появлении и могут нанести удар. Может, нам следует предупредить их?

— Нет. Никто не следит за нами. Посмотри на небо. Ведь мы находимся на самом краю галактики. Оттуда никто не может прилететь.

Хан взглянул на экран. Звезд на нем почти не было.

— Ты сам понимаешь, что нам опасаться некого. Твой народ находится невообразимо далеко отсюда, там, где густое скопление звезд.

— Я не милитарист, не военный, но скажу, что такое мнение глубоко ошибочно. Да, люди пока освоили лишь малую часть галактики. Но совсем не исключено, что они могут появиться здесь незамеченными. Ваш корабль будет для них прекрасной мишенью, сидящей уткой. Вы, по крайней мере, могли бы высылать космические патрули. Ведь можно же для этой цели построить пару маленьких кораблей.

— Это не твое дело.

— Да?— Хан почувствовал, что зашел слишком далеко, но опасность пока еще не очень велика. Можно попробовать зайти дальше.

— О, я решил, что теперь, когда мы сотрудничаем, я мог бы оказать некоторую помощь. Вы могли бы использовать меня не только в деле создания космического оружия. Например, когда я поднял корабль и начал производить измерения, я обнаружил любопытное явление, какую-то аномалию в системе. Похоже, что поблизости находится корабль, так тщательно замаскированный, что я не смог обнаружить его местопо-

ложение. Поток энергии был слишком слаб, чтобы можно было определить направление на его источник с одной точки в пространстве. Мне следовало бы провести измерения с разных точек. Однако у меня не было такой возможности, и я могу только с уверенностью сказать сейчас, что в данной планетной системе имеется таинственный источник нейтрино.

— Может, это был наш корабль?— спросил Хата.

— Нет, ваш корабль не аномалия — это гигантский сгусток энергии. Даже не будучи настоящим оператором, и без хорошей аппаратуры, я смог бы обнаружить ваш корабль даже на расстоянии, равном расстоянию до Чалседона. А с хорошей аппаратурой можно наблюдать ваши перемещения даже с Земли.

Хата не был встревожен. Он спросил:

— А это не горячий газовый гигант? В нашей системе есть огромная газовая планета с необычно высокой температурой. Таких мы еще не встречали во вселенной. Сейчас она за солнцем, но скоро будет видна.

— Нет, газовые гиганты, даже самые горячие, не имеют подобного излучения. На большом расстоянии ощущаются только инфракрасные лучи от них. То, о чем я говорю, похоже на мощный источник энергии. Впрочем, ваши приборы, находясь под высоким давлением, могут врать. Однако я уверен, что источник энергии существует, но не уверен, что нам удалось обнаружить его.

— Приземляйся здесь, возле корабля. Мы поговорим об этом позже.

Хан выполнил приказ Хаты, приземлившись рядом с "Хаммер-хэндом" — так назывался корабль Воинов. Действительно, его двигатели работали! Видимо, источники энергии корабля были неограничены мощности. Нет, игнорировать их нельзя. Однако Хата уклонился от разговора о системе защиты. Видимо, он понимал, что при первом столкновении с вооруженным противником чудовище взорвется само. И при этом уничтожит целую солнечную систему — так велики запасы его энергии. Воины, конечно, отважны до безумия, как те люди прошлого, уверенные, что обладают самым совершенным оружием. Но совершенного оружия не существует. Всегда против ножа найдется меч, против меча — пистолет, и так до бесконечности.

Когда они приземлились, Хан увидел нарисованную на борту корабля эмблему: гигантский кулак сокрушает башню. Вокруг сверкают молнии, а с неба на все это смотрит огромный красный глаз. Обитатели башни с перекошенными ужасом лицами падают прямо в ад. Это напомнило ему что-то... да-да, изображение на старинных картах. Хан взглянул на Лизендир. Она тоже рассматривала эмблему, но на лице ее не было ни страха, ни суеверного поклонения.

Хан понимал, что корабль Воинов огромен, но когда он приземлился рядом с ним и взглянул на него, он был потрясен. Это чудовище возвышалось над всем миром. Настоящее чудовище. Оно достигало высоты семь-восемь миль, и примерно столько же было в диаметре в самой

широкой части. И Хата утверждал, что весь корабль буквально нашпигован техникой!

Лизендир думала о другом. Она обратилась к Хате:

— Ты сказал, что вы использовали старую оболочку. Неужели и энергетические установки корабля те же самые, что были в самом начале?

— Понятия не имею, но думаю, что те же самые. Я не занимаюсь техникой. Мое дело войска, командование.

Хан подумал, что это самая распространенная ошибка в истории. Все правители, которые предпочитали только командовать, становились жертвами интриганов, затевающих всякие заговоры. Такие правители, ничего не понимая в отношениях между людьми, полностью доверяли свои внутренние дела интриганам и в конце концов становились игрушкой в их руках.

Лизендир продолжала:

— Мы отказались от такой энергетической системы много лет назад. Мы продали ее людям, но те обнаружили в ней что-то, чего не заметили мы. Оказывается, эта система преобразует пространственную решетку в какую-то новую модификацию, совершенно неизвестную нам, и потенциально опасную. Мы полностью отказались от этого принципа, а люди переконструировали систему. Я не знаю подробностей, да и вообще ничего не понимаю в технике.

Хата немного подумал и сказал:

— У нас, насколько я знаю, никаких проблем, связанных с энергетической установкой, не возникало. Правда, какие-то слухи ходили, но я не обращаю на них внимания.

Хан задумался о завоевателях прошлого.

В те времена, когда леры и люди жили на одной планете, космических завоевателей не было. Даже для самых мощных кораблей межпланетные пространства были слишком огромны. Так с чем же можно сравнить ситуацию, которая сложилась на этой планете? Тамерлан с атомной бомбой? Или Гитлер с космическими кораблями? Да. Но только те, кто обладал могучим оружием, могли лишь пользоваться им. Ни создавать новое, ни восстанавливать старое они уже не могли. Им не хватало знаний. И это леры! Величайшие теоретики! Что же случилось здесь? Но, что бы ни случилось, объяснить это было невозможно, и корни прошедшего лежали в далеком прошлом. Может быть, даже во времена легендарной Санзирмиль.

Однако Хата не дал ему времени на размышления.

— Выключай двигатели. Мы уходим.

Хан неохотно подчинился приказу. Затем он поднялся с кресла пилота и выше за остальными.

Для стоящего рядом корабль леров казался еще более чудовищным. Он возвышался над планетой. Нос его скрывался в тучах, и, вероятно, вокруг него непрестанно сверкали молнии. Рядом, на огромном прост-

ранстве вокруг корабля, лежали метеориты — глыбы железа диаметром с четверть мили.

Хан отвернулся от корабля и посмотрел вокруг. Да, здесь зима была уже совсем близко. Сгущалась тьма. Низкое солнце бросало свои скудные лучи на низкие строения, видневшиеся в долине. Эти дома стояли в немыслимом беспорядке. Это был город, и вместе с тем не город. Это было просто место, где жили леры. Причем поселились они здесь без всякой видимой причины. Они могли бы поселиться с таким же успехом и в любом другом месте. Хан подумал, живут ли здесь люди?

— Это Паннона Плэйн. Здесь мы живем. Но мы, конечно, не привязаны к постоянному месту жительства. У нас много поселений, и каждый может переселиться, куда хочет. Вот там большое озеро, и многие предпочитают жить возле него.

Хан увидел вдалеке несколько фигур, но не смог в полутьме различить, люди это или леры. Скорее всего, это были Воины. Они шли к какому-то зданию, размеров которого Хан не смог определить, так как верхние этажи здания скрывались во тьме. Внутри здание оказалось чем-то вроде административного центра, и в то же время оно напоминало казарму. Тем не менее, несмотря на скудность обстановки, здесь было довольно уютно.

— Это,— сказал Хата,— мой дом. Пока я поселю вас здесь, а там посмотрим.

— Ты главный в этом селении?— спросила Лизендир.

— Нет. Я подчиняюсь большой триаде. Я... примерно то, что вы называете министром иностранных дел. Во всяком случае, так было раньше. Но в последние годы у меня мало работы.

Хата провел их в небольшую гостиную и мановением руки отослал охранников прочь. Хан решил, что они не ушли далеко, и при малейшей тревоге окажутся здесь. Хата уселся в кресло, Хан и Лизендир остались на ногах.

— А сейчас перейдем к делам. Садитесь, устраивайтесь поудобнее, расслабьтесь. Я полагаю, что вам не совсем нравится ваша будущая служба. Но что делать? Все мы рабы обстоятельств, и всем нам приходится часто делать не то, что нам хочется. Так что давайте работать! И сначала определим ваши задачи.

Лизендир уселась в кресло.

— Я вижу, что если мне придется обучать всех этих леров, то я умру от старости раньше, чем добьюсь какого-то прогресса.

— Ну конечно не всех. Только избранных, элиту. Я надеюсь, что весь курс займет у тебя всего год.

— Пусть так. Но, может, мне лучше обучить тренеров, которые затем займутся остальными? Тогда все было бы быстрее.

— Не стоит. Группа совсем небольшая. Ведь то, чему ты будешь обучать, является очень опасным оружием. И мы не хотим, чтобы многие владели его тайной. Я приведу тебе эту группу, и ты оценишь их пригод-

ность к обучению. Если они не подходят, мы их заменим. Я верю в то, что особы высшего ранга должны иметь привилегии. Но я верю и в советы экспертов и профессионалов. Личная дружба хороша в личных отношениях, но когда на карту поставлены интересы государства, то первое место должны занять способности и знания, а не амбиции. За успешную работу ты, Лизендир, получишь право выбрать себе мужа из всей Орды. Ты понимаешь?

Лизендир смотрела на Хату и ни словом, ни жестом не выдала своего отношения к той перспективе, которую он нарисовал перед ней. Но Хан долго размышлял над этим. Право выбора! Но ведь для общества леров это представляет смертельную опасность, катастрофу! Но Хан видел также и то, чего не видела Лизендир. Он понял, что Хата думает не только о завоевании новых миров. Гораздо в большей степени он думает о завоевании власти среди Воинов. Он хочет, чтобы Лизендир обучила отряд леров, которых он мог бы использовать против своего народа. Видимо, те, что сейчас стояли у власти, были достаточно сильны, в противном случае Хата выступил бы прямо сейчас. Ханом владели сложные чувства. Было легко ненавидеть Хату в замке Эвинга или в Чалседоне. Но здесь, в государстве Воинов, невозможно было не восхищаться хитрым и коварным умом Хаты, его целеустремленностью.

Глава 4

На следующий день Хата исчез, и Хану ничего не оставалось делать, как сидеть и размышлять. Тем более, что, когда он собрался осмотреть дом Хаты, оказалось, что охранники и запертые двери оставили ему свободный доступ всего в несколько близлежащих комнат. И все эти комнаты были пустыми. Да, он являлся пленником, хотя и казался свободным. Лизендир тоже куда-то пропала. Она либо ушла с Хатой, либо была где-то в другой, недоступной ему, части здания. Поэтому у Хана было много времени, чтобы поразмыслить над случившимся. И когда он перебрал в уме все факты, то выводы, которые из них следовали, оказались совсем неутешительными — все указывало на то, что будущее не сулило ему ничего хорошего. И не только ему.

Военный корабль Воинов представлял угрозу всей вселенной. Это была прекрасно отлаженная военная машина, которая в настоящее время приводила в ужас две планеты — Чалседон и Рассвет. Правда, на Чалседоне не было космических кораблей вообще, а жители Рассвета не были вооружены ничем, кроме луков и мечей... Хан подумал, что при таких условиях он и сам мог бы править двумя планетами, имея всего лишь один "Палленбер", который был гораздо меньше корабля Воинов. Воины могли

бы расширить свои завоевания, но их корабль требовал ремонта. Поэтому им следовало торопиться.

Была еще одна проблема. Корабль, обладающий огромной мощностью, оснащенный сложнейшей техникой, находился в руках народа, обладающего низкой культурой. Кто будет ремонтировать этот корабль? Кто будет обеспечивать его энергией? Тем не менее, этот корабль мог пересечь всю галактику, он обладал мощью, которой хватило бы на уничтожение целой планеты! И те, кто обладали этим кораблем, понятия не имели об энергетических кривых, о космонавигации, и даже о простой радиолокации. Они довели корабль до ужасного состояния. Его даже нельзя было оставить с выключенной энергетической установкой! Все это наводило на мысль о том, что существует какая-то высшая сила, которая тайно управляет примитивными Воинами.

И тут Хан вспомнил о той аномалии, которую он обнаружил, проводя измерения над планетой. Конечно, вполне возможно, что Хата нарушил калибровку измерительных систем. И тем не менее, Хан был уверен, что в планетной системе есть что-то такое, что не укладывается в рамки его познаний. Чтобы определить это, потребовались бы годы наблюдений. Однако у Хана не было времени. Сейчас Хата владел двумя кораблями, а здесь это представляло огромную силу — целый космический флот. А что, если эта аномалия была вызвана каким-то неизвестным космическим кораблем, тщательно заэкранированным от обнаружения?

И это была не единственная тайна планеты. Вокруг нее существовало очень сильное магнитное поле. Если бы его не было, на этой планете люди не смогли бы жить из-за сильной радиации. Но, хотя магнитное поле экранирует радиацию, уровень ее достаточно высок, и она могла бы повлиять на жителей планеты.

Вероятно, дело обстояло следующим образом: последователи Санзирмиль украли космический корабль и постарались улететь подальше, где их не могли быстро обнаружить. Они нашли планету Рассвет и высадились на ней. Позже, во время своих исследований близлежащего пространства, они обнаружили планету, заселенную людьми. Леры захватили людей, вероятно, желая сделать из них рабов. Тогда это не привлекло особого внимания: ведь в ту пору космические корабли часто пропадали без вести — в космических путешествиях всегда существовал элемент риска. Постепенно все технические навыки забылись, и новые поколения леров стали абсолютно безграмотны в техническом отношении. Корабль превратился в святыню, в реликвию. Люди были приручены, порабощены, некоторые из них были отпущены на свободу и предоставлены самим себе. О них можно было не беспокоиться: покинуть планету они не могли, даже если бы верили в такую возможность. Постепенно и леры и люди получили мощную дозу космического облучения. На людях это сказалось не сразу, а скорость мутаций леров очень сильно возросла. К тому же они давно отказались от специально разработанной системы воспроизведения, которая могла бы спасти их от этого.

В результате они опустились по своим потенциальным возможностям ниже людей. Правда, для людей это не имело значения: ведь они за многие сотни лет привыкли к превосходству леров над собой. Леры опускались все ниже по ступеням цивилизации. Еще несколько тысяч лет, и они забудут речь и начнут общаться с помощью жестов. Они растеряют то немногое, что еще имеют.

Но парадокс заключается в том, что леры, которые способны разве только на то, чтобы бросать копья, владеют могучим военным кораблем, использующим в качестве оружия метеориты! Все это ясно указывает на то, что Воины являются лишь прикрытием для какого-то высшего существа — или народа. Но кто это? Каковы его цели? Хан очень хотел бы очутиться сейчас на Сибрайте и рассказать Хетрусу о том, что его подозрения вполне справедливы. Однако у него очень мало шансов не только что-либо рассказать Хетрусу, но и вообще остаться живым.

В полдень прибыли Хата и Лизендир, весьма довольные чем-то. Хата снова исчез, а Лизендир осталась с Ханом. Она быстро заговорила тихим голосом:

— Я не могу говорить долго, и поэтому мало что смогу объяснить тебе. Ты должен принять все на веру. Хата скоро вернется. Слушай: во-первых, их система сексуальных отношений ужасна. Она не может привести ни к чему, кроме вырождения расы. Если Хата предложит тебе выбрать женщину для себя, не отказывайся. Он уверен, что наши отношения с тобой связаны только плотским вожделением. Он даже не знает о существовании высших чувств. Поступай как варвар — это он сможет понять и одобрить. Обо мне не думай, считай, что все делается для нашей пользы. Помни, что та женщина, которая будет с тобой, тоже человек, как и ты. Понял? Хорошо. И дальше. На этой планете что-то не так. Я еще не понимаю, что именно, но мне все это очень не нравится.

Хан понял, что он должен будет принять решение сразу, без раздумий и без возможности отступления. То, чем они были раньше, и то, что было, уже никогда не вернется назад. Теперь у них останутся лишь воспоминания. И он ответил: "Я сделаю все, что смогу".

Времени у них больше не было. Хата уже возвращался. Он вошел в комнату:

— Мы крайне полезно провели время. Должен заметить, что эта девушка — настоящий феномен. Ее служба будет очень ценной для меня. Кроме того, к своему удивлению, я обнаружил, что ты имеешь на нее сильное влияние. Поэтому я решил не разлучать вас.

Стараясь казаться равнодушным, Хан пробормотал: "Это чудесно".

— А теперь, Хан,— сказал Хата, жестом отсылая из комнаты Лизендир,— поговорим о твоей службе. Ты думал над тем, чем ты сможешь быть полезен нам?

— Да, думал. Я считаю, что ваша система защиты может быть улучшена. Эти метеориты хороши, когда вы завоевываете мирные планеты.

Но против военных кораблей, которые видят вас задолго до того, как вы обнаружите их... Ты понимаешь? Мне хотелось бы посмотреть ваш корабль, его аппаратуру. — Хан решил, что если Хата и заподозрит что-то, то не увидит в этой просьбе ничего опасного.

— Что же, в твоих словах есть мудрость. Я и сам думал над этим. Хорошо! Мы будем на корабле.

— Сейчас?

— Да, прямо сейчас. По пути мы все обсудим.

Хата повернулся и вызвал охранника, который, видимо, ждал за дверью. Тот выслушал приказ, ушел, затем вернулся. Хата и Хан пошли за ним. Выйдя из дома, они подошли к одной из гондол. Через несколько минут они уже летели к кораблю.

Вскоре Хата и Хан были на корабле. Снова Хан оказался там, где был вместе с Лизендир. Когда же это было? Полгода назад? Год? Хата повел Хана по лабиринту переходов. Наконец они оказались в большой комнате с низким потолком. Чересчур низким. Видимо, это был пункт управления. Везде стояли приборы, панели с кнопками и рычагами, дисплеи. Большинство приборов выключено. В комнате была горстка людей. Все они сидели возле — Хан не мог поверить своим глазам — экрана радиолокатора.

Операторы вскочили, увидев Хату. Старший доложил, чем занимается группа. После этого начался свободный разговор. Операторы с гордостью рассказывали о радиолокаторе, искренне убежденные, что это лучший прибор во вселенной. Радарная установка определения дальности и азимутального угла! Неуклюжие антенные системы на корабле! Чудовищно! Каменный век.

Хан выслушал все объяснения и тут же дал несколько советов, благодаря которым эффективность системы могла повыситься без существенных переделок аппаратуры. Он также согласился взять на себя обучение второй группы операторов.

— А как у вас со связью?— спросил Хан. Ответ, который он получил, ошеломил его. В самом корабле была телефонная связь. А на поверхности планеты связь поддерживалась с помощью посыльных, а также световой сигнализацией — гелиографом. Источником света служили фонари. Код для передачи сигналов был очень сложным. Хан не стал предлагать радикальные изменения системы связи, он только предложил улучшить конструкцию фонарей, чтобы они могли посылать сфокусированные лучи света в определенном направлении, а также разработал для них простой код, который намного ускорил передачу сообщения и уменьшил вероятность ошибок.

К удивлению Хана, Хата с готовностью согласился со всеми предложениями. Затем они пошли дальше по пункту управления кораблем. Хан обратил внимание, что многие приборы были установлены совсем недавно и, по-видимому, в большой спешке. Это было очень интересное наблюдение.

После этого они снова вернулись в гондолу. Хата буквально захлебывался от энтузиазма, обсуждая проекты Хана.

— О, сотрудничество и прогресс! Мой мальчик, если ты выполнишь все свои проекты, то наши возможности в завоевании будут неограниченны! Ты настоящий клад для нас. У нас много работы для тебя, так что принимайся. Я не техник, но и то чувствую, что многое здесь нужно переделать, усовершенствовать.

— А я решил, что вы хотите просто купить меня.

— О, это просто поспешное замечание, которое было вызвано событиями на Чалседоне. Вообще-то говоря, если бы не твои технические знания, ты не представлял бы для нас никакой ценности. Нет, это не оскорбление, но среди тех пород людей, которые мы вывели, одомашнили, есть такие, что гораздо интереснее тебя.

Хан подумал, что одомашненные люди просто рабы, готовые делать все за пищу. Хата прервал ход его мыслей.

— Я лично не занимаюсь выведением новых пород людей, и считаю это тратой времени. Ни к чему заниматься работой над чужой расой, когда твоя собственная нуждается в усовершенствовании.

— Сколько времени длится одомашнивание?

— С тех пор, как мы взяли первых людей в плен. Впрочем, вернемся к делу. Я обещал тебе плату, и ты ее получишь. — Расчетливый блеск мелькнул в глазах Хаты. — Я дам тебе дом, место для работы и несколько клерков. Но самое главное — я дам тебе возможность выбрать женщину. Видишь? Ты занимаешь довольно высокое положение. Не многие из Воинов имеют возможность выбора.

— Но из кого мне выбирать? Я видел здесь всего лишь несколько старух.

— О, это не проблема. Если ты не видел клеш, это не значит, что они не существуют. Клеш — это женщины, полученные нами путем селекционного отбора. Мы идем туда прямо сейчас.

Хан снова забрался в гондолу вместе с Хатой. Чувствовал он себя очень неспокойно. Он не был уверен, что ему хочется смотреть на продукты селекционной работы леров. Какую цель они преследовали? Внешнюю красоту или чисто женские функции? Как выглядят эти клеш? Хан даже не мог предположить этого. Они летели на север. Ночь уже опустилась на эту часть планеты: дневной цикл тут был еще короче. Вскоре Хан различил громадный комплекс зданий. Он был залит огнями. Хата был очень горд своим детищем.

— Тебе повезло. Сейчас происходит ежегодная экспозиция успехов, достигнутых селекционерами. Управление генетическими кодами. Настоящие чудеса.

Они приземлились. Охранник почтительно поклонился Хату, когда тот вышел из гондолы направился к зданиям. Хотя снаружи комплекс напоминал цирк шапито, внутри все оказалось совсем иным: роскошь и богатство царили здесь.

— Сегодня выставка только тех клеш, которые созданы для украшения, а не для работы. Они обучены только хорошим манерам, ласковому обхождению. Большинство из них спокойны и уравновешены. Но некоторые капризны, иногда неуправляемы.

Они прошли в первую секцию. То, что увидел Хан, совершенно сместило его чувство реальности. Образцы помещались в кубических комнатках с открытой стеной. Комнатки были украшены гобеленами и коврами. Все образцы имели этикетки, повешенные на передней стенке комнатки. Хан не смог прочесть ни одной. В комнатках сидели или расхаживали мужчины и женщины, совершенно обнаженные и, очевидно, не беспокоящиеся ни о своем нынешнем положении, ни о своей наготе. На лицах можно было прочесть любопытство, оживление, но на них не было ни страха, ни ненависти, ни негодования. В этой секции все образцы были рыжими и странно похожими друг на друга, как члены одной семьи. Хан присмотрелся повнимательнее. Нет, все же они чем-то отличались друг от друга. У них были густые волосы цвета темной меди, спадающие на плечи. Кожа у них была смуглая и гладкая. Странно, но и у мужчин и у женщин ноги ниже колен были покрыты густыми темно-красными волосами. Женщины были хрупкими, и у всех были глаза цвета морской волны. Хан никогда раньше не видел таких глаз. Хата комментировал все, на что смотрел Хан.

— Это лучшие экспонаты клеш. Мне говорили, что их очень трудно вывести, но еще труднее поддерживать чистоту породы. Правда, лично мне они не по вкусу, но у каждого свое мнение.

Хан чувствовал, что в нем бурлят эмоции. Нельзя было не ощутить ненависти, глядя на такое издевательство над людьми. Он смотрел на красивые точеные лица, на которых не было ничего, кроме покоя и безмятежности. Большинство их них были молодыми, примерно одного возраста с Ханом. Но были и постарше, и даже такие, чей возраст приближался к старости, хотя они и оставались в прекрасной физической форме.

— Должен признаться, Хата, мне больно видеть представителей моей расы в таком виде.

— Понимаю. Но это еще одно испытание для тебя. Немногие из людей могут равнодушно смотреть на это. Но что в этом плохого? Посмотри на них. Они вовсе не жаждут освобождения. Они предпочитают вести жизнь, полную покоя и неги. — Голос Хаты был холоден.

Хан еле удержался от того, чтобы не броситься на Хату. Но он видел Хату в деле и понимал, что у него нет ни малейшей надежды справиться с ним голыми руками.

— Вот это, например, молодая девушка. Да ты и сам это видишь. Она заняла четвертое место в своем классе. Совсем неплохо для первого показа на публике. Ее недостаток — хрупкость, чересчур тонкая кость. А вот эта заняла первое место. Разница между ними в том, что...

Пока Хата обсуждал достоинства той, что заняла первое место, Хан рассматривал занявшую четвертое место. Она спокойно сидела на ковре, глядя в никуда. Казалось, что она дремала. Почувствовав взгляд, она слегка шевельнулась, но не повернулась в его сторону. Она поднялась, грациозно двинулась по комнатке... Хан внимательно рассматривал ее.

Лицо ее было овальной формы, с чуть выдающимися скулами, глаза глубокие и вдумчивые, слегка раскосые, что придавало ее лицу неуловимое очарование. Красиво очерченный рот, хотя губы были чуть припухлые. Красота ее поразила Хана. Он взглянул на ее тело. Стройная фигура с прекрасно развитыми формами. Груди ее были маленькими, круглыми, упругими. Она посмотрела на Хана и улыбнулась, как по обязанности. Но тут же она узнала в нем человека. Взгляд ее потеплел, стал дружеским. Хан отвернулся от нее. Стыд пронзил его душу.

Хата продолжал свои объяснения. Хан попытался слушать его, но не мог забыть образ прекрасной девушки.

Хата был неистощим. Он провел Хана по всей выставке. Их путь занял несколько миль. Они посмотрели все выставленные типы людей. Здесь были сотни модификаций. Такого разнообразия особей невозможно было себе представить. В нормальном мире уже нельзя было найти чистую расу людей. Все они давно перемешались между собой. А здесь были представлены не только известные расы, но и выведены совершенно новые, никогда не существовавшие.

Наконец Хата сжалился над ним и закончил осмотр. Хан был потрясен. Экспонатов было еще очень много. Но Хан уже не мог больше выдержать.

Хата с гордостью сказал:

— Ты видел далеко не все. Может быть, даже меньшую часть. Что-нибудь привлекло твое внимание?

— О, очень многое. Мне даже трудно сделать выбор.

— Я тебя понимаю. Но ты все же что-нибудь выбрал?

— Только одну?— В голове Хана мелькнула безумная мысль взять всех, но это не решило бы проблемы в целом. Да этого ему бы и не позволили.

— Только одну.

— Ну тогда... — Хан задумался, вспоминая. Девушек он видел много, но, пожалуй, лишь одна произвела на него очень сильное впечатление. В ней были не только женская красота и очарование — таких было много,— но в ней чувствовалась личность. — Из всех, что я сегодня видел, меня околдовала лишь самая первая девушка. Та самая, что заняла четвертое место.

— Да? Из того класса? Из злат? Ты меня разочаровал. Но пусть будет так. Сейчас я сделаю распоряжение. Это же надо?! Класс злат! Вероятно, ты в ней видишь что-то, чего не вижу я. Впрочем, она стоит дешевле, за что я благодарю тебя. Может, ты об этом думал, выбирая ее?

— Понимает ли она, что представляет из себя?

— Нет. Она даже не умеет ни читать, ни писать. Но это не проблема. Я знаю, что этому она быстро научится. Ты действительно собираешься держать ее, как свою жену? Если так, то я бы посоветовал тебе выбрать что-нибудь получше, хотя мне это и обойдется дороже. Но я готов пойти на это, чтобы доказать тебе свое расположение.

— Да нет, не надо.

— Ну хорошо. Эх, молодость, молодость. Хорошо, пусть будет по-твоему. Идем.

Они вернулись обратно, где выставлялись экспонаты класса злат. Хан с изумлением обнаружил, что уже вечер. Так быстро для него прошел день. После долгих поисков Хата нашел менеджера и выписал ему счет. Менеджер выдал Хану папку, где была подробнейшая инструкция владельцу злат, правда, написанная очень сложным по терминологии языком, так что Хан мало что мог почерпнуть из нее. Затем менеджер дал регистрационные бумаги, где содержалась родословная девушки, перечислялись ее предки, завоевавшие призы на различных выставках. Да, хоть это и была всего лишь злата, все же девушка была чистых кровей. Хан долго смотрел на затейливую вязь письма, затем ткнул пальцем на несколько букв:

— Это ее имя?

— Это имя для регистрации,— ответил Хата. — Сама она даже не знает, что проходит по книгам под этим именем. А как же ее зовут на самом деле? А, вот. Устеин. Вот ее имя.

— Она может разговаривать?— Хан почувствовал себя идиотом, задавая этот вопрос.

— О, конечно. Говорит она медленно, тщательно выговаривая слова, как ребенок. Говорить с ней надо так же.

Они вернулись на площадку, где выставлялись златы, и без труда нашли каморку Устеин. Менеджер всю дорогу бубнил о том, как нужно обращаться с девушкой, чем кормить ее и тому подобное.

— Эти Злат очень чувствительны. Но обращайся с ними правильно, и они будут настоящим чудом, жемчугом! Они могут делать все, кроме того, что требует силы. Лично я предпочитаю иметь хейдаров. Они тощие, высокие, со смуглой кожей, длинными мощными руками и острыми носами. Волосы у них черные, густые, волнистые. Под низким лбом черные, очень печальные глаза... — Хан вспомнил, что Хата говорил ему о хейдарах. Он называл их охотниками и следопытами. Интересно, на кого они охотятся здесь, где нет никаких зверей?

Устеин уже спала. Хан смотрел на нее, борясь с желанием обнять ее и прижать к себе. Но она была чужая для него, более чужая, чем Лизендир. Однако тело ее было очень знакомо ему. Скольких девушек он держал в объятиях... И все же она была продуктом общества, совсем чужого ему. Девушка лежала в глубине каморки на низком диване, завернувшись в мягкое покрывало. Губы ее были приоткрыты. Она ды-

шала ровно и глубоко. Видимо, ей снилось что-то приятное, так как изредка на ее лице появлялась слабая улыбка. Хан жестом показал менеджеру, чтобы то не будил девушку, пока ее приятный сон не кончится. Но вот она шевельнулась, и в голове Хана всплыли строки старого классика Даррела: "Нехорошо смотреть на спящую женщину".

Менеджер ласково разбудил ее. Сначала она испугалась, увидев стольких мужчин возле себя, но менеджер объяснил ей все, и она успокоилась, даже оживилась. Хан чуть не сошел с ума, глядя на то, что девушка радуется тому, что ее продали. Она спросила Хана, не разрешит ли он ей взять с собой некоторые вещи. Хан с бьющимся сердцем разрешил.

Пока она собирала свои вещи — подушку, покрывало, сумочку — менеджер сообщил Хану дополнительные сведения о златах.

— Родословные златов мы ведем очень давно. Они живут на этой планете почти столько же времени, сколько и мы. Это первые люди на планете. Ты должен обращаться с ней очень осторожно: кости ее хрупки и могут сломаться, если ты будешь груб. Кроме того, она боится холода. Впрочем, об этом написано в инструкции, которую ты получил. Ты можешь не опасаться: она не будет пытаться сбежать.

Хан с этим вполне согласился. Наверняка в них поколениями вдалбливали, что бегство вовсе не выход для них. У них сложилась особая психология: бежать они не могли, и им оставалось только принимать все так, как оно есть. Хан посмотрел на девушку. На лице ее светилось счастье. Она уже собрала свои пожитки и теперь ждала его. Хан взял ее за руку — первая рука женщины, которой он коснулся за столько лет, нет, веков! Рука оказалась мягкая, нежная, теплая, с аккуратно подстриженными ногтями, отливающими золотистым лаком. Девушка спокойно пошла за ним к гондоле.

На улице было уже совсем темно. Ночь опустилась на планету, Хан опять изумился тому, что время для него пролетело незаметно. Начиналась сильнейшая буря. Колючие хлопья снега с силой били в лицо. Когда они шли к гондоле, Хан заметил, что девушка дрожит от холода. Хан взял из рук девушки покрывало, размотал его и укрыл Устеин. Девушка смотрела на него широко раскрытыми глазами. Хан посмотрел на ее красивые босые ноги, оставлявшие следы маленьких ступней на снегу. Они уже совсем покраснели, но девушка не жаловалась.

Уже подходя к гондоле, Хан ощутил, как на него тяжелым туманом опустилась усталость. Сквозь туман до него смутно доносился голос Хаты. Хата говорил ему, что теперь Хан может работать над усовершенствованием корабля и отдыхать, наслаждаясь с этим домашним зверьком. Когда они прилетели в дом Хаты, тот отвел их в прекрасно обставленные комнаты и ушел.

Глава 5

Прошло несколько коротких унылых дней зимы, в течение которых Хан пытался приспособиться к своей новой реальности. Это была сложная задача, которая усугублялась тем, что он не знал в точности, к чему он должен приспосабливаться, какова же эта новая реальность. Он пытался сопоставить все, что произошло с ним, с прошлым опытом — но увы: то, что было с ним раньше, невозможно было сопоставить с тем, что происходило с ним сейчас. И исходя из прошлого опыта, он не мог представить своего будущего. Более всего его тревожило незаметное присутствие этой девушки — Устеин, которая непрестанно напоминала ему о том, что жизнь его изменилась коренным образом. То, что началось как обычное путешествие, кончилось там, где уже не было места обычным человеческим чувствам, где исчезло само понятие личности. Пока события происходит последовательно, он и Лизендир могли поддерживать душевное равновесие, но затем резкие изменения оторвали их от реальности. И вот теперь эта девушка, казалось, вернула его к ощущению реальности. Но эта реальность не имела для него никакого смысла.

Что касается самой Устеин, то она была тиха, ласкова, незаметна. Она была полностью погружена в себя, она вела свою жизнь, которая, казалось, не зависела от того, что происходит вокруг нее. Хан часто наблюдал за ее сном. Спала она, как зверек, чутко и почти не двигаясь. Ей что-то снилось — Хан замечал, что на лице ее сменяются выражения. Вела себя она просто, без всякого кокетства, отвечая прямо. Возможно, она действительно считала себя всего лишь домашним зверьком. Но Хан не мог сказать этого с уверенностью, так как Устеин ничем не открывала перед ним свой внутренний мир. Хан мог поблагодарить Лизендир, которая объяснила ему, что такое бесхитростное поведение может скрывать подлинные глубины души, в то время как открытое кокетство умолчания может означать всего лишь узость ума. Если это правда, то за внешней простотой Устеин скрывался настоящий бездонный океан.

Время шло, и Хан все больше и больше утверждался в понимании того, что девушка обладала исключительной красотой, но тем не менее она оставалась личностью. Выбрав ее для себя, Хан встал перед сложной проблемой. Взять ее, как женщину, для него не составляло труда. Достаточно было приказать. Но полного обладания ею, познания ее внутреннего мира добиться гораздо сложнее.

Хан понимал, что, несмотря на внешнюю безмятежность, внутренний чуткий баланс Устеин полностью нарушен. Хан хотел бы понять ее полностью, но он не хотел врываться в ее внутренний мир грубо, боясь разрушить его навсегда.

Странно было то, что сама Устеин, как подозревал Хан, вовсе не думала о себе как о личности. И вдвойне это было странно потому, что

бомбардировка планеты космическими лучами действовала губительно на интеллект леров, а интеллект людей оставался нетронутым. И поэтому Устеин находилась, вероятно, на более высокой ступени развития, чем Воины. Другой парадокс Хан видел в сравнении Устеин с Лизендир. Лизендир была продуктом цивилизованного общества, Устеин не имела никакого отношения к цивилизации. И тем не менее, она гораздо лучше управляла своими эмоциями, чем Лизендир, которая большую часть жизни потратила на овладение этим искусством.

Зверек. Тщательно выдрессированный зверек. Никто не будет пахать на чистокровной лошади. Никто не запряжет ее в телегу, иначе она погибнет для будущего, пропадет многолетний труд по селекции благородного животного. И Хан боялся неправильными действиями погубить Устеин, если он слишком резко, слишком грубо начнет пробуждать в ней человека, личность. И чем дольше он находился рядом с ней, тем больше он хотел, чтобы она навсегда вошла в его жизнь.

Он всегда относился с недоверием к слову "любовь". И Лизендир укрепила его в этом. Она была права, так как это слово имело тысячу оттенков, тысячу смыслов. Сначала Хан употреблял это слово только в одном смысле, выражая этим словом плотскую страсть. В его отношениях с Лизендир слово приобрело другой, более глубокий смысл. А теперь, когда рядом с ним оказалась Устеин, совсем другое чувство захватило его. Но как бы оно ни было глубоко, оно не заслоняло в его сознании Лизендир...

Что касается Устеин, то она, казалось, была вполне довольна своим новым домом. Хан не имел понятия, сколько ей на самом деле лет. Она совсем не грустила о своем прошлом. Устеин проводила много времени, ухаживая за собой, однако вся ее деятельность в этом направлении не имела никакого сексуального смысла. Она совсем не стремилась соблазнить его. Скорее всего, она занималась этим для того, чтобы провести время. У нее была небольшая сумочка с туалетными принадлежностями, гребенками, щетками. Большую часть времени она занималась туалетом, или спала. И только иногда Хан слышал, как она что-то напевает про себя. Это были длинные песни, язык которых Хан не знал. В такие часы она, казалось, забывала обо всем, погружаясь в свой собственный мир, границ которого не знал никто. Хан позволял ей делать все, что она захочет, спать, где она пожелает. Она спала, свернувшись клубочком, в углу его постели. Сон ее был чуток. Она просыпалась при малейшем шуме и тревожно вглядывалась в темноту, стараясь определить, что же разбудило ее. Хан уголком глаза видел, что глаза ее были широко раскрыты, и во взгляде ее была тревога. Но через некоторое время дыхание ее становилось ровным и глубоким. Она засыпала снова. Когда он наконец понял, что хочет он нее, он хотел начать это сразу. Но после размышлений понял, что лучше повременить, дать ей время привыкнуть к новому положению. Нельзя сразу и внезапно отрывать человека от того, что

впитывалось в него многие годы, в течение многих поколений. Ведь леры в течение шести тысяч лет целенаправленно воздействовали на людей, чтобы вывести новую расу.

После того как он и Устеин были представлены сами себе, Хан ничего не слышал о Лизендир, и это начало его тревожить. Но наконец она появилась, Хан был рад тому, что она здесь, рад, что она хорошо выглядит, но присутствие Устеин смущало его. Он смог прочесть в глазах Лизендир, что отношения, связывающие их, перешли в какое-то иное состояние. Но ревности в ней он не почувствовал. Скорее понимание, одобрение. Хан проанализировал свои ощущения и понял, что они аналогичны ощущениям Лизендир.

— Я пришла потому, что теперь мы можем поговорить свободно. У меня очень интересная информация. Очевидно, мы каким-то образом вошли в доверие к этим чудовищам. Я делаю все, что могу. Они убеждены, что я обучаю их высшим тайнам. А на самом деле я даю им самые начальные знания. Мне немного не по себе, так как этого хватит, чтобы стать на этой планете самыми опасными. Но при встрече с другими лерами они будут выглядеть беспомощными детьми. Правда, некоторые из этих леров имеют врожденный талант. Например, Хата. Это заставляет меня уважать его, хотя я, как и раньше, ненавижу все, что за ним стоит.

Хан, твое поведение изумило всех. Хата поражен. Он стал уважать тебя. И я тоже. Я пришла сказать, чтобы ты не менял своего поведения. И посмотреть на девушку.

Хан позвал Устеин. Она появилась мгновенно и стояла спокойно, пока Лизендир внимательно рассматривала ее. Теперь, когда он видел их рядом, у него возникло ощущение, что Лизендир какая-то одноцветная, монохромная, в то время как Устеин вспыхивала всеми цветами радуги. Устеин была немного ниже ростом, чем Лизендир, и более хрупкая. Однако не ей, а Лизендир пришлось сделать усилие, чтобы сохранить бесстрастность в лице.

Наконец Лизендир заговорила:

— Я понимаю, что ты выбрал лучшее из того, что тебе предлагали. Она гораздо больше, чем просто молодая и прекрасная девушка. Даже на мой взгляд она очаровательна. Мы с тобой оба знаем, что между нами не должна лечь тень горечи. Ты должен был сделать это, так как это было твоей судьбой задолго до того, как ты встретил меня.

— Я борюсь с собой, как могу,— ответил он, пряча глаза, будучи не в силах заглянуть в глубину ее серых глаз.

— Я знаю, что ты чувствуешь. Но не уподобляй меня тем секретаршам, с которыми ты имел дело в Бумтауне. У меня нет ни ревности, ни зависти. Я знаю, что ты должен был пойти на это. Я сама хотела этого.

Хан молчал. Она продолжала:

— Ты спас эту девушку. Я тоже посетила выставку клеш. Это отвратительно. Не сами люди, конечно, а то, чем они стали. Но все люди на этой планете не лучше. Да и леры тоже. Я не нашла ни одного, заслуживающего уважения. Это животные, злобные и низменные — оставь их, пусть они ввергнутся в хаос, какого они заслуживают.

— Я сделал так, как ты сказала мне, и так, как подсказывала мне совесть.

— Ты сделал все правильно. Но ты должен понимать, что это не награда для тебя со стороны Хаты, а проверка. И ты выдержал испытание. Поэтому мы можем пользоваться теперь относительной свободой.

— Лизен, я не забыл... — Тут он увидел, как скользнула тень по ее лицу.

— Я тоже. Но ты прекрасно понимаешь, что мы не можем связать свои жизни навсегда, что я буду вынуждена оставить тебя. И это предопределено судьбой. Твоя судьба содержится даже в твоем имени. Теперь я могу сказать, что оно означает власть воды. А она? Она предназначена для тебя. Посмотри на цвет ее волос — они огненно красные, а значит, она властвует над ветром. Я же ношу имя, которое означает власть огня. Ее ветер может погасить мое пламя, как свечу. Она на вид хрупкая и нежная, но могущество самой вселенной на ее стороне.

Вот так, Хан. Ты с самого начала знал, чем кончится все. Не думал же ты стоять возле моего дома и выть на луну? Нет. И я тоже не собираюсь стоять возле твоего дома. Но я всегда останусь твоим другом, и всегда буду помогать тебе во всем, как бы мне это ни было трудно и больно.

Она повернулась и исчезла.

Хан долгим взглядом посмотрел на Устеин. Наконец Устеин заговорила. Впервые она обращалась к нему прямо. Голос ее был тихим и немного гортанным.

— Кто эта женщина?

— Она пришла в этот мир вместе со мной.

— Ты принадлежишь ей?

— Нет. Мы оба дикие. — Хан использовал слово "дикие" вместо "свободные", так как именно в этом смысле оно использовалось здесь, на планете.

— Я боюсь ее. Женщины жестоки. Она знает любовь, я вижу это. Но с другой стороны, холодна, как лед, как ветер с юга. Она приходила на выставку раньше тебя. Она смотрела на меня такими глазами, как будто хотела убить меня взглядом.

— Устеин, чего ты хочешь?

— Хочу? Я не понимаю.

— Желаешь. Нуждаешься. — Он помолчал. — Каковы твои стремления, планы, надежды?

— Я?... Не знаю. Чтобы иметь надежду, нужно быть диким. Я не дикая. Я вижу, что моя жизнь складывается более или менее хорошо, но

могло быть иначе. Для меня нет ни прошлого, ни будущего. Такова участь всех не диких зверей.

— Мне сказали на выставке, что ты не самая лучшая из представленных. Но все же я захотел именно тебя.

— Захотел даже больше, чем остальных женщин?

— Да.

— Тогда я счастлива. Это так приятно, когда тебя хотят.

— Что ты подумала, когда увидела меня?

— Я была очень удивлена. Ведь дикие клеши никогда не приходят на выставки. Значит, ты не дикий. Я решила, что ты откуда-то издалека. И ты не такой, как я. Скорее всего, ты мнар. Но потом я поняла, что это не так.

Хан решил пока ничего ей не объяснять. Она подождала немного, затем продолжала:

— Я много слышала про диких клешей. Они в самом деле дикие. Они все время воюют. Их убивают. Но ты не дикий. Что Воины хотят от тебя? Они разрешили тебе быть, как они?

— Нет. Они считают, что я очень близок к диким. Но я оказал им услугу, и тот толстяк, с которым я был, и на которого я работаю, дал мне тебя в подарок.

— Меня?

— Да!

— И он разрешил тебе спать со мной? Я очень хочу этого... — Она произнесла это, и бросила на него кокетливый взгляд из-под длинных ресниц, означавший, что это не просто слова.

Хан, конечно, хотел ее, но сначала он хотел немного переделать ее, перевоспитать, узнать ее получше. Однако она разрушила все его планы, назвав все своими именами. Хан решил быть честным с нею.

— Сначала я хотел заслужить твое уважение. Может быть, не сразу, а со временем.

Она не ответила, но опустила глаза. Хан посмотрел на ее ресницы — длинные, пушистые, такого же цвета чистой меди, как и ее волосы. И вдруг она, как будто ничего не сделав, стала необычайно соблазнительной. Каждый изгиб ее тела, каждая округлость вызывали сладостный трепет у Хана. Хан с трудом сдерживал себя. Все это обрушилось на него, как удар грома.

С трудом шевеля губами, Хан проговорил:

— Я хотел подождать, так как я не знал, хочешь ли ты меня...

Она взглянула на него влажными блестящими глазами из-под пушистых ресниц, губы едва изогнулись в улыбке:

— Конечно, ты мог бы быть и покрасивее. Но ты так не похож на других. Ты привлек мое внимание сразу, как только я взглянула на тебя. Я очень хочу тебя, и не желаю дольше ждать.

Она стояла, глядя в ничто и выжидая. Хан видел, как на ее точеной шее бьется жилка. Он повернулся и запер дверь. Когда он вернулся к

Устеин, она протянула руку и нежно погладила его бороду. В душе Хана вспыхнул огонь. Он уже не мог произнести ни слова, он не мог сказать "потом". Пусть будет то, что будет, подумал он, чувствуя, как огонь разливается по его жилам, как вселенная закружилась вокруг него. Он нерешительно коснулся ее чистой нежной кожи, провел рукой по густым благоухающим волосам. Платье само собой скользнуло на пол, и маленькие упругие груди Устеин с торчащими розовыми сосками прижались к его груди. Тело ее трепетало, ожидая мужских объятий, и Хан не заставил себя ждать. Он подхватил невесомое тело девушки на руки и осторожно положил на постель. Устеин раскрылась, подалась навстречу ему, и он с радостью утонул в ее объятиях. Время перестало существовать для него.

Устеин была совершеннейшим новичком в деле любви. Она не знала почти ничего. Ею руководили только ее собственные ощущения и рассказы более старших и опытных подруг. Хану сначала было трудно с ней, но отсутствие опыта она восполняла наивным энтузиазмом и готовностью воспринять все уроки, которые он давал ей. Он овладевал ею терпеливо и осторожно, но она отвечала с яростной страстью. Устеин не могла жить для того, что будет. Она жила в настоящем, и хотела получить все сразу. Потом будет потом, а сейчас — это сейчас. Когда их страсть была утолена, и они лежали рядом, каждый по-своему переживая случившееся, Хан подумал, что эту девушку еще очень многому нужно будет научить, и что он с радостью будет посвящать ее в искусство любви.

Потом она хотела перелечь в угол постели, где она обычно спала, но Хан остановил ее, и Устеин свернулась возле него клубочком, приготовившись спать. Она, казалось, светилась в темноте он наполнявшего ее счастья. То, что она только что испытала, было чудеснее самых сказочных снов.

Хан подвинулся, давая ей место возле себя, и болезненно поморщился. Несмотря на ее хрупкость, она в порыве страсти была необузданна, мышцы ее, казалось, наполнялись раскаленной сталью. И она кусалась. Хан осторожно провел рукой по шее и плечам, которые хранили следы ее острых зубов. Он снова поморщился. Да, ему есть чему поучиться у Устеин...

Когда он проснулся, было еще темно. Долгая зимняя ночь еще не кончилась. Под зажженной лампой Устеин причесывала волосы. Она сидела на уголке постели, завернув ноги в одеяло. Свет лампы зажигал золотым огнем ее кожу, вспыхивал в волосах. Она сразу заметила, что Хан проснулся, посмотрела на него, кокетливо отвернулась, затем сказала:

— Мы должны заниматься любовью как можно чаще, пока у нас есть возможность. Я боюсь, что нас скоро разлучат. И я хочу насладиться любовью навсегда.

Хан смотрел на девушку, не произнося ни слова. У него тоже было ощущение, что счастье не может длиться вечно. А то, что это счастье, он знал наверняка. Он не мог объяснить, почему это так, он просто знал это. Любовь — сложное чувство, и в ней нельзя все расставить по полочкам. Если можно сказать: "Я люблю потому, что..." — значит, любви уже нет, она кончилась, она осталась в прошлом.

Он спросил:

— Как ты думаешь, сколько времени они дадут нам?

— Не знаю. Может, дни, а может, недели. Кто знает, чего они хотят он нас?

Хан почувствовал холодок.

— Устеин, нам очень много предстоит сделать.

— Я знаю.

— Ты не можешь этого знать, даже предполагать,— сказал он. — Ты голодна? Я сейчас что-нибудь сделаю для нас.

Ее реакция была неожиданной:

— Ты хочешь накормить меня?— спросила она внезапно, и заплакала. Он склонился над ней, обняв рукой нежные плечи. Он помолчал, ожидая, чтобы она успокоилась. Да, ему еще много нужно узнать о ней, многому научиться. Постепенно рыдания ее стихли.

— Мы — люди,— сказал он ей. — Мир, откуда я пришел, весь населен такими, как мы. Там нет клеш, там все просто люди.

— Я... я боюсь этого мира. Я боюсь диких.

— Там нет диких. Там живут люди, которые гораздо лучше тех, что живут на этой планете.

— Расскажи мне, а я постараюсь понять все. Я уже слышала о таких мирах, но я не верила. Я боюсь, что не смогу стать такой, как ты. Ты должен отослать меня обратно, пока еще страсть спит в твоем сердце. Я не хочу видеть твой гнев, который проснется, когда ты увидишь, что я не могу следовать за тобой, что я слишком слаба.

— О нет. Ты не будешь слабой.

Он старался успокоить ее страхи, старался пробудить в ней уверенность. Он был уверен, что в ней хватит сил на все.

— Хватит об этом. Давай поедим. И потом ты расскажешь мне о себе.

— Все?

— Все. Я хочу знать все.

— А ты мне расскажешь о себе?

— Все, что ты сможешь понять.

Он почему-то думал, что Устеин будет есть руками, но она довольно умело пользовалась ножом и вилкой. Правда, ела она чрезвычайно быстро. Она сказала:

— Пища — это очень серьезная вещь. Вот почему я удивляюсь, что ты пригласил меня поужинать. Мы, златы, всегда голодны.

— Ты не должна много есть. Ведь если ты потолстеешь, ты потеряешь красоту.

— Да. Я видела толстых женщин. Красивыми их трудно назвать.

Когда они поели, Хан предложил ей чашку горячего пива. Устеин понюхала жидкость с подозрением.

— Это запрещенный напиток.

— Для нас это запрещение не имеет смысла. Оно нас не касается.

— Ты действительно хочешь оставить меня при себе навсегда?

— Да, если ты захочешь остаться.

— Ты хочешь, чтобы я решила это?

— Да. Но не здесь, а на моей планете, среди других людей, где ты будешь свободна даже от меня.

— О, я не воспользуюсь твоей щедростью ни здесь, ни там. У меня только одна жизнь, и я хочу прожить ее в любви... — Она замолчала, а потом добавила с ехидством: — А кроме того, мы еще здесь, а не там.

— Да. Ты права. А теперь расскажи мне о златах. Садись рядом.

Она села возле него. Начала она нерешительно, как бы опасаясь раскрыть тайны, но постепенно горячее пиво развязало ей язык, и она рассказала все.

Это была незамысловатая история. Из рассказа Устеин следовало, что в начале был хаос, и все люди были такими же дикими, как и все остальные звери. Но затем пришли леры, установили порядок во всем, взяли под свою защиту людей. Мир для людей стал тесным, очень тесным, но зато безопасным. Устеин знала, что некоторые люди все еще были дикими, но она не завидовала им. Она вообще редко думала о них.

Златы, вот о ком она знала лучше всего. Она, как показалось Хану из ее рассказа, были наиболее образованными, и все же они были намного ниже по культуре, чем люди цивилизованного общества, из которого вышел Хан. Они были для леров даже ниже, чем рабы, так как совершенно не использовались для практических работ. У них не было религии, у них не было никаких верований. Они соединялись в пары только по разрешению, и то не больше, чем на неделю. А потомство их тщательно анализировалось, и, если не подходило под требования леров, уничтожалось. Оставленные в живых дети первые годы росли с женщинами, а затем их воспитанием занимались мужчины. После того, как дети вступали в пору зрелости, они вели такую же жизнь, как их родители и родители их родителей; жизнь, не имеющую никакой практической цели; жизнь, подчиненную лишь требованиям и капризам леров. У златов не было ничего: ни чувства собственного достоинства, ни частной собственности. Единственное, что им принадлежало — это мелкие личные вещи, вроде того покрывала, что принесла с собой Устеин.

Постепенно Устеин стала уставать, сонливость овладела ею. Она легла в постель, и Хан заботливо укрыл ее. Нежная улыбка скользнула

по ее сонному лицу. Она что-то сказала на своем языке, чего Хан не мог разобрать.

Хан не мог уснуть. Он сидел возле постели спящей девушки и думал о ней.

Хан думал об Устеин. Девушка жила только настоящим. Она не была опутана цепью традиций, или, как это происходит в цивилизованном обществе, подсознательными цепями культурных ценностей. Единственное, что управляло ею — чувство внутреннего баланса. Хан сознавал, что ему никогда не удастся понять механизм этого внутреннего баланса. Ведь для этого ему нужно было бы забыть о том, что он цивилизованный человек, и сознательно опуститься куда-то между диким зверем и рабом, ниже раба. Ведь раб имеет какие-то общественные функции, обязанности. Он делает какой-то вклад в развитие общества.

Но ведь она человек. Не лер. И не животное. И у нее сохранился разум, который можно было бы как-то использовать. Лизендир сделала Хана частично лером, чтобы стать хоть немного понятной ему. А Устеин просто поглощала все в себя, спрессовывала все в своем вечном настоящем.

Хан долго размышлял, пока не почувствовал, что сон одолевает его. Тогда он погасил лампу и лег рядом со спящей девушкой, которая доверительно прижалась к нему. Хан продолжал думать о ней. Он не был новичком в отношениях с девушками. Но эта отличалась от всех, кого он знал раньше. Чем? Красотой. Но это была не внешняя красота, предназначенная, чтобы скрыть внутренний мир. В ней было что-то иное. Что же? Что-то абстрактное. Что-то, что невозможно ощутить материально. Что-то, связанное со временем. Время? Жена? Дети? Любовь? Семья. Дети. Бронзовые волосы и полосатые ноги... Время. Чувство времени. Дети...

И вдруг сон покинул его. ОН понял. Он получил ответ. Он догадался, кто управляет Воинами. Кто и почему. И для полной ясности требовалось задать несколько вопросов Хате. Простых вопросов. Впрочем, и так все ясно. Он взглянул на островок реальности, который находился рядом с ним. На спящую Устеин. Взглянул и уснул.

Глава 6

Хан вскоре начал беспокоиться об Устеин так же, как и о Лизендир. Если его предположения хотя бы частично правдивы, то они находятся в величайшей опасности, гораздо большей, чем та опасность, которую представлял для них Хата. Хану даже стало немножко жалко Хату и всех

Воинов. Ведь они были всего лишь безмозглым орудием в чьих-то руках, даже не подозревая об этом.

Но затем он вспомнил о том зле, которое Воины могут принести Вселенной: смерть, разрушения, разбитые семьи... У них было ужасное оружие: бомбардировка метеоритами. Правда, это оружие могло быть использовано только против планет. Если бы Хан мог забыть об опасности, грозящей вселенной, и думать лишь об одной этой планете... он бы согласился с Лизендир: пусть ни тут подыхают. Правда, он бы постарался сначала вывести отсюда всех людей — но увы, эти бандиты угрожали вселенной, и их нужно было обезвредить раньше, чем они смогли бы что-нибудь предпринять. И совершить это могли только они, Хан и Лизендир. А для этого Хану нужно было завладеть обоими кораблями и добиться сотрудничества с Хатой. Хорошо бы в это дело не вмешивать Лизендир. И хорошо бы сделать это быстро, так как он слышал разговоры среди Воинов о том, что скоро они собираются в новый набег.

Он направился на поиски Хаты. Обойдя весь дом, он не нашел ни малейшего его следа. Хата исчез. И Лизендир тоже. Хан потратил много времени на тщетные разговоры с клерками и Воинами, которые или не знали, где находится Хата, или не хотели говорить ему. Наконец он встретился с мажордомом и уговорил его послать Хате гелиограмму. Мажордом заметил, что он не может сказать с уверенностью, приедет ли Хата, получив гелиограмму. Хан стиснул зубы. Хата может появиться лишь через несколько дней. А без него он не сможет сделать то, что задумал. Остальные Воины либо не доверяли Хану, либо не обращали на него внимания. А почему должно быть иначе? Ведь Хан, как и Устеин, не был для них личностью. Он был зверек, как и девушка.

Хан вернулся в свои апартаменты. Когда он вошел в комнату, то увидел, что Устеин сидит на постели и занимается тем же, чем занималась почти все время: причесывает свои волосы цвета меди. Он подошел, сел рядом с нею. Им оставалось быть вместе всего несколько дней... или даже, в случае удачи, они не расстанутся никогда.

Хан легонько коснулся волос девушки.

— Дай мне гребень, я хочу причесать тебя.

Устеин с удивленной улыбкой подала ему гребень. Хан коснулся ее волос, чувствуя, как в нем просыпается страсть...

Вскоре он забыл о том, что хотел причесать ее.

Хата не появился ни в этот день, ни на следующий. Хан проводил много времени с Устеин и с удивлением обнаружил, что она очень быстро, удивительно быстро, понимает то, о чем он рассказывает ей. Она легко приспособилась к мысли о том, что им придется жить в другом мире, где все люди дикие, вернее, свободные.

— Но мне будет там очень трудно.

— Я буду помогать тебе.

— Без тебя я бы никогда туда не поехала. Но ты будешь со мной. Не бойся за меня. Я сумею жить так, как хочешь ты. Но я хочу попросить тебя об одном.

— Проси, Устеин.

— Не заставляй меня убирать волосы с моих ног. Я буду прятать их, если в твоем мире это будет считаться смешным. Ведь разве ваши женщины не прячут то, что не красиво, и не выставляют напоказ только то, что может понравиться?

— Хорошо, пусть будет так, как ты хочешь. Я постараюсь привыкнуть к ним. — Он погладил шелковистый мех, покрывавший ее ноги.

Он сидел, задумавшись, а она смотрела на него ласково и нежно.

— Иди ко мне,— позвала она,— я хочу ласкать тебя. Из всего, что мы делаем, это самое приятное.

Так проходили дни и ночи. Хан совсем не уставал от Устеин. Она была настолько разнообразна в своем поведении, во взглядах, что постоянно удивляла его. Но вот наступил день, когда вернулся Хата, и их время кончилось. Хата пригласил Хана к ужину. Хан попросил разрешения взять с собой Устеин, и, к его удивлению, Хата не стал возражать, хотя цинично улыбнулся при этом. Улыбка встревожила Хана.

Ужин состоялся в большом холле. Лизендир тоже была там. Вид у нее был очень усталый, видимо, она много работала. Однако Хан предполагал, что это не физическая усталость, а нечто другое. Вероятно, на нее так подействовал стресс: ведь ей приходилось сотрудничать с Воинами, которых она ненавидела всей душой.

Хата в течение всего ужина не проронил ни слова. Видимо, он был очень голоден. Хан с трудом сдерживался, чтобы не обратиться к нему со своим вопросом. Но вот, наконец, Хата заговорил.

— Я вижу, что ты сделал чудо со своей новой подругой, Хан. Я уже не могу относиться к ней, как к домашнему животному. Она стала человеком. Ты за несколько дней сделал то, на что требуются многие тысячи лет. Но ты должен понять, что это означает для нее. Ведь она никогда не сможет вернуться к златам. Она теперь знает слишком много. Если она вернется назад, она будет там несчастлива.

Хан почувствовал угрозу в словах Хаты — сегодня тот был в плохом настроении.

Но все же Хан решил идти вперед.

— С тех пор, как я появился на этой планете, многое меня беспокоит. У меня появились кое-какие подозрения. Могу я задать несколько вопросов? Если я неправ, то я сохраню все при себе. Я никогда никому нечего не скажу. Но если я хоть немного прав, то ты сам не захочешь ждать, и потребуешь от меня действий.

— Да? Тогда спрашивай.

— Когда был построен "Хаммерхэнд"?

— В этом нет тайны. Не так давно. Приблизительно двадцать стандартных лет назад.

Как будто реле щелкнуло в мозгу Хана. Первый факт подтвердился. Теперь многое стало яснее и понятнее.

— Как это произошло? Вы сами решили построить его, или кто-нибудь предложил вам?

— Это решил большой совет. Некоторые из нас, кто был тогда молодым, хотели завоевать достойное место во вселенной.

— Кто внес предложение?

— Я.

— А откуда ты взял эту идею?

— По правде говоря, мне подал эту идею очень ценный помощник. Но на совете выдвинул эту идею я.

— Хорошо. А кто твой помощник?

— Эвинг и его три сына.

Снова щелчок в мозгу. Все подтверждается.

— Ты знал Эвинга раньше?

— Чепуха все это. Я очень устал, и мне не до глупостей.

— Если ты позволишь задать еще несколько вопросов, я сослужу тебе и Воинам неоценимую службу. Гораздо более полезную, чем Эвинг.

— Что ты можешь сделать? Ты всего лишь жалкий клеш и мой пленник. Впрочем, давай. Только недолго. Значит, Эвинг. Нет, тогда я не знал Эвинга. Он занимал слишком низкое положение. Но он сумел быстро сблизиться со мной, оказывая мелкие услуги.

— Ты проверял его? Каково его происхождение, откуда он?

— У меня не было причин интересоваться. Он лер, и сам пришел к Воинам.

— Кто-нибудь видел его или его трех так называемых сыновей раздетыми?

— Смешно и глупо! Нет. Его триада... Нет. Я не знаю.

— Если ты хочешь поинтересоваться, видел ли его кто-нибудь раздетым, то ты не найдешь никого.

— А для чего мне искать?

— Я считаю, что Эвинг не тот, за кого выдает себя. Он не человек, но и не лер. Я думаю, что у него даже нет пола. Я уверен, что он шпион, и даже хуже. Он использует Воинов, чтобы достичь своих целей.

Хата вскочил. Он был вне себя от гнева. Если Хан не сумел посеять в нем семена сомнения, то теперь ему угрожает страшная опасность. Устеин тоже поняла его. И Лизендир тоже.

— Что ты сказал? Ты хочешь посеять в наших рядах рознь? Я засажу тебя в пещеру! Я...

— Подожди! Кто переоборудовал корабль?

— Охрана, сюда! Кто перестроил корабль? Какая разница!.. Эвинг и его сыновья... — Он замолчал, думая о чем-то. В холл ворвались охранники. Хата движением руки остановил их.

— И они для перестройки улетели с планеты?

— Да, после мелкого ремонта. Они сказали, что необходима невесомость.

— Ты видел корабль с планеты?

— Нет. Они улетели к газовому гиганту. Им необходимо было провести испытания.

— Как они объяснили свои знания?

— Они сказали, что в их семье изучали старые книги, и они многое познали в них. Ну? Ты удовлетворен? Казалось, что они... Они отсутствовали целый год. Раньше я об этом не задумывался. Но даже если ты и прав в своих предположениях, я не вижу в этом ничего страшного. В конце концов, у нас есть могучее оружие, и мы можем использовать его против кого угодно.

— Хата, это оружие действительно страшное, но только если его использовать против незащищенных планет. Стрелы страшны для тех, у кого нет щитов, но для закованных в броню стрелы бессмысленны. Лизендир говорила мне, что раньше ваш корабль был оборудован аппаратурой дальнего обнаружения. Где она теперь? Я не видел ее на корабле.

— Они сказали, что такая аппаратура не нужна.

Он все еще не был уверен, но, во всяком случае, колебался.

— Слушай. Я скажу тебе то, что ты наверняка не знаешь. На моем корабле, хотя он очень маленький и простой в управлении, есть средства, с помощью которых я могу обнаружить твой корабль на таком расстоянии, когда ты еще не подозреваешь о моем появлении. И я могу уничтожить твой корабль внезапно. Ты понимаешь? Это же самый маленький корабль в космическом флоте людей. А что будет с "Хаммерхэндом", если он встретится в военными кораблями, предназначенными для уничтожения врага? Они превратят "Хаммерхэнд" в пыль. Завоеватели! Вы идиоты! Вы хотите вести войну для кого-то и заплатить за это своими жизнями! Вероятно, первую планету, на которую вы нападете, вы завоюете. А потом вам придется иметь дело с военным флотом всей вселенной! Кто посовстовал вам брать в плен людей?

— Эвинг...

— Конечно. Он хотел, чтобы Воинов видели, опознали, сообщили о них. Иначе, как бы узнала вселенная, что Воины — леры? Ты знаешь, что пока ты был на Чалседоне, Эвинг посетил нашу цивилизацию?

— Когда?

— Перед тем, как я и Лизендир прилетели на Чалседон. Он хотел убедиться, что известие о Воинах достигло людей. А потом он убил Ефрема.

— Это невозможно... Я не понимаю, как он смог попасть туда? Ведь он оставался здесь, когда мы улетали для нападения. Я командовал единственным космическим кораблем нашей планеты.

— После вашего отлета он вызвал свои корабли и полетел за вами. Пока вы развлекались на Чалседоне, он кружил где-то рядом, выжидал,

что будет. Затем он посетил Сибрайт и вернулся сюда раньше вас. Он обогнал нас где-то на середине пути сюда. И мы даже обнаружили его корабль.

И тут Лизендир воскликнула:

— Да, да! Это был именно тот лер, которого никто не знал. И именно он настаивал на том, чтобы сюда послать не флот, а только нас двоих для разведки.

— Посмотрим, что на все это скажет сам Эвинг.

— Нет, у меня лучшее предложение. Бери своих охранников и пойдем на мой корабль. Мы попробуем найти местонахождение аномалии планетной системы. Если мы найдем ее, то вернемся сюда, возьмем большой корабль и высечем их тем самым кнутом, который они вложили в ваши руки. Только позволь нам остаться всем вместе.

— Но если ты ошибаешься?

— Нет, я прав. И даже больше. Ведь Эвинг и его друзья не напрасно выбрали вас и вашу планету. После того, как они сделают все, что хотят, все вещественные доказательства из деятельности исчезнут, так как ваша звезда взорвется.

— Как, разве звезды не вечны?

— О, боги! Хата! Ваша звезда достигла критических размеров. Жить ей осталось совсем недолго — несколько лет. Тогда вся планета исчезнет, и доказательства вместе с нею. Эвинг прекрасно об этом знает. Поэтому он выбрал эту планету, как базу для своей операции. Здесь есть все, что ему нужно — цивилизация с низкой культурой, отсутствие связи с той частью вселенной, где развита культура, убежденность, что взрыв уничтожит все следы их деятельности. Единственное, чего не знает Эвинг, это то, что леры на планете вследствие воздействия радиации, перешли в более примитивную форму, деградировали... Лизендир сразу заметила это, да и я тоже. Ты, Хата, говоришь о там, что Воины — это высшая раса, но я уверяю тебя, что те дикие люди, которые живут на этой планете, гораздо выше вас. И только то, что они еще не могут понять, осознать, что они разумные существа, а не звери, мешает им взять власть в свои руки.

Лизендир печально добавила:

— Все это правда, каждое слово. Вы деградировали, вы даже забыли мультиспич, так как он вам не нужен.

Хата был потрясен. Он тупо смотрел на Лизендир. Когда он заговорил, то, хотя он обращался к Лизендир, говорил он больше самому себе.

— Я слышал рассказы о том, что леры прошлого были выше нас, но я не верил, не хотел верить этому. Именно поэтому мы и хотели завоевать вселенную и заставить всех поверить в наше величие, в то, что мы выше всех людей и леров. У нас есть и другие легенды. В частности, относительно златов. Говорят, что златы обладают сверхъестественными силами. Они сейчас выжидают, выбирают момент, когда они могут собраться все вместе и произнести заклинание. Тогда они будут хозяевами планеты, а

не мы, Воины. Когда это произойдет, никто не знает. Но для этого им нужно собраться всем вместе. И поэтому мы не позволяем им собираться большими группами. Держим их разобщенно.

Устеин взглянула на Хату.

— Я тоже слышала об этом. Но я не могу сказать, правда это или нет. Об этом говорят только шепотом. Мы только знаем, что когда наступит момент действовать, мы будем знать, что делать. Однако я не знаю, чем все кончится. Ведь хотя мы и ненавидим вас, Воинов, но мы должны быть благодарны вам, так как без вас не было бы и нас, или мы были бы другими.

— А у меня нет оснований благодарить Воинов и тебя лично. Ведь вы принесли несчастье миллионам людей, вы привели к гибели свой собственный народ. Я должен был бы мстить вам, но сейчас перед нами общая опасность, и поблизости нет никого, кроме вас, кто мог бы встать на защиту вселенной,— пылко проговорил Хан.

Хата замстил:

— Все должно иметь причину. Почему они — если они есть — поставили перед собой такую цель, для достижения которой потребуется много лет?

Ему ответила Лизендир:

— Они, вероятно, очень старая раса. Численность их сильно уменьшилась, а энергетические ресурсы миров, которыми они правят, истощились. Они решили искать новые миры. Но завоевать их силой они не могут. Поэтому они хотят стравить вас с остальной вселенной и затем, после того, как мы выдохнемся в войне, напасть на нас и уничтожить.

— Еще одно, Хата,— сказал Хан, поднимаясь на ноги. — Пистолет.

— Пистолет?

— Тот, что был у тебя на Чалседоне. Где ты взял его?

Хата выглядел, как медведь, на которого напали пчелы. Он неуверенно переминался с ноги на ногу.

— Я взял его на корабле,— выдавил он из себя.

— На моем корабле есть такой же. Я нашел его возле трупа Ефрема в Бумтауне, на Сибрайте, где ты никогда не был.

— Кто принес его туда?— Хан почти кричал.

Охранники были в растерянности. Еще никогда на их памяти к Хате, великому Воину, никто не обращался подобным образом.

— Ты можешь найти точно такой же пистолет в "Палленбере", в рубке управления.

Говоря это, Хан незаметно двигался к охранникам, подальше от Хаты. Никто не заметил этого маневра, кроме Устеин. Даже Лизендир была одурачена.

Хан спросил:

— Можно ли доверять этим охранникам, которые слышали все? Можешь ли ты сказать с уверенностью, кто из них служит Эвингу, а кто тебе?

— Я арестую их все...

Но Хата не смог закончить фразу, так как один из охранников бросил меч и лук, и в руках его появился маленький пистолет. Двое других сделали тоже самое. Раздались выстрелы, и остальные охранники упали. Вероятно, они были настоящими лерами. Хата и Лизендир мгновенно перевернули столы и укрылись за ними. Они знали, что хотя пули начинены смертоносным ядом, они обладают малой пробивной силой. Хан, который оказался рядом с одним из фальшивых охранников, сильно ударил его в живот. К удивлению Хана, охранник умер мгновенно. Хан успел подхватить его и, подобрав выпавший пистолет, спрятался за охранником, как за щитом. Он успел выстрелить в другого охранника и тот упал, издав предсмертный стон. Вероятно, этот яд был смертельным и для них. Укрываясь за охранником, Хан видел гримасу на лице Лизендир. Она с отвращением отнеслась к таком оружию. Но ситуация была такой, что Хану было не до Лизендир.

Казалось, что прошла целая вечность, хотя на самом деле всего несколько мгновений. Все они, кроме Устеин, были под защитой. Устеин же исчезла. Где же она? Хан не мог пойти на ее поиски, так как третий охранник укрылся у входной двери. Он стал звать на помощь. Голос его был пронзительным, похожим на птичий. Язык был совсем непонятен Хану. Хан крикнул Лизендир:

— Я был прав. Они не леры. У них нет даже грудной клетки. Бей их в грудь. Удары будут смертельными.

Охранник был все еще у двери и звал на помощь. Хан подумал, что они должны прикончить его, пока не пришло подкрепление. Хата тоже стал звать своих охранников на помощь. В этом шуме Хан не мог сосредоточиться. Вдруг крики лжеохранника стихли. Хан осторожно выглянул из-за своего убежища. Где же Устеин? Охранника не было видно. Хан рискнул и одним прыжком оказался у двери... Там лежал охранник, а над ним, держа меч, стояла Устеин. С лезвия стекала какая-то коричневая жидкость, вероятно, заменявшая кровь у этих существ. Устеин каким-то образом в этой сумятице успела выскочить за дверь и затем напала на охранника сзади.

Хан с изумлением посмотрел на Устеин. В глазах ее горел огонек, который он никогда раньше не видел. Хан повернулся к Хате.

— Хата, где тот лук, который был у меня, когда мы пришли в замок Эвинга?

— В соседней комнате.

— Я схожу за ним. Он лучше этих луков, которыми вооружены твои охранники. Оставайтесь здесь, обыщите трупы. Нам нужны эти газовые пистолеты.

Оставив Устеин вместе со всеми, Хан прошел по коридору в комнату, которую указывал Хата. Черт возьми! Здесь совсем темно. Сколько же врагов укрывается здесь? Хан осторожно вошел в комнату. Все тихо. На столе лежал его арбалет. Хан схватил его, спрятался за стол, зарядил

арбалет. Колчан со стрелами, слава богу, тоже был здесь. Выждав немного и не обнаружив ничего подозрительного, он поспешил обратно. Вместе они пошли к одному из выходов из здания. До выхода они добрались без происшествий, но выходная дверь была почему-то широко распахнута. Хата направился к ней, но Хан удержал его. И вовремя, так как пуля пригвоздила край плаща Хаты к стене. Хата отпрыгнул назад. Лицо его побелело.

Хан подполз к двери. На улице стояла кромешная тьма зимней ночи. Хан махнул рукой Лизендир. Та подползла к нему.

— Ты можешь выскочить отсюда очень быстро, чтобы никто не смог сделать прицельный выстрел в тебя?

Она кивнула. Все мышцы ее напряглись. Хан приготовился.

— Вперед!— шепнул он. Лизендир, как змея, выскользнула за дверь. Запоздалая пуля ударила в косяк. Посыпались щепки. Реакция у них была медленнее, чем у Лизендир. Хан успел заметить врага. Он тщательно прицелился и выстрелил. Раздался вой, и из укрытия вскочила, прихрамывая и издавая крики, темная фигура. Она упала, и тут справа на помощь выскочила еще одна фигура. Хан уже перезарядил арбалет и выстрелил еще один раз. Второй упал сразу. Странно, он мог бы поклясться, что рана не была смертельной. Неужели они погибают от самой легкой раны? Он поднялся и вышел на улицу, оглядываясь вокруг. За ним шла Лизендир.

Ночь была ясная и очень холодная. Небо было чистым. Яркие звезды сияли на нем, освещая Паннона Плэйн призрачным светом. Вдруг краем глаза Хан уловил движение. Он повернулся и увидел еще одного фальшивого охранника, целившегося в него. Хан упал, зная, что это его единственный шанс. Первая пуля прошла мимо. Хан судорожно пытался зарядить арбалет, понимая, что ему не успеть. Сейчас наступит конец. Но охранник не воспользовался своим преимуществом. Вместо этого он выскочил из своего укрытия, как бы убегая от кого-то. Но Хан не успел выстрелить в него. Охранник, корчась от боли, повалился на холодную землю. Он извивался, принимая самые невообразимые топологические фигуры и грызя ледяную грязь. Но вот он испустил жуткий вопль и затих. Хан огляделся. Лизендир стояла возле него, с отвращением держа в руке пистолет.

Они посмотрели друг на друга, и она тихо сказала:

— Я угрожала ему пистолетом, чтобы дать тебе время перезарядить лук. Но он решил бежать, и я боялась, что он окажется за пределами досягаемости выстрела. Поэтому мне пришлось выстрелить. Любой закон может быть нарушен однажды. Исключений в этом нет. — Было видно, что ей нелегко далось это, хотя она умела скрывать свои переживания. Хан признательно тронул Лизендир за плечо. Она отвернулась. — Теперь меня будут называть Лизендир Нарушительница Законов!— Хан ничего не смог ответить. Внезапно ощущение близости между ними

исчезло в Хане. Она не могла поделиться с ним тем, что мучило ее. Иллюзией — вот чем были отношения между ними. Фантом.

Хан оставил ее и подошел к охраннику. Он откинул плащ, пощупал тело. Оно остывало гораздо сильнее, чем следовало ожидать, даже на таком холоде. Это существо было похоже на леров, хотя возможно это всего лишь хирургическая операция. Хан пощупал то место, где должна была быть грудная клетка. Костей там не было. Он нащупал что-то хрящевидное. Странно...

Затем он присоединился к остальным, уже вышедшим на улицу.

— Быстро на корабль,— сказал он. — На нем мы доберемся до корабля Хаты. Нам нужны оба корабля. Мы должны их поднять в космос, пока на нас не напали сообщники этих существ.

Однако больше у них не было никаких инцидентов. Вероятно, поблизости врагов не было. Они добрались до "Палленбера". Действовать нужно было быстро, иначе все могло кончиться, не начавшись. Хата уже пришел в себя и стал командовать всеми. Пока Хан включал двигатели "Палленбера", к нему пришла Устеин. Она держала под мышкой мешок со своими пожитками. В другой руке у нее был меч.

— Мне даже и в голову не приходило, что я могу сделать такое. Но он... он хотел убить тебя, а только ты можешь принести нам спасение. — Она дрожала, и в глазах ее стояли слезы. Но она владела собой, и снова повторила то ли для себя, то ли для Хана:

— Мне даже и не снилось, что я смогу сделать такое...

Хан поднял "Палленбер", стараясь производить поменьше шума, и повел его туда, где под звездами, в холодной зимней ночи стоял "Хаммерхэнд". Хан заметил, что один из люков открыт, и без колебаний направил туда свой маленкий корабль. "Палленбер" без труда проскользнул в гигантское нутро чудовищного корабля. Хата стоял возле выхода, и как только корабль остановился, сразу же выскочил и бросился по коридору. Хан и Лизендир едва догнали его. Они обошли корабль и вернулись в рубку управления.

— На борту только команда и несколько часовых,— сказал Хата. — Я отдал всем приказ связаться со Старшим Воином. Нужно всех привести в боевую готовность.

Хан сказал:

— Необходимо сбросить эти метеоры и набрать других. Гораздо больших. Возможно, нам придется вступить в грандиозную битву.

Хата вскочил на ноги и тут же исчез. Через некоторое время он снова появился со словами:

— Все сделано. Нас будут ждать.

Хан с легкостью поднял "Хаммерхэнд" в воздух. Он включил экран и увидел, как по темной долине скользит еще более темная тень корабля. По мере того, как корабль поднимался, тень становилась все меньше и вскоре стала неразличимой.

Когда они поднялись достаточно высоко, Хан включил автопилот. Устеин стояла возле него. Она была ошарашена видом многочисленных приборов, экранов, бескрайней космической ночью. Хан взглянул на нее. Интересно, о чем она думает сейчас? Она придвинулась к нему и прижалась к его руке.

Хата некоторое время смотрел на экран, затем повернулся к Лизендир.

— Из всего, что сказал Хан, следует, что здесь действуют враждебные силы. Но мне не совсем ясно, почему эти существа выбрали Рассвет для начала своей агрессии. Ответь мне.

Лизендир стояла, размышляя, в дальнем конце рубки. Она сказала:

— Я думаю, что они хотели нанести удар в самое слабое место нашей цивилизации. И вообще, я полагаю, что мы все попали в цепь случайностей, которая еще не кончилась, и чем она кончится, никто не знает.

Хан и Устеин не слушали их разговор. Хан был занят наблюдениями за приборами, стараясь как можно точнее определить местонахождение аномалии. Устеин, как зачарованная, наблюдала за миганием лампочек на пульте, за вспыхивающими символами на многочисленных экранах, но все эти символы, цифры, буквы ничего не значили для человека, не умеющего ни читать, ни писать, ни считать даже до пяти.

— Ну вот, опять,— сказал он. — Опять то же самое, что я наблюдал в прошлом полете. — Но надо определить координаты. Нужно произвести измерения с нескольких точек. Это может потребовать много времени.

Устеин все смотрела на приборы пульта управления, и на лице ее было такое выражение, как будто она узнает что-то давно забытое. Она как будто решала в уме какую-то сложную задачу. Внезапно она схватила Хана за руку.

— Почему ты не сказал мне, что у тебя тоже есть рассказывающий блок?

Хан непонимающе посмотрел на нее.

— О чем ты, Устеин? Какой рассказывающий блок? Я не понимаю, что ты имеешь в виду. — Он чувствовал себя идиотом.

Она полезла в свой мешок, где хранились пожитки, и достала моток проволоки, вернее, не моток, а паутину проволоки. Хан часто видел эту проволоку у нее в руках. Он вглядывался в нее, но не уловил никакого порядка в ее переплетениях. Проволока имела толщину человеческого волоса и была сделана из платины или из серебра.

Каждая проволочка кончалась малюсенькой круглой головкой. Устеин гордо держала в руках эту паутину, но не позволяла Хану притронуться к ней.

— Это,— сказала она таким тоном, как будто говорила очевидную истину,— рассказывающий блок. Он запоминает то, что ты ему говоришь, а потом рассказывает тебе. У всех златов есть такие блоки. У тебя, оказывается, тоже есть, но очень большой, и ты не можешь носить

его с собой. А почему ты не можешь узнать у него то, чего ты хочешь? Он сломался? Он не может говорить?

В голосе ее послышалось участие, соболезнование.

— Повтори все снова, Устеин. Только помедленнее. Я только сейчас начинаю понимать, что это.

Она с нетерпением покачала головой. Неужели он, который столько видел и столько знает, не может понять простых вещей?

— Это мой блок. Я сама сплела его, когда была маленькой. Такие блоки есть только у нас, златов. Больше ни у кого. Когда мне скучно, и я хочу услышать рассказ, я делаю так... — и она проделала сложный жест левой рукой. Некоторые головки шевельнулись, изменили свое положение. И весь рисунок паутины изменился. — Разве ты не видишь?— спросила она. — Это же рассказ о любви Корен и Джолиси. Это были златы. Они очень любили друг друга, и однажды убежали... — Она замолчала, внимательно глядя в лицо Хана. — Неужели ты не видишь?— в ее голосе звучало разочарование.

Хан тупо смотрел на паутину.

— Нет, я ничего не вижу. Не понимаю. Сколько же рассказов может храниться в этом блоке?— Хан начал предполагать, что это просто запоминающее устройство.

Он ошибался. Устеин ответила:

— Здесь может храниться бесконечное множество историй. Я хорошо сделала этот блок. Хотя я и заняла всего лишь четвертое место на выставке, но мой блок самый лучший. Ты видишь, и провода, и головки, все они находятся в определенном порядке относительно друг друга. Они не двигаются, они сохраняют свое положение, общую конфигурацию. Я могу создавать бесконечное множество их взаимных положений. Достаточно только мне сделать другой жест, другие движения руками... — Она замолчала, заметив, что Хан не понимает. Она глубоко вздохнула и начала снова.

Все они смотрели на сверкающую паутину в левой руке девушки, и вот в их головах начали появляться видения: привидения из далекого прошлого, древние пророки, маги, бородатые тролли, бредущие по лесу, йоги, которые могли мгновенно перемещаться с места на место, Миларепа, Тарот, Каббала, Чинг, ведьмы... И все это сделала девушка с волосами цвета меди, девушка, которая не умела ни читать, ни писать, ни заниматься любовью, которая даже не считала себя человеком... И тут заклинание разрушил голос Лизендир.

— А что ты делаешь, чтобы вложить туда рассказ?

Лизендир поняла, что такое этот блок. И Устеин заметила это.

— О, я не рассказываю старые, я создаю новые. У нас, Златов, много историй, очень много. О любви, о прекрасных рыцарях, героях, далеких странах. Никто не может знать их все. Но их нельзя рассказывать долго. Это очень опасно. Они захватывают разум, волю, уводят слишком далеко

от действительности, и в конце концов человек может сам запутаться в этой паутине и никогда уже не выберется оттуда.

Она помолчала, глядя на лица окружающих, на которых уже появились следы понимания. Теперь даже Хан понимал. Это хорошо. Устеин очень хотела, чтобы Хан понял. Устеин продолжала:

— Хан, любовь моя, почему не работает твой блок? Он сломался? Может он... — она показала на Хату... — попробует поработать с ним?

Хата смутился. Он сказал, что это выше его понимания.

Хан ответил девушке.

— Нет, блок работает нормально, но он не говорит мне того, что я хочу знать. — Как он мог объяснить Устеин, что пороговый уровень слишком низок, и информацию никак не выделишь из шумов? Или сказать, что имеющихся данных недостаточно для обнаружения аномалии? Он ответил:

— Я не могу правильно установить все ручки управления блока.

— Я сделаю это потом,— сказала она, довольная тем, что поняла, в чем трудность Хана. — Я злата. Я умею делать это. Твой блок выглядит очень странно, но блок есть блок. Я немного подумаю над ним и сделаю все как надо. Жалко, что твой блок очень большой, и его невозможно носить с собой. Но неужели так важно то, что ты хочешь знать? Я немного поняла твой блок. Это о чем-то, что находится где-то.

— Ты можешь перевести рассказ моего блока в твой блок?

— О, это очень просто. Подожди. — Она взяла свой моток проволоки, тряхнула его. — Хан понял: она очищает память.

— А теперь,— сказала она,— покажи, как ты начинаешь.

— Что?

— Начинаешь. Все эти огоньки и буквы.

Хан подчинился и проделал вся процедуру измерения снова. Он видел, что результат остался прежним: по полученным данным невозможно было определить местонахождение аномалии. Устеин внимательно смотрела на мигающие экраны и табло. Она полностью отрешилась от всего окружающего. Наконец она посмотрела на Хана.

— Все? Это очень любопытная история. Я, пожалуй, сама могу воспроизвести ее... — и она снова взялась за блестящую паутину, сделала несколько неуловимых движений, посмотрела на получившуюся конфигурацию, снова взглянула на мерцающие экраны, затем на свой блок. Потом она перевела взгляд на Хана и рассмеялась. — Очень интересно! Хан, ты должен рассказать мне те истории, что ты знаешь. Таких историй я никогда не слышала раньше. Они короткие и легко воспроизводятся, но в них много загадочного. Я не понимаю все, что вижу...

— Расскажи, что ты видишь.

— Я вижу три предмета. Каждый из них светится. Один вот этот — и она указала на звезду, свет которой проникал через фильтры в рубку. Видимо, она не узнала в этой звезде солнце планеты Рассвет. — Он очень яркий. Затем другой предмет. Но его сейчас не видно... Он когда-то был

на этом месте, где мы сейчас, но он двигается очень быстро и часто останавливается. И третий предмет. Он... Подожди... он большой и в то же время маленький. Я вижу его и таким и таким. Я могу даже смотреть сквозь него.

— Это то, что я хочу увидеть. Где этот предмет?

— Покажи мне планету. Я увижу, где он.

Хан щелкнул переключателями, на экране появилась проекция планеты Рассвет. Устеин посмотрела на карту некоторое время, затем показала на южный полюс. — Если ты хочешь найти его, иди туда. — Она внезапно хихикнула, как маленькая девочка. — Извини, это очень печальная история.

Хата прервал ее:

— О чем говорит эта сумасшедшая клеш?

Ему ответил Хан:

— Она говорит, где находится корабль Эвинга. На южном полюсе.

Хата посмотрел на него, как будто он сошел с ума.

Устеин была возбуждена. Она сумела оказать помощь Хану!

Лизендир посмотрела на блок, затем на Устеин.

— А ты можешь увидеть продолжение истории?

— О, да! Истории не имеют ни начала, ни конца, как и все в мире. Мы просто начинаем и кончаем смотреть там, где нам хочется. Но все нельзя увидеть. Наш мозг слишком слаб для этого. Я остановила эту историю, но я могу продолжить ее. Подождите. — Она снова стала внимательно смотреть на блок, и смотрела очень долго. Вдруг она отшатнулась и поспешно встряхнула паутину, очистив содержимое блока.

Затем она начала говорить, дрожа от ужаса, в который ее привело увиденное в блоке.

— Там зло! Там плохо. Я остановила историю. Я не хочу смотреть на нее. Они как черви в мусорной яме. Шевелятся. Очень злые. Они смотрят... на нас. Как-то они могут видеть нас. Я не знаю как. Если мы приблизимся к ним, они причинят нам вред. Белым пламенем. Они похожи на людей, но они не люди. Они видят меня и мой блок, они не могут сейчас достать меня. — Она оглядела всех широко открытыми глазами и прижалась к Хану.

— О, не отдавай меня им!— воскликнула она. Но Хан заметил, что хотя она была почти вся в истерике, она крепко держала свой блок свободной рукой.

Хан погладил ее по голове, успокаивая, затем повернулся к Хате.

— У них есть оружие, Хата. Какое-то излучение. Они сожгут нас, если мы приблизимся.

— Мне наплевать,— ответил Хата. — Летим туда, и я уничтожу их камнями, которые не могут сжечь их лучи.

Лизендир подошла ближе, рассматривая блок и изредка поглядывая на Устеин. Она вздохнула и медленно и печально сказала:

— Теперь я наконец вижу, кто она, и что она может. Но ни я, ни один лер не может сделать этого. В этом нет никакой тайны, ничего сверхъестественного. У нее есть петля обратной связи с этой паутиной. Мозг человека приспособлен для этого. Паутина каким-то образом усиливает биотоки в мозгу.

Хан посмотрел на Лизендир, как будто она внезапно стала для него чужой.

— Что ты имеешь в виду, Лизендир?— Он никогда не видел такой печали на ее лице.

— Разве ты не видишь?

Устеин кивнула:

— Здесь нет никакой магии, никакой электроники.

Лизендир продолжала:

— Это даже не механика. Это похоже на те примитивные счетные устройства, которые использовали древние. Однако здесь не только счет, в этой паутине, в этих нитях с головками заключена реальность. Это микроскоп и компьютер одновременно. Теперь ты видишь, что ты получил по моему настоянию? От нее же ничего не укроется ни во времени, ни в пространстве.

Устеин отодвинулась от Хана и подошла к Лизендир, вглядываясь в ее глаза.

— Значит, ты знаешь, что я видела все, чем вы занимаетесь с моим Ханом. — Лизендир фыркнула, но Устеин не обратила внимания на это. Она обняла Лизендир и заговорила доверительным тоном. — Но ты хороший человек, ты ни в чем не виновата передо мною.

Лизендир спросила ее:

— А ты раньше смотрела на это?

— Нет. Мы никогда не смотрим в свое будущее, потому что мы не хотим знать его. Но затем пришел он, купил меня, сделал своей собственностью. Все это было ново для меня, и мне захотелось посмотреть на него, на его прошлое. Я долго не решалась. Ваша жизнь так отличается от моей. Вы настоящие люди, а мы живем нереальной жизнью. Мы несчастные существа. Для нас все предопределено заранее. Ты, Лизендир, знала много любви, твое тело — прекрасный инструмент для любви. Но хотя я раньше вела значительно менее сложную жизнь, чем ты, я понимаю свою жизнь меньше, чем твою. Твоя жизнь не изменится, а моя будет меняться каждую минуту. Твоя жизнь интересна, но она зафиксирована, как старые истории златов. Я же буду вести совершенно новую жизнь, пусть она будет менее богата приключениями, но в ней будет больше истинного наслаждения. Ты не должна бояться меня, Лизендир Сирт Карен, ты приготовила Хана для меня, и ты подарила мне его, и за этот подарок я буду перед тобой в вечном долгу.

Глава 7

Хан отвернулся от них и стал программировать курс корабля. Когда он снова повернулся к ним, то увидел, что одна из девушек улыбается, а другая тупо смотрит в пространство. Ему хотелось каким-то образом вернуть все в обычное состояние, но он боялся неосторожным словом разрушить все сложившиеся отношения.

Нарушил тишину Хата, который спросил:

— Если все, что увидели мои глаза и услышали мои уши, правда, то значит, любой злат или человек, после соответствующей тренировки может с помощью этой паутины видеть все?

Ему ответила Устеин:

— Да, ты прав, именно все, что угодно. Но когда я жила среди своих, я ничего не знала о большом мире, и мне не было причин смотреть, каков он. Нет. Мы не используем свои блоки для этого, мы используем их, чтобы рассказывать истории. Мы делаем эти блоки сами — они наша гордость. Мы могли бы делать и большие, вроде того, что установлен на корабле, но у нас нет машин, нет источников энергии. Поэтому мы делаем только такие, которыми можно управлять руками.

Она улыбнулась как бы про себя:

— Может, мы смотрим истории, которые когда-то случались, или произойдут в будущем. Например, история любви Корен и Джолиси. Может, она действительно произошла где-то, когда-то. Но я не хочу знать этого. Ведь мой блок может показывать, как прекрасные, так и страшные истории.

— Могу я научиться управлять им?— спросил Хан.

Она подумала мгновение, затем сказала:

— Нет, вряд ли. Потому что ты слишком много знаешь. Тебе следовало начать, когда ты еще не был тесно связан с миром, когда ты только начинал учиться ходить. А леры? Нет. Им никогда не научиться этому. У них другой разум. Теперь, когда ты изменил мою жизнь, и я познаю многое, я тоже разучусь пользоваться блоком. Год, может быть два — и он превратится для меня просто в проволочную паутину. Но ты не расстраивайся. Я сама выбрала это и поэтому пошла с тобой. Пока я с тобой, мне не нужны истории.

Она посмотрела на Хату.

— Когда мы были под ними, мы не имели ничего, кроме времени, которое мы превращали в иллюзии. У нас не было времени — у нас были иллюзии. Вот еще одна причина, почему ты не можешь научиться пользоваться блоком: ты видишь слишком много времени, а леры не видят ничего, кроме времени. Для тебя, Хан, все видится во взаимосвязи; одно порождает другое. А леры считают, что все происходит само по себе. И ты и они не правы.

Хан был поражен. Девушка, которая еще вчера была домашним животным, сейчас свободно обсуждает взаимосвязь времени и пространства — правда, словами восьмилетнего ребенка.

Лизендир сказала:

— Я с ней не согласна, но она хочет сказать, что случайность — это иллюзия времени, а само время — это иллюзия... протяженности, длины — вот, пожалуй, лучшее слово.

— О, да, она поняла меня,— воскликнула Устеин. — Все правильно: у меня просто не хватает слов.

Хата хмыкнул:

— Вы можете верить пророкам и прорицателям, если хотите. Но лично я их презираю и гоню их, если увижу, что они бродят по городу. Все это чушь. Она — клеш. Она не знает ничего.

Девушка обратилась к нему, и слова ее были полны яда:

— Это потому, что я знаю, что ты называешь "ничего", потому что я всегда могу проникнуть в твои мысли, в твои планы. Высший народ держит домашних животных! Какая чушь! Домашние животные выше своих хозяев! А все твои знания меньше, чем ничего. Дырка в бублике! Ты видишь только осколки явлений, и никогда не поймешь их сути, никогда не увидишь явления целиком. Это не магия. Это инструмент, который позволяет мне видеть все так, как оно есть. Ты хочешь узнать, что еще я увидела? Я узнала, что ты больше никогда не увидишь восхода солнца на планете!

Хата отшатнулся от нее. Было видно, что девушка напугала его...

— Пошла прочь от меня, ведьма!

— Я ничего тебе не сделаю. Ты сам придешь к тому, что ждет тебя.— Она явно разозлилась и, несмотря на свою хрупкость и отсутствие оружия, стала опасной. Хан обнял ее рукой за плечи, стараясь успокоить. При его прикосновении Устеин пришла в себя.

— Не трать времени на него. Пусть живет, как хочет. Лучше расскажи нам еще одну историю. Он тоже хочет услышать ее.

Она сказала:

— О чем?

— О яркой звезде. Расскажи нам ее историю.

— О, я не могу больше пользоваться блоком. Я и так слишком долго работала с ним. Чем больше хочешь получить из него, тем меньше он отдает. — Она выжидающе повернулась к панели пульта. Хан снова включил прибор и проделал всю последовательность вычислений. Он не понимал, что полезного можно извлечь из непонятных символов, кнопок, клавиш, но может быть Устеин видит совсем другое? Ведь видит же она в беспорядочной паутине то, что не могут увидеть они, цивилизованные люди!

— Еще раз, пожалуйста.

Он повторил все снова. Да, сомнений нет. Она видит и понимает все по-своему, но объяснить, как она видит, она не может. Это все равно, что просить двухлетнего ребенка объяснить, как он ходит.

— Достаточно. Я могу воспроизвести все. Но мне нужен сильный свет, дневной свет. Он позволит мне повысить точность движений.

Хан отрегулировал пропускные фильтры и развернул корабль так, чтобы свет звезды попадал в иллюминаторы. Устеин уже была за работой.

Она рассеянно сказала Хану:

— Хорошо, хорошо... — И замолчала, поглощенная своим блоком.

Сильный свет звезды проникал в рубку, делая все цвета более контрастными, а тени более резкими. И в этом сиянии стояла маленькая девушка с медными волосами и вертела в руках серебристую миниатюрную галактику. Тело ее было точно сориентировано под углом девяносто градусов к источнику света, глаза устремлены на сверкающие нити, рот полуоткрыт. Она шевелила губами, как бы произнося что-то. Хан попытался прочесть по ее губам, но не смог. Но вот Устеин вся напряглась. Хан чисто физически ощутил ее напряжение. Паутина двинулась, проволочки затрепетали, и вот появилась совершенно новая конфигурация. Устеин взглянула на нее, ахнула в ужасе и быстрым движением встряхнула блок, уничтожив образовавшуюся картину. Хан уменьшил яркость света и Устеин, двигаясь, как в полусне, аккуратно сложила блок и спрятала его в мешочек. Она встала, но ничего не сказала. Выглядела она, как зомби. Хан прикоснулся к ней, но она не отозвалась на его прикосновение. Он взял ее обеими руками, встряхнул.

— Устеин, что с тобой?!

Голос вернул ее к жизни. Она посмотрела на Хана и кивнула.

— Я сделала ошибку, захотев увидеть слишком много.

— Что ты видела? Как насчет яркой звезды?

Она помолчала некоторое время, прежде чем ответить, как бы пытаясь воспроизвести все в своей памяти. Затем она начала:

— Это было давно, очень давно. Была тьма. Звезды, пустота, одиночество... Но вот возникло что-то. Оно начало распространяться в пространстве. Затем оно начало концентрироваться в одном месте. В клубах пара возникли твердые островки, раскаленные до невообразимо высоких температур. Шло время. Некоторые островки остыли, а другие оставались горячими. Прошло еще невообразимое количество лет. Холодные островки вращались вокруг горячих и горячие постепенно увеличивались в размерах. Но это не могло длиться вечно, и горячие островки взрывались, один за другим.

— Где же мы в этой истории?— спросил Хан.

— Мы где-то около конца. Эта яркая звезда — один из таких островков. И если мы вернемся на планету, то пройдет не больше пяти лет, как солнце взорвется. Это произойдет весной, рано утром. Небо будет чистым, и мы увидим... и...

Она помолчала.

— Что все это значит?

— Ты все видела и не поняла?— спросила Лизендир.

— Я вижу многое, чего не понимаю. Вот так блок и затягивает того, кто хочет получить ответы на непонятное. Ты смотришь, хочешь узнать, что будет дальше и так до бесконечности.

Она помолчала и снова погрузилась в транс, глядя куда-то в никуда.

Хан встряхнул ее. Безрезультатно. Только после третьего раза она пришла в себя, обхватила Хана и взмолилась:

— Не нужно заставлять меня смотреть ваши истории, в которых я ничего не понимаю, но чувствую, что в них таится опасность. — Она прикоснулась к Лизендир. — Я снова здесь, во времени, в котором я живу.

Хан повернулся к Хате.

— Она видела прошлое и будущее твоего солнца. Оно взорвется. Через пять лет. Так что у тебя есть время эвакуировать народ с планеты. И как можно дальше. Мы тоже вернемся к людям и увезем твоих людей.

"Хаммерхэнд" уже находился на другой стороне планетной системы. Его сопровождал метеорит — гигантский слиток железа и никеля, почти такой же огромный, как и сам корабль. Хан и Хата начали прощаться. Хата заговорил первым.

— Ну вот и все. Должен признаться, что я многое теперь понял. Я всегда считал, что ценность пленника со временем уменьшается. Но с тобой и Лизендир все вышло наоборот. Я ошибался, считая вас шпионами. Вы оба что-то другое.

— Разумеется, мы не шпионы в общепринятом смысле этого слова. Мы были посланы вовсе не для того, чтобы выведать ваши тайны. Мы просто должны были узнать, что же случилось на Чалседоне. Хетрус, который занимался этим делом, чувствовал, что здесь что-то не так. Его смутило поведение Ефрема.

Во всяком случае, если бы ты оставил нас с Лизендир на Чалседоне, может быть, все было бы так, как хотел Эвинг.

Хан хотел дать понять Хате, что снова он послужил орудием, но на этот раз орудием Хана в борьбе с Эвингом. Конечно, это была не месть Хана за многолетние издевательства Воинов над людьми. Но если Хата и заметил намек, то не обратил на него внимание.

— Возможно, возможно,— сказал он. — Но сейчас мы пойдем каждый своим путем. Я нанесу удар по врагам, а ты с двумя девушками полетишь в свой мир.

— Да. Но когда ты сделаешь то, что задумал, ты должен спасти свой народ, вывезти его отсюда, пока эта звезда не взорвалась. Но знай: я, Лизендир и Устеин улетаем, но мы вернемся сюда через год во главе целого флота. Мы заберем отсюда всех людей. И я клянусь, что если хоть один Воин поднимет против вас меч, мы отполируем поверхность планеты, как стальной шар. Так что не вздумай причинить вред людям или вывезти их на другую планету.

— Всех? Даже домашних животных?

— Не трогай ни одного человека. Оставь их в покое, а сам иди своим путем. Следуй учению Санзирмиль или хоть самого дьявола. Но если ты не выполнишь моего условия, то мы достанем тебя даже на краю вселенной. Ведь с нами Устеин — которая видит, она найдет тебя, даже если ты спрячешься в черной дыре.

Хата посмотрел на Хана.

— Хорошо. Видимо, мне следует подчиниться. Я сделаю то, что ты просишь. Не беспокойся, даже если я не вернусь из этой экспедиции, что вполне возможно, я пошлю приказ на планету. Правда, без корабля они и так не смогут никуда убежать. — Он улыбнулся. — А сейчас у нас с вами общий враг.

— Я буду сопровождать тебя. Облети планету со стороны солнца и сбрось метеорит, когда будешь над ними. У тебя есть шанс, так как они наверняка будут сначала стрелять в метеорит. Я сомневаюсь, что даже их оружие сможет уничтожить такую огромную массу. Потом лети к замку Эвинга. Успеха тебе.

— Хан, ты сделал для нас очень много, имея мало возможностей. Я знаю, что ты не шпион и не милитарист. Улетай домой. Я буду ждать тебя через год на корабле и без оружия. — Он повернулся и вышел из каюты, не сказав больше ни слова, не сделав прощального жеста.

Вскоре "Паллербер" с Ханом, Лизендир и Устеин на борту отчалил от "Хаммерхэнда". Устеин повернулась к Хану, стоящему возле пульта управления.

— Теперь что мы будем делать? Полетим к тебе, в твой мир?

— Нет, мы должны закончить здесь свои дела. Покончить с Эвингом. Затем мы улетим отсюда, но вернемся, чтобы увезти всех людей.

"Хаммерхэнд" уже взял курс на планету. Огромный метеорит, который можно было принять за небольшую планету, неохотно двигался вслед, как бы не желая покидать удобную орбиту в космосе. Хан некоторое время смотрел вслед огромному кораблю, затем включил автопилот, и "Палленбер" начал двигаться по замысловатой кривой, которую никто не мог видеть, кроме корабельного компьютера.

Они уже были над планетой, а под ними, почти в верхних слоях атмосферы двигался "Хаммерхэнд". Метеорит все еще был сзади, но он уже начал двигаться самостоятельно. Но вот "Хаммерхэнд" начал описывать широкую дугу над планетой, в конце которой он должен был уйти прочь от планеты. Эта кривая проходила точно над южным полюсом, окутанном полярной мглой. Вечные льды поблескивали в свете звезд. Единственное, что знал Хан, это то, что враги где-то там, внизу. Но кто они такие и что они намереваются делать, он не имел понятия.

Вдруг откуда-то из полярной области возник голубоватый луч света. Он неуверенно колебался из стороны в сторону, как бы отыскивая что-то. Он нащупал и корабль Хаты, и метеорит — корабль удалялся с увеличивающейся скоростью, а метеорит, тоже увеличивая скорость,

устремился к полюсу. Цель его была очевидна. Луч остановился на метеорите, сжался в острую иглу ослепительного белого цвета. На всех экранах "Палленбера" исказилось изображение — все утонуло в помехах. Метеорит просто исчез, испарился, как будто его и не было. Луч снова стал широким, бледным, едва различимым после ослепительного свечения. От метеорита осталось только легкое облачко пара, которое быстро рассеялось.

Хан включил все защитные поля, приготовил оружие, хотя он понимал, что ничего не может противопоставить этому лучу. Холодное сосущее ощущение возникло внизу живота — ожидание неотвратимого.

Но Хата тоже видел, что произошло с метеоритом, и предвидел свои собственные действия. К тому времени, как голубоватый луч снова нашел его, корабль уже изменил курс на обратный и устремился к полюсу. Вероятно, Хата включил все силовые установки.

— Самоубийство,— сказал Хан. — Он всю энергию переключил на двигатели и защитные поля.

Те, что были на полюсе, поняли этот маневр слишком поздно. Снова луч превратился в раскаленную добела иглу, стремящуюся превратить корабль в облако пара. Но этот удар не причинил кораблю вреда. Он только высек сноп искр из металлической поверхности. Внезапно по всем экранам прошла странная рябь — точно такая же, какую видели Хан и Лизендир, когда приближались к Чалседону. Они оба сразу узнали ее. Теперь они понимали, что враги запустили двигатели своего корабля. Они готовят его к взлету.

Вот на полюсе лопнула ледяная шапка, и из нее начало подниматься что-то. На экранах почти ничего не было видно: помехи от луча и от двигателя корабля складывались между собой, и на экранах плясала сплошная рябь. Корабль врагов был огромен — гораздо больше корабля Хаты, и двигатели его были несравнимы по мощности с двигателями корабля Хаты. Он ворочался подо льдом, как огромное насекомое, стремящееся выбраться наружу.

Но было уже поздно. Прежде, чем чужой корабль появился на поверхности, корабль Хаты врезался в него. Хан видел все, как при замедленной съемке. Вот они оба пришли в соприкосновение, но не взорвались, а стали медленно раскаляться — сначала докрасна, а затем до ослепительно белого цвета. Затем столб пара, тумана — и пульсирующая рябь на экранах рассеялась. Все сразу успокоилось. Системы детектирования показали, что во всем окружающем пространстве остался только один источник энергии — солнце планеты Рассвет. Сейчас ее не было видно, так как планета закрывала ее, и вокруг планеты сияла огненная корона.

Лизендир смотрела на все происходящее без каких-либо комментариев. Наконец, после долгого молчания, она сказала тихо:

— Хата в конце жизни поступил, как настоящий лер. Наш закон говорит: не используйте оружие, не покидающее руки. И он совершил не

просто самоубийство, ибо то, что он сделал, было единственно возможным в его положении.

Хан посмотрел на нее, оторвавшись от приборов.

— Я не понимаю. По его воззрениям, чем выше человек по своему месту в обществе, тем шире у него возможность выбора в той или иной ситуации. Но перст судьбы привел его к тому, что у него вообще не осталось выбора.

Устеин добавила угрюмо.

— Все кончено. Они убили его, как я и предсказывала. Как я видела это.

— Он нанес им еще большее зло,— ответил Хан. — Теперь главный заговорщик в ловушке. Бежать им некуда. На планете ему оставаться нельзя — ведь Воины будут преследовать его, и даже если он сможет скрыться от них, его ждет взрыв звезды. А его корабль, который смог бы спасти его, уничтожен.

— Значит, мы присутствовали при конце легенды,— сказала Лизендир. — Это был конец истории Санзирмиль. Все кончено, и мы можем лететь домой. Мы свободны.

— Да, мы свободны,— спокойно заметил Хан,— и теперь мы имеем возможность выбора.

— Какого выбора?— одновременно спросили обе девушки.

— Мы можем вернуться домой или остаться здесь и закончить оставшиеся дела.

— Что же мы еще сможем сделать здесь?

— Эвинг. Вы забыли? Я знаю, что Эвинга не было на полюсе... Он не погиб вместе с этими. Но он наверняка заподозрил что-то неладное. Ведь у него была связь со своими сообщниками, а теперь она прервалась. Я не знаю, может ли он связаться со своим миром. Может, сейчас он уже просит о помощи. Мы даже не знаем, где его мир. Может он за сотни световых лет отсюда, а может рядом, в соседней планетной системе.

Лизендир задумчиво посмотрела на него.

— Да, я понимаю тебя. Но Хан, это может оказаться более опасным, чем все, что было до сих пор. Если мы ищем опасности, то нам следует пуститься в эту авантюру. Но лично я не желаю больше никуда лететь, кроме как на свою планету, в свой мир.

Устеин неожиданно поддержала ее.

— Я согласна с Лизендир. Подумай, Хан, кто будет охотиться на это существо? Ведь нас только трое, и только вы двое воины. Я ни в чем не смогу вам помочь.

— Я не имею в виду, что мы должны броситься вслепую. Я предлагаю лишь осмотреть замок Эвинга. Мы знаем, что у него нет корабля. И мы можем быть уверены, что в его замке нет оружия, способного нанести большой вред нашему кораблю. Мы сможем издалека обнаружить источник энергии, если он там есть. Если он исчез, то мы не станем

проводить остаток жизни в охоте за ним. Но мне очень не хочется оставлять его здесь.

Лизендир встала и подошла к пульту управления. Она сама включила приборы.

— Я согласна. Ты прав. Я тоже не хочу оставлять его тут.

Устеин переводила взгляд с Хана на Лизендир.

— Мне все это не нравится, но я не могу остановить вас. И я не могу управлять этим кораблем. Но я не могу признаться, что боюсь, боюсь существ, которые могут так обращаться с разумными существами.

— Ты боишься? Я не думаю, Устеин. Я уверен, что ты быстро научишься быть смелой. Ведь если кому-то из нас придется идти в замок, то это будем ты и я. На корабле должен остаться один из тех, кто может управлять им. А это Лизендир.

Вскоре они уже приближались к замку с юга, летя в нижних слоях атмосферы. Когда они летели над Лелиасом, Хан и Лизендир внимательно вглядывались вниз, стараясь обнаружить признаки жизни в городе. Но ничего не смогли увидеть. Лелиас был погребен под снегом. Вскоре они уже приближались к замку, и тут они убавили скорость и снизились как можно ниже, пролетая над ним. Но никаких признаков жизни им обнаружить не удалось. В сумраке зимней ночи замок казался покинутым, пустым, темным.

Пока Хан и Лизендир смотрели на замок, Устеин смотрела вперед, на главный экран. Ее острый взгляд заметил вдали группу людей, которые двигалась к югу. Или просто они хотели уйти прочь. Она позвала Хана и Лизендир.

Хан подлетел поближе, чтобы лучше рассмотреть людей. Да, они уходили от замка, они бежали. Хан не мог узнать никого на таком расстоянии, но то, как они спешили, как они хотели спрятаться от корабля, доказало ему, что это не Эвинг. Хоть тот был лжец и обманщик, он бы с достоинством встретил свое поражение. Хан был также уверен, что Эвинг не будет бежать, ибо тогда он станет легкой добычей тех, кто будет охотиться за ним. Нет, его нет в этой группе. Он, должно быть, прятался в замке или в Лелиасе. Хан развернул корабль и повернул к замку.

Чем ближе он подлетал, тем ему становилось яснее, что это глупая идея. Они никогда не смогут найти здесь Эвинга. Техника им не помогла в этом, а спускаться на планету и обыскивать всю ее поверхность... У них на это не было времени. Однако в замке они смогут найти какие-либо доказательства. Хан несколько раз пролетел над замком, но они не увидели ни огонька, ни дымка. Хан посадил корабль прямо во внутренний дворик замка. Корабль был маленький, но, окруженный каменными стенами, казался огромным.

Двигатели затихли. Хан приготовился к выходу из корабля.

— Лизендир, ты осташься здесь. Если что-то случится, ты доставишь всю информацию в Союз. Улетай сразу — ты знаешь, как. И прежде, чем

покинуть эту систему, сожги замок, преврати его в пепел. Забудь все свои запреты. Ты можешь лететь отсюда через матричные пространства. Я включил этот режим. Тебе останется только нажать кнопку.

— Это неправильно!— воскликнула Лизендир. — Мы должны идти с тобой вместе.

Устеин завернулась в покрывало.

— Я боюсь этого замка. Я боюсь оставить корабль. Только здесь и в нашей комнате в доме Хаты я ощущала реальность жизни. Но несмотря ни на что, я должна идти с тобой, Хан. Ты должна понять меня, Лизендир. Понять и не обижаться.

— Я понимаю. Идите. И возвращайтесь побыстрее.

Хан вручил Устеин один из пистолетов и научил пользоваться им. Девушка серьезно и внимательно слушала его. Для себя Хан взял два пистолета — один лучевой, формирующий вспышку света с длиной волны, близкой к ИК, другой с управляемыми полями, обладающими громадной разрывной силой. Он также нашел теплую одежду и предложил ее Устеин, но девушка отказалась.

Они спустились с корабля во двор и некоторое время стояли, выжидая. Солнца не было видно. Оно висело низко над горизонтом и его скрывали стены. Однако его рассеянного света не хватало, чтобы осветить двор и замок. На небе сияло несколько ярких звезд. Двор был залит призрачным светом, в углах, казалось, затаились угрожающие тени.

Над головой, в глубинах темнеющего неба, началось слабое мигание. Вспышки света. Хан и Устеин остановились и посмотрели вверх: начиналось северное сияние, еще слишком слабое, чтобы различить цвета — только периодические изменения яркости. Стоя голыми ногами на пушистом снегу, завернутая в одеяло, Устеин наклонила голову и понюхала морозный воздух. Ноздри ее раздувались. В этой ситуации наивысшей опасности она вдруг стала вести себя так, как будто в ней проснулись древние инстинкты, берущие свое начало во тьме времени и пространства — в обледенелых лесах Земли. Они пошли по снегу, слыша только его шорох под ногами, и подошли к огромным дверям, распахнутым настежь. Прислушиваясь к каждому шороху, они, как взломщики, вошли в замок.

В замке было так холодно, как и на улице. Устеин прошептала:

— Они все ушли. Я ничего не ощущаю. Они ушли отсюда еще до того, как корабль был разрушен. Замок пуст и мертв.

— Как это может быть? Ведь должно было пройти не больше часа. Тепло еще не должно было выветриться.

— Ты помнишь, когда я работала с твоим блоком памяти на корабле? Я сказала, что они могут видеть меня. Не знаю как, но могут. Возможно тогда они поняли опасность и ушли.

Они прошли через весь замок и Хан убедился, что она права. Замок покинут давно, еще до того, как корабль Хаты уничтожил корабль чужаков. В замке остались следы спешного бегства. Все было разбросано и кое-где валялись трупы. Леры и люди. Но не чужаки. Возможно, здесь был бой, но следов его не было видно.

Наконец они пришли в центральный холл. Хан нашел дверь, через которую сюда вошел Эвинг и сказал:

— Когда мы с Лизендир впервые были здесь, там во время обеда играли музыканты. Тогда я ничего не знал о клешах и решил, что музыканты — члены одной секты, так они походили друг на друга.

— Музыканты? И они действительно играли? Но ты знаешь, большинство клеш уже давно потеряли свои способности. Они больше не делают того, для чего их создала природа. Я не знаю, кто были те, кого ты видел.

— Мне кажется, что среди найденных нами трупов их нет. Все они были щупленькие, некрасивые на вид. У них были коричневые волосы, волнистые и большие носы, такие же, как у хайдаров.

— А! Это пейниры. Я не знаю, где они находятся, но знаю по слухам, что они есть. Они такие же старые, как и Златы.

Дальше по коридору им повезло. В одной из темных комнат, освещенной лишь светом звезд из окон, они нашли нечто вроде установки коммуникации. Во всяком случае, они так решили. Они увидели какие-то приборы, индикаторы, даже небольшой микрофон странной формы. Пульт дал им мало пищи для размышлений, настолько он был непохож на то, что они видели раньше. Хан даже не смог найти, где подключается источник энергии. Кое-где на пульте были надписи, но ни Устеин, ни Хан, не смогли прочесть их. Хан сказал, больше для себя, чем для Устеин:

— У Воинов есть радар, но нет радио. Это все равно, что иметь голос только для того, чтобы слушать эхо. Значит, Эвинг мог пользоваться связью на любых радиоволнах. Никто здесь не смог бы перехватить его сообщения. Но скорее всего он пользовался длинными волнами, и антенна находится наверняка под землей, чтобы он мог вести передачи даже во время магнитных бурь.

Устеин прошептала:

— Я не знаю, о чем ты говоришь. Кажется, что этот Эвинг был колдуном, но и ты тоже колдун, так как ты смог распознать все его хитрости. Но подожди! Посмотри в окно.

Хан подошел к узкому окну, единственному в комнате, и выглянул. Окно выходило на север и на горизонте Хан видел заходящее солнце. Но все небо на севере играло красками, настоящий праздник красок, фейерверк красок. Да, это было настоящее северное сияние.

Устеин тоже подошла к окну и встала рядом с Ханом. Она была в трансе. Это было самое мощное северное сияние, какое когда-либо видел Хан. Устеин стояла, подняв голову вверх. Лицо ее стало еще прекраснее

в этом переливающемся свете, струйки пара вылетали из ее ноздрей, волосы переливались всеми цветами радуги.

Она отòшла от окна.

— Я видела северное сияние много раз, но такое красивое — впервые. А теперь идем отсюда. Здесь никого нет.

Хан неохотно отошел от окна и собрал некоторые книги и манускрипты. Он не знал, что будет с ними делать, но раз уж он вошел сюда, как взломщик, значит, он должен украсть что-нибудь. Устеин ничего не взяла — она не нашла ничего, что могло бы ей пригодиться. Хан видел, что ей очень не по себе в этом замке и она хочет побыстрее убраться отсюда.

Они пошли к "Палленберу" через вереницу холодных и пустых коридоров и холлов. И снова они не увидели ничего нового: трупы, сломанная рухлядь, брошенное оружие.

Весь путь они шли осторожно, прячась в тени выступов стен, как бы чего-то ожидая: нападения, крика, звона стали, укола, слепящей боли. Но в холодной тишине не было ничего слышно, кроме биения их пульса. Во дворе стоял корабль. Их корабль. Все казалось мирным и безопасным. Огни включены, люк открыт. Все было таким же, каким они оставили. Все, кроме неба над головой, где пылало, торжествовало, танцевало северное сияние. Хан посмотрел на Устеин. На ее красивом лице больше не было священного трепета, только ожидание. Хан вздохнул: Эвинг сбежал от них и, возможно, спасся, так как у них не было возможности обшарить всю планету в поисках врага. Он мог быть где угодно.

Они стали подниматься по лестнице. Впереди Хан, за ним Устеин, держа пистолет наготове. Она была вся напряжена, хотя Хан не видел причин для этого. Устеин все время озиралась вокруг, как будто ожидая чего-то. Хан взобрался и сказал Устеин, что он прикроет ее, пока она поднимается по лестнице.

Они уже были готовы войти в корабль, как Устеин остановилась и сказала:

— Подожди. Одну минуту. Я хочу последний раз посмотреть на мой мир. Я ведь больше никогда не увижу его.

— Хорошо. Но поторопись. Очень холодно. Когда ты войдешь во вторую дверь, нажми кнопку и люк закроется.

— Я только минутку.

Хан пошел вперед. Устеин, возможно, наплевать на мороз, а он уже начал ощущать его укусы. Он не мог понять, как она может ходить по снегу голыми ногами! И странно то, что она сказала о том, что они никогда не вернутся на эту планету, что она видит ее в последний раз. Но они же вернутся — вернутся за клешами, за людьми, чтобы перевезти их к своим. Планета сгорит в ужасном космическом пожаре. Планета жуткая, но было в ней что-то, чего он не мог понять — какая-то новая тайна вселенной. То, что случилось здесь, не было вызвано дьявольскими устремлениями Воинов или манипуляциями Эвинга — нет, сама планета

как-то воздействовала на умы, вытесняя из них все величественное, и оставляя только низменные инстинкты.

Хан прошел через коридор и подошел к рубке управления. Как только он открыл дверь, он услышал вскрик Устеин. Он остановился и, оставив дверь приоткрытой, устремился назад.

— В чем дело?

— Хан! Снег! Что-то неладно. Я чувствовала это. Ты и я. Мы пришли и ушли. Четыре следа на снегу — твои сапоги и мои босые. Четыре! Но здесь пять! Лизендир вышла из корабля? Нет! Кто-то вошел в него.

Хан сразу узнал этот голос еще до того, как слова дошли до его сознания. Это не был голос Лизендир. Это не был голос лера. Это не был голос человека.

Из громкоговорителя послышался приказ:

— Я держу под прицелом твою бывшую любовницу. Прикажи клеш подниматься сюда и входи сам. Оружие оставьте у двери. И побыстрее, у нас мало времени, а дел еще очень много.

Хан повернулся к Устеин:

— Входи.

Он старался придумать план действий, но ничего утешительного не приходило на ум. Во всяком случае, лучше войти на корабль, а не остаться замерзать здесь. Все-таки у них может появиться шанс. Правда, сейчас он не видел ни одного шанса на спасение.

Глава 8

Устеин вошла в рубку управления возбужденная и испуганная, она говорила:

— Хан, там чьи-то чужие следы на снегу. Это не наши... О!

Она замолчала и спокойно вошла в рубку. Затем закрыла за собой дверь, встала рядом с Ханом и сбросила с себя одеяло.

— Это лучевой пистолет,— сказал Эвинг. — Он очень хорош на небольшом расстоянии, как здесь. Я поставил его на максимальный радиус поражения. Конечно, он не убьет с первого выстрела, но ожоги будут очень сильными, и смерть наступит позже. Я знаю, что эта девушка натренирована для войны, и, чтобы нейтрализовать ее, я буду держать под прицелом вас двоих.

Он замолчал, дав им время на раздумье. Они не сомневались, что Эвинг не будет говорить зря. Лизендир спокойно сидела в кресле пилота, ничего не говоря и не двигаясь.

Эвинг, увидев, что его поняли, продолжал:

— А теперь за дело. Программа проста. Ты переправляешь нас в мой мир, где ты и останешься. Высший Совет обсудит создавшуюся ситуацию и попробует найти выход. Помните — сон мне не нужен.

Хан отчаянно пытался найти выход и, чтобы выиграть время, он спросил:

— Значит, я был прав относительно ситуации на планете?

— Да. Воины не понимали ее. Они были слишком примитивны. Но мы недооценили способности людей — тебя, например, или этого Хетруса с Сибрайта. Он что-то заподозрил с самого начала. Я мог только сделать так, чтобы изучить положение послали двух некомпетентных людей. Естественно, вы не должны были что-либо обнаружить, и Совет бы ничего не узнал бы от вас. Если бы вы что-то обнаружили, то должны были бы просто исчезнуть. Но ты оказался более пронырливым и изворотливым. И девушка хорошо дополняла тебя. Да, я недооценил вас обоих. Во всяком случае, тебе удалось помешать нам основать на этой планете базу для наших дальнейших операций. Ты понял с помощью измерений, что звезда этой системы скоро взорвется, но к этому времени мы надеялись закончить все, чтобы установить правильный порядок будущих событий.

— Каких событий?

— Тебе это теперь неинтересно.

— Удовлетвори мое любопытство.

— Пожалуйста, в этом нет вреда. Ты все и сам предполагал. Мы надеялись вызвать войну между людьми и лерами. Ты сам знаешь, что нет войны более жестокой, чем между родственниками. Конфликт должен был ослабить людей, и тогда мы спокойно завоевали бы ваш мир. Мы старая цивилизация, и мы не можем представить себя среди пионеров новых миров: снова воевать с дикими зверями, снова вырубать леса...

— Твоя внешность настоящая или это просто маскарад?

— В основном настоящая. Но, разумеется, с небольшими ухищрениями, чтобы не возбуждать подозрения у Воинов. Вообще-то мы похожи на леров. Но хватит. Поговорить можно и в дороге. Садись или стой, если хочешь, но давай в путь. Помни, что жизнь этой девушки — это цена за любое подозрение, которое ты вызовешь во мне.

— Я буду стоять и говорить Лизендир, что включать.

Они по образу мышления больше похожи на людей, чем на леров. За это можно зацепиться. Идея! Она должна сработать! Чем больше Хан думал, тем больше утверждался в мысли, что идея должна сработать. Во всяком случае, поможет выбить лучевой пистолет из руки Эвинга. А там посмотрим.

Хан подошел к панели управления, а Эвинг спросил:

— Тебе не нужен курс?

— Пока нет. Ты когда-нибудь летал на наших кораблях?

— Нет. Только на своем, когда мне нужно было совершить путешествие.

— Тогда позволь мне объяснить. Я не хочу возбуждать никаких подозрений своими действиями. Когда мы путешествуем в пространстве, мы используем заранее установленные точки, координаты которых находятся в памяти корабля. Я не знаю, где твоя планета, поэтому мне придется пользоваться ручным управлением. А сейчас я должен определить точные координаты корабля, пользуясь теорией Гейзенберга.

— Хорошо. Только делай это быстрее и без фокусов. Ты знаешь, что будет. Сначала эта девушка, а потом рыжеволосая клеш. Ты же не хочешь, чтобы они страдали? Тогда торопись. Я ощущаю давление времени.

Хан кивнул, поморщившись про себя. Если он ошибается...

— Теперь так. Мы выходим в космос. — И устанавливая курс на точку, которую он выбрал, Хан искоса посмотрел на Лизендир и Устеин. На их лицах не мелькнуло ни одной мысли — обе они были пассивны. Это хорошо. То, что он хотел сделать, могло быть успешным, если они не выдадут его, то есть не поймут ничего слишком рано. Нельзя было вызвать у Эвинга подозрения, что он делает что-то не то.

Корабль достиг намеченного пункта, и двигатели отключились. Теперь оставалась только ручная коррекция, которую сделала Лизендир, поставив корабль в нужное положение. Нужная звезда установилась как раз в центре главного экрана. Она сияла, как оскорбление. Ведь все они знали, что конец ее неотвратим.

Пора. Хан повернулся к Эвингу.

— Мне нужен один прибор для измерений. Он в маленькой сумке. Пусть девушка подаст его мне.

— Как он выглядит?

— Для тебя это всего лишь моток проволоки.

— Ты уверен...

— Ты что-то понимаешь в астронавигации?

— Нет. Этим занимается команда.

— Тогда позволь мне решать самому, что мне нужно.

Хан повернулся к Устеин. Девушка выпрямилась. Но она все еще не понимала. Только беспокойство было написано на ее лице.

— Ты уверен, что это нужно тебе, Хан? Это опасно, и я не понимаю...

— Ничего, ничего. Мне нужен блок, Устеин. Подай мне его. Я знаю, что делаю. — Хан почувствовал раздражение. Если она скажет хоть слово об истинном назначении блока...

Она не сказала. Устеин наклонилась над сумкой, достала блок, размотала его и неохотно подала Хану. Свое нежелание она не могла не скрыть.

— Возьми. Только будь осторожен. Когда им пользуется кто-то другой...

— Ничего. — Хан оборвал ее. — Я знаю меры предосторожности.

Он взял блок, рискнул бросить взгляд на Лизендир. В ее глазах мелькнула искра. Она поняла! Хан посмотрел на Эвинга. Внезапно тот

заинтересовался блоком и посмотрел на него. Хан, игнорируя его, поднял блок так, чтобы на него попал свет звезды. Он надеялся, что сейчас походит на астронавигатора, производящего измерения.

Любопытно, подумал он, держа его перед собой и глядя на игру в переплетениях проволоки, в местах ее сочленения. Как же она использует эту штуку, как переходит все это в материальные символы? Как воспринимает все это? Он оглядывался, стараясь найти что-то, за что можно было бы зацепиться взглядом. Ничего. Игра света. Оптическая иллюзия. Но по этим линиям можно бесконечно двигаться взглядом. Это был гипноз. Так можно усыпить себя и ничего больше. Он неохотно оторвал взгляд от блока и посмотрел на часы. Прошло десять секунд. Десять секунд от чего? Неважно. Времени уже не было. Оно превратилось в иллюзию, он даже видел время в этом скоплении мерцающих линий и узлов.

Но вот все двинулось вокруг него. Рубка управления, корабль. Все поплыло, растаяло. Он сам стал двигаться, течь, менять форму, перемещаться в пространстве. Он превратился во что-то нематериальное, не имеющее массы, живущее вне времени и пространства. Он ощущал, как его существо растекается по вселенной, пропуская сквозь себя звезды-гиганты, целые созвездия. Он стал волной, захлестнувшей вселенную...

Стоп. Не уменьшение скорости. Просто мгновенная остановка. Один. Нет. Не один. Есть и другие. Где-то тут. Нет, сказал он, пытаясь найти какую-то другую количественную оценку, подобрать известные символы, разорвать цепь незнакомого, понять, как это он, Хан, оказался в рубке, где уже находились Эвинг, Устеин, Лизендир и он сам. Нет, нужно уйти отсюда, черт их побери, повернуться и уйти. Он повернулся назад. Но там ничего не было. Посмотрел наверх. Наверху ничего не было. Вселенная, окружавшая его со всех сторон, исчезла. Как теперь он может выйти отсюда, если не знает, как попал сюда. Как добраться до места, если не знаешь, где оно?

Хан услышал шипение воздуха, нагнетаемого вентиляторами, увидел приборы на панели управления, снова ощутил бег времени, увидел блок, который он держал в руках и теперь уже мог отвести от него взгляд. Да, он вырвался из его чар, но он видел, ощущал... Но, стоп. Хан взглянул на часы. Пятнадцать секунд. Абсурд. Или, может, стрелки прошли целый круг? Нет. Хан почувствовал свое тело, сначала напряженное, теперь обмякшее. Да, эта штука опасна. Он обернулся к Устеин, посмотрел на нее так, как будто видел впервые. Она ответила ему взглядом, из которого он понял, что ему удалось вырваться из чар блока. Вырваться и остаться самим собой.

Она заговорила, разорвав мертвую тишину.

— Ты сделал измерения?— теперь она тоже поняла.

— Да. Это оказалось очень просто.

Он повернулся к Эвингу.

— Я все сделал. Дьявольски трудно набирать курс на внешние области. Я думаю, что у вас есть способ попроще.

— Что это за штука, которой ты пользовался?— не ответив на его вопрос, спросил Эвинг.

— Калибратор. Мы пользуемся им редко — только тогда, когда приходится прокладывать курс между двумя открытыми точками. Наши машины хорошие, быстродействующие, но они ограничены. С помощью калибратора мы получаем цифры, которые затем вводим в машину.

— Ты все закончил? Дай мне посмотреть эту штуку. Я никогда не видел ничего подобного.

— Ну что ж, мне нужно было бы еще кое-что проверить, но...

— Дай ее мне! Я хочу рассмотреть ее. Я не могу понять, как она устроена... — Он вдруг замолчал, не докончив фразы. Его остекленевшие глаза были прикованы к блоку. Да, он ближе к человеку, нежели к леру, напомнил сам себе Хан.

— Это электрооптическое устройство. Смотри в него, следи за проводами, за сочленениями, поворачивай под разными углами, чтобы лучше было видно.

Эвинг поднял блок и начал поворачивать его, не отрывая взгляда от играющих светом проволочек. Пистолет все еще был направлен на Лизендир, но он уже забыл о нем. Хану даже стало на мгновение жалко его, но он вспомнил кто это, и какова была его цель.

Эвинг что-то пробормотал неразборчиво, и Лизендир, слушая его голос, двинулась. Она не должна была прерывать его. Эвинг сейчас оказался в положении рыбы, которая сама себя поймала на крючок.

Хан сказал:

— Тебе нужно больше света, Эвинг,— и повернул ручку на панели, открыв светофильтр на экране. В рубку хлынули лучи света. Устеин и Лизендир соскользнули на пол, но Эвинг ничего не заметил. Его остановившиеся глаза были устремлены на сплетения проводов. Рука с пистолетом опустилась, палец отпустил спусковой крючок. Лизендир осторожно взяла пистолет из его руки. Хан снова повернул ручку, светофильтр закрыл экран, ограничив доступ лучей в рубку, которая вновь погрузилась в полутьму.

Эвинг не изменил положения. Он все еще держал в руках блок, устремив взгляд в непроницаемые глубины скопления проводов. Хан, Лизендир и Устеин стояли возле него, но Эвинг не реагировал, он даже не замечал их.

Лизендир спросила:

— Больше у него нет оружия?

— Нет. — Ответил Хан, а Устеин взволнованно заговорила:

— Сначала я не поняла, что собирается сделать Хан, а потом до меня дошло. Хорошая штука. Я бы до этого не додумалась. Смотри. — Она подошла к Эвингу и взяла блок из его рук. Для этого пришлось приложить усилие, так как он не желал выпускать его из пальцев. Но вот Эвинг

вздрогнул, зашевелился, он все еще продолжал смотреть туда, где только что был блок.

Устеин подошла к нему сзади и ударила под колени, а затем подхватила его, чтобы он не упал на спину. Она повернулась к Хану.— Прекрасная штука. Но это стоило мне моего блока — слишком дорогая цена за таких, как Эвинг.

— Но что случилось?

В голосе Устеин прозвучал гнев.

— Я же тебе говорила,— если долго смотреть на него, то он захватывает смотрящего. Именно это и произошло с Эвингом, и теперь в блоке его дух. Теперь тот, кто будет пользоваться блоком, часть его духа перенесет к себе в мозг. Если его дух силен, он может полностью овладеть тобой.

— Как это может быть? Это же просто гипноз.

— Нет, нет. Это очень опасно. Этого нельзя допустить. Нельзя, чтобы кто-нибудь пользовался им!— С этими словами Устеин стала изо всех сил сминать сплетения проводов, стараясь не смотреть на них. Затем она бросила исковерканный моток на пол и стала топтать его, пока он полностью не деформировался и не стал неузнаваемым.

— Лизендир, у тебя пистолет. Сделай узкий пучок света, узкий и мощный. Сожги его, уничтожь его! Расплавь его!— голос у нее был повелительный, не допускающий возражений. — Не думай об Эвинге. Он жив, только лишен разума. И я знаю способ вернуть ему разум. Пистолет! Быстрее! Нужно сделать это сейчас, пока у меня еще есть решительность. Потом будет поздно.

Лизендир настроила луч пистолета, направила его на моток проволоки и стреляла до тех пор, пока на полу не остался комок расплавленного серебра.

Устеин долго смотрела на этот комок, затем вздохнула и снова стала сама собой. Изменения в ней происходили так постепенно, что Хан даже не заметил, как она стала нормальной.

— Ну вот. Дело сделано. Это тело не может быть полезно нам, так что его можно выбросить в ночь.

— Но он еще жив. Может, попытаться вылечить его?

— Нет. Он все равно скоро умрет. Блок забрал от него все, в том числе и жизнь. Он оказался более чувствительным к нему, чем я или Хан — и менее защищенным. Блок захватил его, пока он еще был в твоих руках, Хан. Так мы скажем в твоем мире, Хан. Нам поверят.

— Мы не можем как-то общаться с ним? Привести его в чувство?

— Нет. Я не знаю никого, кто оправился бы от этого. Все умирают раньше или позже. Посмотри на Эвинга — он уже мертв. Я не могу сказать, как это происходит, я только знаю, что это неминуемо. Когда блок захватывает человека, он должен быть очищен огнем. Если бы мы сейчас не уничтожили его, то им воспользовалась бы я, и тогда мой дух

вошел бы в блок, а дух Эвинга появился в моем теле. Вы получили бы Эвинга в моем теле, а я не думаю, что вам хотелось бы этого.

— Ты можешь сделать другой блок? Или взять другой от златов?

— Нет. Я не смогу сделать новый. И воспользоваться чужим тоже не смогу. Все блоки индивидуальны, и в чужом блоке я буду видеть ложь. Ты помнишь историю с Корен и Джоилиси? Так вот, в чужом блоке я смогу увидеть, что Корен убивает Джоилиси каким-нибудь страшным способом. Сильные эмоции останутся, но они примут другое выражение. Понимаешь? В блоке есть только "как", а не "что". Это я наполняю содержимым "что".

Устеин наклонилась к телу и стала подтаскивать его к люку, через который они смогли бы вытолкнуть его в космос. Лизендир подошла помочь ей. Он не был тяжелым, и девушки без труда справлялись с ним. Хан открыл люк, и тело Эвинга исчезло.

Наконец они вернулись к пульту, и Хан выставил курс прямо на Сибрайт. Затем он показал Устеин ручку запуска двигателей и сказал:

— Возьми ее покрепче и поверни.

Девушка улыбнулась Хану, посмотрела на Лизендир и нерешительно повернула ручку. Корабль взял курс обратно. Устеин еще долго стояла, держа ручку, как бы опасаясь, что если она отпустит ее, магия кончится. Наконец, убедившись в реальности происходящего, она отпустила ручку, улыбаясь чему-то.

Глава 9

ЭПИЛОГ

На планете Кентен, первом доме леров после того, как они покинули землю, была весна, ранняя весна, время года, когда появляется первая зелень, и когда теплые солнечные дни перемежаются холодными, напоминая о том, что зима еще жива, и еще надеется остаться на планете.

И в это время года по маленькому городу, расположенному на берегу пролива, соединяющего два больших города, шел Хан, возвращавшийся в чайный домик, где его ждала Устеин. Он шел, наслаждаясь теплым дождем, сырым ветром, запахами моря и обдумывая свое донесение Хетрусу. Хетрус направил его сюда, в маленький городок под названием Пленкхандер, названный так в соответствии с законами леров, которые гласят: чем меньше город, тем длиннее должно быть его название.

Но донесение его мало беспокоило.

Оно было скорее формальностью, так как роль Хана в событиях на Рассвете закончилась по его собственному желанию и, в основном, по желанию Устеин. Поэтому они все трое прилетели на Кентен в город Пленкхандер провинции Яльвен, чтобы выдать замуж Лизендир, и самим зажить нормальной жизнью. Хан размышлял, проходя мимо залитых дождем витрин магазинов, что приключения хороши для тех, кто их ищет, а лично он их не хочет, он насытился ими. Пусть мечтают о приключениях те, кто всю жизнь провел за прилавком магазина. Они прилетели на Кентен, оставили "Палленбер" в главном порту и приехали сюда. Как Хан и ожидал, Хетрус хотел, чтобы они полетели на Рассвет руководить эвакуацией. Но Хан отказался, так как Лизендир нужно было решать проблему создания семьи, а Устеин нужно было решить свои проблемы: ведь ей нужно было учиться очень многому. Хетрус щедро расплатился с ними, подарил им корабль: "Вы его заслужили",— сказал он и оставил их в покое.

Хан слышал, что планета леров отсталая, но это слово совсем не включало в себя того милого очарования, которым она была полна. Здесь было приятно вести ленивую, расслабленную жизнь... Здесь Хан видел только людей-леров и ощущал только реальность жизни. Это было именно то, в чем нуждались они с Устеин.

Пленкхандер был назван по имени моста, переброшенного через пролив, соединяющий два моря. Мост был старый, ему было больше лет, чем прошло со времени заселения родной планеты Хана. Устеин была очарована этим городом, да и сам Хан не хотел покидать его — настолько сильно захватил его покой и безвременность.

Они сняли комнату в небольшом, но удобном отеле, и ждали, когда Лизендир устроит свое счастье. Ни Хан, ни Устеин не могли помочь ей в этом. Они ждали, и чем дольше они жили в этом безмятежном городке, тем более ясно становилось, что они не уедут отсюда даже тогда, когда Лизендир составит семью.

Хан уже приближался к чайному домику, низкому стеклянному зданию, украшенному куполом. Он посмотрел вперед, надеясь увидеть в толпе Устеин. Да. Он заметил ее рыжие волосы уже издали. Таких волос не было ни у одного лера, и они пышным каскадом спадали на плечи. Она сидела за столиком и прихлебывала чай. Спокойный взгляд ее был устремлен в сторону моря, тоже спокойного и умиротворенного.

Хан вошел в домик, стряхнул воду с плаща, повесил его на вешалку и заказал себе чашку. Затем он подсел к Устеин.

Она повернулась к нему, и на лице ее появилось выражение тепла и любви, что у него заныло в груди.

— Ты соскучился ждать меня? Связь — это очень долгое дело.

— Нет, нет. Я учусь жить у леров. Они живут совсем не так, как Воины. Мне хорошо здесь. И мне все больше хочется остаться здесь. Мне здесь не бывает скучно. Ты же знаешь, что я часами могу смотреть на

море, и оно мне рассказывает ласковые истории, истории, где не происходит ничего плохого, и которые никогда не кончаются и не надоедают. У нас на Рассвете не было морей. Только озера — скучные, мертвые, соленые озера. В них никто не жил, и запах у них был противный. Но море — это чудо. Еще большее, чем космос. Но я знаю, что я должна увидеть в твоем мире еще очень многое и я хочу видеть все. — Она посмотрела на его лицо, очень серьезное и продолжил: — Мальчик сказал, что для тебя получено большое сообщение. О чем оно?

— Для клеш подобрали планету подальше от Рассвета. Ее держали в резерве, на особый случай. Узнав тебя, я теперь знаю, что златы могут приспособиться в новом мире. О, даже наоборот, нам придется приспосабливаться к ним. С дикими людьми Рассвета тоже решен вопрос. Они вольются в человеческую семью и приобщатся к цивилизации, правда, не сразу. Не знаю, как будет с лерами Рассвета. Леры разделились на два лагеря. Одни хотят оставить их на Рассвете и предоставить собственной судьбе, другие хотят эвакуировать их. Но ни те, ни другие не хотят внедрять их в свою цивилизацию. Странно, но леры всегда боролись против разделения расы на леров и людей, а сейчас сами получили расовую проблему.

— Леры странные. Очень странные. Больше, чем я думаю. Те, на Рассвете, были... обыкновенные. Здесь на Кентене они мягкие, добрые, но могут быть и жестокими по отношению друг к другу. Но я не могу представить себе целую планету одних клешей или диких людей. Что с ними случится потом?

— Понятия не имею. Я никогда не слышал ни о чем подобном. Я полагаю, что они образуют племена, причем сильные будут подавлять и эксплуатировать слабых. А как бы действовала ты на их месте?

— Я даже сейчас не знаю, как действовать. Думаю, что они должны создать общество, а если не получится, то они одичают. Ведь они, в общем-то примитивны. Видишь, Хан, я знаю, кто я. И не стыжусь.

Попав в цивилизованный мир, Устеин наконец стала носить одежду, хотя это ей не особенно нравилось. Одевалась она по моде леров, причем одежда закрывала ее полностью.

Но однажды, находясь дома, она сбросила платье и, показывая Хану прекрасную нежную грудь, гордо сказала, сколько поколений трудилось, чтобы получить такой цвет кожи. Затем она подняла подол, чтобы продемонстрировать ноги, покрытые пушистым мехом цвета меди.

— А это? И это все приходится закрывать, так как обычаи здесь другие!

Но тем не менее ей нравилось подбирать одежду, и она забавлялась этим, как ребенок игрушками. Лизендир не очень одобряла ее стиль одежды, но должна была признать, что вкус у Устеин есть, и она быстро вошла в струю моды. Теперь она отличалась от леров только цветом волос и хрупкостью телосложения. По стандартам леров она была даже маленькая.

Хан все еще думал о новой жизни, которая ждет клешей.

— Я уверен, что они объединятся в племена, и тогда начнутся войны и несправедливость. Но Хетрус сказал, что пошлет на планету людей, которые будут поддерживать относительный порядок.

— Да, они будут воевать. Мужчины будут драться из-за женщин и наоборот. Я даже слышала, что такое случалось и на Рассвете. — Она с испугом подняла брови.

Затем они оба, не сговариваясь, стали смотреть в море. Неброские цветы дождливого дня плавно и незаметно переливались, переходя из одного цвета в другой. Вскоре дождь прекратился, и облака на западе окрасились в теплые тона. Море стало серебряным, и по нему прокатывались спокойные волны, вызывающие гипнотическое действие. Они стали говорить о Лизендир, о ее трудностях в отыскании мужа, о том, что ей приходится проводить много времени в поездках и поисках. Устеин была еще более озадачена, чем Хан, обычаями леров в отношении создания семьи. Леры сделали семью чисто социальным явлением, а не личным делом каждого.

Устеин допила свой чай, грациозно поднялась и потянулась, как экзотическое животное.

— Я хочу спать. Пойдем домой?

— Прекрасная идея. Я долго смотрел на волны, и мне тоже захотелось спать.

Они накинули плащи и вышли их чайного домика, чтобы вернуться в отель по извилистым улочкам, все еще блестевшим от дождя. Все вокруг обещало на завтра хорошую ясную погоду. Они были на улице почти одни. Конец дня, все магазины были уже закрыты, и спокойный вечер спускался на Пленкхандер.

Когда они поднялись в свою комнату, где жили вместе с Лизендир, когда та бывала в городе, то увидели, что она здесь, и собирает свои пожитки. Она казалась очень усталой, но на лице ее светилось нечто, по чему они догадались, что она дождалась своего счастья.

Она слабо улыбнулась и сказала:

— Теперь вы можете пожелать мне счастья.

— Значит, ты нашла себе мужа?— спросил Хан.

— Да. Ирония судьбы. Весь день я провела в горных районах и рыбацких деревушках. Там ужасная грязь, и мне совсем не хотелось войти в рыбацкую семью. Но когда я вернулась, меня ждало письмо. И представьте! Сколько поисков и мытарств,— тщетных, так что я совсем уже испугалась, что никто не захочет меня — и вот: иос находился совсем рядом, за мостом, по дороге на пляж. Меня приглашают второй женой.

Хан подумал с минуту и спросил:

— Ты думаешь, что сможешь быть счастлива с ними?

— После того, что я испытала, после клятв, которые я нарушила? Это хорошие леры, спокойные, а мне именно это и нужно. Проводите меня.

Все втроем они вышли на улицу и остановились возле уличного фонаря. Лизендир заметно расстроилась, но в то же время не могла справиться с волнением. Они стояли и смотрели друг на друга. Лизендир понимала, что Хан и Устеин читают все на ее лице.

Она сказала:

— Да, это правда. Теперь это мой дом. На сорок лет. Прямо здесь, в Плекхандере. — Она осмотрелась. На деревьях сверкали капли дождя. Запах моря наполнял воздух, и с берега, который был совсем рядом, слышался неумолчный гул прибоя, волны лизали коричневый песок, не давая ему просыхать.

— Это трудно представить,— сказал Хан.

— Для тебя. Но не для меня.

Они шли к востоку, перешли через старый каменный мост и, пройдя еще несколько сотен метров, подошли к низкой стене, увитой виноградной лозой, нос был окружен деревьями, и вход в дом был ярко освещен. Лизендир дернула за веревку, и раздался глубокий звук колокола. Они вошли в сад, и из дома сразу выбежала девочка, хотя она была в таком возрасте, что пол ее невозможно было определить. За нею вышла женщина-лер, которая встала возле двери, ожидая их приближения. Она была низенькая, смуглая, миловидная, хотя красивой ее назвать было нельзя. Видимо, она занималась хозяйством, так как волосы ее были перевязаны платком. Хан заметил, что руки у нее красные от работы, но сильные и красивые. Она была лет на пять старше Лизендир.

Девочка бегала вокруг них, затем подбежала к Лизендир, обняла ее, прижалась лицом к ее щеке. Затем она повернулась к Хану и засмеялась. Хан едва подавил желание рассмеяться при виде ее беззубого рта. В женщине был какой-то шарм. Лицо у нее было уже и более овальное, чем у Лизендир, волосы темнее. У нее были мягкие полные и чувственные губы и прямой взгляд глаз, цвета моря во время шторма.

Она сказала:

— Я Хветмерлейн. Жаль, что мужа нет дома. Он на виноградниках, и пробудет там несколько лет. — Голос у нее был чистый, прозрачный. — Вы останетесь у нас на этот вечер? Оставайтесь, пожалуйста, я буду счастлива.

И они вошли в дом под деревьями, ужинали и рассказывали свои приключения Хветмерлейн, которая с плохо скрытым изумлением слушала их. Если Хан отклонялся от течения своего рассказа, Устеин или Лизендир поправляли его. К концу вечера Хан заметил, что Лизендир и Хветмерлейн стали более доверчивы друг к другу. Между ними появилась теплота. Он вообще-то сомневался, что Хветмерлейн тепло примет Лизендир: ведь она провела с мужем много лет. Вырастила с ним детей, а теперь сама привела в дом новую жену. В свой дом... Хан пытался вообразить, как же это будет, но не мог.

Они знали, что Лизендир входит в клан Люден, что на синглспиче означает "вино". Хветмерлейн все больше нравилась Хану. Она была

доброжелательная, теплая. И он подумал, что, может быть, Лизендир повезло, теперь ее жизнь наполнилась. Хветмерлейн была довольна, когда узнала, что Хан немного знает синглспич, и настояла, чтобы он и Устеин взяли с собой бутылку ее вина. Она много говорила о мужеТориандасе.

Она подозревала, чтоТориандас ушел на виноградники, чтобы найти ей нового мужа. Видимо, он обладал мрачным юмором, так как перед уходом пообещал отыскать ей самого горького пьяницу.

Устеин громко рассмеялась:

— И что ты с ним будешь делать?

— О, я перевоспитаю его быстро,— ответила она беспечно. — Или выгоню.

Вскоре Хан заметил, что Хветмерлейн уже клюет носом. Да и Лизендир тоже начала зевать. Леры рано ложатся спать. Поэтому они распрощались без особых церемоний и собрались уходить. Лизендир прошла к двери проводить их, а Хветмерлейн осталась чуть позади, чувствуя, что они хотят что-то сказать друг другу. Во дворе было темно, дождь совсем прекратился, и слышался только шум прибоя. Где-то вдали по булыжникам протарахтела телега.

Устеин нарушила тишину:

— Лизендир Люден, я желаю, чтобы в твою жизнь пришло то, что нашли и постараемся сохранить мы.

— Это хороший дом. Я думаю, что приживусь здесь. Я не буду с вами прощаться, так как надеюсь на частые встречи. Я буду видеть вашу жизнь, вы — мою, и мы некоторое время пойдем по жизни рядом.

Она замолчала, прикусив губу, затем порывисто обняла их обоих и побежала в дом. В дверях она остановилась и крикнула:

— Много вам счастья! И побольше детей!

Затем она скрылась в доме.

Устеин и Хан повернулись и пошли домой, вдыхая сырой ночной воздух и слушая шум прибоя. Они перешли каменный мост и пошли одни по темным улицам, погруженные в мысли, изредка касаясь друг друга.

КОСМИЧЕСКИЙ СТАРАТЕЛЬ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Осколок скалы, который одновременно представлял собой залежь, плыл в золотистом солнечном тумане. В одном месте туман светился ярче, в той стороне на расстоянии десятков миллионов миль находилось местное солнце. В другом месте туман был темнее, кое-где, где он становился совсем тонким и в проплешинах мелькали одна-две искорки звезд. Расстояние до них можно было выразить только в световых годах. Вся остальная часть тумана — или мглы — была освещена до однообразности равномерна — и справа, и слева, и внизу, и вверху. Некоторое разнообразие в сцену вносила только скала. В длину она достигала самое большее семьдесят футов, а в наиболее узкой части — пятьдесят футов. Вещество, ее составляющее, за исключением одной единственной вкрапленной жилы материнской породы, представляло собой кристаллическую коричневую субстанцию, некогда яростным ударом отколотую от какого-то большего целого.

Скала плавала в пустоте. Она не падала, потому что вращалась по орбите вокруг планеты, которую скрывала золотистая дымка тумана. Ничто не объясняло ее присутствие здесь, но люди добрались и до нее.

Неровными буквами кто-то пометил эту скалу: "ГХ-37". Буквы и цифры едва можно было различить на расстоянии. А несколько позже некто украсил поверхность новой надписью: "ДК-39", эта надпись частично перекрывала старую. И это было все, что можно сказать об одной стороне скалы.

На другой ее стороне имелись более очевидные следы человеческого присутствия. Имелся прозрачный купол, надежно прикрепленный к скальной поверхности. Диаметр его составлял пятнадцать футов. Сферическая поверхность купола достигала в высоту футов восемь. Сбоку в одном месте была встроена трубчатая металлическая рама, к которой примыкал прозрачный воздушный шлюз. И внутри купола находились предметы, предназначенные только для человека. Здесь находился спальный мешок с капюшоном, кубообразный объект, который был кондиционером воздуха. Имелся штабель резервуаров, во все стороны торчали вентили и шланги. Резервуары были помечены словом "КИСЛО-

РОД". Некоторые ящики, судя по надписям, содержали — или когда-то содержали — запасы провизии.

Но ничто не двигалось на скале. Семьдесят футов на пятьдесят и на сорок, скала обладала массой в несколько тысяч тонн. Она вращалась вокруг некоей неопределенной оси, совершая оборот примерно за десять минут. Все было спокойно.

Это была безымянная скала. Она плыла в туманном вакууме, в космическом облаке пыли, составлявшем громадный светящийся диск, повисший в межпланетном пространстве. Это были кольца Тотмеса, о которых "Галактический Указатель" мимоходом замечал, что это газообразный гигант, четвертая от светила планета системы звезды Нилетус, окруженная кольцами пыли и мелких осколков от распавшихся лун. То есть, в этом отношении она напоминала Сатурн, планету Первой Системы.

Скала с выведенными на ее поверхности буквами и цифрами, все плавала и плавала в световом тумане. Ничто не двигалось. Ничего не происходило. Совсем ничего. Даже то, что лежало в спальном мешке, тоже не шевелилось. И не дышало.

Данн вел свой космоскаф сквозь кольца Тотмеса. Он сердито хмурился. Потому что направлялся он на Отдушину, куда скоро должен был прибыть транспорт-сборщик, а для Данна необходимость этого перелета была сейчас очень некстати. Прибытие сборщика вызывало каждый раз прилив почти истерического веселья, но Данну было сейчас не до того. Только чистая необходимость заставила его покинуть своего партнера, Кииза, который остался на одном из осколков, который они нашли и начали разрабатывать. Там имелась двухфутовая жила абиссальных кристаллов — прямо на поверхности осколка, и было бы безумием оставить такое сокровище без охраны. Конечно, они пометили осколок. Но маркировка особого значения не имела. Хотя они и пометили его своей меткой — "ДК-39" поверх старой "ГХ-37", но в кольцах Тотмеса не существовало понятия законности, и это была еще одна причина для беспокойства. Киизу был оставлен очень ограниченный запас кислорода и никто больше не знал, где он находится.

Но кто-то ведь должен был отправиться на Отдушину за пополнением припасов, а это было только возможно в моменты прибытия транспорта-сборщика. Дорога на Отдушину с того осколка, на котором работали Данн и Кииз, занимала два с половиной дня, и лететь нужно было сквозь золотистый туман, в котором не имелось маяков. Из двух партнеров Данн был более опытным астрогатором. Если бы полетел Кииз, оставив Данна на скале, он мог бы заблудиться и не найти дороги назад, прежде чем у Данна кончился бы кислород. Данн имел гораздо меньше шансов заблудиться. Кроме того, если бы они оба покинули свой осколок, какой-нибудь посторонний старатель мог бы наткнуться на него, пометить

заново своими инициалами и номерами — если, конечно, он был бы готов отстаивать свою находку.

Поэтому Киниз и остался в куполе, который Данн покинул два дня назад и теперь спешил поспеть на Отдушину к приходу сборщика. Им нужен новый запас кислорода. Им нужна провизия и запчасти для горного оборудования. Все это Данн должен был получить на корабле-сборщике, привозившем запасы с Хоруса, следующей от солнца планеты этой системы. При всем при том, Данн должен был следить за тем, чтобы не попасть в ловушку недоброжелательно настроенных личностей, которые всегда рады воспользоваться отсутствием правосудия в Кольцах. Полет от этого становился не только срочным, но и трудоемким, и ничего удивительного, что он хмурился. Нужно было не только взять припасы, но и вернуться обратно к осколку, не приведя "хвоста". Если это ему удастся, то они с Киизом станут весьма состоятельными людьми к тому времени, когда снова придет корабль-сборщик. Но если ему не удастся...

Но другого выхода не было. Он должен смочь. Если повезет, все вообще пройдет совершенно гладко. Но имелись и другие возможности, но они ему совсем не нравились.

Окруженный со всех сторон непроницаемой пеленой пылевого тумана, Данн с трудом мог представлять, что существует в действительности вся остальная Вселенная. Космоскаф плыл в золотом светящемся тумане. Казалось туману нет конца, но Данн знал, что он приближается к Отдушине. Отдушина была большим осколком — летающей горой, крупной частицей неисчислимых фрагментов Колец Тотмеса — и на ней находился местный грузовой космопорт.

Каких-то несколько миллионов или десятков миллионов, или сотен миллионов лет тому назад несколько сателлитов Тотмеса неосторожно вошли в предел Роше — для этой системы спутников. Они были искрошены в пыль гигантскими приливными силами, которым ничто, в буквальном смысле, не могло противостоять. Они развалились. В ходе процесса осколки были перемолоты в мельчайшую пыль, а частью — в гравий, позже отдельные частицы снова слились вместе, образовав более крупные тела — скалы и горы.

Пыль и прочие обломки, оставшиеся от этой древней катастрофы и составляли теперь Кольца Тотмеса. Каждая частица тумана имела свою орбиту, также, как и более крупные тела свою. Каждая пылинка или летающая гора, такая, как Отдушина, мчались сквозь золотую пустоту по своим собственным неизменным дорожкам. Кольца Тотмеса напоминали кольца планеты Сатурн из Первой Системы. И само собой, люди нашли причину, чтобы рисковать здесь своими жизнями.

В случае с Тотмесом причина была проста. Разнообразные объекты, плавающие в кольцах, имели разный химический состав. Некоторые были осколками верхних пород некогда существовавших лун. Некоторые представляли собой куски железо-никелевой руды из коры разрушенных спутников. И местами можно было натолкнуться на осколки, состоящие

из абиссальных наиглубиннейших пород в контакте с такими металлическими жилами. В некоторых абиссальных субстанциях содержались особые кристаллы. Эти кристаллы существовали только там, где имелись планеты или луны. И добраться до них можно было только там, где планеты или луны некогда пережили катастрофу и были раскрошены. Они напоминали по виду обыкновенный леденец, но по сути являлись самым дорогостоящим минералом в Галактике. Только благодаря им были возможны межзвездные путешествия.

Могучие песни кораблей, что достигали самой окраины галактического острова, были обязаны своим существованием особым свойствам абиссальных кристаллов. Они были необходимы для функционирования тяговых генераторов. Без них не существовала бы межзвездная коммерция, исчезли бы многочисленные колонии. Сама Земля превратилась бы в переполненную свалку, где люди не могли бы и шагу ступить, потому что их было бы очень много и всем не хватало бы места.

И вот на одном из солидных размеров осколке Колец, Данн и Кииз обнаружили выход серой материнской породы, в которой очень часто встречались абиссальные кристаллы. Им уже удалось кое-что добыть. И теперь Кииз остался в куполе, чтобы охранять найденное сокровище и заодно добыть еще больше кристаллов, пока Данн вернется. Он оставался один, и это совершенно не нравилось Данну.

Он бросил быстрый взгляд на экран радара. Примерно в миле справа по курсу двигался осколок размером на экране в речную гальку. Не более полудюйма в диаметре — можно не обращать внимания. В трех милях слева плавал объект размером с кулак. Его тоже можно было игнорировать.

Потом вдруг защелкал детектор. Впереди таился объект гораздо больших размеров. Приборы уже проанализировали полученные данные и теперь предоставили право решения Данну. Какой-то объект, еще скрытый в тумане, двигался не в общем направлении осколков в Кольцах Тотме́са. Это была не скала, нет. По размерам это мог бы быть и корабль. И он тоже мог прощупать Данна радарным импульсом. В щелканье детектора данну слышалось негодование.

Он что-то проворчал себе под нос. Данн проворно забрался в скафандр. При этом, пока он облачался в противопустотную броню, он не спускал глаз с приборов.

Высвободив из креплений короткорылую старательскую базуку, стрелявшую специальными капсулами-снарядами и применявшуюся для взрывного бурения и взятия проб породы, он вставил заряды в соответствующие места на поясе скафандра.

Еще раз быстро оглядев циферблаты приборов, Данн направился к воздушному шлюзу. Он присоединил к соответствующему зажиму страховочный фал. Потом закрыл внутренний люк и открыл внешний. Это была обычная процедура взятия пробы с осколка кольца, но одновремен-

но человек, вооруженный базукой, и стоящий в проеме люка своего космоскафа мог представлять собою грозную боевую единицу.

Он вглядывался в сплошную мглу пылевого тумана, освещенного только далеким солнцем. Но вот вырисовался смутный силуэт, некая твердая масса, несующаяся в пустоте. Размерами эта неправильных очертаний масса вполне соответствовала космоскафу. Маленький кораблик — "мул" вполне мог бы за ней укрыться. Если правильно его спрятать.

До обломка оставалось две мили. Данн нажал на спуск базуки. Сделав три первых выстрела, он промахнулся. Крохотные снаряды унеслись в ничто. Здесь, где практически отсутствовала гравитация, они будут двигаться по математически прямым линиям. Когда до скалы оставалась всего миля, снаряд базуки попал в цель. В камне образовались трещины. Скала начала распадаться на мелкие осколки. В цель ударил второй снаряд, потом третий.

Скала словно превратилась в ничто, и теперь было видно, что за ее массой притаился космоскаф. Этот корабль "залег" в засаду. Очевидно он, вернее его владелец, засек эхо работы двигателей корабля Данна прежде, чем детекторы корабля последнего засекли его. Он успел вовремя заглушить двигатели и устроить засаду. Но теперь он превратился в массу-центр сотни осколков взрыва, разлетающихся во всех направлениях. И Данн, недвусмысленно дававший понять, что он может постоять за себя, не спускал его с прицела.

Незнакомый космоскаф ретировался, спасаясь бегством. Данн послал ему последний заряд из базуки и закрыл дверку воздушного шлюза. Открыв затем внутренний люк, он направился к пульту управления. О только что закончившемся инциденте он больше не думал. Не стоило слишком расстраиваться по этому поводу. Ведь это были кольца, и именно в то время, когда удачливые старатели-пустотники везут добытые кристаллы к кораблю-сборщику. И в этот период менее удачливые коллеги готовы пойти на самые отчаянные меры. Данн вычеркнул все произошедшее из головы. Но он продолжал очень тревожиться за судьбу Кииза.

Он изменил курс космоскафа. Он должен вернуться назад, но таким образом, чтобы ни один старатель в Кольцах не смог его выследить. Хотя бы тот же космоскаф, который он только что вспугнул из засады. Нельзя сказать, что многие из самых неприятных типов в Кольцах отличались чересчур воинственным нравом, нет. Но и все же космоскаф, который направляется к Отдушине в период прихода корабля-сборщика зачастую везет достаточно кристаллов, чтобы спровоцировать убийство или несколько.

Итак, Данн приближался к Отдушине. Периодически он менял курс своего корабля — каждый раз при этом он тщательно проверял, не ловят ли детекторы эхо работы двигателей другого космоскафа. И ни одни из космоскафов, которые он успел повстречать на этом отрезке пути не

сделал попытки пересечь его курс — мудрое поведение, которое Данн целиком поддерживал.

Вскоре его коммуникатор поймал одновременно несколько жужжащих сигналов — это было эхо работы двигателей многих космоскафов. Это значило, что Данн приближается к цели назначения. Немного времени спустя он услышал голос, едва еще различимый. Голос весело приветствовал кого-то:

— Добро пожаловать! Кто это там?

Это означало, что какой-то старатель уже успел совершить посадку на Отдушине, и теперь приветствовал другой корабль, приближавшийся к посадочному полю. И Данн уже заранее мог сказать, что сейчас произойдет и что будет происходить потом.

Один космоскаф уже приземлился. Он очень, очень осторожно подошел на дистанцию прямой видимости к Отдушине, с открытым люком воздушного шлюза, в котором стояла фигура в скафандре и с базукой наготове. Можно было бы подумать, что вид Отдушины привел экипаж корабля в замешательство, но это было не так. Все прекрасно знали, как выглядит Отдушина — никелево-железный астероид, летающая гора, некогда составляющая часть ядра разрушившейся луны. В длину она достигала более мили, и формой была под стать ночному кошмару. В грубом приближении, один ее конец напоминал конус, второй — полусферу. Вся ее поверхность была изрыта трещинами, кратерами, пересечена изломами, за исключением одного места.

Имелось здесь одно место, почти идеально гладкая равнина, образовавшаяся, очевидно, в результате касательного столкновения многих миллионов лет тому назад. Все это плоское поле, без какого-либо знака или маяка, могущего дать знать, что нога человека когда-либо ступала на его поверхность и являлось космопортом на Отдушине. И всякий первый космоскаф приближался к предполагаемому месту посадки с максимальной осторожностью. Потом он опускался на металлическую поверхность астероида — причем в таком месте, где никто не сможет подойти к нему незамеченным, с какого-бы направления он не приближался.

Совершив посадку, его экипаж будет ждать. Ждать появления других кораблей. Когда следующий космоскаф превратится в видимую глазом темную частицу в золотом светящемся тумане, корабль, приземлившийся первым окликнет его: — Добро пожаловать! Кто это там?

Данн слышал и вопрос и ответ. Второй корабль назвал себя. Он опустился в другом месте поля, не слишком близко от первого. Потом между экипажами кораблей началась беседа. Поначалу она имела характер сдержанный и пропитанный недоверием. Но люди в каждом из кораблей в течение многих недель не слышали другого человеческого голоса, кроме своего и компаньона. Все жаждали общения с новым человеком.

Еще один корабль. И еще два. И множество остальных! Вакуум в окрестностях Отдушины наполнился коротковолновыми переговорами. Откуда ни возьмись зазвучал смех, посыпались шутки и анекдоты. Некоторые шутки имели бороду такую длинную, что она уходила куда-то во времена докосмической эры. Очень немногие из них были действительно новыми, но люди с готовностью разражались преувеличенно веселым смехом, выдававшем радость по поводу перемены в рутине старательской жизни, наступившей на недолгий срок прибытия корабля-сборщика. Сыпались вопросы. Неужели тот-то и этот-то до сих пор делают то-то и то-то? А неужели этот, как там его?— он до сих пор мучается кошмарами и размахивает руками и ногами во сне? А помнишь, когда...? А кто видел то-то и то-то? А где подевался такой-то? В последний раз его не видно было. Он еще в Кольцах?

Но вопросы такого рода были не из числа приветствуемых. Они не согласовывались с настроением старателей во время очередного прихода корабля-сборщика. Люди с нетерпением ждали момента, когда они смогут выбраться из круглых маленьких кораблей, которые словно тюремные камеры, заключали их в себе в течение многих месяцев. Они не хотели и слышать, что кто-то вдруг исчез. Единственное логическое предположение, которое можно было сделать в таком случае, что эти люди мертвы.

Имелось также негласное соглашение, не интересоваться открыто относительно удачи других старателей. Всякий хвастун просто склонит менее удачливых коллег последовать за ним, когда придет время покидать Отдушину. Им очень даже интересно будет узнать, где это он раздобыл целую кучу кристаллов, за которыми люди рыскают по всей Галактике. Но среди прочих, имелись два традиционных вопроса, которыми встречали каждого новоприбывавшего. Первый — видел ли он гуков? Это считалось почему-то страшно смешным. "Ну что, видел кто-нибудь гуков, а?" Взрыв смеха. Второй вопрос — не нашел ли кто-нибудь Большую Леденцовую Гору? Все это представлялось до чрезвычайности привлекательным для людей, которым не терпелось покинуть наконец коробки космоскафов. Хотя бы на несколько минут.

Данн знал, что все это сейчас происходит внизу, хотя до отдушины сам еще не добрался.

Потом его детекторы поймали басовитое гудение двигателей корабля-сборщика. Звук этого эха отличался от жужжания космоскафов старателей. Корабль-сборщик нес с собой кислород, запасы продовольствия и запасные части для оборудования, но самое главное он означал перемену в тяжелом труде старателей, передышку, возможность ненадолго забыть жизнь такую, как приходилось им вести здесь в Кольцах Тотмеса. Корабль приходил с Хоруса, соседней планеты этой системы.

Эхо его двигателей, низкое басовое гудение, быстро усиливалось. Разговоры старателей в корабликах, приземлившихся на поле космопорта, внезапно прекратились. Данн почувствовал отчаянное нетерпение,

которое испытывали все в этот момент. Ему самому захотелось дать полную тягу на генераторы двигателей, последним бешеным броском достигнуть Отдушины прежде, чем приземлится сборщик. Но он овладел собой. Он слышал, как умолк гул двигателей сборщика, потом снова зазвучал — космический транспорт маневрировал, уравнивая скорость и реактивный момент с вращающейся массой, осторожно приближаясь к Отдушине сквозь светящуюся мглу. Данн тем временем продолжал приближаться к космопорту и наконец на радарном экране появилось нечеткое изображение какого-то крупного объекта прямо по курсу. Точно сказать, что это было, пока не было возможно, но Данн знал все и без этого. Впереди находилась отдушина. Гудение корабля-сборщика прерывалось и возобновлялось с секундными интервалами.

Потом вдруг на долю секунды гудение усилилось — это были включены основные двигатели, и наступила тишина. Из коммуникатора донеслось оживленное бормотание людей в космоскафах. Корабль-сборщик совершил посадку.

Поднялась целая буря веселых вопросов, обрушившихся на сборщик. Какая погода на Хорусе? Победили ли "Пантеры" в финале на всепланетный кубок? Привезли ли они холодного пива? Люди выкрикивали заказы на разнообразные деликатесы, привилегии цивилизованных миров, которые они желали бы закупить: можно было легко представить, что эти люди в деталях предвкушали, как они этот заказ будут делать, а потом получать вожделенные лакомства. Можно было вполне справедливо сказать, что они ждали прибытия этих яств с немеиьшим нетерпением, чем доставки нового запаса кислорода.

Наконец, и Данн начал готовиться к посадке на Отдушину. Несколькими поворотами рукояток тяги реверсного двигателя он уравнял скорость корабля со скоростью астероида. Теперь он парил над полем космопорта, где неровным кольцом цепь космоскафов окружала корабль-сборщик. Его заметили. Его приветствовали не слишком пристойными шутками, на которые горазды были по детски развеселившиеся космические старатели Колец. Кто к нам пожаловал! А почему так поздно? Как насчет встречи с гуками? А ведь он опоздал. Всю еду на сборщике уже распределили. А что нового доносится с Большой Леденцовой Горы? Упоминания об этой сказочной местной Голконде были, конечно, шутками, но не совсем. Потому что где-то в тумане колец действительно находилось нечто, окрещенное Большой Леденцовой Горой, потому что оно отвечало мечте каждого старателя о богатстве и могуществе. Данн знал обо всем этом деле немного больше остальных старателей, потому что его партнер Киниз был племянником того самого Джо Гриффита, который нашел Гору и принес оттуда невероятный груз кристаллов, и вернулся обратно, чтобы принести еще больше, и с тех пор его не видели. Киниз, естественно, держал факт родства в секрете от всех остальных старателей, чтобы не вызвать ненужных подозрений. Каждый подумал бы, что у него имеются какие-то полезные сведения относитель-

но месторасположения Горы и он именно по этой причине явился в Кольца.

Большая Леденцовая Гора была частью местного фольклора. Многие люди верили в нее совершенно серьезно и ловили упоминание о каждой легенде, всякий раз вызывавшей у них обильное слюноотделение в железе мечтаний. Многие верили, но внешне этого не показывали. Но не было таких, что не верили вообще, потому что в основании легенды лежал подлинный факт. И не было такого рудокопа в Кольцах, что не мечтал о том, как он и никто другой найдет неисчислимые сокровища на неизвестном фрагменте Колец, и произойдет это совсем скоро — возможно, уже до следующего прихода корабля-сборщика.

Данн сдержанно назвал свое имя и опустил свой космоскаф за пределами кольца кораблей, окружавших сборщик. Это было не самое лучшее место для посадки. Конечно, он мог видеть отсюда все, что происходило на территории космопорта, но поблизости начинались образования, называемые "деревьями". Это были просто металлические скалы, а не деревья. Но благодаря им человек в скафандре мог бы подобраться к кораблю Данна незамеченным. Но это было единственное удовлетворительное место из еще оставшихся свободными.

Голоса невидимых старателей упражнялись в остроумии. Эй, Данн! Сколько килограммов кристаллов ты притащил? Это была гениальная шутка. Хорошей добычей считался даже грамм кристаллов, а десять граммов — великолепный улов. Добыча целого килограмма даст пищу благоговейным слухам на целый год вперед, если кто-то действительно принесет такое количество кристаллов. И во всяком случае, ни один старатель не станет отвечать на такой вопрос,— всерьез — даже на Отдушине и даже в непосредственной близости корабля-сборщика. Кто-то спросил, как новому партнеру Данна понравилось в Кольцах. Кто управляет кораблем? Вопрос был не случайным — зачастую между двумя напарниками разгоралась целая психологическая война, что было не удивительно, учитывая, что люди проводили месяцы в замкнутом пространстве в обществе только друг друга. Многие начинали ненавидеть друг друга. Иногда один из напарников прилетал на Отдушину и требовал расторжения партнерского контракта — что и производилось на корабле-сборщике. Иногда две пары старателей обменивались партнерами — и зачастую ситуация от этого не улучшалась, как выходило наружу позднее.

Все знали, что партнером у Данна был Кииз. Кииз в Кольцах был относительным новичком. Поэтому и задавали вопросы с подковыркой. Не случилось ли драки? Как Кииз приспособился к жизни в Кольцах? Эй, Кииз! Как идут дела? Этот Данн — нелегкий тип, правда? Говорят, он трясется от страха всякий раз, когда выходит из корабля в скафандре. Ты его заставляй работать снаружи почаще!

Слушать такие разговоры было бы просто нелепо. Все равно, что обижаться на шалости детей. Но в основе их лежало нетерпение людей

поговорить с новым человеком, услышать новый голос. Кииз не отвечал. Он при всем желании не мог этого сделать, поскольку остался на скале, которую они с Данном нашли. Голоса старателей взывали к Киизу, обещая познакомить его со всеми хитрыми штучками и розыгрышами, на которые горазд такой опытный космический рудокоп как Данн. Но Кииза не было на борту космоскафа и он не мог им ответить.

Данн в мрачных предчувствиях опустил корабль на металл посадочного поля и задействовал магнитные якоря. Голоса опять начали требовать Кииза к микрофону.

— Его нет,— коротко ответил Данн.

— А что случилось?— поинтересовались голоса.

— Его нет!— еще раз ответил Данн.

И с опозданием на секунду осознал, что совершил грубейшую ошибку. Лучше было бы ему сказать, что Кииз погиб при несчастном случае, разбив лицевую пластину шлема, когда выходил из корабля наружу. Это не вызвало бы никаких подозрений. Ему могли бы и неповерить, но все прошло бы без последствий. Или если бы даже он сказал, что собственноручно убил Кииза, это никого бы не касалось. Это было бы личное дело Данна. Но он ни в коем случае не должен был говорить, что Кииза нет и не давать более подробных объяснений. Теперь начнутся догадки. Эти догадки могут быть опасно близкими к истине. Каждый сразу заподозрит, что Данн и Кииз нашли богатую жилу и поэтому не могли оставить ее без охраны на время, пока нужно было слетать к кораблю-сборщику за запасом кислорода.

Наступила внезапная тишина. Почти полминуты в пространстве вокруг Отдушины было необычайно тихо. Потом кто-то напряженным голосом что-то сказал о том, что корабль-сборщик напрасно теряет время. К нему присоединились другие голоса. О Киизе все вдруг странным образом словно позабыли. Теперь настала пора делать предположения. Данн понял, какой он совершил промах. Половина, самое меньшее, космических старателей, собравшихся на Отдушине, займется теперь обсуждением проблемы — попробовать проследить обратный путь Данна к Киизу или не стоит. Все они сойдутся на одном — Данн и Кииз нашли сокровища. Некоторые даже назовут его неисчислимым. Еще некоторые решат, что все дело в Большой Леденцовой Горе.

Потом раздался гудящий голос, перекрывший все остальные голоса в коммуникаторе Данна. Это заработал сверхмощный передатчик корабля-сборщика.

— Ну ладно!— с ворчанием заявил голос.— Я больше не слышу других космоскафов. Наверное, все ваши прибыли уже. Займемся делом. Кто совершил посадку первым?

Весело ответил какой-то голос. Он назвал свое имя. Потом другой голос назвал имя, все очень коротко и по деловому. Это был второй приземлившийся космоскаф. Послышались другие голоса. Один голос сказал: "Смадерс". Голоса продолжали называть свои имена в порядке

очередности. Неприятный, словно елейный голос сказала: "Хейн". Когда все ранее прибывшие корабли назвали себя, настала очередь Данна и он сказал коротко: "Данн".

Последовала пауза. Это проверяли список имен. Почту уже, без сомнений, успели рассортировать, ведь люди, у которых имелись жены или родственники, которые могли посылать им письма, поглощали почту с жадностью заключенных в тюрьме. Сама процедура сверки списков не заключала ничего сложного. Нужно было просто сравнить список имен, данный старателями со списком, который сохранялся на сборщике со времени прошлого визита. Списки не полностью совпадали. Некоторые космоскафы не прибыли на этот раз.

По этому поводу не было сделано никаких комментариев. Кто мог сказать или даже знать наверняка, что с этими старателями случилось? Когда космоскаф скрывался в тумане и выходил из зоны прямой видимости, то он в буквальном смысле исчезал. И если что-то с ним случалось, никто не имел обязанности начать расследование или отправиться на поиски. Пропавшие старатели сами купили себе космоскаф, сами прибыли в Кольца, полностью сознавая, что процент смертности среди рудокопов составляет здесь тридцать процентов в год. Планетарное правительство на Хорусе посылало сюда корабли-сборщики, чтобы обеспечить старателей необходимым и забрать добытые ими свер-

хценные абиссальные кристаллы. Но в задачу сборщиков не входило предотвращать или наказывать преступление. Для этого просто не было возможности. Это было даже непрактично. Поэтому Данн горько сожалел теперь, что не сказал, что убил Киниза вместо того, чтобы дать пищу домыслам. В Кольцах ни один правительственный чиновник не высовывал носа дальше брони корабля-сборщика. Зато нездоровому любопытству пределов не было.

— Хорошо!— сказал гудящий голос с корабля-сборщика.— Тогда приступим!— И он прочитал первое имя — первое имя в списке.— Мы тебя ждем!

Пауза. Потом фигура в скафандре выбралась из космоскафа. Человек нес пакет. Он направился к громаде сборщика, крепко ступая по относительно ровной поверхности металлического поля. Магнитные присоски на подошвах позволяли ему шагать так уверенно. Из люка сборщика спустился трап. Человек взобрался по его ступенькам и на несколько минут скрылся внутри космического транспорта. Потом вышел обратно наружу и не спеша направился к своему космоскафу.

Голос со сборщика прогудел второе имя. Другой человек покинул свой кораблик и исчез внутри сборщика. Он тоже нес пакет. Обратно он вышел с пустыми руками и вернулся на космоскаф. Экипаж за экипажем, по мере того, как чиновник со сборщика называл имена, уходили на сборщик и возвращались уже с пустыми руками, оставив свои пакеты на борту гостеприимного транспорта.

Человек, который назвал себя Хейн, направился к сборщику, неуклюже переступая ногами, казалось, у него что-то не в порядке с магнитными подошвами, они как-будто были намазаны клеем. Потом пошел другой человек, который называл себя Смайдерсом. Потом Данн ответил на вызов со сборщика и сам направился туда — он был последним, потому что последним прибыл в космопорт. Он передал пакет с кристаллами чиновнику-приемщику. Эти кристаллы были мировой осью всех событий в Кольцах. Данн подал официальное заявление о том, что он и его партнер Кииз нашли скальный фрагмент, маркированный так-то и так-то, но судя по всему, покинутый прошлыми хозяевами.

Они нанесли на камень собственные инициалы и начали разработку.

— Ясно!— сказал клерк и занес данные в журнал.— Я помню тех ребят.— Он имел ввиду бывших владельцев скалы.— Вроде все у них хорошо шло, а потом они просто не вернулись назад и все.

— Есть почта?— спросил Данн.

Сам он писем не ждал, но для Кииза должно было бы быть. На Хорусе у него была сестра, о которой он очень заботился. Если бы с кораблем-сборщиком не пришло очередное письмо, Кииз начал бы волноваться. Поэтому Данн попросил проверить почту второй раз. Но письма для Кииза не было.

Данн подал свой заказ на кислород и другие материалы. Все будет подготовлено очень быстро. Он отправился на свой кораблик.

Последовала небольшая пауза, без особой на то надобности, и наконец голос с корабля-сборщика спросил:

— Кто еще? Все?

Это делалось на тот случай, если вдруг какой-нибудь космоскаф запоздал и только еще приближается к Отдушине. Они могли поймать вызов корабля-сборщика на довольно приличном расстоянии. Но за вопросом последовала тишина. Опоздавших космоскафов не было. Тогда человек на сборщике сказал сухо:

— Ладно, парни. Добро пожаловать на борт. Готовьте денежки!

За этим мгновенно последовал взрыв активности по все территории космопорта. Люди выскакивали из своих космоскафов и спешили к сборщику с Хоруса. Тишине пришел конец. Они переговаривались через шлемофоны не менее веселым образом, чем перед посадкой транспорта. Они соскучились по разговору с новым человеком. Они жаждали перемены обстановки, им до смерти наскучили собственные герметические купола и каюты космоскафов. В каждом кораблике прибыло по два человека, не считая Данна и Смайдерса.

Старатели гурьбой поднимались по трапу транспорта. Они были словно маленькие дети, покидавшие школу после конца уроков. Они весело переговаривались. Веселее всего были те, кто получил письма. Старатели заполнили большой грузовой шлюз, в котором было достаточно просторно для всех и воздух был выкачан оттуда заранее.

Это было необычно — в космоскафах имелись только крохотные индивидуальные шлюзы, где с трудом могли бы разместиться два компаньона. Теперь же они сгрудились посреди громадного зала грузового шлюза и наружный люк начал задвигаться. Потом через клапаны пошел воздух, холод вакуума конденсировал содержащуюся в нем влагу и шлюз наполнился белесым туманом. Потом распахнулся внутренний люк и они оказались внутри транспорта. Это событие было встречено восторженными возгласами.

Процедура была стандартной. Все они давно к ней привыкли, проходя ее не один раз в прошлом. Но в обычной своей жизни — жизни рудокопа Колец Тотмеса — они не имели возможности получить нечто подобное, и поэтому наслаждались каждой секундой долгожданного праздника.

На столах их уже ждала их еда. Там были белые скатерти и серебряные приборы. Сияли бокалы. Генераторы искусственной гравитации создавали поле притяжения немного более слабое, чем то, к которому они привыкли в своих космоскафах. Сняв неуклюжие вакуумскафандры, каждый чувствовал себя необыкновенно легко. Все было рассчитано на создание эйфорического настроения. Только теперь, когда пришел в Кольца корабль-сборщик, старатели могли вдруг ощутить себя в мире материализовавшейся мечты. Если бы не корабли-сборщики, они могли бы и позабыть, ради чего они рискуют жизнями, они могли просто деградировать или сойти с ума. Но теперь они снова могли почувствовать себя детьми на рождественской елке.

Данн тоже ощущал на себе эту тягу к экстравагантному поведению, подобно всем встречавшим транспорт, но его партнер оставался в пластиковом куполе, за многие сотни миль пылевого пространства, ожидая пока он, Данн, вернется. Не забывай об этом, напомнил он себе. Их скалу уже однажды обнаружила пара рудокопов, и пометила своим маркером — "ГК-37", это произошло, как свидетельствовали цифры, обозначавшие дату, два года назад. И с тех пор эта пара словно растворилась в пустыне Колец. Потом скалу нашли они, Кииз и Данн и пометили ее "ДК-39". Теперь в задачу Данна входило благополучно вернуться назад с запасами кислорода и провизии, пока Кииз охраняет их находку от непрошеных искателей богатств. Если Данн не вернется или вернется не вовремя, Кииз умрет. У него кончится кислород. Данн не должен был ни на секунду терять это обстоятельство из виду. Что он и делал.

Экипажи космоскафов набросились на приготовленные угощения.

Они наполняли бокалы и осушали их единым залпом. Они поглощали еду. Находясь в полевых условиях, они почти забывали о свежей пище — фруктах, овощах, мясе. Запасы подобной пищи занимали бы слишком много места на и без того тесных космоскафах, к тому же их перевозка с Хоруса обходилась бы неимоверно дорого. Поэтому корабль-сборщик давал старателям настоящий, хотя и единственный банкет. Это помогало людям выдерживать жизнь и работу в Кольцах, и потому было выгодно

для правительства Хоруса. Солидная часть бюджета этой планеты добывалась людьми, живущими в космоскафах и работающими в Кольцах. Ибо кристаллы, которые здесь добывались, позволяли грузовым транспортам соединять созвездия в единый коммерческий организм, именно они давали возможность пассажирским лайнерам наполнять вакуум межзвездного пространства пением электромагнитного эха своих двигателей, уносясь к самой границе Галактики.

Данн ел и пил. Но он не чувствовал обычного удовольствия. Он совершил грубейшую ошибку, не придумав предлога, объяснявшего отсутствие Киниза. Ведь мог же он сказать, что Киниз погиб, этого было бы достаточно! А теперь он посеял подозрение, и избавиться от любопытных глаз будет очень не просто.

На корабль-сборщик он доставил всего две пригоршни кристаллов. Под их цену он заказал новый запас кислорода, воды и провизии, а также принадлежностей, необходимых для горных работ. Все это было доставлено сюда с Хоруса. Теперь он ждал возможности начать обратный путь. Но все остальные кольцевые обитатели чувствовали себя в самой лучшей тарелке. Можно было подумать, глядя на них, что само просторное помещение сборщика сделало их пьяными, не говоря уже о запахе гидропонной оранжереи, витавшем в воздухе, о возможности перечитывать письма и вдосталь болтать с новыми людьми.

Говорили все, действительно, больше обычного, все сразу и на пределе голосовых возможностей. Все преувеличенно горячо жестикулировали. Все считали нужным пошутить хотя бы один раз — в основном, касательно гуков, но это никого не беспокоило. Они обсуждали вопрос поиска Большой Леденцовой Горы. И они то и дело позволяли своим глазам удостовериться, что Данн под шумок не выскользнул из-за стола. Они пели песни — сразу несколько сразу. Они набивали желудки. Все они словно слегка сошли с ума. Но ни один из них не был настолько глуп, чтобы даже среди веселья похвастать количеством кристаллов, привезенном на сборщик. Ни одни из них не дал сорваться с языка даже легчайшему намеку, который позволил бы определить, где они сейчас работают.

Один Данн сидел молча. Он совершил ошибку и теперь сознавал, что за каждым его движением следят десятки глаз. Сложность его проблем многократно увеличилась всего лишь из-за простой небрежности в разговоре.

Некоторое время спустя к Данну подошел корабельный офицер. Он, стараясь не привлекать особого внимания, подал Данну знак и отошел в сторону. Данн, выждав минуту или две, последовал за ним.

Офицер сборщика ждал его за первым же люком. Он пристально осмотрел Данна, когда тот покинул "банкетный зал".

— Ваше имя Данн?

— Да,— сказал Данн, настораживаясь.— В чем дело? Все все-таки нашли почту для меня?

— Нет. У вас был напарник по имени Кииз,— сказал офицер,— где он?

— Он остался там, где мы сейчас работаем,— сказал Данн. С офицером сборщика можно было разговаривать без опасений. Это были проверенные надежные люди. Об этом заботилось правительство Хоруса. Старатели должны были знать, что на офицера сборщика можно было положиться.

Офицер сказал с ноткой скепсиса в голове:

— Послушайте! Здесь в Кольцах законов нет. Вы это знаете не хуже меня. Если он мертв...

— Он жив,— раздраженно сказал Данн.— Мы нашли скалу. На ней уже работали до нас, но теперь она была покинута — те парни погибли, или еще что-то с ними. Во всяком случае, теперь на ней работаем мы. Можете это проверить — я привез с собой две пригоршни кристаллов. Наша жила слишком богата, чтобы ее можно было оставить без охраны. Кто-нибудь мог на нее наткнуться. Если бы сюда полетел Кииз, он мог бы не найти дороги назад. Поэтому полетел я. Я могу его найти и найду. Мне все это было не по душе, но что еще оставалось делать?

— Проклятье!— раздосадовано воскликнул офицер.— Вы что-нибудь знаете об этом человеке, Киизе?

— Он мой партнер,— сказал Данн. Люди, которые проводили вместе недели или месяцы, изолированные от всего остального мира, имели все возможности хорошенько узнать своего напарника.

— Его сестра...

— Я отправил ей письмо. Я опустил его в ящик. Когда заказывал кислород и запасы. Его написал Кииз и я отправил.

— Я знаю,— сказал офицер. Он вздохнул.— Она его прочитала. И теперь хочет поговорить с вами.

Данн молча смотрел на офицера. То, что он услышал, было совершенно невозможно. Женщины не посещают Колец! Он сказал сердито: — По вашему, это очень смешно?

— Она прилетела с этим рейсом, чтобы повидать брата. Естественно, она купила билет в обе стороны.

Каждый, кто направлялся в Кольца, платил за проезд в обратную сторону, даже если это был будущий старатель. Это было условие, с которым нужно было считаться, если вы имели дело с кораблями-сборщиками.

— Что за чушь!— с бешенством сказал Данн.— Это безумие! Какого черта...

— Она хотела повидать брата — без всякой симпатии сказал корабельный офицер.— Он должен ведь был прилететь сюда вместе с вами. Если бы он был здесь, ничего ненормального здесь не было бы. Поскольку его здесь нет, она хочет поговорить с вами. Вот так.

Он провел Данна сквозь люк в герметической переборке, потом через еще один люк и еще. Корабли дальнего следования отличались простор-

ностью, потому что размеры не имели решающего значения в космосе — только масса принималась в расчет. Создайте легкую конструкцию и пусть она будет какого-угодно размера. Но космоскафы строили миниатюрными — для сохранения высокой маневренности.

Это был пассажирский зал. Обстановка была просто роскошная, но Данн даже не оглядел комнату. Он уставился на девушку, которая ждала его. Он узнал ее по фотографии, которую давал ему Кииз. Это была Найк, сестра Кииза. На лице ее читался испуг. Она явно перенервничала и напряжение до сих пор не отпускало ее. Ее глаза почти с отчаянием заметались по лицу Данна.

— Мне очень жаль,— сказал Данн.— Ваш брат должен был прилететь вместе со мной, но мы оба решили, что кто-то должен остаться на скале, которую мы нашли. И он не был уверен, сможет ли найти обратный путь без меня. Поэтому я прилетел один.

— Я... мне нужно было с ним поговорить,— неуверенно сказала девушка.— Мне... мне просто необходимо!

Данн сунул руку в карман. Он вытащил чек, который ему выдали за привезенные кристаллы.

— Слушайте,— сказал он,— это заменяет здесь деньги. Ваш брат и я имеем некоторый счет в Абиссальной Минеральной Компании. Я могу вам выписать чек, который они оплатят и вы купите билет на следующий сборщик. То есть вы сможете сейчас вернуться на Хорус и прилететь со следующим рейсом. К тому времени ваш брат уже будет ждать здесь вас. Вы согласны?

Найк была очень бледна. Она покачала головой.

— Нет. Я не могу ждать. Я должна увидеть его как можно скорее. Сейчас.

— Сейчас он в двух с половиной днях пути отсюда,— сказал Данн.— И сборщик не станет ждать, пока я слетаю и привезу его.

Найк проглотила комок в горле. В руке она сжимала письмо, которое едва час назад отправил для нее Данн. Кто-то нарушил все правила, выдав ей это письмо прямо здесь.

— Брат очень хорошо писал про вас,— сказала она дрожащим голосом.— Очень хорошо! Я знаю, чтобы он сказал мне, если бы знал, что я здесь. Поэтому...я полечу вместе с вами. К нему. У меня нет выхода!

— Нет,— сказал Данн.— Брат никогда не посоветовал бы вам ничего подобного. Только не полет в Кольца! Впрочем я все равно вас не возьму. Вам придется сделать так, как я сказал. Возвращайтесь домой, прилетайте со следующим рейсом и я доставлю вам вашего брата живым и невредимым.

— Но я должна с ним поговорить именно сейчас. Я должна!

— А мне думается, что совсем наоборот,— мрачно сказал Данн.— Вот вы лучше послушайте. Вы говорите, ваш брат мне доверяет, так? Значит он вполне доверил бы мне передать сестре верный совет, так? Разве не думал бы он, что я дам его сестре тот же совет, что и он сам?

— Да, но...— она смотрела на него с тем же отчаянием на лице.— Но дело в том... что мне нужно повидать брата. Очень нужно!

— К сожалению, нет такой возможности.— Данн нахмурился. Он принял решение.— Я остаюсь на сборщике, пока не будут готовы мои заказы. Это примерно еще около часа. Вы напишите брату письмо, и я его передам. А пока я договорюсь относительно вашего следующего прилета. Пока вы будете в дороге, брат решит, чем вам помочь, и когда вы вернетесь со следующим транспортом, он уже будет встречать вас и скажет, что вам делать. Это все, что я в силах для вас сделать. И ничего сверх я и не подумаю предпринять!

— Но это вопрос жизни и смерти! -Девушка судорожно сцепила пальцы.— Поверьте мне!

— Я же вам сказал, ничего больше вам не остается,— ответил Данн.— Я должен вернуться к своему напарнику, от этого зависит его жизнь. Но вас я с собой не возьму. Я знаю, вы его сестра, я видел ваше фото, и я готов оказать вам любую помощь, но только в Кольца и не просите вас взять. Я не соглашусь!

Он повернулся на каблуках и вышел из каюты. Он вернулся в зал, где рудокопы-кольцевики веселились в редком ощущении расслабленности, которое им давало сознание того факта, что они могут провести почти целый час, не ожидая каждую секунду тревоги и при этом не опасаться за собственную жизнь ни в малейшей степени.

Но нервы у Данна расходились. Он и без того чувствовал необычное напряжение, еще до того, как прибыл на Отдушину, а теперь положение только ухудшилось. Он горько пожалел, что оставил Киниза одного. Лучше уж было рискнуть потерять находку, чем попасть в такую затруднительную ситуацию, в какую он влип сейчас.

На сборщик он привез две полных пригоршни кристаллов. Если добавить эту сумму к уже накопившимся на их счету деньгам, то это составит приличное состояние. Даже если учесть, что они делят деньги с Киизом, а Киниз потом поделится с сестрой — таково было его намерение — то и тогда сумма будет далеко не мизерной. Киниз мог бы покинуть Кольца и позаботиться о сестре. Сам Данн знал, что Колец он не покинет, но Киниз мог это сделать. Ему следовало бы это сделать.

Эта девушка... Космоскафы были чисто функциональными, неуютными машинами, рассчитанными на экипаж из двух человек и предназначенными для поиска скальных объектов в золотом тумане Колец. Попав в космоскаф и отправившись в Кольца, пути назад уже не было — до прибытия следующего сборщика. И единственная мечта, которая помогала людям преодолеть сводящую с ума тесноту и тяжелую работу — это была мечта найти Большую Леденцовую Гору и разбогатеть. И именно эта мечта — поскольку все начали сейчас подозревать Данна в том, что они нашли Гору, создала ситуацию, когда сестре Киниза лучше бы было не появляться в Кольцах.

Рудокоп в старом засаленном комбинезоне подсел к Данну. Данн знал этого человека, его звали Смайдерс. Все считали, что он не совсем в своем уме. Он был единственным рудокопом в Кольцах, который работал в одиночку. Когда-то у него тоже был напарник, но куда-то пропал и с тех пор Смайдерс работал исключительно один. Смайдерс утверждал, что его напарника убили гуки, и что он должен отомстить им за него. У него была поэтому единственная тема для разговора — гуки, он мог говорить об этом с кем угодно, лишь только бы он согласился слушать. Наверное в перерывах между приходами сборщика он разговаривал сам с собой.

— Они стали вести себя потише сейчас,— возвестил бедняга посреди всеобщего веселья.— Сначала они были просто бешенные, но теперь немного потише стали.

Данн кивнул. Вот еще один пример того, что работающие в одиночку старатели потихоньку сходили с ума. Данн едва не заскрипел зубами. Как он мог дать такую промашку! Теперь еще нужно ждать, пока подготовят его заказ, и получит он его самым последним — в порядке очереди.

— Ты слышал,— спросил Смайдерс Данна,— в прошлый раз один парень, его Сэм звали, говорил мне, что видел гуков. Сначала он их услышал. У них двигатели не гудят, как наши. Они делают так: твит... твит... твит...— Он важно кивнул.— Да, этот парень Сэм сначала их услышал. А потом он увидел корабль гуков. Они приближались к нему. Тогда Сэм поскорее дал деру. Да, это был корабль гуков!

Потом Смайдерс немного помолчав, добавил, еще более зловещим тоном: — И на этот раз Сэм не прилетел. Гуки до него добрались! Слушай, мы должны что-то делать с гуками.

Данн опять кивнул головой, не обращая особого внимания на сумасшедшего. Скорее всего кто-то нехорошо пошутил над Смайдерсом в прошлый раз, а Смайдерс этого и не понял. Слухи о гуках постоянно ходили среди старателей. Само словечко появилось здесь же, в Кольцах, и означало что-то вроде "привидения". Коммуникаторы кораблей время от времени ловили электромагнитное эхо, которому не было объяснения, но это еще не означало, что в Кольцах скрываются иные разумные существа. Предполагалось, что гуки являются обитателями Тотмеса, и некоторые люди верили, что гуки умеют строить космические корабли и отправляются в Кольца, чтобы шпионить за деятельностью людей и время от времени похищать неосторожных старателей. Но достоверных данных об этом не было.

Планета, чтобы на ней возможно было зарождение разумной жизни, должна иметь в своем составе необходимое минеральное "сырье". Но Тотмес, судя по его гравитационному полю, по плотности не превышал водяную сферу того же размера. Это исключало реальную возможность существования гуков. Даже, если допустить, что под слоем кипящих облаков имелось твердое ядро, то мир на поверхности Тотмеса должен

был представлять ледяную пустыню, где замерзает газ. Жизнь не могла зародиться там!

Человек в замасленном комбинезоне продолжал с неожиданной страстью:

— Послушай! Вы нашли Большую Леденцовую Гору! Думаешь, ты удержишь это в секрете? Наверное, ты оставил Киниза там, чтобы он стерег находку. Но тут повсюду шныряют гуки. Все компанией мы справимся с ними. Но если ты попробуешь один...

— Никакой Горы мы не находили!— сказал Данн.

Смайдерс игнорировал это заявление. Он твердо стоял на своем:

— Не забывай, что случилось с Джо Гриффитом. Он тоже нашел гору! Это все знают. И на Хорусе уже копятся миллионные проценты. Но что с ним случилось? Его накрыли гуки, вот что с ним случилось! А теперь ты и Киниз нашли эту Гору. Если ты не возьмешь на подмогу нас всех, чтобы мы помогли отбиться вам от гуков, знаешь, что с тобой случится?

— Мы никакой Горы не находили!— сказал Данн.

— Ты лучше,— зловеще посоветовал Смайдерс,— ты лучше возьми нас на подмогу. Там ведь на всех хватит. А если попытаешься сам все заграбастать — пуф! И больше никто тебя не видел. Гуки не допустят людей к Горе, пока могут. Расскажи лучше все по-честному, и две дюжины ребят пойдут с тобой охранять Гору, и тогда мы отобьемся от всей армии гуков. А если нет — то гуки до тебя доберутся, рано или поздно. Это точно! Доберутся!

— Я же сказал тебе, не находили мы Гору!— в третий раз повторил Данн.— Ничего мы не находили.

Глаза Смайдерса блеснули, он заметил с хитрецой:

— Значит, это не корабельный офицер уводил тебя на переговоры? И он не пытался выяснить, где находится Гора, которую вы нашли? А? Просто вам немного повезло и ты притащил сюда достаточно кристаллов, чтобы продержаться до следующего транспорта. Да? Но только отчего это корабельный офицер не приглашал еще кого-нибудь на личную беседу? Только тебя! Послушай, что я тебе говорю: в Кольцах полно гуков, а вокруг Большой Леденцовой Горы и подавно! Без нас всех вам с ними не справиться!— Что говорил тебе офицер? Разве не то же самое?

Данн стиснул зубы. И тут еще эта девушка! Великий Космос! Если они только узнают, что на борту сборщика прилетела девушка, это будет похуже, чем подозрение Данна в открытии Горы. И без того, словно пьяные, лишь от того, что на час смогли выбраться из космоскафов, рудокопы уже пришли почти в исступленное состояние. Если они узнают, что на борту девушка...

— Ты лучше сам признайся! С гуками шутки плохи!— предупредил Данна Смайдерс.

— Никакой Горы мы не видели и в глаза,— устало сказал Данн,— и провались ты в преисподнюю.

Плюнув, Смайдерс ретировался. Позже, Данн видал, как тот отводил в угол других рудокопов. Он явно решил организовать заговор против Данна, собрав всех людей, которые решили не спускать с Данна глаз и выследить, где находится вожделенная Гора.

Время шло. Смайдерс переходил от старателя к старателю. Все слушали его терпеливо, но никто не принимал его болтовню всерьез. И все же образовалось две групки людей, которые утолив первый голод и жажду, занялись — в чем Данн не сомневался — обсуждением самого горячего вопроса о том, что Данн и Кииз наверняка нашли Большую Леденцовую Гору.

Время от времени подходил корабельный офицер и трогал одного из старателей за плечо. Это означало, что его заказы готовы к отправке. Старатель и его напарник покидали зал. Каждый спешил поскорее стартовать с Отдушины, пока не будет готов к вылету следующий космоскаф. Но теперь, со злостью подумал Данн, вполне вероятно, что они притаятся где-то поблизости и будут ждать его. Он начал лихорадочно искать пути сбросить "хвост".

Пара за парой, старатели покидали корабль-сборщик. Ладно, подумал Данн. Он совершил ошибку, это целиком его вина. Но Найк — тут он не причем! Ее он не обязан брать с собой в Кольца и не возьмет! Его очень беспокоит Кииз, но сестру его он с собой не возьмет ни за что!

— Внимание!— ожил настенный коммуникатор.— Кто-то вышел на взлетное поле! Если хотите проверить свои корабли, шлюз готов вас принять!

В мгновение ока от праздничного настроения не осталось и следа. Старатели облачались в вакуум-скафандры со скоростью, на которую никогда не были способны в обычной обстановке. Данн слышал, как седоголовый Смайдерс ругался себе под нос: — Это гуки! Гуки напали! Они решили выжить нас из Колец!

Данн не обращал на него внимания. Стремительно облачившись в скафандр, он оказался в первой десятке людей, вбежавших в грузовой шлюз.

Задвинулся внутренний люк, и тут же открылся наружный. Наполнявший шлюз воздух в один миг вихрем покинул камеру. Люди выпрыгивали наружу. Каждый тут же включал аварийный ракетный двигатель скафандра. Как правило, ими пользуются только в крайних ситуациях, когда, например, рвется соединительный фал и человеку приходится использовать реактивную тягу, чтобы добраться до корабля.

Словно стая птиц, они понеслись над полем космопорта, каждый к своему кораблю.

Вдруг Данн услышал щелчок электрического детонатора.

Яростный взрыв разнес его собственный космоскаф на мельчайшие осколки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Небольшой круглый космоскаф буквально испарился, превратившись в облако стремительно разлетающихся осколков, некоторые из которых унеслись в пустоту со скоростью ружейных пуль. На гладкой поверхности взлетного поля не осталось ничего — слабая гравитация астероида не в состоянии была удержать даже небольшой осколок.

Данн опустился на поверхность скалы в том месте, где стоял его кораблик. Магнитные присоски подошв удерживали его на металлической поверхности. Можно было видеть, где произошел взрыв, потому что в этом месте зеркально-гладкий металл слегка окислился под воздействием пламени взрыва корабельного запаса горючего.

До боли стиснув зубы, Данн с отчаянием осматривался, надеясь обнаружить хоть какую-то улику, позволившую бы определить, кто взорвал его корабль и зачем. Но найти ничего не мог. Что было вполне естественно.

Другие старатели продолжали тем временем получать заказанные запасы и отправляться по своим маршрутам. В другом месте, где существовал бы закон, было бы произведено расследование, были бы допрошены свидетели, сделаны определенные выводы относительно виновности или невиновности подозреваемых. Но здесь никто не имел права производить расследования. И никто не имел права наказывать виновного.

И поэтому все шло как ни в чем не бывало, снова распахнулся люк грузового шлюза. Два человека вытащили наружу связанный канатами контейнер с баллонами кислорода и ящиками провизии и воды. Такой контейнер мог вместить тонну, но здесь это не имело особого значения, два человека легко с ним управлялись. Удерживаемый магнитными подошвами на поверхности металлического астероида, один из старателей потащил контейнер к грузовому люку космоскафа, его напарник распахнул люк. Груз был помещен и закреплен. Космоскаф стартовал.

Один за другим, старатели загружали свои космоскафы и покидали Отдушину. Но вряд ли все космоскафы действительно уходили по своим маршрутам. Взрыв корабля Данна еще более усилил их подозрения. Данну теперь придется заключать сделку с одним из экипажей — они доставят его к месту работы — а все остальные смогут за ними последовать. Поэтому, спрятавшись в золотом тумане Колец, они ждали дальнейшего развития событий.

Данн уже решил, что он предпримет, но пока не подавал виду, продолжая кружить около места взрыва, как будто не в состоянии был поверить в то, что случилось.

Один за другим космоскафы покидали космопорт. Вдруг в наушниках коммуникатора Данна загудел голос с корабля-сборщика:

— Вызываем Данна! Вызываем Данна!

— В чем дело?— проворчал Данн.

— Как у вас с кислородом?— спросили с корабля.— Вы снаружи уже довольно долго.

Данн проверил индикатор кислородного баллона. В космосе человеку не нужно тащить с собой всю газовую смесь, которая составляет воздух планет. Он дышит чистым кислородом, но на пониженном давлении, что позволяет выигрывать в весе баллона.

— Все в порядке,— проворчал он.— Я сейчас вернусь на борт. Я обдумываю ситуацию.

Послышался щелчок, шум несущей волны затих, но тут же возобновился вновь.

— Данн?

— Что?

— Мисс Киниз спрашивает, не заплатите ли вы команде одного из космоскафа, чтобы они подобрали ее брата и доставили сюда, поскольку вы теперь не можете этого сделать. Вы заплатите?

Данн едва сдержал стон. Теперь все старатели знали, что на борту сборщика сестра Киниза.

— Скажите, что нет,— процедил он.— Я сам справлюсь!

Из грузового люка появилась очередная фигура в скафандре. Связанные проволокой баллоны. Пища и вода. Топливо. Заряды для базуки. Реактивные буры. Фигура двигалась слегка покачиваясь. Это явно был Хейн, что Данн сразу отметил про себя. Напарник Хейна занялся погрузкой запасов в космоскаф, а сам Хейн, покачиваясь, направился к Данну, выключив на ходу коммуникатор. Приблизившись, он ухмыльнулся сквозь прозрачную пластину шлема.

Он сделал условный знак рукой и Данн нехотя принял приглашение на разговор. Они коснулись шлемами друг друга. Качество передачи звуков из шлема в шлем оставляло желать лучшего, но по крайней мере, их теперь не могли подслушать.

— Плохо дело!— сказал Хейн.— Ты знаешь, кто это сделал или почему?

— Могу догадаться, почему,— свирепо сказал Данн.

— Кто-то — донесся тонкий голос из другого шлема,— знает, что вы нашли и где это искать, а?

Данн несколько секунд молчал. Потом он сказал: — Мы никакой Горы не находили.

— Хорошо,— вкрадчиво сказал Хейн.— Возьми нас в долю, и мы доставим тебя к тому, что вы нашли. Тебя и девушку и припасы. Мы высадим вас. Мы поможем поставить купол. Потом, на обратном пути мы вас подберем и доставим на Отдушину к приходу следующего сборщика. Тебя, девушку и Киниза.

— Отчего такая щедрость?— холодно поинтересовался Данн.

— Это сделка,— сказал Хейн.— Мы возьмем за это половину найденных кристаллов. Половину.

Это было приемлемое предложение. Если бы это сделал кто-то другой, его можно было бы назвать даже привлекательным. Но Хейн настаивал на поисках Большой Горы, значит, он мог знать, что в действительности нашли Данн и Кииз. И не было гарантии, что он выполнит свое обещание. В Кольце не действуют законы. Только уважение к собственному честному слову могло заставить человека сдержать обещание, в случае если нарушение условий могло принести ему немалую выгоду.

Но Хейн добродетелями не отличался. Кроме того, оставалась еще эта девушка, Найк. Ее никак нельзя было пускать на корабль к Хейну.

— Нет,— сказал Данн.

Больше он ничего не добавил. Лицо Хейна за стеклом шлема скривилось в гримасе. Он пошел прочь. Его напарник уже успел за это время погрузить припасы в грузовой отсек космоскафа и, подойдя к нему, Хейн начал переговариваться, коснувшись шлемом его шлема. Этот разговор Хейн тоже хотел удержать в секрете, и не только от корабля-сборщика и других старателей, но и от Данна.

Потом Хейн направился к сборщику. Поднявшись по трапу, он скрылся за люком шлюза, а его напарник продолжал готовить космоскаф к старту.

Повинуясь безотчетному импульсу, Данн проводил Хейна взглядом. Найк очень нужно найти брата. Случилось нечто чрезвычайное, иначе она бы не решилась просить Данна помочь ей добраться до него. Но она так же не осознавала, насколько такое путешествие опасно. Ей ведь никогда не приходилось бывать в таких местах, где не существует законопорядка. Опасности такой обстановки достаточно серьезны даже для мужчин. Но она рискнула довериться Данну. И теперь, когда он отказался помочь ей, не попытается ли она заключить сделку с Хейном?

Данн двинулся к кораблю-сборщику. Он заметил попутно, что напарник Хейна уже начал задраивать грузовой люк космоскафа.

Хейн показался из пассажирского люка сборщика. За ним виднелась еще одна фигура, облаченная в скафандр. Хейн с преувеличенной заботой помог этому человеку спуститься по трапу. Всякий, кто впервые пользуется магнитными подошвами в почти нулевой гравитации, обречен на временную неуклюжесть движений.

Данн подпрыгнул, включив одновременно свой реактивный пояс. С щелчком подошв о металл поля он приземлился лицом к лицу с Хейном. Включив коммуникатор скафандра, он сказал холодным тоном:

— Ну нет, это у тебя не получится! Найк, немедленно вернитесь на корабль корабль. Хейн, убирайся в свою жестянку и проваливай отсюда ко всем дьяволам!

Хейн поднял руку, включая свой собственный коммуникатор. Данн внимательно наблюдал за ним. Вдруг глаза Найк расширились и Данн быстро повернулся так, чтобы между ним и космоскафом Хейна оказался

сам его владелец. Напарник Хейна выглядывал из шлюзового люка, наперевес держа базуку на перевес.

— Если твой напарник нажмет на спуск этой штуки,— сказал Данн,— он разнесет тебя самого на куски, прежде, чем пуля доберется до меня.

— Но она хочет найти своего брата!— запротестовал Хейн.— Ты не захотел ей помочь! Поэтому она попросила меня! Почему бы и нет?

В голосе Данна слышался мертвящий металл:

— Потому, что если ты знаешь, куда ей нужно лететь, значит, это ты взорвал мой корабль! Если ты знаешь, где искать ее брата, значит все, что тебе нужно было сделать — это уничтожить мой корабль и спокойно прибрать к рукам нашу скалу!

Он знал, что на сборщике все это слышат. Радиус действия коммуникаторов в скафандрах составлял несколько миль.

— Что скажешь?— процедил Данн.— Если ты знаешь, где искать ее брата — скажи, что это правда!

Ствол его оружия смотрел Хейну прямо в живот. Конструкция оружия была весьма древней, но эффективной. Пулевые пистолеты оказались самым надежным оружием в огневой схватке за владение жилой кристаллов. Бластеры были менее удобны и кроме того постоянно самопроизвольно разряжали свои энергорезервуары.

Данн ткнул стволом в живот Хейну.

— Куда ты собирался ее отвезти?— потребовал он.— Куда? Говори!

Голос Хейна сорвался на визг.

— Я... я думал начать поиски,— простонал он.— Я... я ведь пытался уговорить тебя присоединиться к нам, чтобы ты показал дорогу. Но ты не согласился и я решил попытаться разыскать его самостоятельно.

— И с ней на борту! Но теперь тебе придется изменить планы, Хейн!— голос Данна звенел от ярости.— Ты понял? Ты не возьмешь ее с собой в Кольца и не вернешься к следующему кораблю один и не заявишь, что она погибла! Понял? Ты этого не сделаешь!

— Нет!— простонал Хейн.— Не сделаю. Конечно... Я передумал...

— Тогда пошевеливайся!— прорычал Данн. Он остро чувствовал, что если он сейчас нажмет на спуск и прикончит Хейна, то отвечать за это не будет, потому что здесь Кольца.— Забирай свой корабль и убирайся! Я сам позабочусь о Киизе. Ну, двигай!

Хейн, спотыкаясь, отправился к своему кораблю. Данн чувствовал, как еще дрожит от гнева рука. Когда ему вдруг показалось, что напарник Хейна приподнял ствол базуки, пистолет Данна стремительно взметнулся. Напарник Хейна тут же опустил базуку с похвальной поспешностью.

Хейн забрался в люк своего корабля. Люк задвинулся и космоскаф покинул посадочное поле. Через несколько секунд он уже исчез из виду.

Данн едва ли не силой заставил девушку вернуться на борт сборщика. За это время она не промолвила ни слова, видимо, была сильно испугана,

и сам Данн заговорил только после того, как за ними закрылся внутренний люк шлюза и они оказались внутри корабля.

Придя в себя, Найк в отчаянии повернулась к Данну:

— Но там мой брат! Неужели вы его бросите? Кто-то должен спасти моего брата!

Данн кивнул, его глаза еще зло поблескивали.

— Кто-то должен, верно. И это сделаю я. А вы отправляйтесь пока обратно на Хорус и возвращайтесь со следующим рейсом.

— Но... как... я должна...

Но Данн уже исчез, широко шагая через зал, где совсем недавно отмечали праздник старатели. Скафандра он не снял. Ему нужен шкипер.

Шкипер оказался в своей каюте, тут же были помещены на хранение многочисленные мешочки абиссальных кристаллов, которые сдали старатели. Он быстро поднял голову, когда в дверях появился Данн.

— Я подумал, что вам, наверное, будет интересно узнать,— сказал Данн,— каким образом я намерен доставить моему напарнику кислород и припасы, чтобы мы могли продержаться до прихода следующего сборщика.

Вид у шкипера был определенно скептический. Он сгреб мешочки с кристаллами в ящик стола, подальше от посторонних глаз. Тем временем Данн вытащил заряд для базуки из магазина на поясе и начал задумчиво перебрасывать его с одной ладони на другую. Шкипер вскочил, как ужаленный.

— Эй, убери эту штуку!— приказал он.

— Сейчас,— сказал Данн.— Позвольте мне только объяснить. Я потерял свой космоскаф, его взорвали. Это угрожает теперь жизни моего напарника. Ему нужно продержаться до следующего сборщика.

— А я вам чем могу помочь?— сказал шкипер. И добавил резко: — Уберите заряд, я вам сказал! Если вы его упустите...

— Что вы, это невозможно,— заверил его Данн.— Я могу даже жонглировать. Смотрите!

Он вытащил второй заряд и начал жонглировать, более или менее профессионально. Лицо шкипера медленно бледнело. Заряд для базуки представляет собой по сути маленькую ракету, топливный резервуар которой детонирует, когда боеголовка ударяется о твердую поверхность. Если только Данн уронит один из небольших снарядов, весящий всего несколько унций, результат будет равен одновременному взрыву сотни фунтовых взрывпатронов — и это произойдет тут, в каюте шкипера. Корабль получит повреждение, достаточное для того, чтобы приковать его к астероиду.

Шкипер сидел неподвижно, словно скованный космическим морозом, а Данн тем временем продолжал демонстрировать свое искусство. Один раз он едва не упустил заряд.

— Я вот что думаю,— с симпатией в голосе начал он.— Космическая инспекция очень тщательно относится к соблюдению всех правил и предписаний. Например, вас не выпустили бы с Хоруса, не будь на борту достаточного количества спасательных шлюпок — не только для команды, но и для пассажиров... которых вы, как правило, не возите.

Он опять едва не упустил заряд. Шкипер побледнел еще больше. Но остановить Данна было сейчас не в его силах.

— Практически,— сказал Данн,— тех кристаллов, что я сегодня сдал, вполне должно хватить на покупку одной шлюпки плюс топливо и прочие принадлежности. Я подумал, что было бы очень замечательно, если бы вы продали мне шлюпку. Если вы согласитесь и заодно подвезете меня по пути с Отдушины, я отправлюсь спасать своего напарника.

Шкипер, который не мог оторвать взгляда от поблескивающих кувыркающихся снарядиков, не выдержал и словно в агонии выкрикнул предупреждение — когда Данн в очередной раз едва не уронил заряд, поймав его в каких-то дюймах от пола.

— Ничего, ничего,— успокаивающе сказал Данн.— Все в порядке. Я немного не в форме — давно не практиковался, но старая рука не дрогнет. Наверное, я сейчас попробую сразу три.

Он подбросил снарядик выше обычного, потом начал вытаскивать третий заряд из гнезда на поясе. Тот почему-то не желал вылезать. Данн тем временем работал одной рукой, подбрасывая и ловя заряды.

Шкипер сглотнул.

— Хорошо!— сказал он хрипло.— Хорошо! Прекращайте, получите свою шлюпку!

— Превосходно!— вежливо сказал Данн. Он перестал жонглировать, но два заряда держал в руке — на всякий случай.— Приготовьте, пожалуйста, счет. Я выпишу вам чек на деньги. К следующему приходу я буду здесь вместе со шлюпкой и Киизом, и мы все вместе от всей души посмеемся над забавным инцидентом. А? Прошу, подготовьте все как следует.

Шкипер сборщика поднялся из-за стола. Ему явно было не по себе. Он мог не поддаваться на угрозы, но Данн избрал единственный — и верный — путь заставить шкипера согласиться на его просьбу. Он рисковал жизнью, но ничего другого не оставалось.

Когда шкипер выходил из каюты, Данн сказал ему: — Скажите девушке, что я отправляюсь за ее братом. Пусть напишет ему письмо и возвращается домой. К следующему рейсу он будет здесь и она сможет с ним поговорить.

Он несколько расслабился. Он даже положил один из снарядов обратно в гнездо на поясе, но второй продолжал тихонько подбрасывать на ладони.

Шкипер вернулся через полчаса.

— Вот договор,— сказал он мрачно.— Я не могу продать вам шлюпку, я могу только сдать ее в аренду на временное пользование. Не знаю только, на сколько это законно. Но вы вносите залог в размере полной

стоимости шлюпки с запасом топлива и комплектом принадлежностей. Подпишите вот здесь. Потом подпишусь я и это все, что можно сделать. Шлюпка уже готова.

— Отлично.— Данн прочитал текст и подписался.— Крайне деловая процедура. Вы сказали мисс Кииз, что я отправляюсь? Она написала письмо?

Шкипер фыркнул.

— Конечно, сказали ей. Давайте, забирайте вашу чертову шлюпку и отправляйтесь поскорее.

Данн последовал за ним, выходя из каюты. Магнитные подошвы щелкали о рифленые металлические плиты покрытия пола. Такие плиты использовались во всех помещениях, где не жили люди. Например, в коридорах.

Вот и шлюпка. По пути Данн видел только квази-вестибюль между ангаром и коридором корабля. Он забрался в люк, осмотрел контрольную панель и кивнул. Двери ангара задвинулись. Голос из небольшого динамика на потолке миниатюрной кабины управления сделал обычный рапорт о готовности всех систем. Корабль-сборщик неслышно стартовал с Отдушины, исчезнув среди светящейся пыли Колец.

Данн застегнул привязные ремни, расположившись в пилотском кресле перед пультом управления.

— Готов!— сказал он. Створки больших дверей ангара, выпускающих шлюпку в пространство, раздвинулись подобно створкам раковины моллюска. В иллюминаторах прямого наблюдения Данн увидал свечение тумана.

— Готовы к запуску?— спросил голос с потолка.

— Готов,— снова сказал Данн. Он нахмурился.

— Выброс шлюпки,— сказал голос.

Толчок. Шлюпка бешено закрутилась, выброшенная в пространство ангара, и на миг Данн уловил громадный силуэт корабля-сборщика, уже несколько затуманенный пылевой стеной.

Вплоть до этого момента Данн был доволен ходом событий. Почти доволен. Все рудокопы в Кольцах могли вполне подтвердить, что он покинул Отдушину как пассажир сборщика. Ничего другого для него не оставалось.

Но тут динамик на потолке ожил еще раз и гудящий голос со сборщика едва не заставил Данна задохнуться от злости.

— Удачи, Данн,— прогудел голос шкипера на полной мощности корабельного передатчика.— Ты сыграл надо мной хорошенькую шутку и должно быть, у тебя не все дома, если ты решил рискнуть, но все равно, желаю тебе удачи!

Потом детекторы захлебнулись эхом включившихся двигателей сборщика и на полном ускорении корабль начал уходить из колец Тотмеса. Он исчез раньше, чем Данн смог вздохнуть. От ярости у него просто отнялся язык. Всякий космоскаф в радиусе тысячи миль мог спокойно

поймать речь этого, трижды будь он неладен, идиота шкипера с корабля-сборщика.

Теперь можно было считать, что все старатели знают, что Данн не покинул Кольца, а заменил свой космоскаф спасательной шлюпкой и намерен спасти напарника. Теперь начнется преследование, ведь они очень быстро обнаружат местонахождение шлюпки. И тот, кто взорвал его космоскаф возымеет теперь намерение сделать тоже самое и со шлюпкой. Стоит только Данну включить двигатель, как эхо их работы тут же выдаст его с головой — звук будет отличаться от звука работы двигателей космоскафа.

Почему ему так не везет? Ведь этого не должно было случиться! И невезение могло стать роковым.

Дверь в тесную кабину управления приоткрылась. Данн стремительно повернулся, рука потянулась к пистолету.

Дверь открылась чуть шире. В проеме теперь видно было, что за дверью стоит Найк, очень бледная, с широко открытыми испуганными глазами.

— Они сказали мне,— голос у нее дрожал, хотя девушка и пыталась придать ему твердость,— что вы летите спасти моего брата. А я должна его увидеть. Поэтому я полетела с вами. Я...пробралась зайцем.

Данн заскрипел зубами. Сборщик уже ушел. Сейчас он, наверное вошел в овердрайв, направляясь за миллионы миллионов миль к обитаемой планете Хорус. Его не догнать и не вызвать по коммуникатору. Теперь здесь, в Кольцах, не найти ни одного достаточно безопасного места для этой девушки.

— Предполагаю,— сказал Данн с горечью в голосе,— что вам кажется, будто вы выиграли в споре со мной. Возможно. Вы все таки летите вместе со мной повидать брата! Мне приходится смириться с этим, потому что я ничего не могу поделать! Но вы жестоко об этом пожалеете!

Он сжал кулаки. И повторил еще раз: — Вы трижды еще пожалеете, будь я проклят!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Галактика занималась своим собственным делом, а Данн занимался своим. И если могло существовать множество мнений по поводу занятий и дел всех обитателей Галактики, то относительно Данна этого нельзя было сказать. В данный момент в его задачу входило: первое — остаться в живых, второе — чтобы в живых оставалась Найк. Хотя вторую ответственность он никакого желания на себя возлагать не имел. Кроме того, нужно было отделаться от космоскафов-преследователей.

Относительно их существования не было никаких сомнений. Их корабли следовали за ним на дистанции, с которой они могли следить за всеми изменениями в курсе шлюпки. Очевидно, они надеялись, что детекторы шлюпки уступают по чувствительности детекторам космоскафа. И, наконец, Данн должен был добраться вовремя до Кииза и спасти напарника от смерти в результате того, что исчерпывается запас кислорода.

Они находились в полутора днях пути от Отдушины, когда Данн объяснил всю ситуацию Найк. К этому времени он уже сделал все, что мог, чтобы привести в действие свой первоначальный план. Он исчерпал запас традиционных приемов сбрасывания с "хвоста". И теперь шлюпка шла постоянным курсом,— звук ее двигателей неприятно поющий выделялся среди жужжания двигателей космоскафов. Преследователи должны были решить, что Данн оставил надежду уйти от них. Данн внимательно наблюдал за экраном радара. Шлюпочная система обладала несколько большим радиусом действия луча, но зато значительно уступала радарам космоскафов по объему информации о пеленгуемом объекте.

Внутри маленькой шлюпки создалась в некотором смысле необычная атмосфера. Данн все еще злился, в основном на самого себя, ведь всему виной послужила его первая ошибка.

Преследователи же занимали время, в основном, разговорами о легендарной находке Джо Гриффита. Он принес за один раз на Отдушину больше кристаллов, чем все остальные старатели могли собрать за годы. И он хвастал, что нашел место, где кристаллов в сотни, или даже тысячи раз больше, чем он принес с собой. Он отправился за ними и исчез. Место, к которому он направился, назвали Большой Леденцовой Горой.

Судьба его стала загадкой. Вряд ли он пал жертвой другого старателя, потому что в последующие годы не было зарегистрировано крупных находок. Некоторые верили, что его утащили гуки, но само существование гуков вызывало обоснованные сомнения. Конечно, время от времени детекторы космоскафов ловили странные отголоски, которые нельзя было объяснить работой двигателей космоскафов или какой-либо другой причиной, но это трудно было назвать научным доказательством.

Данн продолжал наблюдать за экраном радара. Он объяснил Найк, как отличить радарное эхо скалы от эха космоскафа. Скалы двигались по неизменным орбитам вокруг Тотмеса, а космоскафы меняли курс преследуя шлюпку.

— Мы направляемся туда, где мой брат?— спросила Найк.

Данн покачал головой: — Пока еще нет. Сначала нужно избавиться от толпы любопытных.

Найк некоторое время колебалась, не решаясь, очевидно, задать вопрос, потом все-таки спросила:

— Вы ведь... не позволите, чтобы у него кончился кислород раньше, чем мы доберемся туда?

— Если я от них не оторвусь,— непреклонно сказал Данн,— мы все трое можем считать, что мы умерли. Как вы думаете, почему каждый старатель не расстается с оружием? И почему в сборщик они входят по одному, когда сдают собранные кристаллы?

— Почему?

— А потому,— ядовито ответил Данн,— потому что все старатели — это шайка потенциальных преступников, не признающая законов. Головорезы! Корабли исчезают. Иногда их находят — уже обчищенными. Кто-то на них напал, убил экипаж и присвоил найденные кристаллы. Кто? Неизвестно. И никого это особо не интересует, поскольку не касается их лично. Я сам по пути на Отдушину едва не попал в засаду. А кто-нибудь, наверное, был менее осторожен, но кристаллы, которые они собрали все равно попали на сборщик, но уже из других рук и деньги за них будут перечислены на другой счет Абиссальной Минеральной Комиссией.

Девушка, судя по всему, была поражена.

— Народ здесь не сахар,— сказал ей Данн.— Говорят, что смертность в Кольцах составляет тридцать процентов в год. Частью это несчастные случаи, но и убийств тоже полно! Если мы прибудем к нашей скале с половиной старателей, следующими за нами, думаете, они вежливо попрощаются и оставят нас в покое!? Только потому, что мы первые нашли скалу? Черта с два! Здесь, в Кольцах, человеку принадлежит то, что он нашел, только в одном случае — если он в состоянии защитить свою находку. И если мы доберемся до места, то нам с вашим братом придется решать — покинуть находку или нет, потому что речь идет о вашей безопасности.

Она потрясенно смотрела на него. Потом проговорила неуверенно:

— Это... это трудно себе представить.

— Средняя продолжительность жизни старателя в Кольцах — три года,— коротко заметил Данн.— Или человек быстро богатеет, или остается нищим. Поэтому каждый душу дьяволу продаст за пригоршню кристаллов. И ни один не побрезгует срезать угол на пути к богатству. И часто это делается одним способом — убийством.

Вот о чем шли разговоры в тесной контрольной рубке маленькой шлюпки, которая под ноющий звук работы двигателей продвигалась вперед. Время от времени по всей шлюпке проносился ветерок — это в очередной раз срабатывал кондиционер, очищая воздух от углекислоты, неприятных запахов и излишней влаги. Однажды, в течение нескольких часов, эхо одного из космоскафов-преследователей переместилось ближе к центру. Данн тоже немного изменил курс шлюпки. Немедленно все остальные космоскафы тоже переменили позиции. Они намеревались следить за своей жертвой до самого конца пути. Но один космоскаф, как понимал Данн, совсем этого не желал.

Он объяснил Найк, в чем тут дело. Взрыв его космоскафа подсказывал, что кто-то знает месторасположение находки Кииза и Данна, и

хотел бы избавиться от Данна, вместо того, чтобы следить за ним. Если это действительно было так-Кииз, возможно, был уже мертв. Данна хотели задержать, пока новые владельцы скалы не кончат опустошать жилу кристаллов.

Конечно, это были только предположения. Кииз показал себя достаточно ловким человеком и многому научился за те шесть месяцев, которые он провел с Данном. Он мог вполне позаботиться о своей безопасности.

Ничего из своих опасений Данн, естественно, Найк не выдал, но сам не мог избавиться от мрачных мыслей.

Спасательная шлюпка продолжала двигаться сквозь золотой туман Колец. Радар по-прежнему показывал, что космоскафы преследователей упорно держат шлюпку в пределе действия своих детекторов. Найк приготовила еду и принесла тарелку Данна в контрольную рубку.

— Мы приближаемся?— спросила она с надеждой.

— Мы приближаемся к месту, где многое может случиться,— сказал Данн.— Но мы все так же далеки от вашего брата.

Он поднял глаза и посмотрел в сторону радарного экрана, туда, где находился иллюминатор внешнего обзора. Казалось, он старается что-то рассмотреть.

— Гляди!

Он показал рукой. Найк проводила взглядом его палец и покачала головой.— Я ничего не вижу!

— Смотри, вон там — яркая точка. Помнишь, на Отдушине можно было увидеть в небе несколько ярких точек, если смотреть в другую сторону от солнца? Это были звезды. Отдушина близка к внешнему краю Колец. А сейчас мы приближаемся к границе их плоскости. Это то же самое.

Она не поняла, и Данн постарался объяснить доступнее. Шлюпка продолжала двигаться вперед. Постепенно, прямо по курсу, в желтой дымке загорелась яркая точка, более яркая, чем сама дымка. Потом точек стало две, потом три...

— Осталось совсем немного. Через минуту мы выйдем из Колец и увидим звезды.

Он не ошибся. Внезапно вечносветящийся золотистый туман начал таять. Туман все утоньшался и утоньшался, точки из звезд становились все ярче и ярче. И вот туман исчез совсем. В черноте космоса сияли мириады звезд. Они видели Млечный Путь, они видели голубые, красные и зеленые звезды. И во многих местах многочисленные пятнышки света образовывали созвездия, а в других местах звезды были закрыты темными образованиями.

Шлюпка, казалось, поднимается над гирляндой туманной плоскости. Она простиралась на тысячи и тысячи миль. Но центр занимал глобус Тотмеса. До него было всего шестьдесят или семьдесят тысяч миль. Это было одно из самых великолепных зрелищ во всей Галактике.

Найк вздохнула от восхищения. Два человека, заключенные в кабине спасательной шлюпки, видели то, что даже экипажу корабля-сборщика не всегда удавалось видеть. Кольца — они уходили, казалось в бесконечность. Они казались литыми, хотя Данн знал, что это не так. Казалось, немигающие точечки света — звезды — в изумлении взирают на чудо космической природы.

Найк не могла оторвать взгляда от иллюминатора. Потом Данн с ворчанием забрался в скафандр.

— Что...— начала Найк.

— По радару базуку не нацелишь,— сказал Данн, возясь с нагрудными креплениями.— Нужно видеть, во что стрелять. Я хочу сбить немного прыти с наших друзей.

Она одновременно казалась встревоженной и ошеломленной.

— Вы хотите сказать... что вступите в бой?

— Это не бой,— заверил ее он.— Разве что, только один на один. С теми, что просто следят за нами, можно не сражаться.

Опасен тот, что взорвал мой космоскаф. Остальные стрелять не станут, иначе они лишат себя проводника к голубой мечте — Большой Леденцовой Горе. А вот с тем, кто хотел бы нас прикончить — с ним нужно посчитаться!

Он застегнул горловую муфту и поднял с кресла шлем.

— Я рискую вашей жизнью,— сказал он,— так же, как и своей. И я буду очень осторожен!

Он наполнил гнезда на поясе маленькими снарядиками для базуки. Опустив шлем, он закрыл за собой внутренний люк шлюза и зафиксировал его как обычно — полуповоротом штурвала.

Найк сцепила пальцы рук. Ей не оставалось ничего иного, как только ждать. Послышался шум воздушного насоса — из шлюза откачивался воздух. Потом шум затих и Найк услышала щелканье — это отпиралась наружная дверь шлюза. Потом опять наступила тишина.

Эта тишина страшила Найк. Когда кондиционер вдруг в очередной раз выдохнул в кабину струю свежего воздуха, она едва не подпрыгнула. Потом они приникла к иллюминатору.

Прижавшись лицом к прозрачному толстому пластику, она старалась рассмотреть, что происходит ближе к корме. Сначала она не видела ничего, кроме обшивки корпуса шлюпки. Ее охватил страх. Вдруг Данн... вдруг с ним что-то случилось и он теперь обречен на медленную смерть в пустоте? И тоже самое ожидает ее, когда кончится кислород в шлюпке. Но на это могут уйти годы — шлюпка рассчитана на несколько человек и регенератор воздуха отличается большой надежностью. Задолго до конца она сойдет с ума от одиночества.

Она перешла к другому иллюминатору и с облегчением вздохнула. Она увидела Данна. Он стоял в открытом люке воздушного шлюза и она ясно видела, что для страховки он надежно прикрепил себя к корпусу фалом.

В скафандре Данн не походил на человека, а скорее напоминал металлическую статую. В членистой металлической руке он сжимал горную базуку. Не спеша, он начал заряжать магазин. Подняв ее на уровень плеча, он присоединил к шлему провод — теперь крохотный экран внутри шлема превратился в телескопический прицел базуки.

Ей казалось, что он целится бесконечно долго. Потом вспыхнула молния. Еще одна. И еще, и еще. Данн начал перезаряжать базуку.

Потом еще четыре невидимых снаряда унеслись в пустоту.

Очевидно, этого было достаточно, и Данн задвинул наружный люк. Немного спустя раскрылась внутренняя дверь и Данн вошел в рубку, снимая на ходу шлем скафандра. Он махнул шлемом в сторону сверкающей желтой поверхности Колец в иллюминаторах.

— Нужно показать вам немного,— сказал он,— как управлять этим кораблем.

Побледневшая Найк с трудом проглотила комок в горле.

— Пока мы уходим от Колец,— сказал Данн,— и с хорошей скоростью уносимся в пустоту. Но скоро остальные космоскафы поймут, что мы рассчитываем вернуться обратно в Кольца. Но открытое пространство приведет их в замешательство. Это даст нам фору.

Он приник к иллюминатору. Из туманной глубины Колец к шлюпке протянулась ниточка светлого пара — это был след снаряда базуки — кто-то стрелял по шлюпке в ответ на огонь Данна.

— Им не понравилось, что я их обстрелял,— заметил с удовольствием Данн.— Но отвечать они не стали. Отвечает тот, кто хочет прикончить нас. Думаю, парни из других космоскафов не очень довольны, что Хейн начал стрелять.

Найк попыталась говорить так же спокойно, как и Данн: — Хейн?

— Тот самый человек, что предлагал вам помощь. Наверняка я, конечно, не знаю, но сильно опасаюсь, что не ошибся и это он. Вот они, снаряды.

Он смотрел в иллюминатор с внешним равнодушием. Бесконечно маленькие снаряды, оставляя за собой светлые полоски, мчались к шлюпке. Они прошли недалеко за кормой, хотя один из них промахнулся всего на какую-то сотню ярдов.

— Не так-то просто стрелять по кораблю, который идет с ускорением,— задумчиво заметил Данн.— Трудно определить упреждение.

Разговор вернулся к прерванной теме.— Когда я отказался принять его весьма щедрое предложение,— продолжал Данн все тем же, до страшного отрешенным голосом,— он попытался взять с собой только вас. И вот тогда я и должен был с ним покончить. Но у меня мысли были заняты судьбой вашего брата и только что взорванным моим кораблем. Я не понял, что Хейн выдал себя с головой.

— Я не знала, что он предложил...

— Ведь это был единственный человек,— сказал Данн,— который не поверил, что мы нашли Большую Гору. Он поверил моему слову. А

почему? Да потому, что он уже знал, что именно мы с Киизом нашли в действительности. И нужно было сразу его и убить.— Данн задумчиво покачал головой.— Не сообразил я сразу. Очень плохо.

Он вылез из скафандра.

— Я хочу показать вам некоторые приемы управления кораблем,— сказал он.— Если вы сможете следить за шлюпкой, пока я стреляю, у нас будет в два раза больше шансов уцелеть.

Он сел за контрольную панель пульта и начал знакомить Найк с маневрами, которые могли понадобиться во время огневого боя в Кольцах. Стрелять он мог только из одного шлюза сразу. Следовательно, другая сторона корабля оставалась незащищенной. Он показал, как вращать корабль вокруг продольной оси, а также, как сделать возможным огонь прямо по корме. Он показал, как выполнять уклоняющиеся маневры, чтобы уйти от нацеленных в шлюпку снарядов вражеской базуки.

Она следила за объяснениями внимательно, но, как отметил Данн, с изрядным оттенком покорности судьбе. Но он продолжал урок, чтобы отвлечь мысли Найк от беспокойства о брате.

Внезапно она заговорила, и вопрос ее не касался управления:

— Вы сказали,— начала она, без явной на то причины,— что в среднем человек не выживает в Кольцах более трех лет. Вы здесь давно?

— Два года,— сказал Данн.— Ваш брат и я неплохо сработались. Если мы подчистим скалу, которую нашли, ему можно будет бросить старательство.

— Я упрошу его,— сказала Найк.— Ведь у меня никого больше нет. А вы чем занимались до того, как прилетели в Кольца?

— Так, то да се,— уклончиво ответил Данн.

Он наклонился над пультом, проверяя показания приборов. Потом посмотрел в обзорный иллюминатор и удовлетворенно кивнул.

Шлюпка возвращалась в Кольца. И большинство преследователей осознали, что Данн сбил их с хвоста приемом, образно обозначавшимся как "щелчок хлыста". Но теперь поздно было уже что-то исправить, и они могли следовать за космоскафами, которые сами следовали за другими космоскафами, а те держались тех кораблей, что еще способны были уловить эхо работы двигателей шлюпки. Прямо по курсу шлюпки светился золотой туман Колец. Они выглядели как сплошная твердая стена, о которую неизбежно вот-вот разобьется вдребезги шлюпка. Но на самом деле, это было совсем не так. И теперь, когда шлюпка приблизилась к стене вплотную, стали видны завитки и струи тумана.

Звезды позади шлюпки постепенно исчезали, поглощаемые облаками пыли. Шлюпка все глубже уходила в толщу тумана.

И потом произошло небывалое. Через коммуникатор доносилось жужжащее эхо работы двигателей космоскафов, мягкие шелестящие звуки, похожие на шепот и щелкающий треск разрядов. Все эти шумы имели естественное объяснение. И вдруг появился совершенно незнакомый звук. Это были монотонные чириканья, вроде "твит-твит-твит". Они

производили довольно жуткое впечатление. Они были также невероятны, как если бы в коммуникаторе послышалось настоящее чириканье пролетающей птицы.

— Что это?— напряженно спросила Найк.— Какой странный звук!

Звук прекратился. И шлюпка уже глубоко укрылась в облаках пылевого тумана. Данн изменил курс. На полном ускорении он устремился по новому пути. Пять секунд. Десять... Двадцать... Данн выключил двигатели. В иллюминаторах видна была только золотая туманность колец. Радар показывал, что слева по курсу что-то движется, что именно — видно не было. Данн выключил радар.

И теперь шлюпка мчалась вперед, замаскированная от посторонних глаз, неслышимая и невидимая. Были выключены не только двигатели, но даже радар. Теперь обнаружить ее можно было только визуально. Она мчалась сквозь пылевой туман. Подобно множеству других объектов — скал, металлических астероидов и прочих тел.

— Мы в свободном дрейфе,— сухо сказал Данн.— Двигатели я заглушил. Кроме того, мы не пользуемся радаром вообще, ничем не выдаем своего присутствия. Нас теперь почти невозможно отличить от любой другой скалы поблизости. Наши распрекрасные преследователи сейчас видят на своих экранах и слышат через детекторы только своих товарищей. Они не сразу сообразят, что произошло и что теперь им нужно делать.

Найк тревожно посмотрела на него:

— А что это был за странный звук?

— Я не знаю,— сказал Данн.— И никто не знает. Его уже слышали раньше, и не раз. Один старатель, по имени Смайдерс, уверен, что это гуки. К сожалению, нет никаких других доказательств существования гуков.

Заурчал кондиционер, начав очередной цикл очистки воздуха. Данн выключил и его. Теперь в шлюпке царила абсолютная тишина. Им оставалось только ждать, больше они ничего сделать не могли.

Но сознание того, что в любой момент один из преследователей может по воле чистого случая натолкнуться на шлюпку не давало ее пассажирам ни минуты покоя. Они пребывали в беспомощном положении слепых, не зная, не находится ли преследователь сейчас всего в нескольких ярдах от корабля, или рыщет в непроницаемом тумане за многие мили от шлюпки. И в любую секунду о корпус шлюпки мог детонировать снаряд из базуки, выпущенный разъяренным их молчанием старателем с преследующего космоскафа.

Найк проглотила комок в горле.

— Как трудно ждать,— сказала она.

Данн кивнул.— Чертовски отвратительное чувство,— согласился он.— Они знают, что мы где-то в Кольцах, и знают, что мы дрейфуем. Но они не имеют представления, в каком направлении мы движемся и как быстро. И каждый из них охотится сейчас в одиночку. Они не дове-

ряют друг другу. Я вам уже говорил — в Кольцах иначе нельзя. Каждый старается разбогатеть, прежде, чем его прикончат.

Она провела языком по губам.

— Мой брат писал что-то об этом. Но совсем в другом тоне, что-то вроде приключения...

— Он не хотел, чтобы вы волновались,— все также сухо сказал Данн.— Поэтому он и хвалил меня. Но доброжелательный человек долго не протянет в Кольцах. Конечно, если бы каждый из старателей был благородным и помогал другому бескорыстно, это было бы прекрасно. Но запустите в компанию хороших людей одного головореза, и все они вынуждены будут стать головорезами — просто для самозащиты. Вот так оно и получается.

Шлюпка продолжала дрейф. Ничего не происходило. Час проходил за часом. Второй. Третий. Десятый. Шестнадцатый.

— Может нам стоит.. включить детектор?— робко спросила Найк.— Может, кто-то сейчас...

— Нет,— сказал Данн.— Это неприятно, конечно, хотя я и начал уже привыкать. Но они как раз и ждут, что мы не выдержим и захотим выяснить, на каком мы месте в гонке. И поэтому этого делать нельзя.

Прошло двадцать часов с тех пор, как Данн полностью отрезал шлюпку от окружающего мира. Найк сказала нервно:

— Но ведь не будет вреда, если мы посмотрим наружу в иллюминатор.

— Не будет,— согласился Данн.— Хотя и пользы от этого тоже немного.

Найк направилась в контрольную рубку. Она заглянула по очереди в каждый из иллюминаторов. Но там была только светящаяся непроницаемая взгляду дымка Колец.

Вздрагивая, она вернулась в основную каюту.

— Это... это ужасно,— сказала она дрожащим голосом.

— Постепенно ты привыкла бы,— сказал Данн. Ты уже привыкла ко многим вещам, которые даже не представляла на пути к Отдушине. Ко многому можно приспособиться — даже к постоянному страху.

Найк уставилась на него.

— Не могу представить, что вы можете испугаться.

— Ну, пусть не к страху, а к некоторому психологическому неудобству.

Он посмотрел на часы.

— Через час я послушаю, что делается во Вселенной. Если я ничего не услышу — прекрасно, значит, мы оторвались от "хвоста". И мы не так далеко от места назначения.

— Вы хотите сказать, что скоро мы найдем брата?

Он кивнул, но глаз не поднял.

— Мы попробуем.

— И тогда мы сможем вернуться на Хорус?

— Я бы не стал рисковать отправляться в такое путешествие на этой шлюпке. Во всяком случае, не без дополнительных запасов. Это долгий путь. И все зависит от того, сколько мы найдем кристаллов. Лучше всего подождать следующего корабля-сборщика. Я довольно хорошо очистил наш счет в Минеральной Комиссии, чтобы купить эту шлюпку. И если ваши неприятности требуют денежных затрат...

— Я даже не знаю, чего они требуют,— грустно сказала Найк.— Мне нужно спсти брата.

Данн мрачно кивнул. Он принялся ходить взад и вперед по каюте. На шлюпке было побольше свободного пространства, чем на космоскафе.

Прошел час, тянущийся, казалось, целые века, и Данн направился в контрольную рубку.

Он щелкнул выключателем коммуникатора и врубил питание радара.

В иллюминаторах золотилась пыль Колец. Радар не показывал ничего угрожающего. Коммуникаторные детекторы улавливали лишь слабое потрескивание — коротковолновое излучение местного солнца. Короткие потрескивания, более сильные — это был отзвук сверхмощных гроз в атмосфере Тотмеса. И больше ничего слышно не было.

Нет. Внезапно их динамиках раздалась серия слабых непривычных звуков. Они были едва различимы и монотонны. Твит... твит... твит...

Внезапно они прекратились. Найк прошептала: — Это те же самые звуки...

— Гуки вышли на охоту за неосторожными старателями,— с внешней веселостью сказал Данн, стараясь разрядить напряжение и успокоить Найк.— Во всяком случае, этим объясняют периодическую пропажу космоскафов.

Загудел двигатель шлюпки. Данн устанавливал курс. Теперь снова заработали радары и детекторы корабля. Данн не осознавая того, сжимал и разжимал кулаки. Он был уверен в точности своих астронавигационных расчетов, но ему не хотелось сейчас думать о том, что они м о г у т найти т а м.

Вдруг, на самом пределе действия локатора появилось эхо, обозначающее нечто массивное. Данн развернул шлюпку, корректируя курс.

— Это он?— с тревогой спросила Найк.

— Возможно,— ответил Данн.

Он явственно чувствовал, что что-то неладно. Что-то здесь было не так. Надвигалась опасность.

Изображение на экране радара начало, по мере их приближения, принимать узнаваемые очертания.

— Думаю, что это наша скала,— тихо сказал Данн. Он заговорил в микрофон коммуникатора: — Кииз!

Ответа не было. Он позвал еще раз. Через несколько секунд в золотом тумане, заполнявшим эран, проступили темные очертания астероида.—

Мне это не нравится, Найк,— сказал Данн, очень спокойно.— Погляди тут пожалуйста, пока я надену скафандр.

Найк, чувствуя, как гулко ухает ее сердце, следила за приближающейся темной тенью скалы, пока Данн облачался в пустотную броню.

— Мы приближаемся,— сказала она, когда тень превратилась в четко очерченный каменный осколок.

Данн ловко подскочил к пульту и включил тормозные двигатели. Миниатюрный кораблик повис почти неподвижно в пятидесяти ярдах от каменной массы.

— Вы не попробуете вызвать его еще раз?— спросила Найк с тревогой.

— У него есть детекторы,— ответил Данн.— Они сообщат ему, что мы прибыли.

В голосе его чувствовалось напряжение. Киниз молчал — и это пугало.

Обломок скалы медленно вращался. На одной его стороне виднелось большое вкрапление серой породы. Это и была глубинная материнская порода, в которой находили абиссальные кристаллы. Астероид продолжал вращение. Показался жилой купол — пятнадцати футов в диаметре, сплавленный с каменным ложем в том месте, где в поверхности осколка имелось естественное углубление. Внутри купола виднелись различные предметы. Малой мощности очиститель воздуха. Баллоны с кислородом. Горное оборудование. Спальный мешок со светозащитным капюшоном, необходимым в вечном золотистом дне пылевидных Колец. Капюшон был надвинут — в мешке кто-то лежал!

— Это он!— голос Найк дрожал.— В мешке! Видите? Он спит!

Данн не узнал собственного голоса.— Боюсь, что нет,— хрипло сказал он.— Да это ваш брат. Но... он вряд ли спит. Нет. Это не сон.

Да это был не сон. Это была смерть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Данн причалил к астероиду, закрепив шлюпку с помощью каната, накинутого на выступающий из каменной стены отполированный каменный стержень. С присущей космическим старателям ловкостью он в одно мгновение сплел петлю и отправил ее плыть сквозь пустоту так, что она точно опустилась на стержень. Дернув канат, он затянул петлю. Найк ждала его в каюте.

— Послушайте меня,— строго сказал Данн.— Я сейчас пойду разведать, что произошло. Вы должны оставаться здесь! Смотрите сквозь иллюминаторы, но ничего не предпринимайте, ничего!

Она кивнула, в глазах ее ясно читалось отчаяние.

— Вы думаете, что...

— Я пока ничего не думаю,— сказал Данн.— Он должен был бы услышать, что мы прилетели. Кислорода вполне хватило бы. Нужно выяснить, в чем дело.

Он прошел в воздушный шлюз и, как всегда, тщательно проверил герметичность скафандра. Потом он проверил аварийный ракетный двигатель, и пистолет на поясе. Прикрепил предохранительный фал. И вылетел из люка, таща за собой разворачивающийся фал.

В почти полной невесомости он не мог шагать. Поэтому он пополз к куполу, цепляясь за неровности и трещины камня. Это было небезопасное занятие. Скала некогда находилась в глубинных породах разрушившейся луны и камень состоял в основном из коричневых кристаллов, от шести до десяти дюймов длиной. У них были острые как бритва края и ничего не стоило повредить о них оболочку скафандра.

Данн добрался до купола. Купола возводились для того, чтобы старатели имели возможность измельчить материнскую породу и отделять ее от абиссальных кристаллов. Куски породы доставлялись под купол в мешках. Если работать предстояло с несколькими тоннами материала, купол был гораздо удобнее космоскафа.

Приблизившись к куполу, Данн внимательно осмотрел его, оставаясь снаружи.

Найк следила за происходящим в иллюминатор контрольной рубки. Внутри купола все продолжало пребывать в недвижимости. Мешок не шевелился. Фигурка Данна напоминала муху, ползущую по фантастическому потолку. Казалось, если он оторвется от стены, то тут же канет в бесконечность.

Данн надавил на мягкий пластик купола. Пластик вдавился и остался в том же состоянии, когда он убрал руку. Найк смотрела, еще не понимая, что это означает. Данн по-прежнему не делал попыток войти в купол сквозь миниатюрный воздушный шлюз из такого же прозрачного пластика на металлической раме. Он отправился к противоположному краю купола. Он был чем-то занят, но чем именно, Найк не могла видеть. Потом Данн подполз к шлюзу и вошел в купол.

Здесь он опять повел себя странно. Он пополз вдоль внутренней стенки купола, где она соединялась со скалой. Данн игнорировал неподвижного обитателя спального мешка.

Данн попятился. В руке у него виднелся какой-то предмет, с присоединенными к нему проводами. Но пока он не касался мешка и не приподнимал капюшона.

Отсоединив провода, Данн наконец подошел к мешку, поднял колпак капюшона и внимательно рассмотрел то, что этот колпак скрывал. Потом опустил его на место. Он покинул купол, захватив найденный предмет.

Оказавшись опять в пустоте космоса, Данн швырнул подальше предмет от скалы, выхватил пистолет и когда расстояние между скалой и предметом достигло двух сотен ярдов, выстрелил.

Вынесенный из купола предмет взорвался с ослепительной бело-голубой вспышкой.

В мрачном настроении Данн вернулся на шлюпку. Найк ждала его у самого внутреннего люка шлюза. На лице Данна читалась горечь и печаль, смешанная с холодной яростью.

— Опоздали,— сказал он,— мы сильно опоздали.

— Значит, он... умер?— сказала Найк. Она побледнела еще больше.— Когда вы сразу не вернулись, я подумала, что случилось что-то плохое. И когда вы взорвали... этот...

— Это была ловушка,— холодно объяснил Данн.— Она должна была взорваться, когда я тронул бы спальный мешок. В куполе несколько отверстий. Сделаны, похоже, такими же пулями, как у меня, но несколько большего калибра.— Он помолчал несколько секунд.— У него оставалось тридцать секунд, чтобы забраться в скафандр, и он не успел. Вряд ли он даже понял, что случилось.

Найк коротко всхлипнула.

— Потом,— сказал Данн,— убийца оставил мину-ловушку для меня. Голос его был сама горечь.

— Что же нам теперь делать?— сказала Найк.— Мы можем... его похоронить?— Зубы ее стучали.— Я... я не могу ясно думать!

— Не старайтесь,— мягко сказал Данн.— Я обо всем позабочусь. Обо всем! Пока забирайтесь в скафандр.

Она повернулась, и слегка спотыкаясь, направилась в самую кормовую часть шлюпки.

Данн тихо выругался, когда Найк ушла, и вошел в контрольную рубку. Он увеличил дистанцию действия радара до максимума, замедлил период обращения луча, показывающего, что в зоне его действия находится шесть твердых объектов. Два из них имели достаточно мизерные размеры, чтобы о них можно было бы беспокоиться. Один же был заметно больше даже той скалы, к которой пришвартовалась шлюпка. Самый ближайший объект был примерно тех же размеров, что и скала Данна. Но все объекты двигались по характерным орбитам осколков Колец Тотмеса.

Данн снова покинул шлюпку. Ему нужно было взять в куполе необходимые инструменты. Неподалеку он приметил трещину. Небольшое усилие понадобится на то, чтобы ее расширить. Данн начал работать.

С помощью Найк, облачившейся в скафандр, они перенесли труп Киниза к "могиле" и совершили обряд погребения. Данн покрыл " могилу" заранее приготовленными плоскими обломками камня.

Несколько дней, последовавших за их возвращением на шлюпку после похорон брата Найк, они провели в засаде у ближайшего к скале Данна осколка. Данн, отведя к этому соседнему осколку шлюпку, ожидал, что те, кто убил его партнера и приготовил смертельную ловушку для него, вернутся к астероиду, чтобы начать разработку жилы кристаллов. Дни шли за днями, но никто не появлялся. Экран радара

оставался чистым и в коммуникаторе не слышался жужжащий звук двигателей космоскафа.

Данн слушал и всматривался, слушал и всматривался. Казалось, во всей Вселенной не происходит ничего, не считая секундных всплесков на экране его радара. На самом деле происходили многообразные события.

Примерно в пяти сотнях миль от шлюпки, космоскаф, который двигался в свободном полете, включил полную тягу и пустился наутек, едва в его коммуникаторах послышалось странное чирикающее "твит... твит...". В другом месте, тоже в Кольцах, другой комсмоскаф шел без управления, пока его экипаж был занят жестокой дракой. Эти два старателя много месяцев провели в обществе друг друга и больше вынести этого не могли. Еще один корабль нашел невероятно богатую жилу на астероиде всего в пятидесяти милях от Отдушины. Еще два корабля обнаружили, что пока они праздновали прибытие транспорта на Отдушину, их скалы были кем-то обчищены до последнего кристалла. В другом месте какой-то человек был вытолкнут за борт космоскафа — без скафандра — и космоскаф стремительно набрал скорость, скрываясь в тумане Колец. И капитан корабля транспорта потел над проблемой — как объяснить исчезновение с борта пассажирки. Чрезвычайно трудно было бы выйти для него из этой ситуации незапятнанным. Кроме того, была еще шлюпка, которую он вынужден был отдать Данну...

Происходили многие другие события, но они не имели уже особого значения для Данна, который, исчерпав запас терпения, повел шлюпку обратно к скале, где был убит Киниз и едва не погиб сам он. С яростью, происходившей от чувства полного отчаяния, он набросился на работу, наполняя мешки обломками матричной породы и перенося их к куполу.

Он был занят особенно большим обломком породы, когда фал его скафандра дернулся. Данн молниеносно повернулся и, находясь в расстроенных чувствах тут же вытащил пистолет. Потом он присел за небольшим бугром, создававшем дополнительное прикрытие для него, не считая близкого горизонта. Фал продолжал подергиваться.

Данн начал осторожно продвигаться к той линии, которая представляла ему горизонт. Достигнув ее, он увидел фигуру в скафандре. Рука Данна крепче сжала рукоятку пистолета. Он был готов выстрелить первым. Найк оставалась в шлюпке и он должен защищать не только себя, но и ее.

Человек, надевший скафандр, выбрал костюм явно не по размеру. И у него не было оружия. Он двигался вдоль фала Данна, отчего тот и подергивался. Данн выругался. Он понял, что произошло. Найк покинула шлюпку. И при этом сама не присоединила страховочного фала!

— Стой!— крикнул Данн.— Ты с ума сошла! Без фала!

Когда они вернулись в шлюпку, Данн яростно набросился на девушку:

— Вы сошли с ума? Я же сказал, чтобы вы оставались в шлюпке! И следили за радаром!

Она сжала губы и молча слушала. Только теперь, когда опасность осталась позади, Данн почувствовал испуг. Она ведь могла потерять фал и уплыть в пустоту!

— Мне пришлось бы искать вас, если бы вы сорвались!— рассерженно сказал он ей.— Зачем вы покинули корабль? Какого дьявола?

— Вы сами сказали мне, чтобы я не пользовалась космофоном. Но вас так долго не было. Я... я начала волноваться, что у вас мог кончиться кислород.

Данн посмотрел на указатель давления кислорода в баллоне скафандра. Стрелка стояла почти на́ нуле. Всего минут через десять он мог бы потерять сознание от кислородного голодания.

— Прошу прощения,— сказал он с сожалением,— вы были правы и это я ошибся. Я мог погибнуть.

— Вы сказали, что вы начали бы меня искать, если бы я сорвалась. Почему?

— По той же причине,— сказал он.— Я не хочу, чтобы с вами что-то случилось.

Она пристально смотрела ему в лицо. Потом тряхнула головой:

— Нет. Это не совсем та же причина. Но все равно, спасибо.

— Вы благодарите м е н я? Послушайте! Я прошу сделать мне еще одно одолжение. Ваш брат и я были партнерами. Теперь, когда его больше нет, его часть переходит к вам. Поэтому... я вас хотел попросить, не согласитесь ли вы стать моим партнером? До того момента, пока мы доберемся к следующему транспорту с Хоруса? Мне действительно необходим напарник! Чтобы случилось, если бы вы меня не предупредили, и я не посмотрел вовремя на указатель кислорода?

Она снова пристально посмотрела на него. Потом пожала плечами.

— Хорошо,— сказала она.— До следующего транспорта.

Она помолчала.— А теперь я приготовлю что-нибудь поесть.

— А я,— сказал Данн,— я пойду к моим кристаллам.

— Кислород!— предостерегающе напомнила ему Найк.

Данн снова покинул шлюпку, и хотя снаружи ничего не изменилось, ему показалось, что все выглядит не так плохо, как всегда.

И в этот момент он услышал жужжание двигателей космоскафа. Корабль был совсем близко. Он тормозил.

Данн быстро заполнил магазин базуки максимальным — четыре — количеством снарядов. Он был готов стрелять при первом же намеке на опасность.

Когда от воя двигателей космоскафа, казалось, лопнут перепонки, звук исчез. Завопил чей-то голос.

— Гуки! Гуки идут! Выходите, защищайтесь! Они приближаются!

Над иззубренным краем скалы показался нос потрепанного космоскафа.

Данн чертыхнулся.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Это был космоскаф того седого старателя по имени Смайдерс, который единственный в Кольцах работал в одиночку, без пары. Исцарапанный нос космоскафа говорил о множестве осколков, которые ему приходилось толкать, разгоняя их для столкновения с другими осколками. При столкновении скалы трескались, и появлялась возможность добраться до их внутреннего содержимого.

— Я слышал их!— объявил его голос.— Они шли по моему следу! Они гонятся за мной! Если вы, ребята, придете мне на подмогу, мы с ними справимся!

Данн подхватил уже наполненный рудой мешок. Он с силой потянул за фал, присоединенный к выступу рядом с люком шлюза и поплыл к шлюпке.

— Выходите, слышите! Я вижу, ты прячешься во внутрь! Собирай свои заряды и бери базуку! Три человека имеют больше шансов в схватке, чем один!

Потом, он, видимо, наконец, как следует рассмотрел шлюпку, и понял, что это не космоскаф. Очертания шлюпки должны были бы показаться ему незнакомыми. Шлюпки были принадлежностью вытянутых наружных ангаров, что можно видеть на внешних корпусах лайнеров и больших грузовых кораблей. Их редко кто видит — они постоянно находятся в этих закрытых ангарах, и не так часто случаются аварии, когда приходится прибегать к последнему средству спасения.

— Что за черт?— озадаченно потребовал разъяснений старатель.— Что это за посудина?

Тормозной двигатель космоскафа ожил на несколько доль секунды. Теперь корабль висел совершенно неподвижно относительно астероида и шлюпки.

Данн добрался до воздушного шлюза шлюпки. Подтянувшись и забравшись в камеру, он мрачно сказал в шлемофон:

— Это занятая скала, Смайдерс! Я здесь работаю. Если бы я тебя не знал, я бы не стал сейчас разговаривать. Я бы стрелял. Уходи!

Пауза. Потом люк потрепанного космоскафа распахнулся. Показалась фигура человека в скафандре. Прикрепив фал к зажиму на корпусе, человек оттолкнулся и поплыл к скале.

— Я же сказал, что эта занятая скала!— процедил Данн.

С необыкновенной ловкостью человек связал двойную петлю, набросил ее на выступ скалы и одним рывком затянул. Потом невысокий старатель посмотрел на Данна.

— Стреляй, черт побери! Но ты потом еще пожалеешь! Я сейчас поднимусь к тебе, чтобы мы могли поговорить.

Данн многозначительно поднял базуку. Коротышка издал звук, означавший, очевидно, упрек. Он продолжал двигаться. Он не представлял опасности. Убить его сейчас значило совершить бессмысленное убийство. Данн не нажал спуска. Он чувствовал негодование человека, вынужденного уступить, чтобы сохранить уважение к себе.

Маленький старатель с необыкновенной для условий невесомости ловкостью добрался до люка шлюпки. Руки он держал демонстративно на высоте плеч, и ждал, пока Данн не присоединится к нему. Сцепив зубы, Данн влез в камеру шлюза.

В соседстве мешка с рудой, в тесной камере Данн не мог бы воспользоваться базукой, но у него было на готове другое оружие.

Через тридцать секунд раскрылась внутренняя дверь и Данн опустил пистолет в кобуру. Он забросил мешок с рудой внутрь шлюпки.

Смайдерс снял свой шлем. Он ухмылялся. Данн тоже снял шлем.

— Ну, в чем дело?— резко спросил он.— Я спокойно мог бы пристрелить тебя, Смайдерс, совершенно спокойно.

— Стрелять каждый умеет,— охотно согласился невысокий старатель.— Но никто никогда зря не делает. Если я нахожу подходящую скалу, я каждый раз начинаю шуметь, поминаю гуков и всех святых. Если кто-то на ней уже работает, он поймет, что это я и он знает, что я старый и ненормальный, и он не будет стрелять.

— И ты им это объясняешь,— язвительно спросил Данн,— и в том случае, если они понимают, что ты можешь рассказать, где они работают и насколько богата у них жила?

Смайдерс кивнул.

— Конечно. Конечно, я им говорю! Но обычно я никого не встречаю. К тому же все знают, что я ищу гуков. Я добываю ровно столько кристаллов, чтобы купить припасы на очередном транспорте. А потом отправляюсь искать гуков. Хитрые твари! Они шпионят за нами, прилетая с Тотмеса. И только у них выпадает случай настигнуть старателя, как — пффф!— ему крышка. Он исчез! Недавно я повстречал один космоскаф, приветствовал его по космофону, так они тоже слышали эти звуки, похожие на чириканье — это двигатели гуков. Этот парень, Хейн, он тоже их слышал. Но потом гуки скрылись.

— Когда это было?— имя Хейна заставило Данна задать вопрос.

— Помнится, сегодняшним утром, если только бывает утро здесь, в Кольцах.

— Слушай, Смайдерс,— сказал Данн. Ты бы отправлялся отсюда по-хорошему. Хейн убил моего напарника и приготовил ловушку для меня. И я жду с минуты на минуту, что он вернется проверить, как сработала его мина. Ты бы лучше шел отсюда.

Поколебавшись, он добавил с неохотой: — Кое-кому тоже не мешало бы уйти вместе с тобой. На твоем корабле он будет в большей безопасности, чем на моем.

— Нет!— послышался резкий возглас Найк.

Маленький старатель повернулся, словно ужаленный. Он недоверчиво вытянул шею. Он раскрыл рот.

— Это женщина! Женщина в Кольцах! Женщина!

— Это сестра моего напарника,— холодно объяснил Данн.— Она прилетела повидаться с ним. И мы нашли его мертвым — вернее, убитым.

— Сто лет не видел живой женщины,— потрясенно пробормотал Смайдерс.— Последний раз, когда был на Хорусе, когда моего напарника убили гуки. Подумать только, женщина!

— Это еще не значит, что я уйду отсюда с кем-то!— продолжала Найк.— Я приняла на себя партнерство брата. Мне принадлежит часть этого корабля! Ты не имеешь права заставлять меня уйти!

— Нет, мэм,— сказал вдруг Смайдерс,— не волнуйтесь, он не сможет заставить вас делать что-то, чего вы делать не хотите. Мы тут немного отвыкли от обращения с женщинами, в Кольцах. Но заставить он вас не может.

Он подмигнул Найк. Найк сжимала и разжимала кулачки. Она быстро дышала. Данн понял, что она испугана. Он надеялся, что она боится Смайдерса.

Данн прошел в контрольную рубку. Случайный взгляд на радар заставил его глаза вспыхнуть.

— Смайдерс, я ведь говорил, что тебе лучше уходить отсюда. Еще не поздно. Кто-то пожаловал к нам в гости, но ты еще успеешь.

— Кто там?— спросил Смайдерс.

— Думаю, это Хейн,— сказал Данн.— И если это он, я убью его, чтобы отомстить за смерть Кииза.

Смайдерс повернулся к Найк.

— Мэм, может вы хотите уйти на моем корабле? Или мне лучше остаться и помочь Данну? Вряд ли это Хейн, наверное, это гуки. Я слышал их сегодня.

— Убирайся,— крикнул Данн,— сейчас же!

Он опустил шлем Смайдерса на место и подтолкнул старателя к люку шлюза, нажав кнопку откачивающего насоса.

— Я буду стоять в люке шлюза,— сказал он Найк. Следи за всем остальным, как я показывал.

По корпусу шлюпки кто-то застучал снаружи. Выскочив в контрольную рубку, Найк увидела в иллюминатор Смайдерса, который успел уже выбраться за борт. Увидев сквозь стекло иллюминатора Найк, он показал ей обрезанный конец швартовочного каната. Смайдерс "отвязал" шлюпку, и теперь с бесконечной медлительностью она отплывала от скалы. Это сказывался момент вращения, который она успела приобрести, пока была привязана к скале. Даже одного оборота в десять минут было достаточно, чтобы шлюпка начала отдаляться от астероида.

— Он отцепил нас,— сказала Найк.— А теперь он поплыл к своему кораблю. Он быстро двигается.

— Надевай шлем,— сказал Данн.— Проверь соединения и переключайся на дыхание от баллонов.

В динамиках послышался голос Смайдерса.

— Гуки!— вопил он.— Осторожно, ребята! Гуки приближаются. Четыре корабля, полные гуков. Они сейчас доберутся до вас.

— Это он не для нас,— холодно проговорил Данн.— Это для непрошеного гостя. У Смайдерса приступ благородства и он решил сыграть на нашей стороне. Только будет ли нам от этого польза? Опусти забрало, если нам продырявят корпус, воздух сразу улетучится. Я уже показывал тебе, как маневрировать кораблем. Сам я буду стоять в люке шлюза и стрелять.

Он скрылся за внутренним люком переходной камеры. Все было готово — фал прикреплен к зажиму, базука заряжена и в боевой готовности.

Данн напряг слух, но в наушниках шлемофона не слышалось ничего подозрительного. Но радар не мог ошибиться.

Смайдерс добрался до люка своего космоскафа. Он забрался внутрь и люк закрылся, но не до конца. Из щели торчала веревка. Потом веревка исчезла и люк захлопнулся, на этот раз уже плотно.

Немедленно голос Смайдерса зазвучал уже на волне передатчика космоскафа.

— Эй, Хейн! Держись подальше отсюда! Здесь люди! Без фокусов! Держись в стороне!

Казалось, ничего не происходит. Но на экране радара шлюпки продолжала двигаться отметка космоскафа. С невообразимой медлительностью сама шлюпка отдалялась от астероида.

Когда наконец это произошло, все получилось так быстро, что уследить за ходом событий не было никакой возможности. Только что в пустоте плавало три объекта: шлюпка, космоскаф и коричневатая каменная масса астероида. Данн держал базуку наготове.

Вдруг последовала яркая вспышка. Сверкнул металл. Какая-то тень, слишком близко и слишком быстро двигавшаяся, чтобы ее можно было рассмотреть, пронеслась мимо шлюпки. Вспышки света, казалось, образовали цепочку, тянувшуюся от нее к шлюпке.

И тут сама шлюпка будто сама прыгнула вперед. Данна выбросило из шлюза. Базука выскочила из пальцев, но к счастью она была прикреплена тросом к поясу скафандра. Шлюпка мчалась вперед с невообразимой для ее не слишком мощных двигателей скоростью. В наушниках Данна отчаянный голос Найк спрашивал, что случилось, как будто Данн был в состоянии ответить, даже если бы знал.

С трудом Найк удалось, наконец, преодолевая ускорение, добраться до контрольной панели. Она нажала на клавишу, которую ей раньше показывал Данн.

Мгновенно пропало ускорение. И теперь, когда двигатели замолчали, шлюпка, казалось, падает в бесконечность.

Цепляясь за чудом выдержавший рывок эластичный фал, Данн с трудом забрался в люк. Потом он подтянул базуку, затворил внешний люк,— и увидел, что в нем зияет дыра.

Это была круглая дыра, не более полудюйма в диаметре. Значит, теперь невозможно будет открыть внутренний люк, так как в переходной камере царит вакуум.

В ярости, он ударил по внутреннему люку.

Люк распахнулся.

Не веря себе, Данн вошел в шлюпку. Это могло означать только одно — и внутри шлюпки тоже царила безвоздушная пустота.

Отвернувшись от контрольной панели, Найк увидела вошедшего Данна и подняла руки к шлему, собираясь снять его. С криком Данн бросился к ней. Он схватил ее за руку.

— Стой!— выдохнул он.— Здесь вакуум!

Он коснулся шлемом ее шлема. Теперь они могли слышать друг друга.

— Не снимай шлема! Корпус продырявлен! Воздух улетучился!

— Надо проверить, сколько мы получили пробоин.

Этого Найк уже не слышала, но она догадалась, что Данн намерен делать, видя, как он сначала осматривает дыру во внешнем люке воздушного шлюза, потом начинает искать остальные отверстия.

Их оказалось почти дюжина. Все — круглые, словно просверленные отверстия, но края были зазубренными, и это явственно свидетельствовало о том, что они были пробиты в металле. Неожиданно он понял, каким образом они были проделаны. Каждое отверстие было пробито в доли секунды, пока неизвестный корабль проносился мимо шлюпки.

Но это было еще не все. Двигатели шлюпки работали не так, как должны были бы. Шлюпка какое-то время шла в свободном полете в неизвестном направлении с необыкновенной для маленького корабля скоростью. Прежде, чем снова включать двигатели, необходимо было выяснить причину их странного поведения.

Но проблема воздуха была более насущной. Данн обыскал пол каюты и нашел один из предметов, которые, очевидно, проделали отверстия в корпусе шлюпки. Это был стерженек из твердого металла, заостренный на одном конце, на другом имелись явственные следы, оставленные какой-то горевшей субстанцией.

Данн прикоснулся шлемом к шлему Найк.

— Я нашел его!— сообщил он.— Вот одна из тех штук, что проделала дыры в корпусе! Очень странно. Это древнее оружие, основанное на том же принципе, что и мой пистолет. Оно называлось "пулемет". Интересно, где это Хейну удалось его раздобыть. А этот цилиндрик назывался в те времена "трассирующей пулей".

Найк ничего не сказала.

— Древнее оружие,— продолжал Данн.— Все равно, что лук и стрелы! Наверное, Хейн попытается догнать нас, чтобы проверить мерт-

вы ли мы. Но у нас бешенная скорость. Если мне удастся заделать пробоины, то мы еще поборемся. Это не космоскаф, это спасательная шлюпка!

Он, не теряя времени начал искать набор аварийных принадлежностей. Шлюпка несла не только необходимые инструменты, но даже запас семян — на случай, если выжившим после аварии лайнера удастся опуститься на пригодную для обитания планету, где не будет растений, годящихся в пищу.

Данн отыскал также специальные вакуумные втулки, из специальной пластиковой смолы, которая стремительно полемизировалась до железной твердости, едва втулку прикладывали к металлу. Такая втулка, похожая на биллиардный шар, надежно закупоривала пробоину.

Данн работал проворно и вскоре все пулевые отверстия в корпусе были заделаны. Но Найк не понимала, какой имелся смысл в его работе? Где они возьмут кислород, чтобы наполнить каюты? Когда кончится двухчасовой запас в баллонах скафандров, они неизбежно умрут. Но спрашивать она пока не решалась, чтобы не мешать Данну.

Она наблюдала, как погруженный в работу Данн производит соединение толстых электрических кабелей с устройствами, которые назывались "топливные батареи". В них топливо двигателей можно было использовать для производства электроэнергии. Закончив подсоединение, Данн подошел к ней и коснулся шлемом шлема.

— Нам повезло,— сказал он,— что это спасательная шлюпка, а не космоскаф.

— Мы каждый потребляем за день примерно фунт кислорода. На космоскафах кислород хранится в баллонах под давлением. На шлюпках же используют электролиз воды. На это уходит больше энергии, но галлон воды и топливо, уходящее на производство кислорода из этой воды весят меньше, чем восемь фунтов кислорода под давлением в баллоне!

Найк не сразу осознала, что означают эти комментарии. Потом она спросила недоверчиво:

— Ты хочешь сказать, что... собираешься снова наполнить корабль воздухом?

— Не воздухом,— поправил он ее.— Кислородом. Тем самым газом, каким мы дышим сейчас в скафандрах. Им можно дышать при давлении всего три фунта, потому что он не разбавлен азотом. Под полным давлением и без азотного наполнителя он опьянил бы нас.

Найк почувствовала такое облегчение, что ей стало даже стыдно за прошлое отчаяние.

— А двигатели?— спросила она все же с пересохшим горлом.— Что с двигателями?

— Понятия не имею,— сказал Данн.— Сейчас я этим займусь.

Он кивнул ей ободряюще. Найк смотрела на него теперь совсем другими глазами. Таково инстинктивное поведение женщины в опасный момент. Раньше она полагалась на брата. Она не представляла, что

может существовать еще кто-то, кому она так же доверяла бы. Данн был для нее посторонним человеком, совершенно чужим, и вдруг все переменилось. Он наполнит шлюпку кислородом заново. Он, и не кто другой, раздобыл эту шлюпку, чтобы найти ее брата. И он был готов сражаться за их жизнь.

Она смотрела, как Данн снимает крышку с распределительного узла, через который шло распределение энергии на шлюпке.

Сейчас в крышке зияло аккуратное круглое отверстие от пули. Сняв крышку, Данн начал разбираться в паутине разноцветных проводов. Он обнаружил причину аварии — произошло короткое замыкание.

Он устранил неполадку. Потом рука его странным образом дернулась к шлему, словно он хотел в недоумении почесать затылок. Он поставил крышку на место. Теперь он начал приподнимать одну из плиток пола. Там находились элементы двигательной системы. Неуклюже, но осторожно работая руками в перчатках, он добрался до тяговых блоков. Медные пластины были раскалены почти до красного свечения.

Присев на корточки. Данн что-то рассматривал в недрах системы. Найк подошел ближе, чтобы тоже посмотреть.

Данн поднялся и заговорил с ней, когда Найк коснулась своим шлемом его.

— Короткое замыкание сожгло кристалл,— объяснил он.— Поэтому-то он и тянул, как дьявол. Но сам почти весь выгорел. Смотри!

Он показал на плоские медные пластины с крохотной песчинкой серого кристалла между ними.

— Он разрушен?— спросила Найк.

— Почти,— сказал Данн.— Ты вовремя выключила тягу.

Космоскафу требовался кристалл в полграмма. Шлюпке нужен был кристалл немножко побольше. Лайнер на межпланетной линии использовал кристалл, который стоил больше, чем все остальное оборудование корабля, включая корпус, обстановку помещений и так далее.

Найк отодвинулась. Данн вдруг поймал ее за руку. Их шлемы вновь коснулись друг друга.

— Кислород!— донесся тихий голос Данна.— Теперь моя очередь тебе напомнить!

Он улыбнулся. Найк взглянула на указатель давления и послушно отправилась сменить один из баллонов, в котором стрелка указателя уже дошла до нулевой отметки.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Каюта и контрольная рубка шлюпки опять наполнились кислородом, и Данн и Найк сняли скафандры.

Двигатели тоже были готовы к действию. Мешок с осколками матрицы, который Данн успел захватить с собой, оказался не слишком богатым в отношении кристаллов. Их там оказалось всего четыре. И только один был пригоден для установки в тяговый узел. Этот кристалл сам не достигал полуграмма весу, и на таком крохотном кристалле шлюпка не могла развить высокой скорости. Но все же двигатели могли работать. В этом было даже свое преимущество. Электромагнитное эхо работы двигателей теперь не походило ни на что знакомое старателям. Звук должен был быть очень слабым, и на большом расстоянии его вообще коммуникаторы могли не обнаружить. А о том, чтобы использовать его в качестве пеленга не могло быть и речи.

Сейчас перед Данном стояла другая задача — определить положение шлюпки. Он не знал, в каком направлении и с какой скоростью умчался корабль после нападения Хейна.

С помощью радара он начал определять относительную скорость шлюпки среди плавающих в тумане твердых осколков, а также скорость и направление движения самих осколков, которые в этой области Колец встречались, как он успел заметить, реже, чем в знакомом Данну секторе.

Данн вычислял, используя, в основном, догадки и надежды вместо математических законов. Закончив, он тряхнул головой.

— Далеко же нас забросило,— сказал он.— Мы дольше шли с ускорением, чем я думал. Возможно, мы успели пересечь все первое Кольцо. Во всяком случае, сейчас мы можем рискнуть начать торможение — вряд ли кто-то нас услышит.

Найк ничего не сказала в ответ, но ее глаза сопровождали движения рук Данна, когда он включал двигатели. Звук работы изменил тональность. Теперь он больше напоминал звук двигателей космоскафа, благодаря меньшим размерам нового кристалла в тяговом узле.

Данн кивнул с удовлетворенным видом. Он продолжал следить за экраном радара и время от времени делал новые вычисления. Один раз он с недоумением уставился на полученный результата. Но вслух ничего не сказал.

Найк теперь могла уйти в каюту позади рубки, но она предпочитала оставаться в пилотском кресле. Здесь она, по крайней мере, могла видеть Данна, и чувствовала себя не так одиноко в царившей внутри шлюпки тишине. Незаметно, она уснула.

В удаленном от них месте Колец космоскаф тоже замедлял ход. За пультом управления сидел Хейн. Они приближались к обломку скалы,

на котором раньше работали Данн и его партнер. Данн и Найк должны были быть тоже мертвы к этому времени, в этом Хейн и его напарник не сомневались. Они использовали испытанный прием с пулеметом, который не раз уже оправдывал себя.

Обычно старатели, замечая приближение чужого космоскафа, готовились к схватке. Они ожидали, что чужой корабль замедлит ход, и это означало бы приближение неприятностей. Если же космоскаф хода не замедлял, а продолжал нестись с прежней скоростью, люди на астероиде чувствовали облегчение и несколько ослабляли бдительность. Они думали, что космоскаф просто пролетает мимо. И очередь из пулемета заставала их врасплох. Это было надежное оружие — если на астероиде имелся купол, пули легко пробивали дыры в его оболочке. С той же легкостью они дырявили корпуса космоскафов и скафандры старателей, что означало немедленную смерть в ледяном вакууме Колец.

Это было надежное практичное устройство, под стать его владельцам — практичным деловым людям.

Таким образом, Хейн и его напарник деловито приближались к астероиду, где ими было совершенно уже второе — как они рассчитывали убийство. Они ожидали увидеть в пространстве возле осколка корабль Данна. Но его там не было. И космоскафа Смайдерса там тоже не было.

Скала плыла в одиночестве. Это было хорошее месторождение. Чтобы опустошить его двум старателям потребовалось бы не менее двух недель. Но Хейн и его партнер, казалось, не слишком интересовались содержимым жилы.

Рассерженный и растерянный, Хейн вслушивался в звуки космоса, стараясь уловить жужжание двигателей. Он не мог понять, почему их операция не удалась.

Более того, если Смайдерс скажет на следующем сборе старателей на корабле-транспорте, что Хейн владеет и пользуется пулеметом, то Хейну не поздоровится. Старатели решат, что не стоит позволять Хейну и его партнеру продолжать в том же духе. И кто-то — кому это будет удобнее всего сделать это — пристрелит их на месте.

Поэтому, уловив едва слышный отзвук жужжания двигателя космоскафа, Хейн взял пеленг и начал погоню. Смайдерса нельзя отпускать живым. Ошибку нужно исправить. Данн... Данн тоже должен был умереть, а с ним и Найк. Главное, не упустить Смайдерса.

Тем временем Данн продолжал размышлять, сидя в кресле у пульта управления шлюпкой. Рядом спокойно спала в мягком кресле Найк.

Данн снова и снова перебирал в уме события последних дней, восстанавливая последовательность происшествий, и стараясь посмотреть на все дело под новым углом.

Он не спешил. Времени в его распоряжении было более, чем достаточно. Тем более, что у него начали появляться некоторые интересные мысли. Откуда у Хейна пулемет? Раздобыть его было бы нелегко. Хейн,

как казалось всем, явился в Кольца искать кристаллы. Но одновременно он привез с собой и смертоносное оружие. Почему?

Данн взглянул на мирно спавшую Найк. Если принять во внимание одно предложение, то все дело меняло вид. Хейн с самого начала хотел убить не Данна, хотя это было бы тоже желательно, с самого начала его целью было убить Найк.

Найк прилетела но Кольца, чтобы сообщить что-то важное брату. Брата убил Хейн, и явно пытался совершить то же самое с Найк.

Данн только начинал развивать все возможные последствия такого предположения, когда произошло какое-то изменение в однообразном золотом тумане за иллюминатором.

Данн поднял взгляд. В иллюминаторе сияли звезды, постепенно они становились все ярче, по мере того, как шлюпка выходила из зоны пылевых облаков.

И в следующий миг шлюпка уже летела в прозрачной пустоте между двумя кольцами, называемыми делением Кассини — в память об ученом, который впервые открыл подобное образование в кольцах планеты Сатурн в Первой системе.

Здесь не было пыли. На многие мили протянулась зона чистого пространства.

Но и шлюпку здесь больше не укрывало покрывало пылевых частиц. Здесь ничего не стоило обнаружить ее невооруженным взглядом.

Данн подошел к креслу Найк и тронул спящую девушку за плечо.

— Моя очередь дежурить?— Найк открыла глаза.

— Нет,— сказал Данн.— Я должен задать тебе несколько очень важных вопросов.

Найк отовела глаза в сторону. Почему-то к ней вдруг опять вернулась неуверенность прежних часов.

— Найк, почему Хейн хотел тебя убить?— спросил вдруг Данн.

Найк вздрогнула. Она подняла глаза на Данна.

— Мне пришло в голову,— сказал Данн,— что Хейну нужна не только моя смерть. И не только Смайдерса — теперь, когда тот может рассказать всем остальным о старой стреляющей машине на борту космоскафа Хейна, но именно твоя смерть? И почему ты решила сама прилететь сюда, на Кольца? Что произошло на Хорусе?

Найк проглотила комок в горле. Потом она сказала:

— Они... они пытались убить метя там, на Хорусе. В голосе ее одновременно чувствовалось отчаяние и непокорность.— Ты можешь мне не верить, но это так! Все выглядело, как несчастные случаи... Но, я знаю, они пытались убить меня. Я знаю, ты думаешь, что я не в своем уме!

— Кто пытался?— спросил Данн.— Я вовсе не думаю, что ты не в своем уме.

— Но это звучит невероятно! Я не знаю, кто это был!

— Тогда знаю я,— сказал Данн.— Твой брат доверял мне, и он кое-что рассказал мне о сложившейся ситуации. И просил моего совета. Я посоветовал ему убить Хейна.

— О, нет!— дрожащим голосом воскликнула Найк.

— Да! Это разрешило бы все проблемы. И я жалею, что сам не убил его тогда, на Отдушине! Я не знал, что твой брат уже не живет, и хотел оставить это дело для него, чтобы он не чувствовал себя обязанным мне. Как я мог так ошибиться!

— Я... я не понимаю!— запротестовала Найк.

— Смотри!— начал объяснять ситуацию Данн.— Ваш дядя — Джо Гриффит — нашел небывало богатое месторождение кристаллов, которое назвали Большой Леденцовой Горой. Он принес с собой больше кристаллов, чем собирают все старатели в Кольцах за три года. И он хвастал, что принесет еще больше. Но он не вернулся к очередному сборщику. Больше его никто не видел!

Найк попыталась проглотить комок в горле, сухом, как колодец в пустыне.

— Д-да. Это так.

— Деньги за те кристаллы, что он успел принести и сдать, хранятся в Абиссальной Минеральной Комиссии на Хорусе и принадлежат его наследникам. Комиссия пыталась установить, кто же ими является, правильно?

Найк молча кивнула.

— У вас есть некие дальние родственники, очень далекие, но претендентами на право наследия они не могут стать. Но суд должен предпринять все возможности, и был произведен поиск других родственников, и когда их не нашли, дело было передано на слушание. Разбор займет несколько месяцев, и если не появятся другие, более сильные претенденты, к вам переходит куча денег.

Найк кивнула.

— Но...— с трудом выговорила она.

— Да,— согласился Данн.— Имеется "но"! Если ты вдруг умрешь до вынесения судом решения, если твой брат тоже вдруг погибнет, то деньги отойдут к тем дальним родственникам. А они не из числа людей, знакомством с которыми можно гордиться.

— Я их никогда не видела...

— Ты видела одного — Хейна. Он женат на одной из твоих двоюродных сестер. И он появился в Кольцах, чтобы позаботиться о твоем брате. Я подозреваю, что с предыдущим сборщиком он направил на Хорус условное сообщение о том, что готов покончить с Киизом и что им пришла пора заняться тобой.

— Так ты... ты знал все с самого начала!

— А ты стала бы мне доверять, если бы я выложил все с самого начала. Я бы выглядел, как обыкновенный негодяй, который пытается заполучить богатую жену.

— Что же мы теперь будем делать?

— Теперь мы понимаем друг друга, наверное,— сказал Данн.— Мы попали в нелегкое положение. И выбраться из него будет нелегко. Я говорил твоему брату, что нужно просто первому убить Хейна. Но он не хотел быть негодяем, и Хейн сам убил его. Я не намерен повторять ошибку твоего брата.

— Но ведь ты вел себя благородно по отношению ко мне!— сказала Найк.

Данн пожал плечами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Прошло уже два часа с тех пор, как их шлюпка пересекла деление Кассини. Все это время молчавший настенный динамик детектора вдруг ожил, давая знать, что поблизости с жужжанием идет какой-то космоскаф. Это мог быть любой из многих кораблей, работающих в Кольцах.

Данн взглянул на радио, потом прислушался. В жужжании космоскафа присутствовал еще какой-то необычный звук. Кто-то на этом корабле одновременно вел передачу, но ее заглушало эхо двигателей. Данн автоматически выключил тягу шлюпки. Он еще раз сверился с радаром. Да! На экране появилось эхо второго космоскафа. Он должен был пройти в нескольких милях слева по курсу шлюпки.

Неразборчивое бормотание вдруг переросло в четкий звук.

— Слушайте меня!— кричал человек на космоскафе.— Слушайте все! Хейн убивает людей! Он убил Данна и девушку, которая прилетела на последнем сборщике. Он пытался убить меня. Он убил Киниза. Все ищите Хейна. Не подпускайте его близко! Он убивает людей, чтобы достать кристаллы!

Смайдерс!!!

Конечно, это был он. Каким-то образом ему удалось уйти от преследователя. Но что за безумная выходка? Данн поколебался немного, потом включил передатчик.

— Смайдерс!

— Кто это?— Смайдерс, похоже, был поражен ужасом при звуке голоса Данна.— Кто это?!

— Смайдерс!— снова сказал Данн с нетерпением и гневом.— Заткни глотку!

Он выключил передатчик. Он выругался про себя.

В рубку вошла Найк. Данн рассказал ей о том, что произошло.

— Ты поможешь ему?— спросила Найк.

— У меня и так забот хватает!— Данн стремительно повернулся к ней лицом.— Я не стал бы рисковать твоей жизнью даже ради тысячи Смайдерсов.

Найк слабо улыбнулась, кивнула головой.

— Вот именно. Ведь в Кольцах выживает только негодяй.

В динамике раздался отчаянный голос Смайдерса:

— Данн! Где ты, Данн! Помоги мне! Хейн преследует меня, он почти меня настиг. Вдвоем мы сможем отбиться от него. Мы должны защитить юную леди!

— Болван! Идиот!— взвился Данн.

Он развернул шлюпку и включил двигатели. Шлюпка пошла по новому курсу.

Ярость наполняла Данна. Если Смайдерс желает всем кольцам сообщить о своих координатах, едва избегнув смерти от рук Хейна, это его дело! Но это болван уже сообщил Хейну, что Найк и Данн до сих пор живы!

— Это ты, Данн?— завопил опять вдруг Смайдерс.— Но твой двигатель звучит не так, как раньше! Теперь он звучит как у космоскафа, а раньше звучал, как у спасательной шлюпки! Это ты, Данн? Или это Хейн?

Экран локатора показывал, что прямо по носу шлюпки в тумане скрывается большое твердое тело и кораблю грозило столкновение. Осколок поражал своими размерами. Это был просто гигантский астероид! Данну пришлось включить тормозные двигатели, чтобы избежать столкновения. Потом его внимание снова привлек голос Смайдерса, который пронзительно завопил:

— Эй! Ты! Кто приближается ко мне? Кто это? Убирайся, не подходи! Не подходи!

Теперь на Данна набалились обязанности целой корабельной вахты. Нужно было одновременно следить за надвигающимся по курсу астероидом и за всплесками радиоэха на локаторе, обозначавшим корабль Смайдерса и еще один космоскаф, приближавшийся к Смайдерсу.

— Данн? Это ты? Если ты шутишь, то перестань немедленно! Не приближайся!

А впереди из тумана Колец уже выползла масса гигантского астероида — не менее полутора миль в длину. Блеснул выход чистого металла. Темным зевом чернел вход в пещеру.

Данн яростно манипулировал рычагами ориентации. Создатели шлюпки явно не рассчитывали, что с их детищем кто-то будет обращаться так непочтительно. Данн дал несколько точных сигналов тормозным двигателям. Послышался скрип терзаемого металла о камень и...

Шлюпка замерла. Данн пробормотал сквозь зубы:

— Это даже лучше, чем я ожидал. В этой пещере мы надежно укрыты. Возможно, нас найдут. Но даже против пулемета мы не так уж плохо защищены.

— Мы прячемся от Хейна?

— В том-то и вопрос — спрятались ли мы?

В иллюминаторы он не смотрел. Его глаза были прикованы к экрану локатора. Тот выглядел не совсем обычно — он был совершенно темен, не считая веерообразного поискового луча, который пробивался сквозь выход пещеры наружу.

— Нас экранирует скала,— сказал Данн.— Получать сигналы мы можем только со входа пещеры. А астероид вращается.

Жужжание двигателя космоскафа Смайдерса. Тишина. Снова жужжание. Шорох разрядов в атмосфере Тотмеса. Помехи, вызываемые излучением короны местного солнца. И снова тишина.

— Наверное,— сказал Данн,— нужно выйти ко входу пещеры и посмотреть, что происходит. Возможно, я смогу помочь Смайдерсу.

— Я тоже пойду!— выпалила Найк.— Если тебя убьют, я все равно погибну.

Данн поднял базуку.

— Запомни, не пользоваться космофоном. Ни в коем случае!

Когда они оба облачились в скафандры и надели шлемы, Данн коснулся своим шлемом шлема Найк и сказал:

— И еще одно. На тот случай, если с нами что-нибудь случится. Я хочу сказать, что хотел бы никогда не расставаться с тобой, Найк. Короче...

Но тут они вошли в камеру переходного шлюза, и больше Данн ничего не сказал. Он занялся прикреплением соединительных фалов. Найк что-то пыталось сделать со стеклом своего шлема. Как будто оно запотело изнутри. Данн увидел, что она плачет, и пытается смахнуть слезу рукой.

Люк раскрылся. Они оба вышли в мрак пещеры, включив нашлемные фонари, которые раньше никогда не применялись в вечном туманном полдне Колец. Данн направился к выходу пещеры. Найк повернулась в противоположную сторону. Некоторое время она стояла неподвижно. Но вот она издала какой-то невнятный возглас, но услышала его только сама. На стене пещеры виднелись какие-то символы, буквы и цифры.

Но Данн смотрел в противоположную сторону. Он добрался до носа шлюпки и теперь выглядывал из пещеры. В тумане вокруг мелькнуло что-то металлическое. Космоскаф. Потом мелькнуло второй раз. Второй космоскаф. Это были корабли Смайдерса и Хейна. Приближалась развязка погони.

Данн выбрал позицию поудобнее и подключил к базуке внутришлемный экран-прицел. Он теперь был готов стрелять в любую минуту.

Мгновение спустя прямо, казалось, из под его ног, появился космоскаф Смайдерса. Он уходил, стараясь укрыться в тумане. За ним тянулась дымная полоса — след снаряда базуки. Полоса пересекла курс космоскафа. Вспышка. Еще несколько дымных следов. Второй снаряд

прошел мимо и исчез в пустоте. Но третий и четвертый настигли свою жертву.

Старый, видавший виды, космоскаф Смайдерса начал разваливаться. И тут из тумана появился его преследователь. Хейн выстрелил еще раз, хотя в этом уже не было нужды, добивая беспомощного Смайдерса. То, что осталось от его корабля, медленно погружалось в золотой туман Колец, скрываясь из поля зрения.

Гнев заставил Данна до боли сжать зубы. На экранчике прицела четко вырисовывался увеличенный электронным инвертором корпус космоскафа Хейна. Данн не спеша, словно в тире, совместил точку прицела со вздутием на корме кургузого круглого космоскафа. Он знал, что это самое уязвимое место, там располагались основные резервуары топлива. Он нажал на спуск. И даже когда ослепительная вспышка затопила экран, заставив его глаза слезиться, он продолжал нажимать на спуск, посылая снаряд за снарядом, пока не опустел магазин базуки.

Шлем Найк коснулся его шлема.

— Данн! Пойдем! Посмотри, что я нашла!

Данн молча, внезапно почувствовав страшную слабость, охватившую его после пережитого напряжения, последовал за девушкой в глубь пещеры. Найк подняла голову, так, чтобы световой кружок от нашлемного фонаря падал на стену.

В круге света проступили выведенные на серой стене символы: "ДжГ-27". Найк подвигала лучом и стена будто вспыхнула множеством искр. Из нее повсюду торчали крупные сероватые кристаллы. Ниже виднелся люк, такой же, как в шлюзах жилых походных куполов.

— Вот она!— крикнула Найк, коснувшись шлемом шлема Данна.— Это Большая Леденцовая Гора! Мы нашли ее! Смотри — "ДжГ-27", это значит, Джо Гриффит, двадцать седьмой год! Год, когда он нашел Гору! Это и есть Большая Леденцовая Гора!

Данн хотел что-то сказать, но из его открытого рта не раздалось ни звука. Так же молча он снова стиснул зубы.

ЭПИЛОГ

На поле космопорта Отдушины уже расположилось несколько космоскафов, когда Данн повел шлюпку на посадку. Все экипажи космоскафов уже наслаждались благами цивилизации внутри сборщика. Никто не заметил прибытия нового корабля.

Данн вошел в корабль-сборщик через служебный люк. Он направился прямо в каюту капитана.

— Я хочу сдать немного кристаллов,— сказал он коротко.

И выложил на стол содержимое мешка. Конечно, это было далеко не все, что они собрали с Найк. Сотая часть, наверное.

Челюсть капитана беззвучно отвалилась.

— Я нашел Большую Леденцовую Гору,— продолжал Данн, все также лаконично.— Естественно, я не намерен оставаться в Кольцах. Это было бы слишком опасно. Поэтому я лечу на Хорус в своей шлюпке. Мне требуется дополнительные запасы воды, кислорода и провизии. Позаботьтесь, пожалуйста, чтобы все было приготовлено как можно скорее, пока они,— он кивнул в сторону зала, где праздновали прибытие транспорта старатели,— еще ничего не узнали.

Капитан сборщика второй раз посмотрел на высыпанные на стол кристаллы, но и это ни в коей мере не помогло ему заговорить.

— Вот список необходимых мне запасов,— сказал Данн, подавая лист капитану.— И еще. По древней традиции, капитаны судов — будь-то морских сил или космических, имеют право совершить церемонию бракосочетания. Я прошу вас об этой услуге сейчас.

ЛОВУШКА ПРОКСИМА ЦЕНТАВРА

I

Огромный шар корабля тормозил. Звездолет, который первым должен был долететь до звезд, стремился к скорости, при которой можно было начать маневрирование.

А далеко впереди приглашающе блестела Проксима Центавра. Телеобьективы, которые были вмонтированы в броню корпуса, передавали изображение на экраны, установленные в рубке корабля. За изображением внимательно следил пожилой седобородый мужчина в мундире. Медленно, словно он говорил это уже много раз, мужчина произнес:

— Это кольца особенные. Двойное, как у Сатурна. А у него, как известно, девять спутников. Можно было бы поразмышлять о том, сколько планет может иметь эта звезда.

Находящаяся здесь же в рубке девушка раздраженно отозвалась:

— Мы в этом скоро можем убедиться. Уже скоро. Мы почти прибыли на место. И уже знаем время обращения одной из них. Джек говорил...

Ее отец медленно повернулся к ней:

— Джек?

— Гарри,— поправилась девушка.— Джек Гарри.

— Моя дорогая,— нежно проговорил старик,— он производит впечатление приличного человека. Ему нельзя отказать в способностях, но не забывай, что это бунт. Помни об этом!

Девушка закусила губу.

— Поверь, это очень прискорбно, что в экипаже произошел раскол. Ты не очень хорошо помнишь, как это произошло, но мы, офицеры, отлично знаем, сколько усилий предприняли бунтари для того, чтобы изменить цели нашего путешествия. Этот Гарри, он бунт. Он по-своему ловок и умен, это нельзя отрицать. Я конечно мог бы позволить ему переселиться в офицерские каюты, но Альстар категорически против этого. Он кое-что обнаружил...

— Я не верю Альстару!— вскричала девушка.— А кроме всего ведь именно Гарри поймал сигналы. И он над ними сейчас работает. Приближается время, когда сигналы вновь можно будет поймать и ты должен помочь ему!

Старик нахмурился. Тщательно осматриваясь вокруг и отмеривая шаги, он подошел к креслу и сел с привычной осторожностью, приобретенной во время длительного путешествия. "Астра" не требовала постоянного несения дежурства у приборов, как межпланетные корабли. Здесь, в межзвездной пустоте, не было других кораблей или метеоритов, не было таинственных силовых полей, которые делали межпланетные полеты столь рискованными.

Корабль был так велик, что мелкие метеориты не могли причинить ему особого вреда. А большие каменные глыбы легко обнаруживались радарами дальнего обнаружения, мгновенно рассчитывался их курс и в случае необходимости автопилот отклонял звездолет от опасного курса.

Боковая дверь в рубке внезапно распахнулась и на пороге возник мужчина. Он прошел вперед. Профессиональным взглядом он окинул приборы и экраны, тронул переключатель. Затем обернулся и улыбнулся старику.

— Ах, Альстар!— отозвался командир.— Я слышал, что ты тоже заинтересовался теми сигналами.

— Конечно, сэр! И как ваш заместитель, я хочу это держать под своим контролем. Гарри — бунт, и я боюсь, что он может скрывать информацию от офицеров.

— Чепуха!— рассмеялась девушка.

— Все может быть,— пожал плечами Альстар.— Буду только рад, если это не так. Но я должен быть уверенным в этом. Поэтому необходимы меры предосторожности.

Зазвонил телефон. Альстар нажал кнопку. Экран на мгновение потемнел и прояснился, чтобы продемонстрировать длинный коридор, в котором находилась одинокая фигура. Изображение приблизилось и стало понятно, что это тот же самый человек, лицо которого уже было на экране.

Альстар резко произнес:

— Вторая дверь не заперта, Гарри. Можешь войти.

— Думаю, что это омерзительно,— со злостью проговорила девушка, когда экран потемнел.— Ты же знаешь, что ему можно доверять! Каждый раз, когда он приходит сюда, в офицерскую часть корабля, ты ведешь себя так, словно он несет в каждой руке по бомбе и ведет за собой часть своих людей.

Альстар пожал плечами и выжидающе посмотрел на капитана. Тот мгновенно отозвался:

— Моя дорогая, Альстар мой заместитель, и он на обратном пути к Земле будет командовать кораблем. Я хотел бы, чтобы эта дорога была как можно менее опасной.

Но девушка отвела взгляд от Альстара, оперлась подбородком на сплетенные руки и уставилась в противоположную стену. Альстар подошел к пульту управления и стал внимательно изучать показания приборов.

Тихо шумел вентилятор. Щелкнуло несколько раз реле и снова наступила тишина. "Астра" — величайшее творение рук человека — летела в космическом пространстве. Свет чужого солнца отражался от ее гигантского корпуса. Двенадцать пурпурных языков пламени летело впереди нее. Прямо по курсу. Корабль тормозил.

Земля была в семи годах полета и ее отделяли от корабля миллионы километров. Межпланетные корабли в Солнечной системе были обыденной вещью. На Венере находилась процветающая колония, на самом крупном спутнике Юпитера находилась большая научно-исследовательская станция, большими темпами развивалась межпланетная торговля, даже после того, как вымирающие города Марса перестали давать большие прибыли. Но пока что только один корабль рискнул отправиться дальше орбиты Плутона и это была "Астра".

Самый большой из всех построенных кораблей, наиболее совершенная конструкция, которую когда-либо создавали люди. По правде говоря, этот проект вначале считался нереальным, неисполнимым. Части конструкции "Астры" были так огромны, что после их изготовления не существовало таких устройств, которые могли бы перенести их к месту монтажа. Поэтому все литейные, сборочные и другие работы были организованы прямо на месте. Дюзы двигателей были такими мощными, что ультразвуковые колебания, неизбежно возникающие во время нейтрализации эффекта поля Галдвалла, должны были излучаться в более чем тридцати разных точках на каждой из них, иначе дезинтеграция топлива распространилась бы и на сами дюзы, а затем на весь корабль, чтобы в конечном итоге охватить всю Землю, превратив ее в мгновенную, все уничтожающую искру. При максимальном ускорении блок из двенадцати дюз уничтожал в своем чреве около пяти кубических сантиметров тяжелой воды в секунду.

Диаметр корабля составлял немногим более полутора километров. Системы жизнеобеспечения могли работать на протяжении всего времени полета без необходимости пополнять или обновлять запасы. Запасы всевозможных предметов были так огромны, что перечисление всего того, что было на этом корабле, заняло бы много дней.

На "Астре" было даже поле в сто пятьдесят гектаров, где в свете ламп, имитирующих солнечный свет, росли всевозможные овощи и фрукты. Фекалии использовались на удобрение, а выдыхаемая людьми углекислота перерабатывалась зеленью на кислород.

"Астра" была миром, замкнутым в себе. Имея достаточно энергии, она могла поддерживать жизнь своего экипажа практически бесконечно, обеспечивая светом, воздухом, водой и едой. Иными словами, на корабле были созданы все условия для обеспечения людских потребностей.

Отправляясь в наиболее удивительное в истории человечества путешествие, корабль получил статус представлять от своего имени все человечество, а капитан был наделен всеми соответствующими полномочиями.

Они отправлялись к цели, которая находилась от Земли на расстоянии в четыре световых года, и минимальное время, которое должно было пройти по их возвращении, оценивалось в четырнадцать лет. Никто из экипажа не мог бы в одиночестве провести это время, потому было решено отправить вместе с ними и их семьи.

Когда "Астра" поднялась с поверхности Земли, на ее палубах находилось пятьдесят детей. В первый же год полета родилось еще десять. Людям на Земле казалось, что гигант может не только бесконечно поддерживать жизнь людей, но и обеспечивать досуг на все время полета. Однако, подобная мысль была ошибочной, это была чисто человеческая ошибка. Экипаж стала охватывать скука. Уже спустя полгода полет перестал быть большим приключением. Он превратился в скучную рутину, особенно быстро поняли это женщины.

"Астра " была похожа на огромный муравейник, в котором не было магазинов, новых фильмов и даже плохой погоды.

Скука стала вызывать беспокойство. А беспокойство, когда на борту находятся женщины, которые мечтают о невероятных приключениях, грозило вылиться в дьявольские неприятности. Мужья уже не казались им прекрасными богатырями — они превратились в обычных нудных людишек.

Но мужчин тоже постигло разочарование. Поток заявлений о разводе затопил каюту капитана. На восьмом месяце полета произошло первое убийство, а в последующие три месяца еще два. Спустя полтора года полета экипаж оказался на грани бунта. Кое-как грозу удалось унять. Однако, часть корабля была отгорожена и в ней поселились офицеры. Все участники путешествия были разоружены. И теперь любая работа, которую необходимо было выполнять, производилась под присмотром вооруженных офицеров. Спустя три года всеобщий референдум показал, что большинство желает возвращения на Землю. Но к этому времени "Астра" развила такую скорость, что торможение, разворот и новое ускорение заняли бы в два раза больше времени, чем требовалось на весь полет.

Поэтому "Астра" продолжала свой бросок в неизведанное. Люди коротали время, занимаясь всевозможными развлечениями.

Обитатели офицерской части корабля стали называть своих подчиненных словом "бунт", от полного "бунтовщик".

Среди экипажа стала расти ненависть к офицерам. Но реальной угрозы восстания, вопреки мнению Альстара, не было. Произошло нечто вроде духовного равновесия, и два лагеря стали сосуществовать в мирном, но отнюдь не дружелюбном равновесии.

Большая часть экипажа превратилась в нервных, психически ненормальных людей. Но дети, достигшие зрелого возраста уже в полете, были

отлично приспособлены к условиям жизни на корабле и не испытывали ни скуки, ни душевной усталости.

Джек Гарри был одним из них. Когда началось путешествие, ему было всего шестнадцать лет. Он был сыном ракетного механика, который умер уже на втором году путешествия. Другим примером аналогичного типа была Элен Бредли. Когда ее отец, как капитан "Астры" решительно нажал кнопку запуска двигателей, ей было всего четырнадцать лет!

Уже в начале путешествия Бредли был в почтенном возрасте. Из-за постоянного напряжения, длящегося вот уже восемь лет, он быстро постарел и отлично осознавал, что не доживет до возвращения на Землю. Его должен был заменить Альстар, приняв от него весь деспотизм власти. К тому же заместитель капитана не скрывал своего желания жениться на Элен.

Вот о чем сейчас думала девушка, опершись подбородком на ладони. Царила тишина, слышался свист вентиляторов и время от времени слышалось щелканье реле автоматов, пилотировавших корабль и отвечавших за то, чтобы с миром по имени "Астра" ничего плохого не происходило.

В дверь постучали. Капитан открыл глаза. Он впал в дремоту и сейчас едва пришел в себя ото сна.

— Войдите!— резко бросил Альстар.

В рубку вошел Джек Гарри. Он отсалютовал, обращаясь к капитану. И это вызвало яростный взгляд Альстара, брошенный на молодого человека.

— Здравствуйте, здравствуйте, Гарри,— отозвался старый Бредли.— Кажется, приближается время, когда мы можем попытаться уловить те сигналы, правда?

— Так точно, сэр!

Джек Гарри был спокоен и очень деловит. Только один раз, когда он мимолетно взглянул на Элен, в его взгляде появилось что-то другое, чем озабоченность постоянно думающего над чем-то человека. В бесконечно короткий миг его взгляд что-то сообщил ей, что изменило выражение ее лица так, что оно засияло от внутреннего счастья.

Хотя взгляд был мимолетным, Альстар уловил его. И сухо заметил:

— Вы добились каких-нибудь результатов в расшифровке сигналов, Гарри?

Поглядывая в блокнот, Джек установил на приемнике нужную волну. Не прекращая настройку аппаратуры, он ответил:

— Нет, сэр. В начале передачи повторяется последовательность сигналов, которая, должно быть, является чем-то вроде позывных, так как она имеет место и в конце передачи. С разрешения капитана я воспользовался этой серией сигналов в наших ответных передачах. Вот все, что мы смогли сделать, так я мог бы вам сказать еще неделю назад. Но вот сейчас с моей точки зрения произошло нечто важное.

— Что же, Гарри? — не выдержал капитан.

— Вот уже несколько месяцев мы посылаем сигналы прямо по нашему курсу узким лучом. Это была ваша мысль, сэр, чтобы в случае существования разумных существ на планетах Центавра они поняли, что мы мирная экспедиция.

— Да, именно так,— кивнул капитан.— Было бы весьма трагично, если бы первый контакт окончился войной.

— Почти три месяца мы принимаем ответы на наши сигналы. Всегда через тридцать часов. Можно допустить, что посылает их стационарный приемник и работает он в точке, наиболее благоприятной для радиосвязи.

— Конечно,— согласился капитан.— Это поможет расшифровать нам время оборота планеты, с которой приходят сигналы.

Джек Гарри установил последнюю шкалу и щелкнул тумблером. В динамике послышался нарастающий гул и тот час же пропал. Джек еще раз проконтролировал указатели.

— Я сравнивал записи, сэр, взяв поправки на сближение с источником излучения. Поскольку очень быстро уменьшается расстояние между нашим кораблем и звездой, ответным сигналам требуется значительно меньше времени, чтобы долететь, чем вчера.

Капитан опять кивнул.

— Так и было,— продолжал Гарри.— Но вот неделю назад длительность между передачами была сильно изменена. Это касается как мощности сигнала, так и форм его модуляции. Создается впечатление, что начал работать другой передатчик. И еще, в первые дни после этих изменений, сигнал достигал наших приемников на несколько секунд быстрее, чем это выходило по нашим расчетам, исходя из расстояния со звездой, дальше это время изменилось еще больше — три секунды, шесть, десять...и так далее. Сигналы начали приходить с опережением по линейной зависимости вот уже с неделю и тенденция на это уменьшение все время существует.

— Это чушь!— резко выкрикнул Альстар.

— Но так записано на пленке,— пожал плечами Гарри.

— И как же вы это объясните, Гарри? — спросил капитан.

— Только сегодня мне пришла в голову одна интересная догадка. Что если передача идет с борта корабля. Он приближается к нам с четырехкратным ускорением и посылает сигналы в таком же режиме, как и раньше, согласно их хронометрам.

Наступила тишина. Элен Бредли смогла улыбнуться. Капитан молчал, что-то обдумывая. Наконец он произнес:

— Ну что, Гарри, это вполне разумно. Вы убедили меня. Но что дальше?

— Сэр, поскольку направление передвижения приходящих сигналов по времени опять начало уменьшаться, похоже на то, что они начали торможение. Вот это мои соображения, сэр. К нам направляется космический корабль, который начал торможение, чтобы остановиться или изменить курс. Судя по всему, его скорость сравняется с нашей через

четыре дня и восемнадцать часов. Думаю, что они хотят застать нас врасплох этой встречей.

Лицо капитана прояснилось.

— Отлично, Гарри! Это, должно быть, высокоразвитые существа! Вот это будет встреча! Два человечества, разделенные четырьмя световыми годами! Какие чудеса они покажут нам! И, подумать только, послали свой корабль так далеко за пределы своей системы, чтобы встретить нас!

Гарри не разделял восторженности капитана.

— Я надеюсь, сэр, что дело будет обстоять именно так.

— Что же дальше, Гарри? — со злостью спросил Альстар.

— Значит так,— стал рассуждать молодой человек.— Они все еще считают, что мы принимаем их сигналы, как идущие с планеты. К тому же они не желают вступать с нами в контакт. Иначе мы давно бы наладили обмен информацией, разработав какой-то код. Они пытаются ввести нас в заблуждение. И это наводит на плохие мысли. Зачем им таиться, если они не хотят сражаться? А теперь, подождите! Если я прав, через три секунды начнется их передача.

Он замолчал и впился взглядом в приборы. Из регистратора потекла лента и по мере прохождения сигналов на ней стали появляться кривые линии. Рядом выползла лента, на которой изображалась глубина модуляции сигналов. Из динамика послышались звуки.

Судя по всему это был чей-то голос. Хриплый и одновременно шипящий, немного напоминающий звук пчелы. Но эти звуки были модулированы таким образом, что ни одна пчела не смогла бы воспроизвести их. Они вылетали из динамиков в виде слов, сформированных без гласных и согласных, но отличались выражением, видом и ударением.

Трое мужчин в рубке раньше уже слышали эти слова и притом ни один раз. Но теперь, впервые, эти слова, казалось, выражали угрозу и враждебность, тайную жажду уничтожения. Впервые теперь эти слова вызывали чувства, от которых кровь стыла в жилах.

II

Корабль мчался в космосе, дюзы его двигателей посылали вперед тонкие, едва видимые, почти исчезающие пурпурные язычки горящего костерка, необъяснимым образом появившегося в пустоте.

Внешне не происходило больше никаких перемен — во всяком случае достойных упоминания. И так было на протяжении многих лет. Правда, иногда из воздушных шлюзов выходили люди и двигались по поверхности корабля, словно муравьи по телу гигантского жука.

Вот и сейчас из шлюза выплыла человеческая фигура в скафандре и тот час же оторвалась от поверхности, отлетая на всю длину тонкого, как паутинка, страховочного файла. Затем неловко и неуклюже подтянувшись по фалу, человек опять оказался на броне "Астры". Он зацепился за поручень карабинчиком и начал работать. Через какое-то время на стальной поверхности возникла сложная конструкция из трубок, проводов и угольников. Человек, закончив работу, вплыл в шлюзовую камеру и исчез из виду наружных телекамер.

"Астра" летела вперед, почти не почувствовав то, что на ее теле появилось небольшое сооружение в диаметре около десяти метров, которое отдаленно напоминало заграждение из колючей проволоки времен мировых войн.

Уже на корабле, освободившись от скафандра, Джек встретил Элен Бредли.

— Это было ужасно!— воскликнула она.— Смотреть на тебя, висящего на паутинке троса в пустоте!

— Если бы фал лопнул, твой отец обязательно прислал бы за мной небольшой спасательный катер,— улыбнулся Гарри.— Идем и проверим, как работает аппаратура.

Он повесил скафандр в шкаф и прошел мимо нее, направляясь к выходу. И тут их руки как бы случайно встретились. Они остановились один возле другого, глядя друг на друга. Глаза Элен заблестели. Руки Джека обняли девушку...

Рядом раздались чьи-то шаги. Из-за угла появился Альстар, заместитель капитана, и остановился, как вкопанный.

— Что это все значит? — яростно спросил он.— То, что капитан впустил тебя в офицерскую часть корабля, еще не значит, что ты можешь крутить роман с его дочерью!

— Как ты смеешь!— набросилась на него Элен.

Яркий румянец на лице Джека сменился бледностью.

— Возьми свои слова назад, Аль,— произнес он очень тихо, но, тем не менее, офицер очень хорошо услышал их.— Возьми назад, иначе я преподам тебе урок боя с метателем поля. Я ведь теперь тоже вооружен.

Альстар, пробурчав что-то, обратился к девушке:

— Твой отец болен,— зло произнес он.— Он уже в самом конце своего пути. Ожидание еще как-то поддерживало его, но сейчас цель уже близка...

Девушка вскрикнула и бросилась бежать по коридору.

Альстар резко повернулся к Джеку:

— Я забираю свои слова обратно. По приказу капитана ты являешься офицером, но, по-моему, ты — бунт, и когда я стану капитаном "Астры", твое офицерство сразу кончится. Помни это! Что тебе было нужно здесь? Возле шлюзового отсека?

Джек был белым от ярости, но звание офицера позволяло ему часто видеться с Элен и он очень дорожил этим. Кроме того, у него была очень

интересная работа. Он перестал бы ее делать, если бы лишился офицерского звания.

Поэтому он кратко ответил:

— Я монтировал новую антенну для улучшения приема сигналов.

— Вот и занимайся своим делом и меньше замечай Элен.

Через несколько десятков минут Джек смог вполне четко идентифицировать позицию чужого корабля, удаленного почти на два миллиона километров. Но внезапно все показали нулевые отметки.

— Дьявол!— выругался Джек.

Он моментально изменил напряжение и подключил добавочные устройства, регулирующие частоту сканирующей волны, идущей с "Астры" по направлению к неизвестному кораблю.

Прошло с полминуты, именно столько времени должно было понадобиться, чтобы преодолеть двойное расстояние от его корабля до чужака.

20 секунд... 30 секунд...

На огромном корабле заревели сирены.

Аварийные переборки с грохотом скользнули в пазы, отсекая людей в отсеках. Загорелись экраны и посыпались доклады:

— Пост управления двигателями готов!

— Секция жизнеобеспечения готова!

— Силовой отсек готов!

Джек коротко обрисовал обстановку.

— Наши датчики фиксируют в двух километрах объект, двигающийся с большой скоростью навстречу нам...

Больше он ничего не успел сказать, так как, открыв персональным ключом дверь рубки, сюда ворвался Альстар.

— Что происходит, черт побери!— взорвался он с порога.— Зачем ты объявил тревогу? Сошел с ума? Датчики...

Джек молча указал на пульт индикаторов. Указатели приборов давали нормальные отчеты, но вдруг внезапно упали до нуля.

На лице Альстара возникло недоумение.

— Что это? Ты понимаешь, что это такое?

— Они обнаружили наш луч!— объяснил Джек.— И направили по нему какое-то излучение, которое нейтрализует его. Я изменил длину волны, но они и ее обнаружили. Это было как раз сейчас.

Все же Альстару нельзя было отказать в том, что он болел всей душой за корабль.

— Похоже, что ты прав. Будем продолжать вести наблюдение.

Произнеся это, он принял командование над кораблем, хотя, по правде говоря, ему уже нечего было делать. Практически все приготовления к отражению атаки из космоса были закончены.

Альстар обратился к Джеку:

— Да, я не люблю тебя,— холодно начал он.— Не переношу твою личность, как частное лицо, но как заместитель капитана должен признаться, что ты хорошо поработал, поняв природу действий чужака.

Джек промолчал. Он нахмурился, но потому, что думал сейчас об Элен. "Астра" была огромная машина, но маломаневренная из-за своей гигантской массы.

— Каково твое мнение,— продолжал дальше Альстар.— Как ты оцениваешь ситуацию?

— Они ведут себя довольно странно,— недоуменно пожал плечами Гарри.— Их ускорение четырехкратно превышает наше, очевидно для того, чтобы мы не смогли убежать. Мы не имеем ни малейшего представления об их оружии, не знаем, как воевать с ними. И еще вот что. Они пытались приблизиться к нам незаметно. Похоже на то, что они хотели напасть на нас внезапно. Но нельзя же отрицать и тот факт, что они могут просто-напросто бояться нас, поэтому-то и планировали подобраться поближе и понаблюдать. В таком случае, самым верным для нас будет направлять на них сигнальный луч. Когда они сориентируются, то узнают, что мы знаем об их местоположении и поэтому поймут, что наши намерения мирные, и тогда придут к мнению, что лучше не связываться с таким огромным кораблем, как наш.

— Ну, хорошо,— согласился Альстар.— Ты поступаешь в распоряжение связистов. И займешься дальше своей программой. Я проконсультируюсь с ракетной службой и выясню, что можно сделать для улучшения вооружения. Ты свободен, Джек.

Его голос был резким и раздражал Гарри, действовал на нервы, Но он должен был признать, что антипатия Альстара никак не отражалась на деле, не вредила кораблю. Альстар был одним из тех офицеров, которые всегда ненавидят — до тех пор, пока не появится угроза. Тогда-то и проявляется их умение.

Джек направился в радиоотсек. Манипулирование антенной заняло слишком много времени. Передатчик начал монотонно посылать в космос запись последней передачи с "Астры" на далекую, до сих пор неизвестную планету, кружащуюся вокруг Проксимы. Когда передача пошла в эфир, Джек попросил оператора дать на экран изображение чужого корабля.

Сейчас было лучше видно, так как яркость объекта стала больше и увеличение достигло такой степени, что изображение распадалось на отдельные участки и представляло собой миниатюрные изображения диаметром в тридцать сантиметров.

Корабль имел яйцевидную форму и был совершенно гладким. Никаких ребер, выступов навигационных приборов или спасательных модулей. Не было никаких подробностей, кроме маленьких точек, которые могли быть иллюминаторами, и ракетных дюз, из которых периодически вылетали языки пламени. Чужак тормозил, пытаясь уровнять свою скорость со скоростью "Астры", а затем выйти на ее курс.

— У вас есть его спектральный анализ? — спросил Джек.

— Конечно,— кивнул оператор.— Но в это трудно поверить. Они применяют жидкое топливо, какое-то органическое. К тому же корпус этой лайбы состоит из целлюлозы, а не из металла. Он деревянный!

Джек пожал плечами. Значит, никакого оружия не может быть, раз нет металла. Он занялся своей работой. Чужой корабль постоянно зондировался разными волнами, из чего наверняка следовало, что чужаки скорее всего догадались, что их обнаружили.

Однако приемники Джека молчали. Лента выходила без следов записей.

Но...Джек внимательно присмотрелся. На ленте виднелась странная, спутанная, смазанная линия, похоже, что анализаторы приемника не могли работать на частоте улавливаемой им волны. Джек глянул на инфракрасный датчик. Оказалось, что с чужого звездолета шла тепловая волна мощного, примерно пятитысячного киловаттного излучения. И это была не волна для связи. Джек вспотел, он переключился на рубку.

— Они ударили по нам коротковолновым излучением!— доложил он Альстару. Около пяти мегаватт тридцатиметровой волны! На Земле эти волны применяют для уничтожения вредных насекомых. Они убийственны и для животных, но наш корпус хорошо экранирует от них. Скорее всего, они думают, что мы уже погибли! И решили, что передатчик работает в автоматическом режиме!

Включился динамик палубной связи и голос Альстара произнес:

— Внимание всем офицерам! Чужой космический корабль направил на нас луч, считая его смертоносным! Сближение идет с максимальной скоростью. Приказываю ни под каким видом не применять какую-либо аппаратуру, не выказывать никаких признаков жизни, понятно! Вести постоянное дежурство на всех постах и быть готовым к любому маневру. Мы попробуем вести себя, как корабль с мертвым экипажем, летящий в автоматическом режиме, ясно?

Все отсеки ответили, что задача понятна. Ожил его приемник. Послышались звуки, похожие на гуканье, уже знакомые из старых передач. А затем слова на чистом английском, голосом офицера "Астры".

— Связь!— закричал Альстар.— На сигналы не отвечать! Это проверка, как мы восприняли их атаку!

— Понятно!— ответил Джек.

Альстар был прав. Джек смотрел на приборы и вслушивался в звуки чужой передачи. Затем наступила тишина. Через десять минут передача повторилась.

"Астра" неслась сквозь пространство.

Включился коммутатор:

— Космический корабль врага увеличил скорость. Они скорее всего поверили в нашу смерть. Они должны приблизиться к нам через четыре часа. Вахты нести по боевому расписанию.

Джек сел поглубже в кресло и задумался. Он начал понимать тактику, которую задумал Альстар. Это была тактика зла, но единственная, которой мог следовать беззащитный корабль, такой как "Астра". Это была ирония судьбы — приветствие, полученное землянами после семи лет полета оказалось тепловым излучением, применяемым на их родной планете для уничтожения вредителей полей.

Но безрезультатность этого нападения вовсе не означала, что все последующие попытки окажутся такими же бесплодными.

III

Странный корабль был теперь ясно виден на экранах, даже без увеличения. Он задержался километрах в десяти от "Астры".

Идеальное яйцо, без всяких выступающих частей, кроме кормовых дюз, неподвижно зависло относительно земного корабля, что означало, что чужие навигаторы проанализировали скорость тормозящей "Астры" и исключительно точно уравняли с ней скорость и курс своего корабля.

Элен с заплаканными глазами смотрела как Джек манипулирует с кнопками на пульте, пытаясь увеличить изображение на экране. Старик Бредли, тяжело дыша, откинулся на спинке командирского кресла, однако на лице его играла умиротворенная улыбка. Он командовал "Астрой" до момента первого контакта с иной цивилизацией. Дело его жизни было закончено и он уходил на покой. Конечно, пока что не догадываясь, что первый контакт с иным разумом обернется межзвездным конфликтом.

Изображение на экране укрупнялось по мере того, как Джек добавлял усиление.

Даже при слабом свете отдаленной Центавры на корпусе чужака ничего примечательного нельзя было разглядеть. Не было даже швов на стыках плит. Ряд иллюминаторов был темным, словно корабль был абсолютно безжизненный.

— Так это дерево!— воскликнул Джек.— Корабль сделан из дерева! Вы представляете такое дерево, которое могло бы выдержать адский холод космоса?

— Это похоже на что-то скорее выращенное, чем построенное,— тихо заметила Элен.

Джек заморгал и открыл было рот, словно хотел что-то сказать, но тут приемник выдал звуки, напоминающие жужжание пчелы. Это пришел сигнал с чужака. Потом наступила тишина и через секунду снова модулированное жужжание странного языка. Было похоже, что чужаки пытаются установить связь и подыскивают ключ к сигналам землян. Искушение ответить было очень велико.

Через минуту сигналы прекратились.

Наступила тишина.

Джек посмотрел на ленту — на ней виднелись точно такие-же, как и раньше смазанные линии.

— Опять пучки коротких волн! С такого расстояния они могли бы не только убить все живое на корабле, но даже простериллизовать его. К счастью, наш звездолет сделан из тяжелых сплавов с высоким коэффициентом гистерезиса. И ни один квант излучения не может проникнуть сквозь него.

Наступила тишина, долгая тишина. Лента с записью воды говорила о том, что мощный поток тепловых лучей шарит по корпусу "Астры". Джек связался с инженерами и не ошибся в своих ожиданиях. Наружная броня начала нагреваться. В течение пятнадцати минут температура обшивки возросла на полградуса.

— Не о чем беспокоиться,— пробормотал он.— Пятнадцать градусов — это все, что можно достичь при такой мощности.

Ломаная линия на ленте внезапно оборвалась. Смертоносное, как казалось чужакам, излучение прекратилось. Яйцеобразный корабль двинулся вперед. Он завис над мощным корпусом "Астры" в каких-нибудь полутора километрах. Странный корабль передвигался осторожными скачками, как прыгающая блоха.

Ускорения при этом были столь велики, что тело землянина не выдержало бы нагрузок. Дюзы находились только на одном конце корпуса чужаков и чтобы затормозить, ему было необходимо поворачиваться кормой вперед и стрелять короткими, мощными выхлопами энергии. Видимо, у них стояли огромные гироскопы, если они могли так отлично координировать свое положение в пространстве. Внезапность движений неизвестного корабля зачаровала землян.

— Не хотел бы я оказаться внутри такой "блохи",— заметил Джек.— Эти прыжки давно превратили бы человека в кровавую кашу. Они не такие как мы, если выдерживают такие значительные перегрузки.

Из-за своих резких движений, пока он шнырял вокруг земного звездолета, чужой корабль походил на живое, разумное существо.

Внезапно неизвестный звездолет развернулся и устремился прямо к "Астре".

Двести метров... сто метров... двадцать...

Мягкое касание борта.

— Сейчас мы увидим их!— воскликнул Джек.— Они оказались возле самого шлюза. Очевидно они знают, для чего он предназначен, Элен.

Элен едва сдержала крик.

Часть борта чужого корабля стала внезапно надуваться, словно пузырь, и обволакивать броню "Астры". Поверхность контакта увеличивалась.

— Бог мой!— воскликнул Джек.— Похоже, что он живой! И пытается сожрать нашу "Астру".

Из коммутатора раздалась команда:

— Офицерам прибыть к четвертому шлюзу. Центуриане открывают шлюз снаружи. На месте ожидать дальнейших приказаний. Исполнять!

Динамик щелкнул, выключаясь. Джек схватил метатель поля, который мог оглушить человека на расстоянии в два километра, а с более близкого расстояния убивал, и побежал к выходу.

— Джек!— крикнула девушка.

Он вернулся и поцеловал ее, в первый раз, но выглядело это вполне естественно. Затем он выскочил из рубки и бросился бежать по длинным коридорам "Астры", направляясь к шлюзу. Пока он бежал, его мысли совсем не соответствовали мыслям ученого и офицера первой земной межзвездной экспедиции. Он думал о губах девушки, о прильнувшем к нему ее мягком теле.

Из динамика в коридоре раздался голос:

— Они вошли в шлюз! Исследуют состав нашей аппаратуры. По-видимому, она им подходит.

Динамик остался позади. Джек спешил вперед.

Наконец он был у цели. Возле шлюза собралось уже около двадцати человек. Со стен звучал голос:

— ... пытаются открыть внутреннюю дверь камеры. Похоже на то, что на борт корабля проникли четыре или пять чужаков. Необходимо дать им возможность проникнуть как можно дальше вовнутрь. Вы должны спрятаться. Когда захлопнутся аварийные переборки, это будет сигналом для вас. Старайтесь захватить нападающих живыми, но если это не удастся сделать, убейте их! Исполнять!

Что-то зашевелилось в предшлюзовой камере и перед землянами предстали существа, напавшие на их корабль.

С первого взгляда они напоминали людей. У них были две ноги и две конечности, свисающих сверху по бокам туловищ, похожие на щупальца, так как были очень гибкими и двигались во все направления. Так же как и руки, ноги производили такое же впечатление и могли гнуться во все стороны: у них не было суставов и ступней. Однако самым удивительным было отсутствие у этих существ головы.

Они вышли из шлюза и у каждого на конце щупальца находился полуцилиндрический предмет, который несли так, как носят оружие. К туловищу были прикреплены металлические сосуды. Сами туловища были какие-то волокнистые и в фактуре кожи проявлялось что-то удивительно знакомое. Изумление. Разглядев чужаков, Джек искал глаза, нос и губы. Но заметить смог только две узкие щели, в которых горели глаза. Чего-нибудь похожего на губы вообще не было. Не было и волос. Но на плечах одного из существ, которое обернулось и что-то сказало остальным, Джек заметил что-то бронзового цвета. Оно было похоже на кору дерева. И тут Джека осенило. Он едва не вскрикнул, но успел сдержать себя и, наклонившись, перевел регулятор интенсивности поля на максимум.

Существа двигались вперед. Они подошли к разветвлению коридора и после долгого размахивания щупальцами и выкрикивания резких звуков разделились на две группы. А затем они исчезли с поля зрения. Их голоса отдалились. Офицеры, оставшиеся в тылу, занервничали, не получив сигнала к атаке. Из динамиков раздался шепот:

— Спокойно! Они уверены, что мы все погибли. И опять разделились. Мы сможем отсечь их друг от друга аварийными переборками. А вы сторожите шлюз!

Тишина.

Только тихо жужжит вентилятор. Затем где-то в отдалении закричал человек, и едва стихло эхо этого звука, раздался другой звук, голос чужака. Это был высокий, пискливый вой — радостный, победный и ужасный.

Ему вторили остальные существа. И тогда раздался свист сжатого воздуха и загудели двигатели. Рухнули аварийные переборки, разделяя корабль на геометрические отсеки. В тишине запертого куска коридора, где остались офицеры, послышались знакомые звуки и из шлюзовой камеры вывалились два пришельца. Кто-то из людей испугался и вскрикнул. Существа заметили его и подняли свое оружие. Человек, а это был офицер связи, дико закричал и рухнул на пол, как подкошенный. Существа издали резкий крик и бросились к телу. Один пришелец опередил другого и своими щупальцами схватил за руку упавшего человека.

И в этот момент Джек выстрелил. Остальные тоже открыли огонь. В течение нескольких секунд воздух наполнился звуками, похожими на гудение роя рассерженных пчел. Еще три существа появились из шлюза, но тут же рухнули под перекрестным огнем людей. Выстрелы прекратились только тогда, когда земляне почувствовали резкий толчок, что могло означать только одно — чужой космолет, обнаружив угрозу, оторвался от "Астры" и ушел в пространство.

Теперь люди могли заняться существами, вторгшимися на борт "Астры".

Спустя два часа Джек вошел в рубку и четко откозырял. Его лицо было бледным, а черты лица выражали возбуждение и решительность. Альстар, нахмурившись, выжидающе уставился на него.

— Прибыл по вашему приказанию!— доложил наконец Джек.

— Я послал за тобой,— удовлетворенно кивнул офицер,— поскольку ты являешься потенциальным источником неприятностей. Капитан умер, ты слышал об этом?

— Да, сэр, слышал.

— Теперь я капитан "Астры". И я теперь обладаю всеми правами капитана — могу карать за попытку бунта, могу дать разрешение на брак.

— Я понимаю это, сэр.

— Ну, конечно.— Альстар торжествовал.— Поэтому я приказываю тебе избегать каких-либо контактов с мисс Бредли. Неисполнение этого

приказа будет расцениваться как попытка к бунту! А за это, как ты знаешь,— смерть! Видишь ли, я сам хотел бы жениться на ней.

Джек ответил так же резко и в таком же тоне:

— Я плевал на этот приказ! Ведь вы не настолько глупы, чтобы реализовать свою угрозу. Нужно быть последним идиотом, чтобы не понять, что у нас шансы на выживание в нынешней ситуации составляют пятьдесят на пятьдесят. И если вы намерены жениться на Элен, то прежде вы должны дать ей стопроцентную гарантию на выживание.

Наступила тишина. Оба мужчины яростно мерили друг друга взглядами — один из них средних лет, другой — совсем молодой человек. В конце концов Альстар искривил губы в ухмылке, не имеющей ничего общего с весельем.

— Как мужчина, я ощущаю ненависть к тебе, но как капитан "Астры" я хотел бы, чтобы у меня были еще такие же, как ты. Мы провели столько лет на этом дьявольском корабле и, когда появилась опасность, все офицеры оказались ни к чему не годными. Они будут прилежно исполнять приказы, но не смогут сами проявить инициативу. Офицер связи умер? Значит, теперь ты будешь офицером связи. Но учти, что я не выношу твоего вида и не сомневаюсь, что ты чувствуешь то же самое. Поэтому сделай соответствующие выводы. Чем ты занимался все это время?

— Приспособил машину для составления словаря этого дикарского языка и попытаюсь использовать ее для перевода.

Альстар вздрогнул, но тут же справился с изумлением и важно кивнул. Электронная машина разберет слова на фонемы, проанализирует их и составит картотеку. На Земле такие машины применяют редко из-за того, что требовались большие банки памяти. Джек предложил писать слова центаврийцев вместе с соответствующими английскими.

— Отлично!— Альстар сходу схватил суть идеи Джека.— Но я прошу приставить другого человека к этой работе. У тебя будет другое задание. Что известно еще о центаврийцах?

— Их оружие похоже на наши метатели поля, но оно немного более эффективно. Я видел, как погиб офицер связи.

— А что сами существа?

— Я помогал связывать одного из них.

— Что ты думаешь о них? У меня есть докладная врача, но, похоже, что он сам не верит в то, что написал.

— Это удивительно, но вполне возможно, сэр,— сказал Джек.— Они абсолютно не соответствуют нашим представлениям о разумных существах. У нас нет даже определений того, чем они являются. Ближе всего они подходят под описание деревьев. Их тела состоят из волокон целлюлозы, так же как наши состоят из мяса. На Земле их аналогом может быть росянка. Но они, конечно же, стоят на много ступеней выше. По моему мнению, они не являются ни растениями, ни животными, их тела состоят

из таких же веществ, как и земные растения, но они могут двигаться как животные. И вполне возможно, что типичные животные формы на их планете могут быть совершенно неподвижными, как деревья на Земле.

— И они смотрят на нас, животных, как мы смотрим на растения? — спросил Альстар.

— Да, сэр,— спокойно ответил Джек.— Они питаются через отверстия в щупальцах. Тот, который убил офицера, схватил его за руку. И выделил при этом какую-то жидкость, которая мгновенно растворяет ткани. И он всосал растворенную органику. Да, вот еще что, сэр, командир группы чужаков, высадившихся на "Астре", имел на себе что-то вроде украшений — это был поясок из кожи на одном из щупальцев.

— Но что, черт возьми...

— Погибли два человека. Это офицер связи и дежурный техник. Пока мы поймали центаврийца, который убил дежурного, он успел съесть большую часть его тела.

Альстар мученически скривился.

— Я видел это...

— Может быть, это странная мысль,— продолжал Джек.— Но как пойманный человек — я имею в виду гипотетическую ситуацию,— взятый в плен центаврийцами будет стремиться подкупить стражу, чтобы его отпустили?

— Я думаю, что это было бы золото,— подхватил Альстар.— Или платина, или драгоценные камни. С человеческой точки зрения, с помощью этих предметов можно склонить на свою сторону любого противника.

— Вот именно!— воскликнул Джек.— Вот почему у их главаря было украшение из кожи! А отсюда следуют далеко идущие выводы! Итак, они едят мясо животных. И ценят еду животного происхождения так же, как люди ценят золото; останки животных, их кожу они используют как бижутерию. Похоже на то, что живая материя особо ценится на их планете, а это может иметь место только в том случае, если она относительно редка там. В результате...

Альстар встал. По его лицу пробежала целая гамма чувств.

— И наши тела являются для них эквивалентом золота! Бриллиантов! Гарри, я думаю, что мы никогда не сможем договориться с ними!

— Я согласен с вами, сэр, у нас нет никаких шансов. Если бы на Земле вдруг появились существа с телами из золота, их растерзали бы в один миг! Вот теперь, главное, Земля! Имея наш курс, эти существа легко могут вычислить, откуда мы прилетели, а их корабли весьма неплохи. Необходимо сейчас же послать сообщение на Землю об опасности, дойдет ли оно до цели или нет, но мы обязаны это сделать. Может быть, к этому времени у них уже есть более чувствительные приемники.

— Люди могут справиться с любыми дьяволами из космоса, если будут предупреждены заранее,— попытался успокоить себя Альстар.—

И, может быть, хватит огнеметов и торпед Галдведда. Но, Гарри, мы так говорим об этом, словно мы уже ничего кроме этого сделать не можем.

— Да, сэр,— ответил Джек.— Думаю, что нас уже нет.

И тут же добавил:

— Я думаю, что к Элен не мешало бы приставить охранника. Так я распоряжусь.

Это было что-то вроде вызова капитану.

Глаза Альстара засверкали и он с трудом овладел собой.

— Черт тебя подери, Гарри. Можешь идти!

Джек четко повернулся и вышел из рубки, а Альстар мрачно уставился на экраны внешнего обзора, на которых виднелась громада чужого звездолета.

Яйцеобразный корабль находился сейчас на расстоянии двух тысяч километров и начинал торможение. Удирая от "Астры", он поначалу рыскал и маневрировал, как сумасшедший. Попадание в него какого-либо снаряда было невозможно. Даже слежение за ним пи помощи узкого пучка излучения было чрезвычайно трудной задачей. Сейчас, задержавшись без движения относительно "Астры", он висел в пространстве, наблюдая и, вероятнее всего, подготавливая какую-нибудь новую каверзу. Во всяком случае так допускал Альстар, внимательно рассматривая чужой звездолет. Боевые возможности "Астры", производившие впечатление самых совершенных, когда корабль стартовал с Земли, сейчас оказались жалкими и недостаточными в этой конкретной ситуации.

Чужой космический корабль висел неподвижно. Скорее всего он посылал сигналы на свою родную планету, пытаясь выяснить, что необходимо предпринять.

В рубку "Астры" начали поступать донесения. Альстар начал знакомиться с ними. Центаврийцы непосредственно из воздуха усваивали углекислый газ. Он был для их метаболизма тем, чем является кислород для людей — однако, в атмосфере, насыщенной двуокисью углерода, они не могли бы жить. Обмен веществ их был значительно быстрее, чем у любого земного растения. Их обмен веществ можно было сравнить разве что с метаболизмом земных животных. Кроме своего строения они ни коем образом не были растениями, так же как морской анемон не проявляет своего животного естества, пока это не удалось выявить определенными исследованиями.

У центаврийцев была высоко развита нервная система, особый аналог мозга, развитой и богатый язык. Они издавали звуки благодаря похожему на пищалку органу, расположенному в специальном углублении тела. Кроме того, создавалось впечатление, что они могли чувствовать эмоции.

Пойманное существо, когда ему показывали разные предметы, особенно интересовалось машинами. Оно быстро поняло назначение магнитофона и издало в сторону микрофона целую серию звуков. Центавриец ощупывал человеческую одежду. Он отбрасывал ткани из искусственных волокон и испытывал большое возбуждение, получив шерстя-

ную рубашку, и еще большее, когда к нему попал кожаный пояс. Он одел его на свое тело, без труда застегнув пряжку, мельком изучив ее. Из шерстяной рубашки он вытянул нить и тут же съел ее, испытывая, по-видимому, большое наслаждение. Когда перед ним поставили мясо, казалось, что он сходит с ума от возбуждения. Часть мяса он тут же съел, дергаясь в конвульсиях. А остальное законсервировал при помощи загадочного процесса, применяя при этом вещество из маленькой металлической емкости, которую он попросил подать ему, указывая на нее щупальцем.

Его органы зрения находились за двумя щелками в верхней части тела, сами же глаза точно исследовать не удалось. В лежащем перед Альстаром донесении подчеркивалось, что центавриане проявляют чрезвычайное оживление, когда в поле их зрения попадается человеческое существо. И это было возбуждение такого рода, что подавляло в людях чувство уверенности в себе. Это был тот вид возбуждения, только значительно более сильный, который это существо проявляло при виде шерсти и кожи. В донесении говорилось также, что центавриец при виде людей вначале инстинктивно как бы целился в них из какого-то оружия.

Альстар внимательно перечитал еще раз все документы. Элен Бредли связалась с ним спустя два часа.

— Можете поздравить меня, капитан. Центавриец, как только я начала с ним работать, быстро понял, в чем дело. Он понял, для чело служит машина-переводчик, и теперь у нас есть сравнительно неплохой словарь. Можете с ним поговорить, если хотите.

Альстар мельком взглянул на внешний экран. Вражеский звездолет не двигался с места. Расстояние от "Астры" до Проксима Центавра можно было уже измерять в миллионах километров, а не в сотнях миллиардов, но это расстояние все еще было довольно значительным. Поэтому, если они все же связывались со своей родной планетой, ответ не должен был быть еще получен.

Альстар, тяжело ступая, вошел в биолабораторию, которой заведовала Элен.

Центавриец был крепко привязан к креслу множеством шнуров. Он? Она? Оно? Кем бы ни было это существо, но сейчас оно было абсолютно неподвижно. Рядом с креслом стояла машина-переводчик с подключенным динамиком. Пленник заговорил, гукая на своем языке, а машина переводила:

— Ты... быть... начальник... этот... корабль?

— Да,— ответил Альстар, и машина тут же издала странные звуки языка центаврийца.

— Эта... женщина... мужчина... неживой,— произнесла машина после очередных звуков, изданных чужаком.

— Я сказала ему, что мой отец умер,— быстро проговорила Элен.

Машина продолжала:

— Я... купить... все... неживое... существа... на корабль... дать... металл... золото... вы... любить...

Альстар заскрежетал зубами. Элен побледнела. Она попыталась что-то сказать, но слова застряли в горле.

— Вот и первый контакт двух цивилизаций,— с горечью произнес Альстар.

Заговорил интерком:

— Вызываю капитана Альстара! Мы засекли впереди по курсу очень интересное излучение. Вероятно, к чужаку подходит подкрепление.

В этот момент вошел Джек Гарри. Он был очень бледен. Козырнув, он произнес:

— Предыдущий офицер связи очевидно считал свою должность некой синекурой. И не желал принимать никаких сообщений с Земли все это время полета, создавая лишь видимость работы. А между тем сигналы шли, вот уже месяц как они достигли нас. Ученый по имени Галлавей открыл новый тип волны, которая, будучи поляризованной, может сохранить свою форму бесконечно долго. Они передавали это сообщение уже много лет. Далее было сообщено, что построен второй корабль и набран экипаж. Они стартовали спустя три года после нас и летят следом...

Интерком опять включился:

— Капитан Альстар! Температура внешней брони возросла на пять градусов за три минуты и продолжает расти! Идет излучение, похожее на тепловой луч сильной мощности!

Альстар повернулся к Гарри и сказал:

— Сейчас настало время, когда уже нет смысла нам ссориться и ненавидеть друг друга. Ты согласен с этим, Джек?

Но уже через мгновение этот вопрос стал чисто риторическим. Дело в том, что Элен, услышав неприятное сообщение вахты, начала плакать. И, желая утешиться, она, не раздумывая, бросилась в объятья Джека, чем тут же вызвала гнев капитана.

IV

В действительности ситуация была даже хуже, чем казалась вначале. К примеру, температура наружной обшивки, о которой говорил вахтенный офицер, была усредненной величиной по данным всех внешних датчиков. При проверке оказалось, что температура кормовой части корабля была практически нормальной, и разогревалась только носовая часть, направленная в сторону Проксима Центавра. Но и там нагрев был неравномерен.

Альстар с каменным выражением на лице присматривался к красным огонькам на пульте.

— Скорее всего, подходят их основные силы,— стукнул он кулаком по клавиатуре.

— Сэр!— тихо произнес Джек Гарри.— Корабль, который производил высадку десанта на "Астре", скорее всего был разведывательным. И они сообщили, что попали в ловушку.

Альстар резко проговорил в микрофон:

— Эвакуировать сектор — 90. Всем покинуть сектор и произвести аварийное изолирование сектора. Прилегающие секторы приготовить к эвакуации. Всему экипажу надеть скафандры!

Он выключил связь и тихо добавил:

— Температура обшивки в районе сектора Ж-90 достигла сейчас четырехсот градусов по Цельсию. Это означает, что еще немного, и наружная поверхность начнет светиться. Потом начнет плавиться. А еще через час будет пробита дыра у нас в носу.

— Сэр!— отозвался Джек.— Я думаю, что они столь решительно атаковали нас, поскольку разведчик доложил, что часть его экипажа попала в плен! Это дает надежду.

— Что? — со злостью вскинулся Альстар.— Но у нас ведь нет оружия!

— Переводчик, сэр! Мы ведь можем переговорить с ними!

— Верно! Давай, Гарри!— повеселел Альстар.— Назначаю тебя послом Земли.

Молодой человек повернулся кругом и удалился из рубки. Через минуту его голос разнесся по кораблю:

— Вызываю ракетного офицера! Доложите тотчас же по линии связи! Канал аварийный.

Альстар отключился, но Джека это сейчас не волновало. Он соединился с радиорубкой и приказал дать на передатчик полную мощность, увеличив угол передачи. Рассылая направо и налево приказы, он успевал еще объяснять Элен, что происходит.

Она с полуслова понимала его мысли. Центавриец продолжал находиться в лаборатории и в его щелках-глазах не удавалось прочитать ни проблеска эмоций. Как только Элен проговорила в микрофон несколько слов, чужое существо вздрогнуло и сказало:

— Я... говорить... корабль... планета...

Как только связисты подтвердили готовность начать передачу, на антенну полетели чудовищные звуки из биолаборатории, издаваемые чужаком.

В десяти тысячах километров от "Астры" висел чужой корабль-разведчик, земной звездолет продолжал пронзать пространство, направляясь к звездной системе, которая являлась целью смелой экспедиции человечества. С расстояния в десять тысяч километров он казался небольшой точкой, но приборы чужаков могли рассмотреть любые подробности. Корпус "Астры" был сделан из очень прочного металла с высоким показателем гистерезиса. Токи, индуцируемые в стали излучением центаврийцев, сразу же прожгли бы корпус из меди. Но стальной сплав

нагревался медленно. Однако, в зоне действия излучения на корпусе все же появилось темно-вишневое пятно диаметром примерно в сто метров.

Тормозная дюза, расположенная на этом участке, внезапно перестала функционировать. Испускаемый ею язык пламени погас. Автоматика отключила двигатель. Остальные тут же нарастили мощность, чтобы компенсировать потерю.

Темно-вишневый цвет стал светлее, перешел в карминовый. Медленно и неумолимо броня звездолета разогревалась до стального свечения, чтобы затем перейти в голубое сияние.

Металл стал испаряться, вспучилось облачко металлической пыли, которая, остыв, тут же отлетела в сторону под действием тепла.

Внезапно в центре этого пятна что-то треснуло и корпус лопнул, прожженный насквозь. Засвистел воздух, вырываясь наружу, увлекая за собой жидкий металл, который сразу остывал, образовывая причудливые формы, словно вышедшие из-под руки гигантского скульптора. Из дыры забил фонтан улетучивающегося воздуха, и "Астра" стала походить на комету с хвостом.

Внутренняя переборка в районе действия излучения также начала раскаляться, быстро переходя от темно-вишневого цвета в карминовый, а потом и в желтый.

Из рубки Альстар с горечью наблюдал за происходящим. Очень спокойно он произнес:

— У нас меньше времени, чем я рассчитывал. Необходимо торопиться. Абсолютной уверенности нет, но вы должны помнить, что эти дьяволы неуклонно продырявят нас со всех сторон только для того, чтобы убедиться в том, что на борту не осталось никого живого. Необходимо что-то предпринять и притом быстро!

Ему ответил чей-то истерический голос:

— Но, сэр, если мы выключим акустические вибраторы в двигателях, то мгновенно превратимся в прах! Дезинтеграция горючего перейдет на двигатели, а затем и на весь корабль, приводя к мгновенной аннигиляции!

— Тот, кто говорит о таком, полный глупец!— вскричал Альстар.— На что надеяться? Да, еще один корабль с Земли летит за нами! Но надеяться на него — чистое безрассудство! Они так же, как и мы — обезоружены. Эти дьяволы наверняка могут просчитать курс нашего корабля и узнать, откуда мы прилетели. Поэтому мы должны погибнуть, потому что только так мы будем уверены в том, что эти существа не смогут отправить свой флот на Землю. Мы не можем так просто умереть. Но наша смерть не должна быть бесполезной. Мы должны защитить человечество!

Лицо Альстара, кричащего в микрофон, не напоминало лицо мученика или особы, исполняющей торжественный акт самоуничтожения. Это было лицо человека, который отчитывает своего подчиненного и заставляет его хорошо выполнить порученную работу.

В то время, как его звездолет прожигался узким лучом, Альстар старался навести хоть какой-то порядок в помещениях корабля. Лопнул очередной отсек, выплюнув столб пара и раскаленного металла. В миллионе километров расположилось кольцо яйцеобразных кораблей, не подававших, однако, никаких признаков жизни, похожих на спящих доисторических чудовищ. Но именно они испускали безжалостные лучи, концентрируя их в одной точке на корпусе "Астры".

Гигантская дыра плевалась замерзающими газами и остывающим металлом. Раз за разом корабль выбрасывал из своего чрева разные предметы, которые тот час же сковывались адским холодом пространства, или лопались от перепада давлений.

В бесчисленных отсеках и каютах корабля люди по-разному реагировали на приближающуюся гибель. Некоторые паниковали. Несколько человек, охваченные ужасом, превратились в сумасшедших. Другие вламывались в складские помещения и напивались до бесчувствия. Некоторые женщины, схватив детей, пытались спрятать их, другие сходили с ума.

Но кое-где начальственный голос Альстара все же поддерживал что-то вроде порядка. В машинном отделении люди лихорадочно работали, пытаясь исправить повреждения тормозных двигателей. Щуплый офицер систем жизнеобеспечения прохаживался по своему хозяйству, сжимая тяжелый ключ и на любое проявление паники реагировал ударом.

Тяжело дыша, третий механик проявил неожиданно гениальные навыки в обслуживании двигателей, и теперь языки выхлопов стали более или менее ровными и не давали перебоев.

Но события, происходившие в биолаборатории, протекали в тишине и сильном напряжении. Спеленатый, как младенец, бесформенный центавриец наполнял помещение своей чудовищной речью. Машина тихо гудела, анализируя каждый звук, подыскивая английские аналоги чужим словам. Время от времени машина находила правильный ответ и тогда звучал перевод:

— ... корабль...

Длинная серия звуков, отличающихся от других высотой тона, ударением и силой.

— ... люди...

И опять серия непонятных чужих слов.

— ... люди говорят...

Центавриец замолчал. Затем опять заговорил, на это раз старательно выговаривая слова. Машина сравнительно легко перевела их все, так как пленник воспользовался теми словами, которые он разучивал с Элен.

— Вы... говорить... машина... говорить... корабль...

Джек тихо сказал в микрофон:

— Мы ваши друзья. Мы пришли с миром. Мы хотим дружбы. Мы убили ваших соплеменников не из-за враждебности. Мы действовали в

порядке самообороны. Мы предлагаем вам мир. В противном случае мы будем сражаться. Но мы хотим мира.

Когда машина перевела, а из динамика полились слова, Джек зашептал на ухо Элен:

— Эти слова о сражении — чистый блеф. Не думаю, что это подействует на них.

Наступила тишина. Невидимые корабли противника продолжали жечь корпус "Астры". И что интересно, это излучение было совсем безвредно для человека, оно просто проходило насквозь, не вызвав никаких реакций.

И только сталь брони звездолета задерживала лучи, индуцируя вихревые токи, которые превращались в тепло, расплавляя корпус.

В биолаборатории царила тишина. Приемник молчал. Прошла минута, вторая, третья. Волны, несшие голос Джека, мчались со скоростью света, но достигли они приемных антенн лишь через полторы минуты. Потом еще время для ответа и опять полуторaминутный полет через космическую бездну.

Динамик заревел от чудовищных звуков чужой речи.

— Мы... сейчас... друзья... не воевать... корабли... прилететь... забрать ... вас... на планету...

И в этот момент излучение прекратилось. Броня стала остывать, не покрываясь окалиной в лишенном кислорода вакууме.

Джек выключил интерком и связался с рубкой.

— Господин капитан, я установил связь с центаврийцами. Они прекратили огонь и сообщили, что высылают флот, чтобы взять нас на борт и переправить на свою планету.

— Хорошо.— Голос Альстара был безучастным.— Они же не дураки, какая им была бы польза от нашей смерти? Поэтому они и предлагают переправить нас на свою планету. Что же дальше?

— Думаю, что было бы неплохо освободить пленника,— предложил Джек.— Конечно, мы будем его сторожить и сможем быстро скрутить снова, если это станет необходимым. Думаю, что такое действие было бы шагом к миру.

— Ну что ж, ты наш посол, тебе и решать,— проиронизировал Альстар,— у нас теперь появилось время. Но ты лучше передай свои посольские полномочия кому-нибудь другому, а сам возьмись-ка за отправку информации на Землю.

Лицо капитана исчезло с экрана, и Джек повернулся к Элен. Внезапно он почувствовал себя страшно уставшим.

— У нас совсем нет энергии для передачи сообщения на Землю,— пробормотал он.

Элен бросила на него обеспокоенный взгляд и положила руку ему на плечо:

— Я пойду с тобой, а с моей работой может справиться любой человек. В конце концов, у нас осталось очень мало времени.

— Да,— устало произнес Джек.— Каких-то несколько часов...

Он подождал, пока Элен передала свои дела ассистентке и двум вооруженным солдатам из полиции корабля. Потом они сняли путы с центаврийца. Он не бросился на них, а наоборот, стал проявлять интерес к продолжению работы над составлением словаря.

Джек и Элен отправились в радиорубку, где прослушали записанную часть пойманной радиограммы с Земли. Это была развлекательная программа, которая начиналась с легкомысленной песенки, исполняемой популярным ансамблем. Далее выступал знаменитый комик, его шутки были хорошо известны экипажу. Затем шли поздравления от известных политиков и другие глупости. Короче говоря, это была смесь из вздора и ерунды, задуманная для того, чтобы добавить популярности выступающим в ней особам. Экипажу "Астры" было уже все равно — корпус корабля был уже пробит, и людям угрожала ужасная кончина, впрочем, как и всему роду человеческому.

Джек и Элен сидели и молча слушали, их руки соприкасались. И что удивительно, краткость времени, отмеренного им, делала более четкими выражения чувств. Они слушали глупую передачу с Земли, в самом деле не слыша ее, так как все их мысли были заняты друг другом.

В биолаборатории составление словаря шло быстрыми темпами. Начали применяться изображения. Был освобожден второй захваченный в плен центавриец и, благодаря его умению рисовать (которое доказывало, что глаза чужаков устроены так же, как у людей), было сделано много картинок с синонимами английских слов, что значительно расширило познания об их цивилизации.

Когда собрали всю информацию воедино, оказалось, что центаврийская цивилизация поразительно похожа на земную. Центаврийцы создавали конструкции, являющиеся домами, у них были города, законы, искусство (рисунки второго центаврийца были тому доказательством), хорошо развитые науки. Очень высоко была развита биология, которая в некоторой степени заменила земную металлургию. Конструкции не строились, их выращивали. Вместо металла они пользовались протоплазмой и сумели быстро научиться быстро выращивать из нее все, что им было необходимо.

Дома, мосты, машины — даже космические корабли они строили из живой материи, которую потом усыпляли, когда она приобретала нужную форму и размеры. При желании ее можно было легко оживить, что было продемонстрировано во время швартовки чужого корабля-разведчика к "Астре". Судя по собранным фактам, центаврийская цивилизация была очень странная, но вполне доступная для понимания ее землянами. Люди тоже могли бы пойти по такому пути развития, если бы цивилизация в свое время получила соответствующий импульс. Центаврийская экономика оказалась понятной для людей, но в то же время ужасающей.

Цивилизация чужаков развивалась из гигантских растений, как в свою очередь человечество ведет свой отсчет от теплокровных животных. На каком-то этапе развития у людей мерилом ценностей стало золото, однако ничего подобного не стало на Проксиме Центавра. В то время, как люди уничтожили живую природу, рыли шахты и на месте некогда густых лесов возводили свои города-мегаполисы, в это же время центаврийцы уничтожали своих животных.

Так же как люди в Америке уничтожали бизонов, чтобы продать их мясо в обмен на золото, так и центаврийцы безжалостно уничтожали животных на своей планете. Для них живая, органическая ткань являлась эквивалентом золота. Уже длительное время они вынуждены были перейти на растительную пищу. Но тайная жажда мяса всегда оставалась. Они открыли способ консервации животной пищи на неограниченное время. Они перекрыли сетями все моря, выгребая из них всю живность. Они даже из-за этого отправились в космос, заметив в телескопы на соседних планетах растительность и предположив, что там имеется животная жизнь.

Три планеты были с атмосферой, пригодной для жизни всех форм, но в этом времени только на одной из них уцелели кое-какие экземпляры животных. Но даже и там центаврийцы охотились на последних, исчезающих четвероногих, которые зарывались от них на сотню метров под поверхность.

И вот теперь стало известно, что "Астра" — это сундук, до краев наполненный сокровищем. Миллиарды человеческих существ на Земле, биллионы животных на суше и мириады живых существ в океанах!

Вся центаврийская цивилизация готова была остаться от истового желания получить давно желанную пищу.

V

Спустя двадцать минут после того, как исчезло излучение, один яйцеобразный корабль медленно приблизился к "Астре". С большой точностью остановившись напротив шлюза, он вырастил из своего корпуса огромный пузырь, который тут же прикипел к броневой обшивке земного корабля.

Альстар, видя все это на экране внешнего обзора, сжал руки в кулаки. Лицо его было очень бледным. Охрипший и напряженный голос Джека Гарри донесся из интеркома:

— Сэр, пришло сообщение от центаврийцев. Они пришвартовались и готовы войти через шлюз. Любые враждебные действия с нашей стороны будут тотчас же встречены аналогичными действиями.

— Приказываю, никаких враждебных действий,— приказал экипажу Альстар.— Как у тебя успехи со связью, Джек? Как они понимают тебя?

— Мы составили словарь почти на пять тысяч слов. Можем говорить на любую тему.

Альстар увидел, как из шлюзовой камеры появились центаврийцы.

— Они зошли! Прошу встретить их со всеми почестями. Это приказ!

— Есть, сэр!— произнес Джек хмурым голосом.

Этот приказ был равносилен смерти.

Джек сильно побледнел и Элен прижалась к нему.

Центавриец, находящийся в лаборатории, заревел, и машина перевела:

— Что за приказ?

Элен объяснила.

Человек обычно очень быстро приспосабливается к необычным явлениям и почти нормально выглядело то, как девушка говорит в микрофон, не обращая внимания на то, что из динамика доносятся скрипы и гукания чужого языка.

— Я... тоже... идти... они... не убивать...

Центавриец двинулся вперед, открыл дверь, ему уже приходилось видеть, как люди пользуются дверью. Джек пошел за ним, в кобуре у него на боку сейчас висел лучемет, но он понимал, что оружие ему сейчас ни к чему. Можно было, конечно, убить пришельца, шедшего впереди, но такое действие было бы просто-напросто глупостью, и Гарри отогнал эту мысль.

Чужак что-то проскрипел, и Джек услышал, как кто-то ответил ему на этом же языке. Повернув за угол, он увидел группу центаврийцев численностью двадцать или тридцать особей, каждая из которых была вооружена полуцилиндрическим оружием, немногим больше, чем то, которое было у предыдущей группы.

При виде Джека растения-люди оживились и схватились за оружие. Раздался резкий крик-команда, и они успокоились. Но Джек задрожал от страха всем телом, ощущая жажду убийства, исходящую от пришельцев.

Его проводник, бывший пленник, заговорил с прибывшими и снова растения-люди оживились.

— Идемте,— сказал Джек кисло.

Он повел их в холодную рубку. По дороге какая-то женщина, увидев захватчиков, истерически закричала. Служаки опять заволновались, хватаясь за оружие, и вновь старший успокоил их.

В рубке Альстар был похож на мраморную статую, не считая горящих огнем глаз. На экране было видно, как поток центаврийцев вливается через другой шлюз на корабль. Их были сотни.

Появилась Элен и невольно вскрикнула при виде такого количества чудовищ, сгрудившихся в рубке.

— Настрой переводчик!— приказал Альстар ледяным голосом.

Элен быстро выполнила приказ.

— Я готов говорить,— хрипло проговорил капитан в микрофон.

Тихо заурчав, машина начала перевод.

Старший центавриец заговорил в ответ. Это был приказ всем офицерам собраться в рубке, оставив все системы жизнеобеспечения функционировать в автоматическом режиме. Появились определенные трудности с переводом центаврийского слова "автоматический". Его не было в программе и пришлось довольно долго повозиться, подбирая соответствующий аналог.

Альстар отдал приказ. Холодный пот окатил его, но нервы были напряжены как струны.

Следующий приказ центаврийцев был понят почти без осложнений. Сделать копии всей технической документации, а также всех книг, которые касались строительства кораблей. Все это необходимо было срочно доставить к шлюзовой камере, через которую чужаки попали на корабль. Сюда же необходимо было доставить и отдельные отобранные экземпляры оружия, приборов и медикаментов.

И вновь Альстар безропотно подчинился. Его голос был на грани истерики, но он выдержал, не поддался соблазну сорваться на крик.

Командир центаврийцев пробормотал следующий приказ, над переводом которого безуспешно заработала машина, выдавая шелестящие звуки. Его подчиненные двинулись к дверям. В рубке остались только четверо.

Джек подошел к Альстару, выдернул оружие из кобуры и приставил его к боку капитана. Центаврийцы никак не отреагировали на это.

— Черт тебя побери!— яростно прорычал Джек.— Я беру командование на себя! Ты думаешь выторговать себе жизнь? Не выйдет, мерзавец! Я убью тебя и прорвусь в машинное отделение, а затем превращу "Астру" в огонь ядерного распада!

Элен закричала.

— Не надо, Джек! Поверь мне, ты не прав!

Поскольку она стояла возле машины, та перевела эти слова на язык центаврийцев. Альстар, хотя и был на грани ярости, все же овладел собой и прорычал:

— Ты глупец! Эти чудовища могут завладеть Землей, особенно теперь, когда поняли, что это значит для них! Поэтому мы должны сделать все, чтобы попытаться уничтожить не только этих, но и всю их планету! Хоть это тебе понятно?

Голос изменил ему и он закончил свои слова уже шепотом:

— Если ты считаешь, что я хочу выжить таким способом, тогда стреляй!

Джек стоял ошеломленный, потом спрятал пистолет в карман комбинезона, отдал честь и, пристыженный, произнес:

— Извините, сэр. Можете на меня рассчитывать!

Один из офицеров "Астры" влетел в рубку. Потом еще один, и еще. Потом показался центавриец, двигаясь своими плавными мелкими шажками. Он заговорил щелкающим голосом:

— Они... все... офицеры?

— Мой подчиненный убил себя и свою семью,— сказал офицер систем жизнеобеспечения.— Бунты атаковали машинное отделение, но ракетчики отбили нападение. Главный механик погиб от ножевого ранения в шею. Складская команда...

— Достаточно!— прервал его Альстар. Он смял отворот комбинезона и тихо произнес:

— Здесь находятся все офицеры корабля.

Центавриец, у которого были широкие браслеты из кожи, подошел к интеркому и уверенно щелкнул переключателем. Затем он издал странные, непонятные звуки — и настало пекло.

Из динамиков внутреннего оповещения донеслись высокие, писклявые звуки. В их тональности было нечто более ужасное, чем в вое голодной волчьей стаи, настигающей усталого оленя. Это были те же звуки, которые Джек слышал от первых захватчиков "Астры", когда они впервые увидели человека и тотчас же бросились на него.

Через мгновение закричали люди. Раздались два или три взрыва.

А потом стало тихо. Центаврийцы в рубке — а их было пятеро — дрожали и дергались. Их возбуждала жажда крови, слепая, дикая, неуравновешенная жажда, переданная генами эволюции от какой-то расы диких растений, которые смогли стать разумными, ведомые инстинктом в поисках пищи.

Центавриец в кожаных украшениях заговорил:

— Хочу... два... человека... ехать... корабль... убить... управлять... сейчас...

Стало тихо, так тихо, что был слышен стук капель. Эти капли пота стекали с лица капитана и шлепались на пол рубки.

Он весь словно съежился. Лицо стало серым, словно пепел. Он закрыл глаза и стал ждать.

Джек посмотрел на офицеров.

— Похоже, что это может закончиться вивисекцией. То, что они будут намереваться захватить Землю, не подлежит сомнениям. Однако, при наличии высокого разума, они не станут уничтожать всех людей, даже ради обладания столь желанными сокровищами. Видимо, они хотят испытать на людях разные виды оружия. Ну что ж, ничего не остается. Я добровольно отправлюсь на это дело. Сэр, я готов.

— Нет! Джек, не надо!— отчаянно вскричала Элен.

Альстар открыл глаза.

— Гарри вызвался сам. Нужен еще один доброволец. Как уже сказал Гарри, очевидно, они будут испытывать на добровольцах новые виды оружия. Ведь их волны не действуют на наши организмы. Я бы пошел

сам, но не могу покинуть "Астру".— В его голосе звучало отчаяние.— Нужен еще один человек!

Тишина. События, происшедшие на борту корабля, да и сейчас происходящие в бесчисленных отсеках "Астры", оглушили шестерых оставшихся в живых людей. Они не могли трезво размышлять. Настал какой-то эмоциональный паралич разума. Но вот Элен вышла вперед и упала в объятья Джека.

— Я... я пойду с ним,— прошептала она.— Мы все и так умрем! Я здесь не нужна. Я хотела бы умереть вместе с Джеком.

Альстар вскрикнул:

— Умоляю тебя!

— Я хочу идти,— настаивала она.— Ты не сможешь удержать меня!

Она еще сильнее прижалась к Джеку.

— Эти... два... идти...

— Стойте!—закричал Альстар изменившимся голосом.

Он как автомат подошел к своему столу, взял ручку и дрожащей рукой что-то быстро написал на корабельном бланке.

— Я сошел с ума,— проговорил он.— Мы все сошли с ума. Мне кажется, что мы все умерли и уже находимся в аду. На вот, возьмите это.

Джек машинально сунул бумагу в карман и центавриец махнул щупальцем. Их повели по коридорам "Астры" к шлюзовой камере на борт чужого корабля. Всюду им встречались мечущиеся растения-люди, которые при виде их издавали резкие звуки, от которых застывала кровь в жилах. Центавриец в кожаных украшениях громко кричал на них, и чудовища отступали.

Они вошли в какое-то помещение, и длинные резиноподобные щупальца схватили людей. Джек отчаянно вырывался, а Элен сразу же потеряла сознание. Что-то тяжело ударило Джека по затылку, и он провалился в небытие.

Придя в себя, он ощутил тяжесть, навалившуюся сверху. Он задрожал, и часть этой тяжести пропала. Зажегся свет, но не такой, как на Земле, нечто танцующее, пульсирующее, освещающее внутренность окружающего его стеклянного шара. В воздухе ощущался неприятный запах. Джек сел. Элен лежала рядом, по-видимому, целая и здоровая.

Центаврийцев не было видно. Джек погладил девушку по руке и тихо позвал ее.

В это мгновение послышался тихий пульсирующий звук, при возникновении которого он ощутил минутное ускорение.

"Ракетные жидкостные двигатели,— подумал он.— Мы на одном из их кораблей".

Он оглянулся в поисках оружия, но оно исчезло.

Элен открыла глаза, окинула взглядом рубку и задержала его на лице Джека.

— Что... что случилось?

— Нужно уточнить,— ответил он.

Пол рубки внезапно накренился. Джек глянул в иллюминатор, наличие которого он зафиксировал, едва придя в сознание. В нем ничего не было видно, за исключением черноты космоса, пробитой во многих местах маленькими точками звезд. Он заметил солнце, окруженное кольцами планет.

Одна из них была очень близко, можно было легко различить поверхность, занятую зеленью растительности, синеву океанов и желтизну пустынь.

Было тихо. Никаких признаков присутствия чужаков.

— Скорее всего, мы направляемся к этой планете,— тихо сказал Джек.— Мы должны проверить, сможем ли лишить себя жизни перед посадкой.

В это мгновение раздался какой-то звук. Джек осторожно выглянул из стеклянной рубки. Нигде никакого движения. Заворчали двигатели, тормозя корабль. Элен встала и прижалась к Джеку. Странный звук повторился.

— Это звери!

В помещении рядом с рубкой стояли клетки с животными "Астры", теми животными, которые были предназначены для колонизации планет Проксимы Центавра. Там же были сложены книги, инструменты, приспособления, машины и оружие, в общем все то, что предводитель центаврийцев собрал на захваченном корабле. И никаких следов самих хозяев.

Раздался еще один звук, похожий на человеческую речь. Джек ворвался в рубку. Голос доносился из устройства, закрепленного на стенке рубки. Это был голос человека. И этим человеком был Альстар, звучал хриплый истерический голос их капитана:

— ... вы уже, черт побери, должны были прийти в себя. Эти дьяволы уменьшили скорость полета вашего корабля, когда я указал им, что такое чудовищное ускорение убьет вас. Гарри! Элен! Дайте сигнал!

Он замолчал. Потом опять заговорил.

— Повторяю еще раз! Вы находитесь в космическом корабле, управляемом на расстоянии центаврийцами. Вы должны совершить посадку на одной из планет, пригодных к жизни людей. Вы, то есть корабль со всем содержимым, являетесь собственностью вождя этих чудовищ. Он решил отправить вас на отдельную планету, подальше от своих кровожадных соплеменников. Вы являетесь его сокровищем и должны заниматься переводом наших книг. На той планете никто не живет, на нее запрещено садиться всем центаврийцам и кораблям, кроме его собственного. Вы можете дать сигнал? Нужно дернуть за рукоятку, которая торчит как раз под устройством, из которого доносится мой голос. Потяните ее три раза, и мы будем знать, что у вас все в порядке. Иначе они пошлют другой корабль за вашими бесценными телами.

Джек протянул руку и трижды дернул за рукоятку. Голос Альстара продолжал:

— Здесь, на "Астре", сущий ад. Это уже не корабль, а дьявольский шабаш. Нас осталось семь человек и мы обучаем чужаков управлять кораблем. Они, по-видимому, пока сохранят нам жизнь, но до тех пор, пока мы не раскроем перед ними секреты "Астры". У них есть письменность, и эти дьяволы записывают все, что мы им говорим. Должен сказать, что наша машина-переводчик...

Голос прервался на половине фразы.

Потом раздался вновь:

— ...на корабле находятся запасы еды. Вы ее найдете обязательно, так как в полете будете четыре дня. О пилотировании не волнуйтесь. Они сами посадят корабль. Я выйду на связь позже!

Альстар замолчал.

Джек и Элен стали изучать корабль. В сравнении с "Астрой" этот казался почти кукольным. Всего тридцать метров в длину. Они нашли какие-то небольшие каютки, сейчас совершенно пустые, которые без сомнения были когда-то набиты растениями-людьми. Там было очень холодно, видно эти чудовища летали в космосе в состоянии анабиоза, засыпая, как растения на Земле. Это позволяло брать на борт много членов экипажа, которые оживлялись по мере необходимости.

— Если им удастся приспособить "Астру" под свои нужды, то в нее можно будет запихнуть не менее двух сотен таких чудовищ, или даже больше!

Мысль о возможной опасности для человечества мучила его, как непроходящая зубная боль. Элен попыталась утешить его, направляя разговор в обычное русло, возвращаясь к теме их собственного состояния.

— И мы готовились к худшему,— сказала она ему на второй день полета,— а оказались в относительно безопасном месте и к тому же вдвоем...

— Сейчас Альстар выйдет на связь,— оборвал ее Джек.

С последней связи прошло тридцать часов. Центаврийцы в своей жизни исходили из расчета суточного оборота своей планеты вокруг оси.

Измученный голос Альстара поплыл из странного устройства в точно указанное время. Было слышно, что он находится в сильнейшем напряжении. Он рассказал им о том, как быстро освоили чужаки пилотирование "Астрой". В живых осталось шесть человек. Кое-где были отключены системы жизнеобеспечения, поскольку углекислота, необходимая для дыхания растений-людей, поглощалась ее фильтрами.

Шесть человек продолжали удовлетворять ненасытную жажду информации центаврийцев. Один из офицеров сошел с ума, не выдержав ужаса происходящего, и его тело было законсервировано с помощью центаврийских химикалиев.

— Ускорение вашего корабля будет измерено,— сказал Альстар слабым голосом.— Вы будете на месте за два дня до нашей посадки на их

материнскую планету. Что интересно, они не имеют нигде колоний, хотя давно летают в космос!— Внезапно его голос сломался и он истерически закричал: — Какой я был дурак! Отправил вас обоих, а сам остался в этом аду! Гарри! Не смей касаться Элен, я приказываю тебе! Приказываю, чтобы вы...

Прошел еще один день. И еще один. Альстар дважды связывался с ними. Судя по всему, он все больше предавался отчаянию и был на грани безумия.

— Мы уже не интересуем этих дьяволов, разве что как пища. Наши мозги им уже ни к чему. Корабль постепенно разграбляется. Вчера они стащили колокол из корабельной часовни. За каждым из нас ходит охранник. Мой сегодня вырвал клок волос у меня и сожрал их, корчась в экстазе. Весь хлопок на корабле они уничтожили, съели все рубашки и простыни.

Прошел еще один день. Альстар сходил с ума. В живых осталось три человека. Альстар передал Джеку инструкции, касающиеся ручного управления чужого корабля. Цель полета была уже близка. Диск планеты навис над их головами, закрывая полнеба.

Кроме колец Проксимы Центавра было еще шесть планет — планета, к которой они летели, была следующей от Солнца после материнской планеты растений-людей. Центаврийцы за тысячи лет своего существования уничтожили всю фауну на этих планетах, все живое, до последнего насекомого.

— Сейчас ты уже знаешь, как управлять этим кораблем, когда прекратится радиоуправление,— сказал Альстар. Его голос дрожал.— Вам там будет хорошо. Деревья, цветы, нечто вроде травы, судя по снимкам, а мы приближаемся к самому жуткому финишу во всей истории ада. Все их корабли отозваны на базу. На всей планете не будет ни одного центаврийца, который не получит хотя бы маленького кусочка животной пищи. Дьявол их побери! Мы для них сказочное сокровище, о котором нельзя было даже мечтать. Они болтают между собой, не стесняясь меня, а я уже многое понимаю из их речи. Их предводитель уже планирует создать новые звездолеты, больше тех, которые они выращивают. Он думает отправить на Землю триста военных кораблей с экипажами в состоянии анабиоза. Они смогут взять на борт три миллиона особей, этих кровожадных дьяволов, и оборудование, способное сжечь любой земной корабль с расстояния в десять миллионов километров.

Видимо, эти разговоры помогали Альстару сохранять рассудок.

На следующий день яйцеобразный корабль вошел в соприкосновение с атмосферой планеты и скользнул вниз. Джек взял управление на себя и, отчаянно тормозя, посадил звездолет на зеленой лужайке, возле леса и странных деревьев. Солнце уже садилось и, едва они начали разгрузку, наступили сумерки.

В течение двух последующих дней они почти не отходили от корабля.

В очередной радиопередаче Альстар сказал им:

— Корабль, который летит за нами следом, доберется сюда через четыре года. Вы оба, еще сможете увидеть их прилет, а я умру еще до того, как взойдет солнце. Но самое худшее для меня наступит тогда, когда я представлю себе, как ты, Элен, целуешь Гарри. Я люблю тебя, ты знаешь это, люблю тебя всю жизнь. Я очень завидую этому бунту и один только бог знает, как ненавижу! О, как я ненавижу его! Ну почему я оказался тогда таким глупым, отправив вас на том корабле вдвоем!

Джек кружил по кораблю с горящими от ярости глазами. Его душила ненависть, жажда убивать центаврийцев. Он начал копаться в машинах и оборудовании корабля, стараясь изготовить из подручных частей хотя бы маломощный пулемет. Он работал над этим довольно долго, но потом его внимание было отвлечено грохотом, который устроила внутри корабля Элен.

Это начало раздражать его. Он бросил работу и пошел выяснить, в чем там дело.

Она уже заканчивала вытаскивать клетки с животными из корабля. На воле она открывала их, выпуская живность. Голуби кружили у нее над головой. Кролики хрустели чужой, но сочной травой. Куры с цыплятами что-то клевали в земле. Четверо щенков радостно носились в зеленых кустах.

— Во всяком случае,— улыбнулся Джек,— ни о чем им беспокоиться не надо! Не так как нам. А ведь этот мир мог стать раем для человечества!

Он окинул взглядом этот прекрасный мир, никаких опасных животных, никаких назойливых насекомых, даже микробов здесь, видимо, не было. Это действительно могло стать раем.

В корабле раздался человеческий голос, и Джек рванул внутрь. Элен побежала следом.

Голос Альстара был на удивление спокоен.

— Я надеюсь, что вы все еще слышите меня. Сегодня у низдесь праздник. "Астра" приземлилась. Я остался один. Мы вышли в город, и я ходил среди удивленных и странных домов. Сегодня у них праздник. Удивительно, сколько животного материала они нашли на "Астре". Они нашли даже конский волос в воротниках наших мундиров. Хлопковые веревки. Ботинки. Даже мыло! Они могут отыскать животную материю так ловко, как наши химики отыскивают золото или уран...

Динамик некоторое время молчал.

— Я уже могу рассуждать здраво. Раньше мне казалось, что я сошел с ума, но то, что я здесь увидел, вернуло мне разум. Я видел миллионы этих чудовищ, погружающие свои щупальца в большие корыта, в которых находился раствор всех животных тканей, взятых на "Астре". Большая часть этих тканей досталась их главарям, я видел, как их переносили в их дворцы под охраной многочисленной стражи. Некоторые простые центаврийцы выражали недовольство. Я видел, как против них было применено оружие. Но в основном жители города ошалели от дикой радости. Я слышал речь их предводителя, зовущего в великий поход на

Землю. Он говорил, что Земля битком набита людьми, животными, рыбами, птицами и скоро будет построен новый корабль с нашими земными двигателями, и этот флот перенесет через космос миллионы растений-людей, которые получат столь долгожданные сокровища...

Джек закричал от ярости. Элен закрыла глаза, словно заслоняясь от картины, нарисованной Альстаром.

— Вот, а сейчас о делах более важных. Я должен буду показать их ученым устройство наших двигателей. И я это сделаю. Я абсолютно уверен, что все их корабли, весь их флот находится сейчас на планете, ведь идет большой праздник. Каждый член экипажа всех космических кораблей получил столько животного материала, сколько не мог собрать за всю жизнь. Они уже идут за мной. Я покажу им двигатели. Они уже идут. Вы можете увидеть то, что я хочу сделать. И еще одно, Гарри. Тот мой последний приказ был поступком безумца, но я теперь счастлив, что отдал его. Прощайте оба!

Из динамиков донеслись звуки центаврийской речи. Далеко, далеко, в городе чужаков Альстар шел в сопровождении ученых в машинное отделение "Астры". Они хотели узнать принцип действия двигателей со всеми подробностями, чтобы построить такие же, хотя, нет, не построить, а вырастить!

— Давай выйдем наружу,— предложил Джек.— Он как-то сказал, что хотел сделать это сам, так как нет такого оборудования, на которое можно было бы положиться. Тогда я подумал, что он сошел с ума. Давай выйдем и посмотрим на небо.

Они стояли на зеленой траве, задрав головы и глядя в небо. Ждали. Джек представил себе машинное отделение "Астры" и странную процессию, двигающуюся по ее палубам: Альстара и группу ученых-центаврийцев.

Он должен будет вскрыть один из двигателей и объяснить действие дезинтегратора, который, преобразовывая электроны водорода в атомы гелия, извлекал при этом энергию, необходимую для работы двигателей. Он должен будет ответить на их вопросы. Назначение ультразвуковых генераторов он наверняка объявит как приспособления для управления мощностью и направлением выхлопов. Но он не скажет, что ультразвуковые волны, окружающие работающие двигатели, не дают выйти из-под контроля дезинтеграционному полю. Он не скажет им, что, если не включить ультразвуковые генераторы перед запуском двигателей, дезинтеграционное поле начнет разрушать дюзы, сам двигатель, машинное отделение "Астры", поле космодрома город, всю планету, и, наконец, вся их дьявольская планета в один миг исчезнет в блеске пурпурного огня.

Нет, Альстар им этого не расскажет! Он лишь покажет, как включаются двигатели...

Мужчина и женщина смотрели в небо. И этот миг настал. Огненное солнце вспыхнуло на нем. Пурпурное пламя охватило полнеба, пригасив

блеск настоящего Солнца. Все происходило беззвучно, и все быстро прошло.

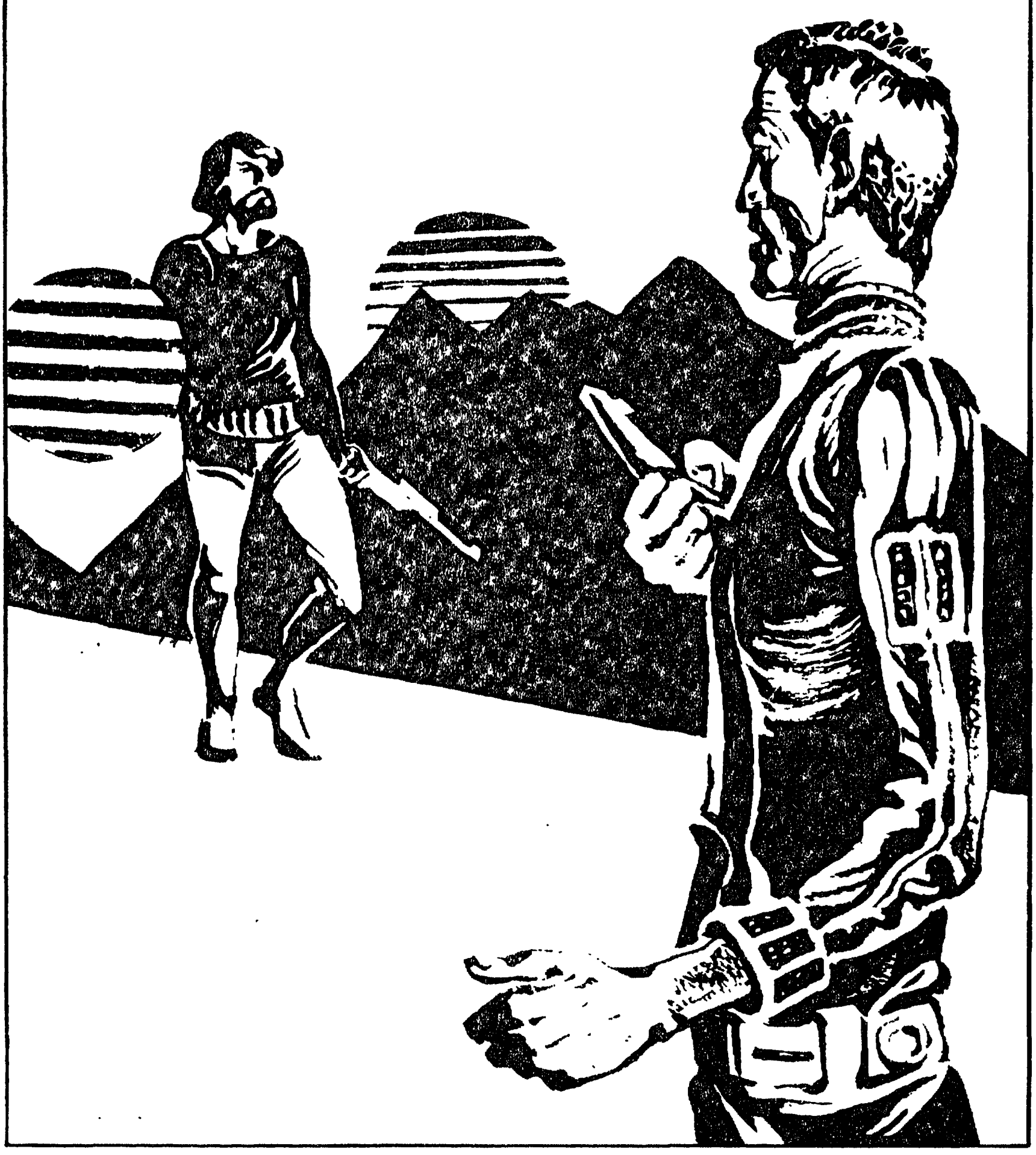
Окруженное кольцами Солнце светило так же, как и раньше.

— Он сделал это!— расстроено пробормотал Джек.— Растения-люди больше уже не существуют. Их цивилизация исчезла. Так же, как их планета, и их дьявольский план захвата нашей Земли...

Там, где раньше была планета центаврийцев, ничего уже не было, даже пара или газа. Она исчезла, словно никогда не существовала. А мужчина и женщина с планеты Земля стояли на планете, которая могла стать раем для людей, и следующий звездолет с колонистами был уже в пути.

— Он сделал это,— тихо повторил Джек.— Пусть успокоится его душа. А мы можем подумать о жизни вместо смерти.

СПЕЙС РАБОТАЕТ ПО НАЙМУ

I

Мне было скучно.

Стоял один из тех длинных, жарких, ленивых марсианских полудней, когда не знаешь, чем бы заняться. Мне было нужно немного поработать на машине времени "Сатурн" — надувательство, а не машина — но у меня не было ни малейшего желания приниматься за это дело.

Я развалился за столом — ноги задраны, голова запрокинута, размышляя над продвижением марсианского песчаного червя вознамерившегося пересечь потолок моей конторы. Побившись сам с собой об заклад, я рассчитал, что ему понадобится ровно шесть земных минут, чтобы достичь противоположной стены.

Вот тут-то она и вошла.

Мой вкус по отношению к женщинам (сейчас, когда я в земном качестве) в основном таков: я предпочитаю две ноги, две груди и один целователь. Но я не предубежден, поскольку зрелая трехглавая венерианка — это, пожалуй, тоже то, что надо.

Она остановилась и навела на меня три пары холодных, водянисто-зеленых глаз, и чистенький, маленький двухразрядный парализующий излучатель "Вюббли-Смэтчан 25."

Я мгновенно забыл о черве и поднял обе ладони.

— Вы Сэмюэль Спейс?— произнесла она нежным голосом в три горла.

Я кивнул.

— Если вы пришли сюда, чтобы совершить ограбление, то все, что есть в этой конторе — это бутылка импортного скотча. Пустая наполовину,— спокойно заявил я.

— Докажите,— сказала она.

— Доказать, что бутылка скотча пуста наполовину?

Она покачала тремя головами.

— Нет. Докажите, что вы действительно Сэм Спейс.

Я медленно опустил руки. Затем встал, извлек бумажник и бросил на стол, перед ней.

— Здесь все. Лицензия. НД-карточки.

— Пожалуйста, положите руки на стол, ладонями вниз,— сказала она.— Излучатель не качнулся, он был по-прежнему направлен мне в живот. Я сделал, как она просила, потому что я терпеть не могу разгуливать с парализованным желудком. Она взяла мои бумаги свободной рукой.

— Они могли быть подделаны,— четыре глаза по-прежнему смотрели на меня, два же разглядывали мои мандаты.

— Они не подделаны,— сказал я.

— Мне довелось узнать вашу биографию, мистер Спейс. Расскажите о себе, я посмотрю, не солжете ли вы.

Я пожал плечами.

— Ладно, сестренка. Попробую быстренько ввести тебя в курс. Я парень с Земли, работающий на Марсе, обожженный солнцем, твердый духом, бывший ракетный наездник из Старого Чикаго, США. Я пьянствовал на астероидах и пьянствовал всю дорогу от Плутона до колец Сатурна. Родители хотели, чтобы я изучал межзвездный закон, но у меня всегда был бзик к путешествиям и происшествиям. Поэтому я двинулся по системе. Некоторое время я тянул лямку на Луне. Затем шесть лет гонял по Венере болотные экипажи, пока, наконец, не затеял эту психованную игру.

— И как это случилось?

— Мой прадедушка был частным сыщиком в местечке, которое называется Калифорния. В Лос-Анджелесе, на побережье, до землетрясения. Он гонял за ханыгами на автомобиле с бензиновым двигателем,— здесь я усмехнулся.— Надо думать детективный бизнес у меня в крови.

— Продолжайте,— сказала она, и я повиновался.

— Я не гордый. Я берусь за любую работу, которая позволит оплачивать аренду этой марсианской мухоловки.— Я подарил ей твердый взгляд.— Но я не трепач. С моими клиентами по-честному. У меня лицензия на ношение нейтронозарядного "Смит-Вессона 38" и мне приходилось пользоваться им и не раз за время моей, пусть даже не очень суетной карьеры. Я не играю в азартные игры, потому что однажды попробовал в Нью-Вегасе и лишился всего, кроме коренных зубов. Мое хобби: крепкая выпивка и мягкие женщины. Обожаю душещипательные истории, но спуску никому не даю.— Я хлопнул по боку.— Удовлетворены?

Я полагал, что она удовлетворена, потому что она опустила свой 25-й и сделала утроенный вдох.

— Нам нужна ваша помощь, мистер Спейс. Нам нужна ВАША помощь.

— Кому это "нам"?— спросил я, откидываясь в кресле и укладывая бумажник. Песчаный червь опередил мое время и был уже на полпути к стенке. Я пожелал ему удачи.

— Меня зовут Исма Питкарн Умани. Я с детства удочерена на Венере. Мой отец доктор Имануил Квинтас Умани.

— Ученый чудак?

— Да,— сказала она, кивнув одной из голов.— Он ждет снаружи. Мы хотим нанять тебя.

— Что ж, я работаю по найму, сестренка. Двести соларкредиток в день, плюс расходы. Если я работаю за пределами системы, гонорар удваивается.

Похоже, она решила, что это в самый раз.

— Мы готовы принять твои требования. Мой папа — преуспевающий человек.

— Тогда зови его сюда,— сказал я.

Она предоставила мне набор продолжительных улыбок и вышла пригласить отца. Мне о нем доводилось слышать. Год назад или около этого "Эрспейнс" объявил сенсационные эксперименты доктора Умани в трансплантации мозга. Он оперировал в шикарной клинике за пределами Олднью-Йорка и считался порядком свихнувшимся, но блестящим ученым.

И вот он появился — глаза дикие. Он пересек комнату, шатаясь, подошел к моему столу, причем дочка по пути старалась выровнять папашу.

— Эге, да что за славного парня мы здесь видим,— заговорил он с мощным ирландским акцентом. Он перегнулся через стол и хлопнул меня по плечу. От него пахло запахом дрянного виски.— Ты не из Дублина, малыш?

— Я не ирландец,— сказал я.

— И папа тоже,— заверила меня Исма.— Это его нынешнее тело — тело ирландца.

Я тупо посмотрел на нее.

— В настоящее время,— объяснила она,— он живет в теле пьяного ирландца. В предыдущем теле он был пьяным уэльсцем. Папа предпочитает колоритные тела.

На меня это подействовало.

— Надо полагать, удалась эта затея с пересадкой мозга?

— Да, конечно. Бредовые идеи тут не причем. Мозг папы побывал во многих телах. Вообще-то, мы здесь именно поэтому.

Я развернулся в скрипучем, вращающемся кресле, открыл бутылку скотча, сделал изрядный глоток и почувствовал, как тепло побежало вниз, к самым пяткам.

— Поверь мне, милая душа: один лишь дьявол способен погасить жажду этого достойного человека,— уныло произнес доктор Умэни, глядя на меня кровавыми ирландскими глазами.

— Не давайте ему ни капли,— предупредила меня Исма.— Папочка надирался всю дорогу от Луна-сити.

Я убрал скотч. Исма опустилась в лучшее кресло для клиентов. Чуть ниже трех голов у нее было отличное земное тело, округлое, как гряда марсианских песчаных холмов. Удобно облегающие одежды, которые,

надо думать, обошлись папаше в триста соларкредиток минимум, подчеркивали полные бедра. У нее был милый моему сердцу набор рук и ног, а ляжки пухлые, созданные словно нарочно для укуса. Я никогда не упускал случая ущипнуть подобную ляжку, если таковая появлялась поблизости.

— Скажите, что вы от меня хотите?— спросил я.

Она тихонько ответила:

— Это задание будет очень простым. Мы хотим, чтобы вы...

Доктор Умани, уже успевший прикорнуть на моей кушетке, вдруг вскочил и простер к небу кулаки.

— Ей-ей, похоже, они уже снова здесь!

Три лица Исмы побледнели.

II

Мы услышали добрый топот ног бегущих людей в холле. Мой 38-й находился в сейфе, где я хоронил его среди папок с делами. Но Исма уже нацелила на дверь свой 25-й.

Дверь распахнулась и ввалились трое мускулистых Луни, паля в нас из утяжеленных микролазеров "Сиддлей-Армстронг 45". Я нырнул под стол, утащив за собой Исму, но я ничем не мог помочь доктору Умани. Он получил в грудь три лазерных пули 45-го калибра — хоп, хоп, хоп. Эти мокрые шлепки не оставляли сомнений в том, что Сиддлей-Армстронг сделал свое дело.

К тому времени, когда я ухватился за диск сейфа, чтобы извлечь заряженный 38-й, один лишь бедолага Умани хрипел на полу, отходя в мир иной.

— Позовите священника,— хныкал старый чудак.— Дайте моей бедной, запятнанной душе войти в жемчужные врата, очиститься от грехов плоти!

— Вздор!— буркнула Исма, опускаясь возле него на колени.— Прекрати глупое нытье и послушай. Ты приготовил очередное?

Доктор Умани посмотрел на нее. Веки его трепетали.

— Корабль... вторая камера с конца,— тут глаза его закатились.

— Он быстро отходит,— сказал я.

— Неважно,— сказала Исма.— Только побудь с ним, пока я вернусь. Если Луни вернутся, не медлите, уничтожте их.

Я получил уже свою долю неприятностей от лунных головорезов и знал, что не огорчусь, если придется пристрелить еще троих.

— Куда ты собралась?

— На крышу, в наш корабль. Я обернусь за секунду.

Она ошиблась, в действительности ей понадобилось три минуты. Она вернулась с безвольным телом тощего чернокожего мужчины, которое держала, перекинув через плечо. На нем были полосатые брюки и ярко-красная рубаха с золотыми пуговицами. Она положила его рядом с отцом.

— Не задавайте вопросов,— она распустила черные волосы двух голов.— Следите, не появятся ли Луни. Меня ждет работа.

Она поспешно притянула медицинскую сумку и открыла ее. Я не спец в операциях и операционном снаряжении, но я все же узнал мозгорез. Она включила его и аккуратно срезала макушку с пьяной головы ирландца доктора Умани. Затем осторожно полезла внутрь и вытащила большой яйцеобразный стальной цилиндр.

— Подержи,— сказала она, вручая его мне.

— Что это?

— Папа,— сказала она.— Папа, конечно.

Я смотрел на цилиндр. В глубине он пульсировал красным и был твердым на ощупь.

Исма работала над черным мужчиной. Она вскрыла его голову, взяла у меня цилиндр и ловко вставила его. Чтобы присоединить макушку, она воспользовалась быстросшивателем.

— Ну вот,— сказала она, улыбаясь всеми своими тремя ртами.— Все готово.

Тощий черный человек сел, почесывая череп. Он ухмыльнулся в мою сторону, а затем запел:

— В шахте бедный паренек
Рубит лунный уголек.
Белый платит медный грош,
Черный стал на тень похож...

— Что за чертовщина происходит,— потребовал я объяснений. Исма нахмурила большинство своих бровей и вздохнула.

— Разве вам не ясно?

— Нет,— сказал я.

— Папин мозг пересажен в тело этого черного джазового певца, полученного из нашего филиала в Нью-Оулд-Нью-Орлеане. У папы всегда была тяга к черным джаз-певцам.

"Целый день тружусь один",— скажет белый господин,— пел доктор Умани.

— Он знает, кто он?— поинтересовался я.

— Естественно,— сказала Исма. Она сунула свою ладошку в грубую черную пятерню.— Папочка, ты бы лучше рассказал мистеру Спейсу о том, почему мы решили нанять его.

— А кто возражает?— спросил доктор Умани, изображая ранний южный диалект. Но он даже равняться не мог по убедительности с недавним ирландским акцентом.

— Что мы делай — так это меняй последнее тело.— Он стукнул себя в грудь.— Я в нем. Больше резервных не нанять на Марсе. Это плохие люди посылай Луни застрелить этот бедный человек, и ежели я не разобьюсь и не раздобуду кого-нибудь наняться, эти наемники меня запросто прихлопнут,— на меня уставились глаза с желтыми белками.— Ты въезжай?

— Не совсем,— сказал я.

— Мой папа выполнят здесь на Марсе жизненно важную работу, и для этого должен остаться в живых. Его враги хотят, чтобы он умер, поскольку, пока он жив и продолжает действовать, его работа представляет для них угрозу.

— Какого рода работа?

— Лучше не будем углубляться,— сухо сказала она.— Наше дело к тебе простое: мы хотим нанять телохранителя. Чтобы ты сопровождал на пути из Олднью-Йорка партию замороженных тел и охранял их, пока они не прибудут сюда, на Марс, в Пузырь-Сити. Жизнь моего папы зависит от количества запасных тел.

— О, йасс! О, йасс, йасс, йо, йоасс, в самом деле,— подтвердил доктор Умани.

Я побарабанил пальцем по столу. Логика, похоже, исчезла, а когда именно, я что-то упустил. А я люблю, чтобы все было логично.

— Послушай,— сказал я,— а не было бы гораздо лучше, если бы ты наняла меня личным телохранителем отца?

— Но зачем?

— Чтобы его опять не застрелили.

— О, его обязательно застрелят,— заверила меня Исма.— Враги папочки очень настойчивы. Они его обязательно прикончат и тут нет сомнений. Но я буду рядом и позабочусь, чтобы в случае необходимости его мозг был тут же перетрансплантирован.

— Но разве они не могут попробовать убрать тебя?

— Уже пробовали. Несколько раз. Но моя необычайно толстая, прочная, все поглощающая венерианская кожа не поддается оружию. Пока, во всяком случае, не поддается. Конечно, существует много способов меня уничтожить, и вскоре они попытаются применить один из них. Но я не боюсь. Мне только хотелось прожить еще немного, чтобы посмотреть, как завершится папин эксперимент.

— Звучит несколько необычно,— пробормотал я. А не мог бы кто-нибудь другой сопровождать на Марс тела для твоего отца?

— Совсем ноу, совсем ноу, сэр!— воскликнул доктор Умани. Он задергался, запрыгал вокруг меня, тряся головой и смеясь.— Вы один, кто может делать этот наняй-работа. Никто другой не может делать наняй, верьте старый негр!

— Папа имеет в виду мистер, Спейс, что мы оба знаем вашу анкету. Вы очень смелый человек, целеустремленный и энергичный.— Шесть ее зеленых глаз мягко сияли.— Мы оба чувствуем, что вы тот, кто может

обеспечить безопасность переправы папиных тел на Марс.— Вы согласны?

Меня поразила дрожь, прозвучавшая в ее голосе.

— Ладно, сестренка,— сказал я,— когда мне начинать?

— Папа уже распорядился, чтобы в ближайшие полчаса вас взяли на корабль и отвезли в Земледром. Вы летите рейсом двенадцати-пятичасовым в 0800 из Пузырь-Сити в Олднью-Йорк, то есть у вас будет время упаковать 38-й и бутылку скотча.

— Откуда вы знали, что я соглашусь?

Вновь ее взгляд смягчился.

— Я была уверена, что вы согласитесь, мистер Спейс. Помните, вы сами о себе говорили, что у вас есть склонность к трогательным историям? Я просто учитывала факт, о котором вы сами упомянули.

— Но я уже говорил, что никому не спущу. Позвольте поглядеть, какого цвета ваши соларкредитки.

Она вынула свой бумажник, вытащила из него тяжелую пачку и вручила ее мне.

— Уверена, что это должно побудить вас приступить к работе.

Я свистнул через отсутствующий зуб, пересчитав деньги.

— Лихо!

— Приятного путешествия, мистер Спейс,— сказал доктор Умани. Он отбросил негритянский диалект, и теперь его голос был культурен и профессионален.— Можете быть уверены, что моя дочь ничуть не преувеличивала, рассказывая о наших неприятностях. Эти тела должны прибыть в целостности и сохранности, чтобы обеспечить успешное продолжение моей работы.— Он вежливо улыбнулся. Темные глаза его светились.— Можно сказать даже — успешное продолжение существования человечества.

Я ничего ему не ответил.

Работа есть работа и я был рад вновь заняться делом.

III

Во время перелета Марс — Земля на борту "Президента Эгнью" я повсюду чувствовал себя голым. На корабле было запрещено ношение гражданского стрелкового оружия, и мой 38-й официально был изъят вплоть до посадки. Мне сказали, что я смогу добиться специального разрешения на его провоз, когда полечу обратно — но на сей раз я вступил на борт без оружия.

Голый против тайных врагов... Но не совсем. Я обучался семнадцати разновидностям рукопашного боя Солнечной Системы и мог сломать ствол маленькой сосны двойным ударом с полулета, предварительно

убедившись, что на мне туфли. Я однажды сломал палец, пробуя сделать это своими ногами без обуви.

Я сидел в проходе рядом с парочкой молодых марсиан, страстно тискавших друг друга в положении норкса, что являлось высшим сексуальным уровнем, благодаря которому марсиане могут достигать короткого кайфа, а вы не можете. На борту звездолета, однако, кайфовать было запрещено, поскольку вторичный сексуальный эффект получается благодаря наружному ощупыванию. Ничего ненормального в том, что они делали, не было. Но меня это нервировало.

Я ухмылнулся. Дьявольщина, Спейс, сказал я себе, ты становишься старым брюзгой, если парочка перевозбужденных марсианских салаг способна довести тебя до черты. Расслабься, подремли немного. Обратный полет на Марс может быть утомительным.

Я почти уже задремал, когда почувствовал руку на своем плече. Я развернулся с уходом вбок и упал на колено в проход, мгновенно приняв боевую стойку.

— Попробуйте сделать это на корабле с нерегулируемой силой тяжести, в состоянии невесомости, и вы треснетесь головой о потолок,— раздался надо мной прочувственный голос.— Вы всегда такой нервный, мистер Спейс?

Земледевочка. Лет двадцати. Высокая. Полногрудая. Верхние конечности и соски обнажены в условной манере землемоды. Рыжие волосы длиной до пояса присыпаны алмазной пылью и пахнут английским вереском. Приятная замена лунному ханыге, помешавшемуся на убийствах. Но я не стал толковать о Луни. Я лишь спросил, откуда она знает мое имя.

— Капитан Ширли была достаточно добра, чтобы сказать мне,— заявила девушка.— Я объяснила ей, что это крайне необходимо, что мне нужна помощь частного сыщика, и она мне посодействовала.

Логично, подумал я уныло. Нельзя верить космическим капитанам-бабам. Они выбалтывают секреты всем остальным бабам на борту. В мои годы, когда я был наездником на лоханках, ни одна баба не достигла офицерского чина. Но прежние времена миновали.

— Я ничем не могу помочь,— сказал я, вновь успокоившись.— Как раз сейчас я на деле.

— Но вы мне нужны временно, в качестве сопровождающего,— стала упрашивать она.— Чтобы проводить меня с этого корабля в мою квартиру в Олднью-Йорке. Центр Парк Южный. Неужели у вас не будет немного времени, чтобы меня проводить?

— У меня билет на "Президента Рейгана", сегодня вечером я возвращаюсь в Пузырь-Сити,— сказал я.

Она улыбнулась и села через проход от меня.

— Но "Рейган" не тронется с места в течение нескольких часов. Я часто на нем летаю, и он, обычно задерживается по прибытии. У вас будет бездна времени, чтобы проводить меня домой.

— Зачем вам нужен сопровождающий?— я уставился на ее соски. Один из них мне подмигнул. Она одевала на них сенсоконтакт, который и вызывал этот эффект. Мигающие соски притягивали земномужчин в двенадцати случаях из тринадцати. Она играла, открыв все карты.

— Некий опасный индивидуум грозился меня убить, когда я покину корабль,— сказала она.

— Что за опасный индивидуум?

— Зовут его Тханам Гханг. Он с одной из песьих планет. Я нашла его привлекательным и мы с ним постельничали полгода. Затем я его бросила ради трехполого спаривания с союзом контрабандистов с Нептуна. Как раз перед тем я занималась этим с торговцами сопрановой губкой с Большой Медведицы.

— Ого!— сказал я.— А вы умеете устраиваться, леди.

Она нахмурилась.

— А я сексуально латентна, если вы это имеете в виду. Но разве не таковы в наши дни все земнодевушки?

Я улыбнулся подмигивающему мне левому соску.

— Ты положила меня на лопатки, сестричка,— Так что там насчет этого типа, Гханга?

Она фыркнула, сморщив веснушчатый нос.

— Он всего лишь зануда-неудачник. Гханг пронюхал, что я возвращаюсь на Землю на "Эгнью" и пригрозил меня убить, когда мы приземлимся. Надо думать, в припадке ревности. Если же там будете вы, он не решится на это.

— А что потом?— спросил я.— После того, как я уйду?

— Я буду носить личное оружие. У меня оно есть, дома. Но на корабль его проносить не разрешается. Капитан Ширли очень строга насчет оружия.

— Знаю,— сказал я, хлопая себя по пустой кобуре.— Мой 38-й сейчас на хранении.

— Вы мне поможете, мистер Спейс?— глаза ее сияли, как звезды. От них, казалось, загорались алмазы в волосах. В ней было нечто трогательное.

— Вот уже второй раз за двенадцать часов у меня простят помощи женщины, попавшие в переделку,— сказал я.— Но черт меня возьми, я еще никогда не отворачивался от подмигивающего мне соска!

Она засмеялась и бросилась мне на колени.

— Меня зовут Николь,— сказала она,— и я хочу тебя соблазнить.

Наши губы сомкнулись в поцелуе с глубоко проникающими языками, которые были так горячи, что могли бы облупить краску с землестены. Два марсианина бешено ощупывали друг друга и поэтому нас не замечали. Если честно, то на этом этапе путешествия я их тоже перестал замечать.

При посадке у нас не было забот. Я забрал свой 38-й и велел Николь подождать меня в корабле, пока я осмотрю окрестности. Она дала мне

подробное описание внешности Гханга, но я не очень-то в нем нуждался. Парня с песьей звезды не просто проглядеть в толпе. Вряд ми можно не заметить типа высотой в десять футов с мохнатыми, оранжевыми ушами.

— О'кей, все чисто,— заверил я ее.— Но держитесь ко мне поближе. Если он все же появится, то я с ним справлюсь.

Она подарила мне улыбку, прижавшись ко мне всем телом.

— Я уверена, что ты справишься с кем угодно, мистер Спейс.

Я помахал аэрокэбу, и мы сели в него.

— Зови меня Сэм,— сказал я.

— Но именно об этом я и хотела попросить тебя,— сказала она, сделав гримасу.

— Ты же сказала, что тебя зовут Николь,— я удивленно выгнул брови.

— Но мое среднее имя Саманта, и все мои парни зовут меня Сэм.— заявила она.

— Я не твой парень, сестренка. Для меня ты — Николь. Это французское имя?

— Моя мама родилась в Париже. И я провела там большую часть детства. Папа мой был с Нового Западного побережья Америки, из Санта-Фе.

— Это прекрасно,— сказал я, кивая. Эта легкая беседа занимала нас до тех пор, пока мы не добрались до ее квартиры, выходящей на Центр Парка Южный.

Мы поднялись по трубе, и она положила ладонь на дверь, а я прикрывал ее на тот случай, если появится этот хмырь с песьей звезды. Я был готов к этому.

Но к чему я не был готов, так это к молниеносному стриптизу, который она устроила, как только мы оказались внутри. Прежде, чем я успел моргнуть, она оказалась в чем мать родила. Гладко-розовая преступная землеплоть сделала все, на что она была способна — я выронил свой 38-й и бросился к ней.

И тут на меня рухнуло небо. В черепе взорвались золотые и красные ракеты, и я опрокинулся в глубокий космос, черный и бесконечный.

IV

Черное. Затем красное.

Синее... разгорающееся в желто-серое. Яркая, режущая желтизна. Я моргнул, скосил глаза, поднес руку, чтобы прикрыть лицо. Я лежал на полу, в квартире Николь, в круге яркого солнечного света. Подтянувшись к окну, я выглянул наружу. Центр Парк играл тенями, и это подсказало мне, что уже слишком поздно.

Я упустил "Рейгана". Тела доктора Умани отправились на Марс без меня, и нет сомнения, что они будут приведены по дороге в негодность. Сочная милашка с подмигивающими сосками провела меня, как последнего дурачка.

Я нашарил свой 38-й и проверил обойму. К нему не прикасались. Я поместил пистолет в кобуру и разорвал облатку с головоисцелителем. Ни один детектив не обходится без них. Я принял две маленькие ампулы-горошины. Пронизывающая боль охватила кожу и кости, но постепенно стала утихать вместе с головной болью.

Через пять секунд я вновь был самим собой.

Я быстро обыскал квартиру. Николь отсутствовала. Это меня не удивило. Я не надеялся, что она будет болтаться поблизости и ждать, пока я очухаюсь.

Очевидно, она работала на компанию, которая желала, чтобы эксперимент Умани закончился неудачей. Странный чудак, наверное, уже мертв, потому что под рукой у него не оказалось запасных тел для мозгового переключения. Насколько я мог догадаться, Исму они тоже убили. Все шло к чертям собачьим, и виноват тут был я. Я шел на неподъемистое дело, как землебык идет на бойню.

Тщательный обыск не дал ничего стоящего. Очевидно, Николь не тратила времени на сборы — ее платья и косметика остались в квартире. На чемодане с молнией я обнаружил имя Хармсуорт. И больше ничего. Никаких снимков. Никаких личных, интимных признаков. Никаких писем. Николь Саманта Хармсуорт была чистюлей. Она не оставила нечего, что говорило бы о ее связях с бандой или организацией.

Я тщательно расспросил управляющего на обратном пути, не желая упустить ни малейшего шанса узнать второй адрес моей голубки.

— Нет,— пробормотал клерк, понурый малый с впалыми, желтоватыми щеками.— Боюсь, что мисс Хармсуорт не позаботилась о том, чтобы снабдить нас новым адресом.— Затем он добавил с улыбкой скелета.— В конце концов она живет у нас уже двадцать полнолет.

— Это невозможно,— сказал я ему.— Она вряд ли старше двадцати пяти. И она мне говорила, что выросла в Париже.

Похоже клерк смутился. Он помахал дряблой рукой.

— У нас живет только одна Хармсуорт. Ее зовут Эмили. Ей семьдесят шесть лет. И своего последнего партнера она потеряла, когда поселилась у нас. На него упал аэрокэб. Несчастный случай. Печальная история. Если вы хотите оставить сообщение для мисс Эмили, я позабочусь о том, чтобы она его получила. Сейчас она прогуливает своих собачек. Она обычно занимается ими в это время дня. Она их очень любит.

— Вы дежурили сегодня весь день?— поинтересовался я.

Он сказал, что дежурил.

— А не видели рыжеволосую девицу, молодую, красивую — она выходила отсюда, может быть, с парнем,— продолжал я.

— Нет, в мое время все было спокойно. Отсюда выходила лишь мисс Эмили со своими собачками. А теперь, если вы будете любезны...

— Отсюда есть запасной выход?

— Естественно,— ответила эта тощая курица.— Но днем он всегда на замке.

— А что если проверить?

— Следуйте за мной,— сказал он.

Дело в том, что я был сбит с толку. Как могли девушка и ее дружок проскользнуть мимо старого пердуна? Очевидно, они воспользовались жилищем Хармсуорт только для того, чтобы заманить меня, но откуда Николь знала комбинацию ладони? И меня интересовало, где была Эмили Хармсуорт все то время, что я валялся без сознания на полу ее квартиры. Может быть, она тоже была в деле? Но я в этом сомневался. Фактами это не подтверждалось.

Я взял аэрокэб до космопорта и проверил на Марсорейсах, не случилось ли чего с "Рейганом" по пути в Пузырь-Сити. Я готов был услышать, что корабль взорван или похищен пиратами. Но мне было сказано нечто куда более интересное.

— Прошу прощения, сэр, но "Президента Рейгана" нет на маршруте Земля—Марс,— сообщил мне клерк Марсорейсов.— Я никогда не слышал о корабле с таким названием. Единственный корабль, покинувший вчера Марс, был "Президент Уоллас".

— Ты, чучело,— рявкнул я.— Мое имя Сэмюэль Спейс и у меня билет до Пузырь-Сити. Проверь мою бронь.

Он холодно посмотрел на меня, затем погрузился в длинный список пассажиров.

— Я не вижу, чтобы для вас был сделан какой-либо заказ на Марсолинии, мистер Спейс.

Мне было тяжело, и я предупредил:

— Я не знаю, что за чушь ты пытаешься мне скормить, но я ее покупаю! Или ты ищешь, или твои данные — полная ерунда. Я совершенно точно заказал билет для сопровождения парочки замороженных тел на борт "Рейгана" для доктора Эмануила Умани на Марсе.— Сделав паузу, я перевел дыхание.— Не говорите мне, что никогда о нем не слышали.

Чертов пердун медленно поднял брови.

— Ну почему же? Я слышал о докторе Умани. Естественно. О нем есть во всех газетах.

— Ничего не понимаю.

— Он был убит два земнодня тому назад в Пузырь-Сити. Доктор Умани использовал чужое тело, но анализы мозга установили личность. В этом деле замешаны трое лунных преступников.

— Довольно,— сказал я.

— Они так же уничтожили приемную дочь доктора Умани мисс Исму Умани, а заодно и бизнесмена, с которым она была связана.

— Помните имя бизнесмена?

Он покусал нижнюю губу, сосредоточиваясь.

— Подождите...— наконец сказал он,— у меня где-то есть газета. Ага!— Он извлек газету и вручил ее мне.

Я прочел заметку и вздохнул.

— О'кей, я хочу, чтобы вы оформили меня на ближайший марсианский рейс.

— Буду рад, сэр.

Мне предстояло посетить похороны.

Я уставился на тело в пластике: крепкий, мускулистый парень, средних лет, со шрамом на правой щеке и жестким ртом. Черные волосы, черные густые брови. Это лицо видало виды, нос был сломан, уши приплюснуты.

— Очень плохо, Сэм,— сказал я.— Ты был неплохим человеком.

Это был я, никакой ошибки. Глаза были закрыты, но это были мои глаза, темные, глубокие и жестокие, как и рот. Я узнал даже дешевый серый псевдокостюм. Я купил его на Уране у маленького крикливого тряпичника — ястреба с шестью руками и полным отсутствием совести.

— Вы друг покойного?— рядом со мной стоял распорядитель похорон с ласковым взглядом, старающийся выглядеть удрученным.

— Мы вместе росли в Старом Чикаго,— сказал я.— Но мы уже давно не виделись, и я только что прочел в газетах о его смерти. Решил постоять рядом и оказать последний долг.

— Как благородно с вашей стороны. Я уверен, что мистер Спейс одобрил бы этот жест. Как он вам нравится?

— Хе?

— Я имею в виду нашу работу. Лицо такое спокойное, умиротворенное. Когда же его к нам доставили, это было нечто из ряда вон выходящее.

— Он выглядит живым и здоровым,— сказал я.

Ласковый человек кивнул и продолжал:

— Действительно, оформление и представление покойного — это такое искусство... Должен сказать, его не до конца оценивают в наше время.

— Готов согласиться,— сказал я.— А удалось ли прищучить хануриков, которые его остудили?

Распорядитель грустно покачал головой.

— Нет, преступники все еще на свободе,— вздохнул он и покраснел.— Я подготовил мисс Умани и ее отца для демонстрации. Не хотите ли посмотреть?

Я в своей жизни видел немало жестокостей, но рассматривание трупов, а в особенности своего трупа, может привести к депрессии.

— Нет, спасибо, на них я смотреть не буду.

Он придвинулся ко мне ближе, а глаза у него были влажные и любопытные.

— Как вас зовут, сэр...? Для реестра, конечно.

У меня были фальшивые усы. Мой настоящий нос чесался. Я не удержался и почесал его, не скрывая при этом своего раздражения.

— Хеммет,— сказал я.— С одной "т" на конце. Многие пишут неправильно.

— Разумеется,— сказал он, тщательно записывая фамилию.— Только одна "т". Вы обоснуетесь в Пузырь-Сити, мистер Хеммет?

— Почему бы и нет?— сказал я.

— Думаю, месса вам понравится. Мы проводим их на высоком уровне.

— Уверен,— сказал я.— Но мне надо бежать. Суматошные наши времена, знаете ли.

— Отлично вас понимаю, сэр,— он кивнул, вновь исчезая за занавеской.

Я бросил последний взгляд на бедного Сэма.

— Ты молокосос,— сказал я.— Тебе нужно было держать 38-й между чемоданами.

Он не моргнул глазом. Он продолжал выглядеть умиротворенным.

V

Теперь я знал, что со мной произошло и знал также, что только один человек может мне помочь. Последний раз, когда я его видел, он жил под музеем Искусств в Старом Чикаго.

Туда я и отправился. Древние львы по бокам входа уставились на меня, когда я стал подниматься по мраморным ступеням. Их пластослепки были куда менее величественными, чем оригиналы. Но пластольва гораздо легче содержать в чистоте, чем льва из гранита. Когда я был маленьким, эти гранитные львы впитывали грязь в поры камней, теперь же их копии были совершенно немаркими.

Наверху меня остановил охранник.

— Мы закрыты,— сказал он.— Приходите утром.

— Я здесь не для того, чтобы пялиться на вашу коллекцию,— сказал я.— Мне нужно повидать Натана Оливера. Он все еще здесь живет?

Охранник недовольно кивнул.

— Этажом ниже. Он у нас постоянный реставратор. А если вы спрашиваете меня, то он ищет лопнувший горшок.

— Никто вас не спрашивает,— буркнул я.— Могу ли я его видеть?

— Он вас ждет?

— Нет. Он меня знает. Скажите ему, что здесь Сэм Спейс.

Я ждал, пока он спустится к Оливеру, похлопывая льва по пластозаднице. Все же я предпочел бы гранит.

Когда охранник вернулся, глаза у него были вытаращены.

— Ну, и что он сказал?— спокойно спросил я.

— Он... он сказал... что вас здесь быть не может!

— Почему это?

— Потому что вы мертвы.

— Это не имеет значения,— прорычал я.— Пустите меня, я поговорю с ним. И я все улажу.

...Я попытался прорваться. Он быстро сделал шаг назад, и выхватив излучатель 22 из кобуры, навел его на меня.

— Мне кажется, вы какой-то ...

Это было все, что он успел сказать. Я применил к нему "летающее вырубание", выбив левой ногой 22-й из его руки, а кулаком правой выдавив воздух из его брюха. Затем я погрузил его в сон ударом 38-го и спустился по ступенькам на нижний этаж. А потом отбросил назад мой фальшивый нос и густые имбирные усы.

Натан Оливер стал серым, когда увидел меня. У него отвисла челюсть и губы его задрожали.

— С-с-с...

Он не мог выговорить мое имя.

— Я не привидение, нет, если ты боишься этого,— ухмыльнулся я.— Это твой старый дружище Сэм Спейс. Во плоти.

Он не мог в это поверить.

— Но газеты... видеорепортажи.. Все они сообщали о твоей смерти... Ты не можешь быть живым...

— А я и не живой. По крайней мере, один из меня не живой. Его пристрелили Луни в Пузырь-Сити.

— Тогда ты его брат-близнец.

Я хихикнул.

— В какой-то мере, ты прав. Если ты расслабишься и перестанешь пялиться на меня, как мертвая голова, я тебе все расскажу.

Мы вошли в его главную жилую комнату, и Оливер опустился в плюшевое, псевдовельветовое кресло, вытирая розовые щеки шелковым платком. В желтом праздничном халате Нат выглядел колокольчиком, а его желтые ноги казались абсурдно маленькими по сравнению с внушительными мраморными плитами пола.

— Ты всегда любил ходить босиком по мрамору,— сказал я, вспоминая.— Ты, старая утка, Нат, и единственный в мире, кто может вытащить меня из передряги, в которую я попал.

— Убеди меня, что я не схожу с ума! Убеди меня в том, что ты не безумное видение, посланное мне космическим Господом за грехи!

— Я всего лишь Сэм,— сказал я ему.— Или один из них. Некоторые из нас живы, некоторые мертвы. В настоящий момент твой мир потерял одного из них. Вот почему я пришел повидаться с тобой. Я хочу уйти.

— Уйти куда?

— Уйти из этого мира. Он твой, а не мой. Для меня он не годится, Нат.

На этом его опасения иссякли. Он отложил платок и выпростал из кресла свое жирное тело.

— Что тебе необходимо, так это выпивка. Скотч. Чистый, насколько я припоминаю.

— Ты правильно припоминаешь.

Он налил мне изрядную порцию. Виски прогрело мои внутренности, как ракетное топливо дюзы. Мы сели и я вкратце рассказал ему, что случилось.

— Эта трехголовая с Венеры наняла меня охранять груз запасных тел. Прежде, чем я успел закончить дело, меня соблазнила детка с мигающими сосками. Она уговорила меня проводить ее до ее квартиры в Нью-Йорке, там меня оглушили и переправили из моего мира в этот.

— С какой целью?

— Они хотели вывести меня из игры по своим соображениям. Поэтому они поменяли местами параллельные Вселенные.

Оливер кивнул. Он сходил к бару и принес еще скотча. Пока я тонул в виски, он обдумывал ситуацию. Нат всегда любил обдумывать ситуацию.

— Ты пришел ко мне, потому что решил, что я смогу отправить тебя назад?

— Ты угадал, Нат. — сказал я.— Когда мы были знакомы в моем мире, ты занимался этой работой в музее, восстанавливая кинофильмы 20-го века, но твоим хобби была пространственная телепортация. Ты умел отсылать деревья и кусты в другие измерения. Но я не уверен, что в этой Вселенной у тебя осталось то же хобби. Но ты можешь попытаться.

— О, я действительно вожусь со временем и пространством,— заверил он меня.— Как раз на прошлой неделе я успешно переправил в другую Вселенную самца гориллы. С этими гориллами всегда хлопотно.

— А ты на людях когда-нибудь это испытывал?

— Еще нет,— глаза его заблестели.— Ты будешь первым.

Мы вошли в его рабочий кабинет, весь заставленный кинематографическими артефактами, которые и составляли музейную коллекцию. Секции полувосстановленных студийных декораций валялись по всему полу. Везде были плакаты с портретами кинозвезд. В одном углу стоял гигантский резиновый булыжник рядом с резиновым утесом. Оба они были потрепанными и шелушащимися.

— Лужу эти временные пустяки уже довольно долго,— сказал Нат, обходя киношную утварь и указывая мне путь в его лабораторию.— Что мне кажется забавным в этой истории с двумя Сэмами, так это то, что тебя переместили,— он затрясся от смеха.— Вот уже подшутили над старым Натом!

— Что меня тревожит,— признался я,— так это то, что тут может оказаться бесконечное число Вселенных, в которых Натан Оливер не

стал временным лудильщиком, а я не стал честным детективом. Что, если я угожу в одну из них?

— Такое действительно может быть. Тем не менее ближайший к нам космический поток почти идентичен нашему. Может случиться инцидент-другой, хотя основные условия и зафиксированы. Раз уж ты был здесь для наемной работы, предположим, что мы находимся во Вселенной главной линии, что делает твое возвращение значительно менее сложным.

Лаборатория Оливера, в которой он предавался своим увлечениям, представляла собой массу труб, баков, кнопок и растительности. Растения — маленькие деревья, кусты, цилиндрические папоротники. Я повесил на них куртку.

— Сюда, Сэм,— сказал Оливер.

Он убрал петунию из высокого, конического вместилища и махнул мне, приглашая войти.

— Займи место петунии,— инструктировал он.— Я собирался ее послать. Теперь вместо нее отправишься ты.

— Надеюсь ты знаешь, что нужно делать,— сказал я. Вся эта затея вдруг показалась мне рискованной, и я испытывал все меньше уверенности в толстяке. Если он чего-нибудь напутает, я могу оказаться где угодно. И, может быть, следующий Натан Оливер, если я смогу его разыскать, ни черта не будет знать о параллельных Вселенных.

— Не беспокойся,— утешал меня Оливер, поворачивая маленькие диски на боку металлического конуса.— Я верну тебя домой, так что ты и глазом моргнуть не успеешь.— Он внимательно вгляделся в меня.— Когда ты проснулся в этой Вселенной, сколько было времени? Это важно.

— Точно 08.00 часов. Я сверился с тенями на деревьях, они никогда еще меня не подводили.

— Хммм.. а когда на тебя напали? Я имею в виду, в твоем мире?

— Сейчас прикину. Давай посмотрим. Мы покинули "Эгнью" в 16.00 и взяли кэб до самого Центр Парка. Итак, в 16.20.

— Великолепно,— проблеял толстый лудильщик.— Я отправляю тебя в точку. Гораздо хуже было бы, если бы ты не знал времени.

— Слушай, а как этим жуликам удалось меня сюда перенести? Я не видел в квартире никакого металлолома, связанного с измерениями.

— Должно быть, у них был портативный прибор. Более совершенный, чем мой. С этим оборудованием хватает трудностей, но оно работает. Я уверен, что оно работает.

— Черт побери, будем надеяться,— сказал я.

Оливер пристегнул меня к сиденью внутри корпуса, заботясь о том, чтобы я принял правильное космическое положение. Он присоединил несколько металлических присосок к моей шее и голове. Затем он отошел назад, явно довольный собой.

— Когда я активирую этот модулярный активатор, ты почувствуешь недомогание, затем станет темно. Когда недомогание пройдет и ты ввинтишься во тьму, значит ты вылетел из этой Вселенной. Все ясно?

— Да. Давай, щелкай. Я хочу разыскать дамочку, которая подстроила мне ловушку. И, может быть, будет еще время спасти доктора Умани.

Нат стал крутить большее количество дисков, чмокая толстым розовым языком, затем он поглядел на меня.

— Готов?

— Конечно.

Глаза Ната блестели, подбородок дрожал.

— Удачи, Сэм.

— Спасибо за помощь, Нат.

Появилось недомогание. И под громовое жужжание и блеск искр я ввинтился во тьму.

Я проснулся там, где упал, в квартире Николь, в Центр Парке Южном. В одном я мог быть уверен: мне не придется ее разыскивать.

Совершенно обнаженная Николь лежала на полу рядом со мной, глаза ее были широко раскрыты и пристально смотрели в потолок.

Она была жесткой, как рождественская индейка.

VI

И все-таки Николь выглядела первоклассно. С ее лицом ничего не сделали и на теле не было заметно повреждений. Она лежала на спине. Я перевернул ее и обнаружил глубокую лазерную рану, разрезавшую плоть от шеи до бедра. Похоже было на работу трехлучевого рукопашного 48 ПА.

Кто бы не выполнил эту работу, он очень спешил, потому что выброненный мной 38-й валялся на полу. Я поднял его и проверил обойму. О'кей! Теперь я владел двумя 38-ми, этим и тем, под курткой, из другой вселенной. Ну что ж, будет чем козырять в предстоящем путешествии.

Убийство Николь имело все признаки надувательства. Очевидно тот, кто преследовал Умани, использовал девушку, чтобы заманить меня сюда, а затем, на всякий случай, убрали с глаз подальше. Они не пожелали оставлять свидетеля, ведь очаровательная девушка могла проболтаться какому-нибудь не тому Джо. Они хотели быть уверенными, что он рот будет закрыт.

Николь я уже ничем не мог помочь, но квартиру, на всякий случай, стоило обыскать. В прошлый раз я обыскал не ту квартиру. Там квартира принадлежала старой деве, любительнице выгуливать своих собаченок.

Я прикинул, что на этот раз мне должно повести, и я найду что-нибудь полезное для дела. Так оно и вышло.

Они прихватили с собой шмотки Николь, но слишком спешили, чтобы заглянуть в ее дорожный саквояж. Он стоял слева от двери, там, куда она поставила его, войдя в квартиру. В нем, аккуратно уложенное между двумя глосексуальными блузками, я обнаружил письмо, адресованное Николь С. Таббс, посланное из Куполо-улья.

Я вынул письмо из конверта и прочитал:

> *«Моя дорогая, восхитительная Таббс! Мы имеем сведения, что дочь доктора Умани наняла частного детектива по фамилии Спейс для сопровождения груза замороженных тел с Земли на Марс. Его необходимо обезвредить. И вы избраны для выполнения этого задания. Встретьте его на борту корабля и постарайтесь уговорить проводить вас в ваше жилище. Там им займется наш агент. Вам будет заплачено за вашу услугу. Ф.»*

Я вздохнул. Этот Ф., что и говорить, заплатил сй хорошо, кем бы он ни был. Лазерным ударом в сердце.

У меня были улики. Я не слишком-то надеялся на них, но, когда ведешь такую игру, приходится ходить теми картами, которые у тебя на руках.

Как бы то ни было, Ф. мог оказаться моим козырем.

Я справился о "Рейгане" по видеопроводу и узнал, что он прибыл в Пузырь-Сити по графику. Это меня удивило.

Затем я набрал номер Исмы и связался с лабокком доктора Усмани на Марсе и был поражен, услышав его ответ.

— Иасса, босс. Кто хочет видеть эта стара черный?

— Доктор, это я, Сэм Спейс. Я думал, что они уже прикончили вас.

— Нет, я совершенно здоров невзирая на вашу глупость,— буркнул Умани.— Мороженный груз пришел вовремя (вас тут благодарить не за что) и Исма сейчас размораживает поясницу шотландского горца. Я залезу в него сразу же, как только она управится.

— Вот оно!

— Что оно?

— Это объясняет, почему они не попытались уничтожить груз. Я уверен, что шотландский горец — подстроенная ловушка. Бьюсь об заклад на свою ЧСР. Вероятно, они оборудовали каждое тело механизмом самоуничтожения. Я не сомневаюсь, они заминировали весь груз. Как только ваш мозг окажется в любом из этих тел — вы сбитая утка.

— Боюсь, что вы можете быть правы, мистер Спейс.

— Так что оставайтесь внутри Нью-Олд-Нью-Орлеанского джазпевца, пока вам не пришлют свежие тела. Я буду сопровождать случайный груз, но прежде мне надо заскочить на Сатурн. Можете вы посидеть взаперти, пока я не войду с вами в контакт?

— Ну, это я могу себе вообразить...— буркнул доктор.— Но я хотел бы перебраться в человека, который пьет больше...— Затем голос его смягчился.— Ладно, мне и в самом деле нравится бренчать на банджо — я это, нынешнее, единственное из моих тел, которое способно на это.

— Замечательно. Оставайтесь внутри и продолжайте бренчать. И позаботьтесь о том, чтобы Исма всегда крутилась где-нибудь рядом. Я надеюсь, что наши враги не станут сейчас предпринимать что-нибудь еще. Они ждут, когда вы совершите мозговой прыжок в снаряженного мертвеца... что дает мне немного рабочего времени.

— У вас есть идея, кто они такие?— поинтересовался доктор.

Я сглотнул.

— Вы что, не знаете, кто пытается вас убить?

— Три недели назад я получил открытку с требованием свернуть свои эксперименты или же я не смогу жить, чтобы продолжать их. Там не было полной подписи. Только инициалы.

— Этот инициал был "Ф."?

— Да, верно. Откуда вы?...

— У меня нет сейчас времени вдаваться в подробности. Каждая минута, которую мы тратим на разговор, срезает мое преимущество. Думаю, что "Ф." — это тот тип, который нам нужен. Он прикончил земледевушку, отправил меня в другую Вселенную. Вот почему я упустил ваш груз. Пока меня не было, он и позаботился о телах.

— Лады, будем надеяться, ваша играй верный партия,— продребезжал доктор Умани, вновь съезжая на свой диалект.

— Я буду держать связь,— пообещал я.

— Иасса!— заявил он.— А это старый темный будет прятаться тут, покуда он не понадобится вам.

Я отключился и купил билет на Сатурн.

Поездка была быстрой и легкой.

Будучи землянином, я горжусь достижениями наших ученых, но нельзя не признать, что именно марсиане и венериане раскололи искривления в гиперпространственном прыжке. И они сделали это задолго до нашего времени. Черт возьми, да я еще был головастиком в Старом Чикаго, а они уже могли добираться в любую точку Системы за один земнодень — а с той поры прошло уже много времени. Я предпринял свой первый космический полет на Меркурий, когда мне было тринадцать (к одной маленькой милашке с Ганимеда, которая знала, как пользоваться своими прелестями), а в двадцать я исследовал Плутон.

Это большая вселенная. Но она ограничена в размерах.

Я жал кнопки на кораблях у Титана, водил тихоходный пеленгационный челнок у поверхности Сатурна.

Куполоулей — чрезвычайно большой город, с тремя или четырьмя, по крайней мере, миллионами жителей из числа обитателей Солнечной Системы, и работа мне предстояла непростая. Где и что этот "Ф."? Как мне казалось, он должен был быть шестнадцатифутовым уранцем с

кривыми жвалами, или газодышащим с внутренних астероидах с прозрачными телтародами. Кто бы он ни был, это был гнусный субъект и совершенно безнадежный. А это представляет собой опасность во Вселенной для любого человека.

Однажды я возился с делом, затрагивающим свиновода с Проксимы Центавра, который сбежал с мультисамкой с Капеллы. Прежний сожитель мультисамки хотел, чтобы я ее выследил. Когда же я их прихватил, свиновод приложился ко мне пульсирующими нижними лопастями, после чего я не мог ходить целый месяц. Такая лопасть очень быстро может превратить ногу выше колена в крошево. Оставалось лишь надеяться, что у "Ф." нет пульсирующих нижних лопастей.

В Куполоулье у меня не было твердых контактов, которые помогли бы мне наладить дело. Я шел вслепую. Но все же каждый город имеет темное брюхо, как раз для космических бродяг и мастеров всевозможных мерзостей, для всякой голытьбы и негодяев. Куполоулей не был исключением.

Аэроизвозчик предупредил меня:

— Вам бы не надо опускаться туда, мистер. Это небезопасно даже у куполосвете, а в куполотьме вас могут зацепить вольнопчелки.

— С вольнопчелками я и сам могу управиться,— сказал я,— и позволь мне самому позаботиться о том, чтобы меня не сцапали.

— О'кей, парнишка, щупальца не облупятся, если ты не вернешься.— Он в молчании тронулся.

Я ухмыльнулся про себя. Даже этот сатурнианский туземец с тремя щупальцами говорил на древнем камблинго Олднью-Иорка. Извозчики в Системе все одинаковы. Всегда надают тебе кучу бесполезных советов, хочешь ты этого или нет.

— Можешь остановиться здесь,— сказал я.

— Лады,— сказал он.— С вас десять полукредов.

Я уплатил ему и выскочил из ховера. Он погнал кэб назад, в центр города. Моей целью была высокая неряшливая пирамида из пластикирпича в узком ряду захолустных металлических лачуг. Я выбрал притон под названием "У Игоря", где питье было убийственно, женщины визгливы, а цена за вашу душу — копейка. Землепашки называют это — "Куполоулейнырянием".

Я был уже, пожалуй, в пяти футах за дверью, когда толстогубая пискунья приподнялась на лодыжках и захлестнула щупальца вокруг моей ноги.

— Как насчет потащиться?— спросила она.

— Не сегодня, милашка,— сказал я ей.— Брысь!

Она обозвала меня грязной кличкой и отвалила.

Я заказал крепкую выпивку и стал спрашивать о хмыре, который подписывается "Ф".

Мне потребовалось полкуполодня и четырнадцать нырянний, чтобы получить желаемый ответ. Когда я спросил того чистюлю об "Ф", он стал

пурпурным. Он был туземцем, и природный цвет у него был красно-коричневым. Если вы на Сатурне стали пурпурным, это значит, что на вас что-то подействовало. Но я знаю, что лезу в грязь за плату.

— Лучше не спрашивай об "Ф",— прошептал он.

— Почему?— спросил я.

— Если ты хочешь жить, держись от него подальше. Это все, что я скажу.

— Нет, не все!— я потянулся через стойку и схватил его за тонкую шею, обеспечив нервирующее давление.— Говори!— сказал я,— или я выжму из тебя весь сок.

— Отпусти меня!— захрипел он.

— Нет, не отпущу, пока не скажешь,— давление усилилось.

— Анхх... Кей, кей!

Я отвел большой палец.

— Круглобашня. Блок АВЗ,— прохрипел он.— Я слышал, что он пошел туда.

Я встал и отпустил его освежиться. Затем стал задавать дополнительные вопросы.

— Чем занимается "Ф"?

— Не могу сказать. Мы, куполонарод, знаем его лишь по инициалу. Он ведет дела с некоторыми из наших. Вы догадываетесь, какого рода дела?

— Угу,— сказал я.— Платные убийства, услуги по изнасилованиям, сомнительные делишки. Я на твоей волне?

— На моей,— сказал гогочка.

— А что делает "Ф" в Круглобашне?

— Я слышал, что это одна из его отраслевых контор. Слух, никто его не проверял, как вы понимаете.

— Ну что же, кому-то ведь придется,— сказал я. Я продвинул десятикредитовую по стойке.— Помалкивай с этим, а?

— Молчу,— сказал он, кивая.— Щупальца его были пурпурными, показывая, что он выведен из равновесия.

— Будем все осторожны,— сказал он, поглаживая обрубок шеи.— Как я слышал, "Ф" не жалует ищеек.

— Не думай о том, кого он там жалует или не жалует,— сказал я.— Лишь держи шкуру на травках насчет того, что я здесь был.

Когда я уходил, он наградил меня тем, что могло бы сойти за улыбку сатурнианина.

VII

Круглобашней был алюминиевый цилиндр из соединяющихся конторских блоков, поднимающийся в одной из наиболее процветающих сскций Куполоулья.

День был нерабочий, непоходный транспорт был редок, и действовало не более половины скоростных дорожек.

АВЗ было возле верхушки. Я поднялся на труболифте, сошел с длинной трубодорожки и нашел нужный блок без хлопот. В нерабочие дни все было закрыто для публики и поэтому не надо было думать о возможных посетителях.

Внутри было темно, шторы окон занавешены, но у меня был при себе точкофонарь и я воспользовался им, чтобы осмотреть помещение.

Контора "Ф" была богато меблирована неклассической кожаной мебелью. Стол был обит землезеброй. Кушетка покрыта марсианской зеброкожей, а кресла с высокими спинками сияли роскошным венерианским дождезверем.

Я прикинул, что если бы "Ф" знал, что я сейчас нахожусь здесь, он был бы рад присоединить к коллекции и мою шкуру.

У меня все еще не было ни малейшего представления, что содержится в блоке и какого рода бизнесом здесь занимаются. Везде было опрятно и ничего не наводило на мысль, какую игру ведет "Ф". Стол представлял для меня наибольший интерес. Там было больше шансов отыскать что-нибудь, заслуживающее внимания.

Он был велик, с несколькими выдвижными ящичками, полосатый с двух сторон. Я положил фонарь на поверхность стола и нагнулся, чтобы изучить содержимое первого ящика.

Но я не закончил, потому что внезапно мой фонарь стукнулся об пол и погас. Я развернулся, ничего не видя, и получил удар в челюсть, который чуть не снес мне голову. Уже на коленях, полупарализованный, я схлопотал меткий удар в живот. Понятное дело, это должно было вызвать рвоту и я не имел возможности применить иные ответные меры, кроме как воспользоваться плутонским глубокодыхательным методом. Я напряг диафрагму, но это оказалось не эффективным. Я махнул жестко направленными пальцами и вошел в соприкосновение с плотью. Озадаченное человеческое бурчание сообщило мне, что мы с ним находимся в равных шансах — моим врагом было земносущество.

Мог ли это быть "Ф", ударивший меня из темноты? Если это так, то почему он не применил оружия? Что он надеялся выиграть, оставляя меня в живых? Эта мысль привела меня в чувство и тут я почувствовал стальной захват вокруг своей шеи, и тут же был свирепо отброшен к стене. Я упал с глубоким приседанием в полуоборот, чего он не ожидал, и это дало мне возможность высвободиться из захвата.

Пора переходить к обороне!

Я развернулся и залепил ему коленом туда, где должен был находиться кишечник, вновь услышал болезненное урчание, и я уже был на полпути к тому, чтобы нанести следующий пинок — "молот", когда он применил ко мне меркурианское "растягивание". Моя нога лягнула воздух.

Ага. Парень проф, и похоже о специализированном солнечносистемном бое знал не меньше моего. Это было занятно.

Мы медленно кружили друг возле друга в темноте. В потасовке я потерял свой 38-й. Осторожные круги следовали один за другим. Глаза мои, привыкшие к темноте, заметили внушительную, движущуюся фигуру, черную на темном фоне, и я решил применить бешеный уранийский локтевой шлепок, который попал в шею моего противника.

Мы схватились — в некотором смысле. Я чувствовал, как грубые пальцы этого человека сомкнулись на моем горле, лишая меня воздуха. Я жестко ущипнул ладонями его запястье, разрывая удавку.

Я уже был в отчаянии: этот тип меня достанет, если я не буду действовать быстро. Это было не просто. Он применил бательгейский "рубящий вниз", и моя левая рука омертвела. Я резко отступил от твердой "петли" справа, которая должна была свалить меня на пол.

Я поставил между нами стол, чтобы дать руке время прийти в себя. Темная рука нанесла обманный удар левой, но я знал этот гамбит и избежал контакта. В поврежденной руке начинала журчать кровь, я помассировал локоть, пальцы.

Солидно поставленный удар угодил мне под ребра, когда я обошел стол, но обе мои руки были уже в порядке. Я быстро двинул его в грудь левым локтем, а тыльной стороной ладони треснул прямо по голове.

Я его достал! Он лишился равновесия, и тут я привел в действие пару комбинаций, причем провел их основательно, соприкоснувшись с челюстной костью. Мой противник неожиданно отвалился от меня. Битва была завершена.

Судорожно дыша, возбужденный смертельной схваткой, я стал шарить во тьме в поисках моего фонаря, нашел его и включил конус света, а попутно подобрал свой 38-й.

Удалось ли мне пленить неизвестного мистера Ф? Я очень сильно хотел увидеть, на что он похож, даже как просто человеческое существо. Яркий конус света от фонаря прорезал тьму и застыл на лице моего врага. Я выругался и заскрипел зубами.

Это был не Ф.

Это был крепкий парень в дешевом, сером псевдокостюме, черноволосый, с густыми бровями и жестким ртом.

Я знал его. Его имя было Сэмюэль Спейс.

Когда он очухался, я включил стеносвечение. Сэм сел, моргая, и я ухмыльнулся, видя, как чередовались смущение и потрясение на его

противной роже. Он косил глазами, пытаясь поймать меня в отчетливый фокус.

— Кто... кто ты, черт подери?— пробормотал он.

Я ухмыльнулся.

— Я — это ты, Сэм, а ты — это я. Или, если сказать иначе, я — это я, а ты — это ты, но оба мы — мы.

— Должно быть, я сошел с катушек,— сказал он, разминая ноющую челюсть.— Я тебя принял за Ф.

— То же самое,— ответил я.— И думается мне, мы оба получили сюрприз. Э... извини, насчет челюсти.— Я помог ему подняться.

— Забудь,— буркнул он.— За мои деньги мне доводилось получать сильнее.

Он все еще выглядел здорово обалделым и поэтому я попробовал все объяснить.

— Протухший кусок сала, по имени Натан Оливер заслал меня сюда по ошибке,— сказал я.

— Знаю Оливера,— сказал Сэм.— он возится с альтернативными вселенными.

— Верно. Он полагал, что отправляет меня домой из одной из них, после того, как меня загнали туда какие-то парни, работающие на Ф. Но, очевидно, он, вместо этого, зашвырнул меня сюда.

— Это означает,— сказал Сэм,— что мы в одном и том же деле, но в разных временных слоях.

— В каком-то роде,— сказал я.— Знаешь, они убили тебя в одном из этих мест, и я только что оттуда. Нас, я хотел сказать.

— Когда?

— Когда Исма пыталась нас нанять на работу. Нас прижали к ногтю трое Луни. Я видел наше тело. А заодно с нами они остудили дока и Исму.

Сэм плюхнулся на край стола, вылущил пару головоцелителей и отправил их работать над своей черепушкой.

— Я себе устроил колющую головную боль,— сообщил он.

— Ага, знаю, сам с этим проснулся после того, как меня подловили. С тобой случилось такое же в этой Вселенной? Им удалось тебя подловить?

— Еще бы,— сказал он.— Треснули меня сзади. Хоть и не надолго, но я вырубился. Очухался, когда кто-то пытался напялить на меня липкую металлическую шляпу. Двое ханыг. Низкопробные гангстеришки. Я их перемешал друг с другом, но они случайно убили Николь. Лазерный заряд был предназначен для меня. Я присел, и он пришелся Николь в спину. Это выбило их из колеи, и они удрали. Я нашел письмо Ф. и по нему добрался сюда.

— Ты не звонил доктору Умани?

— В Марсинии сказали, что мороженые тела прибыли благополучно, и я решил, что все о'кей. Я не хотел, чтобы Ф. успел на Сатурн прежде, чем я до него доберусь.

Я покачал головой.

— Это было чертовски нехорошо, Сэм, замороженные тела с начинкой. Подумай об этом. Они должно быть заминированы. Я предупредил Умани, чтобы он держал ухо востро. Он как раз собирался перепрыгнуть в шотландского горца, но послушал меня. Хотя я был ты, естественно. Который я — это я.

Сэм хлопнул меня по плечу.

— Я всегда говорил, что если бы я смог расколоться надвое, то я был бы вдвойне эффективен. Спасибо, старый дружище. Ты спас для меня Умани.

— Ты знаешь что-нибудь о Ф? Чего не знаю я?— спросил я.

Он пожал плечами.

— Зависит только от того, что ты знаешь сам.

— Только то, что он пользуется инициалом "Ф" и что его контора должна быть вот эта. Я и в этом даже не уверен.

Сэм поджал губы.

— Жаль, но это полный перечень и моей информации.

Мы вдвоем перерыли сверху донизу весь блок. В выдвижных ящичках было пусто. Ничего и в стенных нишах. Нашли мы бутылку звездохуча (хуч — алкоголь, добываемый незаконным путем — примеч. перев.). Дорогостоящая дрянь с Сатурна. Сидя на тахте и передавая бутылку туда-сюда, мы оба стали успокаиваться.

— О'Мелли устраивал тебе везение с телом Николь?— пожелал узнать Сэм. Я покачал головой.

— Мне это неизвестно. Я оставил ее в блоке, как и ты. А зачем мне искать себе заботу. Пусть уж сержант О'Мелли сам копается.

Сэм изогнул густую, черную бровь.

— В этой Вселенной этот ублюдок зовется "капитаном О'Мелли". Получил повышение в прошлом году за разгром рэкета по торговле зелеными рыбами в туманности Лошадиных Голов.

Я фыркнул.

— Должно быть, это его последний успех. Ему не найти даже снега в декабре.

Мы оба посмеялись над тем, какой болван этот О'Мелли. Затем я спросил насчет "хилой металлической шляпы", которую упомянул Сэм.

— Что с ней случилось?

Он пожал плечами.

— Я не знал, что это такое и поэтому прихватил с собой.

— Что потом?

— Потом,— продолжал он,— я запер эту штуку на надежный замок. Решил разобраться с ней попозже. Я уже сказал, что она какая-то дохлая. К ней подвешены провода и всякая другая дрянь.

— Уверен, что это портативный межвселенский транспортер, который они применили ко мне,— сказал я.— Где ты оставил его, поточнее?

— Отделение 333 — один — половина, нижнее крепление,— ответил он.

— О'кей,— сказал я.— Поскольку у нас общий отпечаток ладони, я его открою. Я лучше пойду. Хотелось бы остаться с тобой в деле, но я обязан вернуться домой.

— Я всегда найду применение второму "я", если ты пожелаешь заскочить обратно, когда все поуляжется,— сказал он.— Мы были бы равными партнерами. Спейс и Спейс.

— Спасибо, но я планирую лепить свой собственный песочный кулич. И последний вопрос.

— Какой?

— Тебе, случаем, не известно, что за эксперимент готовит доктор Умани?

— Нет. Я лишь знаю, что этот хмырь по имени Ф. пытается его прикончить прежде, чем он закончит.

Я вздохнул.

— Похоже, обоим нам следует разузнать побольше. И побыстрее.

Он кивнул и пожал мою руку.

— Хорошей охоты, Сэм!

— И тебе тоже, Сэм.

Он выглядел слегка опечаленным, когда я выходил за дверь.

Печальное это дело — говорить себе "прощай".

VIII

Я оказался прав насчет металлической шляпы. Это был портативный транспортер по измерениям и достаточно простой в обращении. Не сложнее детской игрушки.

Я набрал нужные цифры на диске, закрепил шляпу на голове, присоединив кое-какие провода. Затем нажал красную кнопку на боку шляпы.

Дзынь! Я был уже дома, без шляпы, конечно, потому что она автоматически вернулась в свою родную Вселенную.

По крайней мере, на этот раз Николь не была прихлопнута. Не ударилась она также и в бегство. Вообще, когда я материализовался в ее блоке, она стояла прямо передо мной, совершенно потрясенная. Бокал с замороженным бурбоном, который она держала в руке, упал на пол.

— Не ожидала увидеть меня вновь, а, Цыпа?— процедил я. Я пылал от гнева на эту девку.

— Пожалуйста, Сэм, я клянусь тебе...

Я встал и шлепнул ее по губам прежде, чем она успела договорить то, что собиралась. А потом я сгреб ткань ее блузы и устроил ей хорошую

трепку. Две роскошные груди мотались, как виброшары в ребоигре, но в эту минуту мне было не до секса.

— Либо ты выложишь все, что знаешь, либо я устрою тебе большие неприятности,— предупредил я ее.

Голос мой был ледяным. И я не намерен был развлекать развращенных дамочек, которые меня заманивают в ловушку и отправляют бог знает куда.— Итак, выкладывай!

— Это все мой экс-партнер по постели,— прохрипела она, заваливаясь на кушетку.— Тот, кто грозился меня убрать. Он, должно быть, поджидал меня здесь, в блоке, и когда ты вошел, он...

Я закатил ей по губам очередную оплеуху.

— Попытайся еще раз,— прорычал я.— И эту мелодия начни с Ф.

Она побелела, прикусив нижнюю губу. В глазах ее был ужас.

— Как ты узнал об Ф.?

— Ты получила письмо от него, которое оставила в дорожном сундуке. Не думай о том, как я его нашел, ты просто прекрати лгать и говори правду.

— Прежде всего, могу ли я еще выпить?— спросила она.— Последнюю порцию я из-за тебя разлила.

Я кивнул. Она встала и полезла в мини-кухню. Я держал ее в поле зрения.

— Ты голоден?— спросила она.

— Ага. Сейчас, когда ты меня об этом спросила, я это почувствовал. Меня бы устроил сыр на пшенице, зерно целиком, с маслом и майонезом, чуть солоноватый, но без перца.

— Поднимайся.

Я поднялся с кушетки, не отрывая от нее глаз. Кости болели. Это нелимитированное метание по Вселенной кое-чего мне стоило. И бой с самим собой тоже мало чем мне помог.

Николь вернулась с едой и питьем. К тому времени я произвел видеопроверку "Рейгана". Замороженные в целости прибыли в Пузырь-Сити, но когда доктор Умани обнаружил, что меня с ними нет, он отказался принять груз. Это означало, что старый гусак в этой Вселенной получше соображал, чем во всех остальных. Смышленый парень для дока.

Я послал видеопривет, сообщив, что вернусь следующим рейсом со свежими телами. Сыр на пшенице был восхитительным, и я трижды жадно откусил, промыв горло скотчем, прежде чем поперхнулся на середине глотка. Я почувствовал себя лопух лопухом.

— Забавно, хе?— сказал я.

— Ты думаешь, я могла отравить сыр?— сказала она.— Ты злишься, что не заставил меня откусить первой, верно?

— Верно,— кисло признался я.

— Голод выше подозрений,— хихикнула она.

Я сунул ей сыр на пшенице.

— Вот что, давай доедай! Если это смертельно, мы с тобой оба окочуримся.

Она откусила, пожевала и вернула мне остаток.

— Ладно, голодный мужчина, я не такая дрянь, чтобы пытаться дважды устроить одно и то же надувательство. Тебе не о чем беспокоиться, Сэм.

Я фыркнул, по-прежнему чувствуя себя лопухом, но доел сэндвич. Все, что я мог — это поверить ей: казалось, ей было стыдно за ее ложный шаг, и она готова была все выложить. Я сказал, что жду, когда услышу о Ф.

— Кто он? Опиши мне его.

— Не могу. Я никогда не видела его, никогда с ним не разговаривала.— Она покраснела, отхлебнула бурбон.— У него кое-что на меня есть — он добыл это во время одной из грязных подпольных встреч — и он пользуется этим, чтобы заставить меня работать на него. Он безжалостен. Я знаю, что он будет вертеть сержантом О'Мелли, как захочет, если я откажусь от сотрудничества.

Я позволил этому застрять в голове.

— Чего добивается Ф.?— продолжал допрашивать я.

— Этого я тоже не знаю. Я всего лишь маленькая пешка, в его космической игре я не участвую.— Она пригладила длинные волосы, потом долго и пристально посмотрела на меня.— Я рассказала тебе все, что знала, Сэм.

— Не совсем,— сказал я.— Что имеет Ф. против тебя?

— Это совершенно не относится к этому делу!— заявила она резко.— Это личное, я никого не собираюсь посвящать в это,— волосы ее, как море, всколыхнулись.— Если ты собираешься меня колотить, то действуй. Но я сказала тебе все, что могла, парень!

Я видел, что она не блефует. И мне нравилось, когда цыпочка была возбуждена. Пожалуй, я оставлю ее гордость для себя.

— О'кей, значит, забудем об этом,— сказал я, отправляя в глотку остаток скотча.— Осталось только одно, что я хочу от тебя.

— Чего же?

— А ты не догадываешься?— на сей раз хитрить стал я. Сыр на пшенице и скотч вновь ввели меня в игривое настроение.

Николь знала, как устраивать такие игры. Она сбросила глобально-сексуальную блузку и присоединилась ко мне на кушетке.

Я отбросил все остальное.

Прежде чем я от нее ушел, Николь припомнила и сочла нужным рассказать мне еще одно — что у Ф. есть отраслевая контора на Юпитере, в Вискетауне. Она запомнила адрес на открытке, которую он ей послал.

Эта информация заставила меня изменить планы. Я решил, вместо того, чтобы отправиться прямиком на Марс, могло оказаться полезным, если я не пожалею времени и посмотрю, что там творится на Юпитере?

Я видеоприветствовал Умани и велел ему держать крепость, пока я не подам о себе весточку. Предупредил, чтобы он не покидал своего

блока. Договорился с Исмой, чтобы все было о'кей, пока я буду проверять эту новую ниточку.

— Будь осторожен, Сэмми,— предупредила Николь хриплым, послепостельным голосом. Она пощекотала мой нос одним из обнаженных сосков.— Ф. привык играть не со школьниками.

— Я смогу поймать все, что он в меня бросит,— сказал я.— Смелость — мое среднее имя.

— Я тебе не верю,— сказала она.

— О'кей, взгляни-ка.— Я показал ей лицензию. Она хихикнула. Я поцеловал ее и вышел.

Я не сказал ей, что на самом деле означает среднее "С". Мамаша, называя меня, упражнялась в развитии безудержного чувства юмора. Сэмюэль С. Спейс. И "С" означало "смирение".

IX

Я направился на Мраморное Сало, так я называл Юпитер, и такой мне кажется эта планета, когда я к ней приближаюсь: словно гигантский кусок сала, агатовый в черном небе. Я всегда не любил сюда путешествовать, и причин тому было немало. Одна из них, например, в том, что я считал, что никому не нужны 25 биллионов квадратных миль чего-нибудь. Проклятая планета. Слишком уж велика, чтобы быть удобной.

Другая причина — им еще не довелось понюхать у себя под куполами проблему гравитации, а для меня нет ничего хуже, чем толкать контргравипояс. Ведь парень вроде меня, весом 190 землефунтов, здесь, у поверхности, будет весить без пояса около 450 килограммов. Не очень-то прогуляешься с таким весом.

Мы были уже близко, поэтому я надел пояс и застегнул его. Больше всего мне было обидно, что в этом поясе я походил на корзину для хлеба.

Мне требовалось больше упражняться. Может быть, с этим будет улажено, когда я найду Ф.

На открытке к Николь был его Юпитерианский адрес — 129, 1/4.1/4.1/2-секция Усач-таун. Туда-то я и направился после посадки.

2-ую секцию стоили, держа в голове планы на будущую экспансию — второразрядный набор паучьих, массивных блоков, подвешенных на манер вьющихся растений к центральному купологрофу. Полые опорные тросы служили также трубопроводами. Я сел на № 6 и медленно пополз по трубе № 129.

1/4.1/4.1/2 вместе с сотнями других пассажиров, среди которых были рассеяны марсиане и друзья-приятели земляне. Больше всего здесь было местных клопов, амбициозных людей-мышей, которые составляли костяк населения планеты.

— Вы турист?— спросила меня мышь. Она была в шапке, в костюме и держала в лапе небольшой портфель — респектабельный член делового общества.

— Не-а,— сказал я.— Я здесь по другим причинам.

— Надо думать, не по своей воле,— пискнула мышь. — А, собственно, почему с оружием?— будучи очень маленькой, она, должно быть, глядела прямо вверх и видела мой зачехленный 38-й под курткой.

— Я детектив с лицензией, работаю по заданию,— сказал я.

— О, как Микково!

На юппоязыке это означало "замечательно". Это было связано с религией: они боготворили Большого Мика, который в 1920-х годах вышел на земную сцену, чтобы подготовить дорогу ко вселенскому счастью. Считалось, что Маус сотворил благодушное земносущество по имени Уолт Дисней, которому и предназначалось выступить пророком среди людей от лица Мауса. Перед большой Встряской, которая сшибла Старое Западное Побережье в 1998-м, этот Уолт Дисней построил, если верить легенде, гигантскую гробницу в честь Мауса. В местечке, которое они называли Амайхейм. Так утверждают священные Маусокниги. Но я не был склонен рассматривать историю этой религии. Боготворение древнего грызуна — для меня это дикость.

— Можете думать, что то, что я делаю это так уж Микково, если вам угодно,— сказал я.— Я слышал, что ваш мышенарод не одобряет убийств.

— О, да!— пискнула мышь, от чего шерсть у нее пошла рябью.— Большой Маус наказал бы нас за убийство. Его гнев неподделен и быстр. Хотя он никогда не утрачивает самообладания, образно говоря, чтобы обращать внимание на какого-нибудь захудалого земнодетектива. Вы что, собираетесь кого-нибудь здесь убить?

— Быть может,— сказал я.— Как получится.

— А можно мне посмотреть?— спросила мышь.

— Нет, черт возьми,— рявкнул я, сверкнув на нее глазами.

— Я только спросила,— сказала мышь, и усы ее закрутились, словно она хотела извиниться.— Я не подразумевала вмешательства.

Я вышел из трубы, предоставив мыши подниматься дальше. Я был рад видеть, что она исчезла: маленький дьявол задавал слишком много вопросов. Но мне нравилось ее нахальство. Юпы крошечны, но нахальства у них хоть отбавляй.

Согласно найденному указателю, контора Ф. была прямо впереди — нужно было миновать только две вывески. Мой план был груб и прост: прорваться внутрь с 38-м в руке и встретиться с Ф. нос к носу. Если его там нет, я заставлю того, кто бы там ни находился, сказать мне, где найти Ф.

Но все получилось не так, как было задумано. Я уже держал 38-й наведенный на дверь конторы Ф., когда на меня обрушился поток полицейских мышей — по меньшей мере сотня. Они бешено пищали и лупили меня по лодыжкам псевдодеревянными дубинками.

Боль вспыхнула и взорвалась в лодыжках. Я выдержал, но выронил свой 38-й. Любой коп в Системе скажет, что удар дубинкой по лодыжкам чертовски эффективен. А сотня копов, не важно, как малы дубинки, самого бывалого пространственника выведет из дела за считанные секунды.

— Вы официально находитесь под государственным арестом.— сообщил мне один из мышекопов. Это был командир подразделения, с крашеным мехом, что указывало на его ранг. Несколько других мышей держали меня под прицелом парализаторов.— Желаете сопротивляться?

Потирая ноющие лодыжки, я сказал им, что не желаю, черт бы их побрал. Похоже, что это огорчило командира. Я думал, что он с радостью отправил бы меня ко сну. Он напомнил мне сержанта О'Мелли в миниатюре.

Они быстро загнали меня обратно в трубу, и мы двинулись на первый этаж. Двадцать четыре остроглазые мыши всю дорогу не выпускали меня из-под прицелов.

За пределами здания нас уже поджидал полицейский фургон. Это был поверхностный экипаж, достаточно большой, чтобы перевозить землян.

— Входите!— указал мне командир подразделения, махнув парализатором.

Я полез в фургон, чувствуя себя немного нелепо. Две дюжины мышей сопровождали меня по пути в Щ-К. Командир сидел рядом с водителем и держал мой 38-й на коленях, в огромной сумке на молнии. Пистолет был больше, чем он сам, и это придавало его движениям некоторую неуклюжесть.

Мышиная штаб-квартира представляла собой широкое нагромождение плоских белых кубов без окон, поразительно разнообразных размеров. Если вы широкороговый с Оберона, у них для вас найдется очень высокий куб; если вы круглый и приземистый, как слизнебрюхи с Каллисто, у них есть куб широкий; если у вас земные размеры, они предоставят вам куб, специально предназначенный для людей.

Это на меня подействовало.

С меня сняли гравипояс после того, как усадили. Тело мое сразу стало объемистым и масштабным. Под сокрушительным бременем гравитации требовалось немало усилий, чтобы просто поднять руку.

Мышь, облеченная полномочиями вести допрос, села за крохотный столик, лицом ко мне. Стол находился на приподнятой платформе — вровень с моим носом.

— Я полицейский инспектор Ман Фармш,— сказала мне мышь. Она была торжественной и серой, мех ее был многоцветно окрашен. Над самыми усами мыши восседали толстые очки без оправы.— Вы обвиняетесь в очень серьезном преступлении, мистер Спейс.

Он пробил мои удостоверения большими щипцами.

— Как я могу в чем-то обвиняться. Ведь не было слушания.

— В этом нет необходимости,— пискнула мышь.— Мы обходимся без слушания, если имеются свидетельства очевидцев, как в вашем случае. Вы безоговорочно обвиняетесь в попытке нападения со смертельным оружием, в сочетании с потенциально-насильственным проникновением в чужое жилище,— он снял очки и обратил на меня взгляд своих воровatых глаз.— Почему вы, люди Земли, столь неистовы?

Он не ждал ответа, а у меня его и не было. Вместо этого я задал ему вопрос, который меня мучил.

— Как вы узнали, что я буду там? Наверное, эта жутко болтливая мышь, с которой я разговаривал в трубе, подняла полицию по телефону?

— Нет, это не она,— сказал Ман Фармш.— Не следует утруждать себя загадками и догадками. Достаточно будет сказать, что мы получили предупреждение, что вы туда направляетесь. Конечно, мы были беспомощны в отношении закона до тех пор, пока вы не вытащили оружия. Это дало нам право арестовать вас.

Я призадумался. Не Николь ли мне удружила и на этот раз? Похоже, что дело обстояло именно так. Никто больше не знал адреса, который я разыскивал. Выходит, что она устроила мне новую западню. Не уверен, но я разузнаю.

— Что насчет оружия?— сказал я.— У меня есть утвержденное солнечно-системное разрешение на его ношение. У меня есть основание считать, что в конторе находился опасный преступник, убийца, и я действовал совершенно правомочно, пытаясь применить к нему силу.

— Вы неверно информированы, неумны и крайне импульсивны в разрушительном смысле этого слова,— холодно сказала мышь.— Ваши действия далеко вышли за рамки лицензионных полномочий.— Она положила перед собой лапы, пристально глядя на меня.— И кто же этот опасный преступник?

— Думаю, что я могу это вам сказать. Его имя начинается на Ф.

Инспектор-мышь захихикал.

— И это все, что вы о нем знаете?

— Я знаю, что он безжалостен. Я знаю, что он хочет меня убрать, и что он нанял троих Луни, профессионалов, чтобы убить доктора Умани на Марсе.

— Но вы даже не знаете его последнее имя?— тон голоса мыши был весьма саркастическим.

— Я был готов узнать, когда на меня напали ваши мышекопы,— зарычал я.— Я уже громил контору одного из его филиалов.

— Это контора филиала, которую вы собирались громить со смертоносным оружием в руках, принадлежит одному из самых респектабельных граждан в Системе.

— И кто же это такой?

— Ронфостер Кэйн Меркурианский.

— Король роботов?

— Именно,— подтвердила мышь.— Все робосилы Плутона находятся под его контролем. Мы не ели бы сегодня яиц Зубу, если бы не Ронфостер Кэйн.

— Терпеть не могу яйца Зубу,— сказал я.

— Это совершенно не относится к делу,— сказал Ман Фармш.

— А может быть Ф. и этот Кейн — кореши?— предположил я.

— Я не знаком с такой терминологией.

— Может быть, они как-то связаны между собой,— сказал я,— Ф. послал открытку из конторы Кэйна, воспользовавшись этим адресом. Как вы относитесь к такому варианту?

Терпению мыши пришел конец.

— Я ни к чему не отношусь,— заявила она.— Но вы относитесь, сэр. Предположить, что мистер Кэйн каким-то образом связан с убийцей, ведь это просто возмутительно! Да ведь он создал всех роботов — луносвятых! Самую священную и почитаемую группу.

— Штампование жестяных святых самого его не делает таковым,— огрызнулся я.— Я намерен немного потолковать с мистером Кэйном.

Мышь покачала головой.

— Не раньше, чем вас прогонят через Минни.

— Кто это, Минни?

— Она — ключ к вашему будущему, мистер Спейс.— Инспектор ласково захихикал и погладил себя по меху. Черные глаза его сияли за толстыми очками.— Мы оставим ваше оружие в качестве диковинки — ведь вам не придется им воспользоваться.

— Эй, я не думаю...

Но мышь уже прикоснулась к секции своего стола, и пол в кубе внезапно провалился.

— Ступай с миром,— сказала она.

Я почувствовал, что падаю во тьму и потерял сознание...

... Я очнулся внутри Минни...

X

Я лежал навзничь, распластавшись на твердой металлической поверхности. Принятие сидячего положения без контр-гравипояса оказалось той еще работенкой, и потребовало нескольких попыток, но я все же добился этого, почувствовав себя беременной женщиной в земном цирке.

Было темно, но во тьме сияли глаза — бесчисленные мигающие огни, плавающие и искрившиеся в стенах. Камеру наполняли звуки: щелканье, жужжание, хрипение, хруст — звуки гигантских пчел.

И я чувствовал запахи смазки и фальмаусов.

Это была машина, и я находился в ее внутренностях.

Но какого рода была машина?

— Приветствую тебя, Сэм,— сказала машина.— Меня зовут Мини.

Сказала. Но не вслух. Слова были скормлены непосредственно моему мозгу. Машина умела читать мысли и отвечать на них.

— Почему я здесь?— спросил я.— И что ты собираешься со мной делать?

— Тебе не следует говорить со мной вслух,— сказала машина.— Твой голос резок и неприятен.

— О'кей, поиграем в игры, Минни.— Я в уме повторил оба вопроса.

— Ты здесь потому, что нарушил закон. Сделал ты это, потому что умственно дефективен. А что касается моих намерений в отношении тебя: я намерена тебя вылечить.

— Как?

— Я извлеку из твоего мозга все агрессивные импульсы и мысли и заменю их на неагрессивные.

Промывание мозгов. Ман Фармш отправил меня сюда на промывание мозгов. Гадкая, крашеная мышь собирается прокипятить мою черепушку!

— Вот видите,— сказала Минни.— Вот от чего мы хотим вас защитить — от гнева, от неистовых мыслей, касающихся инспектора Ман Фармша, мистера Кэйна и других ваших соседей по системе. Подобные мысли могут лишь повредить вам и тем, кто вас окружает. Я их уберу.

Что она и сделала.

Внутреннее гудение Минни переросло в визг. Я почувствовал, как в мое тело и мой мозг проникает металлическая вибрация. Казалось, в голове расцветает желтое и красное пламя. Цветы плясали перед глазами. Вибрация сигналов стала затухать и замерла. Пламя и крутящиеся колеса света заискрились и покатились внутрь черепа. Я вновь услышал обычное гудение Минни. Я моргнул, сглотнул, облизал губы. Сердце стучало, затем биение его замедлилось, становясь регулярным. Пульс успокоился. Я вздохнул.

— Как ты себя чувствуешь, Сэм?

— Прекрасно, Минни. Я чувствую себя прекрасно.

— Это замечательно. Не правда ли, замечательно чувствовать себя прекрасно?

— Все замечательно,— сказал я ей.— Я замечательный. Ты замечательная. Замечательно сидеть здесь, внутри тебя. Замечательно было посетить твою дружественную планету. И все мыши замечательные.— Я закивал.

— Ты счастлив, Сэм?

— Я очень счастлив, Минни!

— И что бы ты хотел сделать?

— Ничего. Я ничего бы не хотел сделать.

— Но каждый член Системы что-то делает.

— Все на свете. Я буду делать все на свете.

Я улыбнулся всем милым огонькам Минни.

— Замечательно слышать это, Сэм. Я собираюсь отправить тебя наверх, где ты будешь устроен на выгодную работу. Разве это не замечательно?

— Очень замечательно,— сказал я.— Очень замечательно, что ты мне помогаешь.— Я прослезился.

— Это моя обязанность, мое счастье помогать любому в системе, кого поручают мне. Ты очень замечательный человек.

— Это замечательно,— сказал я.

И Минни отправила меня наверх.

Я не помню многое из того, что произошло после того, как я попал на Плутон. Новая работа моя заключалась в том, что я помогал роботам искать яйца Зубу.

— Смотри,— сказало большое, веснушчатое существо, которое обратилось ко мне в первый рабочий период.— Я — Зубу, и у меня хватает проблем. Прежде всего, я не знаю точно, рыба я или птица. И еще я не уверен в том, какого я пола. Это для открывателей.

— Да,— сказал я.— Слушаю.

— Так вот, я думаю, я — одновременно самец и самка, и это должно объяснить тот факт, что я не испытываю никакой радости при встрече с другими Зубу. Я, так сказать, сама себя оплодотворяю и сама откладываю яйца.

— Продолжайте, пожалуйста,— сказал я.

— Прекрасно, но далее возникает множество проблем, когда я прячу свои яйца. На это уходит много времени и труда.

— Не сомневаюсь, что это так,— кивнул я.

— Не говоря уже об интенсивной мыслительной деятельности при точном выборе места. Но как только я, наконец, спрячу свое последнее яйцо, так приходите вы, люди и болтаетесь окрест, стараясь его выкопать. Это действует угнетающе. Поверь мне, это добавляется к моей изначальной неуверенности.

— Не знаю, что вам и сказать,— отвечал я рыбе-птице или птице-рыбе.— Я всего лишь здесь работаю.

— Нельзя по-хорошему поговорить с рабочими роботами.— Существо печально присвистнуло.— Они круглые, блестящие, с металлическими головами и отсутствием чувствительности к проблемам Зубу. В тот миг, когда я вас увидел, я сказал себе: он меня выслушает. Я отчетливо вижу, что вы не круглый, не сияющий, и что у вас не металлическая голова. Я решил, что смогу по-настоящему поговорить с вами о своей ситуации.

— Это очень правильно,— сказал я ей.— Я буду счастлив обсуждать с вами любые вопросы. Все то время, что будет мне отпущено на поиски яиц Зубу.

Существо казалось сбитым с толку.

— Но в этом-то и дело,— сказала она.— Я хочу, чтобы вы прекратили разыскивать яйца Зубу.

— О, доброта моя, я никогда не перестану делать это,— воскликнул я.— Я не могу позволить опуститься Большому Маусу. Он зависит от того, как хорошо я выполняю свою работу.

— Я думаю, что все вы, яйцекрады, работаете на Ронфостера Кэйна, короля роботов.

— Они работают,— сказал я, указывая на сутулых и толкающихся рабочих роботов.— Но меня послал сюда Большой Маус. Он нашел для меня продуктивную работу и научил меня жить продуктивной жизнью, полной жизнью. Ныне я помогаю прокормить великие массы Системы.

— А вы знаете, чем вы их кормите?— спросило расстроенное существо.— Я скажу вам. Вы кормите их моими веснушчатыми яйцами.

Я печально покачал головой.

— Честное слово, мне очень жаль, но я не вижу решения этой проблемы. Похоже, вы предназначены прятать яйца, а мы — чтобы их выкапывать. Так уж повелось здесь, на Плутоне, и вы не можете этого изменить.

— Это ужасно угнетает,— сказало существо. Оно постояло сначала на одной тонкой ноге, а затем на другой.— Порой я чувствую, что никогда не смогу спрятать следующие яйца.

— Я искренне сочувствую вашему бедственному положению,— сказал я,— хотя у вас — своя цель, а у меня — своя. Но негоже нам подвергать сомнениям установленный порядок. Дитя мое, если все будет подвергаться сомнениям, то не останется никакого порядка.

— По крайней мере, с вами неплохо было об этом поговорить,— сказало грустное существо, шелестя чешуей.— Может быть, я — какой-нибудь мятежник. Я могу уладить свои проблемы самостоятельно. Я не буду ничего подвергать сомнениям.

— Действительно, не стоит,— согласился я.— Это повлечет за собой лишь печаль и несчастье.

— Спасибо,— сказала птица-рыба.— Я уверена, что мне удастся оправиться. Я поддалась настроению. Но в глубине души я не брюзга.

— Я уверен в этом,— сказал я и улыбнулся.

Она побрела прочь, что-то печально бормоча про себя.

Я обнаружил еще два крапчатых яйца и прибавил их к дневному улову.

Плутон находился в 3 670 миллионов миль от Солнца и постепенно остывал. Но я не обращал на это внимания. Великий Маус был по-настоящему великодушен, подыскав мне такое рабочее место. Мне было позволено съедать по три яйца Зубу в рабочий период, и они были восхитительны. Я спал в запечатанной деревянной коробке под названием "гроб", построенной для меня рабочим роботом, и я был обеспе-

чен самыми значительными материалами для чтения. Я читал их в нерабочие периоды и получал массу удовольствия. Там были материалы под названием "Три поросенка". А так же другие материалы для чтения, которые мне особенно нравились: "Джуфи идет на рынок" и "Большие именины Дональда".

Я перечитывал их вновь и вновь.

Я не могу сказать точно, сколько времени я разыскивал яйца Зубу. Но я помню день, когда моя подружка Николь появилась на Плутоне с металлической корзиной под мышкой.

— Хэлло, Николь!— приветствовал я ее.— Просто замечательно тебя видеть! Надеюсь, у тебя все хорошо? Правда, здесь, на Плутоне, очень мило?

— Они тебе промыли мозги?— сказала она.

— А что значит "промыть мозги"?— спросил я.

— Неважно, делай то, что я тебе скажу.— Она поставила металлическую коробку на землю. Затем присоединила к моей голове какие-то замечательные провода. Они уходили в какую-то коробочку.

— А теперь сиди тихо и не разговаривай,— сказала она.

— Мне скоро на работу,— сказал я ей с улыбкой.— Нужно найти еще много яиц Зубу.

— Не тебе,— ответила она.— Хватит уже.

Прежде чем я успел спросить ее, что она имеет в виду, она что-то сделала с коробкой. Я почувствовал под черепом грандиозное гудение. Вибрация. Красное и желтое пламя. Крутящиеся цветы... Я мигнул. Сердце мое замедлилось. Я сглотнул.

— Ты в порядке, Сэм?

— Да, в порядке,— сказал я.— Спасибо тебе, малышка. Эти мыши опрокинули мой чердак. Как ты меня нашла?

— После твоего ухода вломились эти...— сказала она.— Они пытали меня, чтобы я сказала, куда ты ушел.

Выходит, я был прав, это Николь выболтала адрес.

— Дальше,— сказал я.

— В конце концов я от них отвязалась и отправилась на Юпитер. Узнала, что ты послан сюда за то, что нарушил закон. Остальное было просто. Я позаимствовала этот наполнитель-проявитель для мозга у своего знакомого суперсолярного агента на Ганимеде и привезла его сюда, на Плутон.

— Откуда ты узнала, что он сработает?

— Он предназначен для прояснения искусственно затуманенных мозгов любого типа и происхождения. Суперсолярным агентам всегда приходится прочищать мозги.

Я кивнул.

— Покупаю твою историю. Нужно возвращаться в Пузырь-Сити. Я тревожусь о том, что могло произойти с доктором Умани и его дочерью.

— Уже произошло, Сэм. Именно поэтому я и бросилась сюда тебя прочищать.— Она с отчаянием посмотрела на меня.— Они похитили Исму.

XI

Во время перелета на Марс Николь мне все объяснила. Она связалась с доктором Умани после того, как говорила с мышами-полицейскими на Юпитере, и сообщила ему, что я сослан на Плутон. Он сказал, что это очень плохо, потому что его недруги пленили Исму и было бы очень неплохо, если бы я поискал ее, и что он не может прекращать эксперимент на жизненно важной стадии его близкого завершения.

— Неужели старичка не беспокоит то, что его дочку похитили?— спросил я.

— О да, он казался довольно огорченным,— призналась Николь.— Но он говорил, что надо держать хвост пистолетом.

— Черт возьми, я собираюсь разобраться потом, что же там все-таки происходит у него в лаборатории,— сказал я.— Я не люблю играть втемную на высокие ставки.

Доктор Умани встретил нас у дверей своей лаборатории, на окраине Пузырь-Сити. Потрясающе было видеть его вновь, ибо ныне он обитал в теле жирафоголового с Оберона.

— Рад видеть вас живым и здоровым, мистер Спейс,— сказал он, протягивая полированное копыто. Я пожал его.

— Есть новости об Исме?— спросил я.

— Честно говоря, сейчас я не жду новостей. Вы прихватили для меня тела?— он повернул голову на длинной шее и нервно уставился на нас с высоты шести футов. Мне приходилось тянуться и ходить на носках, чтобы хоть как-то с ним общаться.

— У нас не было на это времени,— сказала Николь.

— Да, я хотел побыстрее оказаться здесь,— подтвердил я.

— Вообще-то, я предпочитаю земнотела,— кивнул он, раздувая влажные, черные ноздри, и фыркнул.— Но после того, как моему телу подлинного джазового певца был причинен огромный ущерб, я был вынужден переселиться в другое тело. Этот жирафоглав — лучшее, что мне удалось подыскать на Марсе, да и то мне пришлось переплатить. Мой первый племянник — Варлаг — произвел переключение мозгов, но мне кажется, он поместил меня в бок. Я могу видеть только одним глазом.

— Я заметил, что вы предпочитаете левый,— сказал я.

— И эти копыта совершенно неудобны,— добавил он.— Трудно делать научную работу с помощью копыт, могу вас заверить.

— Представляю себе,— я уставился на него, задрав голову.— Николь сказала мне, что ваш эксперимент находится в завершающей стадии.

— Почти завершен,— поправил он меня.

— О'кей... он почти закончен, а?

— Скажем так, я вижу свет в конце туннеля.— Он опустил рогатую голову и принялся покусывать мою шляпу. Это была узкополая шляпа в стиле 30-х годов, я носил ее иногда на деле.

— Эй, оставьте ее!— зарычал я, отскакивая.

Он печально взглянул на меня левым глазом.

— Извините. Но, кажется, в этом теле я люблю шляпы. Поедание шляп — это, очевидно, одно из обычных занятий жирафоглавов.

— Но не эту шляпу!— сказал я.— Эту шляпу нельзя заменить.— Я осмотрел ее — небольшого кусочка недоставало в ее полях.

Николь начала нервничать. Она вцепилась в мой рукав.

— Слушай, Сэм, ты собираешься искать Исму?

— Вообще-то это работа Солярполиции,— сказал я.— Может быть, они уже нашли ее?

— Нет, нет, нет,— доктор Умани изогнул шею и качнулся взад-вперед.— Этого не может быть, я не заявил о ее похищении.

— Почему?— удивился я.

— Совершенно необходимо, чтобы мой эксперимент был обеспечен тотальной секретностью. Я не могу рисковать, привлекая полицию со всей Системы, которая будет жужжать вокруг меня день и ночь.

— Я вас не понимаю,— сказал я грубо.— Безопасность вашей дочери должна быть принесена в жертву какому-то дурацкому эксперименту!

Хвост-щетка доктора Умани хлопнул его по корпусу.

— Уж не думаете ли вы, что мне безразлична судьба Исмы?!

— Во всяком случае, вы ничем этого не показываете.

— Если моя работа удастся, то, может быть, удастся спасти всю Систему, а не только мою дочь. Я не могу идти на риск. Исма поняла бы меня раньше всех.

— А для меня сейчас самое подходящее время выяснить, что там происходит в вашей лаборатории,— сказал я, двигаясь к двери.

— Нет еще!— доктор Умани рысью подбежал к двери, наставив на меня рога.— Я не могу позволить даже вам, мистер Спейс, войти в мою рабочую квартиру на этой стадии.

— Тогда изложите мне суть дела,— сказал я.— Объясните мне точно, что вы там делаете и кто ваши враги. Если не хотите, чтобы я вышел из дела. Сейчас же.

— О, Сэм, ты не можешь не освободить Исму!— воскликнула Николь.— Ты не такой негодяй!

— Конечно, не такой!— заверил ее Умани.— Мистер Спейс никогда не покинет мою дочь в трудную минуту.

Я блефовал, и он это понял. Я пытался выжать из него информацию, но он на это не клюнул.

— В надлежащее время вы узнаете о моем эксперименте все,— сказал Умани. На его большие влажные глаза падали тени от густых ресниц.— Я должен вас просить поверить мне.

— Какой мне еще остается выбор?— сказал я, приседая, так как он снова потянулся за моей шляпой. Я снял ее и сунул за пояс. Нет смысла выводить его из-под самоконтроля.— А сейчас у вас есть, что мне сказать?

— Разумеется, есть,— сказал он.— Я могу сообщить вам, что Ронфостер Кэйн, король роботов, вовлечен в этот свирепый бизнес.

— Откуда вам это известно?

— Я слышал, как один из киднапперов пробормотал его имя, вскользь, разумеется, но для меня этого было достаточно, чтобы понять, кто стоит за похищением моей дочери.

Я кивнул.

— Это подкрепляет мои подозрения. На самом деле Кэйн может быть Ф., используя этот инициал как прикрытие. Я начал связывать их обоих с той минуты, когда мышекоп на Юпитере сказал мне, что контора, из которой Ф. послал открытку, принадлежит Кэйну. Должно быть, он купил всех мышей, судя по тому, как они отказывались прислушиваться к моей логике.

— Если моя догадка правильна,— сказал Умани,— то он содержит Исму на Меркурии, в своем замке-крепости. Это место охраняет огненный дракон — мне говорили, раздражительная скотина, но много спит.

— Кэйн?

— Нет, огненный дракон. Говорят, он медлителен и обычно дремлет, пока его не разозлят. Лишь когда он зол, он на что-то способен.

— Я буду иметь это в виду,— сказал я.

— Я присмотрю за Николь, пока вас не будет,— пообещал Умани.

— Хорошо,— сказал я.— Мне бы не хотелось, чтобы эти жулики снова добрались до нее. Видите ли, ее пытали.

— О, боже!— Умани подскакал ближе к девушке и опустил длинную шею, уставясь на нее здоровым левым глазом.— Что они с вами сделали, дорогая?

— Вначале,— сказала она ему,— они кололи мой живот папоротниковыми спицами, а это больно!

Она показала живот и следы уколов.

— Затем они меня изнасиловали,— сказала она деловито.

— Как ужасно!— воскликнул доктор Умани.

— Да нет, вообще-то,— сказала она.— Меня насиловали много раз. Это не так уж и плохо, когда привыкнешь.

— Я лучше отчалю,— заявил я.

— Не раньше, чем я изложу вам условия,— возразил Умани.

— Какие условия?

— На которых основан киднапинг. Каждый киднапинг имеет условия. Вам следует прихватить их как часть багажа.

— Шпарьте,— сказал я.

— Я лучше воссоздам сцену,— сказал Умани. Он уселся перед дверью в лабораторию и задрал два передних копыта. Левый его глаз с безмерной печалью уставился на меня. Это длинные ресницы создавали такой эффект. Каждый жирафоглав выглядит печальным.

— Мы получили закуску в городской секции Ням-Ням,— стал рассказывать он.— Я в теле великолепного старого банджиста, джазового певца, моя дочь Исма и мой двоюродный брат, Варлаг. Мы заказали легкую трапезу из кислого молока и жареных нобурнов и сидели за ням-столом, собираясь приступить к еде, как вдруг стена здания растаяла.

— Какой материал?— осведомился я.

— Вы озадачены?

— Да, из чего оно было сделано?

— Глинокирпичная и полиметаллическая надстройка и с почти каменным основанием, насколько я мог определить.

— Значит, они должны были использовать теталорный деэнертизатор "эмерс" с вращательным цилиндром 20-40,— сказал я.

— Весьма возможно,— сказал Умани с явным раздражением.— Я не оружейный эксперт, мистер Спейс. Могу ли я продолжать?

— Конечно.

— Когда стена растаяла, я немедленно почувствовал, что мы там стали лишними. Следовательно, я бросился к Исме, чтобы защитить ее своим телом. В Ням-комнату вошли твое мускулистых Луни.

— Те самые, что выключили из игры ваше ирландское тело?

— Те самые. Они ворвались и грубо сбили Варлага на пол, что, естественно, отрицательно сказалось на состоянии его печени. Они нашпиговали мое тело джазового певца нитрошарами и удалились вместе с Исмой, пробормотав при этом имя Кэйна.

— А что же насчет условий?— нетерпеливо спросил я.

— Умани фыркнул, ноздри его раздулись.

— К этому-то я и веду.

— Он делает как лучше, Сэм,— сказала Николь.

— Условия киднапинга были отпечатаны на открытке, которую они оставили на Ням-столе,— сказал доктор Умани.

— Она все еще при вас?

— Нет, она самоуничтожилась. Но я запомнил условия. У меня талант на такие штуки. Помогает в работе, когда приходится вспоминать формулы.

— Так как же насчет условий?

— О, да. Я могу процитировать,— рога мистера Умани поднялись, а розовые губы пожевали.— Открытка начиналась так: "Мы вновь попытались смахнуть доктора И. Хью Умани. Но, если благодаря счастливому случаю, его мозг будет перенесен в другое тело и он выживет, ему следует учесть наше предупреждение. Если он хочет, чтобы его дочь осталась в живых, эксперимент Умани необходимо свернуть. Он не должен быть

завершен. Иначе девушка скончается. Болезненно. Если в течение следующего марс-периода эксперимент будет прекращен, а лаборатория уничтожена, девушке будет сохранена жизнь, хотя она будет задержана до тех пор, пока определенные планы не принесут свои плоды". Таков был ее конец.

— Какие планы?..

— Неважно,— фыркнул Умани.— Все дело в том, что я должен продолжать эксперимент. А вы должны вернуть Исму. Ее жизнь зависит от вас.

— А какая связь у Кэйна с вашей работой?— спросил я. — Исма...

Он оборвал меня, подняв копыто.

— Довольно вопросов, мистер Спейс. Варлаг ждет меня в лаборатории. Я должен скакать. Пошли, моя милая.— Он кивнул Николь.— Я тебе покажу твою квартиру.

— Увидимся позже, Сэм,— сказала Николь.

Умани подарил мне прощальную улыбку. Большие желтые зубы на черных деснах. Мне никогда не нравились улыбки жирафоглавов.

XII

— Вам не встречался Джимми?

Задав этот вопрос, я повернулся к псолицему, который был велик и космат, как банковская стена. Звали его Хам Бодин и он никогда не говорил трех слов, если можно было сказать два, и двух, если достаточно было одного.

Он сказал:

— Нет!

— Когда он был последний раз?

— Неделю назад.

— Один?

— Нет.

— Кто был с ним?

— Как обычно.

Он имел в виду ТеТе. Джимми Хорвел был слишком глуп и безобразен, чтобы иметь иную жену, чем ТеТе, бывшую Мочильницу, чьи лучшие дни (и ночи) были уже позади.

— Она, выходит, все еще болтается с ним?

— Да.

— Где?

— Трудно сказать.

Я отстегнул ему пятерку.

— А теперь легче?

Мы сидели за столом в одном из самых убогих притонов на Луне, а в таком местечке, как это, кредитки не стоит держать на виду. Вот почему я протянул ему пятерку под столом. Большая толстокожая лапа улеглась на нее, а в глазах, по-собачьи ярких, появился блеск..

— Старая Каланча,— сказал он.— Второй блок от перекрестка по черно-кратерной дороге. Можете попытаться.

— Должен,— сказал я.

Черно-кратерная дорога была вырублена в лунной поверхности в дни основания первой лунной колонии, и сейчас находилась не в лучшей форме, даже если, имея с ней дело, приходилось прибегать к посредству пескохода.

Местность была первобытной и окоченевшей. Зловонные помойки разрушенных куполопостроек и случайных биохоников — их заселяли лунорабочие в те времена, когда колония еще действовала.

Пескоход, который я арендовал, был примерно так же подготовлен к эксплуатации как и дорога. Я уже начал проклинать убогие способности этой машины, когда на виду вдруг появился богоховник Джимми, стоявший на песчаном холме.

Он был там, где и указывал Бодин — как раз через одну халупу от перекрестка. Я заметил извечный Джиммин псевдовелосипед — это означало, что он находится внутри. Вместе с ТеТе, разумеется.

Я выключил тягу и выбрался из машины.

Скалодверь богоховника была не заперта, и я не стал утруждать себя стуком. Джимми был моим старым приятелем.

Он был там, это верно. Но он был не в состоянии даже сказать "привет". Сильный запах луносока ударил мне в нос, когда я вошел.

Джимми лежал навзничь на разбитой псевдолежанке у стены — руки раскинуты, рот раскрыт, дыхание тяжелое — и что-то невнятно бормотал. Он насосался сока до поросячьего визга.

— Это еще что за пират?— спросила меня ТеТе. Она сидела за столом, перед ней стояла выпивка — этакая марсианская синеблондиночка в потертой упаковке. Упаковка имела дыры на обоих локтях. Гнев в ее глазах позволил мне понять, что она достаточно трезва для разговора.

— Если тебе это важно, сестренка, то меня зовут Спейс.— Я кивнул в сторону Джима.— Быстренько разбуди его... Влей в него землекофе. Этот парень мне нужен.

— А ну-ка, не пытайся мне приказывать, ты...— я шлепнул ее разок и она заткнулась, понимая, что, в случае чего, я могу это и повторить.

— Слышала? Пошевеливайся.

Она привела Джима в сидячее положение, чтобы разбудить, заорала на него, и видеть ее в эту минуту было не слишком-то большим удовольствием.

— Фух! Фух! Фух!— зафыркал он.— В чем дело?

Я подошел и схватил его за грудки, наполовину приподняв с кушетки.

— Проснись, Хорвел! У тебя есть то, что мне нужно, и ты собирался мне это дать! Ну же, вставай!

Я встряхнул его. Он закашлял, моргая и собирая меня в фокус.

— Сэм... Сэм, старый дружище...

— Да,— сказал я и жестко врезал ему тыльной стороной ладони, другой рукой я его в это время придерживал.— Это я, твой старый друг, пришел забрать должок.

— Тебе не повезло, Спейс,— кислым голосом произнесла ТеТе.— Джимми никому не сможет уплатить долгов. Он пуст.

— Однажды я спас этому забулдыге жизнь на Деймосе. Лохматозверь принял его за осла. Я пристрелил лохматозверя, и за это он мне должен. Но мне не нужно то, чего у него нет. Я пришел сюда не за кредитками.

— Тогда чего же тебе нужно?— она посмотрела на меня, задержав на мгновение руку с кофейником.

— Информация.— Я тряс Хорвела до тех пор, пока у него не выпучились глаза. Затем я снова его треснул. Это мало помогло. Он плюхнулся на псевдостул у стола и застыл, обхватив руками голову.

— Влей в него кофе,— сказал я.— Давай.

— Погодь две секундочки, ларсе,— лопотала ТеТе на древнем Лунном. Кофейник булькал и шипел.

— Давай, я сказал!

— Ладно,— сказала она, наклонившись над дымящимся кофейником. Она подставила чашку и наполнила ее.

Я дал эту дрянь Хорвелу, заставив его выпить все без остатка. Он закашлялся и стал плеваться, но все же проглотил.

— Еще,— велел я.— Он все еще наполовину вырублен, а я хочу, чтобы он говорил.

Мы продолжали эту возню, пожалуй, до пятой чашки. Затем я схватил его за голову и запрокинул ее.

— Мне нужна информация, Джимми. Ты понимаешь это?

— Конечно... конечно, Сэм. "Джус Лем" поможет мне собраться. Голова у меня болит.

Я стоял над ним, пока он не налил сока. Он хорошо принял, но горячая "Ява" (сорт кофе) и моя побудка все же подняли его на поверхность.

— Ты знаешь на Луне каждого головореза,— сказал я.— Мне нужны трое из них.

— Кого... которые, Сэм?

Хорвел некогда перевозил контрабандные товары, табачные сорта, затем он нырнул в мутную лохань черного рынка. У него была даже конюшня потаскушек, пока они не спихнули его в канаву. Он понял, кого я ищу.

— Трое Луни, которые работают на Кэйна,— продолжал я.— Они дважды пытались шлепнуть доктора Умани в Пузырь-Сити на Марсе.

В последний раз они захватили его дочку. Мне нужны их имена. И еще я хочу знать, где их найти.

Хорвел потер лоб.

— Ты хочешь много знать, Сэм. Я могу влипнуть в большую беду, если я капну тебе.

Глаза мои сузились, и я наклонился над столом, опустив лицо на один уровень с его лицом. Я выглядел так внушительно неспроста.

— Говори, или я устрою тебе беду похлеще лунной. Я затолкаю тебя в пескоход, увезу на Землю и верну тебя О'Мелли. У него большие кулаки и долгая память. Он сделает из тебя отбивную.

— О, Сэм.., ты не поступишь так с другом.

— Не поступлю, если ты будешь петь то, что я хочу.

Он застонал, поднятые руки его задрожали. Он был в западне и знал это. Ему ничего не оставалось делать, кроме как дать мне то, что я просил.

ТеТе глядела на нас из дальнего угла лачуги. Она скорчилась там, не желая вмешиваться и не желая связываться с таким парнем, как я.

— Я... я думаю, что знаю жуликов, которых ты ищешь,— сказал Джимми.— Они у Кэйна в постоянном списке. Он бросает их время от времени на работу, где нужны крепкие косточки. Хотя они не распускают об этом языки. Они считают делом чести выполнять грязную работу для Короля Роботов.

— Имена,— потребовал я.

— Я их знаю только по кличкам,— хмыкнул Хорвел.— Одного зовут Фрукт, потому что он любит трескать все их виды. Особенно он любит ягодные сливы с Венеры. Обычно у него этих слив полная пазуха.

— Хватит,— зарычал я.— Остальные?

Джимми поскреб щеку. Он нервничал, но говорил, и это было уже хорошо.

— Второго зовут Паук. У него такая внешность — волосатый и толстый. Третьего зовут Улыбающийся Малыш, потому что он никогда не улыбается. Так сказать, ироническое прозвище.

— Я уловил,— сказал я.— Где они болтаются?

Лицо его было потным и дрожащим от страха.

— Я не... я не уверен, что смогу...

Я сжал кулаки. Хорвел отвернулся.

— Подожди секунду! Я вспоминаю. Ага, я уже вспомнил.

— Тебе повезло, что у тебя такая хорошая память,— ухмыльнулся я.— Она спасла твой нос от раскваски.

Он вернул мне улыбку, поменяв ее на кислую и неуверенную.

— Загляни в "Струю Сока" в Обод-Сити, головорезы Кэйна ходят туда пропустить стаканчик.

— Какие у них хлопушки?

— Фрукт обычно таскает с собой скорострельный рукопашный Регби-Пауэлл 2,20-70. Паук без жезла, у него в туфле спрятан нож с длинным лезвием. Улыбчивый Малыш предпочитает Виккерс-Спейшл 20-40 с бо-

ковым автоматическим магазином. И все трое умеют обращаться с тем, что они таскают. Плохие это новости, Сэм?

— В первый раз в Пузырь-Сити у них были тяжелые микролазеры 45 Сидлей-Армстронг,— сказал я.

— Это не лунное снаряжение. Здесь они болтаются с хламом полегче. Но они могут обращаться почти со всем на свете. Кэйн нанял на это дело не первых встречных.

— Что еще мне надо знать?

— Ничего, за исключением того, что тебе лучше не упоминать мое имя. Если кто-нибудь из Луни возьмет в голову, что я проболтался насчет их, то тогда я труп.

— Ты слишком много беспокоишься,— сказал я, вручая ему чашку.— Выпей, Джимми.

Он вернул мне пустую чашку, схватил бутылку Луносока и присосался к ней.

— Этот кофе сгноит мои внутренности,— сказал он, оторвавшись. Я повернулся к ТеТе. Она не шевелилась.

— Тебе нужен новый мужчина, сестренка,— сказал я.— У этого сокохлеба нет будущего.

Она ничего не ответила, лишь еще пристальнее взглянула на меня из-за угла.

Джимми все еще трясся, когда я садился в пескоход.

XIII

Я никогда не был силен в "Спинки". Это исконно лунная игра с применением шаров "Спинки", больших округлых кусков сала. Идея заключалась в том, чтобы вывести противника из-под стражи и сбить его хорошим ударом в грудь. Бить в живот и голову нечестно. Три попадания — и вы выигрываете раунд.

На Луне, с ее слабой силой тяжести, такая игра возможна: на Земле она была бы слишком изнурительна. Но даже здесь для нее необходимо здание.

Луни бывают светлые и темные, высокие и низкие, бородатые и чисто выбритые, но все они имеют одну общую черту — все они сложены, как борцы-профи. "Спинки" выгоняют из них пот в свободное время.

Когда я вошел в "Струю Сока", что в Обод-Сити, игра была в разгаре. Мокрое, упругое "Шмяк!" шара "Спинки" в грудь грубым взрывом бесстыдных воплей сообщило мне, что кому-то досталось.

Я засек троих массивных типов, перелунивавшихся шарами у дальней стенки. Заказав венерианский джуз, я спросил притонослужителя об этой троице.

— Я ищу Фрукта, Паука и Улыбающегося Малыша,— сказал я.— Это не они?

— Конечно, они, приятель,— содержатель поставил джуз на стойку.— Он потерял под струями руку и до сих пор не беспокоился о том, чтобы заменить ее. Он махнул культей в сторону троих головорезов.— Они не любят чужаков, которые лезут в их игру. Будь я на вашем месте, я бы сейчас держался от них подальше.

— Но вы не на моем месте,— сказал я, втягивая джуз в три больших глотка. Это было пламя, а мне требовалось немного разогреться перед тем, что я собирался сделать.

Я приблизился к короткому и пухлому парню. Это был Паук. Я схватил его "Спинку" прежде, чем он успел что-нибудь предпринять. Затем я развернулся и влепил шаром Паука что есть силы в грудь унылого Луни по прозвищу Улыбающийся Малыш. Он не ожидал такой игры и рухнул на задницу. Третий жулик, Фрукт, вся рубашка которого была в сливовых пятнах, сделал змеиный рывок к поясу, где, как я догадывался, был его скорострельный Регби-Пауэлл 30-70, но я уже вытащил 38-й и успел показать его прежде, чем он выхватил свое оружие.

Я обезоружил всех троих. Паук попытался достать скорняжный ножик из ботинка, но я выбил его ударом ствола. Обезоруженный, он принялся сосать разбитые костяшки пальцев.

Притоносодержатель следил за этой операцией с отвисшей челюстью: ему еще не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь обламывал этих парней.

Я кивнул в направлении задних комнат:

— Двинулись?

— Погоди, паря, мы...— начал было Фрукт.

— Пшел!— я двинул его по ребрам 38-м, чего он не одобрил. И они пошли. Пошли все.

Короткий, слабо освещенный коридор вел в заднюю комнату. Я затолкал их туда и пинком закрыл дверь.

Затем я дождался их гневных вопросов:

— Что это за наглость?!— от Паука.

— Что это за хамские игры?!— от Улыбчивого Малыша.

— Да кто ты такой, черт тебя возьми?!— от Фрукта.

Я подарил им наихолоднейшую улыбку.

— Я от Кэйна. Он не очень-то доволен тем, как вы обтяпали похищение девочки.

— Это еще почему?— возмутился Паук. Он был темный, щербатый и злой.— Мы сделали хорошую, чистую работу.

— Он хочет знать, куда вы ее дели?

— Куда он велел,— выложил Фрукт.— В Южную башню на Мерке. А чем он недоволен?

— Кэйн любит гладкую работу. А вы трое — болваны, вы позволили себя выследить дешевому частному копу.

— Какому еще частному копу?— пожелал узнать Улыбчивый Малыш. Он был примерно моего размера и веса, имел могучие плечи и длинные руки.

— Этому,— сказал я, срывая фальшивые усы и трижды нажимая на курок 38-го.

Они упали, как подрубленные деревья, и я решил, что Системе повезло, так как она отделалась от троих убийц-головорезов. Я ощущал себя сильным и мужественным и испытывал чувство приятного восторга. Если Кэйну еще захочется проделать на Марсе работу, ему придется нанимать новое мясо.

Но я еще не закончил свою работу. У меня был при себе "Полосу Зубер", и теперь я привел его в действие, сделав несколько микроснимков головы Малыша в анфас, профиль и с затылка.

— Ну как, Малыш, скажи "Чиз",— сказал я, снимая его унылую физиономию. Но он не в силах был оценить этой шутки.

Сделав необходимые снимки, я спрятал "Зубер" и вытащил переносной деатомолизатор модели Л-5-ДЖИ. Нехорошо оставлять три кучи дерьма в игорном зале.

Пуф! Нет больше головорезов!

Однорукий притонодержатель выглядел обалделым, увидев, что я возвращаюсь один.

— Мальчики решили уйти пораньше,— сказал я.— Они вышли задним ходом.

— Не буду проливать слез по этому поводу,— сказал он.— Они отвадили половину моих посетителей,— и он махнул обрубком руки.— Вот нынче вечером, например, ни души.

— Пожалуй, здесь и в самом деле слишком тихо,— согласился я.

— А что вы не поделили?— захотелось ему узнать.— Работу бандитскую, что ли?

— Пустячное недоразумение,— сказал я.— Не о чем беспокоиться, мы все уладили прежде, чем они ушли.

Похоже, это его удовлетворило. В Обод-Сити не следует слишком возбуждаться по поводу бандитских работ. Он кивнул в игорный угол.

— Хотите раунд в "Спинки", я против вас? За счет заведения?

— Нет,— сказал я.— Но спасибо за предложение. Дело в том, что у меня сейчас другая игра.

Следующая моя остановка была на Каллисто. Я прибыл туда с полдюжиной резких, цветных фотографий Улыбчивого Малыша. "Зубер" делал работу чисто.

Негативы им понравились.

— Очень отчетливо,— сказал он, просматривая их под увеличением.— Костная структура выражена ясно, видны отчетливые признаки.

— Рад, что вам понравилось,— сказал я,— а теперь сделайте так, чтобы я выглядел, как он. Можете?

— Не следует воображать, что перед нами великая проблема,— сказал он. Звали его Заадер, и у него была солидная репа (репутация) первоклассного мастера пластических операций. За соответствующую плату Заадер мог сделать обезьяну похожей на ангела (и наоборот). Он был отзывчив. Он работал легально, изменяя все то, что только было можно. Мы столковались о гонораре, и я выплатил ему задаток. Он заверил меня, что это в правилах его бизнеса.

— Полежите, пожалуйста, пока мы применим гипосекцию,— сказал он. Заадер был невероятно безобразным ублюдком, и я удивлялся, почему это он не сделает себе новую физиономию.

Я снял куртку и вытянулся на длинном, белом медстоле. Я не люблю, когда в мой целовальник вонзают иглы, но, в данном случае, это было необходимо.

— Поддайтесь, пожалуйста, расслабьте челюстные мышцы,— сказал Заадер.— Это не больно.

Он склонился надо мной и использовал гипо; кожа несколько секунд чесалась, а затем онемела.

Заадер разложил на столе шесть снимков Малыша и внимательно изучил их, ожидая, пока гипраствор окажет свое действие.

Он уколол меня в щеку. Я не реагировал. Мертвая плоть.

— Мы готовы начать,— сказал он.

Я ничего не мог сказать, все лицо было, словно слой сырой глины. Заадер оживил эту глину с помощью своих рук и инструментов, разминая ее и придавая костям и плоти форму и подобие позднего Улыбчивого Малыша. Он насвистывал старый венерианский мотив, протыкая, давя, размешивая. Он явно наслаждался собой.

Один раз он сделал паузу, чтобы свериться с фотографиями.

— Нужно чуть больше углубить скулы,— пробормотал он, косясь на зуберснимки.— И глаза следует разнести на четверть дюйма.— Он принялся за дело, обрабатывая мое лицо, как пекарь в землебулочной формует тесто.— Умм... эту правую мочку следует немного приплюснуть...

Наконец он закончил.

На ногах я чувствовал себя немного лучше, последствия гипраствора исчезли быстро, и в кожу вернулась чувствительность.

— Можете не бояться боли,— заверил меня Заадер.— Ваше новое лицо готово к любой обычной деятельности. Тем не менее, в течение ближайших земночасов, пока кости не затвердеют и не установятся окончательно, мы советуем вам избегать прямых ударов в область лица.

— При моей профессии это не так-то просто,— сказал я.— Но я постараюсь быть осторожным. А как насчет моего старого целовальника?

— Мы вас не поняли.

— Я имею в виду, смогу ли я получить его обратно?

— Когда пожелаете,— сказал Заадер.— Восстановление облика — не проблема. Заходите в любое время.

— Ох,— сказал я.— Я так и сделаю. Я очень люблю свою внешность.

Я оглядел себя в Заадеровском стенозеркале, мягко пробегая пальцами по новой костной структуре.

Она была сделана совершенно великолепно.

Глубоко посаженные глаза. Широкий нос. Тонкие губы.

Приплюснутые мочки. Это был Улыбчивый Малыш.

XIV

Меркурий — это да. Больше трех тысяч миль в диаметре, размером с горошину по сравнению с Юпитером, но зато адская температура, потому что он очень близок к Солнцу.

Если вы на Меркурии не под пузырем, вы зажаритесь, как яйца. В 2020-м в Куполовиле сломалась система охлаждения, и десять тысяч невезучих жителей тут же испеклись. После это стали прятать большинство городов с тяжелой промышленностью под землю, но Куполовиль все еще на поверхности. Правда, его угрюмо называли Куполовиллой.

Сейчас это Кубла Кэйн. Король Роботов купил его, выломал общественные блоки и построил там собственную крепость, дополнив ее драконом. Честно говоря, дракон этот меня беспокоил. Я мало надеялся избежать с ним столкновения.

Глупо я сыграл в Обод-Сити. Мне бы выкачать из Улыбчивого Малыша побольше информации о Кэйне, прежде чем спустить его. Теперь же у меня не было ни малейшего шанса узнать планы крепости. Единственный шанс пробраться к Исме — пуститься на великий блеф. Я выбрал низкий хрип, что преобладал в голосе Малыша, и если я буду говорить то, что задумал, и не забуду о необходимости сохранения понурого вида, то я обязательно пройду.

Я упаковал обильные огнесредства: под курткой находились пистолет Малыша вместе с моим 38-м, а заряженный лазернолучевой Лоудер-Лоузенбри ТХ с возвратной камерой 60-20 висел на шее, причем эластичный надствольный чехол был заткнут сзади за пояс. 60-20 может остановить ганимедского зверободая на полном скаку, а эти детки не так уж просто останавливаются.

В трубе, ведущей к Кубла Кэйну, я застегнул молнию на костюме для повышенных давлений и направился к переходу. Я был одет в черную облегающую куртку с установленной эмблемой "КК" и был оснащен поясным оружием и ботинкамеем.

Он встретил меня, положив руку на оружие.

— Ваша личность и ваше дело?

— Я работаю на твоего босса,— произнес я хриплым голосом Малыша,— проверь меня визуальным сканированием и увидишь, что я в порядке.

Черный солдат поднял конический воротосканер. Идентилуч уперся в меня. Шестеренки гудели и тряслись. Сканер выдал вердикт: "Личность знакома и опознана. Улыбчивый Малыш. Пропустить".

Стражник убрал руку с поясного оружия и кивнул мне, пропуская. Мое новое лицо прошло первую проверку. Хорошо это или плохо, но я употребил его, чтобы проникнуть в королевство Кэйна.

Его замок-крепость нетрудно было заметить, он выдавался из круга пузырь-лачуг, как огромный каменный кулак. Я подивился средствам и усилиям, вложенных Кэйном в строительство.

Он создал даже собственную гору, служившую фундаментом замку, используя бесчисленные тонны породы меркурианских кратеров. Моделью крепости служили древние средневековые замки на Земле, что было и неудивительно. Широкий ров, заполненный пузырящейся, кипящей лавой, окружал огромное строение, и длинная извилистая дорога поднималась к массивному подъемному мосту.

Моей следующей проблемой было опустить подъемный мост, потому что я не силен был в плавании в кипящей лаве.

Деревня под замком была переполнена идентичными синто, движущимися в потоке активности. Я напрягся, ожидая, но мсня игнорировали. Я прошел ворота-сканер, и это означало, что мое присутствие здесь предполагалось. Следовательно, до тех пор, пока не поднимется тревога, никто из солдат не обратится ко мне с вопросами.

Я быстро миновал кольцо пузырь-лачуг, окаймлявших замок, каждый следующий шаг делая осторожнее. Дорога вверх была полегче и вымощена галькой и заканчивалась у края обрыва. Прямо подо мной кипела и булькала лава.

Я ждал с ухмыляющимся видом, пока опустят мост. Открылась скалопанель в центре поднятого моста, и металлический голос предупредил с надрывом:

— Изложите вашу причину для входа.

— Я по делу Кэйна,— ответил я.— Я имею непосредственное отношение к узнице, содержащейся в Южной Башне.

— Ваше имя?

— Улыбчивый Малыш.

— Имя узницы?

— Исма Умани.

Скалодверь закрылась, и я остался ждать, потея.

Я произвел тщательную проверку, прежде чем отбыть на Меркурий, чтобы удостовериться, что Кэйн не в крепости. Я сумел узнать, что он в отъезде, посещает одну из своих луковых ферм на Венере, с роботоприслугой. Во-вторых, официально я осуществляю надзор за Исмой. Я

подделал имя Кэйна на кхаустодиске. Я хороший спец по подделкам, это не помеха моему бизнесу.

Скрипя и визжа в подлинно средневековом стиле, огромный подъемный мост стал опускаться. Наконец, он лязгнул о край дороги. Я прошел по нему, излучая угрюмое раздражение. Двое синтетиков Кэйна стояли по обе стороны ворот с оружием наготове.

— Ваши полномочия,— потребовал один из них. Я вручил ему фальшивый Фандиск.

— У меня приказ переправить узницу на нашу базу на Деймосе,— прохрипел я.

— Почему нас не информировали в первую очередь?— глаза синтетиков были налиты подозрением.

— Это было решено в последние минуты. Поэтому-то Кэйн и должен был дать мне этот диск. Вы можете это видеть.— Я скривил губы, словно Малыш вдруг попытался улыбнуться.— Хотите неприятностей от Кэйна? Если хотите, я могу об этом позаботиться.

Это его встряхнуло. Он вернул диск и махнул рукой, позволяя пройти. Посты были пройдены, и я вошел в зал.

Он был совершенен до малейшей детали. Бронзовые греческие и римские статуи, величественные гобелены, фрески на стенах, лепной потолок, древняя мозаика... фортуна, видно, была щедра к Кэйну, все предметы обстановки зала настаивали на своей подлинности.

Но как пройти в Южную Башню? Вот когда мне могла бы пригодиться информация Улыбчивого Малыша. Мы все получаем уроки, и я тоже получил урок. Нельзя быть таким скорым на расправу.

Я повернулся к бесстрастному стражнику. Он был облачен в средневековые доспехи и имел при себе широкий меч. Я постучал пальцем по забралу. Оно открылось.

— Я здесь по делу, от Кэйна,— сказал я.— Мне нужен эскорт в Южную Башню. Отведите меня туда.

Просто. Бронированный стражник тяжело залязгал по коридору, не возразив ни слова. Чем дальше, тем лучше. В конце концов мой безумный план может и сработать... И к черту огнедышащего дракона!

Мы пробирались по бесчисленным каменным коридорам, под высокими и низкими сводами, по мощеным дворикам, в которых некоторые из стражников Кэйна упражнялись с мечами и копьями,— и поднимались по тысячам каменных ступенек. К тому времени, когда мы добрались до обитой железом двери в Южную Башню, я тяжело дышал, а мускулы на моих ногах гудели. Синтетик, несмотря на тяжелые доспехи, был тих и спокоен.

— Мы пришли,— сказал он.— Хотите, чтобы я вас подождал?

— Нет,— ответил я.— Возвращайтесь на свой пост.

Забрало с лязгом захлопнулось, и он загромыхал по спирали каменных ступеней.

Я попробовал открыть дверь. Она не поддавалась. Я постучал кулаком по дереву. Подождал. Постучал опять. Жива ли там Исма?

Невнятные звуки сообщили мне, что в комнате кто-то есть. Заскрипел ключ в замке, и тяжелый засов с визгом отъехал в сторону. Дверь приоткрылась на дюйм, и черный синтетический крепыш с поясным оружием наготове уставился на меня.

— Я здесь для того, чтобы забрать узницу,— объявил я.

— Полномочия?

— Директива Ронфостера Кэйна.

Я показал ему фандиск. Он повесил оружие на пояс и позволил мне войти.

В комнате пахло потом и сырой соломой. Единственный свет давали лишь чадящие свечи. Исма была прикована к каменной стене в стоячем положении, совершенно нагая, раскинув руки и ноги. Три ее головы были скованы широким металлическим ошейником, вмурованным в камень вместе с цепями. Все ее глаза были закрыты. С ней обращались грубо: тело ее было в шрамах и в грязи.

— Отпустите ее,— приказал я.

В камере было еще два синтетика, но они медлили. Стражник у двери блеснул глазами, что-то соображая. Двое других занялись цепями.

— Вы один из тех трех Луни, которые привезли ее сюда,— холодно сказал стражник.— Я помню ваше лицо.

— Это верно,— сказал я.

— Нам было сказано, что Кэйн хочет, чтобы ее держали в башне скованной. Что заставило его изменить планы?

— Это не твоя забота,— прохрипел я.— Делай свое дело и держи пасть на замке.

Это ему не понравилось. Челюсть его напряглась, а синтетглаза стали излучать на меня черную ненависть. Но он стал держать пасть на замке. После довольно продолжительной работы молотками двое других охранников освободили Исму от цепей. Она повисла у них на руках, и она положили ее на покрытый соломой пол.

Я подошел и несколько раз ущипнул ее. Затем шлепнул по двум лицам жестко, не шутя. Мне нужно было побыстрее разбудить ее и заставить двигаться. Исма зашевелилась, бестолково моргая всеми шестью глазами.

— Просыпайся, сестричка,— буркнул я.— Нам с тобой придется немного прокатиться.

— А куда вы ее забираете?— поинтересовался парень у двери.

— Каллисто,— сказал я.

Наступило зловещее молчание.

— Это неправильный ответ!— Объявил он.

Я развернулся к нему.

— О чем ты говоришь, черт побери!

— У ворот вы сказали, что забираете ее на базу на Деймосе. Я знаю это потому, что такую информацию выдали нам по видеотелефону.

— Я могу это объяснить,— сказал я, подбираясь к нему. Когда я подошел достаточно близко, я сильно ударил его правой в живот. Это было ошибкой. У синтетиков нет животов. Вместо того, чтобы сложиться пополам, он обрушил сокрушительный удар на мое лицо. Я попятился, а он потянулся к поясу за оружием, чтобы прикончить меня. Двое других тоже нашаривали свое оружие.

Я выхватил 38-й и сшиб эту пару первыми же выстрелами; третий выстрел миновал стражника у двери, который успел дернуться в сторону и упал под стол. Его поясной пистолет выстрелил, и в то же мгновение над моей головой из стены разлетелись градом каменные крошки.

Я не дал ему второго шанса убить меня, следующий мой выстрел попал ему в грудь, и он опрокинулся. Пистолет выпал из его мертвой руки.

Я вложил в кобуру 38-й и обернулся к Исме. Она уже полностью пришла в себя и была перепугана.

— Вы собираетесь убить меня? Кэйн послал вас убить меня?

Я опустился перед ней на колени и заговорил вполне нормальным голосом:

— Слушайте меня, мисс Умани. Я Сэм Спейс, детектив, которого вы наняли на Марсе. Я сделал пласто, чтобы получить это лицо и забрать вас отсюда. Вы в состоянии идти?

— Да, да, думаю, что смогу,— она подарила мне улыбку.— Ваш нос переломан.

Я это чувствовал. Кулак дверехранителя угодил точнехонько. Заадер предупреждал, чтобы я не давал бить себя в поцелуйник. Проклятье! Это могло обернуться для нас большими неприятностями.

— Забудьте о моем носе,— сказал я.— Вы можете подняться?

— Уверена, что смогу.

— Хорошо. Давайте отправляться. Сейчас мы увязли в пасти льва, и я хотел бы, чтобы мы успели выбраться прежде, чем вновь сомкнутся его челюсти.

XV

Обычно, когда пытаются бежать, ожидают темноты, но в нашем случае ждать темноты было небезопасно и бесполезно. Меркурианский день такой же длинный, как и ночь и продолжается 88 земносуток. Нам пришлось рискнуть и пойти на дневное бегство.

До сих пор не было сигналов тревоги, топота стражников, поэтому мы имели шанс очистить замок, прежде чем обнаружат этих трех синто.

Когда мы вышли, я воспользовался тяжелой связкой ключей с пояса охранника и запер за нами дверь. Закрытая дверь могла дать нам добавочное время. Исма дрожала, привалившись к стене. Я захватил для нее шелковую мантию охранника и, спустившись вниз, она ухитрилась выглядеть нормально. Исма была прекрасным образцом венерианской женственности, но для того, чтобы этим воспользоваться, у меня не было ни времени, ни места. Я припомнил бесстыдный анекдот, у которого была такая концовка: "... и вот почему одна голова хорошо, а три — лучше..." Мне было девять лет, когда я впервые услышал его на Земле и мало что понял тогда. Теперь я хихикнул про себя, вспомнив его.

— Что смешного?— спросила Исма.

— Ничего.

Благополучно оставив позади ступени на обратном пути из замка, я понял, что мы заблудились.

— Каким образом мы найдем обратный путь к воротам?— проворчал я.

— А разве вы пришли не через них?— удивилась Исма.

— Конечно,— сказал я.— Но меня вел жестяной солдат, и я отпустил его, когда мы пришли к цели.

— Попросите помочь нам другого солдата. Они же ничего не подозревают.

— Нельзя,— ответил я.— Нельзя с этим разбитым клювом. Они начнут задавать вопросы, на которые я не смогу ответить. Я попытаюсь вспомнить обратный путь.

— Вы думаете, что сможете?

— Я хочу попробовать. Пошли.

И мы отправились дальше по бесчисленным сводчатым галереям замка. Мне казалось, что эти галереи очень похожи на те, которыми я шел сюда, но уверенности у меня не было, поскольку в этом месте каждый камень был неотличим от другого.

— Я думаю, мы идем правильно,— сказала Исма.— Я помню, что они здесь меня вели. Я уверена, что мы движемся к воротам.

Она успела успокоиться и обрела прежние силы и духовную твердость. Трехголовые — стойкая порода.

Затем я засек впереди двор замка.

— Удача все еще с нами,— сказал я.— Как идти от двора, я помню.

Мы быстро пересекли двор. Стражники большей частью разбрелись, осталось полдюжины, они лупили друг друга боевыми топорами, которые звенели, словно колокола, ударяясь о бронзовые латы.

— Они слишком заняты, чтобы нас заметить,— прошептала Исма. Она была права. На сей раз обошлось без происшествий.

— Я думаю,— вздохнула она, когда мы приблизились к огромной столовой замка,— что неплохо было бы поесть. Не могли бы мы сделать передышку?

— Я и сам не прочь чего-нибудь перехватить,— сказал я.

Столовая была пуста. Длинный стол был заставлен корзинами со зрелыми, соблазнительными фруктами. Пока Исма лопала яблоки и груши и набивала ими карманы, я наполнил два пузатых кубка вином из бочки у края стола.

— Пей до дна,— ухмыльнулся я.

Мы торопливо ели и пили, не сводя глаз со входа. Вино было бодрящим, а фрукты — восхитительными. Кэйна обслуживали робосады и псевдовиноградники, и я в этот миг был рад, что он ценит в жизни такие штуки.

Мы отправились дальше. Вновь галерея. Коридоры. Комнаты с сероватой мебелью, с портретами герцогов и королей. Итальянские квазимраморные полы. Каменный очаг, а над ним набитые головы кабанов.

— Сэм, нам удалось,— воскликнула Исма, когда подъемный мост опустился, и мы перешли по нему через ров.

— Не совсем,— сказал я.— Гляди-ка, нас ждут.

Огнедышащий дракон Кэйна звучно спал на пороге. Огромная его голова загромождала дорогу во всю ширь, с обеих сторон были крутые обрывы и миновать зверя было невозможно.

Мы были блокированы.

— Он выбрал чертовски неподходящее место, чтобы вздремнуть,— заметил я.

— Ему вряд ли понравится, если мы его потревожим,— сказала Исма.— Что мы будем делать теперь?

Я попытался найти ответ на этот вопрос, но тут поднялась тревога в замке.

— Джига закончена,— заметил я.— Видимо, они обнаружили наших жмуриков.— Я выхватил 38-й и вручил его Исме.— Держи. Он тебе пригодится.

Подъемный мост стал опускаться, раскачиваясь. Это означало, что стража замка вознамерилась пройти по нему и ударить нам в спину, покуда любимчик Кэйна преграждает нам путь в деревню.

Я подумал, что у него, видимо, была тяжелая ночь, если он по-прежнему спит, не обращая внимания на визг сирены.

— Следи за драконом,— сказал я Исме.— Кричи, если он проснется.

Я оставил ее и помчался по краю дороги, вытаскивая укороченный гибкоствольный лазеромет 60-70 и бросая взгляды на опускающийся мост. Я надавил на спусковой крючок, и яркий луч вонзился в мост, как нож в масло. За какие-то секунды я перерезал мост надвое, два его куска рухнули в кипящую лаву. Это остановило стражу замка. Теперь они больше не могли до нас добраться.

Теперь мне следовало побеспокоиться об огнедышащем драконе и о солдатах, оставшихся в деревне. Даже если мы и проскочим мимо дракона, мы сможем...

— Сэм, Сэм, он просыпается,— закричала Исма,— поторопись!

Так я и сделал, но к тому времени, когда я добрался до Исмы, огромный чешуйчатый дьявол взгромоздился на ноги и выглядел изрядно обезумевшим. Все говорило о том, что он не любил сирены и падающих подъемных мостов, а также честных копов, нарушающих его отдых. Большие, как булыжники, с красным отблеском глаза пялились сверху на нас, а длинный заостренный хвост ворочался туда-сюда.

— Назад!— предупредил я Исму.— Похоже, он собирается...

Он собрался. Огромная пасть распахнулась, как чертова печь, и из нее вырвался длинный язык желто-белого пламени, который облизал дорогу перед нами. Та почернела.

— Кажется, он еще не совсем проснулся,— сказал я.— Он плохо прицелился и промазал на добрых три фута.

— Ох, Сэм, он испепелит нас обоих!

— Нет, не испепелит,— сказал я. У меня был лазерный, и я чувствовал себя уверенно. Если я смог разрезать подъемный мост, то с драконом я и подавно справлюсь.

Я нацелился на бугристую голову и нажал на спуск. Ничего... Я опять попробовал. Опять ничего. Оружие отказало, и как раз тогда, когда я больше всего в нем нуждался.

Я отшвырнул проклятую штуку и вытащил Виккерс 20-40 Улыбчивого Малыша — игрушку, по сравнению с лазером. Но больше у меня ничего не было. Однако, прежде, чем я успел сделать выстрел, новая длинная вспышка пламени вырвалась из драконьего рта, и я отскочил назад. Левая нога зацепилась за камень и подвернулась. Я упал, и Виккерс вылетел из моей руки. Он перепрыгнул через край дороги и исчез.

Разгневанный дракон возвышался надо мной, длинный, как ракета, весь в зеленых и пурпурных чешуйках с бугристой, лоснящейся кожей, с чудовищными глазами с пламенным отливом. Из ноздрей шириной в пещеру шел дым.

Я был в беде. В следующую секунду мне предстояло превратиться в готовое блюдо: даже пьяному дракону вряд ли по силам промазать три раза подряд.

— Сэм, я здесь,— закричала Исма. Она отступила на край дороги и следила за схваткой. Теперь она бежала ко мне, размахивая 38-м.

— Бросай,— завопил я.— Кидай его мне.

Она бросила, и я, ловко поймав его, тут же обернулся к своему чешуйчатому приятелю. Следующая доля секунды ушла на то, чтобы прицелиться: если с первого раза я промахнусь, другой возможности уже может не быть. Я был в этом почти уверен.

Я стрелял в глаза. Два выстрела, разделенные лишь временем, необходимым для того, чтобы перевести мушку с левого глаза на правый. Я расколол их оба.

Теперь у меня было преимущество. Я выстрелил вновь — раз, два, три, четыре, загоняя пули в голову дракона. Я стрелял и стрелял, пока не

щелкнул опорожненный магазин 38-го. Большой, ревущий монстр затрясся. Раздвоенный язык метался и извивался, как змея. Ноги раскалывали попадающие под них булыжники. Из глаз и носа валил дым.

— Ты повредил его, Сэм,— с восторгом воскликнула Исма, помогая мне подняться. Моя левая лодыжка сильно болела, и ходьба была для меня убийственным наказанием.

Надо мной ворочалось тело великана. Он трясся, судорожно колотил хвостом. Мы присели, когда он просвистел над нашими головами.

— Назад,— предупредил я.— Он собирается прогуляться!

Словно падающая гора, зелено-пурпурный дракон обрушился на дорогу, испуская пар, шипя и свистя. Хвост в последний раз конвульсивно дернулся и затих. Мы приблизились. На дороге вокруг огромной туши растекалась черная лужа.

— Кровь!— выдохнула Исма, прижимая ладонь к одному из ртов.

— Нет,— возразил я,— масло.

— Ты хочешь сказать, что он...

— Робот, конечно. А как же иначе? Любимчик Кэйна, дракон-робот. Я перебил ему коленчатый вал.

— Изумительно,— воскликнула Исма.— Просто изумительное создание...

— Кэйна называют королем роботов не ради смеха,— сказал я.— Он знает, как надо собирать вместе колесики и шестеренки. Уверен, что он сам проектировал этого малыша.

Исма прикрыла свои огромные глаза.

— Шестеренки...— сказала она.— Я вижу там шестеренки. И трубки, длинные трубки, шланги...

— Это все для огня и дыма,— сказал я.

— Я все еще не могу забыть, насколько страшно он выглядел живым.

— Но ты уже выглядишь лучше,— сказал я.— А сейчас у нас появится компания.— Я потянул Исму за дымящуюся драконью челюсть: к нам направлялась толпа синтетиков, зловещих, как мегеры.

— Ты можешь их остановить?— воскликнула Исма.

Я вздохнул.

— У меня вывихнута лодыжка. Пистолет Малыша улетел. Мой 38-й пуст, а лазеромет заклинило. Мне неприятно говорить тебе это, сестренка, но единственное, что может нас спасти — это чудо.

XVI

Мы его получили. Именно чудо. По крайней мере, у меня было именно такое впечатление.

Только что, секунду назад, мы были там, скорчившись за протекающим драконом-роботом, а к нам подбирались по меньшей мере две сотни вооруженных охранников Кэйна, а в следующую секунду мы были уже вовсе не там.

Мы сидели в кабинете Натана Оливера под гигантским Институтом Искусств, и старый Нат приплясывал вокруг нас, с восторгом хлопая в ладоши.

— Получилось! Получилось! Ой, парень, оно сработало, честное слово!

— Что сработало?— спросил я.

— Мой времявыкусыватель,— ответил Нат.— Я много месяцев потел, пытаясь выбить из него толк. Работает по принципу лучевыкусывателя. Предметы лучевыкусываются в прошлом и будущем. Я послал черепаху в 3028-й год, туда-сюда, но потерял ее. Потом я попытался выкусить конного копа с Таймс-сквер, из тех времен, когда разъезжали на лошадях. Но я получил лошадь, а на ней был пьяница-алкоголик с 42-й стрит. Я дал ему выпить и отправил обратно.

— Коня?— спросила Исма.

— Нет, пьяницу. Коня я удержал.

— Слушай, Нат.— Я встал, лодыжка ныла, но ходить было легче.— Как ты узнал, что мы там, на Меркурии, и что с нами происходит? Как ты узнал, что нам необходимо, чтобы нас оттуда лучевыкусили?

— Это не просто объяснить в светских терминах.

— Попытайся,— сказал я.

— Прежде всего,— заметил он, помогая Исме подняться,— я намерен представить вас этому очаровательному созданию. Или, точнее, трем созданиям.

— Одной достаточно,— сказала она.— Мои глаза и головы... обычно пьют по очереди, по одному-два глотка.

Нат был восхищен.

— У вас три различных набора вкусовых бугорков?

— Естественно. Поскольку у меня три мозга, три шеи, три носа, по три комплекта глаз и ушей.

— Это изумительно,— сказал Оливер.— А три мозга не приводят к путанице? Мне и один доставляет уйму хлопот.

— Эй, Нат,— сказал я, хватая его за локоть.— Прекрати болтать и налей выпить даме. Да и мне заодно уж, раз ты все это затеял, да покрепче.

После того, как Нат приготовил выпивку, мы расселись в его загроможденной комнате. Креслами нам служили куклы старых известных актеров. Я сел на Марлона Брандо, Исма — на Джонни Вейсмюллера, а Нат — на Зазу Пикте.

Я выхлебал двойной бурбон, как детское молоко. Боям с гигантскими драконами сопутствует жажда.

— О' кей,— сказал я, когда одна из голов Исмы пригубила шотландское виски с водой.— Выкладывай, как ты нас обнаружил.

Нат неуютно завозился.

— Случайно, Сэм.

— Такова жизнь,— буркнул я.— Давай!

Нат вздохнул, потер красные глаза.

— Ну, что же, когда я с тобой виделся в последний раз...?

— Я видел одного из вас, когда начинал это дело,— сказал я.— Но тот Оливер был в другой Вселенной. Ты, или, вернее, другой ты, ухитрился дать маху: отправил меня обратно и заслал в другое измерение. Мне это было ужасно неприятно.

— Надо думать, на той стадии у меня это еще плохо получалось,— заявил он.— У второго меня, я хотел сказать.

— Ты всегда выглядел несколько протухшим,— сказал я.— Но намерения у тебя были здоровые.

— Спасибо. Это очень мило с твоей стороны.

— Я видел тебя в последний раз...— задумался я,— я бы сказал, что это было год назад, когда ты просил меня расследовать это исчезновение твоей электронной коровы.

— Ах, да,— вздрогнул Нат.— Я опасался, что ее выкрал какой-нибудь другой изобретатель электронных коров. Но оказалось, что она просто отошла и заблудилась. В неустойчивости ее походки было виной разболтавшееся копыто.

— Когда пьяный попытался подоить ее посреди Мичиган-Авеню, его до полусмерти стукнуло электрическим током,— напомнил я.

— Да,— новый вздох.— Мои изобретения, похоже, привлекают внимание забулдыг. Пьяница на лошади, например.

— К чему все это?— Захотелось мне узнать.

— К моему объяснению, конечно. Я лишь хочу рассказать тебе, что произошло со времени нашей последней встречи.

— Тогда давай, вгрызайся!

Нат сцепил и расцепил пухлые пальцы. Способа расшевелить его не существовало, поэтому я вооружился новой двойной порцией бурбона и уселся поудобнее на животе Брандо. Исму, похоже, это забавляло, а то, что Оливер выручил нас из Кубла Кэйна, подняло его настроение. Кроме того, ей не привыкать было нянчиться с учеными — вспомним хотя бы ее отца.

— После инцидента на Мичиган-Авеню с пораженным пьяницей,— сказал Нат,— я оставил опыты с электронными коровами и попытался заняться более точными формами творческого созидания. Я на ощупь

вошел в область параллельных Вселенных и управления временем, заменив туфли, образно говоря, у великого космического потока.

— Я слышал, ты был занят этими штуковинами,— сказал я.

— Действительно,— Он вытащил огромный ирландский носовой платок и высморкался, словно фыркнул в рупор. Затем он продолжал: — Последним моим достижением было лучеиспускающее устройство, которым я воспользовался для вашего спасения.— Он ухмыльнулся нам.— Это что-то вроде глазка в прошлое и в будущее. Когда энергетические вихри заряженных нейтронов находились в их собственной связанной последовательностьи, я имею, вследствие этого, окно, через которое можно заглянуть в прошлое и будующее. Но это, конечно, еще не идеал...

— И вот это ты использовал, чтобы нас засечь?— я занимался уже третьим стаканом, чувствуя себя мягким и расслабленным. Лодыжка болела меньше. Лишь для того, чтобы окончательно послать ее к черту, я переменил сидение и уселся на Веронику Лейк. Исма осталась на Вейсмюллере.

— Да,— Нат ответил на мой вопрос и снова ухмыльнулся.— Я как раз занимался понемногу настоящим и подхватил твой энергетический образ на Меркурии.

— Ты присутствовал при всей сцене?— спросил я.— Ты видел, как я зачехлил дракона?

— О, да, разумеется. Это была прекрасная демонстрация холодных нервов и сверхмастерства.

Я ответил ему ухмылкой на ухмылку.

— Пустяки.

— На самом деле,— продолжал Оливер,— я был настолько увлечен вашей драматической борьбой за жизнь, что едва не забыл о том, что вас нужно вовремя выкусить.

— Вы вытянули нас, и это самое главное,— сказала Исма.— Вы очень хорошо сделали свое дело, мистер Оливер.

Нат вспыхнул от удовольствия, что его изобретения принимают, и что они приносят пользу тем, кто в ней нуждается.

Я махнул на него стаканом.

— Давай-ка выясним кое-что, Нат.

Он вопросительно склонил голову в мою сторону.

— Где мы сейчас находимся относительно нашего пребывания в Кубла Кэйне?

Оливер потер ладони.

— Настолько, насколько я могу определить, вы находитесь на Земле и сейчас предыдущий день.

— То есть, приблизительно, мы получили двадцать четыре часа?

— Приблизительно.

— О'кей,— сказал я, ставя пустой стакан на кофейный столик, оформленный под Аллана Лада.— Это дает нам небольшое преимущество

перед Кэйном. Если бы мы оказались на день позже того, он мог бы снова устроить покушение на жизнь доктора Умани.

— Нам следует связаться с папой и сказать, что мы в безопасности,— заявила Исма.

— Нет уж,— сказал я, покачав головой.— У Кэйна, возможно, есть возможность нас подслушать. Лучше нам сейчас же вернуться, не афишируя этого. Он будет в достаточной безопасности, пока мы тут,— Я пожал руку Нату.— Спасибо за бесплатную езду в кабриолете.

— С большим удовольствием, Сэм.

Исма клюнула его в щеку каждой парой губ. Он затрепетал.

— Мы отчаливаем в Пузырь-Сити,— сказал я.

— Но я хочу вам показать и другие мои изобретения. Я работаю над методом, который позволит безболезненно выворачивать свиней наизнанку.

— Это еще зачем?— поинтересовалась Исма.

Нат смутился.

— Точно не знаю, честно говоря. Вы не знаете, кому-нибудь требуется выворачивать свиней?

— Видишь ли,— сказал я,— мы совершенно незнакомы со свинарями. Но ты можешь нам помочь еще в одном.

— В чем именно?

— Всю дорогу Исма таскает накидку стражника. У тебя есть что-нибудь из одежды?

— Понимаю,— сказал он, провожая нас в спальную будку. Нажав на кнопку, он распахнул стенку, открылась ниша, увешанная нарядами. Он показал нам пришпиленный женский полнокостюм с широкими рукавами.— Последняя моя жена очень любила его.

— Я не знала, что вы были женаты,— сказала Исма.

— Да. Дороти работала со мной над некоторыми из моих ранних изобретений. Ее утащила и задушила механическая обезьяна. В те дни мне не очень-то удавались обезьяны. Да и сейчас мне с ними много мороки.

— Как печально,— воскликнула Исма, залезая в полнокостюм.

Идеальный полурост.

Нат получил новый транс-поцелуй, и мы отчалили.

XVII

Прежде чем покинуть Землю, мы захватили новый груз замороженных тел для старины Умани, что позволило Исме сразу же по приезде пересадить дока в новое тело. Жизнью жирафоглава он был сыт по горло.

Когда он вышел из лабблока, чтобы поблагодарить меня за спасение Исмы, это был уже типичный оклахомский индеец Чарроки. Я объяснил,

почему у меня сломан нос и почему я таскаюсь с физиономией Улыбчивого Малыша: у меня не было времени вернуть мою подлинную земную образину перед погрузкой замороженных.

— Угу, ты принес кучу хороших тел,— проворчал он, используя очередной, донельзя фальшивый акцент.— Нам нравится это тело, которое ты нам дал.

— Я считаю, что заслужил награду за возвращение вашей дочери,— сказал я.

Он кивнул головой, бронзовой от солнца.

— Великий дух говорит, что ты — смелый мужчина. Мы награждаем тебя премией. Это отличный вампум,— сказал Умани.

— Это не совсем та награда, о которой я говорю,— возразил я.— Вы мне достаточно платите. И я говорю не о деньгах.

— Тогда скажи честно вождю, что ты хочешь, и мы это дадим.

— Я хочу, чтобы вы перестали морочить мне голову своим экспериментом. Я хочу знать, что вы делаете, и я хочу знать, почему Ф. пытается вас остановить.

Мы глядели друг на друга. В облачных индейских глазах была неукротимая ярость, и я думал, что он откажется. Но он не отказался.

— Ну, что же, мистер Спейс,— сказал он.— Ваша просьба вполне оправдана, и вы заслужили право на ее удовлетворение. Пожалуйста, следуйте за мной, и я вам все объясню.

Он повернулся к своей лабе, я пошел за ним. Варлаг заслонил передо мной дверь. Лысый. Кулаки — кувалды, красные глаза. Огромная глыба бойцового мяса — он выглядел так, будто всю жизнь сдерживался, чтобы не пустить мне пулю в лоб.

— Велите вашему двоюродному брату не строить из себя буйнопомешанного,— сказал я Умани.— Скажите ему, что я приглашен на вечеринку...

— Позволь мистеру Спейсу войти. Отойди в сторону...

Варлаг отодвинулся, пожирая меня взглядом. Я ответил ему тем же и вошел в лабораторию.

Все лабы для меня выглядели одинаково. Эта походила на лабораторию Ната Оливера, которая, в свою очередь, походила на все остальные. Трубки, баки, колбы, искры, провода, кабели, булькающие флюиды. Одна из голов Исмы склонилась над окуляром какого-то прибора на одном из дальних столов, две другие головы, когда я вошел, обернулись ко мне.

— Сэм, я не думала, что папочка...

— Откроет мне семейные секреты?— ухмыльнулся я.— Я заслужил инфо, и вы это знаете.

Умани-индеец кивнул, сложив руки на груди. Ему нравилось играть в вождя. Жаль только, что тело его было в обычном деловом костюме. Ему явно не хватало перьев, бычьей кожи, а также рогов буйвола. Исма была рада мне.

— Мне очень не по душе было скрывать от вас что-либо, Сэм, но папочка настаивал, чтобы я держала язык за зубами.

— Угу. Это правда. Вождь велел дочери держать рот закрытым.

— А сейчас мы ему расскажем все. Правда, папа?

Варлаг с безумными глазами встал между нами.

— А я говорю, этот дешевый шпик не узнает от нас ничего,— прохрипел он.— Он может работать на Ф.: пытается разнюхать наши секреты!

— Варлаг, ты чертов дурак!— рявкнул Умани.— Немедленно оставь нас, ты только что оскорбил человека, который спас нашей Исме жизнь!

— Я настаиваю на том, что это все могло быть подстроено!— зарычал Варлаг.

— Прочь! Убирайся с дороги,— потребовал Умани. Варлаг убрался, сожрав меня взглядом на прощание.

— Я должен извиниться за своего двоюродного брата, мистер Спейс,— сказал доктор Умани.— Он работал днями и ночами. Все эти покушения на меня совершенно разболтали ему нервы. Кроме того, в облике жирафоглава я был не лучшим сотрудником при лабораторных исследованиях.

— Забудем это,— сказал я.— Просто расскажите мне, что там происходит в ваших экспериментах?

— Ах, ну, конечно,— Умани подошел к отгороженному квадратному участку в углублении пола, оно было расчищено от хлама, пустое место.

— Шары, моя дорогая,— сказал он Исме.

Она принесла ему два красных резиновых шара, один больше другого.

— Угу. Ты видишь наши шары,— буркнул Умани. Он бросил их на чистый пол. Шары подпрыгнули и повисли в воздухе. Маленький шар принялся облетать вокруг большого.

— Что за чертовщина?— спросил я.— Что должна доказать эта пара странных шаров?

Умани адресовал мне хмурую индейскую улыбку.

— Бледнолицый не дает вождю возможности сказать. Закрой рот и смотри на шары.

— Шары показывают вращение Земли вокруг Солнца,— сказала Исма.— Обычно орбита Земли ровная, но она может быть дестабилизирована.

Умани щелкнул тумблером, и маленький шар стал пьяно болтаться. Наконец, он потерял контакт и упал на пол.

— Я все еще не вникаю,— сказал я.

Умани свел вместе черные брови чарроки, нахмурившись.

— Земля в опасности. Она более нестабильна. Естественная ее орбита вокруг Солнца уже изменена. В таком же положении и Марс. Всеми планетами в Солнечной Системе скрыто манипулируют, хотя средний гражданин Системы еще не воспринимает перемен.

— Да что вы говорите!— удивился я.

— Разве это не очевидно? Кто-то меняет орбитальные образчики всех тел в нашей Солнечной Системе. Изменения еще не критические, но опасность очень велика. Если не противопоставить что-либо этим орбитальным изменениям...

— Гусь будет зажарен! А вы пытаетесь не дать его зажарить, верно?— я, наконец, сообразил, что хотел сказать док.

— Именно. Мой эксперимент, которому я дал кодовое обозначение ОРСТА, орбитальный образчик, стабилизация орбиты. Но я сталкиваюсь с ужасными трудностями. Я не уверен, что сумею закончить вовремя и спасти Систему.

Я устроился на скрытом древесном рабочем стуле и попытался усвоить информацию.

— Чего я не понимаю,— задумчиво произнес я,— так это — зачем? Зачем кому-то надо пытаться разладить Систему? Если девять планет со всеми спутниками отправятся ко всем чертям, разве тот, кто стоит за всем этим, не составит им компанию?

Умани вздохнул.

— Думаю, нет. Кто бы не вызвал эти орбитальные изменения, он, очевидно, имеет базу за пределами Системы, и последней фазой разрушения он, без сомнения, будет руководить оттуда. Только подумайте: перевести девять планет на встречные орбиты. Космическая игра камешками, в которую играет злой ребенок.

— С какой целью?— настойчиво повторил я.

Умани пожал плечами.

— Не могу догадаться. Пути бледнолицых непонятны индейцу. Великий дух гневается. Вождь смущен.

— Вы единственный ученый, работающий над этой проблемой?

— О, небо, нет. Я поддерживаю контакты с десятками других по всей Системе. Но, похоже, к решению приблизился я один. Вот почему моя глупая мысль постоянно на мушке.

Я хлопнул в ладоши.

— Вот значит как! Вот какая жестянка с бобами. Всю Систему ко всем чертям. Кто бы за этим ни стоял, он на пустяки не разменивается.

— Папа думает, что это может быть Кэйн,— выложила Исма.— И поскольку он устроил мое похищение, эта идея резонна.

Я вздрогнул.

— У Кэйна в Системе масса деловых интересов. Зачем ему уничтожать собственную Солнечную Империю? Сколько времени вам понадобится, чтобы сварганить орбитальный стабилизатор?

— Быть может, неделя, или чуть больше марсовремени,— ответил Умани.— Если мне дадут работать без покушений. К тому времени я смогу ликвидировать орбитальные изменения и спасти Систему.

— Ну, что же, моя работа завершена. Я намерен отправиться на Каллисто, и вернуть свое настоящее лицо.

Исма казалась обеспокоенной.

— Разве ты не собираешься урезонивать Кэйна?

— Зачем?

— Чтобы узнать, не он ли на самом деле этот Ф. И почему он пытается всех нас убить, и зачем меня похитили, и почему...

Я остановил ее.

— Ну-ну. Все, что ты говоришь,— правильно. Но что я могу сделать? У нас нет никаких улик против Кэйна, если говорить юридически. Я всего лишь простой парень и не могу тягаться с Кэйном в одиночку.

— Но ты же дважды его разыскивал,— возразила Исма.— В Куполоулье и в Усач-Тауне. Почему бы тебе еще разок не попробовать?

— Моего любопытства поубавилось. В ту пору я еще не знал, кто этот Ф. А сейчас, похоже, получается, что это сам Ронфостер Кэйн, а если это так, то он недосягаем. Слишком крупная рыба для моих сетей, разве тебе это не ясно?

Исма кивнула всеми своими тремя головами.

— Прости меня, Сэм. Просто я сразу об этом не подумала. Я позволила эмоциям взять верх над логикой. Тебе нет дела до этого Кэйна и нет смысла с ним тягаться. Мы наняли тебя на работу, она закончена и ты имеешь полное право идти...

— Я не уйду, если вы хотите, чтобы я был рядом. Я останусь здесь с твоим отцом, пока его штуковина не заработает.

— Нет, в лабе папы достаточно безопасно. Блок оборудован деструктозаглушкой, да и Варлаг будет рядом.

— Шикарно,— сказал я.— В таком случае ты можешь найти меня на Марсе.

— Спасибо тебе, Сэм,— она приблизилась ко мне и поцеловала в шишку моей головы.

— Эй,— сказал я.— Я забыл о Николь. Где она?

— Папа говорит, что она ушла. Вскоре после твоего ухода. Сказала, что она возвращается в ОлдНью-Йорк.

— Это так,— подтвердил Умани.— Дочь вождя говорит правду.

— Она сказала, зачем?

— Не сказала. Лишь ушла. Села в большую небесную птицу и полетела в дальние края.

Я медленно потер ладонью шею.

— Я-то думал, у нас с ней что-то намечается. Думал, что она меня подождет. Она не оставила мне никакого сообщения?

Умани покачал головой.

— Что поделать,— вздохнул я, пожав плечами.— Очевидно, мне перестало везти.

Две головы Исмы из трех покраснели.

— Я бы так не сказала, Сэм...

Это укрепило мое "я" и дало мне повод посмеяться по дороге.

ПЯТНАДЦАТЬ ОТВАЖНЫХ

ПРОЛОГ

— ... Земля, — твердо произнес кварр.

— Но это же нелепо, Харл!— желеобразное тело л'гхоли запульсировало яркими огоньками, что означало крайнее удивление и волнение.— Вы же знаете, что сделали со своей планетой эти самовлюбленные гордецы!

— Земля!— упрямо повторил Харл. У л'гхоли личные имена состояли из восемнадцати букв и одной цифры. Перепутать их порядок означало нанести кровную обиду.

— Но в прошлый раз у вас были отличные бойцы, — мягко произнес уттар.

— И тем не менее, победа досталась вам. Мое решение неизменно — только Земля.

— Вы проиграете!— запальчиво бросил из своего кре́сла л'гхоли.

— Нет, я выиграю.

— Посмотрим...— до сих пор молчавший трифф поднял увенчанную гребнем голову и посмотрел на Харла.— Я нашел на одной из планет великих бойцов.

— Земляне лучше. И вы в этом убедитесь.

— Все решит Игра,— подытожил уттар. И все согласились.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. ЗАРОЖДЕНИЕ ИГРЫ

Четыре могущественные цивилизации владели Вселенной. Их сила не знала предела. Войны были давно прекращены. Повелители Вселенной могли путешествовать во времени, перемещаться через космические пространства и жили практически без смерти. Но и у них все же нашелся камень преткновения: небольшая окраинная планета, на которой рос факс.

Эта невзрачная синяя трава оказалась настолько ценной и для кварров — двуногих и двуруких прямоходящих гуманоидов, отличающихся от человека только наростами с боков головы и рудиментарным хвостом; и для л'гхоли — желеобразной мыслящей субстанции, размножающейся простым делением; и для уттаров — похожих на пингвинов птицеобразных, но с лицом лемура; и для триффов — разумных ящеров, похожих на поднявшегося на задние лапы крупного варана и носящие вокруг головы гребень из перьев. Все они нашли ей применение: кварры использовали в парфюмерии из-за тонкого пряного запаха, л'гхоли открыли, что трава помогает им получать незабываемое удовольствие от процесса деления, уттары изготовляли из нее особо изысканные лакомства, триффы применяли вместо лекарств в медицинских целях. Все Повелители Вселенной были все же живыми существами со своими страстями, и факс являлся для них чем-то новым и доселе неизведанным, хотя они, казалось, испытали все и вся в своих мирах.

За обладание планетой все Повелители были готовы отдать, что угодно. Однажды спор едва не привел к военному конфликту. После этого кто-то предложил разыграть права на владение планетой. Победитель получает право на монопольное использование факса в течение одного цикла (тысячи земных лет). Решение было простым и мудрым, к тому же это вносило какое-то разнообразие во все-таки скучноватую жизнь Повелителей.

Был построен специальный полигон на одной из пустынных планет. Ландшафт на нем менялся каждый цикл, Победитель предыдущей Игры сам устраивал оборонительные сооружения. Остальные три команды должны были с трех сторон пробираться к центру полигона, где находилась чаша с факсом — своего ода символ и цель Игры.

Воинов можно было набирать на любой известной или неизвестной планете. Одно условие: чтобы не порвать хронологическую ткань, их

извлекали из своего времени за пять секунд до физической гибели и доставляли на полигон.

Так проходили многие циклы. Повелители разыскивали на планетах лучших бойцов, обучали их и наблюдали за игрой, получая бездну удовольствия.

Но впервые за время существования Игры кто-то решил обратиться к Земле.

2. ВЫБОР

Четыре представителя играющих сторон рассматривали на экране голограммы будущих бойцов на этот цикл.

Вскоре очередь дошла до Харла.

— Итак, на ком же вы остановили свой выбор?— по праву последнего победителя председательствовал уттар.

— Смотрите...

(Здесь нужно сказать, что группы не должны были превышать численностью двадцать особей. Оружие только традиционное — никаких пистолетов бластеров и тому подобного).

Просканировав земную историю, Харл остановил свой выбор на пятнадцати лучших ее представителях, как ему казалось.

Римский центурион Клавдий Лукулл. Умелый боец, прославивший свое имя в битве при Карфагене и павший там.

Индейский вождь племени апачей Большое Озеро. Храбро сражался против американской армии, но потерпел поражение и предпочел смерть плену.

Одинокий воин-ниндзя Акиро Морита. Преследуемый людьми сегуна, загнанный в горное ущелье, сражался более чем с полусотней противников и был сражен предательским ударом в спину.

Темник Чингиз-хана Джебе. Свирепый и бесстрашный воин, сложивший голову в русских степях.

Рыцарь Круглого Стола сэр Джон Озрик. Король ристалищ, непревзойденный поединщик. Во время похода за чашей Грааля убит сарацинской стрелой.

Гладиатор-мирмиллон, фракиец Драго. Вышел победителем во время кровавой схватки на арене, но скончался от ран.

Тевтонский рыцарь Гуго фон Шлиппенбах. Опытный воин, владеющий всеми видами оружия. Утонул в Чудском озере.

Сарацин Бен-Юсуф. Отчаянно рубился в одиночку, отрезанный от своих, и пал в неравной битве, уложив многих соперников.

Гасконский дворянин Франсуа ле Конт, лейтенант королевских мушкетеров. Проявил чудеса храбрости при осаде Ла-Рошели. Взорвавшаяся рядом граната помешала ему получить звание капитана.

Русский ушкуйник Филька Рватый. За многочисленные свои прегрешения схвачен, бит батогами, клеймен вырыванием ноздрей. Обложенный царскими стрельцами, имея при себе только кистень, яростно сражался против целого отряда, уничтожил больше половины противников, попал в плен и был повешен.

Норвежский викинг Эрик, сын Олафа. Громадного роста рыжебородый воин, не ведающий, что такое страх. Утонул, вывалившись за борт драккара после обильного возлияния.

Африканский пигмей Чака. Лучший охотник и следопыт. Разорван львом во время охоты.

Польский шляхтич пан Тадеуш Спыхальский. Оставив войско короля Августа, где снискал себе славу лучшего гуляки и дуэлянта, вернулся к себе в поместье, где попытался воспользоваться правом первой брачной ночи и был зарезан женихом своей холопки.

Испанский идальго, конкистадор дон Алонсо ди Альмейда и-Вальдес. Один из самых жестоких последователей Кортеса. Прекрасно владел мечом и кинжалом. Убит на дуэли.

Варвар-гунн Кайдар, по прозвищу Лошадиная Голова. Буйный воин, не щадящий ни себя, ни противника. Состоял в охране самого Атиллы. Отравлен брошенной им женщиной.

— И это ваши лучшие бойцы?— усмехнулся уттар, когда последнее лицо исчезло с экрана.— Мои кентавры не оставят им ни одного шанса.

— Посмотрим,— не стал спорить Харл, хотя его уверенность была сильно поколеблена.

3. ЭКИПИРОВКА

— Теперь вы знаете, что вам предстоит сделать,— ровный голос звучал в головах пятнадцати землян.— У вас есть неограниченное время, чтобы выбрать предводителя, разработать стратегию и тактику и быть готовыми к походу. Если вам что-то понадобится, вам надо только подумать об этом.

... Когда Рватый открыл глаза, ему стало не по себе от одного вида невозмутимо сидящего рядом японца в черной одежде. Последнее, что он помнил из прошлого, был красный колпак палача, веревка с петлей и морда дьявола, который явился за ним из ада. А теперь вот, оказывается, он в составе какого-то особого отряда должен добраться куда-то и что-то оттуда притащить. Если он сумеет выжить, то получит полное отпущение грехов и место в раю. Филька поежился. Жуть какая-то.

Он повертел головой, привыкая к обстановке и исподтишка разглядывая своих компаньонов. Те вели себя примерно так же, кроме разве что японца.

Потом в их головах снова зазвучал голос:

— Вы можете выбирать любое оружие.

Не успело стихнуть эхо, как перед сидящим на корточках римлянином прямо из воздуха стало возникать сооружение из боеприпасов: два дротика, меч, квадратный щит с загнутыми краями, кинжал, шлем, поножи, панцирь.

Следующим сидел индеец. Он закрыл глаза и кивал, словно приветствуя появление каждого предмета своего вооружения: лук со стрелами, томагавк, два ножа, дротики, лассо.

Пока остальные ждали своей очереди викинг и гунн сотворили себе из воздуха по бочке пива и принялись усиленно заливать в себя их содержимое, чтобы справиться с нервами.

Глядя на них, Филька почувствовал острую зависть и невольно сглотнул слюну. И тут же перед его ошáлевшим взором из пустоты возник ковш с квасом, ломоть хлеба и баранья нога. Осторожно потрогав их пальцем, он убедился, что все настоящее, и принялся за еду.

Тут он заметил, что викинг замер с кружкой у рта и смотрит куда-то приоткрыв рот. Проследив за его взглядом, Рватый увидел, как перед ниндзя вырастает гора оружия, по большей части совсем незнакомого. Остальные были удивлены не меньше. Японец сидел не шевелясь и глядел прямо перед собой.

Гунн гулко сглотнул слюну и крякнул. А тем временем пришла очередь темника. Его оружие было отлично знакомо Фильке: лук со стрелами, круглый щит, копье, кинжал, аркан, палица.

Улыбнулся сэр Джон, когда перед ним из пространства стали появляться доспехи, шлем с забралом, длинное копье, трéугольный щит с парящим орлом, меч, топор и кинжал.

Фракиец шевелил губами, принимая свое оружие: квадратный щит, короткий меч, копье, нож. Тевтон ловко подхватил возникший меч и со свистом рассек воздух у себя над головой, топор, щит и кинжал завершили его амуницию.

Смуглое лицо сарацина не выразило никаких эмоций. Он протянул руку и потрогал два кривых меча, лук со стрелами, два кинжала, копье, круглый щит.

Гасконец бережно поднял с песка длинную шпагу и вытащил ее из ножен, оставив лежать два кинжала.

Поняв, что настала его очередь, Филька крякнул, почесал в затылке и приготовился загибать пальцы. Но перед ним тут же возникла рогатина с железными наконечниками, кистень, длинный обоюдоострый нож и топор. Филька крякнул еще раз и только развел руками.

Все так же в полном молчании появлялось и вооружение остальных. Викинг пожелал иметь топор, меч, круглый щит и нож. Пигмей удоволь-

ствовался небольшим луком и пучком стрел, ножом и набором дротиков. Поляк получил саблю, кинжал и кистень. Испанец — длинный тяжелый палаш, кинжал, треугольный щит и арбалет. Гунн вооружился мечом, луком, копьем и круглым щитом.

— Стрелы могут кончиться,— голос вождя апачей звучал твердо и ровно.

— Ваше оружие будет восстанавливаться каждый час,— немедленно отозвался голос.— Спустя час вы будете иметь полный колчан.

Большое Озеро медленно наклонил голову.

— Вы, что же, хотите заставить меня идти пешком?— надменно спросил конкистадор.

— Вы получите верховых животных, неуязвимых для любого оружия.

— Хо!— воскликнул викинг.— Тогда мы любого...

— Но сами вы останетесь обычными людьми,— перебил его голос.— Только животные будут бессмертны.

— Это значит, если меня кто-то пронзит шпагой, то я умру?— спросил гасконец.

— Точно так,— хладнокровно ответил голос.

Гасконец склонил голову и сел. "Испугался, хлыщ,— злорадно подумал Филька.— Мушкетеришка занюханный". Он не задавался вопросом, каким образом к нему пришло знание об остальных его партнерах, просто знал все. В той или иной степени он мог знать понемногу о каждом, исключая японца, чья нация довольно долго жила в полной изоляции от остального мира.

Было также чудно смотреть, как общались между собой пятнадцать человек из разных эр и эпох. Каждый говорил вроде бы на своем языке, но в то же время все понимали друг друга. Чудеса, да и только!

— Теперь вам предстоит выбрать предводителя,— произнес голос.— Его должны признать все. Если хоть один голос будет против, кандидатура не подходит.

4. ГОЛОСОВАНИЕ

Наступило молчание. Первым опомнился гасконец. Он вскочил на ноги и разразился речью:

— Господа, надеюсь вы не будете возражать, если во главе нашего славного отряда встану я. К тому же у меня есть большой опыт...

— Чтобы мной командовал какой-то плебей!— презрительно сощурился испанец.

— Это надо понимать как вызов?— спросил Ле Конт.

— Командовать буду я и только я!— громадная фигура тевтонского рыцаря воздвигалась перед всеми.

— Но, сударь, я же первым выдвинул свою кандидатуру!

— Заткнись, мозгляк!

Этого вспыльчивый француз перенести уже не смог. Он схватился было за шпагу, но тут между ними вклинился шляхтич.

— Панове, прошу внимания! Давайте устроим турнир. Каждый желающий может записаться и попробовать свои силы. Победитель и станет во главе.

К этому предложению все отнеслись благосклонно. На роль лидера претендовали трое: мушкетер, конкистадор и тевтон. Все остальные занимали нейтральную позицию. Викингу, гунну и центуриону было все равно под чьим началом сражаться. Ниндзя, индеец, сарацин и темник хранили презрительное молчание, пока претенденты на лидерство осыпали друг друга бранью. Сэр Джон, по-видимому, вообще не обратил внимания на спор и пощипывал струны лютни.

Зато поляк оказался в своей стихии. Он перебегал от претендента к претенденту, что-то им втолковывал и утрясал. В конце концов путем жребия определилась первая пара: немец и француз.

Огородили площадку в центре, обговорили условия поединка. Немец требовал биться до смерти, испанец и француз возражали. Пан Спыхальский выступил в роли третейского судьи и принял сторону большинства. Тевтон внешне согласился, но Филька заметил, как сверкнули его глаза.

Гасконец сбросил камзол, взял шпагу и принялся наносить ей уколы невидимому противнику. Гуго фон Шлиппенбах наоборот облачился в доспехи и взял тяжелый двуручный меч, оставив щит и шлем лежать на песке. Повернувшись к своему сопернику, гасконец заметно побледнел и сразу принялся протестовать:

— Но, господа, это не честно! Мое вооружение не соответствует оружию этого господина!

— Ты сам его выбирал,— вполне резонно заметил немец.— Но ты можешь отказаться от поединка и признать меня своим вожаком.

— Ни за что!— гасконец подобрал с земли кинжал, сунул его за пояс, второй взял в руку. Он был смертельно бледен, но отступать не собирался. На губах тевтона играла мрачная усмешка.

— Сходитесь!— скомандовал поляк.

Сидевшие рядом с Филькой центурион и викинг решили заключить пари на исход поединка.

— Ставлю десять сестерциев на тевтона!— азартно стукнул кулаком по песку Клавдий.— Нет, двадцать сестерциев...— он немного поразмыслил и пришел к неожиданному выводу: — Пятьдесят сестерциев на французишку!

— Против немца ему не выстоять,— викинг прищурил правый глаз, внимательно глядя на противников, кружащихся по ристалищу.— Ставлю пять гривн на немца.

Они полезли в пояса и тут же с досадой обнаружили, что денег у них нет.

— Дьявол! Выигрыш будет мой!— заметался римлянин.— Давай еще на что-нибудь поспорим, а, Эрик?

— Ну, хорошо,— викинг почесал в затылке, потом радостно улыбнулся.— Давай на щелчки? Я ставлю два щелчка на немца.

— Фу,— презрительно скорчил губы центурион.— Ладно, тогда так: два твоих щелчка против трех моих оплеух. Идет?

— Годится!

Спорщики хлопнули по рукам, Филька разнял. Каждый из них тут же принялся поддерживать своего фаворита.

— Гуго, вперед!— ревел сын Олафа.— Дай по башке этому хлипаку!

— Франсуа, ты будешь нашим вождем!— Орал центурион,— держись крепче, не поддавайся этому дубиноголовому!

Поневоле Филька тоже втянулся в их азартное боление. По правде сказать, ему был более симпатичен француз. С немцами были связаны не очень приятные воспоминания. Но он реально смотрел на вещи и видел, что французу с его легким вооружением не устоять против тяжеловооруженного тевтона.

Так оно и вышло.

Судя по всему, француз мог рассчитывать только на неповоротливость противника и два своих кинжала. Некоторое время он избегал своего противника, кружа вокруг него, пока судья не объявил ему предупреждение за пассивное ведение боя. Тогда он пошел в отчаянную атаку.

Сделав ложный выпад шпагой, он быстро вскинул руку с кинжалом. Но немец был настороже и без особого труда уклонился от брошенного в него оружия. Француз быстро выхватил из-за пояса второй кинжал, но воспользоваться им не успел. Немец решил исход поединка в свою пользу очень быстро и решительно: до сего момента он сжимал меч двумя руками, что, естественно, сковывало его движения, потом он вдруг перехватил его одной рукой, сделал выпад и достал грудь француза, едва не сбив того с ног.

Гасконец проворно отскочил назад и на секунду расслабился, опустив глаза на рану. В этот же миг немец метнул в него меч. Широкое лезвие пробило бок французу, повалив его на землю. Пан Спыхальский хотел было объявить поединок законченным, но немец быстро подбежал к поверженному противнику и нанес решающий удар кинжалом. Француз испустил дух.

С высоко поднятым мечом немец обошел круг. Разочарованный Клавдий Лукулл подставил лоб викингу. После двух щелчков у него на лбу вспухла порядочная гуля. Потирая лоб, центурион буркнул:

— Если бы я тоже поставил на немца, какой же тогда спор получился бы?

— Можно было бы поспорить, через сколько времени он его положит,— добродушно произнес викинг, любовно созерцая дело своих рук на челе римлянина.

— А если гасконец победил бы?— возразил центурион.

Филька бросил взгляд на испанца. Тот не особо стремился поднять брошенную немцем перчатку, а тевтон торжествующе ходил по кругу и громко вызывал желающего испытать доброй немецкой стали.

— Ну что, нет желающих? Тогда...— он осекся. Перчатку задумчиво вертел в руках японец.

— Проше пана,— тут же подскочил к нему пан Спыхальский.— Если я правильно понял пана, пан желает бросить вызов пану Гуго фон Шлиппенбаху?

Японец коротко кивнул и направился к своему оружию. Индеец одобрительно кивнул, сарацин чуть заметно улыбнулся.

На эту пару решили поставить почти все.

— Так, кто больше?— вопил поляк.— Так. Пять оплеух центуриона против трех щелчков викинга! Пара подзатыльников Лошадиной Головы против... Кто еще желает поставить? Проше панове, делайте ставки! Так. Пан Рватый решает поставить на ниндзя. Сколько и чего вы желаете поставить? Три тумака? Отлично! Кто еще желает? Пан Чака? Прекрасно! Что вы ставите? Два тюха?— поляк озадаченно смолк— Что-то есть?

Чака невозмутимо пояснил что-то вполголоса. Поляк полез было в затылок, потом решительно замотал головой.

— Не пойдет! Один тюх! Итак, один тюх Чаки против... О синьор Альмейда! Что вы ставите?..

— Я не привык играть на щелчки,— надменно процедил испанец.— Ставлю свою честь на тевтона.

— Проше пана?..— поляк не понял.

— Если побеждает этот,— испанец небрежно кивнул в сторону японца,— я готов признать его вождем и клянусь на кресте,— он положил руку на меч,— выполнять все его приказы. А если победит тевтон, его следующим противником буду я.

— Принято,— поляк деловито чиркал лезвием кинжала на песке, выстраивая ставки по столбикам, рисуя цифры и символы.

Общая картина была такова: за тевтона спорили центурион, гунн и испанец. Против: Филька, Чака и викинг. Пять оплеух, три подзатыльника и честь испанского идальго против двух тумаков, одного тюха и трех щелчков. Игра обещала быть интересной. Записав все ставки, поляк громогласно объявил, что ставит пять пощечин на тевтона.

Нового противника немец явно опасался. Он навешал на себя все вооружение, надел шлем, похожий на ведро с крестообразной прорезью для глаз и птичьей лапой на макушке. Невозмутимый Акиро перебрал свою амуницию... и не взял ничего!

Викинг, внимательно следивший за ним, недоуменно присвистнул. Клавдий Лукулл потирал руки, предвкушая реванш и плотоядно посматривал на широкий лоб норвежца. Фильке стало жалко невысоко коренастого невысокого японца, который обладал какой-то притягивающей силой. Про себя Рватый твердо решил, что если тевтон убьет японца — ему не жить. В открытом бою он с ним может и не справиться, но махнуть кистенем из-за куста было привычно для русского ушкуйника.

— Проше паньство!— слегка дрожащим голосом объявил поляк. — Мы начинаем решающий поединок за звание...

— Заткнись, процедил сквозь зубы испанец.

Филька ожидал вспышки, но поляк покорно умолк. Бой начался...

Японец стоял, полусогнув ноги, в пяти ярдах от тевтона. Тот очень осторожно приближался к противнику. Его тоже смутило и озадачило то, что ниндзя не взял никакого оружия. Гуго, уже видел себя во главе соединенного отряда. Вот только прикончит этого маленького нахала и все...

Тяжелый меч описал дугу над головой тевтона и рухнул на то место, где секунду назад стоял японец. Акиро ушел от удара задним сальто, исполненным в высокой амплитуде. Сторонники японца дружно вздохнули. А тот всем видом показывал, что исход поединка его ни в коей мере не интересует. Мягко, по-кошачьи, приземлившись на ноги, он застыл, выставив перед собой руки. Выдернув меч из земли, немец тяжело развернулся и неожиданно стремительно кинулся вперед. С глухим хаканьем его меч снова зарылся в песок, на этот раз еще глубже — прямо пропорционально силе и злобе Гуго фон Шлиппенбаха.

Японец же просто перетек на полметра в сторону и остановился, поджидая, пока немец, изрыгая проклятия, не вытащит меч из песка.

Снова повернувшись к Акиро, немец отбросил щит и перехватил меч обеими руками. В этот самый момент японец провел молниеносную атаку: в высоком прыжке нанес удар ногой по шлему.

Звук был такой, словно ударили по пустому ведру. Да в принципе так оно и было. Немец пошатнулся и сел на песок, по-прежнему сжимая меч. Японец тоже опустился на корточки в полуметре от противника, да еще к нему спиной. Помотав головой, немец решил предпринять тот же трюк, что с гасконцем — резко метнул меч. Но здесь этот номер не прошел: японец мягко скользнул в сторону, перекатившись по песку. Тевтон с рычанием выхватил из-за пояса боевой топор и устремился к лежащему на спине ниндзя.

Первый его удар вновь пришелся в песок. Японец стоял, заведя руки за спину, и ждал. Распаленный до крайности немец буквально бежал к нему, размахивая топором над головой. И тут-то все и случилось.

Японец что-то бросил перед собой, что вызвало целое облако ядовито-желтого дыма.

Когда дым рассеялся, японец исчез.

Ошеломленные зрители повскакивали с мест. Не менее удивленный Гуго фон Шлиппенбах растерянно опустил топор. Внезапно в метре от него вспучился песок, оттуда пулей вылетел японец и чем-то запустил в тевтона.

Топор с глухим стуком выпал из внезапно ослабевшей руки немца. Еще немного постояв, Гуго фон Шлиппенбах рухнул навзничь и остался лежать мертвой грудой. В том, что она была мертвой, не сомневался никто из присутствующих.

— О-хей!— приветственно взревел викинг и высоко подбросил топор.

Центурион метнулся к тевтону и сорвал с него шлем. Широко открытые глаза немца слепо глядели в небо. В переносице торчала странная штука, похожая на пятилучевую звезду с заостренными лучами. Звезда вошла точно в щель шлема тевтона и убила его наповал. Вопрос о вожде отпал окончательно, это стало ясно даже гордому испанскому идальго. Он первым подошел к стоящему в сторонке ниндзя и преклонил колено. Японец поднял его, раскланялся на все четыре стороны, подошел к своей амуниции и выложил в общую кучу еще три звезды и нож. Филька только рот разинул. И когда только этот дьявол успел подобрать их, ведь за ним внимательно следили несколько человек?

Унылые гунн, центурион и поляк смиренно ожидали расправы. Викинг со смаком отпустил каждому по три щелчка и довольно хохоча отправился засвидетельствовать свое почтение новому конунгу. Филька хотел вообще отказаться от выигрыша, но этому решительно воспротивился гунн. Вполсилы отвесив тумаки оконфузившимся спорщикам, Рватый подошел к японцу.

— Ну ты, Кирька, молодец! Здорово уработал этого быка. Дай пять!

Японец загадочно улыбнулся и обеими руками пожал протянутую руку.

"Не гордый", — про себя отметил Филька.— "Не погнушался поручкаться"...

Тем временем гунн и Клавдий Лукулл узнали, что такое тюха. Как оказалось, это всего лишь удар древком копья. Маленький пигмей, торжествующе поблескивая глазами, несильно отвесил по кормовой части поляку, средне двинул по спине центуриона и так врезал между глаз гунну, что у того буквально искры из глаз посыпались.

— Ты говорил, что Чака урод?— осведомился он у никак не могущего прийти в себя Кайдара.— Еще будешь говорить?

— Никогда!— искренне заверил гунн и протянул руку пигмею. Маленькая, почти детская ручонка утонула в волосатой лапе Лошадиной Головы. Оба широко улыбнулись, обнялись и пошли к бочке пива Кайдара.

— Теперь мне бы хотелось услышать мнение каждого,— донеся голос.— Вы выбрали себе вождя?

Двенадцать коротких "да" подтвердили выбор. Викинг еще поднял обе руки с зажатыми в них кружками пива.

— Отлично,— продолжал голос.— Пан Спыхальский, я знаю, что вы хотите сказать. Особей женского пола с вашей планеты у нас нет. В качестве замены могу предложить вам самку рпана с планеты Эффа. Выглядит она так,— в головах у всех одновременно появилась картина: могучая волосатая фигура ростом более трех метров, по виду напоминавшая гориллу.— Это единственная близкая вам по строению особь,— в голосе были извиняющиеся нотки, но Фильке показалось, что невидимка смеется.

Спыхальский кашлянул, щеки его запунцовели. Викинг громко расхохотался и хлопнул по спине стоявшего рядом гунна, отчего тот улетел в кусты.

— Что, Тад, хороша невеста? Бери, не пожалеешь! Представляешь, какое потомство получится!

Через мгновение вся поляна заразительно смеялась над незадачливым кавалером. Даже на невозмутимых лицах Акиро, вождя апачей и сарацина, промелькнула тень улыбки. Клавдий Лукулл тот просто катался по песку и все не мог успокоиться, представляя на одном ложе шляхтича и самку рпана. Красный, как помидор, Спыхальский стоял посреди поляны, сжимая в руке саблю, но потом махнул рукой и тоже расхохотался.

— Акиро-сан, я прошу вас подойти ближе.

Не выказав ни тени сомнения, японец подошел к центру поляны. Из воздуха материализовалось кресло, на котором лежал какой-то сверток.

— Это кресло вождя. Там вы найдете подробную карту вашего похода с указанием всех препятствий, которые могут встретиться вам на пути. Ее вы сможете смотреть только до выхода в поход — таковы правила.

Ниндзя коротко кивнул, опустился в кресло, расстелил карту на возникшем столе и жестом пригласил остальных. Вокруг стола сгрудились Большое Озеро, сэр Джон, который вышел из своей прострации перед решающим поединком, Бен-Юсуф, дон Алонсо и Джебе.

Остальные вполне полагались на их компетентность и занимались кто чем: неуемный центурион снова спорил о чем-то с Эриком, Филька учил играть в "жучка" Драго, Кайдара и пана Спыхальского. Их громкие возгласы и смех привлекли внимание спорщиков, и вскоре те присоединились к играющим.

А за столом тем временем шла разработка операции.

5. ПОДГОТОВКА

— Извилистая линия — ваш маршрут,— говорил голос.— А вот и ваша цель.— В центре карты было темное пятно.— Крепость, окруженная рвом, в которой находится то, что вы должны будете отыскать. Дол-

жен еще предупредить, что параллельно с вами пойдет еще два отряда. Вам надо постараться опередить их.

— Но что же мы тогда медлим?— воскликнул сэр Джон.— Немедленно в поход!

— Не волнуйтесь, все отряды выступят одновременно,— успокоил его голос.— Даже если подготовка займет у вас времени больше, чем у остальных, вы все равно выступите одновременно. Так что можете спокойно заниматься своим делом. Как вы видите, карта поделена на зоны. Каждую зону будет оборонять особый отряд защитников. Вам нужно будет уничтожить их или перехитрить. Все получат верховых лошадей... все, кто будет нуждаться в них,— уточнил голос.— Для остальных будет другое средство передвижения,— в голове у всех возник образ судна, сколоченного из толстых бревен с метровыми бортами и странным образом висящего в метре над землей.

— Поплывем на драккаре?— викинг оторвался от развеселой игры, чтобы уничтожить интересующий его вопрос.

— Что ж, можете называть его и так,— произнес голос.— Но об этом попозже. Сейчас я хочу послушать ваши суждения относительно операции.

— Что будет окончательной целью в крепости?— задал вопрос Джебе.

— Сейчас увидите,— снова перед ним встала картина: плоский сосуд, чем-то напоминающий котел.

— Чаша Грааля...— благоговейно прошептал сэр Джон и опустился на колени.

— Хорошее название,— усмехнулся голос.— Пусть будет Чаша Грааля. Это ваша конечная цель. Как только рука любого из вас коснется ее — игра окончена, и вы победили.

— Так просто?— усомнился Бен-Юсуф.

— Отнюдь. Не забывайте, что вам будут препятствовать не только защитники, но и два других отряда, если вы доберетесь до крепости одновременно.

К этому времени около столика столпились и все остальные.

— Пусть только попробуют!— рявкнул викинг.

— Не стоит быть столь самоуверенным,— предостерег голос.— В прошлой игре были задействованы довольно сильные бойцы. Я проиграл тогда...

— Мы победим,— впервые Филька услышал голос японца — мягкий и спокойный.

— Хочется в это верить,— произнес голос.— Теперь я оставлю вас. Если будут вопросы, обращайтесь.

Все взоры обратились к Акиро. Тот медленно и с расстановкой заговорил:

— Поскольку мы не знаем, какой именно соперник нас ожидает, мы должны держаться вместе. Наша сила в единении. Предлагаю следу-

ющий порядок движения. Сначала небольшое уточнение. Прошу поднять руки тех, кто намерен ехать верхом.

Одна за другой взметнулись вверх руки индейца, сарацина, англичанина, монгола, испанца и гунна.

— Благодарю. Итак, мы имеем шесть всадников и семь пеших воинов. Вокруг драккара нам надо будет иметь конное прикрытие, тем более, что лошади будут неуязвимы для любого оружия. Мое предложение таково: в авангарде — Чака и дон Алонсо. Замыкающий — вождь Большое Озеро. Правым флангом будут сэр Джон и Кайда, левым — Джебе и Бен-Юсуф. На самом драккаре... Есть вопрос,— ниндзя поднял голову.— Каким образом будет управляться драккар и как мы будем знать, что едем правильно?

— Смотрите,— вновь в их мозгу появилась картинка.— Это кресло рулевого, вот сам руль. На нем две кнопки: красная — стоп и черная — вперед. Прямо перед штурвалом небольшой экранчик с кругом и крестом. Крест должен быть всегда внутри круга — это определитель направления. Если вы будете вынуждены сбиться с правильного курса, чтобы вернуться к нему снова, надо так повернуть руль, чтобы крест и круг совпали. Понятно?

— Вполне. На роль рулевого я назначаю Фила, его будет прикрывать Драго. На носу драккара, рядом с рулевым, будут находиться пан Спыхальский и Эрик, корму буду стеречь с Клавдием. И есть еще вопрос... Насколько я понял, драккар будет довольно мал по размерам. Куда мы сложим продовольствие, воду и фураж для лошадей?

— Ни в чем этом вы не будете нуждаться. Так же, как и во сне. Если кто-то из вас захочет выпить что-то или закусить — пожалуйста, но потребности в этом не будет.

— Хорошо. Я удовлетворен. Теперь нам осталось только посмотреть, на что способен каждый из нас в боевой обстановке.

С этими словами он сошел со своего трона и предложил:

— Кто желает попробовать себя в поединке со мной?

Но желающих что-то не нашлось. Японец впервые широко улыбнулся и предложил еще раз:

— Только врукопашную, без оружия.

— А у тебя в одежде что-нибудь упрятано,— проворчал Клавдий Лукулл.

Японец с улыбкой разделся до пояса и поднял руки.

— Можешь меня обыскать. Если найдешь хоть что-то, я готов выполнить твое любое желание.

Клавдий хмыкнул, подошел поближе и проворно обшарил Акиро.

— Верно, ничего нет. Тогда давай, я согласен,— он тоже скинул куртку, оставшись в одних штанах.

Их поединок длился не больше десяти секунд, после чего ошеломленный римлянин остался лежащим на песке. Он вскочил на ноги и снова

бросился на своего противника. И все повторилось снова. После пятого раза центурион сдался.

— Ты слишком ловок для меня.

— Если хочешь, возьми меч,— предложил Акиро.

— Но у тебя же ничего нет,— растерянно произнес Клавдий.— Я же тебя убью.

— Попробуй. Если сможешь меня хотя бы ранить...

— На твою ответственность,— предупредил центурион и быстро оделся.

Пан Спыхальский предложил заключить ставки, но викинг пренебрежительно махнул рукой.

— Клавдию ничего не светит — это и дураку понятно.

Другие придерживались того же мнения — настолько им внушил уважение поединок с самоуверенным тевтоном. Филька оглянулся на него, но, к своему удивлению, не увидел тел француза и немца. Трупы просто исчезли.

Клавдий тем временем полностью облачился и вышел в круг. Японец ждал его, скрестив руки на груди.

— Так я тебя в последний раз предупреждаю,— произнес Клавдий.— Потом поздно будет.

Японец только загадочно улыбнулся и сам пошел в атаку, передвигаясь как-то странно — полубоком к противнику. Его руки находились на уровне лица.

— Я сделал все, что мог,— с чувством произнес Клавдий и сделал выпад мечом.

Акиро быстро отпрыгнул в сторону, потом упал на песок, перекатился через спину и подсек ноги римлянина. Тот уселся на песок. В ту же секунду японец запрыгнул ему на плечи, обвил ногами шею центуриона и опрокинул того навзничь. Клавдий захрипел, бросил свои железки и попытался освободить шею.

Филька широко раскрытыми глазами смотрел, как невозмутимо улыбающийся японец со скрещенными на груди руками одними лишь ногами поверг вооруженного противника. После этого у него еще сильнее возросло уважение и даже преклонение перед невзрачным островитянином.

Отпустив Клавдия, Акиро вскочил на ноги и снова раскланялся. Полузадушенный римлянин хрипел, стараясь восстановить дыхание. Второго партнера Акиро не нашел и предложил остальным разбиться на пары, чтобы он мог посмотреть, на что способен каждый. Сэр Джон положил руку на плечо Бен-Юсуфа.

— Когда-то я сильно не любил твое племя...

Сарацин коротко кивнул.

Чаку японец выставил против Эрика. Здоровенный викинг громко расхохотался при виде соперника, который был чуть выше его пояса.

— Да я его раздавлю как муху!

— Акиро, я могу убить его?— невозмутимо спросил Чака и тем самым вызвал новый приступ хохота у норвежца. Японец отрицательно покачал головой. Чака важно кивнул.— Хорошо, он останется жив.

Он срезал несколько веточек с растущего рядом кустарника и проверил лук. Продолжающий смеяться викинг остановил свой выбор на ноже.

— Чака спокойно ждал своего противника. Когда Эрик стал надвигаться на него, он хладнокровно поднял лук и выпустил четыре стрелы, поразив викинга в лоб, кисть руки и шею.

— Ты убит,— невозмутимо заявил он.— Мои стрелы отравлены.

Эрик только руками развел.

Фильке достался мирмиллон. Чем-то их сражение напоминало гладиаторский бой — только у Рватого была рогатина вместо трезубца и не было сети.

Фракиец оказался опытным и умелым бойцом. Более легкий на ногу, он принялся безостановочно кружить вокруг своего неповоротливого противника и отражая удары рогатины квадратным щитом. Непривычный к такому стилю ведения боя Филька быстро устал и пропустил легкий укол в грудь. Разозлившись, он сунул руку под кафтан и нащупал там кистень. Подпустив Драго поближе, он шарахнул мирмиллону кистенем по шлему. Фракиец тоже не был знаком с таким стилем боя. Так что можно было считать, что их поединок закончился вничью.

Не знающий усталости, японец нещадно гонял своих подчиненных еще довольно долго. Бои на мечах и топорах, метание дротиков, копий, ножей и топоров, стрельба из луков — все это было проделано много-много раз, пока удовлетворенный Акиро не дал знак прекратить.

— Мы готовы, учитель,— обратился он к невидимому незнакомцу. Тут же из пустоты в центре поляны появился драккар и шесть лошадей разных мастей и по-разному снаряженных.

Погрузка на борт драккара прошла без особых трудностей.

Выстроившись в боевой порядок, отряд был готов к выступлению.

— Вперед!— воскликнул сэр Джон.— За святой Чашей Грааля!

С непривычки Фильке было боязно сидеть в кресле перед рогатым рулем и маленьким экранчиком с крестом и кругом. Но ободряющий взгляд Акиро придал ему силы. Перекрестившись, он решительно взял руль за рога, нажал черную кнопку и повернул штурвал так, чтобы круг и крест совместились.

— С богом!

— С этого момента вы будете действовать самостоятельно,— выдавал последние напутствия голос.— Я не могу вам помочь ничем. И помните, постоянно помните: вы обычные, уязвимые для любого оружия существа. Ваше оружие сможет восстановиться спустя час. Для определения времени у вас будут песочные часы. Старайтесь держаться вместе. Чем больше вас доберется до крепости, тем больше у вас шансов взять чашу. Будьте постоянно начеку. Опасность может скрываться на земле и под землей, в воде и в воздухе...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. НАЧАЛО ПОХОДА

Постепенно Филька обрел уверенность и даже убрал с руля одну руку, убедившись, что держит нужный курс достаточно легко. К тому же он слышал за спиной дыхание мирмиллона и знал, что тот прикроет его в случае необходимости. Испанец, усадивший Чаку позади себя в седло, скакал метрах в пятидесяти впереди плавно плывущего над землей драккара. По бокам скакали Джебе и сэр Джон. Их Филька мог видеть. Позади слышался топот копыт арьергарда. По бокам от Фильки напряженно всматривались в расстилавшуюся прерию поляк и викинг. Бросив взгляд через плечо, Рватый увидел спокойного японца и напряженно-внимательного Клавдия.

"Да разве какая-то нечисть сможет нас взять?— удовлетворенно подумал Филька.— Да, черта с два!"

Но спокойствие широкой равнины было мнимым. И в этом они смогли убедиться уже очень скоро. А впереди лежало около пятидесяти миль пути...

2. ПЕРВЫЕ СХВАТКИ

Внезапно испанец осадил своего буланого жеребца.

— Что там, Алонсо?— зычно гаркнул Эрик.

— Большое облако пыли,— последовал ответ.— Чака пошел посмотреть.

— Почему отпустил одного?

— Попробуй сам его удержать...

Оставалось только дожидаться разведчика. А пока все приготовили оружие и остановили драккар. Вскоре испанец прискакал вместе с пигмеем.

— Кто там, Чака?

— Его дружки,— ехидно улыбнувшись, Чака показал пальцем на поляка. Тот обиделся.

— Нет у меня здесь никаких дружков!

— Но ты же чуть не стал их родственником...

— Рпаны!— дошло до Эрика.

— Точно,— кивнул пигмей.— И много.

— Сколько?

— Три раза по столько,— пигмей показал растопыренные ладошки.

— А-а, ерунда,— сразу успокоился викинг.

— Джебе, Озеро, Юсуф, Кайдар— вперед,— скомандовал Акиро.— Попробуйте их стрелами.

— У нас всего по двадцать штук,— предупредил сарацин.— Может не хватить, если они будут чересчур живучими.

— Они не должны быть особенно проворными. Попробуйте маневрировать на лошадях, не сближаясь. Как только расстреляете стрелы — немедленно назад, посмотрим, что еще можно будет сделать.

В центре драккара стояла высокая мачта с огороженной площадкой на верхушке для впередсмотрящего. Акиро послал туда пигмея, чтобы тот рассказал, что увидит.

Четыре всадника остановились в пятидесяти метрах от мохнатых монстров и принялись осыпать их стрелами. Рпаны были вооружены тяжелыми дубинами и копьями, но расстояние было слишком велико для броска.

— Бейте по глазам!— крикнул сарацин.

Выстроившись в линию, лучники начали стрелять более прицельно. Отчаянный рев был свидетельством того, что решение было правильным. Упали сначала два рпана, потом еще три. Первым расстрелял все стрелы индеец. Подняв коня на дыбы, он с гиканьем понесся к неровной линии рпанов, размахивая томагавком. Его голова находилась примерно на уровне плеча мохнатого гиганта. Но апач сидел на лошади, а рпан стоял на земле.

— Куда?— заорал викинг.— Назад!

Но тут же к индейцу присоединились остальные. Сарацин несся молча, размахивая двумя мечами и держа поводья в зубах.

Темник что-то гортанно кричал, в его руках было копье. Лошадиная Голова прикрылся щитом, зажав в правой руке меч.

— Акиро, надо идти им на помощь!— повернулся к японцу викинг.

— Они справятся,— спокойно ответил ниндзя, не сводя глаз с места схватки.

Первым вступил в бой апач. Ловко уклонившись от выпада огромного копья, он нырнул под живот лошади и оттуда метнул томагавк. Гигант зашатался и упал. Оставшиеся в драккаре издали торжествующий вопль, но радоваться было еще рано. Бревноподобная дубина опустилась на спину лошади Большого Озера, переломив ее как тростинку. Но вождь показал себя безумно храбрым воином. За секунду до того, как упала лошадь, он был уже на земле.

Подпрыгнув, он вцепился в шерсть ближайшего рпана и полез по нему, как по дереву, держа в руках нож. Чудовище, видимо, не обратило внимания на незваного наездника, сосредоточив свое внимание на кружащихся вокруг всадниках.

Джебе ясно видел замысел вождя и даже успел крикнуть ему:

— Постарайся, чтобы он тебя не придавил! Юсуф, прикроешь нас!

Сарацин бешено рубился обеими руками, уклоняясь от мелькавших в воздухе копий и дубин. Гунн внезапно развернул коня и бросился наутек. За ним тут же кинулись три рпана.

— Трус!— процедил сквозь зубы дон Алонсо.

— Тактик,— лаконично опроверг его Акиро.

И действительно — сила рпанов также была в их единении. С тремя противниками Кайдар управился буквально в считанные минуты. Резко развернув коня, он пронзил копьем первого рпана, успел отскочить в сторону от падающего тела, гортанным возгласом уложил коня на землю, спасаясь от летевшего копья, тут же поднялся и отсек руку с дубиной второго лохматого монстра. Третий на мгновение заколебался, и это стоило ему жизни: ураганом налетевший всадник пронзил ему горло мечом.

Не оглядываясь на поверженных противников, Кайдар поскакал обратно к месту схватки. Там темник спасался бегством от пяти разъяренных рпанов. У него за спиной, лицом к преследователям сидел Большое Озеро с саблей.

Кайдар напал на преследователей с тыла. Подрезав одному сухожилия на ногах мечом, оставил оружие в черепе другого и был вынужден спасаться бегством, будучи практически безоружным. Вокруг сарацина уже громоздился целый бастион мохнатых тел. Противники никак не могли справиться с ловким, проворным и бесстрашным врагом, хотя у него была всего лишь одна сабля — другая сломалась.

Подскакивавший на месте от возбуждения викинг снова повернулся к японцу.

— Он ведь там один остался, Акиро!

— Тебе нужна лошадь, а у нас ее нет.

— Да я и так...

— Пешком ты не пойдешь, драккаром мы рисковать не можем, через час будет лошадь...

— Сколько времени прошло?

Японец молча указал на часы — прошло примерно двадцать минут. Викинг яростно сплюнул и замолчал.

Без приказа с места сорвался испанец. Он на ходу взводил арбалет, за его спиной притаился пигмей.

Темник с индейцем уже почти превратились в точку на горизонте, пять мохнатых фигур неумолимо гнались за ними.

— Да сколько же их там осталось?— выдохнул римлянин.

— Двенадцать,— невозмутимо ответил ниндзя.

— Пять на Джебе с Озером, семеро против Юсуфа,— мгновенно подсчитал сэр Джон.— Мой командир, позвольте мне выступить.

— Нет, это не ваша битва, сэр.

— Но они погибнут!

— Значит, так будет нужно...

— Смотрите, Алонсо!

Испанец на полном скаку осадил коня и выстрелил из арбалета. Из-за его спины появилось личико пигмея, пока дон Алонсо перезаряжал арбалет, Чака выпустил с полдюжины стрел в ближайшего рпана. Колоссальная мохнатая фигура бешено заревела и грохнулась на землю, корчась в судорогах.

— Вот это да...— протянул озадаченный викинг.

Тем временем сарацин сразил еще двух противников, но потерял второй меч. Развернув коня, он с седла метнул два кинжала, метясь в глаза ближайшего рпана. Ослепленное чудовище выпустило из рук дубину и упало на колени. Его напарник метнул копье и смог сбить сарацина с лошади.

Тут же откуда ни возьмись появился Кайдар и подхватил в седло Юсуфа, который, тем не менее, успел запустить щитом в ближайшего рпана и сбить того с ног.

Дон Алонсо выхватил шалаш и устремился к мохнатому чудовищу.

— Час!— громко произнес Акиро.

Гунн с радостным воплем потряс луком и принялся расстреливать преследовавших его рпанов. Двое упали сразу, один захромал и остановился. А когда за дело взялся и сарацин, оставшиеся рпаны обратились в бегство.

Еше через полчаса все было кончено. Разгоряченные схваткой воины собрались у драккера.

— Если и остальные противники будут такими...— пренебрежительно промолвил испанец, вытирая платком палаш.

— Только их неповоротливость спасла вас,— не согласился с ним японец.— Неизвестно, что ожидает нас в дальнейшем.

Викинг облапил своего приятеля-гунна и расспрашивал, что произошло, когда они с темником и Большим Озером удирали от пятерых рпанов.

— Скакали по кругу, пока у нас снова не появились стрелы, потом все было просто. Да еще и лошадка прискакала.

Снова выстроившись в боевой порядок, путешественники продолжили свой путь.

3. НЕЛЕПАЯ СМЕРТЬ

Довольно долго возбужденные лица обсуждали подробности первой схватки. В конце концов все сошлись во мнении, что могло быть и хуже, окажись рпаны более защищенными от стрел и мечей.

— Не расслабляться!— предупредил всех японец.-Чака, ты с доном Алонсо снова впереди. Будьте внимательны и осторожны!

Поляка он загнал на мачту. Тот ворча полез по ступенькам.

Следующее нападение не заставило себя ждать. И последовало оно с воздуха.

Совершенно бесшумно на драккар с ясного неба спикировало несколько птиц, похожих на больших орлов. Летели они с большой высоты со стороны солнца и были почти незаметны.

Поляка спасло только чудо. Он наклонился вниз, желая что-то сказать японцу, и в этот самый момент на него упала птица. Ее мощный клюв разбил одну из стенок гнезда и зацепил пана Спыхальского. Тот с воплем полетел вниз. Все тут же задрали головы вверх и наконец заметили опасность.

Первым отреагировал Клавдий Лукулл. Один из его дротиков пронзил крыло птице. Та с клекотом упала на палубу драккара, где ее немедленно обезглавил викинг. Метнуть второй дротик центурион не успел: вторая птица поразила его в голову. Ее тут же уложил японец, но было поздно — римлянин уже испустил дух. Остальных птиц перебили подоспевшие лучники. Их было не особо много — с дюжину.

Остановив драккар, небольшой отряд стоял вокруг тела центуриона. Огромный викинг не скрывал своих слез.

— Его надо похоронить по христианскому обычаю,— тихо произнес сэр Джон.

— Бедный Клавдий,— гунн стащил с головы шлем и ударил им об землю.— Черт бы побрал этих птиц! Погибнуть так нелепо! Это ты виноват!— он ткнул пальцем в стонущего поляка.

— Не стоит искать виновных там, где их нет,— негромко произнес Акиро.— Даже я не видел их.

— Я вырою ему шикарную могилу,— произнес викинг.

— У нас нет времени,— не согласился японец, но викинг упрямо набычился:

— Тогда я буду с тобой драться. Я не могу позволить, чтобы тело Клавдия досталось пожирателям падали.

Их спор разрешился самым неожиданным образом. Лежащий на песке центурион вдруг потерял свои очертания и стал таять, пока не исчез совсем.

— Будем надеяться, что он уже в Валгалле,— викинг вознес руки к небу и стал молится Одину.

4. МЕСТЬ ВИКИНГА

— Тридцать лучших рпанов пали от рук пяти всадников,— уттар был слегка расстроен.— Хочу поздравить вас, Харл. Вы сделали неплохой выбор, жаль, что я не додумался привлечь бойцов с Земли. Но все еще впереди. Я посмотрю, как они управятся с ферритами.

— Так же, как и с рпанами,— ответил Харл, но на душе у него было тревожно. Против ферритов не мог выстоять никто. На прошлой Игре они были в числе последних защитников крепости и сыграли важную роль в конечной победе уттара.

* * *

Земляне ничего не знали о ферритах. Их повозка передвигалась со скоростью рысящей лошади, всадники охранения кружились вокруг. Испанец с пигмеем были далеко впереди, хотя Акиро просил их не удаляться слишком далеко.

На горизонте показалась полоска то ли леса, то ли гор. Их маршрут лежал прямо туда, но на равнинных просторах их поджидали опасности.

Драккар плавно плыл над поверхностью земли, управляемый Филькой. Он уже совсем освоился с управлением и делал это даже с некоторой лихостью. Мирмиллон с завистью смотрел на него и даже попросил немного порулить. Филька солидно отвел его притязания, отправив фракийца к Акиро.

— Он разрешит — тогда пожалуйста. Фракиец только махнул рукой и снова принялся вглядываться в пустынный горизонт. Первым заметил опасность поляк с "вороньего гнезда".

— За Алонсо кто-то гонится!

— Сколько их?

— Отсюда плохо видно. По-моему, штук восемь.

— Ого! А что за штуки?

— Сейчас... Что-то похожее на крупных волков.

Люди не знали, что это были мутировавшие собаки с одной из планет системы Гончих Псов. Теперь они представляли собой крупного клыкастого зверя высотой в холке около метра. На своей родине они носили название йоллк.

— Немудрено, что испанец драпает,— проворчал викинг,— Акиро, они мои.

— Помощь?

— Только когда позову.

— Всем всадникам собраться возле драккара,— отдал приказ японец.

Вскоре стал виден несущийся что было духу конь испанца, у него на пятках висело два йоллка. Чака хладнокровно расстреливал их из лука, но стрелы не причиняли им видимого вреда.

Викинг тем временем облачился в боевые доспехи. Круглый щит, рогатый шлем, боевой топор...

По знаку Акиро Филька остановил драккар, чтобы подобрать испанца и дать сойти Эрику.

При виде нового противника йоллки сменили направление атаки. Отведя щитом морду вожака в сторону, викинг перерубил его надвое топором. Остальные налетели на него стаей. Человек и йоллки смешались в кровавый клубок.

Некоторое время ничего не было видно из-за поднявшейся пыли... Только слышалось взрыкивание зверей и свист оружия человека.

Когда пыль осела, взорам экипажа драккара предстала следующая картина: забрызганный кровью с ног до головы Эрик и гора тел вокруг. Оставшиеся восемь йоллков кружили около викинга, пытаясь нащупать слабое место.

Когда одному показалось, что он нашел такое, пущенный меткой рукой нож пригвоздил лапу йоллка к земле. На это ушло буквально несколько секунд, но и их хватило трем другим зверям для атаки. Первый был рассечен в воздухе, остальные два повисли на руке с топором. Изрыгая проклятия, викинг выронил оружие и принялся работать левой рукой. Его чугунный кулак дважды опустился на головы зверей, и еще два тела легли к его ногам. Оставшиеся четверо накинулись все сразу.

Лишенный оружия Эрик сам был похож на дикого зверя. Он катался по земле, погребенный под телами йоллков, душил их, бил о землю, грыз зубами. Яростная схватка продолжалась не более пяти минут. После чего викинг поднялся, окровавленный, но торжествующий. Последний раненый йоллк, поскуливая отползал в сторону. Викинг догнал его, поднял за хвост и три раза ударил о землю, потом срезал этот хвост подобранным ножом и заткнул за пояс.

— Это вам за Клавдия!— прогрохотал викинг, подняв к небу голову и потрясая кулаками.

5. КЕНТАВРЫ

Полоска на горизонте оказалась лесом. До него оставалось около двух миль. Но и этого хватило, чтобы подвергнуться еще одной атаке.

Теперь атака последовала с тыла — сигнал об опасности подал вождь апачей.

Акиро тут же перегруппировал свою кавалерию, оставив впереди только сэра Джона. Индеец, монгол, гунн, сарацин и испанец выстроились в линию с луками наготове.

Когда противник приблизился, фракиец ошеломленно пробормотал:

— Кентавры!

Да, это были кентавры, вооруженные луками, копьями и короткими дубинками. Они летели, вытянувшись в линию. Поляк вслух пересчитал их. Кентавров было двадцать восемь.

Индеец что-то негромко скомандовал и навстречу лаве атакующих полетели стрелы. Когда колчаны опустели, к драккару продолжали нестись всего десять кентавров. Пятерка всадников рванулась им навстречу, сохраняя видимость боевого порядка.

Кентавры были знакомы с тактикой ведения конного боя — они развернулись в дугу, охватывая с флангов своих противников.

— Сэр Джон,— быстро произнес японец,— я полагаюсь на ваш боевой опыт. Вы выступите только тогда, когда это будет действительно необходимо.

Рыцарь молча склонил голову.

Большое Озеро был вооружен хуже остальных. Все его оружие было метательное. Он снес одному противнику полголовы томагавком, но второй с копьем наперевес едва не ссадил его с лошади, только кошачья изворотливость индейца спасла его.

На всех остальных землян также пришлось по два противника.

Никогда ранее никто из воинов не сражался с кентаврами, им нужно было время, чтобы приспособиться.

Внимание людей в драккаре было отвлечено схваткой конников, но ниндзя все же был настороже. Филька краем глаза заметил, как сверкнул меч в руке японца, и какое-то существо с визгом полетело прочь. В то же мгновение Филька увидел когтистые лапы, цепляющиеся за борт драккара.

Из узких земляных нор покатилась лавина крупных крысоподобных тварей. Метр пространства и метр бортов драккара они преодолевали одним прыжком и пытались вскарабкаться на палубу.

Теперь были заняты все. Нападающих тварей было настолько много, что не оставалось ни минуты передышки. Рогатина была бесполезна, с топором получалось неловко, оставался нож, которым Филька рубил появляющиеся в поле зрения лапы, но на их месте тут же появлялись новые и новые. Шестеро землян вовсю орудовали мечами, но остановить нашествие верпов пока не могли. Вскоре первые верпы очутились на палубе драккара, и людям пришлось биться не только с внешним врагом. Здоровенный викинг просто топтал их ногами, не обращая внимания на многочисленные укусы, а вот Фильке с его лаптями и босому пигмею пришлось туго. В конце концов Акиро приказал пигмею залезть на мачту и стрелять оттуда, пока ему не отгрызли ноги. Сам он чувствовал себя превосходно, действуя своим многочисленным арсеналом. Он колол но-

жом, рубил мечом, бросал всевозможные метательные снаряды, одновременно топча ногами метавшихся под ногами гадов.

— Джеба упал с коня!— послышался отчаянный крик Чаки.— Юсуф пытается его подобрать...— тут горестный вопль вырвался из губ пигмея.

Суровый сэр Джон опустил забрало и дал шпоры своему рысаку.

Филька чувствовал, как по ногам струится кровь из многочисленных порезов и укусов. Он давно уже колол левой рукой, в правой был зажат топор, чтобы хоть как-то защитить лицо, так как эти твари были чрезвычайно прыгучи. Одна не смогла допрыгнуть до его лица, но вцепилась когтями в одежду и почти подобралась к горлу. Чака снял ее снайперским выстрелом прямо с мачты. Фильке было некогда, спасибо ему сказать.

— Господи!— выдохнул он.— Да кончатся они когда-нибудь?!

— Держись, Фил!— крикнул мирмиллон. Ему было немного полегче в поножах и наколенниках. Расшвыряв ногами наседавших верпов, Драго пробился к Фильке и в два счета расчистил площадь под его ногами.

Появление сэра Джона, закованного в железо, привело кентавров в смятение. Они добились временного успеха сразив темника и сарацина. Оставшиеся пятеро теснили индейца, вооруженного лишь арканом, испанца, забрызганного кровью по самые уши и прикрывавшего их гунна. Подобно урагану налетел на них рыцарь Круглого Стола. Оставив копье в груди первого кентавра, он выхватил огромный меч и тут же снес голову второму. Третий попытался переключиться на нового противника, но индеец успел набросить лассо на передние ноги кентавра. Тот потерял равновесие и стал легкой добычей гунна. Оставшиеся двое пустились наутек, но далеко не ушли. На свежем коне первого догнал сэр Джон, второй пал от стрелы индейца — минул час со времени начала боя. Покончив с кентаврами, конники поспешили на помощь людям в драккаре. Стрелы их луков уничтожили остатки воинства верпов.

Сэр Джон остался возле Джебе и Юсуфа. Соскочив с драккара, остальные поспешили к нему.

Джебе лежал лицом вниз, у него была сломана шея. Сарацин был еще жив, но в плохом состоянии: в нем торчало три стрелы, правая рука была сломана ударом дубины.

— Они навалились на него впятером,— рассказал Кайдар о смерти темника.— Мы не могли ничего сделать — на каждом висело по одному дьяволу. Юсуф управился со своим быстрее остальных и поспешил на помощь Джебе, но поздно... Когда он попытался поднять его на седло, попал под залп лучников, потом они топтали его уже лежащего.

Викинг склонился над лежащим сарацином. Тот тяжело дышал, в горле булькала кровь.

— Я уже не жилец,— прохрипел он.— Вам нужно оставить меня здесь.

— С нами поедешь,— уверенно заявил викинг.

— Я буду только обузой...

— Подлечим.

— Нет,— сарацин глубоко вздохнул и, прежде чем кто-либо успел ему помешать, чиркнул кинжалом себе по горлу.

Его сильное тело выгнулось дугой и опало.

— Умер...— выдохнул викинг.

— Он был настоящим воином,— тихо промолвил Акиро.

Им не пришлось долго ждать исчезновения тел. После минуты молчания экипаж драккара был готов к продолжению похода, но теперь всадников стало на два меньше.

6. НОВЫЕ ПОТЕРИ

Пора было двигаться. На горизонте показалась полоска леса. Стоявший на мачте Чака крикнул сверху, что перед лесом небольшая полоска песка, примерно ярдов пятнадцати шириной.

— Мы с Алонсо проверим, нет ли там чего опасного,— проворно спустившийся с мачты пигмей занял место позади испанца.

Теперь по бокам драккара ехали только гунн и сэр Джон. Индеец замыкал кавалькаду. Филька остановил драккар прямо перед песчаной полосой и обернулся к японцу, ожидая указаний. Тот молча смотрел, как конь испанца рысью выезжаст на песок...

Ровная гладь песка изредка нарушалась небольшими воронкообразными углублениями. Когда в одно из таких углублений попали копыта коня, песок неожиданно разверзся и ровная поверхность превратилась в чудовищную зубастую пасть футов десяти в поперечнике. Дон Алонсо даже не успел вытащить палаш и вместе с конем исчез из виду. Чака оказался проворнее. Он успел соскочить с седла и пулей вылетел на край песчаной воронки. Люди в драккаре вздохнули было с облегчением, но тут из ямы выскользнуло поросшее мелкими волосками щупальце, обхватило пигмея за пояс и утянуло внутрь.

Эхо еще долго разносило животный крик Чаки.

— Все на борт!— скомандовал японец, не успевший прийти в себя от потрясения конникам.

Быстро разместившись на борту драккара отряд, ставший еще на два бойца меньше, приготовился было к движению, но тут Эрик внезапно соскочил с корабля и побежал куда-то в сторону.

— Стой!— заорал ему Кайдар.— Ты куда?

— Не обратив внимания на его слова, викинг подскочил к большому валуну, лежащему на краю песчаного поля-ловушки, обхватил его руками, поднатужился, оторвал от земли и понес к драккару, пошатываясь от напряжения.

— Зачем тебе этот камень?— слегка удивился Большое Озеро, бросившийся было прикрывать викинга.

— Узнаешь,— пропыхтел Эрик, взгромождая камень на борт.

Когда наконец-то все расселись, японец дал команду двигаться.

— Фил, остановишь у той ямки, где парни остались,— процедил сквозь зубы норвежец, устраивая камень на борту.

Филька коротко кивнул. Он запомнил, какая именно воронка поглотила испанца.

Остановившись прямо над ней, Филька оставил руль, подошел к Эрику и вместе с ним ухнул валун в пасть невидимому страшилищу. Едва валун коснулся песка, как в небо взвились ищущие щупальца. Эрик довольно крякнул.

— Засуетились, гады,— злорадно пробормотал Филька, усаживаясь за руль и нажимая кнопку.

Видимо, чудовища каким-то образом общались между собой, так как из-под земли вырос целый лес щупалец.

— Не надо было этого делать,— негромко сказал Акиро.

— Есть хорошая идея,— прищелкнул пальцами Кайдар.

— Говори.

— Раз Голос утверждал, что лошадям ничего не сделается, давай их спустим с борта. Пусть эти милашки пока ими займутся. А мы тем временем сможем удрать.

— Голова!— широко ухмыльнулся Эрик и хлопнул гунна по плечу. Тот потерял равновесие, замахал руками и стал вываливаться за борт, прямо в объятия очередной ямы-ловушки. Железная рука сэра Джона перехватила его на лету и усадила на место.

Фракиец и Большое Озеро уже выгоняли лошадей. Закованный в железо конь сэра Джона моментально провалился в одну из ям и с жалобным ржанием исчез из виду. Лошадка вождя понеслась галопом, перепрыгивая через щупальца, следом неслась лошадь Кайдера.

Мысль гунна была гениальной, щупальца тотчас же сосредоточились на убегавших животных, оставив в покое плывущий над ними драккар.

Остаток пути над песком прошел без приключений.

* * *

Уттар стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— Это просто дьяволы! Они смогли пройти краннов, потеряв только двух человек! Шесть зон позади, а потери минимальны. Харл, если ваши люди победят, я опротестую это.

— А на каком, собственно, основании?— хладнокровно заметил кварр, не сводя глаз с огромного стереоэкрана, на котором его воинство совещалось перед въездом в лес.— Они нарушили какие-то правила?

— Никому не удавалось пройти так много с такими малыми потерями!

— И вы считаете это недостатком?— кротко спросил Харл.

Уттар не нашелся, что ответить.

7. ЛЕС

— Как же мы будем без лошадей?— задал вопрос рыцарь Круглого Стола.

— В лесу они нам не понадобятся,— задумчиво ответил японец,— а когда мы минуем его, наши лошади объявятся.

Он расставил бойцов по всему драккару. Филька стоял у руля. Править он был должен по своему усмотрению. Если на каком-то отрезке пути придется уклониться от правильного маршрута, он должен сделать это, а потом вернуться обратно. Мирмиллон прикрывал его с тыла, Эрик и сэр Джон с боков.

Временно лишенные лошадей гунн и индеец занимали место с луками в центре драккара, поляк переместился на корму.

— Оружие держать наготове. Каждый смотрит в свою сторону, но должен быть готовым подстраховать товарища. Фил, вперед!

Филька подвел драккар вплотную к опушке, перекрестился, вытер пот рукавом и осторожно въехал под первые деревья.

Просветы между деревьями были достаточны для проезда драккара, но с азимута пришлось уйти сразу же — дорога была извилистая. Люди пристально вглядывались в окружающий пейзаж, готовые пустить в ход оружие без промедления.

— Еще раз напоминаю, Фил: без моего приказа не останавливаться,— предупредил Акиро.— Вперед и только вперед. Забудь обо всем, кроме руля. Тебя прикроют.

Филька кивнул, судорожно сжимая потными руками руль и напряженно глядя вперед.

— Не робей, пробьемся,— прогудел Эрик. Он воткнул меч в палубу перед собой и помахивал топором.

Вскоре позади них сомкнулись ряды деревьев. Лес окружал их со всех сторон. В его молчании было что-то зловещее.

— Может, пронесет?— предположил вполголоса Кайдар. Эрик открыл было рот, но ответить не успел.

Прямо по курсу возникла ужасающая рожа с оскаленной клыкастой пастью. Недолго думая, викинг махнул топором, и рожа исчезла с яростным воплем. Это послужило сигналом к атаке со всех четырех сторон: с воздуха, с боков и снизу.

Пронзительно визжа с веток посыпались твари, похожие на летающих собак, только в руке у каждой был нож. Прямо из стволов деревьев к драккару потянулись отростки с когтями на конце. Снизу полезли какие-то мохнатые звери, помесь крота с крокодилом, размером с собаку. Впереди появились те же оскаленные рожи.

Спустя пять минут над драккаром стоял кромешный ад. Филька вжался в сиденье и не видел ничего перед собой, кроме руля и растущих

деревьев. По бокам свистело оружие рыцаря и викинга, яростно ругался фракиец, отражая атаки невидимого противника. Слышались команды японца, боевой клич апача, рычание гунна.

Одна из тварей смогла прорваться сквозь заслон и упала Фильке на шапку. Он дернулся было, но услышал суровый оклик японца:

— Фил, не отвлекайся!

И тут же словно порыв ветра пронесся над Филькиной головой, викинг смахнул тварь топором, сбив шапку Рватого.

После этого Филька стиснул зубы и полностью сосредоточился на управлении, не обращая внимания больше ни на что.

Весь лес, казалось, пришел в возбужденное состояние. К драккару подтягивались новые и новые отряды нападающих.

Продвижение вперед было затруднено плотно стоящими деревьями и извилистой тропой. Атака следовала за атакой.

Крылатых тварей, почти полностью павших под стрелами землян, сменили слизни величиной с голову человека, падавшие на драккар с низко нависающих ветвей.

— Они ядовиты!— предостерегающе крикнул японец Кайдару, который вознамерился выкинуть слизня за борт голой рукой. Лошадиная Голова кивнул, подцепил студенистый комок копьем и швырнул прямо в пасть перелезающего через борт ужасающего монстра, состоящего, казалось, из одних клыков и когтей.

Чудовище клацнуло челюстями, потом бешено заревело и осталось лежать на дне драккара недвижимое.

— Подзакусил...— пробормотал пан Тадеуш, нанизывая на саблю уже третьего слизня.— Панове, шашлыка никто не желает?

Японец как молния метался по корме, отражая атаки летающих змей. Твари прыгали с земли и с веток деревьев, издавая пронзительный свист перед атакой. Меч в руках Акиро сверкал, под его ногами уже громоздилась гора обезглавленных и разрубленных надвое трупов.

Отбиваясь от наседающего противника, японец успевал еще и товарищам помогать. Дважды его звезды сбивали готовых к прыжку тварей, которых не заметили мирмиллон и гунн.

Эрик и сэр Джон сражались с чем-то, похожим на сухопутного осьминога. Чудовище взобралось на нос драккара, вцепилось в него тремя ногами из шести, остальными тремя пыталось зацепить кого-нибудь из людей.

Топор викинга был абсолютно бесполезен против аморфной массы. С проклятием вырвав его в очередной раз из туловища монстра, викинг отбросил оружие в сторону и заорал:

— Акира, эта тварь слезать не хочет! Что делать?

— Думай!— ответил японец, даже не обернувшись, занятый своими проблемами.

— Вот и все,— расстроенно заметил викинг, пинком вышвырнул за борт ежеподобную тварь и уставился на шестинога, который почти взоб-

рался на борт драккара, несмотря на все усилия сэра Джона.— Что же с тобой сделать?! А!— он хлопнул себя по лбу.— А как ты отнесешься к огоньку?

Сотворив из воздуха кремень, он зажег пучок пакли и бросил на щупальце шестинога. Через мгновение от страшилища осталась горсточка пепла.

— Хей-о!— заорал викинг и сморщился от боли. Еще один ежеподобный вцепился ему в ногу. Растоптав зверя, Эрик снова взялся за топор.

Отчаянно закричал мирмиллон: одно из древесных щупалец обхватило его за пояс. И опять на помощь пришел Акиро. Почти не целясь он запустил в отросток чем-то из своего арсенала, похожим на серп с длинной ручкой. Отросток с треском развалился, остатки фракиец с трудом отодрал от себя и снова подобрал меч.

Большое Озеро сжимал в одной руке томагавк, в другой нож и добивал прорвавшихся к мачте тварей, которые ухитрялись миновать японца и поляка.

Филька глянул на часы. Песок в верхней колбе пересыпался едва на треть. Неужели прошло всего около двадцати минут? Ему казалось, что они сражаются уже вечность.

Нападавшие непрерывно менялись, теряя почти всех своих солдат. Людям постоянно приходилось приспосабливаться к повадкам новых тварей.

Гигантских богомолов сменили псевдокошки с мощными клыками, когда пала последняя, им на смену пришли лягушки, отличающиеся от обычных размерами, клыкастой пастью и почти человеческими руками, сжимающими дубинки.

Стрел уже давно не было ни у кого, копья были практически бесполезны. Эрик сломал ручку топора и орудовал мечом, держа кинжал в зубах. Сэр Джон гордо стоял на носу, сжимая обеими руками меч.

Прямо из-под земли выросла огромная тень и попыталась задержать движение драккара, навалившись всей массой. Лишь объединенные усилия викинга и рыцаря помогли очистить дорогу.

— Еще немного продержитесь!— крикнул Филька, в очередной раз посмотрев на часы.— Песка осталось мало!

Мирмиллон поскользнулся на размазанном слизняке и упал. Этим моментально воспользовалась какая-то тварь, вцепившаяся в спину Фильке. От дикой боли он закричал, но руль не бросил.

— Драго, черт бы тебя подрал!— рявкнул викинг.— Держи ему спину! Больше от тебя ничего не требуется!

Филька почувствовал облегчение. Острые клыки разжались. Он не видел, кто убил противника, но все равно выкрикнул:

— Спасибо, ребята!

— Знай рули!— отозвался гунн.— Остальное тебя не должно касаться.

Радостный вопль индейца показал, что время вышло. Снова в воздухе запели стрелы. И как раз вовремя. С веток плавно планировали похожие на опавшие листья зубастые твари. Их пасти достигали пол-ярда в диаметре.

Колчаны Большого Озера и Кайдара опустели в пять минут, но ни одна летающая тварь не смогла приземлиться на драккар.

Пристально, до боли в глазах, всматривавшийся в деревья впереди Филька увидел просвет. Это могла быть просто поляна, но мог быть и конец леса, о чем он немедленно проинформировал остальных.

— Слава Одину!— отозвался викинг.— У меня уже руки отваливаются.

Натиск врага немного ослабел. Теперь уже не стаи, а отдельные существа пытались прорваться внутрь защитного кольца мечей.

Действительно, лес кончался, но на его пороге поджидал арьергард противника: три огромных мохнатых паука, каждый размером с драккар.

Деревья им только мешали, они стояли на опушке, переминаясь с лапы на лапу и разинув хищные клыкастые пасти.

Филька продолжал править, пока его не остановил оклик японца:

— Стой!

— Это моя битва,— величественно произнес сэр Джон.— А вот и мой Ганнибал.

Действительно, из леса появились лошади. Впереди несся Ганнибал сэра Джона.

Англичанин сошел с драккара, взгромоздился на коня, выставил вперед пятиметровое копье и с возгласом:— "С нами Святой Георг и король Артур!"— понесся в атаку.

Ближайший к нему паук широко раскрыл пасть и издал еле слышный свистящий звук. Переставив две передние ноги, он оказался сразу на пять ярдов ближе к мчавшемуся всаднику.

Копье вошло в пасть паука почти на всю длину. Страшные челюсти с лязгом захлопнулись, обломив древко копья. Бросив ненужный обломок, сэр Джон выхватил меч, но ударить не успел. Страшные мохнатые лапы подогнулись, и чудовище с шумом плюхнулось на брюхо. Еще пару раз конвульсивно дернулись передние лапы, потом все было кончено.

Судя по всему, пауки атаковали лишь поодиночке. Второе страшилище выдвинулось вперед, высоко поднявшись на лапах и разинув чудовищную пасть.

Сэр Джон понесся прямо на него, размахивая мечом. Мохнатое туловище было примерно на полголовы выше кончика ушей Ганнибала.

— Интересно, что он собрался делать?— пробормотал Кайдар, уже готовый прийти на помощь рыцарю, если того потребует обстановка.

Но все было очень просто. Сэр Джон низко пригнул голову к шее лошади и высоко поднял меч.

Острое лезвие вспороло брюхо паука словно консервную банку. Оттуда высыпались мерзкого вида внутренности. Чудовище зашипело,

сделало еще пару неверных шагов и так же грузно рухнуло на землю, как и его собрат.

Англичанин издал торжествующий крик, подняв над головой окровавленное лезвие меча. Теперь перед ним остался лишь один противник.

Третий паук согнул мохнатые лапы так, что его голова находилась в паре метров над землей. Он, видимо, сообразил какими-то зачатками разума и решил не повторять ошибки павших соплеменников.

Передвигался он чрезвычайно быстро и проворно. Но на поляне было достаточно места для маневра. Сэр Джон кружил вокруг страшилища, пытаясь нащупать уязвимое место. Но такого пока не было. Всюду рыцаря встречала оскаленная пасть, полная огромных клыков.

— Все. Я пошел,— решительно заявил гунн.

— Погоди,— остановил его Акиро.— Я скажу, когда надо будет...

Сэр Джон остановился прямо напротив паука, перехватил меч левой рукой и взял в правую топор.

Тут паук, проявив неожиданную прыть, с выставленными двумя передними лапами, рванулся к рыцарю и попытался схватить лошадь сэра Джона. Ганнибал шарахнулся в сторону, уклоняясь от смертельных объятий, а его седок метнул топор, метясь в голову страшилища. Паук также резко затормозил, и оружие пролетело мимо. Вторым движением инопланетный монстр зацепил Ганнибала и свалил его на землю.

Сэр Джон успел соскочить и нанес удар мечом. Сустав членистой лапы паука отделился и остался лежать на земле, судорожно подергиваясь. Паук поджал раненую лапу, из которой текла клейкая маслянистая жидкость, неожиданно встал на пару задних лап и нанес удар головой.

Клацнули страшные челюсти, и половина лезвия меча осталась в пасти.

— Как соломинку!— ахнул Филька.

— Вперед!— скомандовал Акиро гунну, но тот уже и так несся вперед с копьем наперевес.

Паук заметил нового противника, даже повернул голову в его сторону, но все же решил добить беспомощного врага, стоявшего перед ним.

Сэр Джон выпустил обломок меча и закрылся щитом, нащупывая кинжал. Но всем было ясно, что это слишком слабая защита против мощных челюстей паука. А Кайдар явно не поспевал...

Разинутая пасть нависла над англичанином, грозя поглотить его целиком. Филька охнул и перекрестился. Мирмиллон закрыл глаза рукой.

Подоспевший Кайдар метнул копье и попал в уже отрубленную конечность. Паук даже не повернул головы, всецело сосредоточившись на рыцаре Круглого Стола. В этот момент англичанин стремительно бросился под брюхо паука, видимо памятуя о том, что там наиболее слабое место внешне неуязвимого чудовища. Всего на секунду запоздал с реакцией паук, и этого хватило рыцарю для удара кинжалом. Он решил повторить кинжалом то, что сделал мечом со вторым пауком. И это ему

почти удалось. Но на сей раз не было коня, чтобы вытащить всадника из-под падающего чудовища.

Когда объединенными усилиями удалось столкнуть с тела сэра Джона труп паука, рыцарь едва дышал. Видимо, у него была раздавлена грудная клетка.

— Вот... и моя... очередь... настала,— с трудом проговорил рыцарь,— но все же... мы прошли... прошли!

* * *

— Они прошли лес!— уттар был вне себя от ярости.— И опять практически без потерь! Пауки Гроха не смогли их остановить!

— Но половины отряда уже нет,— напомнил ему Харл,— а идти осталось еще много.

— А мой отряд насчитывает всего лишь трех бойцов,— мрачно вставил трифф,— и нет никакой уверенности, что они смогут добраться до крепости.

— Это ваши трудности,— бодро произнес л'гхоли. Его дела были довольно хороши.— Все равно мои воины будут первыми.

— Земляне победят,— уверенно заявил Харл.

* * *

Теперь их оставалось всего семеро. Два всадника и пять пеших. Акиро произвел перестановку: конники ехали теперь по бокам, корму прикрывал только он один. Фракиец по-прежнему прикрывал спину Фильке, шляхтич и викинг сместились ближе к середине драккара.

— Нам осталось пройти совсем немного,— Акиро был краток.— Приложим все усилия для достижения цели.

И снова драккар поплыл к вожделенной цели, но теперь его экипаж уменьшился почти вдвое.

8. РЕКА

Выбравшись из леса, земляне проехали еще немного и увидели перед собой широко раскинувшуюся речную гладь.

Викинг присвистнул. Индеец не спеша снял с плеча лук, наложил стрелу на тетиву и выстрелил.

Стрела не долетела до противоположного берега и упала в воду.

— Довольно широкая,— констатировал Большое Озеро.

— Сильно сказано,— саркастически хмыкнул пан Тадеуш.— А если учесть, что она наверняка глубокая, наверняка кишит всякими зверушками, а мы, увы, не лошади, то...

Он фальшиво просвистел похоронный марш.

— За рекой останется, по-моему, четыре зоны,— медленно произнес Акиро.

— Нам от этого не легче,— кисло пробормотал Спыхальский.

— Хорошо. Что ты предлагаешь?

— Кто, я?— растерялся поляк.— Ты у нас командир, тебе и решать.

— Вот я и решил. Фил, вперед. Держать оружие наготове и не подходить близко к бортам.

Филька снова занял привычное место и отправил драккар в плавание. Лошади индейца и гунна бежали рядом. Апач успокаивал свою тихими гортанными возгласами.

И все же, когда судно оказалось над водой, каждый из его экипажа испытал легкое чувство страха. Все же, когда под ногами была твердая земля, они чувствовали себя увереннее. Таинственные водные глубины прятали в себе неведомые жизненные формы, которые были в своей стихии. И кто знает, будет ли эффективно против них земное оружие?

Позади осталось уже около сотни метров воды, когда последовала первая попытка нападения.

Из воды высунулось щупальце, гибкое, оснащенное многими присосками и попыталось лечь на борт. Молодецки гикнув, поляк смахнул его саблей.

Викинг показал ему кулак, напряженно вслушиваясь в плеск волн за бортом. Но вопреки ожиданиям, ничего особо страшного не произошло. Либо чудовище просто не обратило внимания на потерю конечности, либо щупальце было у него единственным и его потеря убила животное.

Когда Филька оглянулся, берег был уже едва заметной линией на горизонте. Акиро сделал резкий жест, приказав ему не отвлекаться. Филька кивнул, слегка поправил курс и уставился на спокойную гладь воды.

Они настолько были уверены, что неведомый противник будет атаковать из-под водной поверхности, что едва не прозевали нападение с воздуха.

На драккар спикировало несколько летающих животных, несших на себе нечто вроде десанта из невысоких обезьяноподобных существ, вооруженных кинжалами и щитами. Их было больше полутора десятков, каждый из них достигал пояса взрослому человеку. Они были необычайно свирепы и бесстрашны.

Палуба драккара сразу превратилась в поле боя. Нападающие сразу разделились на два отряда и атаковали одновременно японца на корме и фракийца у кресла рулевого.

Круговым движением меча Акиро уничтожил сразу трех противников, метнул звезды еще в двух и заставил врага попятиться.

Мирмиллон был подготовлен несколько слабее и был сразу же ранен в живот и ноги.

Но тут на помощь пришли поляк и викинг. Пан Тадеуш ураганом врезался в толпу малышей, размахивая саблей. В короткой свирепой схватке десантники были уничтожены полностью. Защитники драккара отделались ранами.

Выбрасывая за борт последнего обезглавленного врага, викинг брезгливо поморщился.

— Я думал, у них будет кто-то получше.

"Типун тебе на язык,— суеверно подумал Филька.— Накличешь беду..."

И как в воду глядел. Прямо перед ним поднялся фонтан воды и исторг огромную голову на длинной шее. Голова хищно повернулась и оскалила пасть с большими передними клыками.

Стоявший чуть позади индеец одну за другой выпустил пять стрел в глотку чудовища. Пасть с шумом захлопнулась, ее обладатель скрылся под водой.

— Приятного аппетита!— прокричал поляк, вытирая саблю полой кафтана.

Тут же палуба драккара содрогнулась от чудовищного удара снизу. Пан Тадеуш закричал от ужаса, потерял равновесие и вывалился за борт. Невозмутимый индеец мгновенно метнул вслед ему аркан. Вдвоем с гунном они выволокли лязгающего зубами поляка из воды. Тот был бледен от пережитого ужаса и потерял саблю.

— Решил с русалкой познакомиться?— грубо пошутил поляк.

— Хотел бы я посмотреть...

Второй страшный удар вышиб Фильку из кресла, опрокинул на спину мирмиллона и едва не отправил за борт уже троих: поляка и его спасителей.

— Черт бы побрал эту дрянь!— взревел викинг, подскочил к индейцу и вырвал у него аркан.— Привяжите меня к мачте!

— Да ты с ума сошел!— искренне удивился Кайдар.

— Ты хочешь, чтобы он нас таранил безнаказанно?

— Нет, но...

— Тогда заткнись!

Большое Озеро проворно затянул аркан вокруг пояса Эрика и привязал второй конец к мачте. Эрик глубоко вздохнул и стал перелезать через борт. Третий удар швырнул его в воду. Грузное тело моментально скрылось под водой. Кайдар кинулся на помощь к индейцу.

— Тащи его скорее!

— Он знает, что делает,— невозмутимо произнес вождь апачей.

Филька отдал должное отваге норвежца. Сам бы он ни за что на свете не полез бы в воду сражаться с неведомым врагом, которого могло быть сколько угодно много.

Несколько тягостных минут ничего не происходило, потом из воды появилась голова викинга. Он шумно отфыркивался и махал руками.

— Тяните меня!

Еще через пару секунд он уже стоял на палубе, без топора и кинжала, но ужасно довольный.

— У этой мерзости оказалась слабая шея,— презрительно кинул он.— Вот топор только утопил, жалко...

— Эрик, в твоей Валгалле тебе будут оказаны королевские почести,— уважительно произнес пан Спыхальский, благоговейно глядя на мокрого гиганта.

— Это я знаю и без тебя,— безапелляционно заявил викинг и принялся стягивать с себя мокрую одежду.

Филька заметил на водной глади высоко торчащий плавник и тут же обратил на него внимание остальных.

Без команды вперед вышли лучники. Когда плавник приблизился, Большое Озеро и Кайдар принялись осыпать стрелами пространство чуть ниже уровня воды, но без явного успеха. Вскоре Акитро приказал им прекратить стрельбу.

Плавники постепенно приближались. Что могло крыться под ними?

Тяжелого вооружения у людей не было, если не считать мечей. Топор викинга должен был появиться только через час. Если животное достаточно велико, одних мечей может оказаться маловато.

— Держитесь подальше от бортов!— не уставал напоминать ниндзя.— Драго, не упускай из вида Фила!

Кучка людей сгрудилась в середине драккара с оружием наготове. С ревом разверзлась вода, и огромное тело взметнулось над бортом судна. Что-то вроде большой акулы, только с клешнями краба и пастью в половину туловища.

— Матка боска!— поляк перекрестился, сжимая кистень.

Чудовище явно хотело плюхнуться поперек судна и придавить своей тяжестью, заставив перевернуться. Но поднаторевший в управлении драккаром Филька закусил губу, резко вывернул руль влево. Громадное тело с шумом рухнуло в воду, обдав людей фонтаном брызг.

Не успели люди опомниться, как второе чудовище протаранило головой корму драккара. Щелкающая пасть завязла в прочных бревнах обшивки, силясь вернуться в родную стихию.

Смело подскочивший к ней поляк прошелся кистенем по зубастой морде, вышибив половину зубов чудовищу. Потом он принялся колотить по угловатой морде, стараясь попасть по глазам.

Через минуту непрерывной работы морда чудовища представляла собой сплошное кровавое месиво. При помощи копий люди столкнули обезображенное тело в воду, но зияющая дыра в борту осталась и зашить ее было нечем.

Почти сразу же, как только тело краба-акулы соскользнуло в воду, в щель полезла новая пасть — что-то вроде больших сколопендр.

Первые две особи поляк смахнул кистенем, остальные едва не достали его ноги. Спыхальскому пришлось высоко подпрыгнуть, чтобы избежать удара ложноножек, которые почти наверняка были ядовитыми.

В дело вновь пошли луки. Едва первая тварь появлялась в щели, ее тут же смахивала обратно меткая стрела индейца или гунна. Но вскоре колчаны опустели, а твари все лезли и лезли. Некоторое время помогало метательное оружие японца, но потом кончилось и оно. У людей осталось только личное оружие.

— Ничего, с этим я справлюсь,— самоуверенно заявил поляк, помахивая кистенем.

Но как оказалось, сколопендры имели прикрытие. Едва поляк подбежал к пролому, как из-под воды вынырнул какой-то странный гибрид: гибкая шея, оканчивающаяся узкой змеиной головой с двумя руками, каждая из которой сжимала по острому иззубренному и довольно длинному шипу.

Поляк отскочил назад и принялся смахивать сколопендр в воду, пользуясь длиной кистеня. Это удавалось ему некоторое время, потом головоруких твари подплыли ближе к драккару и стали довольно ощутимо угрожать безопасности экипажа.

Шляхтич отступил, чтобы не оказаться за бортом, так как из воды возникли еще две такие же головы.

— Озеро, подтащи-ка поближе одну такую птичку,— недобро сощурился викинг.

Индеец отложил томагавк и раскрутил аркан. Очевидно, тварь не ожидала такой подлости от несчастных жертв.

Как только захлестнутая петлей голова легла на борт, Эрик отсек ее одним коротким взмахом меча.

Голова упала на палубу и еще какое-то время жила, бешено разевая пасть и размахивая руками. Гунн разрубил ее мечом надвое и пинком вышвырнул за борт. Остальные головы, как по команде тут же отшатнулись в стороны. Оставшиеся без прикрытия сколопендры были мгновенно уничтожены поляком и пришедшим ему на помощь японцем.

— Не видать там конца воде?— крикнул Эрик.

Филька только головой покачал — со всех сторон была только спокойно плещущаяся водная гладь.

Головоруких медленно и плавно исчезали под водой. Наверное это была их не последняя атака.

— Подальше от бортов!— снова напомнил Акиро.

Но теперь опасность таила в себе палуба драккара. Страшный удар, громкий треск — и в рваной дыре посреди палубы появилась страшная оскаленная пасть доселе не появлявшегося страшилища. А из этой пасти, как горох посыпались твари помельче, но столь же зубастые и покрытые роговой чешуей. Одна из этих тварей сразу отхватила полноги поляка, прежде чем ее прикончил ударом томагавка индеец.

Еще через минуту палуба драккара кишела этими тварями. Викинг поднял на руки плачущего от боли поляка и оттащил в сторону. Японец швырнул в разверстую пасть две дымовые бомбы, оттуда вырвался клуб ядовитого дыма, и пасть медленно скрылась под водой, оставив визжащих зубастиков на палубе.

Твари оказались необычайно живучими и проворными. Их острые, как бритва, клыки вырывали куски плоти из ног и бедер людей, оставляя болезненные раны. Но все же их количество было ограниченным, и земляне постепенно стали брать верх.

У Фильки не было времени отвернуться и посмотреть за происходящим. Перед ним возникло трое головоруких и незамедлительно бросились в атаку... на пульт управления. Очевидно, они знали, что делали, поскольку одна голова попыталась разбить стекло с крестом и кругом, а вторая вцепилась в руль.

Филька на секунду растерялся, но ему на помощь поспешил Драго. Он мгновенно оценил ситуацию и первым делом сосредоточил внимание на твари, грызущей руль. Двумя ударами меча он почти отделил голову от шеи. Тут и Филька пришел в себя и схватился за топор. Совместными усилиями они отсекли обе прорвавшиеся головы, но едва не стали жертвами еще одной пары голов. Филька взвыл, когда острый шип вонзился ему в плечо. Мирмиллон успел закрыться щитом и метнул меч в нависшую над ним голову. Голова сделала судорожное глотательное движение, поперхнулась и скрылась за бортом.

— Пошла переваривать,— пробормотал Филька, охаживая кистенем последнюю торчащую перед ним голову.

Потеряв одну из рук, голова издала серию свистящих звуков и также пропала за бортом. Тем временем остальные земляне очистили палубу от вертких и прыгучих тварей. Выбросив за борт останки, Акиро склонился над Спыхальским.

Тот был бледен, но крепился. У него отсутствовала нога чуть ниже колена. Эрик наложил тугой жгут выше раны, чтобы остановить кровотечение.

— Отвоевался,— хрипло произнес поляк.— Теперь я уже ни на что не годен.

— Сейчас посмотрим,— пробормотал Акиро склоняясь над раной. Он вытащил из одного из своих многочисленных карманов какое-то снадобье.

Всего лишь на какую-то секунду расслабились люди, но даже этого было много. В дыру посреди драккара просунулась узкая голова и коренастое туловище. Сидящий спиной японец не сразу обратил внимание на появление врага.

— Берегись!!— бешено заорал Эрик, но его опередил поляк.

Он обеими руками оттолкнул в сторону японца. Хищные челюсти клацнули и сомкнулись на здоровой ноге Спыхальского. Не успели люди опомниться, как голова и поляк исчезли в дыре. Мутная вода сомкнулась

над ними. Викинг запустил вслед мечом, но неизвестно, достиг ли он успеха.

— Ты хорошо сражался, Тадеуш,— проговорил Акиро, вставая.— Мы все равно дойдем, слышите, дойдем!— неожиданно закричал он, подняв голову к небу.

* * *

— И ведь дойдут,— пробормотал уттар.— Половина водной преграды уже позади. Им осталось не так много, а дальше ничего серьезного не будет. Вот выберутся на сушу, там посмотрим.

— Они победят ферритов,— серьезно сказал трифф.— От моего отряда остался только один боец. Он им не конкурент.

* * *

— Земля!— заорал Филька при виде туманной полоски на горизонте.— Земля!

— До нее еще плыть да плыть,— пробурчал викинг.

— Еще пара минут — и у нас будет оружие,— проговорил Акиро.— Ни в коем случае не расслабляться!

— Расслабишься тут, как же!— пожаловался Эрик, прикладывая влажную тряпку к порезам на ногах.— То одна дрянь лезет, то другая... О, боже!

Это была третья дрянь. В дыру снизу без единого всплеска просунулась огромная змеиная голова с холодными тусклыми глазами. С быстротой молнии она метнулась к Фильке. На ее пути был мирмиллон. В распоряжении фракийца были считанные секунды, и он нашел единственный правильный выход.

Когда разинутая пасть стремительно надвинулась на него, он подставил ей свой щит и постарался вбить его в чудовищную глотку как можно глубже, едва успев вытащить руку.

Змея издала нечленораздельный звук, попыталась сомкнуть челюсти, но ни проглотить щит, ни выплюнуть его не смогла. Так же медленно и плавно она начала исчезать в дыре. Викинг успел огреть ее топором, но остро отточенное лезвие отскочило от чешуйчатой брони.

Фракиец все еще дрожал от пережитого потрясения. Эрик громко расхохотался:

— Не трясись, Драго! Все кончено. Твой щит пришелся ей не по вкусу.

Словно дожидаясь того момента, когда у землян появится оружие, из моря начали выплывать своеобразные всадники — жабообразные существа верхом на больших тюленях. Они были вооружены копьями и дубинками, из-за спин у них торчали пучки дротиков.

Большое Озеро и Кайдар поспешили на нос драккара. Их встретил град дротиков, но существа, метавшие их, были не очень метки. В отличие от землян.

Спустя пять минут больше половины всадников было ссажено со своих скакунов. Вода окрасилась кровью. Оставшиеся наездники поспешно убрались в пучину.

— Ни секунды покоя,— не унимался Эрик.— Что за проклятое место!

Шедший к своему месту индеец вдруг остановился. Стоявший возле него мирмиллон впервые увидел в его глазах нечто вроде суеверного ужаса. Индеец отскочил в сторону от дыры в палубе, указывая на нее пальцем.

— Чего ты там увидел?— недовольно спросил викинг. Он подошел поближе, заглянул в дыру и присвистнул. На него смотрел огромный глаз, много больше, чем сама дыра.

— Подумаешь, видали мы таких,— протянул Эрик, поднял свое тяжелое копье, тщательно прицелился и с силой метнул в воду.

Эффект был таким, словно воду разом вскипятили вокруг драккара. Из клубов волн и пены вырвался лес огромных щупальцев и заколыхался вокруг судна.

— Куда?!— осадил Акиро рвавшегося в бой Эрика.— Под борта немедленно!

Приказ был отдан вовремя. Ищущие щупальца обрушились на судно, сметая все на своем пути. Два из них вцепились в мачту и легко отломили ее, словно тростинку. Филька успел забраться под кресло, но и эту преграду смело в воду.

Одно из щупалец ухватило за ногу Эрика. Он тут же отсек его топором и выкинул за борт, недовольно ворча:

— И дернул же меня черт ввязаться в это дело...

Одно из щупалец ворвалось сквозь палубу. Ближе всего к нему оказался вождь апачей. Акиро успел отсечь кусок щупальца, а с остальным Большое Озеро управился сам, размочалив остаток конечности морского чудовища томагавком.

А берег был все ближе и ближе. Теперь до него могла долететь стрела...

* * *

— Все!— трифф разочарованно оторвался от экрана.— Последняя моя надежда рухнула...

— Примите мои соболезнования,— сразу отозвался л'гхоли. Его воины были уже на подходах к крепости, понеся незначительные потери.

— Земляне миновали реку,— констатировал уттар. Он успокоился и обрел способность трезво мыслить.— Теперь осталось надеяться только на ферритов...

— Землянам надо пройти еще четыре пояса, а моим всего два,— л'гхоли едва не подпрыгнул от возбуждения.— Харл, за удачную находку я сделаю вам скидку, когда получу факс. Люди сражались просто фантастически! Но до моих им еще далеко...

— Поживем-увидим,— философски отозвался Харл.

* * *

Наконец драккар завис над твердой землей. Остановив его метрах в двадцати от реки, люди выскочили на землю, торжествуя.

— Что, съели?!— орал гунн, потрясая копьем.— Головастики вонючие!

Филька подошел к сидевшему с закрытыми глазами Акиро.

— Слышь, Кирюх, отдохнуть бы нам... Ну, хоть немного. А то ведь не дойдем.

Японец открыл глаза и рассеянно посмотрел на веселящихся соратников. Потом медленно кивнул.

— Полчаса — не больше.

Обрадованный Филька тут же побежал к товарищам поделиться доброй вестью.

Эрик тут же предложил искупаться. Но это предложение не вызвало особого энтузиазма. После всего пережитого на воде никто не хотел приближаться к ней ближе, чем на полет стрелы.

— Тогда я пошел один,— заявил гигант и стал раздеваться.

— Эрик, не говори ерунды,— принялся увещевать его Кайдар.— Тебя же съест тот малыш, которому ты глазки подлечил...

— Подавится,— величественно-надменно ответил викинг и двинулся к воде.

На нем повисли гунн, мирмиллон и Филька. Гордый вождь апачей сидел, сложив руки на груди и закрыв глаза подле драккара.

Волоча за собой трех противников, Эрик дошел почти до самой кромки воды, как вдруг оттуда выскочила какая-то хищная зубастая рептилия и проворно устремились к людям.

Чуть позже Акиро и Большое Озеро наблюдали следующую картину: по песку летела живописная группа — впереди Лошадиная Голова, за ним Драго, потом Филька и замыкал шествие абсолютно голый Эрик, которому буквально на пятки наступало какое-то зубастое чудовище.

Японец вскочил на ноги, но его опередил индеец. Свистнуло лассо, и страшная зубастая пасть оказалась спелената несколькими витками прочного волосяного аркана.

Эрик остановился, перевел дух и плюнул на вертящееся чудовище, которое старалось избавиться от пут.

— Я же говорил, что им меня не съесть.

Вдруг аркан неожиданно лопнул и разинутая пасть очутилась прямо перед викингом, который наклонился за одеждой. Мощные челюсти сом-

кнулись на ягодицах Эрика. Тот утробно взревел и рванулся вперед, стараясь избавиться от зубастого противника. Страшилище отлетело в сторону, продолжая сжимать в пасти кусок плоти викинга.

— Ах ты, собака!— заорал Эрик, поворачиваясь к твари и размахивая кинжалом.— Да я тебя за свою задницу...

Зверюга проглотила зажатое в пасти, вызвав тем самым новый приступ ярости норвежца. Он быстро поймал ее за хвост, перевернул на спину и одним взмахом распорол ей брюхо. Потом стал копаться во внутренностях. Филька с отвращением отвернулся.

— Эрик, брось ее!

— Ага, и оставить свое сокровенное в желудке этой заразы?— отозвался викинг, не обращая внимания на струящуюся из раны кровь. Потом он с довольным воплем извлек что-то из недр поверженного врага и высоко поднял в воздух.

— Сейчас пришьем и все будет в порядке.

Оставшееся от привала время Кайдар и Эрик пришивали недостающие куски, которые оказывались то больше, то меньше.

— Сейчас, вот тут подравняем...— бормотал Кайдар, орудуя своим ножом. Эрик лежал на животе и внимательно следил за его манипуляциями.

— Эй-эй, ты что-то много отрезал! Смотреться будет плохо!

— Отлично будет смотреться! Ну, разве это много?— гунн продемонстрировал приятелю окровавленный кусок мяса.— Самую капельку отрезал-то, а ты волнуешься...

— Давай вот тебе оторвем кусок чего-нибудь, а потом посмотрим, как ты будешь волноваться,— не унимался викинг.

Кайдар в очередной раз приложил кусок вырезки к филейной части Эрика и отошел, чтобы полюбоваться на дело своих рук.

— Красота! Совсем как новая будет.

Зашив рану грубыми нитками, Кайдар помог Эрику натянуть штаны.

— Некоторое время будет трудновато сидеть, зато потом все будет в порядке.

Эрик охал и ворчал.

— Тебя нельзя допускать к врачеванию. Лучше бы я Акиро попросил. Коновал несчастный...

— Тогда давай отпорем назад и пусть Акиро снова тебя зашивает,— обиделся гунн.— Снимай штаны!

Эрик сложил огромный кукиш и повертел перед носом гунна.

— А это видел?

Гунн сделал выпад и легонько шлепнул рукой по травмированному месту. Эрик взвыл и кинулся за убегающим Кайдаром. Улыбающийся Акиро крикнул им:

— Не отходите далеко!

Только он и вождь сохранили серьезность во время этой хирургической операции. Филька и Драго хохотали до слез.

9. ПОСЛЕДНИЕ ЗОНЫ

Минотавров было двенадцать. Они стояли в ряд, опершись на длинные дубины. Филька остановил драккар и посмотрел на Акиро. Тот подозвал к себе Кайдара и что-то прошептал на ухо гунну. Лошадиная Голова внимательно выслушал, хлестнул лошадь и поскакал к индейцу. Филька никогда ранее не видел ничего подобного: ниже пояса — обычные люди, выше — монстры. Туловище быка с острыми рогами, большие красные глаза навыкате, клыкастая пасть. Мощные трехпалые руки бугрились твердыми мускулами.

— Может, мне с ними позабавиться?— предложил Эрик японцу.

— Ты будешь нужен в крепости,— ответил Акиро, внимательно разглядывая нового врага.

Гунн и индеец по большой дуге на высокой скорости приближались к строю минотавров. Стоявший впереди гигант без одного рога, видимо вожак, что-то гортанно прорычал. Отряд разделился. Пять страшилищ направились прямо к драккару, остальные остались ожидать приближения всадников.

Передвигались минотавры не особенно быстро. Эрик принялся деловито раскладывать возле себя оружие. Но гунн внезапно повернул коня и налетел на противников с тыла.

Скорость и маневренность Кайдара были его союзниками в борьбе с неповоротливым соперником. Пустив копье с седла, он свалил одного минотавра, пятью стрелами уложил другого и только потом оставшиеся четверо припустили бегом за ним.

Тогда в дело вступил индеец. Ему хватило трех стрел, чтобы прикончить еще одного противника. Минотавры растерялись. Всадники кружили вокруг, осыпая их стрелами. Вскоре еще трое минотавров корчились на земле. Половина врагов полегла, не причинив ни малейшего вреда обитателям драккара.

Тогда враг сменил тактику. Сбившись в кучу, они грузно побежали к драккару, не обращая внимания на вертящихся вокруг всадников.

— Эх, вожака бы ихнего грохнуть и все,— с досадой ударил кулаком по колену норвежец.

То же самое, очевидно, подумал и индеец. Разогнав коня, он смело вклинился в толпу минотавров, нанося томагавком удары во все стороны, Еще один противник зашатался и упал, но Большое Озеро потерял лошадь, которой переломали ноги ударами дубин. Пятеро оставшихся минотавров обступили спешенного апача, надеясь быстро покончить с ним и потом заняться остальными.

Что-то кричал Кайдар, вертясь неподалеку, но апач не обращал на него внимания. Он готовился к своей последней битве. Оставшимися стрелами он положил еще одного бойца противника и взялся за томагавк.

Большая дубина вожака ударила совсем рядом. Индеец успел увернуться, упал на землю, снова вскочил и метнул томагавк. Как и всегда, его рука была точна. Вожак выпустил из рук дубину и упал на колени, пытаясь вытащить топор, застрявший у него в голове.

Это был последний успех вождя. Три минотавра с дубинами без труда добили практически безоружного индейца. Слабеющей рукой он успел ударить одного из них ножом, но это было уже агонией.

Вихрем налетевший Кайдар смел одного противника, снес голову второму, но третий вышиб его из седла. Гунн перекувырнулся через голову и остался недвижим.

Акиро большими прыжками несся к последнему минотавру, который намеревался дубиной разбить голову гунну. Увидев, что добежать он не успеет, ниндзя остановился и принялся метать в чудовище звезды. Тот взревел и обернулся к новому противнику.

Японец был чуть выше пояса рослого минотавра. Видимо, тот посчитал этого коротышку легкой добычей и оставил Кайдара, с ревом устремившись на японца. Акиро замер, низко пригнувшись к земле.

Свистнула дубина, блеснуло лезвие меча. Кисть руки минотавра, вместе с дубиной, осталась лежать на земле. А потом к кисти присоединилась и голова. Мощное туловище еще немного постояло, потом тяжело рухнуло на землю. Кайдар поднялся, охая и ругаясь.

Акиро склонился над вождем апачей. Тот лежал, вытянувшись во весь рост с выражением странного умиротворения на лице.

— Он хорошо сражался и славно умер,— заметил подошедший викинг.

Отдав последний салют погибшему, уцелевшие люди вновь собрались у драккара.

— Нас осталось только пятеро,— сказал японец.— Каждый из нас теперь будет сражаться и за них...

— Что-то нас ждет дальше?— подумал вслух Драго.

— Не думаю, что более приятное, чем эти красавцы,— презрительно бросил Эрик, махнув рукой в сторону тел минотавров.

* * *

Победа над минотаврами оказала впечатление даже над л'гхоли. После этого он стал более уважительно относиться к воинам с Земли, но по-прежнему был полон уверенности в собственной победе.

— Ваши люди потеряли более половины команды,— промерцал он Харлу.— У моих же отсутствует всего только четверо. Факс будет моим.

— Вы так часто повторяете это, словно хотите уверить себя и нас в этом,— слегка раздраженно отозвался уттар.

— Не надо ссориться друзья,— произнес развалившийся в кресле трифф.— Согласитесь, что интереснее Игры у нас еще не было.

Возражений не последовало.

* * *

Нового соперника пришлось ждать недолго. Едва драккар перевалил небольшой холмик, как перед взорами людей предстала живописная группа.

— Циклопы!— воскликнул мирмиллон.— Пятнадцать, нет, шестнадцать...

— Много,— сквозь зубы процедил Эрик.

Действительно, это были циклопы с одной из планет системы Лиры. Приземистое туловище, вместо головы — нарост высотой в самой широкой части около десяти дюймов. В центре нароста — свирепо мерцающий желтоватый глаз. Необычайно длинные руки, мускулистые ноги. Кроме холщовых штанов на них не было никакой одежды. Они были довольно хорошо вооружены: в правых руках квадратные щиты, в левых — мечи, топоры, дубины.

— Они что, все левши?— озадаченно спросил Филька.

— Похоже,— отозвался Эрик.— Не люблю драться с левшами...

— Придется...— бросил Кайдар и обернулся к японцу.— Давай, я пощупаю их стрелами?

Акиро коротко кивнул. Кайдар гикнул и поскакал к циклопам, на ходу натягивая лук. Циклопы тут же рассредоточились и приготовили свое оружие. Кайдар осадил коня метрах в десяти от них и пустил стрелу. Циклопы как по команде закрылись щитами, потом один из них что-то гортанно скомандовал. Ближайший к гунну циклоп опустил щит и вытащил из-за спины пращу. Не успел Кайдар опомниться, как в него сразу же полетело несколько довольно крупных камней. Один пролетел мимо, другой гунн отбил щитом, но третий угодил в голову лошади и та понесла.

Эрик присвистнул.

— С этими придется повозиться.

Отогнав всадника, циклопы быстро побежали к драккару.

— Если я не ошибаюсь, они намерены разбить наши приборы, чтобы не дать нам прийти вовремя,— быстро произнес японец.— Эрик, головой отвечаешь за прибор. Фил, настала твоя очередь драться. Ты готов?

— Ну, конечно! Да я ... эх!...— Филька махнул рукой и лихорадочно принялся проверять свое оружие.

— Бейте по глазам,— отдавал последние распоряжения японец.— Сейчас мы, кроме Эрика, спустимся на землю и примем бой. Кайдар нам поможет. Эрик, стоять насмерть! Упустишь прибор — сам зарублю!

Викинг басом расхохотался.

— Пусть попробует!— он надел свой рогатый шлем и взял в руку топор.

Циклопы остановились в пяти метрах от драккара и дали залп из пращей. Один из камней сшиб шлем с Эрика и едва не раздробил голову Фильке. Мирмиллон успел закрыться щитом. За первым последовал еще один залп, потом, видимо, кончились камни, и циклопы снова пошли в атаку.

Акиро, как подброшенный пружиной, вылетел за борт драккара. Находясь еще в воздухе, он трижды метнул звезды. Один циклоп споткнулся, выронил меч и упал, второй зарычал и остановился, держась за плечо.

Налетели первые противники. Ниндзя резко прыгнул прямо на них, вытянув вперед меч. Первый сам напоролся на клинок. Японец едва успел отскочить в сторону — боевой топор второго циклопа грозно просвистел над его головой. Но у воина-ниндзя арсенал был и без того достаточно богат. Сунув руки за спину, Акиро вытянул оттуда два кинжала-саи. Часть циклопов продолжила путь к драккару, трое приготовились сразиться с японцем. По два соперника пришлось на Фильку и Драго, оставшиеся шестеро достались Эрику. Кайдар все еще никак не мог справиться с лошадью, крутясь неподалеку.

Перед Филькой стояли два мечника. Кистень был заткнут за пояс, вместе с топором и ножом. Рогатина была в правой руке — Рватый был готов доказать, что не зря привлечен в отборный отряд земных воинов.

Циклопы чуть разошлись, огибая Фильку с флангов. Они были отлично обучены и вымуштрованы. Получив приказ, они не отвлекались и четко делали свое дело.

Выпады рогатины ближний отбил щитом и сам пошел в атаку. Филька упер черенок рогатины в землю, стараясь не допустить противника вплотную и в то же время не упуская из виду второго циклопа.

Тот не был знаком с приемами ведения боя на Земле и сделал опрометчивый шаг навстречу Фильке. Моментально выхватив кистень, Рватый выкинул руку на всю длину. У циклопа была дьявольская реакция, но рука, удлиненная кистенем, смогла достать плечо противника. Циклоп застонал и выронил меч. Второй не зевал и Фильке пришлось туговато: острие лезвие меча снесло рогатину.

Отскочив в сторону, Филька вытащил топор из-за пояса. Здоровый противник был прямо перед глазами, лезвие его меча описывало круги, ища возможность для удара. Не стоило сбрасывать со счетов и раненого врага. Филька пришел к выводу, что со здоровым он еще успеет подраться и что надо сначала разделаться с менее боеспособным циклопом. Тот тем временем поднялся с земли, но удар его потряс — это было видно и невооруженным глязом.

Яростно кинувшись на здорового противника, Филька заставил его отступить, потом резко развернулся и кинулся на раненого. Отразив щитом удар топора Рватого, циклоп попытался нанести удар мечом, но рука плохо слушалась его. Легко отведя меч в сторону, Филька снизу

пырнул ножом циклопа. Тот болезненно застонал и упал на колени. На выручку товарищу поспешил еще один циклоп.

Всего на мгновение он раскрылся. Филька играл ва-банк — пан или пропал. С разворота метнул топор и сразу же приготовился бросать нож.

Но и первый бросок был точен. Топор вонзился прямо туда, где могучие плечи переходили в голову. Циклоп сделал еще пару шагов и тяжело рухнул на землю. Филька обернулся к раненому циклопу, а тот уже заносил для удара меч.

"Все",— мелькнуло в голове Рватого. Он зажмурился, но удара не последовало. Когда Филька приоткрыл один глаз, то увидел лежащего перед ним циклопа. Голова его была раскроена ударом меча гунна, который уже умчался на помощь викингу.

Филька обессиленно сел на землю и вытер пот. Акиро уложил своих противников и теперь вместе с Драго теснил двоих циклопов, один из которых был ранен в ногу и только оборонялся. Зато второй бился как лев. Его длинный меч бешено вращался, не подпуская землян слишком близко.

Эрик успел уложить только двоих противников, но трое обошли его с тыла. Не подоспей Кайдар, неизвестно, чем бы все это кончилось.

Филька подобрал топор и быстро прикинул шансы: четверо циклопов на Эрика и Кайдара, двое — на Акиро и Драго, один из двоих к тому же ранен.

"Надо помочь ребятам в драккаре",— решил Филька и побежал туда.

Но тут произошло неожиданное. Яростно сражавшийся против Акиро и мирмиллона циклоп могучим ударом отбросил фракийца в сторону, буквально смел легонького японца и галопом понесся к драккару.

Акиро припустил за ним следом, но в скорости явно проигрывал, а несколько метательных предметов попавших в спину убегающего циклопа, не принесли тому явного вреда.

Филька тоже наддал, пытаясь перерезать дорогу бегущему страшилищу. Он уже понял, что это был вожак, который мог сказать решающее слово в битве за драккар.

Фракиец добил раненого циклопа и тоже побежал к драккару. Теперь силы были равны — пять против пяти. Победу одержит более ловкий и сильный.

Гунн тоже заметил бегущих к драккару циклопа и людей. Он что-то бросил Эрику и устремился наперерез вожаку циклопов. Викинг кивнул, снес голову атаковавшему его противнику и едва увернулся от длинных мечей остальных.

Вожак обогнал Фильку примерно метра на три. Но гунн был ближе. С копьем наперевес он несся прямо на циклопа. Вожак был чрезвычайно опытен и силен. Мгновенно затормозив, он поймал копье Кайдара и сильным рывком выдернул того из седла. Не успел гунн опомниться, как острие длинного меча пронзило ему горло, а вожак помчался дальше, что-то крича своим соплеменникам.

Филька прикинул расстояние для броска топора. Выходило не очень удобно, но делать было нечего. Он остановился, тщательно прицелился и метнул топор. Но у вожака словно глаза на затылке были. Он пружинисто присел, а потом снова припустил бегом.

Филька сплюнул с досады и побежал за циклопом. Но его бросок все же дал Акиро время, чтобы сократить расстояние.

Тем временем Эрик сокрушил еще одного противника и бился теперь только против двух противников. Он был ранен, но не дал врагам приблизиться к пульту управления.

Вожак с разбегу прыгнул и вцепился руками в борт драккара. Меч он держал в зубах, щит закинул за спину. Акиро последние метры пролетел по воздуху и повис на плечах циклопа. Тот одним легким движением плеч стряхнул японца, словно муху.

Филька и Драго подбежали к драккару почти одновременно. Мирмиллон нырнул под его брюхо, собираясь проникнуть сквозь дыру. Филька побежал к корме.

Когда он взобрался на палубу, то увидел, что Эрик развалил надвое еще одного циклопа, но получил сильный удар топором и лишился щита. Его противник все еще был полон сил и энергии.

Драго возник между ними, как из-под земли. И тут же над бортом появилась одноглазая голова вожака. Он рывком перемахнул на палубу и сразу кинулся к пульту управления, не обращая внимания ни на что.

Акиро взобрался следом, но он был практически бессилен. Стоя на борту, он быстро метал в спину вожака весь свой метательный арсенал, но все без толку.

Мирмиллон сразу оценил ситуацию и успел стать на пути вожака. Ярость атакующего циклопа была беспредельна. Первым же ударом меча он разнес в щепки щит фракийца.

Драго отчаянно защищался, но силы были явно не равны. Когда подбежал Филька, Акиро и Эрик, поваливший своего последнего противника, гладиатор пластом лежал на приборах, а циклоп яростно рубил мечом его беззащитное тело.

Викинг схватил циклопа за плечи и отшвырнул в сторону. Трое землян стеной стали на пути последнего и самого страшного врага.

Вся спина циклопа была в крови, кровь также покрывала его грудь и руки, но казалось его силы были неиссякаемы.

Эрик шагнул ему навстречу. Он отбросил топор в сторону и вынул меч, в другой руке у него был кинжал. Циклоп глухо взревел и кинулся на викинга. Лязгнула сталь скрестившихся мечей. Клинок викинга был на ладонь короче, да и щита у него не было. Очень скоро он был ранен в обе руки, потерял кинжал и обеими руками держа меч, отчаянно отбивался. Филька не верил своим глазам: громадный викинг в обороне! Да, действительно, противник был очень и очень силен.

Акиро стоял наготове, сжимая в руке кинжал. Как только настал подходящий момент, он метнул кинжал в циклопа. Тот снова закрылся щитом, но этим воспользовался Эрик и поразил циклопа в грудь.

Кровь фонтаном брызнула из широкой раны, но вожак не обратил на это ни малейшего внимания. Сделав еще шаг он могучим ударом выбил меч из руки викинга. Филька судорожно сжимал рукоять топора, не в силах сделать ни одного шага. Неужели это все? Неужели они ничего больше не смогут сделать против этого коренастого создания, уничтожившего двух бойцов их отряда и обезоружившего могучего викинга?

Но Эрик считал иначе. Яростно взревев, он склонил голову в рогатом шлеме и бешеным быком полетел на циклопа. Многочисленные раны ослабили реакцию врага и тот пропустил удар рогатым шлемом. Острия рогов вонзились в грудь циклопа. Вожак зашатался, мучительно застонал, потом ногой отбросил Эрика в сторону и ткнул в его могучую спину своим мечом.

Шлем слетел с головы норвежца. Вожак рывком вытащил его из груди и отбросил далеко в сторону. Весь залитый кровью, он являл собой страшное и незабываемое зрелище.

Акиро подскочил к нему с мечом в руке, успев крикнуть Фильке, чтобы он оставался в резерве до последнего.

Теперь циклоп был не столь подвижен, как раньше, и этим воспользовался японец. Он принялся кружить вокруг циклопа, нанося жалящие удары мечом, словно оса. Вожак никак не мог достать проворного японца и постепенно отступал к центру драккара.

Потом Акиро бросил одну за другой две своих дымовых бомбы и нырнул в облако дыма. Оттуда донесся громовой рев, потом появилась шатающаяся фигура циклопа. На нем не было живого места, но он все еще был жив и упорно стремился к пульту управления. На нем буквально висел японец. Фильке это напоминало охоту с собаками на медведя. Огромная фигура против верткого и многочисленного противника.

Филька издал какой-то неподдающийся описанию рев и бросился на циклопа с топором. Вожак автоматически закрылся щитом и нанес ответный удар мечом. Будь он в полном здравии, тут бы Фильке и пришел конец. Но ослабевшие руки циклопа уже не были так точны и уверены в себе. Но даже этого удара хватило Фильке, чтобы отлететь в сторону и на время потерять сознание.

Очнулся он от того, что ему на голову лилась вода. С трудом открыв глаза, он увидел покрытое потом и кровью лицо Акиро.

— А где этот...?

— Более великого бойца не было на свете,— японец низко поклонился безжизненному телу вожака отряда циклопов.— Были секунды, когда я сомневался в нашей победе.

— Что Эрик?

— Жив. Потерял много крови и уверенности в себе, но жив.

Тут Филька услышал голос викинга. Тот охал и проклинал свою тупость.

— Надо же было в ближний бой к нему влезать. На дистанции он просто бог...

— Это был великий воин,— еще раз повторил Акиро.

— Как ты смог его достать?— Эрик с трудом поднялся и подошел к телу циклопа.

— Глаз,— коротко ответил японец.

Эрик наклонился над циклопом и перевернул его на спину. В его глазнице торчала рукоять меча. Японец вогнал его туда на всю длину и все равно, даже после этого циклоп оставался жив еще несколько минут. Он непоколебимо шел к пульту. Японцу пришлось его свалить и удерживать на земле, пока не прекратилась агония.

* * *

— Вот это да!— выдохнул трифф, откидываясь на спинку кресла.— Аггр едва не добился победы.

— Будь там еще десяток таких Аггров,— мрачно произнес уттар,— никому из вас я не оставил бы ни единого шанса.

— Но у вас был только один такой воин,— Харл встал и поклонился.— Я отдаю дань ему и моим воинам.

— Аггр один уложил столько, сколько смогли уничтожить лесные и речные солдаты,— удовлетворенно констатировал л'гхоли.

Утар исподлобья посмотрел на него, но промолчал.

* * *

Жизнь Эрику спасла его кованая вручную кольчуга. Меч циклопа не смог пробить ее, но осталась здоровенная ссадина, да и общее состояние викинга было неважным.

Акиро перенес тела Драго и Кайдара в сторону от трупов циклопов. Эрик после некоторого раздумья поднял на руки тело вожака циклопов и положил неподалеку от тел друзей. Он набычился, ожидая возражений, но ни Филька, ни Акиро не стали протестовать.

— Я бы не отказался вместе сражаться с этим парнем,— произнес Эрик, указав на циклопа,— Сильных уважаю...

— Сила и храбрость всегда были уважаемы,— подвел черту Акиро.

Они погрузились в драккар и отправились в путь, храня молчание.

Следующий противник появился в прямом и в переносном смысле из-под земли.

Метрах в десяти перед драккаром вспучилась земля и оттуда выскочили пятеро ящероподобных существ. Плоская голова с зубастой пастью, крепкий хвост, чешуйчатая броня, в лапах с кривыми пальцами — палицы. Уаи с планеты Ларус.

— Эрик, это наши,— сказал Акиро, внимательно разглядывая противника.— Ты готов?

— Ох-хо-хох...— тяжело вздохнул викинг и выскочил из драккара.

— Фил, останешься тут,— приказал Акиро.— Не исключено, что это подвох, если мы полезем на них все вместе.

Двое землян двинулись к строю уаи. Филька замер у руля, сжимая в руке топор.

... От мгновенной смерти его спасла только высокая шапка, которую враг, видимо, принял за голову.

Когда над головой что-то свистнуло, Филька ощутил холодок под лопаткой. Уже зная, что увидит, он поднял голову. Над ним кружились три особи довольно странного вида: длинное тело, лапы хищной птицы, голые перепончатые крылья. В том месте, где по всем правилам должна была находиться голова, торчала рука, сжимавшая короткий крестообразный меч. Сбившая с Фильки шапку гарпия делала круг, готовясь ко второму заходу.

— М-мать...— выругался Филька, хватаясь сразу за топор и нож.

Тут гарпии свалились на него все трое. Филька выждал, когда они подлетят поближе, и ловко сбил одну топором, зацепив ей крыло. Потом, правда, ему пришлось пробежаться на четвереньках, чтобы избежать сверкающих мечей.

Поднявшись с колен, он приготовил нож, глядя на двух непрерывно кружащихся над его головой противников и прозевал нападение снизу. Еще один уаи под землей добрался до драккара и вылез сквозь дыру в днище. Филька почувствовал как его схватили за ногу и быстро опустил голову. Страшная зубастая пасть вцепилась ему в икру. Зарычав от боли, Филька принялся полосовать морду врага ножом. Однако это не принесло желаемого эффекта, а тут еще последовало нападение с воздуха. С трудом присев, Рватый смог чудом избежать ударов крестообразных мечей, потом принялся яростно наносить удары уаи, целясь по глазам. Это дало ему секундную передышку. Зверь громко заревел и выпустил ногу. В этот момент Филька совсем забыл о кистене. В борьбе с гарпиями он был бы более грозным оружием, нежели топор и нож. Но в дыру просунулась еще одна зубастая морда. Десантников было двое.

— Ах, так!— Филька рассвирепел. Он выхватил кистень и принялся охаживать уаи, стараясь угодить по глазам и разинутой пасти. Слишком увлекшись, он снова прозевал атаку сверху. На этот раз лезвие меча гарпии вырвало кусок мяса из плеча Рватого. Боль была адская. Филька упал на дощатую палубу, но оружия из рук не выпустил.

Гарпии стремительно пикировали на беззащитного землянина. Филька стиснул зубы, приподнялся на локте и приготовил кистень. В удар он вложил остаток сил.

Лишившаяся руки с мечом гарпия громко заклекотала и взмыла вверх. Ее товарка опустилась совсем рядом с Филькой и неловкими шагами вприпрыжку стала приближаться.

Уже теряя сознание от боли, Филька слабеющей рукой метнул в нее нож. Гарпия отпрянула назад, но остро отточенное лезвие по самую рукоять вошло в ее тело. Из раны хлынула бурая жидкость. Гарпия издала пронзительный крик, сделала два шага к Фильке и взмахнула мечом. В последнее мгновение Рватый смог отпрянуть. Страшное крестообразное лезвие вонзилось в то место, где только что находилась его голова. Тело гарпии рухнуло на палубу и напоролось на собственный меч. Когтистые лапы заскребли по палубе, потом все стихло. Филька, как в тумане видел: из дыры в палубе показалась еще одна голова уаи. Потом на палубе показалось все остальное. Враг не обратил внимания на раненого Фильку, посчитав, что он мертв. Но и Рватый ничем не мог помешать ему. Уаи подобрался к прибору-указателю пути и тремя ударами палицы вдребезги разбил его. Потом с довольным урчанием спустился обратно в дыру.

Тем временем Эрик и Акиро сражались уже против трех уаи. Их слабым местом оказались глаза и пасть. Одну Эрик разрубил топором, вогнав его в разбитую пасть, другую накормил звездами Акиро.

Остальные быстро поняли свои просчеты и теперь только рычали сквозь зубы. Но глаза все же у них были открыты и японец сумел попасть одной твари стрелой из крошечного арбалета. Оставшиеся два ящера с быстротой молнии зарылись в землю, оставив поле боя землянам. Их задача была выполнена.

Когда Эрик и Акиро поднялись на борт драккара, Филька сидел у руля и тупо смотрел на обезображенные приборы. Акиро горестно вздохнул.

— Я ничего не мог сделать. Они атаковали сверху и снизу. Я ничего не мог сделать.— Снова и снова повторял Филька.

Эрик брезгливо пнул ногой тело гарпии.

— Ну и мразь! Немудрено, что ты растерялся. Тут и я бы мог сплоховать.

— Фил, ты не помнишь, в каком положении были крестик и кружочек?— внезапно спросил японец.

— Точно по курсу.

— Он не трогал руль?

— Нет. А что... А-а-а!— из пересохшего горла Фильки вырвался радостный вопль.

— Тогда нам пора трогаться в путь,— Акиро осторожно закрепил руль в том положении, как он был и нажал кнопку пуск.

* * *

— Болван!— рявкнул уттар, вскакивая с кресла.— Надо и руль было разбить!

— Теперь поздно об этом говорить,— в глазах Харла сверкнуло торжество.

Уттар рухнул в кресло. Трифф лениво улыбнулся.

— У вас был шанс, но вы им не воспользовались. Теперь земляне победят.

— Будьте вы прокляты, Харл!— прошипел уттар.— Вы, и ваши земляне!

* * *

Хотя на Земле было принято строить замки на возвышенности, крепость уттара была расположена в котловине. Не прошло и получаса, как земляне увидели ее, остановившись на краю котловины.

— Похоже, мы слегка опоздали,— мрачно заметил викинг, указывая на сражение у единственных ворот в крепость.

— Это еще бабушка надвое сказала,— приободрившись, Филька был настроен весьма решительно.

— Какая бабушка?— не понял норвежец.

— Потом объясню,— Филька повернулся к японцу.— Ну что, командир, как будем действовать?

— То, что наши конкуренты не преуспели — видно невооруженным глазом,— медленно произнес Акиро.— Теперь нам не следует спешить. Надо хорошенько рассмотреть, что представляет из себя последний оплот крепости.

Он вынул из воздуха подзорную трубу и приставил к глазу. Викинг хмыкнул и последовал его примеру. Фильке тоже ничего другого не оставалось делать.

Минут через пять все опустили трубы. Японец был мрачен.

— Вот это да!— честно признался Эрик.— Ну и страшилища!

10. ОСАДА КРЕПОСТИ

Отряд л'гхоли бился на подступах к крепости. В его авангарде были две огромные черепахи с крепким панцирем. Третья протаранила стену и была, видимо, придавлена камнями, так как не подавала признаков жизни. Позади ходячих башен сгрудились пехотинцы, их было всего семеро. Там были представители разных рас, в основном двуногие прямоходящие с некоторыми вариациями.

Но вот обороняли крепость самые настоящие монстры. Туловище, похожее на человеческое, оканчивалось тремя ногами, похожими на паучьи — мохнатыми и прямыми. Две росли нормально, одна росла из спины и была в два раза длиннее стальных, она упиралась в землю далеко позади корпуса, создавая тем самым дополнительную точку опоры. Вся верхняя половина туловища представляла собой сплошной фасеточный глаз. Из шести рук четыре росли из плеч и по бокам, две других тончали

из-за спины и были также большего размера. В суставах они вращались свободно. Таким образом, феррит мог одинаково сражаться и вперед и назад. Акиро насчитал их десять особей. И эти десять успешно противостояли натиску чудовищных черепах с клыкастой пастью и мощными лапами. Сражение шло уже, видимо, давно. Был уничтожен только один защитник крепости, но черепахи не продвинулись ни на йоту.

— Интересно, как же мы их бить-то будем?— почесал в затылке Филька.

— Молча,— отрезал викинг.— Не могут же они быть неуязвимыми!..

— Это-то ладно, а вон те,— Филька мотнул головой в сторону черепах.— Их ты чем будешь убивать? Этим?— он сунул викингу под нос его копье.

— А кто тебе сказал, что мы будем с ними сражаться?— подал голос японец.— Пусть себе воюют. Мы зайдем с тыла. Через стену.

У Фильки отвалилась челюсть.

— Так ведь в ней добрых метров десять будет!

— Ну и что?— хладнокровно пожал плечами Акиро.

— Ты считаешь что я похож на обезьяну?— осведомился викинг.

— Да. На большую и безмозглую обезьяну,— японец вдруг разъярился.— Ты что, надеешься взять их в лоб? Никогда не получится. Мы переберемся через стену.

— А как?

— По веревке,— Акиро продемонстрировал бухточку троса толщиной с палец.

Эрик скептически хмыкнул.

— Не думаю, что этот шнурочек меня выдержит.

— Он запросто выдержит нас троих. Если боишься, скажи сразу.

— Я?!— викинг был страшно оскорблен.— Хочу тебе одно сказать: если ты сколупнешься, ничего не будет. А вот если я упаду, получится большая яма.

— Веревка выдержит,— твердо сказал Акиро.— Фил, отплыви немного от обрыва, чтобы нас не было видно, и правь в тыл крепости.

— На нас больше никто не нападет?

— Не знаю.

Еще пятнадцать минут ушло на то, чтобы завершить обходной маневр и спуститься вниз. По крутому склону драккар плыл так же, как и по гладкому — в метре над поверхностью. Людям пришлось сгрудиться у носового борта, чтобы не выпасть.

Остановившись у стены крепости, японец похлопал по нему рукой и повернулся к товарищам.

— Мы обойдем их с тыла и возьмем чашу Грааля!

— Голова у тебя того... варит,— восхищенно произнес Филька. Но похоже было, что Эрик отнюдь не разделяет энтузиазма своих соратников.

— Говори!— приказал ему Акиро.

— Видишь ли,— проникновенно начал викинг,— когда я был маленьким,— он показал ладонью, каким именно — примерно на полметра ниже своего могучего плеча,— и ходил под стол пешком, я и тогда жутко боялся высоты. Даже на лошадь из-за этого никогда не садился. Поэтому твой способ для меня неприемлем.

— Что ты предлагаешь?

— Вы лезьте, бог с вами, а я уж потихонечку отправлюсь к воротам и там сам с ними разберусь, со всеми этими гадами...

— Я не могу послать тебя на верную смерть!— категорически заявил японец.

— На какую смерть, что ты?— выставил ладони Эрик.— Ни о какой смерти и речи быть не может. Эти ублюдки никогда не сражались с викингами. Я им покажу, что такое настоящий боевой топор.

— Тебе не справиться со всеми сразу,— японец понял, что Эрика не отговорить, и начал рассчитывать варианты.

— А кто говорит, что я буду со всеми сражаться? Сначала разделаюсь с теми презренными трусами, что прячутся за спинами ходячих крепостей. Потом разберусь с пауками.

— Черепах не трогай, они могут быть полезны на первое время. Когда перебьешь пехоту, внимательно присмотрись к паукам. По-моему, их не стоит рубить сплеча. Особое внимание на конечностях. Ноги им обрубишь, потом принимайся за руки. Берегись задней пары рук. Она может сыграть на внезапности.

— Можешь быть спокоен,— заявил просиявший Эрик.— Я буду крайне внимателен и осторожен.

— Тогда постарайся задержать их как можно дольше. Чем меньше охраны будет в крепости, тем легче мы достанем чашу. А как только чаша будет в наших руках, войне конец.

* * *

— Какое низкое коварство!— л'гхоли буквально кипел и клокотал от гнева.— Уничтожить моих солдат, чтобы самим взять факс! Это против всяких правил! Надо немедленно остановить Игру.

— Вы знаете, что это невозможно,— покачал головой уттар.— Да и разве вы забыли, мой друг, как три цикла назад ваши солдаты перебили гренадеров Харла во внутренних помещениях крепости, чтобы первыми захватить факс?

Л'гхоли возмущенно булькнул, но крыть ему было нечем: подобный факт действительно имел место.

Трифф хихикнул.

— Сейчас мы посмотрим, как ваши хваленые солдаты управятся с одним землянином.

* * *

Эрик и Филька наблюдали, как японец готовится штурмовать стену крепости. Викинг был настроен скептически.

— Интересно, как ты собираешься забросить туда веревку?

Японец не ответил. Он прилаживал к рукам и ногам какие-то полоски с шипами. Закончив, подошел к стене, попробовал ее рукой... и полез по ней, как по лестнице. Эрик только рот разинул. Взобравшись метра на два, Акиро посмотрел вниз.

— Эрик, ты не раздумал? Мы можем завязать тебе глаза и поднять наверх, спеленатого, как младенца.

— Благодарю!— решительно отверг это предложение норвежец.— Мы уж лучше сами как-нибудь. Нет у меня доверия к твоим дьявольским штучкам.

— Что ж, ты сам выбрал себе судьбу,— вздохнул Акиро.

— Это они выбрали, а не я,— викинг самодовольно расхохотался.— А эти многоногие кадушки долго будут помнить Эрика, сына Олафа!

— Если у них есть, чем помнить,— пробормотал Акиро, проворно, как кошка взбираясь по стене.

Добравшись до верха, он осторожно высунул голову. Никого не было видно. Либо все ферриты были сосредоточены у ворот и у чаши, либо этот путь считался неприступным для всех.

Японец уселся на гребне, закрепил веревку и бросил ее вниз Фильке.

Рватый поправил шапку, крепко обнял и поцеловал Эрика, потом смахнул слезу и проворно, практически не уступая Акиро, полез по канату.

Громадный викинг остался стоять на палубе драккара с поднятой рукой.

— Вы можете положиться на меня,— произнес он вполголоса и подошел к рулю.

11. ЭРИК, СЫН ОЛАФА

Появление драккара было подобно грому с ясного неба для атакующих.

Черепахи тем временем смяли еще двух ферритов и продвинулись чуть вперед. Задний пехотинец заметил Эрика и что-то крикнул своим. Несколько голов повернулось с сторону драккара. Семь свежих, здоровых воинов против одного израненного и утомленного битвами.

После коротких переговоров трое противников остались за черепахами — видимо, их нужно было подгонять, да и оставшиеся трое слегка отличались по внешнему виду.

Четверо же остальных выстроились в ряд и медленно направились к драккару.

Эрик положил на борт копье. Он хотел покинуть борт судна, как можно позже, чтобы хоть как-то уравнять шансы. Но враг это понимал так же отчетливо. Четверка остановилась метрах в пяти от драккара и замерла в недвижимости.

Викинг внимательно рассматривал их. Внешне походившие на людей, эти существа обладали густым волосяным покровом. На голове был круглый шлем из матового материала, полностью закрывавший голову и без единого отверстия. Вооружены они были длинными мечами и треугольными щитами из такого же материала, что и шлем. Грудь была защищена чем-то вроде сетки с большими ячейками, от пояса начиналась короткая юбка, доходившая до колен. Обуты они были в сапоги из мягкой кожи.

— Ну что же вы, парни?— громогласно рявкнул Эрик.— Идите сюда, потолкуем!

Марги с планеты Рекха — это были именно они — не двинулись с места. Эрик не видел их лиц и не мог сказать, какое впечатление на них произвели его слова.

— Так, значит вы собираетесь стоять истуканами и молчать?— вслух произнес викинг.— Мужчины вы или нет?

Но все его призывы пропали втуне. Марги продолжали бесстрастно взирать на драккар, не трогаясь с места и держа оружие наготове. Эрик вздохнул и сплюнул.

— Что ж, раз вы не хотите идти ко мне, придется мне отправиться к вам.

Он грузно срыгнул на землю, охнув от боли в побитом теле. Постояв немного, чтобы прийти в себя, Эрик взял копье наперевес и стал осторожно приближаться к строю маргов. Те вдруг сделали по шагу в стороны, образовывая широкую дугу. Общались они, вероятно, мысленно, так как никаких внешних признаков переговоров не было.

Несмотря на их кажущуюся медлительность, они могли оказаться весьма опасными. Однако уже то, что они всемером добрались до крепости, уже о чем-то говорило. Правда, у них были черепахи, но они не могли защитить их от опасностей трудного пути. Эрик сравнил потери землян и даже проникся некоторым уважением к маргам.

— Но все равно, вам ничего не светит, ребята,— пробормотал викинг, уже примерно решивший как будет действовать.

Он сорвался с места и быстро побежал к центральному маргу в дуге. Остальные трое явно прозевали этот рывок, и грозный викинг на какое-то время оказался один на один с маргом.

Выпад копья пришелся в щит; в свою очередь Эрику пришлось отражать удар длинного острого меча. Краем глаза следя за соплеменниками марга, викинг предпринял еще одну попытку. Он метнул копье в марга, одновременно вытаскивая топор из ременной петли на поясе.

Марг проворно отскочил в сторону и на мгновение потерял Эрика из вида. Метко пущенный топор с хрустом врубился в туловище марга, хотя в последнюю минуту тот каким-то чудом попытался отразить его щитом.

Убил ли он этого противника, викинг не успел узнать: остальные трое маргов накинулись на него, размахивая мечами.

В рубке щит в щит, меч в меч Эрик всегда был силен. К тому же он был выше ростом, имел более длинные руки и его оружие было тяжелее. Да и марги явно недооценили одинокого противника, посчитав его легкой добычей. В этом им очень скоро пришлось разочароваться. Хотя маргов и было трое, хоть и были они весьма приличными бойцами, все равно против разъяренного викинга им было тяжело сражаться. Эрик раздавал удары направо и налево, правда, и сам много пропускал, но его доспехи и военная сноровка позволяли не обращать на них особого внимания.

Заметив, что крайний слева марг явно теряет силы, Эрик отбросил в сторону двух других соперников и налетел на раненого. Двумя ударами он выбил из рук меч, третьим снес полшлема вместе с тем, что под ним находилось. Марг зашатался и упал на колени. Для верности Эрик еще пару раз рубанул мечом по шлему и повернулся к двум последним маргам.

Те явно утратили свою самоуверенность и стояли плечом к плечу, рассчитывая, очевидно, управиться вдвоем. Мельком бросив взгляд на поверженного топором марга, Эрик удовлетворенно констатировал, что тот лежит неподвижно, и с яростным воплем накинулся на потерявшего уверенность соперника

Уже после схватки он был вынужден отдать должное мужеству маргов. Они бились с отчаянием обреченных. Один из них даже сумел нанести Эрику весьма болезненную рану в шею. Но все же натиск землянина был настолько силен...

Они не отступили ни на шаг, и остались лежать там же, где стояли.

Эрик отсалютовал им окровавленным мечом и направился забрать топор. Когда он склонился над поверженным маргом, тот внезапно повернулся к нему лицом и нанес удар мечом в живот викинга. Эрик удивленно крякнул, отпрянул назад и двумя ударами добил казавшегося мертвым противника.

Положив топор на землю, Эрик задрал кольчугу, чтобы осмотреть рану.

Острое, как бритва лезвие, смогло пробить металлические звенья и оставило довольно глубокую рану на теле.

Эрик разорвал нижнюю рубаху и замотал раны. Шея болела довольно сильно, в животе слабо жгло. Это был плохой признак, но сейчас нельзя было терять времени на пустяки.

Один из трех погонщиков обернулся и замер с открытым ртом. Видимо, для него была неожиданной столь быстрая расправа над маргами. Он что-то сказал своим соплеменникам, вытащил из ножен тяже-

лый палаш и поспешил викингу навстречу, вскоре к нему присоединился еще один.

— Ну с этими-то я одной рукой управлюсь!— усмехнулся Эрик.

Но вскоре ему пришлось пожалеть о своих словах. Гланы оказались на порядок выше маргов. Они потеснили Эрика, несмотря на то, что щитов у них не было — только палаши. Но это оружие так мелькало в воздухе, что викингу вскоре стало казаться, будто гланов не два, а по меньшей мере восемь.

Он уже не помышлял о быстрой победе — только бы дух перевести. Вскоре к его ранам прибавилось еще несколько, а гланы легко уклонялись от казалось бы верных ударов и атаковали непрерывно. Эрик запаниковал, чего не случалось с ним уже давно. Он не видел уязвимых мест у бешено дерущихся гланов.

Вскоре они настолько оттеснили его в сторону от основных событий, что викинг оказался прижатым к борту собственного драккара. Тут ему стало немного легче — спина была, по крайней мере, защищена. Но усердие гланов от этого не уменьшилось. Они как будто задались целью порубить гордого сына Олафа на мясной фарш. В конце концов Эрик решил плюнуть на честную борьбу... Когда на карту поставлена жизнь, тут уж не до рыцарства.

Эрик нырнул под днище драккара, с трудом протиснулся в дыру и вылез на палубу. Низко пригнувшись, он метнулся к борту, вскочил на него, готовый бросить топор, но гланов там уже не было. Они возвращались к своим черепахам. Эрик громко выругался и принялся орать самые страшные оскорбления в спину своим противникам. Те и ухом не повели, мерно вышагивая обратно.

Впервые викинг не знал, что делать. Он отчетливо понимал, что не управится даже с одним гланом, а там их было три.

* * *

— Вот и ваш хваленый воин!— л'гхоли буквально упивался собственным триумфом.— Факс будет моим и только моим!

— Не забывайте, что два моих воина уже в крепости,— возразил Харл, но на душе у него было неспокойно: черепахи задавили еще одного феррита и были уже на подступах к воротам.

Приободрившийся уттар напряженно следил за экраном, где двое землян пробирались к центру замка. Пока они успешно избегали схваток с ферритами.

* * *

Немного поразмыслив, Эрик решил навязать гланам свою тактику и поехал к воротам на драккаре. Он заготовил немного горшочков с горячей

смолой, не особо рассчитывая, что сможет ими воспользоваться с успехом. Но это давало ему хоть мизерный шанс на общий успех.

Гланы лишь головы повернули, когда драккар появился в опасной от них близости. Потом один из высоких худощавых, похожих на молодого медведя, воинов неторопливо отправился к драккару, показав тем самым неслыханное неуважение к боевым качествам землянина. Викинг просто задохнулся от бешенства.

— Ах так, паршивые собаки! Значит, вы меня больше не считаете за бойца?! Ну, ладно!

Он приготовил свои метательные снаряды, не собираясь вылезать из драккара до самого последнего момента. Но этот последний момент мог наступить значительно раньше, будь глан менее самоуверен.

Эрик ни разу не видел глана близко со спины, а когда смог это сделать, то результат был довольно неожидан.

Глан остановился метрах в пяти от носа драккара, потом за его спиной появились небольшие крылья. Он тяжело взлетел в воздух и опустился за спиной Эрика на палубе драккара. Хотя викинг и был удивлен, но его инстинкты взяли верх над сознанием: руки автоматически схватили два метательных снаряда и бросили глану под ноги.

Тот отпрыгнул в сторону, но зацепился за торчащую из палубы доску и упал.

Эрик коршуном налетел на него. Но глан в мгновение ока приподнялся и выставил палаш. Притормозив, викинг бросил в него еще один горшок и на этот раз попал в ногу противника. Глан зашипел от боли и вскочил. Еще один горшочек врезался ему в грудь.

Обезумевший от боли глан кинулся на викинга, быстро получил два удара мечом и был добит несколькими ударами топора. Это оказались чрезвычайно живучие существа. Даже с отрубленной головой он еще жил несколько секунд и мало того — пытался поразить викинга палашом.

Эрик перевел дух и осторожно выглянул из-за борта драккара. Гланы возились возле черепах. Ферритов видно не было.

Эрик осторожно тронул драккар вперед, стараясь приблизиться к гланам. Он приготовил копье и топор на случай, если им захочется еще полетать.

Но гланы сменили тактику. Одно из чудовищ неожиданно развернулось, и викинг увидел страшную разинутую пасть черепахи. Передвигалась она медленно, но шла точно на драккар.

Времени на раздумье не было. Решившись на отчаянный шаг, Эрик повел драккар прямо к разверстой пасти. Когда он сблизился для броска, он метнул в пасть черепахи два горящих факела и сразу же отскочил к корме. Предосторожность оказалась не излишней. Обожженная черепаха метнулась вперед и сомкнула страшные челюсти на носу драккара. Толстые бревна хрустнули, как тростинки. Пока черепаха пережевывала обшивку, Эрик копьем угодил ей в глаз и тут же подвергся атаке обоих гланов.

Викингу пришлось уйти в глухую защиту. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы ферриты не обошли последнюю черепаху и появились возле драккара. Гланы тут же оставили Эрика в покое и полностью переключились на нового противника.

Эрику представилась возможность понаблюдать, как сражаются ферриты, которых он до этого не видел в деле.

Проглотившая факелы черепаха корчилась в агонии, вторая лежала на земле, абсолютно безучастная к происходящему. Отсюда можно было сделать вывод, что ферриты каким-то образом смогли обезвредить ее.

Ферритов было шесть, гланов всего трое, но поначалу преимущество было на их стороне. Они вдвоем навалились на трех ферритов, быстро обрубили одному все конечности, повалили его на палубу драккара и поразили почему-то ударом в спину, между лопаток.

"Ага! Здесь у них, выходит, слабое место!" — мысленно отметил Эрик.

Пятеро оставшихся ферритов отступили. Гланы не стали их преследовать. Они стояли голова к голове и о чем-то совещались. Потом один из гланов направился к Эрику. Викинг приготовил оружие, но глан опустил палаш и что-то произнес, глухо и гортанно. Эрик сделал недоумевающий жест. Глан нетерпеливо махнул рукой в сторону ферритов и ткнул пальцем в грудь викинга.

— Ты предлагаешь мне объединиться с вами против них?— догадался Эрик. Он знаками высказал свою догадку, и глан быстро закивал.

Что ж, на данном этапе это было, пожалуй, разумно. Сначала разделаться с охраной, а уж потом можно будет решить, кто сильнее. Тем более, что гланы показали себя весьма умелыми бойцами. Видя, что землянин не против сотрудничества, глан похлопал себя по спине, чуть выше пояса и снова ткнул в сторону ферритов.

— Там уязвимое место, так?

Глан снова кивнул и махнул рукой, призывая землянина следовать за ним. Эрик осторожно оторвался от борта и последовал за гланом. Его товарищ удерживал ферритов на расстоянии.

Как только договоренность была достигнута, один из гланов стал за руль и направил драккар в обход тел черепах, к воротам. Ферриты заволновались.

Все шесть их рук были заняты каким-то оружием: топором, мечом, палицей, щитом. Один из защитников крепости громко застучал мечом по щиту, видимо, призывая на помощь. Из ворот крепости немедленно появился новый отряд ферритов в количестве семи душ.

Один из гланов тяжело взлетел и сверху обрушился на стоящих поблизости ферритов. Те тоже, очевидно, не знали об этой особенности гланов и сначала несколько растерялись. Глан успел тем временем поразить палашом еще двух ферритов, потом на него обрушился град ножей и топоров. Метко пущенный топор угодил прямо в крыло. Глан потерял равновесие и упал на землю перед драккаром. Ферриты накинулись на него, но тут в схватку вмешался Эрик. Он перепрыгнул

через борт, смахнул топором ноги одного феррита, воткнул кинжал в спину другого и очутился лицом к лицу с последним. Отряд из крепости был примерно на полпути к месту боя.

Перед Эриком возникло сразу шесть рук с оружием: один щит, три меча и два топора. Он немного растерялся — сейчас феррит представлялся совершенно неуязвимым. Но тут ему неожиданно помог лежащий на земле глан. С трудом приподняв израненное тело, он метнул свой палаш в спину феррита.

Тут же угрожающе поднятые руки вдруг сложились и повисли вдоль тела. Еще мгновение постояв, феррит осел на землю. Викинг нагнулся над гланом, но тот был уже мертв, весь посеченный лезвиями мечей.

Глан в драккаре отчаянно что-то кричал Эрику. Обернувшись, викинг увидел, что его обходят подоспевшие ферриты.

Норвежец вскочил на ноги и припустил к драккару. На его пути были два феррита. Когда Эрик подбежал поближе, они метнули в него сразу три топора. Один пролетел мимо, второй викинг отразил щитом, третий зацепил ногу. Кровь текла по ноге, прихрамывающий викинг мог бы стать легкой добычей, но его снова выручил глан. Он взлетел с носа драккара и уничтожил ферритов несколькими ударами палаша. Потом глан и землянин, стоя спиной к спине, были вынуждены биться против пяти ферритов. Тут Эрик в полной мере оценил их свирепость и искусство глана. Его палаш сверкал молнией, отсекая конечности с оружием, подрубая ноги ферритов. Один раз глан сбил викинга на землю, когда феррит метнул в них топор, потом снова быстро вскочил и набросился на врага. Ферриты были вынуждены отступить.

Но все же первым пал именно глан. Он попытался еще раз взлететь, чтобы оказаться в тылу у ферритов, запнулся о кочку и на секунду потерял равновесие. Ферриты моментально использовали эту его промашку. Даже лежа на земле, глан бился до последнего...

Эрик остался один против двух здоровых ферритов и одного, лишенного двух рук и задней ноги. Теперь он мог рассчитывать только на свои силы...

* * *

— Поразительно...— л'гхоли был несказанно удивлен самопожертвованием своих воинов.— Никогда бы не подумал, что они способны на это...

— Ну почему же?— Харл не был удивлен.— Гланы сделали единственно правильный ход — временно объединиться с конкурентом против общего врага. А разделавшись с ним, потом решить междоусобные дела. Я бы тоже так поступил.

— В этом отношении гланы и земляне чем-то схожи,— задумчиво изрек трифф.— Не думаю чтобы мои воины пошли на это. Может, поэтому они и проиграли?

* * *

Ферриты сосредоточили внимание на раненой ноге викинга. Один атаковал Эрика, не давая тому возможности прийти в себя, другой стал обходить сбоку, целясь в раненую ногу. Покалеченный феррит держался за их спинами, но был готов в любой момент вступить в бой.

Эрик с тоской понял, что это его последний бой. Он ослаб от потери крови, а ферриты были полны сил и решимости уничтожить его.

Не переставая закрываться щитом от сверкающей стали, викинг повторял про себя слова Акиро относительно конечностей ферритов. Да и гланы быстро сообразили, как можно вывести из строя эти машины убийства.

Собрав остаток сил, Эрик с ревом рванулся вперед и буквально налетел на стену железа в руках ферритов. Топор опустился на рогатый шлем викинга, едва не проломив голову Эрику. Норвежец зашатался, на секунду опустил щит и тут же получил удар в шею. Боль привела Эрика в чувство. Он отступил еще на шаг, поднял щит к лицу и налитыми кровью глазами уставился на расплывающиеся фигуры ферритов. Один из противников сделал шаг к нему, вращая над головой двумя мечами. Эрик упал на колени, сделал выпад топором и отсек ногу ферриту. Тот потерял равновесие и упал на землю. Это успех стоил викингу потерянного щита.

Здоровый феррит непрерывно атаковал, размахивая мечами. Викинг медленно отступал. Сил для нападения у него уже не было. Он попытался метнуть топор, метясь в ноги. Но ослабевшие руки потеряли былую меткость. Феррит легко уклонился от топора и следующим ударом отсек викингу кисть руки. Эрик завыл от боли, прощаясь с друзьями, но не собираясь сдаваться за здорово живешь.

Перехватив меч уцелевшей рукой, он решил применить трюк, некогда удавшийся против циклопа: с низко наклоненной головой бросился на феррита. Лезвие топора опустилось на его спину, но не смогло пробить кольчугу. На руках появилась еще пара ран, но цели он достиг — сбил феррита с ног. Оказавшись сверху, Эрик принялся работать мечом. Он успел отсечь две руки с мечами, когда подползший сзади феррит вонзил ему в бок лезвие меча.

Викинг откатился в сторону. Пораженный им враг медленно поднимался на ноги. Лицо Эрика заливала кровь, спина и руки представляли собой сплошную рану, но дух его был не сломлен.

Издав громкий крик, он поднялся с земли и накинулся на феррита, еще не успевшего обрести равновесие. Одним движением он отсек ему правую ногу, но это был его последний успех: две заспинные руки поразили Эрика мечами в грудь.

Викинг застонал, опустился на колени и попытался поднять меч, но не смог. Феррит занес топор над его головой. Викинг закрыл глаза.

Последним, инстинктивным движением он парировал топор мечом и вогнал клинок по рукоять в туловище феррита.

* * *

Уттар глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла. Трифф постучал хвостом по полу — это означало аплодисменты.

— Харл, ваш боец был бесподобен!

— Не стоит комплиментов.

— Не вижу, каким образом двое ваших воинов смогут забрать факс,— хмыкнул л'гхоли.— Если этот великан, так славно сражавшийся с моими воинами, не сумел победить ферритов, что смогут сделать те двое значительно уступающих ему в силе и ловкости?

— Я бы не советовал вам слишком недооценивать их,— заметил, Харл.

12. ПОСЛЕДНИЙ ШТУРМ

Перебравшись через стену, Акиро и Филька пару минут не двигались с места, прислушиваясь и присматриваясь к окружающему. Но все было тихо.

— Фил, ты должен запомнить одно: как только рука кого-нибудь из нас коснется чаши — война окончена. Если ты увидишь, что можешь достать ее даже ценой жизни — своей или моей, безразлично — ты обязан сделать это ради наших друзей.

— А ты?

— Ты не можешь того, что могу я,— кратко ответил Акиро.— Поэтому я и предупреждаю тебя; если со мной что-то случиться, ты не должен отвлекаться. Считай это моим последним приказом.

— Мы что, порознь пойдем?

— Пока нет. Потом — будет видно. Вперед!

По тому же канату они спустились вниз. Внутренний дворик был пуст. Видимо, вход во вторую, внутреннюю крепость был около ворот.

Акиро подошел к стене второй крепости и внимательно осмотрел ее. Потом снова надел свои шипы и полез вверх. Добравшись до верха, он скрылся за гребнем крыши. Филька остался ждать внизу.

По правде говоря, Рватый жутко боялся встречи с ферритами. Он не был уверен в том, что сможет одолеть хотя бы одного шестирукого. Он также сомневался, что даже вместе с Акиро сможет забрать чашу Грааля. Но они уже зашли так далеко, что назад пути не было. Да и пролитая кровь требовала отмщения.

А пока он стоял и ждал возвращения командира.

Акиро появился примерно через полчаса. Филька уже весь извелся, но двинуться с места не посмел.

Внутренняя стена была высотой метров пять. Филька ожидал, что японец спустится так же, как залезал, или сбросит веревку, но он ошибся: Акиро просто спрыгнул вниз. Филька только крякнул, когда приземистая фигура оказалась с ним рядом.

— Ну ты даешь...— тихо произнес Филька задирая голову, чтобы посмотреть на крышу.

— Ничего особенного,— пожал плечами Акиро и улыбнулся.— В крыше нет никаких отверстий, но на задней стене имеется окно, через которое мы с тобой проникнем внутрь. Я забрался туда и посмотрел, что к чему. Чаша стоит на постаменте в центре большой комнаты. Ее охраняют восемь ферритов. Еще трое стоят возле ворот, которые открыты настежь. Что твориться за оградой я не видел. Но там сейчас тихо. Либо сражение идет далеко за стенами, либо...— он умолк. Филька горестно вздохнул, Ему было жаль добродушного гиганта, к которому он успел привязаться.

— Не исключен вариант, что тебе придется сыграть роль приманки и отвлечь ферритов,— продолжал Акиро.

— Мне?!— Филька в ужасе прижал руки к груди.— Но как? Почему?

— Не забывай, что как только моя рука коснется чаши — мы победили. Я постараюсь сделать это как можно быстрее, чтобы они тебя не убили.

— Но я не могу! Я не справлюсь! Я же их...

— Я тоже их боюсь,— просто сказал японец, и Фильке сразу стало стыдно.

— Прости...

— Не извиняйся,— Акиро грустно улыбнулся.— Мне тоже не по себе. Столько хороших людей полегло... Мы должны взять чашу... ради них должны, понимаешь?

Филька смахнул рукавом слезу и стиснул зубы.

— Что надо делать? Говори.

— Сейчас мы с тобой залезем на крышу и спустимся через окно в зал. Ферритов всего одиннадцать. Это много даже для меня. Поэтому я хочу перехитрить их. Ты пошумишь, а я по потолку подкрадусь к чаше и возьму ее. Понял?

— Но как ты это сделаешь?— изумился Филька.

— Мое дело. Только ты не подведи. Можешь побегать от них, если боишься сойтись ближе. Главное — нашуми и, если сумеешь, убей хотя бы одного из них. Ты помнишь, что я говорил Эрику?

— Ноги им пообрубать?

— И руки. В ближний бой не лезь. Рук у них в три раза больше, живо потеряешь голову.

— Дак что ж делать-то мне тогда?— совсем растерялся Рватый.

— У меня есть одна идея, не знаю, правда, понравится ли она тебе или нет.

— Говори, чего уж там.

— Ты не полезешь на крышу, а пойдешь пешком к воротам. Сделаешь там попытку напасть на охранников у ворот. Она у тебя, естественно, не получится, и ты кинешься удирать. Тут есть два возможных варианта. Если ферриты так безмозглы, как кажутся, они кинутся преследовать тебя. Побегаешь от них вокруг дома. На случай опасности для жизни я тебе оставлю веревку, по которой мы спустились. Залезешь по ней на стену и пересидишь там, пока я не возьму чашу. Есть также второй вариант. Они не станут тебя преследовать, а останутся по-прежнему на выходе. Тогда тебе надо будет попытаться завязать с ними драку. Твое оружие несколько слабовато. Попробуй запастись огнем. Пару факелов... Не знаю, как они будут реагировать на огонь, но как-то отреагируют наверняка. Справишься?— Попробую,— Филька зябко поежился.

— Тогда начнем. Стой здесь и считай до ста, потом — вперед!

— Дак я... это...— Филька почесал в затылке.

— Что?— недоумевающе поднял брови японец.

— Не шибко грамотный я, вот чего!— сердито произнес Филька.

Японец коротко улыбнулся.

— Тогда сделаешь так. Будешь загибать пальцы на руках вот столько раз,— он быстро начертил на песке несколько палочек.— Загнул все — одна палочка долой, начинаешь снова. Как только все палочки кончатся — начинаешь двигаться. Теперь покажи мне, как станешь делать.

Впервые Фильке стало стыдно за свою необразованность. Он густо покраснел, поплевал на пальцы и принялся загибать их по очереди. Учеба продолжалась несколько минут, потом японец, удовлетворенный таким темпом, взятым Филькой, хлопнул его по плечу и полез по стене.

Филька уселся на песке перед рядом палочек и принялся аккуратно загибать пальцы. От усердия на висках у него выступил пот. Акиро посмотрел с крыши, как Филька старается, высунув язык, усмехнулся и осторожно заскользил к окну.

Зачеркнув последнюю палочку, взмокший от напряжения Филька перевел дух и поднялся на ноги. Одну ногу он отсидел, пришлось слегка ее размять. Потом глубоко вздохнул, перекрестился, потуже затянул кушак и пошел к воротам.

С каждым шагом его уверенность куда-то пропадала. Коленки тряслись, со стороны можно было подумать, что он идет на казнь. Да, в принципе, так оно и было. Хотя веревка на стене и давала какой-то шанс, все равно надежды на успех были мизерными, и Филька сознавал это отчетливо. Но его вера в умение Акиро была так велика и так велик был его авторитет, что он без колебаний шел навстречу гибели, продолжая надеяться, что всемогущий ниндзя вовремя остановит мечи ферритов.

Ворота показались довольно скоро. Самих ферритов не было видно. Филька остановился в двух шагах от проема. Еще секунда и ноги понесли его прочь. Промчавшись несколько метров, он снова устыдился своей трусости и решительно побежал обратно.

Его появление не было неожиданностью для стражников. Они тут же остановились поперек прохода с оружием наготове. Фильке впервые представилась возможность рассмотреть их поближе. Зрелище было, конечно, жуткое. Страшные паукообразные с шестью руками, в которых была зажата смерть. Остановившись перед ферритами, Филька заломил шапку на затылок, подбоченился и плюнул в их сторону.

— Ну что, рожи, кто желает сразиться с добрым молодцем?

Желающих не нашлось. Ферриты просто стояли и ждали развития событий. Филька постоял еще несколько секунд, потом уселся на песок и принялся орать ругательства. Но даже самые страшные проклятия не привлекли внимания ферритов. Охрипнув и устав, Филька сердито крякнул.

— Ничем их, паразитов, не проймешь. Эх, что ж делать-то?

Он еще некоторое время орал и размахивал топором. Ферриты стояли стеной и равнодушно молчали. Только что-то мелькнуло в их сетчатых глазах. Может, это было отражение землянина, а может, еще что-то, неизвестное Фильке.

Окончательно осатанев, Филька принялся швырять в них песком, потом, действуя по какому-то наитию, спустил портки и повернулся задом к ферритам, продолжая выкрикивать проклятия. То ли это напомнило ферритам какой-то их обряд, то ли им просто надоело смотреть на беснующегося ушкуйника, но как бы то ни было, они вышли из ворот и двинулись в атаку.

... И сделали это так быстро, что Филька едва успел надеть портки обратно. Поддерживая их руками и на ходу завязывая пояс, он со всех ног припустил в сторону веревки.

Ферриты оказались необычайно проворными. Вскоре расстояние между ними и драпающим во все лопатки Филькой значительно сократилось. Но вот и веревка.

Филька птицей взлетел на десятиметровую высоту и самодовольно взглянул вниз. То, что он там увидел, заставило его широко разинуть рот.

Ферриты шли по стене. Их тело располагалось параллельно земле. Они опирались на заднюю ногу и две запасные руки. Это было то, чего не мог предвидеть даже предусмотрительный Акиро. Теперь делать было нечего. Стена наверху была шириной в локоть. Филька стал на колени и приготовил топор.

Рогатину он оставил внизу, за стеной, и сейчас сильно жалел об этом. Знать бы, как дело обернется, можно было бы ее поднять и положить на гребень стены. Теперь вся надежда была на кистень, так как руки ферритов были намного длиннее Филькиных.

Едва первая пара рук показалась над стеной, Филька махнул кистенем. Рука феррита хрустнула и повисла плетью, но остальные руки были целы и угрожающе размахивали мечами. Да и Филька упустил из виду еще и то, что ферриты могли обойти его по стене, пользуясь своими способностями. Так оно и вышло.

Пока он пытался скинуть первого феррита, второй прошел по стене и выбрался на гребень шагах в десяти правее Фильки, а третий возник прямо перед ним, едва не зацепив его длинным обоюдоострым мечом за ногу. Филька высоко подпрыгнул и чудом опустился обратно. На какую-то долю секунды он потерял равновесие и отчаянно замахал руками, не выпустив, однако, кистеня из пальцев.

Воспользовавшись паузой ферриты вдвоем вылезли на гребень. Третий остался на стене, грозно шевеля руками и грозя снизу. Филька затравленно оглянулся. Его положение было крайне невыгодным. Ферриты чувствовали себя удобно в трех плоскостях, были лучше вооружены, а у землянина не было ничего, чем он мог бы напугать или победить их. Шаг, еще шаг — молчаливые бестии постепенно приближались.

Филька снова еле увернулся от удара снизу, но на этот раз равновесие удержать не смог. Но, видимо, рука господня направляла его падение. Грохнулся он прямо на стоящего внизу феррита. Тот от неожиданности не успел ничего предпринять и сорвался со стены. Полет длился какие-то доли секунды. Филька, обмирая, лежал на широкой груди феррита и горячо молился, хотя всю жизнь считал себя безбожником.

Удар был достаточно силен. Когда потрясенный Рватый открыл глаза, он увидел, что лежит далеко в стороне от распростертого тела феррита. Во время удара о землю, видимо задняя рука с мечом оказалась внизу и меч пропорол тело феррита насквозь. Филька немедленно задрал голову. Два уцелевших охранника медленно спускались со стены. Судя по всему, это составляло для них определенную сложность.

Филька быстро подобрал оружие мертвого феррита и подбежал к стене. Потом он стал метать оружие, целясь в ноги ползущих по стене ферритов.

Те не могли уклониться, всецело занятые спуском. Неизвестно, с какой именно попытки, но Филька все же преуспел. Пущенный им топор зацепил заднюю ногу феррита — а спускались они спиной вперед, если это можно было так назвать, так как разобрать, где перед, а где зад у этих страшных существ было довольно сложно — и свалил его на землю. Филька молнией метнулся к упавшему врагу, сразу отрубил ему две руки с топорами, потом вогнал три меча в туловище и снова переместился к стене.

* * *

— Довольно оригинальный способ ведения боя,— задумчиво пробормотал трифф,— но достаточно эффективный.

Уттару было не до шуток. Он неотрывно смотрел на экран, где Филька старался поразить последнего оставшегося в живых феррита.

— А он, пожалуй, собьет его,— ухмыльнулся трифф.— Признаюсь вам, Харл, я был весьма невысокого мнения именно об этом вашем бойце, но теперь вижу, что ошибался.

— Я тоже,— склонил голову Харл.

* * *

Последний феррит пытался защищаться, но Филька легко уклонился от летевших в него топоров, подобрал их с земли и принялся швырять в прежнего владельца. Но лишь когда феррит опустился примерно на половину стены, он смог добиться успеха. Метко брошенный топор перебил заднюю ногу. Феррит попытался удержаться на стене, но не смог и камнем полетел вниз. Упал он очень неудачно и переломал еще две ноги. Теперь он мог только ползать. Но даже лежащий и пресмыкающийся он представлял собой очень серьезную опасность.

Филька не полез на него очертя голову, а снова подобрал топоры и принялся методично расстреливать ими поверженного врага. Отрубив еще одну руку, Филька подобрался поближе и пустил в ход кистень. Вскоре еще одна рука повисла плетью с той стороны, где уже не было руки. Перебив последнюю руку, Филька смело подошел с безопасной стороны и добил феррита несколькими ударами топора.

Еще сам не веря в свою победу, он отступил на шаг назад, потом обессиленно опустился на песок.

— Надо же...— только и смог произнести он.— А ведь я уже совсем было с жизнью распрощался.

Но долго отдыхать было некогда.

* * *

— Я посмотрю, как этот ваш хваленый воин управится с ферритами внутри храма,— раздраженно заявил уттар, выведенный из себя язвительными репликами триффа.— Там они не станут лазить по стенам.

— А если он их заставит?— пропульсировал л'гхоли, азартно болевший за землянина.

— Пусть попробует,— сердито заявил уттар.

* * *

Когда в дверях храма появился Филька, японец от удивления едва не свалился с потолочной балки, по которой полз подобно пауку. Он никак не ожидал, что Рватому удастся так быстро управиться с тремя ферритами.

До чаши оставалось совсем немного. И удача Фильки вселила уверенность в слегка колебавшегося японца.

Радостный Рватый решил попытаться применить тот же трюк, чтобы выманить ферритов наружу. Но эти, стоявшие вокруг чаши Грааля, либо были из другого племени, либо имели твердый приказ не двигаться с места. Даже коронный номер со спущенными портками не прошел — стража стояла намертво.

Акиро немало подивился старанию Фильки, но продолжал медленно и упорно продвигаться к центру зала. Он уже примерно знал, как поступит: спрыгнет в центр, прямо на чашу и возьмет ее без схватки.

Уставший Филька опустился на песок и вытер пот. Ферриты упрямо не желали двигаться с места. Наверх Рватый даже и думал смотреть. Не дай бог это привлечет внимание ферритов — тогда Акиро придет конец.

Немного передохнув, он снова принялся орать и бегать вокруг ферритов, стараясь производить как больше шума. Это было только на руку Акиро. Он мысленно поаплодировал Фильке, не переставая думать об огромных глазах ферритов, которые могли видеть во всех направлениях. Только неожиданность может сыграть свою роль в овладении чашей Грааля. Впрочем, если Рватый каким-то образом сумел победить трех ферритов, то почему бы Морите не разделаться с восемью?

Филька настолько увлекся своими действиями, что прозевал появление противника с тыла. Когда два феррита отделились от чаши, направившись к нему, он проворно развернулся и остолбенел... Ворота перегораживали два покалеченных Эриком феррита, которые смогли добраться до входа и преградить дорогу Рватому. Секундное замешательство едва не стоило Фильке жизни. Два подоспевших здоровых феррита почти одновременно атаковали его сзади.

Совершив какой-то немыслимый пируэт, Филька чудом отвернулся от мечей ферритов и понесся к воротам. Там был хоть какой-то шанс вырваться на простор. Теперь его уже не смущали направленные на него жала мечей раненых ферритов. Размахивая кистенем, он вихрем налетел на растерявшихся монстров. Сейчас скорость и маневренность были союзниками землянина в борьбе с покалеченными врагами.

Один меч все же достал его, оставив рваную рану в боку, но Филька смог прорваться наружу, смахнув попутно еще одну руку ближайшему ферриту кистенем.

Выскочив наружу, он отбежал немного в сторону и оглянулся. Три мертвых феррита громоздились возле свисающей со стены веревки, но их соратники не торопились выбираться из храма. Филька по большей дуге обошел храм и оказался у самых ворот. На пороге никого не было, но полутьма зала особо не располагала забираться в нее.

— Чего же он медлит?— как заклинание повторял Рватый, сжимая в руке кистень,— Почему не берет чашу?

Он напрасно волновался. Японец уже держал чашу в руке, но это не оказало никакого влияния на ферритов. Они все вместе навалились на нового противника, не взирая, что охраняемый ими предмет снят с постамента.

* * *

— Надо немедленно прекратить сражение!— вскочил со своего места Харл,— Факс мой!

— Они меня не слушают,— сквозь зубы процедил уттар. Он был чернее тучи.

— Такого не может быть!— категорично заявил трифф.— Это непременное условие Игры, немедленное прекращение военных действий, как только рука претендента касается чаши.

— Я ничего не могу поделать,— уттар пожал плечами,— они отказываются повиноваться.

Пока всемогущие спорили, Акиро сам решил свою судьбу. Он уже понял, что что-то не связалось, и решил сам пробиваться на крышу. Он еще не знал, что ферриты достанут его и там.

Кинув несколько дымовых бомб, японец с быстротой молнии вскарабкался по стене и пополз по потолку к окошку.

Потерявшие его из виду ферриты сначала забеспокоились, потом, когда дым рассеялся, моментально обнаружили убегающего человека и тотчас кинулись за ним в погоню.

Буквально подпрыгивающий от нетерпения Филька заметил бегущего по крыше японца. Ферриты не смогли пролезть в окно, но решили вопрос крайне просто: проломили крышу и вылезли на нее.

— Как же так?..— прошептал Филька, увидев чашу Грааля в руках Акиро,— ведь он же взял ее! Ведь он же взял ее!!— дико закричал он, потрясая кистенем,— Ведь он же взял ее!!!

* * *

— Раз они не подчиняются вам, тогда я могу уничтожить их,— сухо произнес Харл.— Уважаемые друзья подтвердят, что я имею право остановить неповинующихся своими методами. Если через пять секунд вы не остановите ферритов, я их уничтожу. Итак, ваше слово?

Уттар ничего не ответил, но на экране было видно, как вылезшие на крышу ферриты побросали оружие и стали спускаться по стенам вниз.

* * *

Японец издал пронзительный крик и прыгнул вниз, прижимая чашу к груди. Филька рыдал, стоя на коленях и размазывая слезы по щекам.

— Дошли, дошли...— повторял он беспрерывно.

К нему мчался японец, потрясая чашей и что-то крича. Ферриты равнодушно провожали его взглядами. Они проиграли, но сражались достойно и не их вина, что противник оказался пусть не сильнее, но хитрее и проворнее.

Остановившись подле Фильки, японец бережно опустил чашу на песок и опустился перед ней на колени. Он низко поклонился, почти распластавшись на песке и что-то шепча про себя.

Филька приник пересохшими губами к драгоценной чаше, обнял ее, прижал к груди, не в силах что-нибудь произнести, только тряс головой.

ФИНАЛ

Когда перед ними во всем блеске появился сияющий Харл, земляне уже успели немного прийти в себя.

Филька охнул и перекрестился, увидев улыбающегося кварра.

— Дьявол! Господи, спаси и помилуй! Ведь это он явился мне перед тем, как я попал сюда! Смотри, смотри, Кирюха!

— Ты ошибаешься,— японца не ввела в заблуждение внешность Харла.— Это наш господин.

Он склонился перед Харлом в низком поклоне. Видя это, Филька тоже опустился на колени, но про себя продолжал горячо молиться.

— Ты прав, благородный Акиро Морита, я действительно тот, кто инструктировал вас и чьи интересы вы защищали. Теперь факс принадлежит нам, кваррам. И вы помогли достичь этого. Я вместе с вами скорблю об ушедших, они мужественно сражались и сделали все, чтобы этот предмет стал моим. Вы уже знаете, что теперь можете просить меня о чем угодно. Я выполню любую вашу просьбу, которую смогу выполнить. Просите.

Филька неуверенно посмотрел на японца. Тот медленно поднялся с земли и стоял прямо перед Харлом, глядя в глаза кварру.

— Если я правильно понял, ты можешь читать мои мысли,— произнес Акиро,— значит, для тебя не секрет, чего именно я хочу.

— Ты весьма проницателен,— улыбнулся Харл,— но это только твоя мысль. Может Фил думает иначе.

— Фил, я предложил господину следующее: если он смог вытащить нас с земли, где мы умерли, он должен смочь вытащить и наших погибших здесь товарищей...

— Правда?— обрадовался Филька.— Да я за Эрика готов руку отдать, только бы снова его увидеть.

— Но это еще не все,— остановил его японец движением руки.— Я попросил господина еще об одной услуге...— он помедлил, потом громко и отчетливо заговорил снова: — Я предложил господину услуги нашего отряда. Мы снова будем вместе сражаться за него!

Видя, что Филька нерешительно переминается с ноги на ногу, японец предупредительно добавил:

— Это только мое мнение, и оно касается только меня. Если кто-то из отряда будет против, он может выбирать себе другую судьбу, которая покажется ему более лучшей. Чтобы сбылась моя мечта, важно услышать и твое мнение.

Перед Филькой в одно мгновение промелькнула его прошлая жизнь на Земле: тяжелое, голодное детство, побои, произвол бояр, преследование стрельцов, его сотоварищи и друзья... Марфа... Это было, пожалуй, единственным светлым пятном. Но он не видел ее очень давно. Возле нее уже тогда увивался приказчик местного купца. А Филька был в бегах и видел Марфу только урывками. Их последняя встреча была и вовсе короткой. Марфа сухо говорила с ним, правда, обещала ждать, но не было в ее словах той убежденности, которая звучала раньше.

Харл и Акиро смотрели на него. Кварр безусловно знал все, что думает Филька, но не хотел оказывать на него никакого давления. Акиро напряженно смотрел в глаза товарищу по оружию и ждал.

— Сражаться, говоришь?— Филька глубоко вздохнул, стирая из памяти земные образы.— За святое дело, чего же не посражаться? Тем более, если, как ты говоришь, он может ребят вытащить, да и нас тогда вытащит, если что.

— Непременно,— подтвердил Харл.— Только вы не должны проигрывать.

— А кто говорит о проигрыше?!— раздался чей-то голос. Филька резко повернулся и бросился на шею стоявшему рядом Эрик с перевязанной рукой.— Привет, Фил! Акиро, я ужасно рад тебя видеть!

Гигант заключил в объятия друзей, а в пространстве крепостного двора один за другим стали появляться те, кто пал в борьбе за чашу, стоявшую сейчас на песке у ног Харла: Драго, Кайдер, Большое Озеро, Спыхальский...

У всех вновь появляющихся было еще удивление и недоумение на лицах, сменяющееся радостью и счастьем.

— Послушай, Акиро,— добродушно гудел викинг,— а этот наш рогатый приятель не может нам еще пару парней восстановить?

— Кого это еще?— удивился Лукулл,— немца, что ли?

— Да нет,— отмахнулся Эрик.— Ты до них не дожил. Циклопа того и пару гланов, с которыми я сражался? Будь они в нашей стороне, мы могли бы всю планету завоевать...

* * *

Услышав эти слова, л'гхоли буквально закипел от возмущения.

— Это мои солдаты! И никто, кроме меня не может распоряжаться их судьбой!

— Так кто мешает вам снова привлечь их к Игре?— хмыкнул трифф.— Мне-то и взор остановить не на ком. Придется набирать новое войско,— тяжело вздохнул он,— но если Харл оставит своих землян, мне

придется заключить с ним договор об аренде факса на определенный срок. Я не думаю, что кто-то сможет их победить. Может быть, нам стоит подумать о какой-нибудь другой игре, а факс оставить Харлу?

— Никогда,— провозгласил л'гхоли.— Я найду воинов, которые разобьют ваших хваленых землян!

— А мне предложение триффа кажется дельным,— медленно произнес, все еще не пришедший в себя уттар,— после поражения ферритов любые воины кажутся мне слишком слабыми.

— Может, вы и правы,— согласился л'гхоли,— но все равно я буду настаивать еще на одной попытке.

— Это ваше право,— уттар поднялся и подошел к экрану, чтобы поздравить Харла с победой.

Т. СТАРДЖОН

ЧУДОВИЩЕ

Оно шло по лесу.

Оно никогда не было рождено.

Оно существовало. В плесени, под сосновой хвоей, глубоко и бездымно горели огни. В жаре, во тьме и гниении был рост. Оно росло, но не было живым. Не дыша, оно шло по лесу и думало, и видело, и было отвратительно и сильно, и оно не было рождено и не жило. Оно росло и передвигалось без жизни.

Оно выползало из тьмы и горячей влажной почвы в холод утра. Оно было огромно. Оно ступало тяжело и было покрыто коркой своих собственных отвратительных веществ, и частицы их отпадали и лежали, корчась, и затихали, и проникали, разлагаясь, в лесной перегной.

Ни состраданием, ни радостью, ни красотой не обладало оно. Оно обладало силой и великим интеллектом, и, возможно, его нельзя было уничтожить. Оно выползло из своего могильника в лесу, где долго лежало, пульсируя на солнечном свету. Его клочки влажно отсвечивали в золотом сиянии, части его были комковаты и шелушились. Чьи же мертвые кости дали ему человеческий облик?

Оно болезненно скребло полуоформленными руками, колотило по земле и стволу дерева. Оно перекатилось и приподнялось на крошащихся локтях, вырвало большую пригоршню трав и в клочки разорвало их у груди, сделало паузу, и с разумным спокойствием разглядывало серо-зеленые соки. Пошатываясь, оно поднялось на ноги, схватило молодое деревце и уничтожило его, снова и снова складывая тонкий ствол, внимательно наблюдая за бесполезными волокнистыми щепками. И оно схватило замершее от страха полевое существо, медленно раздавило его, позволив крови и мясистой плоти с шерстью медленно просочиться между пальцев, стечь вниз и гнить на предплечьях.

Оно начало исследование.

* * *

Кимбо плыл сквозь высокие травы, как клубы пыли, кустистый хвост был крепко свернут на спине, длинные челюсти распахнуты. Он бежал легкими скачками, наслаждаясь своей свободой и силой своих боков и пушистых плеч. Язык апатично свисал с его пасти. Губы его были черные и влажные, и каждая крошечная губка раскачивалась в такт его песьего галопа. Кимбо весь был псом, весь — сильным, здоровым животным.

В высоком прыжке он перескочил через валун и приземлился с удивленным лаем, когда длинноухий кролик выскочил из своего тайника под скалой. Кимбо понесся за ним, всхрапывая при каждом мощном толчке своих лап. Кролик скакал прямо перед ним, держа дистанцию, уши расплющены по изогнутой спине, а маленькие ноги жадно поглощали расстояние. Он резко остановился, и Кимбо обрушился на него, но кролик просочился по касательной и юркнул в полое бревно. Кимбо негромко тявкнул и, сопя, поспешил к бревну, но, понимая, что потерпел неудачу, только раз сделал кульбит вокруг пня и побежал в лес. Существо, наблюдавшее из леса, подняло крошащиеся руки и стало поджидать Кимбо.

Кимбо ощутил его, стоящее в мертвой неподвижности на его пути. Для него это было просто большой массой, воняющим трупом, негодным для того, чтобы приближаться к нему, и он, с отвращением сопя, пробежал мимо.

Существо дало ему приблизиться и уронило на него тяжелый, скрюченный кулак. Кимбо удивился, что тот опускается, и плотно сжался на бегу, а рука парализующе попала ему по крестцу и послала его катиться и визжать вниз по склону. Кимбо поднялся, широко расставляя лапы, потряс головой, встряхнулся с низким рычанием и повернулся к молчащему существу. В его глазах горела зеленая жажда убийства. Он шел, жестко опираясь на землю, на прямых лапах, хвост опущен так же низко, как и голова, шерсть на шее встала дыбом от ярости. Существо снова подняло руки и молча ждало.

Кимбо пошел медленнее, а потом внезапно прыгнул к горлу чудовища. Челюсти его сомкнулись, зубы лязгнули друг о друга, пройдя сквозь массу грязи и он упал к ногам существа, задыхаясь и рыча. Оно наклонилось и ударило дважды, и после того, как спина пса была сломана, оно село рядом и начало раздирать его на части.

* * *

— Буду через час или около того,— сказал Альтон Дрю, вытаскивая свою винтовку из угла за деревянным ящиком.

Его брат рассмеялся.

— Похоже, старик Кимбо руководит твоей жизнью, Альтон,— сказал он.

— А, я знаю старого чертяку,— сказал Альтон,— когда я полчаса свищу ему, а он не показывается, то он или в беде, или загнал что-то стоящее выстрела. Старый хитрец зовет меня, не отвечая.

Кэри Дрю сунул полный стакан молока своей девятилетней дочери и улыбнулся.

— Ты об этом своем псе думаешь столько же, сколько я о Детке.

Детка соскользнула со стула и подбежала к дяде.

— Хочешь поймать мне большого плохого дядю, а, дядя Альтон? — пронзительно завизжала она.

"Плохой дядя" был изобретением Кори — он прячется по углам, готовый наброситься на маленьких девочек, которые гоняются за цыплятами и играют около движущихся машин, и швыряют в бока свиней зеленые яблоки сильной молодой рукой, чтобы услышать одновременно звук удара и возмущенный хрюк: маленьких девочек, которые ругаются с австралийским акцентом, как человек, которого они как-то нанимали; которые выкапывают в копнах сена пещеры, пока те не перевернутся, и держат свою зверушку — речного рака — в бидонах для завтрашнего молока, и ездят на лошадях до появления пены, на ночном пастбище.

— Иди сюда и держись подальше от ружья дяди Альтона! — сказал Кори,— если увидишь плохого дядю, Альтон, гони его сюда. У него свидание с Деткой за ее выходку прошлой ночью.

Прошлой ночью Детка добросовестно посыпала перцем коровью каменную соль.

— Не беспокойся, малышка,— усмехнулся ее дядя.— Я принесу тебе шкуру плохого дяди, если он первым не доберется до меня.

* * *

Альтон Дрю шел по тропе к лесу, думая о Детке. Она феномен — избалованный фермерский ребенок. А, ладно, ей приходится быть такой. Оба они любили Клиссу Дрю, а она вышла замуж за Кори, и ему приходится любить ребенка Клиссы. Забавная штука — любовь. Альтон был мужчиной и мыслил соответственно, его реакция на любовь была сильна и пугающа. Он знал, что такое любовь, потому что по прежнему испытывал ее к жене своего брата и будет испытывать, пока жив, к Детке. Любовь вела его по жизни, и все же он приходил в замешательство, думая о ней. Любить собаку проще, потому что она без слов все понимает , и вы с собакой можете любить друг друга, не говоря об этом. Запах порохового выстрела и мокрая шерсть были достаточными духами для Альтона, это не то, что любовь человека к человеку, когда перехватывает горло, так, что нельзя сказать слова. Так что Альтон Дрю любил своего пса Кимбо и свой винчестер и позволил любви к жене своего брата Клиссе и Детке пожирать его тихо и незаметно.

Его острые глаза заметили свежие отпечатки в мягкой земле за валуном, показывающие, где Кимбо повернул и сиганул одним прыжком,

преследуя кролика. Не обращая внимания на следы, он начал оглядываться в поисках ближайшего места, где мог бы спрятаться кролик, и зашагал к пню. Он увидел, что Кимбо побывал здесь, и слишком поздно.

— Старый дуралей,— пробормотал Альтон.— Ты не можешь поймать кролика, гонясь за ним. Тебе нужно обмануть его как-то.

Он издал своеобразный вибрирующий свист, уверенный, что Кимбо яростно подкапывается под какой-нибудь пень в поисках кролика, который к этому времени уже убежал за три графства. Нет ответа. Немного озадаченный, Альтон вернулся на тропу.

— Он никогда так не делал,— сказал он тихо.

Он взвел курок своего 32-40 и взял его в руки. На ярмарке графства кто-то рассказывал об Альтоне Дрю, что он может выстрелить в подброшенную пригоршню зерна и гороха и попасть на выбор только в зерно или в горошину. Однажды он расщепил пулю о лезвие ножа и погасил свечу. Ему не надо было бояться ничего, во что бы можно было выстрелить. Он в это верил.

* * *

Существо в лесу с интересом смотрело вниз, на то, что оно сделало с Кимбо, и попыталось заскулить, как Кимбо перед смертью. Оно постояло с минуту, заполняя информацией свой отвратительный, неэмоциональный ум. Кровь была теплой. Солнечный свет был теплым. Твари, что двигаются, имеют мускулы, чтобы заставить густую жидкость бегать по маленьким трубкам в их телах. Через некоторое время жидкость коагулирует. В зеленых штуках с корнями жидкость жиже, и потеря членов для них не означает потерю жизни. Это было очень интересно, но существо — член с разумом, не было довольно. Не было оно и недовольным. Его случайным побуждением была жажда знаний, и оно было просто заинтересовано.

Время шло, солнце потемнело и ненадолго замерло на холмистом горизонте, превращая облака в опрокинутое пламя. Существо внезапно вздернуло голову, заметив сумерки. Ночь всегда была странна, даже для тех из нас, кто знает ее в жизни. Она была бы пугающа для чудовища, будь оно способно испытывать страх, но оно могло только испытывать любопытство, оно могло делать умозаключения из того, что наблюдало.

Что происходит? Становится труднее видеть. Почему? Оно повертело из стороны в сторону своей бесформенной головой. Правда, — все виделось смутно и становилось все более неясным. Все изменяло облик, принимало новый и более темный цвет. Что видели существа, раздавленные и разодранные им? Как они видят? Большое существо, то, что нападало, использовало два органа на своей голове. Так должно быть, потому что после того, как были оторваны две лапы собаки, оно ударило по волосатой морде, и пес, видя неминуемый удар, уронил поверх этих органов складки кожи — закрыл глаза. Следовательно, пес видит гла-

зами. Но потом, когда пес умер, и его тело затихло, повторные удары не оказывали влияния на глаза. Они оставались открытыми и смотрящими. Значит, следовало логическое заключение, существо, прекращая жить и дышать — теряет способность пользоваться глазами. И, должно быть, наоборот, потерять зрение — значит умереть. Мертвые не ходят. Они лежат и не двигаются. Поэтому существо в лесу заключило, что оно должно быть мертвым, и оно легло недалеко от разбросанного тела Кимбо, легло и поверило, что оно мертво.

* * *

Альтон Дрю вошел в лес в сумерках. Он искренне тревожился, поэтому снова свистнул, потом позвал, но ответа по-прежнему не было, и он повторил:

— Этот старый автобус для блох никогда не поступал так,— и покачал тяжелой головой. Подходит время дойки, и Альтон будет нужен Кори.

— Кимбо!— взревел он.

Крик отозвался эхом из теней, а Альтон поставил винтовку на предохранитель и оперся прикладом о землю рядом с тропой. Он снял фуражку и почесал в затылке, удивляясь. Приклад погрузился, как он считал, в мягкую землю. Он пошатнулся и наступил на грудь существа, лежащего у тропы. Его нога по лодыжку ушла в податливую грудь, он выругался и отскочил.

— Фью! Здесь что-то чертовски мерзкое! Уф!— Он потер ботинок пригоршней листьев, а чудовище лежало в собирающейся мгле, с глубокими отпечатками его ног на груди. Края отпечатков осыпались внутрь, заполняя их. Оно лежало, смутно рассматривая Альтона своими грязными глазами, считая себя мертвым по причине темноты. Оно глядело на сочленения суставов Альтона Дрю, удивляясь этому новому неосторожному существу.

Еще одной пригоршней листьев Альтон очистил приклад и пошел по тропе, с тревогой высвистывая Кимбо.

* * *

Клисса Дрю, очень привлекательная, в платье с красными квадратиками и синем переднике, стояла в дверях молочного сарая. Ее волосы были чистого желтого цвета, разделенные посередине и туго стянутые назад в тяжелый заплетенный узел.

— Кори! Альтон!— резковато позвала она.

— Ну?— сердито отозвался Кори из сарая, где доил Айтиширку. Сужающиеся потоки молока весело шлепались в пену полной бадьи.

— Я зову и зову,— сказала Клисса.— Ужин остыл, и Детка не будет есть, пока ты не придешь. Да, а где же Альтон?

Кори хрюкнул, отставил с дороги стул, перебросил запор стойла и шлепнул Айтиширку по крестцу. Корова поднялась и послушно, как буксируемое судно, застучало копытами вдоль рядов и вышла во двор.

— Он еще не вернулся.

— Не вернулся?— Клисса вошла и встала рядом с ним, когда он уселся за следующую корову, прижалась к ее теплому боку.— Но Кори, он сказал...

— Да, да, я знаю. Он сказал, что к дойке вернется. Я это слышал.

— И тебе приходится... О, Кори, я помогу тебе закончить. Альтон вернулся бы, если бы смог. Может быть, он...

— Может быть, он выслеживает голубую сойку,— рявкнул ее муж.

— Он и этот проклятый пес.— Одной рукой он сделал мощный жест, другой продолжал доить.

— Мне надо доить двадцать шесть коров. Мне надо накормить свиней и отправить спать цыплят. Мне надо набросать сена коровам и кобыле, выгнать упряжку. — Некоторое время он молча доил, жуя губу. Клисса стояла, скрестив руки, пытаясь придумать что-нибудь, чтобы воспрепятствовать начинающемуся скандалу. Не в первый раз уже охота Альтона вмешивалась в поденную работу.

— Так что я должен продолжать. Я не могу помешать Альтону охотится. Каждый раз, когда этот его проклятый пес учует белку, я остаюсь без ужина. Мне до тошноты надоело...

— О, я помогу тебе!— воскликнула Клисса. Она подумала о той весне, когда Кимбо сдерживал четыреста фунтов веса разъяренной черной медведицы, пока Альтон не смог всадить ей пулю в мозг, о том времени, когда Детка нашла медвежонка и стала тащить его домой, и упав в паводок, поранила себе голову. Нельзя ненавидеть собаку спасающую для тебя твоего ребенка, подумала она.

— Хватит!— прорычал Кори. Возвращайся в дом. Там ты найдешь достаточно работы. Я приду, когда смогу. Черт побери, Клисса, не плачь! Я не хотел... О, черт!— Он встал и обнял ее.— Я перетрудился,— сказал он.— Теперь иди. Нечего мне было говорить с тобой так. Я извиняюсь. Возвращайся к Детке. Этой ночью я дождусь Альтона и положу этому конец. С меня достаточно. Тут работы на четверых, а все, что у нас есть, это я и этот... охотник. Теперь иди, Клисса.

— Хорошо,— сказала она ему в плечо.— Но, Кори, сначала выслушай его, когда он придет. Может быть он... он...

— Моему брату не может быть опасным ничто, во что бы можно загнать пулю. Он может позаботиться о себе. На этот раз у него не может быть хороших извинений. Теперь иди. Заставь малышку кушать.

Клисса вернулась в дом, молодое лицо ее исказила гримаса. Если теперь Кори поссорится с Альтоном, а это очень может быть, то приближающаяся засуха, а с ней молочные проблемы — могут погубить их. Нанять человека нельзя было ни под каким видом. Кори придется работать до упаду, и он просто не сможет сделать это. Никто не смог бы.

Она вздохнула и вошла в дом. Семь часов, а дойка еще не закончена. Ох, и почему это Альтон...

В девять Детка была в постели, когда Клисса услышала, как Кори в сарае швырнул в угол подойник.

— Альтона еще нет?— спросили оба разом, когда Кори вошел на кухню. И когда она покачала головой, он тяжело прошагал к плите и, подняв крышку, сплюнул в пылающие угли.

— Пошли спать,— сказал он.

Она отложила шитье и посмотрела на его широкую спину. Ему двадцать восемь, а ходит и ведет себя он, как мужчина на десять лет старше.

— Я скоро закончу,— сказала Клисса.

Кори глянул в угол за деревянный ящик, где обычно стояла винтовка Альтона, издал трудновоспроизводимый звук отвращения и сел, чтобы снять тяжелые, заляпанные грязью ботинки.

— Уже больше девяти,— робко высказалась Клисса.

Кори ничего не ответил, потянулся за домашними тапочками.

— Кори, а ты не собираешься...

— Что не собираюсь?

— О, ничего. Я просто подумала, что может быть, Альтон...

— Альтон,— вспыхнул Кори.— Пес идет охотиться за полевой мышью. Альтон идет охотиться за псом. Теперь ты хочешь, чтобы я охотился за Альтоном. Ты этого хочешь?

— Я просто... Он никогда еще так не опаздывал.

— Не пойду! Искать его в девять часов ночи? Будь проклят! Нечего ему поступать с нами так, Клисса.

Клисса ничего не ответила. Она подошла к печке, заглянула в бак для кипячения белья, поставила его на край кухонной плиты. Когда она обернулась, Кори уже снова одел ботинки и пиджак.

— Я знала, что ты пойдешь,— радостным голосом сказала она. Глаза же ее остались грустными.

— Я вернусь скоро,— сказал Кори.— Не думаю, чтобы он ушел далеко. Уже поздно. Я не боюсь за него...— Он переломил свой дробовик двенадцатого калибра, посмотрел на свет сквозь стволы, вставил в казенник два патрона, а пачку с патронами сунул в карман.

— Не жди меня,— буркнул он через плечо и вышел.

— Не буду,— ответила Клисса закрытой двери и вернулась к своему шитью у лампы.

Кори, всматриваясь и крича, вышел на тропу, взбиравшуюся к лесу. Стало совсем темно. Воздух был холодный и спокойный, и в нем был зловонный запах плесени. Кори вдохнул этот запах через нетерпеливые ноздри, снова потянул воздух и на следующем вдохе выругался.

— Чепуха,— бормотал он.— Чертов пес. Охота в десять часов ночи, тоже мне. Альтон!— взревел он.— Альтон Дрю!

Ему ответило эхо, и он вошел в лес.

Существо, беспорядочной грудой лежавшее в темноте, слышало его и ощущало вибрацию от его шагов, но не двинулось, потому что считало себя мертвым.

Кори шагал, глядя по сторонам и вперед, а не вниз, так как знал тропу.

— Это ты, Кори?

Кори Дрю замер. Угол леса был густ и темен, как могильный склеп. Голос, услышанный им, был приглушенным, спокойным и проникновенным.

— Альтон?

— Я нашел Кимбо, Кори.

— Какого черта, где ты был— яростно закричал Кори. Ему не нравилась эта кромешная тьма, он был испуган напряженной безнадежностью голоса Альтона и сомневался в своей способности долго сердиться на брата.

— Я звал его, Кори. Я свистел ему, но старый чертяка не отвечал.

— Могу сказать то же про тебя, ты... подонок. Почему ты не пришел на дойку? Где ты? Ты попал в западню?

— Пес до этого никогда не забывал мне ответить, ты знаешь,— голос говорившего был тугим и монотонным.

— Альтон! Что за чертовщина с тобой творится? Какое мне дело, если твой остолоп не отвечает? Где...

— Я полагаю потому, что он еще раньше никогда не умирал,— сказал Альтон, не желая, чтобы его перебивали.

— Т ы ч т о?— Кори дважды шлепнул губами.— Альтон, ты сошел с ума? Что ты сказал?

— Кимбо мертв.

— Кимбо... ох! Ох!— Кори вновь увидел перед собой картину: Детка, растянувшаяся без сознания в воде, и Кимбо, неиствующий и щелкающий зубами, удерживающий чудовищную медведицу, пока Альтон не смог добежать туда.— Что случилось, Альтон?— спросил он более спокойно.

— Я намерен выяснить это. Кто-то разорвал его на части.

— Р а з о р в а л его?

— От него не осталось ни одного целого кусочка, Кори. Каждый проклятый сустав его тела оторван. Кишки выпущены.

— Боже милосердный? Ты считаешь, что это медведь?

— Не медведь и ничто на четырех ногах. Он весь здесь. Ничего не съедено. Кто бы это ни сделал, он просто убил его и разорвал в клочья.

— Боже милосердный,— снова повторил Кори.— Кто мог...

Последовало долгое молчание.

— Пойдем домой,— сказал он почти нежно.— Нечего тебе страдать по нему всю ночь.

— Нет! Я хочу здесь быть на восходе, и собираюсь идти по следу, пока не найду того, кто сотворил такое с Кимбо.

— Альтон, ты пьян или сошел с ума.

— Я не пьян. Об остальном можешь думать, что хочешь. Я остаюсь здесь.

— Вон там у нас ферма, помнишь? Я не собираюсь утром снова доить двадцать шесть коров, как сделал это только что.

— Кому-то все-таки придется. Я не могу быть там. Думаю, все-таки придется тебе, Кори.

— Грязный подонок!— завопил Кори.— Ты сейчас вернешься со мной, или я не знаю, что сделаю.

— Не подходи ближе, дружище,— голос Альтона был по-прежнему тугой, монотонный, полусонный.

Кори продолжал двигаться на голос Альтона.

— Я сказал,— теперь голос был очень спокоен.— С т о й н а м е с т е.

Кори продолжал идти. Резкий щелчок поведал о том, что 32-40 снят с предохранителя. Кори остановился.

— Ты направил на меня ружье, Альтон?— прошептал он.

— Правильно, дружище. Ты не затопчешь мне эти следы. Они будут нужны мне на рассвете.

Прошла полная минуту, и единственным звуком в темноте было обиженное дыхание Кори. Наконец:

— У меня тоже есть ружье, Альтон. Пойдем домой.

— Ты не можешь видеть, чтобы выстрелить в меня.

— В этом мы на равных.

— Нет. Я точно знаю где ты стоишь, Кори. Я здесь несколько часов.

— Мой дробовик с разбросом.

— А мое ружье убивает на месте.

Без дальнейших слов Кори развернулся на каблуках и затопал обратно на ферму.

* * *

Черное и жидковатое, лежало оно в темноте, не живое и не понимающее смерти, считающее себя мертвым. Живые существа видят и передвигаются. Неживые не могут делать ни того, ни другого. Оно остановило свой мутный взгляд на линии деревьев на вершине холма, и глубоко внутри него влажно сочились мысли. Оно лежало беспорядочной грудой, разделяя вновь приобретенные факты, анатомируя их, как анатомировало живые существа, когда был свет: сравнивало, умозаключало, классифицировало.

Деревья на вершине холма едва можно было различить, так как их ветви были на малейший оттенок светлее темного неба за ними. Со временем ветви тоже исчезли, и за мгновение небо и деревья стали неразличимы. Существо знало, что сейчас оно мертво. И, как многие до него, думало, а как долго оно должно оставаться в таком состоянии? Потом небо за деревьями начало чуть светлеть. Это явно

невозможное событие, думало существо, но оно видит это, и значит так должно быть. Живут ли снова мертвые существа? Это любопытно. Как насчет расчлененных мертвых? Оно продолжало лежать, оно подождет и посмотрит.

Солнце пришло рука об руку с лучом света. Где-то птица издала высокий, зевающий писк, и в то время, как сова убила землеройку, скунс прыгнул на другую, ночная смена смертей без перерыва сменялась дневной. Два цветка лукаво кивали друг другу, сравнивая свои прелестные одеяния. Куколка стрекозы решила, что устала выглядеть серьезной, и с треском распахнула настежь свою спину, чтобы выползти на свет и лететь, блистая крыльями. Первый золотой луч проложил себе путь сквозь деревья, сквозь травы, прошел над зловонной массой в густом кустарнике.

— Я снова живое,— подумало существо.— Я живое, так как ясно вижу.

Оно встало на толстые ноги и поднялось в золотое сияние. Через некоторое время чешуйки, выросшие за ночь, подсохли на солнце, и когда оно сделало первые шаги, потрескались, и мелким дождем осыпались вниз. Оно пошло вверх по склону, найти Кимбо и посмотреть, живет ли он тоже снова.

* * *

Детка позволила солнцу войти в комнату, открыла глаза. Дядя Альтон исчез — это первым пришло в голову. Папа пришел домой поздно ночью и целый час орал на маму: Альтон абсолютно ненормальный, он направил ружье против собственного брата, и если когда-нибудь Альтон хоть на десять футов зайдет на землю Кори, Кори его так продырявит, что он станет похож на старое сито. Альтон ленив, неповоротлив, эгоистичен. Затем последовали одно или два выражения сомнительного вкуса, но несомненной яркости. Детка знала своего отца. Дядя Альтон никогда не будет в безопасности в этом графстве.

Она соскочила — неизбежный способ подниматься на ноги у очень молодых — с кровати и подбежала к окну. Кори с двумя уздечками через плечо устало тащился к ночному пастбищу, намереваясь запрячь упряжку. Снизу доносились кухонные шумы.

Детка сунула голову в таз, и перед тем как вытереться полотенцем, отряхнулась, как терьер. Волоча за собой чистые рубаху и брюки, она подошла к лестнице, скользнула в рубаху, и начала утренний ритуал со штанами. Шаг вниз — шаг в первую штанину, еще шаг — и она в левой. Затем, скача обеими ногами со ступеньки на ступеньку, застегивая за каждую ступеньку одну пуговицу, она добралась до низа полностью одетой и вбежала в кухню.

— Дядя Альтон еще не вернулся, мам?

— Доброе утро, Детка. Еще нет, дорогая.

Клисса слишком спокойно, слишком много улыбается, проницательно подумала Детка, но она не радостна.

— Куда он пошел, мам?

— Мы не знаем, Детка. Садись, и ешь свой завтрак.

— Мам, что такое ублюдок?— внезапно спросила Детка. Ее мать чуть не выронила тарелку, которую вытирала.

— Детка! Ты больше не должна никогда так говорить

— О-о, ладно, почему тогда дядя Альтон?

— Что он "почему"?

Рот Детки сомкнулся на безразмерной ложке с овсянкой.

— Ублю...

— Детка!

— Хорошо, мам,— сказала Детка с полным ртом.— Так почему?

— Говорила я Кори не кричать прошлой ночью,— наполовину про себя заметила Клисса.

— Ладно, что бы это ни значило, он не такой,— безоговорочно сказала Детка.— Он снова пошел охотиться?

— Он пошел искать Кимбо, дорогая.

— Он тожс не вернулся?

— Нет дорогая, О, пожалуйста, Детка, перестань задавать вопросы.

— Хорошо. Как ты думаешь, куда они пошли?

— В северный лес. Успокойся.

Детка принялась поглощать завтрак. Ее внезапно осенила мысль и обдумывая ее, она ела все медленнее и медленнее, бросая все больше и больше взглядов на мать из под ресниц своих полуопущенных глаз. Будет ужасно, если папочка сделает что-нибудь дяде Альтону. Кто-то должен предупредить его.

Детка была на полпути к лесу, когда 32-40 Альтона послал хихикать эхо вверх и вниз по долине.

* * *

Кори был на южной тридцатке, вел культиватор и ругал упряжку серых, когда услышал выстрел.

— Хоа!— крикнул он лошади и мгновение сидел, прислушиваясь.

— Раз, два, три, четыре,— сосчитал он.— Увидел кого-то и выстрелил. Имел шанс прицелиться и снова повторить. Боже мой!

Он вытащил острия культиватора и погнал упряжку в тень трех дубов.

Стреножив мерина быстрыми бросками найденного ремешка, он направился к лесу.

— Альтон — убийца,— пробормотал он и побежал обратно к дому за ружьем. Клисса стояла на пороге.

— Дай патроны!— рявкнул Кори и кинулся в дом. Клисса последовала за ним. Он пристегнул охотничий нож до того, как она смогла снять с полки коробку.

— Кори...

— Слышала ружье, да? Альтон спятил. Он только что стрелял в кого-то, и когда я видел его в последний раз, он не собирался стрелять в куропаток, а желал заполучить человека. Дай ружье!

— Кори... Детка...

— Держи ее здесь. О боже, какая неприятность! Я больше не могу терпеть.— Кори побежал к двери.

— Кори,— Клисса поймала его за руку.— Я пытаюсь сказать тебе. Детки здесь нет. Я звала, а ее нет.

Тяжелое, старо-молодое лицо Кори окаменело.

— Детка... Где ты в последний раз видела ее?

— За завтраком,— теперь Клисса плакала.

— Она сказала, куда пойдет?

— Нет. Она задавала вопросы об Альтоне, интересовалась, куда он исчез.

— Что ты сказала? Ты сказала ей?

Глаза Клиссы расширились, и она кивнула, закусив губу.

— Не надо было бы тебе этого делать, Клисса,— проскрежетал он и побежал в сторону леса. Клисса глядела ему вслед и в этот момент готова была убить себя.

Кори бежал по направлению к лесу по длинной тропе, напрягая ноги, легкие и глаза. Он пропыхтел вверх по склону к лесу, мучительно дыша после сорока пяти минут изнурительного бега. Он даже не смог заметить в воздухе тяжелого сырого запаха плесени.

Он уловил движение в зарослях справа и упал на землю. Стараясь сдерживать дыхание, он полз вперед, пока не смог ясно увидеть. Да, там что-то было. Что-то черное, сохраняющее неподвижность. Кори полностью расслабил ноги и торс, чтобы сердцу было легче успокоиться, и медленно поднимал 12-й калибр, пока тот не остановился на скрывавшемся в зарослях.

— Выходи!— крикнул Кори, когда смог заговорить.

Ничего не произошло.

— Выходи, ради бога, или, я буду стрелять!— проскрежетал Кори.

Последовал долгий миг молчания, и его палец на курке отвердел.

— Ты на это напросился,— сказал он, и когда выстрелил, существо, вопя, выпрыгнуло на открытое место.

Это был тощий человечек, одетый в черное, и такого розовейшего детского личика Кори еще не видел. Личико было перекошено страхом и болью. Человечек поднялся на ноги и запрыгал вверх-вниз, причитая:

— О, моя рука. Не стреляй больше! О, моя рука. Не стреляй больше!

Он остановился немного погодя, когда Кори поднялся на ноги и стал рассматривать фермера печальными фарфорово-голубыми глазами.

— Вы стреляли в меня,— сказал тот укоризненно, держа поднятой маленькую кровоточащую руку.— О, господи!

Человечек быстро впал в истерику, изрекая такой поток рваных сентенций, что Кори отступил на шаг и приподнял ружье для самозащиты. Бормотание состояло из: "Я потерял свои бумаги", и "это не я", и "это ужасно, ужасно, ужасно", и "мертвый человек", и "о, не стреляйте больше, пожалуйста".

Кори дважды безуспешно пытался задать ему вопрос, потом подошел и одним ударом кулака уложил его. Человечек лежал на земле корчился, стонал, и прижимал окровавленную руку к тому месту, куда Кори ударил его.

— Ну, что здесь происходит?

Человечек перестал корчиться перевернулся и сел.

— Я не делал этого!— всхлипнул он.— Нет. Я шел и услышал выстрелы, затем какое-то ругательство и ужасный крик. Я пошел туда и посмотрел, но увидел мертвого человека, и убежал, а вы пришли, и я спрятался, но вы выстрелили в меня, и...

— З а т к н и с ь.

Человечек замолчал, как будто щелкнули выключателем.

— Итак,— сказал Кори, указывая на тропу,— ты говоришь, что там мертвый человек?

Человечек кивнул и начал старательно плакать. Кори помог ему встать.

— Идите по этой тропе ко мне на ферму,— сказал он.— Скажите моей жене, чтобы она перевязала вам руку. Ничего больше ей не говорите. И ждите, когда я приду. Слышите?

— Да. Спасибо. О, спасибо,— человечек шмыгнул носом.

— Теперь идите,— Кори мягко подтолкнул его в правильном направлении, и, с холодным страхом пошел по тропе к месту, где прошлой ночью нашел Альтона.

Сейчас он тоже нашел его здесь, вместе с Кимбо. Кимбо и Альтон провели вместе в глубочайшей дружбе лет: они охотились, дрались, спали вместе, и теперь жизни, которыми они были обязаны друг другу, были закончены. Теперь они оба были мертвы.

Ужасно было, то что умерли они одинаково. Кори Дрю был сильным мужчиной, но он задохнулся и замертво упал на землю, когда увидел, что сделало с его братом и псом существо из плесени.

Человечек в черном торопился вниз по тропе, хныча и держа раненую руку так, что казалось вот-вот упадет на нее. Через некоторое время всхлипывания постепенно затихли, и торопливый шаг сменился ходьбой более спокойной, по мере того, как уменьшался невероятный ужас последнего часа. Он сделал два глубоких вдоха, и сказал:

— Господи,— и почувствовал себя почти нормально.

Он боязливо обвязал запястье носовым платком, но рука продолжала кровоточить. Он попытался перевязать локоть, и это причинило ему

боль. Поэтому он запихнул платок в карман, и просто монотонно махал рукой в воздухе, пока кровь не свернулась. Он не видел великого сырого ужаса, тяжело ступавшего за ним, хотя ноздри его морщились от отвращения.

У чудовища в груди было три близко расположенные дырки, и одна посередине вязкого лба. Три выходные отверстия находились на спине, и одна на затылке. Эти отметины остались там, куда ударили и прошли насквозь пули Альтона Дрю.

Половина бесформенного чудовищного лица была отбита, а в плече виднелась глубокая вмятина — результат удара прикладом Альтона после того, как он использовал ружье как дубину и ударил тварь, которая не ложится после четырех пуль. Когда это произошло, чудовищу не было ни больно, ни обидно. Оно только удивилось, почему Альтон ведет себя так. Теперь оно, совсем не торопясь, следовало за человечком, шаг в шаг сочетая свою поступь с его и оставляя за собой маленькие частички грязи.

Человечек вышел из леса, прислонился спиной к большому дереву на краю леса и задумался. С ним здесь достаточно всего случилось. Какая польза будет, если он останется и предстанет перед следствием по делу об ужасном убийстве, только для того, чтобы продолжить эти смешные, смутные поиски? Где-то глубоко в этом лесу, предположительно, находились развалины старого-старого охотничьего домика, и, может быть, там есть доказательства, нужные ему. Но это только смутная мысль — достаточно смутная, чтобы без сожаления позабыть о ней. Было бы верхом глупости оставаться здесь ради бюрократизма провинциального города, которое последует за этим отвратительным событием в лесу. Следовательно, было бы нелепо последовать совету фермера — идти к нему домой и ждать его. Он пойдет обратно в город.

Чудовище прислонилось к другому боку большого дерева.

Человечек с отвращением засопел от внезапного подавляющего запаха гнили. Он потянулся за носовым платком, повернул его в руке и уронил. Когда он наклонился, чтобы поднять его, рука чудовища прошелестела там, где только что была его голова — удар, которым оно стерло бы эту выпуклость детского личика. Человечек выпрямился и прижал бы платок к носу, не будь он так окровавлен. Существо за деревом снова подняло руку, как раз в тот момент, когда человечек отбросил платок и ступил на поле, направляясь через него к далекому шоссе, что приведет его в город.

Чудовище обрушилось на платок, подняло его, изучило, разорвало несколько раз и исследовало рваные куски. Затем оно отсутствующе поглядело на исчезающую фигуру маленького человека, и найдя его более неинтересным, повернуло к лесу.

* * *

При звуке выстрелов Детка перешла на рысь. Важно было предупредить дядю Альтона о том, что сказал отец, но еще интереснее было выяснить, кого он там убил. О, он убил, конечно. Дядя Альтон не стрелял просто так. Должно быть, медведь, возбужденно подумала она, споткнулась о корень, растянулась и снова перекатилась на ноги, не заметив падения. Она очень хотела иметь в своей комнате медвежью шкуру. Где она ее положит? Может быть, шкура выделается и будет использоваться как одеяло? Дядя Альтон сможет на шкуре и читать вечером... О, нет. Нет. Ведь неприятности между ним и папой. О, если бы только она смогла что-нибудь сделать!

Детка попыталась бежать быстрее, озабоченная и предвкушающая, но выдохлась, и вместо этого пошла медленнее.

На вершине подъема у кромки леса она остановилась и оглянулась. Далеко внизу, в долине, лежала южная тридцатка. Она внимательно осмотрела ее, ища отца. Новые и старые борозды четко отличались, и ее острые глаза немедленно увидели, что Кори, оставив линию культиватором , загнал упряжку в тень деревьев, не закончив ряда. Это на него не похоже. Она могла сейчас рассмотреть упряжку, но бледно-голубой одежды Кори нигде не было видно. Она легко хихикнула про себя при мысли о том, как обманула отца. И легкий звук смеха заглушил для нее хриплый предсмертный крик Альтона.

Она пошла по тропе и пересекла ее, проскользнув за кусты. Выстрелы прозвучали откуда-то отсюда. Несколько раз она останавливалась и прислушивалась, а потом услышала, как кто-то быстро приближается к ней. Она нырнула в кусты, испуганная, и маленький человечек в черном, с детским лицом и широко открытыми глазами от ужаса, слепо пронесся мимо нее. Кожаный портфель, который он нес зацепился за ветку. Мгновение он раскачивался, а потом упал прямо перед ней. Человечек так и не заметил этого.

Долгое время Детка лежала в своем укрытии, затем подобрала портфель и исчезла в лесу. Все происходило слишком быстро для нее. Она хотела найти дядю Альтона, но не осмелилась звать. Детка снова остановилась и напрягла слух. На краю леса она услышала голос своего отца и другого — вероятно, человека, уронившего портфель. Она не осмеливалась пойти туда. Преисполненная захватившего ее ужаса, она задумалась, а потом с триумфом щелкнула пальцами. Вместе с Альтоном они много раз играли здесь в индейцев, у них был целый набор секретных сигналов. Она практиковалась в птичьих голосах, пока не стала знать их лучше, чем сами птицы. Как это будет? Ах, голубая сойка. Она закинула голову и посредством какой-то юной алхимии издала дробящий нервы скрип, какому отдала бы должное любая, когда-либо летавшая сойка. Она повторила его, а затем крикнула еще дважды. Отклик последовал незамедлительно: зов голубой сойки, повторенный четыре раза — два и два. Детка радостно кивнула про себя. Это был сигнал, что они должны встретиться немедленно в Месте. Место было тайное, которое обнаружил

Альтон и поделился с ней и ни одна живая душа не знала об этом: угольник из скал недалеко за ручьем. Не совсем пещера, но почти. Достаточно, чтобы быть заманчивой.

Детка радостно поспешила к ручью. Она знала что, только дядя Альтон помнит о зове голубой сойки и том, что он означает.

На дереве, что изогнулось над разорванным телом Альтона, примостилась голубая сойка и чистила перья, сверкая на солнце. Совершенно не признавая присутствия смерти, едва услышав реалистический крик Детки, она тоже крикнула четырежды — два и два.

* * *

Больше, чем минуту, потребовалось Кори, оправиться от увиденного. Он отвернулся от этого зрелища и почти без сил прислонился к сосне, тяжело дыша. Альтон. Это Альтон лежал там — частями.

— Боже! Боже! Боже! Боже...

Силы постепенно возвратились к нему, и он заставил себя снова повернуться. Осторожно ступая, он подошел, наклонился и подобрал 32-40. Дуло его было блестящим и чистым, но ложе и приклад испачканы какой-то вонючей гнилью. Где он видел до этого такое? Где-то видел, — но это сейчас не важно. Он рассеянно счистил грязь, после чего выбросил испоганенный носовой платок. Ему на ум пришли слова Альтона — это было только прошлой ночью: "Я собираюсь начать идти по следу. И буду идти, пока не найду того, кто сотворил это с Кимбо".

Кори искал, морщась, пока не нашел Альтоновой коробки с патронами. Коробка была сырая и липкая. Он отошел на небольшое расстояние, покружил вокруг, пока не нашел следов существа шедшего тяжелым шагом, потом вернулся.

— Я пойду по следам вместо тебя, дружище,— пробормотал он хрипло и двинулся вперед. Он шел за колеблющимся следом через кусты, изумляясь количеству рассыпанной мерзкой плесени, постепенно связывая это с тварью, которая убила его брата. Для него перестало существовать все в мире, кроме ненависти и упорства. Проклиная себя за то, что прошлой ночью не увел Альтона домой, он прошел по следам к краю леса. Они подвели его к большому дереву, и там он увидел кое-что еще — следы человечка из города. Поблизости валялись полоски льняной материи — что это такое?

Еще одна цепочка следов — маленьких. Маленьких, с тупыми носками.

— Детка!

Нет ответа. Вздыхает ветер. Где-то поблизости кричит голубая сойка.

* * *

Детка остановилась и обернулась, услышав голос отца, слабый на большом расстоянии.

— Подумать, как надрывается,— восхищенно напевала она.— Ого, орет как сумасшедший.

Она непочтительно послала ему крик голубой сойки и поспешила к Месту.

Место состояло из гигантского валуна рядом с ручьем. Какое-то поднятие в ледниковый период расщепило его, вырезав огромный У-образный ломоть. Самая широкая часть расщелины находилась у кромки воды.

Детка развела в сторону ветки кустов и заглянула в пещеру.

— Дядя Альтон,— тихо позвала она. Ответа не было. А, ладно, он придет. Она заползла внутрь и соскользнула на пол.

Ей нравилось бывать здесь. Место было затаенное и прохладное, говорливый ручей наполнял его переменчивыми золотыми огнями, смеющимся журчанием. Она позвала снова, из принципа, а затем примостилась ждать на выходе породы. И только тогда она осознала, что все еще таскается с портфелем маленького человечка.

Она перевернула его пару раз, потом открыла. Внутри посередине он был разделен кожаной перегородкой. С одной стороны лежало несколько бумаг в большом желтом конверте, с другой — бутерброды, леденцы и яблоко. Детка накинулась на все это, с юношеским благодушием принимая манну с небес. Она приберегла один бутерброд для Альтона, большей частью потому, что ей не нравилась его сильно приправленная болонская колбаса. Из всего остального получилось настоящее пиршество.

Когда была съедена даже сердцевина яблока, а Альтона все не было, она начала беспокоиться. Детка встала и попыталась пустить несколько голышей по бегущей воде ручья, затем постояла на руках, и попыталась придумать историю, чтобы рассказать ее самой себе, и потом просто попробовала подождать. Наконец, в отчаянии, она снова вернулась к портфелю, вытащила бумаги, скрючилась у скалы-стенки, и стала читать. Все-таки хоть какое-то дело.

В конверте оказалась вырезка из старой газеты, в которой говорилось о странных завещаниях, оставляемых людьми. Старая леди однажды оставила кучу денег, тому кто совершит путешествие с Земли на Луну и обратно. Другая финансировала дом для бесхозных кошек. Мужчина оставил тысячу долларов тому, кто решит определенную математическую задачу и обоснует решение. А один из примеров был подчеркнут синим карандашом. В нем говорилось:

«Одно из самых странных завещаний, по-прежнему остающихся в силе, это завещание Тадеуса М. Кирка, умершего в 1920 году. Оказалось, что он построил сложный мавзолей с погребальными склепами для всех

останков своей фамилии. Чтобы заполнить предназначенные ниши, он собирал и перемещал гробы по всей стране. Кирк был последним в своей линии, и когда он умер, родственников не осталось. В его завещании говорится, что мавзолей должен поддерживаться в хорошем состоянии, и что должна быть отложена определенная сумма в качестве вознаграждения тому, кто сможет представить тело его дедушки, Роджера Кирка, чья ниша до сих пор пустует. Любой, нашедший это тело, имеет право на получение значительного состояния.»

* * *

Детка рассеянно зевала над этим, но продолжала читать, потому что делать было нечего. Следующим шел плотный листок деловой переписки, носящий печатный заголовок юридической фирмы. Основная часть его гласила:

«Что касается вашего запроса относительно завещания Тадеуса Кирка, мы уполномочены заявить, что рост его дедушки был около пяти фунтов и пяти дюймов, левая рука была сломана, он также имел встроенную в череп треугольную серебряную пластинку. Информации о его приблизительном месте нахождения в момент смерти не имеется. Он исчез, и по прошествии четырнадцати лет был легально объявлен умершим.

Величина вознаграждения, как указывается в завещании, плюс выросшие проценты, сейчас составляет чуть больше шестидесяти двух тысяч долларов. Они будут выданы любому, кто предъявит останки, при условии, что вышеуказанные останки отвечают описанию, хранящемуся в личном архиве.»

Там было что-то еще, но Детке стало скучно. Она перешла к маленькой записной книжке. В ней ничего не было, кроме карандашных и очень сокращенных записей о посещении библиотек, выдержки из книг с такими названиями, как "История графства Ангелина и Тайлер" и "История семьи Кирк". Детка это тоже отшвырнула. Где же дядя Альтон?

Она начала мелодично напевать: "Ту маду-малум-тум-та-та-та", делая вид, что танцует менуэт в воздушных одеждах, как девушка, виденная ею в кино. Шорох кустов у входа в Место остановил ее. Она глянула вверх и увидела, что кусты раздвигаются.

Детка быстро подбежала к маленькому тупику в скальной стене, как раз достаточно большому, чтобы ей спрятаться. Она захихикала при мысли, как будет изумлен дядя Альтон, когда она выпрыгнет на него.

Слышно было, как новоприбывший, шаркая, спустился по крутому склону и тяжело опустился на пол. Было что-то в этом звуке тревожное, но что? Ей пришло в голову, что не слышно тяжелого дыхания, хотя для такого большого человека как дядя Альтон пробраться сквозь маленькое

отверстие в кустах — тяжелая работа. Она не слышала вообще никакого дыхания.

Детка выглянула в главную пещеру и завизжала от невыносимого ужаса. Там стоял не дядя Альтон, а массивная тварь, похожая на карикатуру на человека: огромная тварь,напоминающая неуклюжую куклу из грязи. Оно колыхалось, и одни части его влажно поблескивали, а другие подсыхали и крошились. Половина нижней части лица исчезла, придавая ему перекошенный вид. Оно не имело различимого рта или носа, и глаза были кривыми, один выше другого, оба грязно-коричневого цвета, без белков. Оно стояло совершенно спокойно, глядя на нее, единственным движением было нездоровое, неживое колыхание.

Оно раздумывало о странных звуках, издаваемых Деткой.

Детка заползла в самый конец маленького каменного кармана, голова у нее кружилась. Она открыла рот, но не смогла закричать. Глаза ее выпучились, лицо побагровело от удушающего усилия, а два золотых каната ее кос дергались в разные стороны, пока она безнадежно искала выход. Если бы только она была снаружи, или в клинообразной пещере, где не находилось существо, или дома в кровати.

Существо тяжело двинулось к ней, невыразительное, движущееся с медленной неотвратимостью, представляющей из себя саму суть ужаса. Детка лежала замершая, с широко распахнутыми глазами, нарастающее давление ужаса остановило ее легкие, заставило сердце сотрясаться в испуге.

Чудовище подошло к устью маленького кармана, попыталось пробраться к ней, но было остановлено стенами. Это была очень узкая маленькая расщелина и Детка сделала все, чтобы забраться поглубже. Существо из леса стояло у скал, напрягая плечи, нажимая все сильнее и сильнее, стараясь добраться до Детки. Она находилась, так близко от существа, что его густой запах почти можно было видеть. В ее безголосом страхе вспыхнула дикая надежда. Оно не может войти! Оно не может, потому что слишком большое!

Вещество его ног медленно расплющивалось под громадным напряжением, и на плече появилась легкая трещина. Трещина расширялась, так как нечувствительное к боли чудовище продолжало вдавливаться в скалу.

Внезапно большой кусок плеча отвалился, и существо, не устояв,слякотно упало на пол . Оно спокойно лежало, не спуская с нее глаз, потом подняло толстую руку и потянулось.

Детка отползла еще на дюйм дальше, что уже считалось невозможным, и мерзкая рука-дубинка погладила ее спину, оставив гадкий след на синем полотне рубашки. Чудовище внезапно дернулось, и лежа теперь в полную длину, выиграло последний драгоценный дюйм. Черная рука схватила ее за одну из косичек, и все огни для Детки погасли.

Когда она пришла в себя, то свободно раскачивалась на своих волосах, сжимаемых той же покрытой коркой лапой. Оно держало ее высоко, так, что ее лицо и его бесформенную голову разделяло не более фута. Оно разглядывало ее с умеренным любопытством в глазах и медленно раскачивало в воздухе. Боль от выдергиваемых волос сделала то, что не смог сделать страх — вернула ей голос.

Она закричала. Она открыла рот и извлекла звук во всю мощь своих легких. Связки ее остались в положении первого крика, и грудь трудилась, прокачивая все больше воздуха сквозь застывшее горло. Крики были монотонными, резкими и бесконечно пронзительными.

Существо не возражало. Оно держало ее и наблюдало. Когда оно узнало все, что могло от этого феномена, оно со стуком уронило ее и оглядело полупещеру, игнорируя парализованную, неловко лежавшую Детку. Затем оно потянулось, подняло кожаный портфель и дважды разорвало его поперек, как будто это была тонкая тряпка. Оно увидело оставленный Деткой бутерброд, подняло его и уронило.

Детка открыла глаза, увидела что свободна, и в тот самый момент, когда существо повернулось к ней спиной, нырнула между его ног наружу, в мелкое озеро под скалой. Переплыла его и визжа выскочила на противоположный берег. В ней пылал злобный огонь ненависти: она подобрала камень величиной в грейпфрут и швырнула со всей своей силой. Камень полетел низко, и ударившись, расплющил колено чудовища. Существо как раз делало шаг к воде. Камень поймал его в неустойчивой позе, и ненатренированное чувство равновесия не смогло спасти его. Долгое, молчаливое мгновение оно шаталось на кромке, а затем плюхнулось в ручей. Детка, больше не глядела и с визгом бросилась прочь.

* * *

Кори Дрю шел по следу комков плесени, каким-то образом обозначавшим путь убийцы, и был уже близко, когда в первый раз услышал крик. Он перешел на бег, уронив свой дробовик и держа готовый к стрельбе винчестер. Он бежал с такой смертельной паникой в душе, что пробежал мимо громадной расщелины и был уже в сотне ярдов за нею, когда Детка выскочила на берег ручья. Чтобы поймать ее, ему пришлось бежать быстро и тяжело, потому что для нее все, что было за нею, было безграничным ужасом пещеры, и она жила только одной мыслью — убраться подальше оттуда. Он поймал ее и развернул к себе лицом, а она продолжала все кричать и кричать.

Детка совсем не замечала Кори, даже когда он взял ее на руки и стал успокаивать.

* * *

Чудовище лежало в воде. Ему и нравился и не нравился этот новый элемент.

Оно лежало на дне, массивные голова и ноги над поверхностью воды, и с любопытством раздумывало над запасенными фактами. Чудовище побудил исследовать пещеру гудящий звук голоса Детки. В пещере был черный материал портфеля, гораздо сильнее сопротивляющийся разрыву, чем зеленые штуки. Было маленькое двуногое, которое пело и привлекло этим его внимание. И которое закричало, когда оно пришло. Была эта новая движущаяся штука, в которую оно упало. Она размывала его тело. Этого еще не случалось. Это интересно. Чудовище решило остаться и понаблюдать за этим новым явлением. Оно не чувствовало побуждения спасаться: оно могло только любопытствовать.

Ручей, смеясь, бежал из своего источника, кивая солнечным лучам и принимая в себя родники и ручейки-помощники. Он журчал и играл развевающимися корешками, и слегка подталкивал в этих заводях гольянов и пескарей. Это был веселый ручей. Войдя в озерко у расщепленной скалы, он обнаружил там чудовище и принялся за него. Он смывал мерзкое вещество, расправлял и растворял плесень, и воды под существом темно заклубились от его растворенной материи. Это был старательный ручей. Он настойчиво отмывал все, чего касался. Там, где находил грязь, он удалял ее, а если находил наслоения грязи, то удалял один отвратительный слой за другим.

Это был хороший ручей. Он не возражал против яда чудовища, а схватывался с ним, разжижал и распространял его маленькими кольцами вокруг скал ниже по течению, и давал ему плыть по течению к корешкам водяных растений, чтобы те могли расти еще зеленее и красивее. И чудовище растворялось.

"Я меньше",— думало чудовище.— "Это интересно. Теперь я не могу двигаться. И теперь та часть меня, что думает, тоже исчезает. Через короткое время оно кончится и уплывет вместе со всем остальным телом. Я прекращу думать и прекращу существовать, и это тоже интересно".

Так существо растворялось и загрязняло воду, но вода вновь становилась чистой, и мыла и мыла скелет, оставленный чудовищем. Он был не очень большим, и на левой руке была плохо залеченная трещина. Солнечный свет трепетал на треугольной серебряной пластинке, вставленной в череп, и теперь скелет был очень чист. Ручей смеялся над ним.

* * *

Они обнаружили скелет, шестеро мужчин с угрюмо сжатыми губами, пришедшие, чтобы найти убийцу. Ни один из них не поверил Детке, когда через несколько дней она поведала им свою историю. Перед этим Детка визжала семь часов без остановки и день лежала, как мертвая.

Никто ей не поверил, потому что весь ее рассказ был о плохом дяде, а они знали, что плохой дядя — это просто тот, что придумал ее отец, чтобы пугать ее. Но скелет нашли благодаря ей, и потому люди в банке прислали чек Дрю на такое количество денег, что они и не мечтали. Это был старый Роджер Кирк, без сомнения, его скелет, хотя он был найден за пять миль от того места, где умер и погрузился в лесную почву, где горячая плесень сформировалась вокруг его скелета — и породило чудовище.

Так семья Дрю получила новый участок земли, прекрасный домашний скот, и наняла четырех человек. Но у них не было Альтона. И у них не было Кимбо. И Детка кричала по ночам и очень плохо росла.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательство вторично приносит Вам извинения за незначительные изменения тематического плана, о чем сообщалось нами в десятом томе. Отвечая на многочисленные вопросы о судьбе шестого тома серии, спешим сообщить, что в ближайшее время выйдет в свет 14-ый том с остросюжетным фантастическим боевиком Рэндэла Фрэйкса "Терминатор", гармонично вписывающимся в наш сериал "Звездные войны". Сразу же после этого мы приступаем к изданию шестого тома, носящего название "Вампиры Лос-Анджелеса".

Помимо этого, в 1993-ем году нами запланировано издание следующих книг серии:

12 том. "Пятые звездные войны".
13 том. "Шестые звездные войны".
15 том. "Седьмые звездные войны".

НО НА ЭТОМ СЕРИЯ НЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ...

С уважением...

А. САЯПИН.

ПО ВОПРОСАМ ОПТОВОГО ПРИОБРЕТЕНИЯ
НАШИХ КНИГ ПРОСИМ ОБРАЩАТЬСЯ:

Тел. в г.Смоленске: /08122/ 9-95-80 /представитель издательства/.
Тел. в г.Смоленске: /08122/ 1-14-60 /домашний/.

Scan Kreider

СОДЕРЖАНИЕ

1. Воины Рассвета 3
2. Космический старатель 153
3. Ловушка Проксима Центавра 212
4. Спейс работает по найму 249
5. Пятнадцать отважных 317
6. Чудовище 392

МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР

"Четвертые звездные войны". /Библиотека зарубежн. крим. и прикл. романа/. Выпуск 11.
Издано при содействии производственной фирмы "Мелор".

Художественный редактор А. САЯПИН
Технический редактор Л. ЗАИЧКИНА

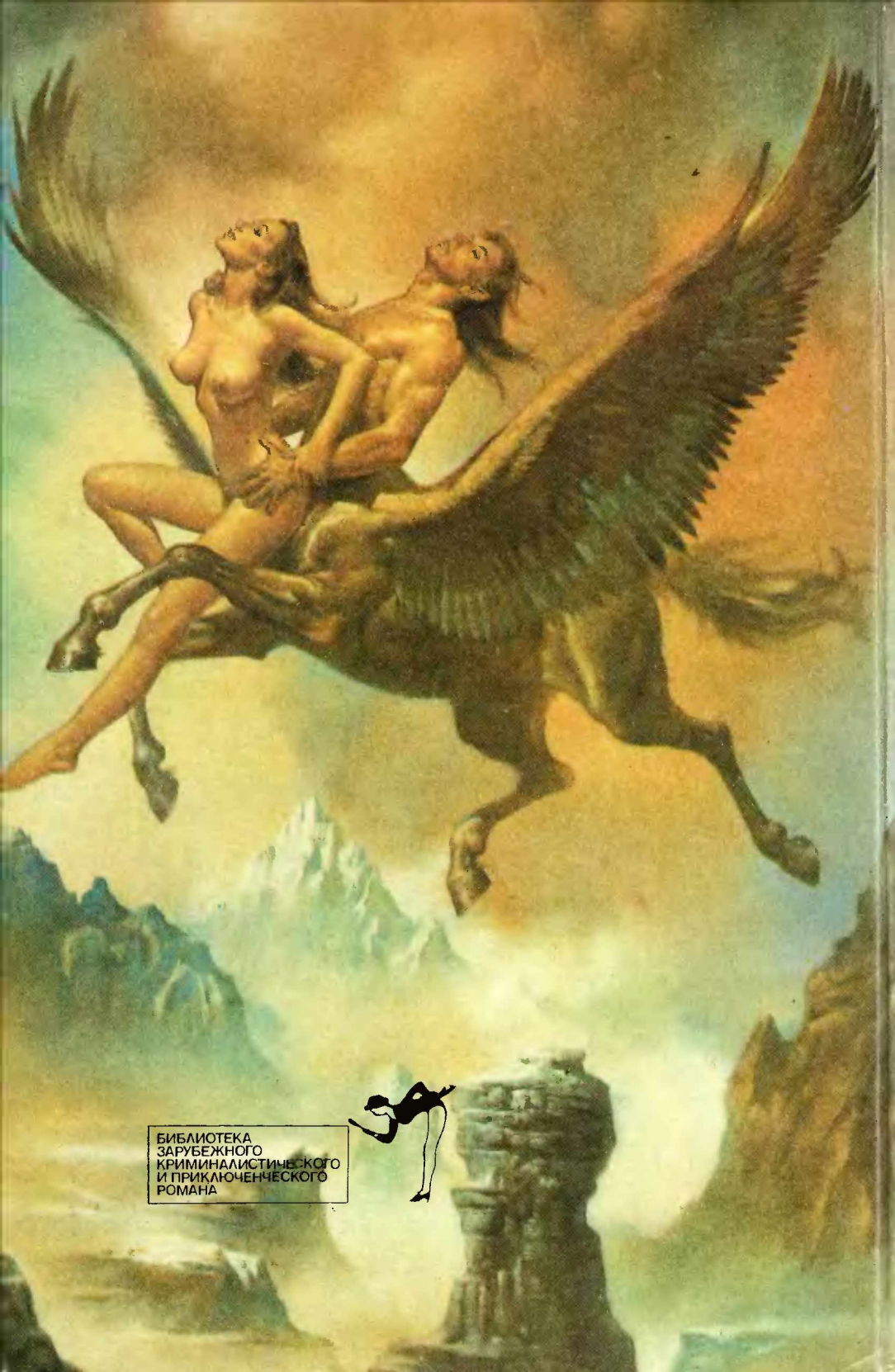
Сдано в набор 21.01.93г. Подписано в печать 15.03.93. Формат бумаги 60x90 1/16. Бумага офсетная N2. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 27, 1. Заказ N 3798. Тираж 100 000 экз. Заказное.

"Библиотека "Лооминг". EE0001. Эстония, г. Таллин, ул. Харью, 1.
Отпечатано на Смоленском полиграфкомбинате. 214020., г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

Качество печати соответствует качеству представленных издательством диапозитивов.

Диапозитивы изготовлены А/О «АМИПРЕСС».
214019, г.Смоленск, а/я 57.
Тел.: /08100/ 5-23-27, факс: /08100/ 5-06-24.

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА